

Феликс
Кандель

Феликс
Кандель

Книга времен и событий

6 история евреев
Советского
Союза (1945–1970)

КНИГА времен и событий

6

Феликс
Кандель **6** история евреев
Советского Союза
(1945–1970)

Феликс
Кандель

Книга
ремен и событий

6 история евреев
Советского
Союза (1945–1970)

Научный редактор
Марк Кипнис

Г Е Ш А Р И М
ИЕРУСАЛИМ
5767

МОСТЫ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2007

Автор благодарит всех, кто в разные времена помогал ему подбором материалов, советом, замечаниями или словами ободрения во время долгих лет работы над шестью томами «Книги времен и событий». Это – Т. Абрина-Кандель, И. Авербух, Д. Бейлина, Г. Бирин, М. Богомольная, Э. Валк, П. Гиль, А. Глузман, И. Гольденберг, Б. Дворина, проф. М. Занд, А. Зельцер, Б. Кандель, С. Кушнир, Л. Любарский, проф. Ш. Маркиш, И. Пинский, Н. Прат, И. Светова, проф. И. Серман, А. Таратута, А. Торпусман, проф. В. Файн, М. Фербер, А. Фиглин, проф. Ш. Штампер, проф. Ш. Этингер...

Феликс Кандель

Книга времен и событий. История евреев Советского Союза (1945–1970).
Том 6. М.: Мосты культуры, 2007. – 560 с.

На обложке помещена фотография из книги Ц. Гительмана
«A Century of ambivalence».

Книга издана при поддержке Благотворительных фондов
«Феникс» и «Российский Еврейский Конгресс»

PHOENIX CHARITABLE FOUNDATION

Автор благодарит фонд «Надав»
за предоставленный грант для написания книги

Издатель
Михаил Гринберг

Художник серии
Наташа Григорьева

Художественный редактор
Даниэль Менделевич

Зав. редакцией
Инна Аблина

33041 ספרים 20 ערך 5
ספרים
6597/6

ISBN 9785932732490

© Феликс Кандель, 2007
© Издательство «Мосты культуры», 2007

Эта книга – популярный рассказ об истории евреев Советского Союза – является хронологическим продолжением прежних работ автора на ту же тему. Книга охватывает период с 1945 по 1970 год: первое послевоенное время, усиление бытового и государственного антисемитизма, последние годы жизни И. Сталина, времена правления Н. Хрущева и Л. Брежнева – вплоть до того момента, когда стал возможным массовый выезд евреев из Советского Союза.

Следует непременно отметить: чем ближе повествование подходит к настоящему времени, чем больше очевидцев тех событий, тем больше опубликованных воспоминаний, которые нередко противоречат друг другу в датах, фактах и оценках. Человеческая память несовершенна, она подвержена личным пристрастиям со своими симпатиями и антипатиями, способными исказить общую картину, – а потому при использовании свидетельств современников невозможно избежать ошибок, которые автор надеется выявить и исправить в последующих изданиях этой книги.

Надо обратить внимание еще на одно немаловажное обстоятельство. В годы советской власти увидели свет воспоминания видных деятелей страны, располагавших уникальной информацией. Их книги проходили через строжайший цензурный контроль; содержание их мемуаров трудно считать достоверным, так как – по определению современника – «историки, партийные журналисты, военные... все наперебой учили... что и как должен вспоминать (мемуарист), о чем и каким образом размышлять».

Н. Мандельштам написала в конце 1960-х годов: «Как будут историки восстанавливать истину, если везде и всюду на крупницу правды наслоились груды чудовищной лжи? Не предрассудков, не ошибок времени, а сознательной и обдуманной лжи?..» Эта книга выходит в свет в начале двадцать первого века, когда историки получили доступ во многие советские архивы, – но всё ли известно и сегодня, удастся ли, в конце концов, разгрести «груды обдуманной лжи», которые скопились за годы существования Советского Союза?..

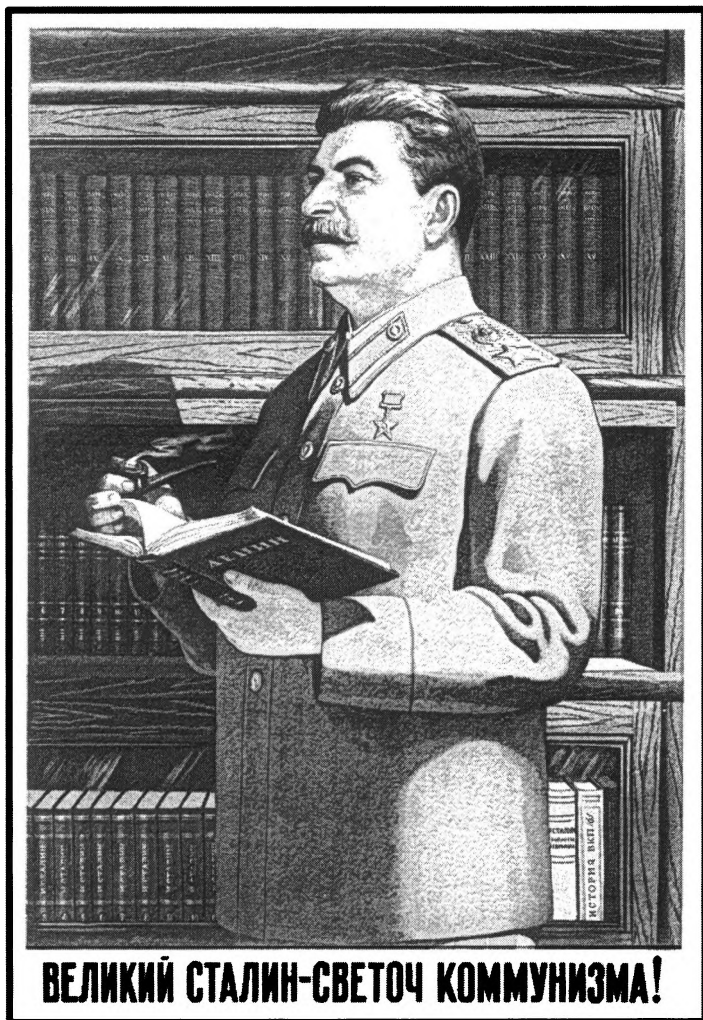
Иерусалим, 2007 год

Часть пятнадцатая

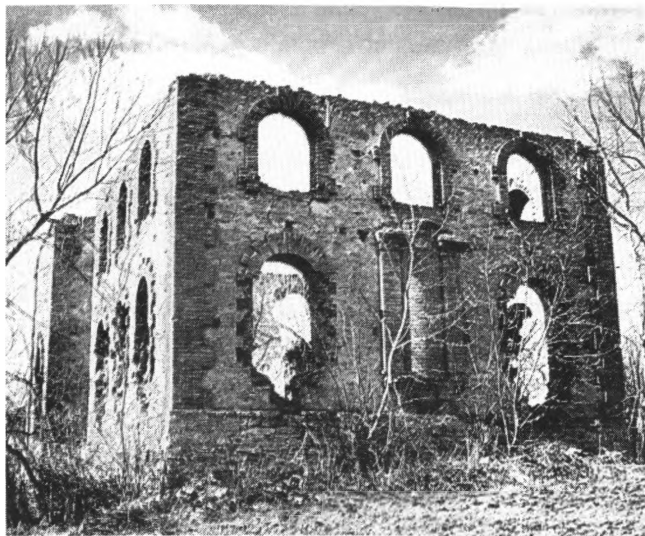
Возвращение на освобожденные территории. Замалчивание Катастрофы. Еврейская жизнь в первые послевоенные годы

ВЕЛИКИЙ СТАЛИН-СВЕТОЧ КОММУНИЗМА!

Очерк шестьдесят девятый

Возвращение на освобожденные территории

1

А. Дубицкий (Рокитно, поселок Ровенской области, Украина):

«Всё, что было для меня так дорого и свято, – погибло, погибло навсегда и не воскреснет вновь.

Я завидую Ною, он погиб как герой вместе со своей женой. Он шел к яме вместе с Кларой, Люсечкой и Сусанночкой. Он громко произносил слова покаяния: «Ашамну, багадну, газалну...» («Виновными были мы...»), а они повторяли за ним и с этими словами ушли из мира сего...

А я, ничтожный и ненужный человек, брожу вдоль разрушенных улиц Рокитно как тень. Влачу свое жалкое существование. Во имя чего?..»

2

Еще шла война, которую во всем мире называли Второй мировой войной, а в Советском Союзе – Великой Отечественной; еще впереди были бои на фронтах, огромные жертвы и разрушения, а на освобожденных территориях уже подсчитывали потери, которые эта война принесла.

«В Бердичеве пылают пожары. При въезде в город стоит сожженный «Тигр». На Соборной площади кучи кирпича, битого стекла. Повсюду густой налет черной копоти. В уцелевших домах пусто, но кое-где уже появляются первые признаки возвращающейся жизни, начинают дымить трубы...»

«Мертвый одесский порт, темные улицы, электростанция взорвана... Страшные развалины: пустые коробки цехов, неровные, изгрызанные стены, груды кирпича, изогнутые балки перекрытий... кое-где струйки дыма...»

«И вот мы в Минске... Всё вокруг разрушено, много сожженных домов – остались лишь фундаменты да кирпичные трубы. От увиденного защемило сердце, хотелось плакать...»

«Тротуары города Ровно вымощены могильными плитами с еврейского кладбища, синагоги с зияющими дырами, без окон и дверей. Свитки Торы поруганные, изрезанные и изорванные на кусочки. Молитвенники, Библии, Талмуды свалены в кучу и загажены...»

«Еврейские дома в Серниках превращены в груды пепла. Оторванные двери, разбитые окна... Земля, на которой раньше возвышалась синагога, распахана и превращена в огороды...»

Е. Гехтман, из «Черной книги» (Браилов, Винницкая область):

«23 марта 1944 года в предвечерний час я увидел издали Браилов... Триста километров пришлось одолеть, пока я добрался сюда с другого участка фронта... На придорожном столбе мне бросилась в глаза табличка. По-немецки и по-украински было написано: «Город без жидов». Всё сразу стало ясно. Торопиться уже было некуда.

Я окликнул шустрога паренька, выглянувшего из хаты, велел ему взять топор и срубить столб с этой надписью.

– Разве можно это сделать, дядя?

– Не только можно, но обязательно нужно срубить, – сказал я. – Надпись не соответствует действительности. Видишь, я пришел в Браилов, значит, один еврей там уже будет...

Я хожу по местечку, совершенно уцелевшему, во многих домах сохранились даже стекла в окнах, но не встречаю ни одного живого человека... Только одичавшие кошки изредка перебегают пустую улицу. Иду дальше, и мне страшно повернуть голову направо: там должен стоять дом, в котором я родился...

Подхожу к окнам, рассматриваю стены, сохранившие следы крови, свалявшийся пух из подушек на полу, и мне не о чем уже расспрашивать. Да и кого спросить? По соседству жил Иосиф Суконник, дальше работал шапочник Груцкий, вот квартира Лернера, Гольдмана, Лумера, Харнака – никаких следов жизни...

Вдруг кто-то окликнул по-еврейски:

– Товарищ Гехтман!

Ко мне бежало пять человек – трое мужчин, одна женщина, еще девочка-подросток... Это были чуть ли не единственные жители Браилова, оставшиеся в живых...

Мне пора было уезжать.

– У меня к вам большая просьба... – сказал портной Абрам Цигельман. – Я остался на старости совсем одиноким – без семьи, без друзей, без родных. Жить не для кого. Но у меня кипит злость в душе... Я не хочу, чтобы Браилов был без евреев, я останусь здесь. Пусть первое время даже один... Помогите вернуть мою швейную машину, я ее узнал в доме бежавшего полицейского. Можете не беспокоиться, портной Цигельман сумеет заработать на жизнь. А в свободные часы я буду сидеть там, на мельнице, у ямы. Там похоронено всё, что у меня было, там ведь и все ваши...

Через несколько часов швейная машина была водворена в дом Цигельмана. Когда я уезжал, в местечке слышался ее прерывистый стук. Единственный портной Браилова приступил к работе...»

3

Закончилась та война, и живые вернулись к живым, утешились, как смогли, наверстали упущенное, как сумели, а убитые так и остались лежать на необозримых погостах мира, и среди них – погибшие напоследок, в последние дни боев, словно где-то не сходилась баланс и кому-то еще недоставало жертв для круглого счета.

Это была поистине великая победа, оплаченная невероятным количеством жертв. Советский Союз потерял на фронтах и в тылу 26,6 миллиона человек (без учета людских потерь от снижения рождаемости во время войны и повышенной смертности в послевоенные годы). Войска противоборствующих сторон прошли с ожесточенными боями от западных границ СССР до Москвы и Сталинграда, затем в обратном направлении, что привело к огромным потерям среди гражданского населения страны.

Погибло почти 18 миллионов мирных жителей, в два раза превысив потери Красной армии на всех фронтах. Это были убитые от бомбежек и артиллерийских обстрелов, умершие на каторжных работах в Германии, замученные в лагерях уничтожения, расстрелянные во время карательных акций на оккупированных территориях. К этому перечню следует добавить партизан, павших в боях, жителей блокадного Ленинграда, умерших от голода, граждан в тылу, не выдержавших испытаний

военного времени, а также погибших в лагерях ГУЛАГа и в результате депортаций немцев Поволжья, калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар и других высланных народов.

Убыль населения страны после той войны составила почти 14% от довоенного его количества; в Белоруссии погиб каждый четвертый житель республики, огромны были потери на Украине и в западных районах РСФСР.

В Краснодарском крае население сократилось на 18%, в Ставропольском крае – на 22,4%, в Воронежской области – на 28%, в Курской – на 24,3%, в Сталинградской – на 30,1%, в Ростовской области – на 31%.

За годы войны были полностью или частично разрушены и сожжены 1710 городов и поселков Советского Союза, более 70 000 сел и деревень, 32 000 фабрик, заводов, электростанций; взорваны мосты, плотины и 65 000 километров железнодорожных путей; уничтожены школы, театры, музеи, библиотеки, больницы, без крова осталось 25 миллионов человек.

В РСФСР оказались разрушенными около 3 миллионов зданий. На Украине лежали в развалинах почти все города и поселки, пострадало более 28 000 сел и деревень, около 10 миллионов человек оказались без крыши над головой. В Белоруссии были уничтожены около 200 городов и 9200 деревень, 3 миллиона жителей лишились своих жилищ. В Молдавии пострадали от бомбардировок, пожаров и уличных боев Кишинев, Бельцы, Тирасполь, Бендеры; в Латвии – Рига, Даугавпилс, Резекне; в Литве – Вильнюс, Клайпеда, Шяуляй; в Эстонии – Таллин, Тарту, Нарва.

Немцы увозили в Германию иконы, фарфор, бронзу, картины, редкие книги, рукописи и другие ценности из церквей, библиотек и музеев. Были уничтожены или повреждены сотни памятников истории и культуры Ленинграда, архитектурные ансамбли его пригородов – Павловска, Петергофа и Царского Села. В Новгороде пострадали памятники древнерусской архитектуры; в Софийском соборе сняли кресты, содрали золоченые листы с купола, увезли в Германию старинные иконы и рукописи. Нацисты разгромили усадьбу Л. Толстого в Ясной Поляне, разрушили музей П. Чайковского в Клину, в поселке Полотняный Завод сожгли дом-музей А. Пушкина, в Калуге – дом-музей К. Циолковского.

Были уничтожены или вывезены из страны архивы многих городов. Книги из библиотек отправляли на переработку на бумажные фабрики, книгами отапливали помещения и мостили дороги, чтобы автомобили не застревали в грязи. В Калининне сгорела областная библиотека – 500 000 томов; в Одессе уничтожили библиотеку, в которой было 2 миллиона книг.

27 января 1945 года части Красной армии вошли в лагерь уничтожения Освенцим. 11 апреля американские войска освободили узников Бухенвальда, еще оставшихся в живых. 15 апреля англичане заняли Берген-Бельзен. 5 мая американцы вошли в Маутхаузен, а 8 мая заключенные Терезиенштадта увидели солдат Красной армии. Война в Европе закончилась, подошло время подсчитывать общие потери и потери еврейского населения.

Примерно 6 миллионов евреев погибло от рук нацистов и их помощников, среди них – более одного миллиона детей. Их уничтожали в Польше и Советском Союзе, в Румынии, Венгрии и Чехословакии, в Германии и Австрии, Греции, Франции, Югославии, в странах Северной Африки.

По приблизительным подсчетам, погибло не менее 2 миллионов 700 000 евреев на территории СССР; это составило более 50% еврейского населения, находившегося в стране к первому дню войны. На Украине уничтожили 60% еврейского населения, в Белоруссии – до 80%, в Литве – 95% довоенного количества; большие потери понесли евреи РСФСР, Молдавии, Латвии и Эстонии.

Уцелела часть евреев в румынской зоне оккупации на юге Украины, уцелели евреи в партизанских отрядах, а также скрывавшиеся по поддельным документам, прятаясь у местных жителей и те немногие, которым удалось выжить в гетто, рабочих лагерях и лагерях уничтожения.

Исследователи подсчитали, что на захваченных территориях СССР погибло не менее 13,7 миллиона советских граждан разных национальностей. Из них преднамеренно истребленных – 7,4 миллиона, умерших на принудительных работах в Германии – 2,2 миллиона, погибших от жестоких условий оккупационного режима – 4,1 миллиона. Среди преднамеренно истребленных евреев СССР составили не менее 35%, среди общего количества жертв на оккупированных территориях – около 20%.

Повторим: народы СССР потеряли на фронте, в оккупации и в тылу 26,6 миллиона человек. Евреи составили среди них более 10% общих людских потерь (насчитывая перед войной 2,5% населения страны).

Жертвами нацистов оказались граждане разных национальностей, но лишь еврейское население убивали повсюду планомерно, систематически, беспощадно – за то, что они родились евреями. Спасения не было

никому. Каждый еврей, даже принявший иную веру, считался врагом от рождения и был приговорен к уничтожению.

Александр Куперман (Бершадь, Украина): «Мы с мамой подсчитали погибших среди самых близких и родных на фронтах, в гитлеровских концлагерях и гетто – 93 человека...»

Елизавета Бруш (Бар, Украина): «Всего в гетто погибло наших родных – 106 человек, на фронте – 38...»

Ефим Давидович (Минск): «В этой могиле лежат мой отец и моя мать, три брата, 78 близких родственников. Моей матери было 39 лет, а братья – совсем мальчишки. Мертвые остаются молодыми...»

Ефим Зайденберг: «Кроме меня бежали из гетто и остались в живых Поля Кантор, Эстер Гольцман, Фишл Шмайгер, его сестра Аня Шмайгер-Кияновская и Боря Шраер. Еврейское местечко Любар исчезло, дома разобрали и уничтожили...»

«Товарищ, – останавливаю кого-то, – не знаете ли вы, где здесь можно встретить евреев?» – «Жидов? – В меня упирается пристальный, изучающий взгляд. Затем указательный палец тычет в небо: – Они все там...»

Из писем И. Эренбургу:

«Я – солдат, защищал Ленинград и воевал за Харьков, форсировал Днепр и дрался за Днестр. Я побывал в родном местечке. Горе, великое горе! Вместо жителей я нашел яму возле железнодорожной насыпи, где расстреляно и живьем закопано 1700 человек. Все, кто остался в живых... две обезумевшие от ужаса женщины и несколько детей...»

«Я проехал почти всю Эстонию, Литву и Польшу и нигде не встретил ни одного еврея, только домики в городах и местечках будто плачут по своим обитателям... За что нас везде преследуют? Почему мы вечно гонимы?.. Неужели мы хуже других народов?..»

5

Ружка Корчак (Вильнюс, первые дни после освобождения):

«Как и прежде, на рынке полно народу. Торговки завертывают селедку в страницы, вырванные из книг Танаха. Под лотками свалены разодранные тома из знаменитой еврейской типографии братьев Ромм...»

После освобождения города вынырнули прятавшиеся евреи... Некоторые из них почти год прятались в канализационных трубах в уверенности, что на поверхности нет ни одного живого еврея и все уцелевшие – в подземелье... Их лица, обтянутые зеленоватой кожей, кривит улыбка,

смахивающая скорее на гримасу, когда они представляются: «Мир зейнен ди иден фун ди канален» («Мы – евреи из канализации»)...

Позади меня идет женщина с мальчиком; я внезапно улавливаю, что мать разговаривает с сыном на идиш. Стою посреди улицы и плачу – сподобилась увидеть живого еврейского ребенка...»

Еще шли бои на фронтах, а в освобожденные районы уже возвращались евреи из эвакуации, возвращались и уцелевшие в лагерях, лесах и укрытиях. Они торопились в надежде, что их родные уцелели и тоже вернутся; они ждали месяцами, но никто не появлялся – в их домах жили чужие люди, ели за их столами, спали в их кроватях, носили их одежды, чужие дети пользовались игрушками их погибших детей. Стены вокзальных помещений были испещрены надписями с именами и адресами; возле них стояли люди и читали эти надписи в надежде узнать хоть что-нибудь о пропавших родных и друзьях.

Ида Осиновская: «В начале 1944 года опухшие от голода, без вызова, где на подводе, где в теплушках с солдатами – добрались до Каховки. Дом наш был разбит. Мы жили у соседей, мама помогала копать картошку...»

Нисан Пейсах (местечко Новоселица, Бессарабия): «Наш дом стоял одинокий, пустой, без окон и дверей. Повсюду были горы мусора, небраный хлам. На чердаке среди мусора я нашел старую фотографию моей бабушки Гитл. И это всё...»

Давид Стародинский (прошел через гетто, лагеря смерти, совершал неоднократные побеги вплоть до возвращения в Одессу):

«В дом, где я родился и прожил восемнадцать лет, меня не пустили. Квартира была занята... Мебель, одежда и прочее – разграблено. Никого из родных, ни матери, ни отца. Голодный, в жалких лохмотьях...

Жилье мне не вернули. Скитался, где придется. Чтобы не умереть с голоду, работал сторожем в столовой, где меня немного подкармливали... Рассчитывать на чью-либо поддержку было бессмысленно. Всё пришлось создавать своими силами...»

Днепропетровская область: «Нас, еврейских колхозников, вернувшихся из эвакуации, встретили очень враждебно и отказались впустить в наши дома...»

Евреи присылали письма и телеграммы в Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), С. Михоэлсу и И. Эренбургу о невыносимых условиях существования в освобожденных районах, просили немедленной помощи.

Из города Полонного на Украине: «Спасите нас от голода. Пришлите посылку с одеждой и продуктами. Стыдно просить, но выхода нет...»

Из Одессы: «Три года был в эвакуации, недавно вернулся в родной город. Вещи и мебель в моей квартире разграбили, квартиру заняли. У меня два сына-офицера защищают родину, а я семь дней валялся в парадном, пока сосед не пожалел и не впустил меня в свою квартиру...» – «Вернулась в Одессу из гетто... в лохмотьях, совершенно нищая, и ничего не нашла из своих вещей... Мерзну целый день, мерзну и всю ночь, так как я совершенно раздета, и постелью служит только то, что на мне. Всё время простуживаюсь и болею...»

Из Могилева-Подольского: «Требуется срочный приезд представителей Еврейского антифашистского комитета. Срочный! Промедление для многих смерти подобно...»

В мае 1944 года руководители ЕАК направили докладную записку В. Молотову, заместителю председателя Совета Народных Комиссаров СССР:

«Изо дня в день мы получаем из освобожденных районов тревожные сведения о чрезвычайно тяжелом моральном и материальном положении оставшихся там в живых евреев, уцелевших от фашистского истребления. В ряде местностей (Бердичев, Могилев-Подольский, Балта, Жмеринка, Винница...) многие из спасшихся продолжают оставаться на территории бывшего гетто. Жилища им не возвращаются. Не возвращаются им также опознанное разграбленное имущество...»

В. Молотов направил это письмо наркому НКВД Л. Берия, и тот предложил «принять необходимые меры помощи» в освобожденных районах – «по трудовому и бытовому устройству... евреев, подвергшихся особым репрессиям со стороны немецких оккупантов...»

6

Узники гетто и лагерей, вернувшись в родные места, вновь повстречались с бывшими полицаями и с теми соседями, которые в годы оккупации вели себя не лучшим образом по отношению к евреям.

Западная Белоруссия: «В Пружанах кое-кто испугался, увидев меня, пришедшую с того света, свидетельницу темных дел некоторых людей...»

Винницкая область: «На нас (узников гетто) часто нападали наши нееврейские сверстники и издевались как могли. А после войны мы ходили с ними в одну школу. И хоть теперь они вышли в люди, забыть это невозможно...»

Виктор Файнштейн, Харьковская область:

«Сын хозяйки, у которой мы снимали квартиру (Иван Мандрык, по уличному прозвищу Кривой)... выгнал нас из квартиры («Гэть з хаты, щоб у мэнэ нэ воняло жидивськым духом!...»)

Полицай Михайловский... застрелил маму выстрелом в спину. Соблазнился кавказской пуховой шалью, подарком моего старшего брата, сделанным перед войной... Мама долго лежала на снегу, потом ее засыпало снегом, потом, вероятнее всего, снесло в половодье...

После войны Михайловский работал охранником на заводе. На его совести еще несколько жизней... В 1950 году мы с группой ребят решили его повесить, но старика дома не оказалось, а повесить старуху я не дал...

С Иваном Мандрыком я тоже встретился через несколько лет после войны. Он пытался заговорить со мной, но я испугался, что не сдержусь, и отошел...

Все они уже умерли...»

С. Боровой, историк (после возвращения в Одессу): «Спрашиваю, как жилось? Она ответила, что только первые дни оккупации были тревожными, потом жилось не так плохо и было спокойно... «Очевидно, после того, как убили всех евреев». Она смутилась, и мы потеряли взаимопонимание...»

Полина Пекерман (Чуднов, Житомирская область):

«Что я видела? У меня не было ни детских, ни девичьих лет, ничего не было. Прошло пятьдесят лет, и нет ни одного дня, чтобы весь пережитый ужас не стоял перед моими глазами – как нас вели убивать, как полицаи убивали, закапывали живыми... В Чуднове есть колодец в парке. Там, в этом колодце, лежали только маленькие дети, которых живыми бросали в него, а потом засыпали хлоркой. Живыми...

В парке было четырнадцать ям. Я знаю, где третья яма, там моя мама... Еще помню: на дереве сидел мальчик лет восьми-девяти. Полицай его тоже увидел... как в птенчика, выстрелил в мальчика, он камнем упал вниз, а полицай кинул его в яму, уже полную...

Больше зверствовали полицайи. Когда эти молодые бандиты, головорезы, что с нами за одной партой сидели, убивали, так даже немец, что там стоял, отворачивал голову... А потом они уехали в Америку, в Канаду. Сейчас они приезжают сюда – большие люди с большими деньгами...»

7

14 марта 1945 года в Московской хоральной синагоге – при огромном скоплении публики – провели панихиду по жертвам Катастрофы.

В зале висел транспарант со словами на иврите «Народ Израиля жив», и певец М. Александрович вспоминал:

«В ту пору Всемирный совет раввинов... принял решение почтить память шести миллионов евреев, загубленных нацистами, специальными траурными богослужениями во всех городах, где жили евреи. Желая сохранить лицо перед Западом... Сталин разрешил московским евреям провести траурный молебен в синагоге. Меня пригласили петь «Эль мале рахамим...» (заупокойную) и некоторые другие молитвы...

В синагогу явились маршалы, генералы и прочие высокие чины. Пришла жена Молотова Полина Жемчужина. Почтили своим присутствием представители ЦК партии и Совета Министров... Журналистам разрешено было фотографировать. Очевидно, это и было главным для советского правительства... показать Западу равенство всех наций и свободу вероисповедания в Советском Союзе...

Траурное богослужение в московской синагоге, март 1945 года.
В первом ряду справа: поэт Ицик Фефер (в очках) и актер
Вениамин Зускин

Двадцать тысяч человек собралось на поминальную службу, синагога же вмещает не более тысячи шестисот. Остальные стояли на улице – служба транслировалась по радио. Движение транспорта в районе синагоги закрыли, дежурила конная милиция.

Передать, что творилось в синагоге, я не берусь. Не хватает слов. Женщины падали в обморок, бились в истерике, многих выносили на улицу, где поджидали машины «скорой помощи». Да что женщины! Не выдерживали и мужчины. Рыдания заглушали службу.

Я закончил молитву почти без пения, задыхаясь от слез... Мы оплакивали не только своих близких. Мы оплакивали свой народ...»

В апреле 1946 года в московской синагоге повторили поминальную службу по евреям, погибшим в Катастрофе, но через год этого уже не произошло.

М. Александрович: «В 1947 году представление отменили. Я получил письмо из Комитета по делам искусств, гласившее, что мне, заслуженному артисту РСФСР, негоже выступать в синагоге...»

Катастрофа смела цивилизацию восточноевропейских евреев, которая существовала до этого сотни лет, сохраняла религию и традиции, образ жизни, будничные и праздничные одежды, блюда еврейской кухни, мелодии и легенды, а главное, сохраняла веру в духовные ценности, ту преемственность поколений, которая позволяла выживать в окружении враждебных порой властителей и недружелюбного окружения.

Циля Сегаль (из книги «Утерянные ключи»):

«Уходя из Витебска в ночь накануне падения города, папа взял с собой ключи от квартиры, в которой оставалось почти всё нажитое родителями немудреное добро... Эти ключи «провоевали» с отцом четыре года: уходя на фронт, он надеялся, что ему доведется освобождать Витебск... и сохраненным ключом он откроет дверь нашей квартиры...»

Папе не повезло: не довелось освобождать родной город. Но повезло в главном: он вернулся с фронта. Вернулся и... привез с собой ключи... А летом 1947 года поехал в Витебск.

Город встретил его руинами. На месте нашего дома зияла большая воронка, в груду мертвых развалин превратился обжитой, дружелюбный двор. В немногих уцелевших домах были уже другие, незнакомые жители. Они ничего не знали о бывших хозяевах квартир. Знали только одно: евреев выгнали из домов и где-то за городом расстреляли...

Отец возвратился мрачный, какой-то опустошенный. Тяжело вздохнув, он горестно сказал: «Нет больше Витебска» и бросил ключи на стол. Потом они куда-то затерялись...»

Ир. Эренбург, журналистка (Одесса, март 1945 года):

«Веселое беспечное население недовольно приходом советских войск: при румынах была частная торговля, полно товаров, а какая мануфактура! Евреев они, правда, расстреляли, но сделали это под нажимом немца, а сами никому зла не делали. И за хлебом не надо было стоять в очередях...»

Поместили меня в гостиницу «Красная». Вечером рассказ горничной: «Румыны изящные, чудесно одетые. Наши сразу переняли

моду, завили надо лбом кудряшки. Румынки наших презирали, а их мужья жили с нашими девушками... Базар был замечательный, сидит баба, а рядом стопки яркого ситца по 60 марок. Такого мы не видели»...»

Нюма Анапольский, Украина (спасся во время расстрела, бежал из гетто, прятался в лесу, голодал, пережил зиму с сильными морозами):

«В феврале 1944 года местечко Корец было освобождено Красной армией. В неполных восемнадцать лет мы пошли на фронт. За долгие годы впервые получили возможность помыться в бане, надеть чистое солдатское белье, одежду, обувь. Стали есть солдатскую кашу с солью и хлебом, вкус которых мы уже забыли, пили сладкий чай, и, конечно, наибольшей радостью было то, что нам дали в руки автомат и повели в бой.

Минуты первого боя для меня и моих друзей стали незабываемыми – до этого мы были беспомощными, гонимыми мальчишками, а теперь настал тот счастливый момент, когда я смог выпустить первую автоматную очередь по своим мучителям, заявить о своей непокорности...»

Яков Хейфец, Витебская область: «Я перешел линию фронта, был проверен в двух спецлагерях и вернулся в действующую армию (автоматчик-десантник). Приходилось брать в плен фашистов и на Украине, и в Белоруссии, в Латвии, Литве, но я не расстрелял ни одного. И это после всего пережитого...»

Феодосия, Крым (после освобождения):

«В дощатом мезонине во дворе гестапо лежала груда одежды... В кармане детского пальтишка я нашел свернутую в трубочку обшую тетрадь, на каждой странице которой наклеены почтовые марки. Это была, очевидно, самая необходимая вещь, которую захватил с собой отправлявшийся «на переселение» неизвестный еврейский мальчик.

Когда-нибудь... я пошлю этот альбом на международную филателистическую выставку, чтобы никто и никогда не мог и не смел забывать о гитлеровских убийцах...»

Очерк семидесятый

Замалчивание Катастрофы

1

Наум Эпельфельд, Бердичев (из послевоенных воспоминаний):

«Конечно, легче забыть. Зачем отягощать душу свою тяжестью? Жизнь коротка, в этой жизни и так много забот насущных. Но ради детей наших, ради внуков – надо помнить.

Очень надеюсь, что мои сыновья – ради моих внуков – не растеряют в своих повседневных заботах память о тех, кто погиб страшной смертью от рук фашистских убийц.

Это моя мать Эсфирь, это моя бабушка Хана, это моя сестра Фирочка. Они погибли 15 сентября 1941 года.

Запомните этот день...»

2

Отношение к еврейской теме в годы войны менялось в советской пропаганде в зависимости от разных обстоятельств, а порой, возможно, и от сиюминутных настроений руководителей страны. 6 ноября 1941 года

И. Сталин заявил на торжественном заседании: «Гитлеровцы... так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим...» К тому времени в Москву уже поступили сведения о гибели десятков тысяч евреев, однако Сталин не сказал ни единого слова об угрозе полного уничтожения еврейского населения.

Выступления вождя предназначались для широких слоев населения Советского Союза. Основной упор в его докладах делался на угрозу славянским народам со стороны Гитлера, который для создания «великой германской империи» желал «прежде всего вытеснить и истребить... русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов». С 1942 года стали известны ужасающие размеры Катастрофы, однако в публичных выступлениях Сталина в годы войны не оказалось ни одного упоминания о поголовной гибели евреев на территории Советского Союза.

Наркомат иностранных дел СССР направлял дипломатические ноты в страны антигитлеровской коалиции, и в них время от времени – в зависимости от интересов внешней политики – упоминались и нацистские зверства по отношению к еврейскому населению. Первая нота за подписью наркома иностранных дел В. Молотова увидела свет в ноябре 1941 года, после трагедии в Бабьем Яре и в других местах, но в ней ничего не сказано об уничтожении евреев.

Во второй ноте (январь 1942 года) были перечислены преступления гитлеровцев на оккупированных территориях, в том числе «кровавые казни... безоружных и беззащитных евреев из трудящихся» во Львове, Одессе, Днепропетровске и других городах Украины и Крыма. О Бабьем Яре сказано таким образом:

«За несколько дней немецкие бандиты убили и растерзали 52 тысячи мужчин, женщин, стариков и детей, безжалостно расправляясь со всеми украинцами, русскими и евреями, чем-либо проявившими свою преданность советской власти... На еврейском кладбище г. Киева было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов... их расстреливали из автоматов».

Это заявление основано на полуправде. Евреев действительно расстреливали в Киеве неподалеку от еврейского кладбища; «за несколько дней» сентября–октября 1941 года в Бабьем Яре уничтожали евреев, и только евреев, однако из текста ноты можно понять, что в те дни «безжалостно расправлялись со всеми украинцами, русскими и евреями».

В следующей ноте Молотова (апрель 1942 года) приводились примеры массового уничтожения мирных граждан «независимо от национальности»: Витебск (6000 человек), Керчь (7000), Минск (12 000),

Пинск (10 000), Харьков (14 000), Таганрог (3000) – без указания на то, что почти все погибшие были евреями. В ноте сказано: «Сотни тысяч украинцев, русских, евреев, молдаван и мирных граждан других национальностей погибли от рук германских палачей», – без упоминания о том, что, в отличие от других, евреев убивали за их национальную принадлежность.

В декабре 1942 года в газете «Правда» напечатали декларацию стран антигитлеровской коалиции об ответственности нацистов за преступления против мирных жителей и за запланированное уничтожение еврейского населения. По всей видимости, советскому правительству потребовалось разъяснить гражданам СССР смысл этого выражения – «запланированное уничтожение», а потому опубликовали официальное сообщение о «чудовищных преступлениях гитлеровских... палачей»:

«Подавляющее большинство жертв этой оргии разбоя и убийств состоит из русских, украинских и белорусских крестьян, рабочих, служащих, интеллигентов. Тяжелы жертвы в рядах литовского, латвийского и эстонского народов, среди молдаван, среди жителей Карело-Финской республики... Еврейское меньшинство советского населения... особенно тяжело пострадало от звериной кровожадности гитлеровских выродков».

Немецкая пропаганда называла Гитлера «освободителем» народов мира от «засилия жидо-большевиков» и постоянно утверждала, что немцы и их союзники воюют лишь с евреями и коммунистами. Чтобы лишить нацистов этого довода и провозгласить войну «священным долгом» всех народов страны, чтобы не создалось впечатления, будто немцы опасны лишь еврейскому населению и не опасны другим народам, советская контрпропаганда старалась не выделять евреев среди уничтожаемых мирных жителей, не упоминать про их поголовную ликвидацию.

В документах военных времен не найдено ни одного указания – оказывать помощь евреям на оккупированных территориях; листовки и обращения по радио призывали местное население спасать тех, кого отправляли на принудительные работы в Германию, но ничего не говорили про уничтожаемый народ, у которого не оставалось надежды на спасение. Не было обращений к подпольщикам и партизанам в лесах – способствовать освобождению евреев из гетто, предоставлять убежище тем, кто сумел убежать или выбрался из расстрельной ямы.

С начала 1943 года, после победы под Сталинградом, в официальных заявлениях становилось всё меньше сведений об уничтожении евреев. С этого момента и до конца войны гибель евреев стали обычно называть «массовыми расстрелами безоружного населения».

В Ростове-на-Дону провели расследование гибели еврейского населения. «Правда» опубликовала результаты расследования

с одной поправкой: уничтоженных евреев назвали «мирными советскими гражданами».

Из воспоминаний Эренбурга:

«В марте 1944 года я получил письмо от офицеров части, освободившей Дубно. Они писали, что В. И. Красова вырыла под своим домом убежище и в течение почти трех лет прятала там одиннадцать евреев, кормила их. Я написал об этом М. И. Калинину, спрашивал, не сочтет ли он справедливым наградить Красову орденом или медалью...

Михаил Иванович сказал: «Получил я ваше письмо. Вы правы – хорошо бы отметить. Но, видите ли, сейчас это невозможно...»

3

В ноябре 1942 года была создана Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. В 1943 году комиссия опубликовала семь официальных сообщений, и лишь в одном из них упоминалось об уничтожении еврейского населения в Ставропольском крае. Это произошло по настоянию писателя А. Толстого, члена ЧГК, который присутствовал при вскрытии рва в Минеральных Водах, где лежали тысячи убитых евреев, и был потрясен увиденным.

Первый суд над нацистскими преступниками состоялся в Краснодаре в июле 1943 года. На скамье подсудимых оказались советские граждане, служившие в зондеркоманде «10а» эйнзацгруппы «D»; их обвинили в массовом убийстве местных жителей. На суде выступили десятки свидетелей, один из которых выжил в «душегубке», потому что дышал через обрывок ткани, смоченной мочой. Военный трибунал приговорил восемь человек к смертной казни через повешение, троих – к 20 годам заключения.

Суд в Краснодаре установил: «Гитлеровскими извергами и их пособниками расстреляно, повешено, удушено... много тысяч ни в чем не повинных советских людей...» Затем прошел процесс в Харькове, где отметили: «В период временной оккупации... расстреляно и повешено, заживо сожжено и удушено... 30 000 мирных, ни в чем не повинных советских граждан...»

Материалы об этих процессах опубликовали в «Правде», не сообщив о том, что подавляющее большинство погибших были евреи.

После процесса в Харькове А. Толстой написал статью «Возмездия!» – об уничтожении еврейского населения. Газеты ее не

напечатали, и статья появилась лишь в журнале «Вестник Академии наук СССР», предназначенном для ограниченного круга читателей.

В начале 1944 года проект сообщения ЧГК о Бабьем Яре подвергся существенной правке. Взамен «Гитлеровские бандиты произвели массовое зверское истребление еврейского населения...» стало «Гитлеровские бандиты согнали... тысячи мирных советских граждан...»; взамен «Собравшихся евреев палачи погнали к Бабьему Яру...» стало – «Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру...»

То же самое повторилось в отчете Чрезвычайной государственной комиссии по югу Украины: нацисты обрушились «на украинцев, русских и молдаван», «расстреляли, замучили и сожгли в Одессе и в Одесском районе до 200 000 человек», не упомянув о том, что в основном это были евреи.

В конце 1944 года ЧГК сообщила: в Литве погибли «ученые и рабочие, инженеры и студенты, ксендзы и православные священники», в Понарах нацисты уничтожили 100 000 «мирных жителей» – и снова о евреях не было сказано, хотя в Литве погибло 95% еврейского населения.

Май 1945 года, отчет ЧГК о лагере уничтожения Освенцим. О евреях даже не упомянули, хотя именно они оказались основными жертвами этого «конвейера смерти», где погибло не менее 1 миллиона евреев.

На освобожденных территориях работали областные и городские комиссии «по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков» и в их актах взамен слова «евреи» появлялись иные наименования: «местные жители», «советские граждане», «мирное население» – даже в тех случаях, когда достоверно было известно, кто лежал в братских могилах.

В акте городского совета Харькова убитых евреев назвали «населением центральных улиц». В Днепропетровске отметили в акте комиссии: 13 и 14 октября 1941 года «11 000 мирных жителей города, в том числе стариков, женщин и детей... были расстреляны или живыми брошены в овраг глубиной 13–20 метров», – а были это 11 000 евреев.

В марте 1944 года в освобожденном Киеве проходило первое заседание Верховного Совета Украины, с докладом выступал Н. Хрущев, первый секретарь ЦК партии республики и председатель Совета Народных Комиссаров. Он говорил о страданиях, перенесенных населением Украины в годы оккупации, и ничего не сказал про полтора миллиона украинцев, уничтоженных только за то, что они были евреями.

Подобное произошло на митинге в Ровенской области, и очевидец вспоминал:

«Особенно были оскорблены еврейские партизаны, оскорблены наши национальные чувства, когда... Никита Хрущев сказал, что «немцы истребляли украинцев, поляков и другие народы», не упомянув евреев. А этот митинг в Сарнах с участием Хрущева происходил недалеко от братской могилы... где покоились останки шестнадцати тысяч истребленных евреев...

Это нас угнетало, и на фоне развалин и рассеянных братских могил мы не очень радовались нашему выходу из партизанских лесов... Не мил был хлеб, не радовала свобода. Угнетенное состояние нарастало со дня на день... Нас мучило будущее, полное следов грозного прошлого...»

В 1944 году в официальном отчете указали, что в Бабьем Яре было убито более 100 000 человек, однако евреев даже не упомянули, – отчет подписал Хрущев.

После войны Восточная Германия вошла в состав «социалистического лагеря», а потому изменилась политика Москвы. По приказу Сталина была ликвидирована Чрезвычайная государственная комиссия; наступила эпоха замалчивания, и среди прочего замалчивания Катастрофы европейского еврейства. Вступал в действие государственный антисемитизм, который проявлялся неприметно в годы войны и расцвел в первое послевоенное десятилетие.

4

Фаина Брейдбурд (Погребище, Винницкая область): «Радость возвращения была горькой. На месте нашего дома – пустырь, все наши родные лежали... в большой братской могиле в овраге, на краю соснового леса. «Малый» Бабий Яр и большое горе...»

Мейлах Бакальчук-Фелин (Ровно, Украина): «Земля была буквально усеяна скелетами и костями святых мучеников. Детские черепа мы находили по всей долине. Совершили поминальную молитву и, склонив головы, оплакивали страшную судьбу погибших...»

Нисан Пейсах (Новоселица, Бессарабия): «Нам рассказали, что кроме братской могилы, в которой похоронили 839 новосельчан... на колхозном кукурузном поле есть много отдельных могил. Но их расположение можно определить лишь летом, в августе: «там кукуруза выше растет»...»

Многие места массовых и одиночных расстрелов евреев так и остались невыявленными. Они зарастали травой и деревьями. Дожди вымы-

вали из земли человеческие кости. Поверх могил прокладывали тропинки и дороги, ходили люди, ездили на телегах, пасли коз и коров. Дважды Герой Советского Союза полковник Д. Драгунский сообщал: «Немецкие изверги расстреляли всю мою семью – 74 человека из семьи Драгунских... Могилы не организованы. Косточки моих сестер, их детей валяются по полю, скот топчет их – словом, теряется всякое человеческое достоинство...»

В местечке Плисса Витебской области братские могилы евреев залили хлоркой для дезинфекции, распахали и засеяли, а впоследствии начали брать оттуда песок для строительства шоссе. Экскаваторы выгребали его ковшами и наваливали в кузова грузовиков, вместе с песком попадались, очевидно, и кости расстрелянных – местные жители рассказывали, что на участке шоссе, возведенном на этом песке, было затем много аварий.

«Жители деревень вблизи Проскурова использовали для выпаса скота те места, где находились братские могилы евреев. Евреи выкопали канавы, чтобы скот не мог подойти к могилам. Тогда крестьяне посадили на том месте картошку...»

У оставшихся в живых и осиротевших возникало естественное желание – сохранить одиночные и братские могилы, которые удалось обнаружить, поставить ограды, обозначить памятными знаками, чтобы не забылись те жертвы, чтобы родные могли туда приходить и оплакивать погибших. Это были еврейские жертвы, в еврейских могилах; их память следовало почтить надписью на еврейском языке – евреи собирали средства на памятники, вели переговоры с представителями местных и центральных властей, но те, как правило, противились их инициативе.

В 1945 году евреи Вильнюса поставили на собранные средства памятник в Понарах с надписью на идиш и русском языке; через несколько лет его снесли, а на новом обелиске написали по-русски и по-литовски: «Жертвам фашистского террора. 1941–1944».

В 1946 году евреи Бреста установили памятник на месте расстрела 5000 человек – надпись на идиш не разрешили, а вместо слова «евреи» указали «советские граждане». В том же году в Минске соорудили обелиск на месте захоронения евреев; на камне поместили на идиш: «Еврейам – жертвам нацизма» (хоронили их в песчаном карьере, а потому то место получило название «Яма»; многие годы это был один из немногих памятников с надписью на идиш).

В 1949 году в украинском городе Корсунь-Шевченковский евреи собрали деньги на памятник погибшим. Разрешение на установку

памятника они не получили, а деньги – по распоряжению местных властей – пришлось сдать в государственную казну.

В 1953 году евреи Бердичева установили за свой счет памятник на том месте, где убивали их родных и близких, – на следующий день памятник сняли, а полковника Спивака, инициатора этого дела, уволили из армии и исключили из партии. В Дробицком Яре Харькова – через многие годы и после долгих проволочек – поставили небольшой обелиск с надписью: «Здесь покоятся жертвы фашистского террора 1941–1942 годов».

Подобные надписи появились на многих памятниках, установленных в местах уничтожения евреев: «мирные жители», «местное население», «советские граждане», «жертвы фашизма», «жертвы оккупантов», – слово «еврей» отсутствовало, отсутствовала и надпись на идиш, а появление на памятнике магендавида приравнивалось к сионистской пропаганде.

В местечке Соболевка Винницкой области с памятника сняли шестиконечную звезду; на братской могиле в городе Невеле Псковской области заставили переделать шестиконечную звезду на пятиконечную.

«У нас боялись быть обвиненными в сионизме, поэтому еврейскими могилами не занимались...»

Через несколько лет после войны несколько предприимчивых граждан ездили в Румбулу под Ригой и через большое сито просеивали пепел сожженных, добывая обручальные кольца и золотые зубные коронки. Был суд. Судья определил, что обвиняемые виновны лишь «в присвоении находки», а потому их присудили к трем месяцам лишения свободы, освободили в зале суда, и они снова отправились «на промысел».

Их опять арестовали, привезли под конвоем в Румбулу для проверки показаний, и очевидец вспоминал впоследствии: «В Румбуле нас встретил редкий молодой лес с поляной, на которой под тонким покровом мха был рассыпан пепел с маленькими фрагментами обугленных, не сгоревших дотла костей. В некоторых местах он возвышался холмиками. Это, по показаниям обвиняемых, был уже просеянный пепел...»

5

После освобождения Киева в городе появились евреи, и каждый шел прежде всего в Бабий Яр. В сентябре 1944 года в ЦК партии Украины уже докладывали о попытке еврейского поэта Д. Гофштейна и «сионист-

ских элементов организовать... массовую демонстрацию еврейского населения в годовщину расстрела немцами в Бабьем Яре».

Организованной демонстрации не было; евреи шли туда, потому что не могли оставаться безучастными в день памяти, и И. Кипнис, еврейский прозаик, написал:

«29 сентября. Люди идут со всех концов города к Бабьему Яру...

Идут толпой, почти не говорят. Смотришь на изможденные лица и видишь, сколько горя пережили, сколько страданий Гитлер причинил каждому из них. Коснись любого, и боль потечет ручьем.

Подходим... Лица у всех темнеют, становятся строже и напряженнее. Слабые не выдерживают, и раздаются сдавленные стоны и всхлипывания. Песчаные обрывы осыпаются под нашими ногами, тянут вниз и вниз...

Вот лежит скомканный грязный кусок белой ткани. Когда-то это была рубашка... А вон там лежат волосы, которые пережили тех, кого они когда-то украшали... Стоит стоптанный ботинок... Никто не трогает этот ботинок, как не трогают и обломок черепа в другом конце рва... Люди стоят вокруг них с самого утра. Глаза красные от слез, сердца – раскаленные от плача. И ждут. Не хотят уходить. Быть может, кто-нибудь появится и откликнется хоть единым словом...

Братья мои и друзья! Склонившись, мы стоим на коленях, головы наши посыпаны золой, мы обливаемся слезами. Иначе и быть не может. Кто в силах прийти и сказать нам – хватит надрывать, стонать у этих ям, у этой пролитой крови.

И всё-таки, братья и друзья, слушайте меня. Встаньте, дорогие, с земли! Отряхните с себя золу! Okрепните духом! Если у человека отнимают ногу или руку, или даже палец, то он в чем-то сокращается, становится меньше, чем был. Но у народа, если у народа бывает горе, если уничтожают народ даже наполовину или на три четверти, то это как с каплей воды, с шариком ртути: ты отщепил половину, но вторая половина тут же округляется, заполняется и снова становится целой.

Так встанем же с земли и выпрямимся во весь рост».

И. Кипнис написал рассказ, в котором предложил евреям носить на груди магендавид – рядом с орденами и медалями. Критики подсчитали, что слово «еврей» в рассказе повторяется 13 раз; Кипниса зачислили в «буржуазные националисты» и исключили из Союза писателей.

Прошло несколько лет. В Бабьем Яре ничего не менялось, и в 1948 году И. Эренбург получил такое сообщение: «Я вам принес, как своеобразный сувенир, человеческие кости, собранные мною на дне Бабьего

Яра. Это место... находится в возмутительном запущении. Там пасутся коровы, а кости, как вы видите, валяются рядом. Прекрасный склеп над Бабьим Яром превращен в уборную. В местной газете поднимался вопрос, не разбить ли парк «на живописных склонах Бабьего Яра»...»

6

Ученый-металлург В. Фундатор, один из создателей танка Т-34, решил увековечить память уничтоженного еврейского населения местечка Червень Минской области. Там погибли его отец и мать, а потому он начал собирать деньги, чтобы установить памятник на месте расстрела и указать на идиш: «Евреям – жертвам фашизма».

По заказу Фундатора на московском заводе отлили сорок чугунных плит с именами погибших (было их около 1000 человек); плиты привезли в Червень, а в минский обком партии поступила секретная докладная записка от комсомольского руководителя – о недозволенной деятельности «группы граждан еврейской национальности»: «Памятник ставится погибшим одной национальности (еврейской), в то время, как там есть и жертвы из белорусов, русских и украинцев. Памятник имеет форму чисто национальной архитектуры, надпись на нем выполнена на еврейском языке. Имеется организация, по-видимому, националистического характера, у которой есть свои филиалы и три-пять организаторов...»

Памятник не установили. Чугунные плиты унесли местные жители. Фундатора уволили с работы. Через много лет в Червене появился стандартный памятник с указанием, что на том месте похоронены советские граждане, убитые немецко-фашистскими захватчиками.

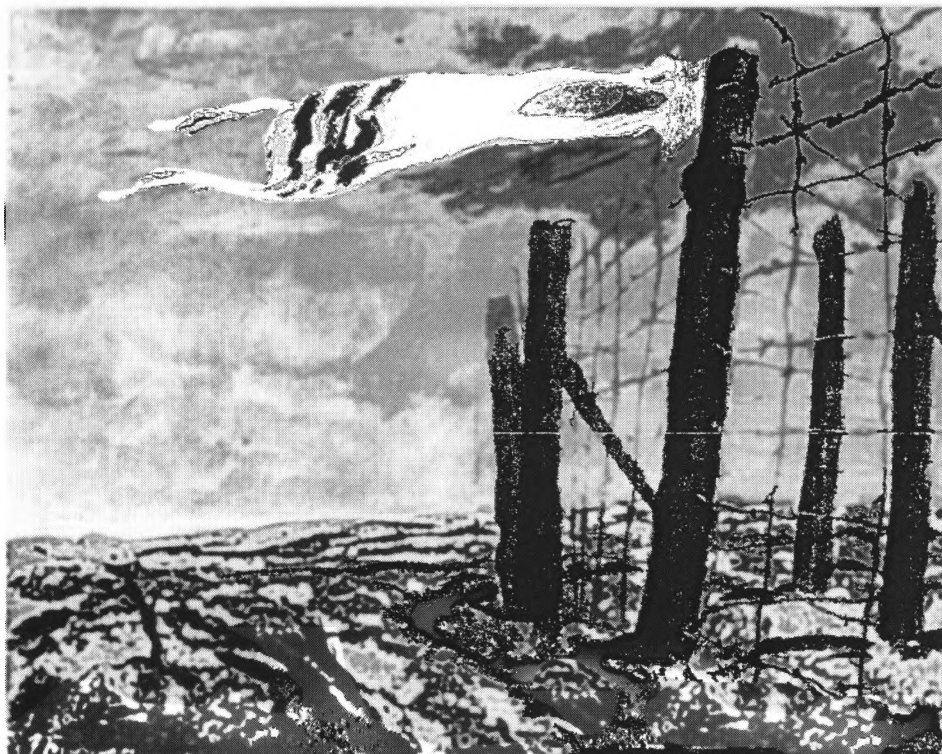
В 1949 году поэта С. Голованивского обвинили в ненависти к советскому народу: в поэме «Авраам» на украинском языке он описал равнодушные многих жителей к судьбе евреев, которых гнали на уничтожение в Бабий Яр.

В 1949 году осудили симфонию харьковского композитора Д. Клебанова «Бабий Яр». Это была, по мнению критиков, симфония, «наполненная библейскими мотивами и проникнутая трагической обреченностью»; композитор «забывает о дружбе и братстве советских народов и проводит идею полного одиночества советских людей, замученных немцами в Бабьем Яре».

Художник З. Толкачев побывал в Майданеке и Освенциме сразу после их освобождения, сделал множество рисунков с натуры и создал гра-

фические циклы «Майданек», «Освенцим», «Цветы Освенцима». В 1949 году газета «Правда Украины» назвала его творчество «глубоко порочным» за «сионистско-религиозное содержание», а графические циклы художника – проявлением «буржуазного национализма и безродного космополитизма».

А. Борщаговский, писатель: «На одном из альбомных листов прозревшие «судьи» вдруг увидели изображение таллеса... Толкачева, обличителя фашизма и расизма, распинали только за то, что... таллес на колючей проволоке лагерной ограды напоминал о народе, обреченном фашистами на полное уничтожение».

Художник Зиновий Толкачев. Из графического цикла о лагерях уничтожения

Статьи И. Эренбурга первого года войны также не избежали цензуры. В описаниях убийств еврейского населения Витебска и Киева отсутствовала национальность погибших: «шесть тысяч витебчан – в ямах», «на кладбище в Бабьем Яре расстреляли пятьдесят пять тысяч киевлян». Однако впоследствии в статьях Эренбурга уже появились сведения об уничтожении евреев: «Нет

больше в украинских городах старых евреев – чудаков и мечтателей, портняжек и сапожников...»

Евреи, вернувшиеся после войны в Городок Витебской области, решили обнаружить места захоронения погибших. «Начали копать и довольно быстро наткнулись на трупы. Самым высоким в довоенном Городке был еврей Костяновский. Его труп легко определили. Он лежал раздетый до пояса... к ноге был привязан маленький пакетик. В нем оказались деньги. Их забрали и отнесли в банк. Несмотря на то, что купюры уже обветшали, банк их принял и обменял на новые деньги. Это стало первым взносом на строительство ограждений и памятников».

Из секретного документа (1948 год): «Еврейская религиозная община в г. Виннице обратилась к председателю горисполкома т. Петрову, чтобы он разрешил напечатать книгу о погибших евреях... Товарищ Петров разрешил. Какая политическая слепота у товарища Петрова...» Книга о евреях Винницы, погибших в годы оккупации, не была издана.

Л. Разгон (город Горки, Белоруссия):

«В дальнем углу кладбища – ров. Бывший ров. Теперь это насыпь, полузаросшая травой и чертополохом. Засохшие, кем-то положенные цветы. И небрежно сбитый фанерный монумент со звездой и надписью, что здесь захоронены убитые фашистами в 1941 году советские граждане.

Сюда их привели, тут их убили, тут закопали. Тетю Хаю с мужем, тетю Гиту с дочерьми Верочкой и Саррой, с девочками-внучками, моих школьных товарищей и соседей – Муравиных, Вильнеров, Хаитов, Гольдбергов... Тут похоронено всё мое детство, весь мой – без остатка – родной город. Мне тут нечего больше делать...

И мы уезжаем. Навсегда. Больше я сюда не вернусь...»

Очерк семьдесят первый

Послевоенный быт. Переселение в Биробиджан

1

С. Гудзенко:

Закончилась Вторая мировая.

Нас дома ждут!

Гони, шофер, гони!

В июле 1945 года первый состав с демобилизованными отправился из Германии на восток; следом за ним двинулись многие эшелоны, развозя по домам победителей той войны. Возвращались солдаты, выжившие в боях. Возвращались офицеры. А в стране была послевоенная разруха, жители городов ютились в подвалах и сараях, теснились в уцелевших зданиях; в сожженных деревнях жили в землянках сотни тысяч крестьян; ослабленные недоеданием взрослые и дети умирали от всевозможных болезней.

За годы войны было мобилизовано в армию 30 миллионов граждан СССР; из-за убыли мужского населения увеличился разрыв между количеством женщин и мужчин, который существовал затем долгое время. Приметой послевоенного времени стали люди с протезами, на костылях и примитивных тележках, а то и на самодельных досках для

безногих, которые катились на подшипниках. Пустые рукава. Черные повязки на глазах. Израненные тела и изувеченные лица. Нищие калек на улицах и в поездах, на кладбищах и на рынках, которые выпрашивали подаяние.

Из колхозов ушло на фронт около 40% трудоспособного населения; в деревнях почти не осталось мужчин, работали на полях женщины и дети. Колхозные урожаи шли на покрытие обязательных поставок, и единственным пропитанием оставалась картошка, выращенная на приусадебных участках.

Анатолий Рубин (о белорусском крестьянине, у которого он скрывался во время оккупации):

«Однажды поздно вечером хозяин вызвал меня во двор и предложил приложить ухо к земле. Я лег на землю и услышал далекий гул канонады. «Ты чуешь, Толя, это колхоз идет», – сказал мне хозяин...

После войны я приезжал к Карсюкам и поддерживал с ними дружеские отношения... Иван как-то сказал мне, задумавшись: «Когда в 39 году пришли Советы, то они говорили: вот, мол, из-за панов вы и жили плохо. Пришли немцы и говорили, что, мол, из-за жидов вы жили так плохо. Ну а теперь нет ни жидов, ни панов, а жить еще хуже»...»

2

На освобожденных территориях надо было начинать с пустого места: восстанавливать жилые дома, заводы, школы, электростанции, больницы и детские сады. Жизнь была трудной, недоставало продуктов питания и промышленных товаров, процветал «черный рынок», где всё стоило невероятно дорого. Снова заговорили о том, что евреи наживаются на народном бедствии, и органы НКВД сообщали о возникновении тревожных слухов: «В Кривом Роге якобы вскрыта банда, состоявшая из евреев, которые, воруя русских детей, убивали их, а из детского мяса выделяли мясные колбасы и пирожки, которыми торговали на рынке».

Людоедства тогда еще не было, однако наступило лето 1946 года, небывалая засуха на фоне послевоенной разрухи, а с ней и голод, захвативший Украину, Молдавию, Крым и черноземные области РСФСР. Жители городов получали хлеб и кое-какие продукты по карточкам, а потому голод коснулся прежде всего крестьян и жителей районов, приравненных к сельской местности, где не существовало карточного распределения продуктов.

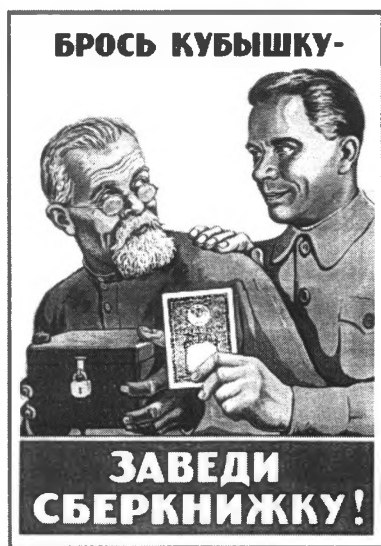
Н. Хрущев вспоминал: «Я убеждал, что... Украина нуждается в помощи, но лишь еще больше возбуждал в Сталине гнев. Мы ничего из центра не получили. Пошел голод. Стали поступать сигналы, что люди уми-

рают. Кое-где началось людоедство». Смертность от голода и болезней особенно возросла весной 1947 года, когда в деревнях закончились все запасы. По официальным данным, лишь на территории РСФСР насчитали 500 000 больных дистрофией, количество погибших в стране исчислялось сотнями тысяч.

Из писем колхозников, выявленных цензурой: «Народ не ходит на работу, потому что голодный, кушает лебеду...» – «У нас сейчас большой голод... У некоторых нет решительно ничего, кроме воды и соли...» – «Счастье тому, кто уехал из этой пропасти, но нам, видно, придется подыхать...»

Свидетельство очевидца: «В 1946–1947 годах, в годы страшного голода, охватившего Молдавию, все базары были заполнены еврейскими домашними вещами и ритуальными предметами – их продавали или меняли на хлеб опухшие от голода сельчане...»

Сразу после войны начали строить для членов Политбюро «государственные дачи» возле Сухуми, Нового Афона, на озере Рица в Абхазии и на Валдае – в то время, когда десятки тысяч людей жили в землянках и умирали от истощения. С. Аллилуева, дочь Сталина, вспоминала возвращение с отцом с юга: «Бегал и суетился генерал Власик – ожиревший, опухший от важности и коньяка. Пыхтели и прочие, разжиревшие на тучных казенных харчах – генералы и полковники из охраны. Их ехал целый поезд – свита, двор, прихлебатели. Отец скрежетал зубами, глядя на них, и не упускал случая, чтобы накинуться с какими-нибудь грубыми окриками...»

Советский плакат
1948 года

И далее:

«К столу отца везли рыбу из специальных прудов, фазанов и барашков из специальных питомников, грузинское вино специального разлива, свежие фрукты доставляли с юга самолетом... Отец не знал, сколько стоили его обеды, дачи... потому что никогда ни за что не платил денег... Свои ежемесячно присылаемые пакеты с зарплатой... он складывал, не глядя, в стол... Ящики его были заполнены запечатанными пакетами с деньгами, которые по мере заполнения стола куда-то убирали.

Когда отец умер – все эти деньги немедленно исчезли».

3

В годы войны Сталин возглавлял советское правительство, Совет Народных Комиссаров, в марте 1946 года переименованный в Совет Министров СССР. Все средства пропаганды приписывали победу над Германией «мудрому руководству вождя», «гениальному стратегу», «величайшему полководцу всех времен и народов». В июне 1945 года ввели высшее воинское звание «Генералиссимус Советского Союза», которым удостоили маршала Сталина; в те же дни ему присвоили звание Героя Советского Союза и наградили вторым орденом Победы.

На экраны страны вышел художественный фильм «Падение Берлина». В его финале спускался с небес на берлинский аэродром огромный самолет, и актер, игравший роль вождя, появлялся в белом кителе перед ликующими, благодарными народами – это был апофеоз одержанной победы, почти религиозное поклонение «спасителю человечества», «великому кормчему всех времен и народов».

П. Антокольский, из обращения к Сталину:

Встань же в маршальской шинели
У могучих стен Кремля,
Чтобы вновь моря синели,
Зеленели бы поля...

Не было такой газеты или журнала, в которых не упоминалось бы его имя; не было такого города, районного или областного, где отсутствовала бы улица И. В. Сталина. Именем вождя называли заводы, колхозы, корабли и вершины высочайших гор, куда альпинисты доставляли его бюсты. Композиторы сочиняли кантаты в его честь, скульпторы создавали гигантские статуи «отца и учителя», художники выставляли на обозрение монументальные полотна, изображая его в мундире генералиссимуса со многими орденами на груди.

В июле 1945 года Сталин отправился в немецкий город Потсдам на встречу с президентом США и премьер-министром Великобритании.

Предприняли чрезвычайные меры предосторожности, подготовили специальный поезд с бронированными вагонами, и Берия докладывал вождю: «Маршрут длиной 1923 километра... Обеспечивают безопасность пути 17 тысяч войск НКВД, 1515 человек оперативного состава. На каждом километре железнодорожного пути от 6 до 15 человек охраны. По линии следования будут курсировать 8 бронепоездов войск НКВД».

«Для охраны особняка (товарища Сталина) доставлено 7 полков НКВД и 1500 человек оперативного состава. Организована охрана в 3 кольца...»

Сталин работал по ночам, а потому во всех министерствах до рассвета дежурили министры и ответственные сотрудники – на случай, если позвонят из Кремля и потребуют какие-либо данные об их работе. Затем вождь уезжал на «ближнюю дачу», где за обеденным столом, в кругу ближайших соратников, он принимал решения, влиявшие на судьбы народов и стран. Путь от Кремля до дачи, по которому проносилась кавалькада машин, считался правительственной трассой; на ней круглые сутки дежурили «топтуны»-охранники, в домах вдоль этой трассы были опечатаны чердаки и перекрыты проходные дворы, чтобы не допустить покушения на главу государства.

«Корифей науки» был гением в философии, литературе, музыке, истории, экономике и военной стратегии. Никто не смел перечить вождю, никто ему не противился. Любое решение Сталина становилось законом, который следовало безоговорочно исполнять, любые его слова считались непререкаемой истиной, «откровением свыше», тиражировались в книгах, газетах, журналах, в выступлениях докладчиков по всей стране – от секретарей ЦК партии до школьных пионервожатых.

Из газеты «Правда»: «Сказал Сталин – значит, так думает народ. Сказал народ – значит, так подумал Сталин...»

Советский Союз и страны антигитлеровской коалиции разгромили фашизм, Красная армия отвоевала половину Европы, но ложь – сознательная, обдуманная, утвержденная в инстанциях – оставалась непобедимой. Ложь пронизывала, как и прежде, несвободное общество. Лгали постановления Политбюро и ЦК партии. Академики и доктора наук подводили научную базу под эту ложь с использованием цитат Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина. Ее разъясняли комментаторы газет и радио. Воспринимали эту ложь граждане «первого в мире государства рабочих и крестьян», от которых не требовали осмысления теорий марксизма-

ленинизма, да они и сами не стремились к этому, потому что всякая попытка осмысления – в столкновении с реальностью – могла привести к нежелательным выводам, а затем к жестокому наказанию.

Следовало посещать собрания, дружно голосовать за очередную резолюцию, одобряя или пригвождая, верить без размышлений, что народы Советского Союза «семимильными шагами» идут к коммунизму, а советская власть – самая лучшая власть в мире, во главе которой находится «знаменосец мира, великий вождь мирового пролетариата».

В. Молотов: «Сталин говорил: «Правду охраняют батальоны лжи»...»

4

Ежегодно, 1 мая и 7 ноября, проходили военные парады и многочасовые демонстрации трудящихся на Красной площади. На трибуне Мавзолея стояли члены Политбюро и «лично товарищ Сталин». Печатали шаг сводные колонны. Проезжали танки. Провозили пушки. В небе пролетали самолеты. На площадь вступали колонны демонстрантов, отделенные друг от друга рядами охранников в штатском.

Каждогодно, в Октябре и Мае,
Мы сверяли чувства по нему.
И стоял он, руку подымая,
Равный Громовержцу самому...

Победа над Германией «списала» репрессии предвоенных лет и поражения в той войне, которые позволили немецким войскам дойти до Москвы и Сталинграда. Вождь снова был непогрешим; «гений человечества» стал божеством, которому следовало поклоняться; в богослужение церквей, мечетей и синагог ввели молитву «за здоровье вождя народов». В школах, на выпускных экзаменах, десятиклассники писали сочинения на тему «Образ молодого советского человека великой Сталинской эпохи»; пионеры провозглашали: «К борьбе за дело Ленина – Сталина будь готов!»

В детских садах висели лозунги на кумачовых полотнах: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»; малыши декламировали на утренниках: «Я маленькая девочка, играю и пою. Я Сталина не видела, но я его люблю».

Это были годы «великих строек коммунизма», и планы Кремля поражали воображение своей грандиозностью. Закладывали гигантские лесозащитные полосы. Возводили огромные гидроэлектростанции. Планировали повернуть вспять сибирские реки. Силами заключенных

прокладывали Волго-Донской канал, возле которого воздвигли гигантскую статую вождя (на нее пошло 33 тонны меди). Десятки тысяч узников строили за Северным полярным кругом железную дорогу на Игарку и ценой огромных человеческих жертв проложили 850 километров рельсовых путей (после смерти Сталина «стройку прекратили из-за ненужности дороги... В тундре остались рельсы, поселки, паровозы, вагоны...»).

Барак в заброшенном лагере. «Мертвая дорога» Салехард–Игарка

Население страны жило бедно, в тяжелейших жилищных условиях, получая нищенскую заработную плату, выстаивая в магазинах долгие очереди, однако ежегодно, весной, объявляли о снижении цен на некоторые виды товаров. Это проходило под лозунгом «Забота партии, правительства, лично товарища Сталина о благосостоянии советского народа», и вождю докладывали высказывания москвичей: «Как здорово, что снизили цены!.. Москва прямо торжествует...» – «Ни одно из капиталистических государств за всю свою историю таких вещей не делало...» – «В провинции продуктов нет и не будет, а торговля хлебом ведется по спискам...» – «Это плохо для крестьян... которые должны все продукты продавать дешевле...»

Пропагандистский эффект после каждого постановления был велик; даже через десятки лет старики говорили с почтением: «А Сталин цены снижал...» И добавляли: «Сталин был – так порядок был».

В декабре 1949 года весь Советский Союз, «всё прогрессивное человечество» отмечали семидесятилетие со дня рождения вождя. Он получил более 15 000 подарков со всего света и более 800 000 поздравительных писем. Среди прочих поступил «Приветственный адрес от духовенства и мирян русской православной церкви», подписанный патриархом, архиепископами и епископами: «Нам особенно дорого то, что в деяниях Ваших... весь мир видит торжество нравственных начал в противовес злобе, жестокости и угнетению, господствующим в отживающей системе общественных отношений...»

Юбилей вождя не обошел стороной и еврейские религиозные общины. Проводили специальные богослужения, зачитывали поздравительные послания; в синагоге Омска исполнили кантату о Сталине, зажгли семьдесят свечей и зачитали приветствие имениннику.

Вышла в свет «Краткая биография И. В. Сталина», в которую он добавил собственноручно такие слова: «С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства». Это он вписал в свою биографию: «Сталин – достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии: Сталин – это Ленин сегодня».

М. Джилас, югославский государственный деятель (из книги «Разговоры со Сталиным»):

«Маленький неуклюжий человек шествовал по золотым и малахитовым царским палатам, перед ним открывались двери, его провожали горящие восторженные взгляды, слух придворных напрягался, чтобы запомнить каждое его слово. А он, уверенный в себе и в своем деле, как будто не обращал на всё это внимания...»

Поэты им вдохновляются, оркестры гремят кантатами о нем... Сейчас он победитель самой большой войны в истории, и его абсолютная власть над шестой частью земного шара неудержимо ширится дальше...»

5

В предвоенные годы Тову Перельштейн дважды арестовывали за сионистскую деятельность; она провела 6 лет в лагере на Колыме, а затем осталась там в ссылке. Из ее воспоминаний (события 1944 года):

«Когда у меня родился сын... муж предложил назвать его Йосефом – по имени младшего брата, который был безвинно расстрелян палачами НКВД. Меня страшила мысль о том, что ребенок будет носить имя, принадлежавшее не только убитому, но и убийце: ведь это было и имя Ста-

лина. Но семье Перельштейн была дорога память погибшего Йосефа... и я согласилась. В домашнем кругу мы называли мальчика Йоськой...

Однажды, когда я принесла Йоську в ясли и передала сестре, та расмеялась, стала даже давиться от смеха, а работницы яслей хохотали вместе с ней... Мне объяснили, что в это утро они переименовали всех хряков из свинарника подсобного хозяйства: отныне их будут называть не Васьками, а Йоськами. Дескать, свиньи тоже хотят быть евреями...

Я рассказала эту историю ясельному врачу Анне Михайловне, еврейке по национальности. Та побледнела, выслушав мой рассказ, несколько минут молчала и затем сказала: «Борову еврейское имя не подходит. Ну, я им завтра покажу!»

Наутро... Анна Михайловна неожиданно спросила: «Что у вас нового?» Сестры и няни стали громко смеяться: «Мы сменили клички хряков в свинарнике и вместо Васек будем называть их Йоськами». Анна Михайловна, обычно сдержанная, гневно закричала: «Знаете ли, что вы сделали? Вы назвали свиней именем Иосифа Виссарионовича! Который руководит войной с врагом на всех фронтах и всюду побеждает!..»

В комнате стояло гробовое молчание. Работницы яслей дрожали от страха, они так перепугались, что не могли встать и приступить к работе. После того дня хряки в свинарнике опять стали Васьками...»

6

Яков Карасин (Тукумс, Латвия):

«Первую еврейскую свадьбу в послевоенном Тукумсе сыграли в 1946 году – Гита Перлман вышла замуж за Лейбу Фридмана. Эту свадьбу отмечали все тукумские евреи, ведь свадьба – это верный признак того, что невозможно уничтожить еврейскую жизнь, что родятся и вырастут еврейские дети, и всем очень хотелось надеяться – уж они-то никогда не узнают беды.

Первое послевоенное свадебное веселье еще омрачалось близостью недавней войны, и это чувствовалось не только по скромным нарядам и не слишком роскошному застолью. Жених успел пройти через гетто и концлагеря, а у невесты погиб единственный брат...»

В 1946 году проходили первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР. По официальным данным, за «кандидатов блока коммунистов и беспартийных» проголосовало более 99% избирателей, и очевидец во Львове свидетельствовал: «Везде портреты, афиши. Играют оркестры, школьники маршируют и поют на улицах. Огромный энтузиазм. Можно выбирать между Сталиным и Джугашвили...»

Органы НКВД докладывали содержание анонимных надписей в избирательных бюллетенях: «Честный человек за вас, сволочей, голосовать не может...» – «За что только воевали?...» – «Долой колхозы...»

Встречались и иные надписи: «За блок коммунистов и беспартийных, прошу только изолировать евреев от трудового народа...» – «Я даю голос, но прошу, щоб і одного жида не було на нашій Україні...»

После войны возвращались по домам евреи – солдаты и офицеры той войны. Одни шли учиться, другие поступали на работу; жизнь налаживалась медленно, не хватало жилья и продуктов питания; осиротевшие люди не могли оставаться в тех местах, где погибли их близкие, – так начался стихийный переезд в Еврейскую автономную область (ЕАО).

На отъезд подталкивал голод 1946–1947 годов, разруха на освобожденных территориях, антисемитские настроения соседей, недружелюбное отношение местных властей, и в Биробиджан отправились первые переселенцы, которые полагали, что там они смогут жить среди своих. Один из них объяснял причины переезда: «Обстановка в Крыму оказалась такой, что работать было невозможно. Кругом сплошной антисемитизм, и никакой борьбы с ним нет».

Послевоенный пятилетний план предусматривал развитие промышленности Дальнего Востока, увеличение его населения, и руководители ЕАО – с разрешения Москвы – развернули кампанию за переселение. В газете на идиш «Эйникайт» опубликовали очерк о Еврейской автономной области, который мало соответствовал действительности:

«Я везде видел, как люди заняты работой, я видел, с каким воодушевлением и радостью они строят и создают новую жизнь на новом месте. Там, где недавно было дико и пустынно, возникли большие поселки, целые города...

Сильные морозы, которые иногда встречаются, переносятся там очень легко. Тихая, сухая, солнечная погода делает мороз мягким и легким... В самые морозные дни жители Биробиджана одеваются в легкие шубы, ватные пиджаки, элегантные пальто. Население ЕАО имеет вдоволь рыбы, в еврейских семьях едят вкусные блюда, и рыбы хватает не только для собственного потребления – область продает много рыбы на сторону...

Биробиджан выглядит красиво... Это город европейского покроя. Красивые мощеные улицы, асфальтированные тротуары, благоустроенные дома. На биробиджанских улицах шумно и оживленно, они постоянно переполнены людьми. Слышится сочная еврейская речь...

Уже сейчас, в этом году, область может принять более 20 000 человек, которые будут обеспечены жильем и работой».

В начале 1946 года население Еврейской автономной области составляло 108 000 человек, среди них было около 18 000 евреев.

В декабре 1946 года из Винницы в Биробиджан отправился первый эшелон, в нем было 450 переселенцев. Летом следующего года – второй эшелон из шестидесяти вагонов, в которых разместились 1221 человек; среди них были слесари, токари, строители и кузнецы, сапожники и портные, а также инженеры, техники, врачи, учителя, агрономы, колхозники.

Основная масса переселенцев шла с Украины и Крыма. На Дальний Восток отправлялись евреи, вернувшиеся из эвакуации в родные места, где они не могли уже прижиться; сам факт вторичного переселения за столь короткий срок говорил о той атмосфере, которая их окружала и подталкивала к переезду.

В ЕАО поступали просьбы из разных районов страны. Колхозник из Крыма: «Мне ничего не страшно. Работать могу, трудностей испытал много и готов на всё...» Бухгалтер из Самарканда: «Если мы можем быть полезны, будем обеспечены работой по специальности и квартирой, то готовы выехать...» Научный работник из Кемерово: «Я понял свое назначение. Мое место должно быть там, где создается Еврейская государственность...»

До середины 1948 года в Биробиджан приехали 1770 еврейских семей из Винницкой, Днепропетровской, Николаевской, Херсонской областей и Крыма; половина из них поселилась в сельских районах области, чтобы работать в колхозах, совхозах и машинно-тракторных станциях.

Эшелоны с еврейскими переселенцами прибыли также из Одессы и Самарканда – было в них около 1000 человек.

В газете «Биробиджанская звезда» сообщили после прибытия первого эшелона: «Еще задолго до их приезда были подготовлены хорошо оборудованные помещения, койки, постельные принадлежности, столовые с трехразовым питанием... Каждого переселенца направили на работу по его желанию и обеспечили квартирой, каждой семье оказали материальную помощь продуктами питания и промышленными товарами... Как счастливы мы, трудящиеся евреи – равноправные граждане многонациональной семьи Советского Союза!»

Это сообщение также не соответствовало действительности, и В. Ханина вспоминала через много лет:

«В 1947 году вербовщики уговорили меня с мужем отправиться в Биробиджан – строить еврейский рай на Дальнем Востоке.

Ехали в товарных вагонах... На время следования эшелона обещали выдавать продукты, но это был обман. Вскоре съели всё, что взяли с собой на дорогу, пришлось на станциях менять одежду на еду... А дороге не было конца. За время движения сменили более ста паровозов. Люди начали умирать... 48 человек не доехали до Биробиджана...

Ни подъемных, ни нормального жилья, ни других продуктов, кроме селедки, в Биробиджане не давали. Всё это не могло не сказаться на здоровье: открылись раны на моих ногах, стали опухать ноги у мужа...

Возвратившись обратно домой, в Винницу, я первым делом стала звонить знакомым евреям, собиравшимся отправиться в Биробиджан, советовала ни в коем случае этого не делать, поведала всю правду. Может, этим мне удалось спасти многих от гибели».

7

Из газетной статьи: «Необозримы просторы Дальнего Востока. В этом краю неисчерпаемых богатств и неограниченных возможностей... раскинулась Еврейская автономная область... Тысячи евреев-переселенцев нашли там наилучшее применение своим силам...»

Условия жизни в Еврейской автономной области были тяжелыми. Долгие малоснежные зимы до сорока градусов мороза и промерзанием земли на глубину до двух метров. Жаркое, влажное лето с многодневными дождями. Обширные болотистые местности. Непроходимая тайга. Весной 1947 года сильное наводнение уничтожило посевы, разрушило мосты, снесло десятки деревень, и тысячи людей остались без крова.

Огромные очереди стояли за хлебом, а прочие продукты питания – мясо, жиры, крупа – появлялись в магазинах несколько раз в месяц. В отдаленные районы ЕАО не было никаких дорог; продукты и товары завозили туда по рекам до наступления морозов, и руководитель одного из районов заявил в начале 1948 года: «Дела обстоят просто отвратительно. Восемь месяцев в районе нельзя было купить мыло. Скоро заедят вши... Если вспыхнет какая-нибудь эпидемия, начнется массовое вымирание».

Из колхоза «Эмес» Биробиджанского района сообщали: «Большая нужда в рабочей силе... однако колхоз не имеет возможности принять десять семей. Имеются семь свободных домов, но они... стоят без крыши, без окон и дверей, без печей. Во многих домах прогнили потолки и требуют замены, необходима срочная перестилка полов... но нет строительных материалов».

Колхоз «Вальдгейм» принял 44 семьи из Винницкой области; на трудоспособного члена семьи выдавали по 400 граммов хлеба в день, на иждивенца – по 200 граммов, люди жили в бараках, и вскоре из колхоза уехали 58 человек. Подобные условия жизни были и в других местах; осведомители докладывали о высказывании колхозника: «Мы как на каторге... Лучше бы меня убил Гитлер...»

К концу 1948 года еврейское население ЕАО составило 30 000 человек: это было максимальное количество за всю историю области; вскоре многие переселенцы покинули Биробиджан.

Поэт И. Фефер сообщал американским читателям: «Факты свидетельствуют, что послевоенное переселение в Биробиджан превзошло все ожидания. Если переселение будет продолжаться на таком же уровне, через несколько лет на Дальнем Востоке появится Еврейская автономная советская социалистическая республика». (Статья Фефера появилась в американском журнале в январе 1949 года; к тому времени организованное переселение в ЕАО прекратилось, а автор статьи уже находился в тюрьме.)

Один из примеров беспрекословного подчинения «вождю народов». В конце 1942 года Сталин просматривал статью для публикации в «Правде» и проставил точки над буквами «ё», которые были в тексте. И хотя после 1917 года эту букву изъяли из русского алфавита, статью опубликовали на другой день с буквами «ё». Шли тяжелейшие бои под Сталинградом, решалась судьба страны, однако в ЦК партии уже работали над подготовкой специального постановления о введении в алфавит буквы «ё».

В 1947 году решили воздвигнуть грандиозный памятник Победы на Красной площади. Ведущие архитекторы и скульпторы страны предлагали разные варианты: установить памятник посреди площади, передвинуть или ликвидировать здание Исторического музея, превратить одну из башен Кремля в постамент для гигантской статуи вождя. Из стенограммы совещания: «Победу без фигуры товарища Сталина я не могу себе представить...» – «За Мавзолеем – скульптура Сталина... Это можно здорово сделать, но от Кремля тогда ничего не останется...» – «Такая композиция может убить Спасские ворота...» – «Ну и пусть уььет...»

В тот момент у страны были иные заботы, требовалось восстанавливать разрушенные города и промышленные объекты – возможно, поэтому памятник Победы на Красной площади так и не появился на свет.

В 1946 году издали очередные 10 миллионов экземпляров «Краткого курса истории ВКП(б)» – «классического труда товарища Сталина». К 1948 году тираж этой книги превысил 34 миллиона экземпляров на 63 языках народов СССР; к 1951 году отпечатали еще 5 миллионов экземпляров. В 1950–1951 годах увидели свет более 2,5 миллиона экземпляров «Краткой биографии И. В. Сталина».

Из газеты «Известия»: «Ко дню знаменательной даты (70-летие вождя)... коммунистическая партия Израиля выпускает в переводе на еврейский язык (иврит) «Краткий курс истории ВКП(б)». «Лига дружеских связей с СССР» издает в переводе на иврит второе издание краткой биографии товарища И. В. Сталина».

На 1 января 1941 года числилось в компартии СССР 3 872 465 человек, из них – 176 884 еврея (4,57%). На 1 января 1946 года в партии состояло 5 513 649 человек, из них – 202 878 евреев (3,68%). Увеличение абсолютного количества евреев по сравнению с довоенным периодом связано с массовым вступлением в партию бойцов Красной армии в годы войны.

В 1946 году на Украине среди секретарей горкомов и райкомов партии было 1918 украинцев (70%), 739 русских (27%), 4 еврея (0,15%).

В судебных архивах хранятся дела с описанием «преступлений» в первые послевоенные годы, за которыми следовали жестокие наказания. Рабочий в Рязанской области бросил огурец в портрет «одного из руководителей». Некий таджик в Москве нецензурно ругался «в адрес бюста Ленина». Шахтер с Украины порвал портрет Сталина, «произнося при этом контрреволюционные измышления». Две эстонки из Тарту выбросили из окна больницы бюсты «основателей коммунистической партии и советского государства». Плотник из Чкаловской области допускал «похабщину в отношении портрета вождя народов» (осужден на 10 лет лишения свободы).

Очерк семьдесят второй

Террор в военные и первые послевоенные годы

1

Весной 1944 года в ЦК подготовили документ «О состоянии Литературного института при Союзе советских писателей», в котором особо подчеркнули антисоветскую деятельность нескольких студентов:

«Белинков, двадцати двух лет, по национальности еврей... Арестован органами государственной безопасности; представил как дипломную работу рукопись «Черновик чувств», что является антисоветской вылазкой; открыто симпатизирует философам-идеалистам Платону, Канту, Бергсону...

Эльштейн, двадцати двух лет, по национальности еврей... Арестован органами государственной безопасности... Злопыхательствует по отношению к советскому строю...

Ингал, двадцати трех лет, по национальности еврей... Вместе с Белинковым и Эльштейном пытался пропагандировать свои антисоветские взгляды среди студентов института, давая читать им свои произведения...»

В документе перечислялись и другие неблагонадежные студенты, среди которых оказалось немало евреев: «Студент первого курса Музис (еврей)... М. Рапорт, по национальности еврейка... Р. Тамаркина (еврейка) и Ш. Сорокко (еврейка)...»

Аркадия Белинкова арестовали в начале 1944 года и осудили на 8 лет.

В лагере Белинков написал тайком несколько работ – это обнаружили и приговорили его к 25 годам за «контрреволюционную пропаганду и призывы к террористическим действиям».

2

Н. Коржавин, из стихотворения 1944 года:

Гуляли, целовались, жили-были...
А между тем, гнусавя и рыча,
Шли в ночь закрытые автомобили
И дворников будили по ночам.
Давил на кнопку, не стесняясь, палец,
И вдруг по нервам прыгала волна...
Звонок урчал... И дети просыпались,
И вскрикивали женщины со сна...

Репрессии в Советском Союзе не утихали даже в военные годы: это называли «решительной борьбой с агентурой врага в тылу и всякого рода пораженческими элементами». Берия докладывал Сталину: «За 1943 год войсками НКВД по охране тыла... задержано для проверки 931 549 человек... Из общего количества задержанных разоблачено и арестовано 80 296 человек (агентура, изменники, предатели, каратели, дезертиры, мародеры и прочий преступный элемент)...»

Расстреливали или осуждали на длительные сроки «пораженцев» и сеятелей паники; отправляли в лагеря за «антисоветские разговоры» и «распространение ложных слухов», за самовольный уход с работы и обнаруженный в доме радиоприемник, которые не сдали по распоряжению властей, даже за восхваление американской техники, поступавшей из-за океана. Солдат и офицеров, вышедших из окружения, отправляли в фильтрационные лагеря для проверки, а затем посылали на фронт или в места заключений как изменников родины.

По данным российских военных историков, в немецком плену оказалось 4,5 миллиона бойцов и командиров Красной армии, многие из которых погибли. После войны вернулись в Советский Союз 1,8 миллиона бывших военнопленных, а также 2,6 миллиона мужчин и женщин, угнанных на принудительные работы в Германию. Среди них насчитали 11 428 евреев, сумевших скрыть свою национальность и избежать неминуемого уничтожения; обычно они выдавали себя за татар, узбеков, азербайджанцев, так как у мусульман принято делать обрезание.

В мае 1945 года, сразу после победы, последовала директива Сталина: «Военным Советам фронтов сформировать в тыловых районах лагеря для размещения и содержания бывших военнопленных и репатрируе-

мых советских граждан на 10 000 человек каждый лагерь...» Создали десятки лагерей, где военных и гражданских лиц проверяли сотрудники НКВД, НКГБ и контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам»).

Не избежали проверки и подростки 12–16 лет, которых немцы – по мнению сотрудников НКГБ – могли завербовать в годы оккупации для проведения шпионажа и диверсий.

Из воспоминаний бывшего военнопленного (1945 год):

«Впереди мост через Эльбу... Через мост как бесконечная змея медленно ползет колонна сторбившихся разношерстно одетых людей. Здесь и мужчины в обносках чуть не всех армий мира, и женщины в женском и в мужских кителях, и мальчишки... Эта змея-колонна очень плотная и чем-то напоминает густую патоку, вытекающую из огромной бутылки.

Сразу же за мостом колонна обрамляется неизвестно откуда взявшимися автоматчиками, которые идут цепочками сбоку...

А вот и первое приветствие Родины:

– Изменники! По лагерям сгноим.

Неужели это кричит тот самый майор, приезжавший уговаривать нас вернуться домой? Нет, это только обозный солдат, стоящий на повозке... Скорее всего, он большой патриот и повторяет слова, внушенные ему пропагандой...»

Запись в анкете «военнопленный» оставалась клеймом на долгие годы, обвинением в трусости, предательстве, в измене родине (лишь в конце двадцатого века вышел указ о полной реабилитации побывавших в немецком плену, но мало кто из них дожил до этого дня).

А. Солженицын (из книги «Архипелаг ГУЛАГ»): «Горше и круче судили тех, кто побывал в Европе, хотя бы и «остовским» («восточным») рабом, потому что он видел кусочек европейской жизни и мог рассказывать о ней... Рассказать же, что в Европе вовсе плохо, совсем жить нельзя, – не каждый умел».

3

Парад Победы, 24 июня 1945 года (Григорий Браиловский, свидетельство участника парада):

«К торжественному маршу... первый батальон прямо...» От Исторического музея до Мавзолея – метров сто, и мы, выравнивая шеренги, уже

смотрим на него. Рядом с ним привычное окружение соратников, но мы видим только его, величайшего полководца всех времен и народов, своего верховного главнокомандующего, главного творца нашей победы...

А всего за час до этого нас, сдавших свой главный экзамен на преданность ему в боях, снова проверяли... приказав обыскать друг друга. Кто-то шарил по карманам нашего знаменосца, трижды Героя Советского Союза Покрышкина и его ассистентов, дважды Героев Лавриненкова и Алелюхина. Поочередно щупали друг друга в поисках запрятанного пистолета такие потенциальные террористы, как Герои СССР подполковник Субботин и капитан Старченко...

В тот торжественный час не могло прийти в голову Васе Макарову, вчерашнему командиру полка, что скоро его внезапно снимут с занятий и отправят в застенки. Даже в дурном сне не могло привидеться полковнику Андрианову, светлой голове, что... его схватят как японского шпиона...»

«Кто из нас, захлебывавшихся в криках «ура» на Параде Победы, знал тогда о ее цене? О том, к примеру, что... множество уцелевших в нацистских лагерях попадут после освобождения в сталинские?..»

Из воспоминаний первых послевоенных лет: «Кенгир – 500 километров к северу от Караганды. 6000 заключенных... осужденных за «контрреволюцию», за «измену родине», «шпионаж», «диверсию», «террор», «содействие мировой буржуазии»... «СОЭ» («социально-опасный элемент»), за антисоветский анекдот, знакомство с иностранцами и «преклонение перед Западом». Лагерь со строгим тюремным режимом...»

Разветвленная сеть карательных органов проводила по всей стране слежку и обыски, аресты и следствия, на которых из арестованных «выбивали» необходимые признания. Во многих случаях дело не доходило до судебного расследования – сколько бы понадобилось судей и прокуроров для осуждения сотен тысяч арестованных? Приговоры выносило «Особое совещание» (ОСО) из трех человек; они утверждали назначенную заранее меру наказания – расстрел или заключение на долгие сроки (в мае 1947 года, к примеру, сотрудники ОСО вынесли за один день приговоры на 575 обвиняемых).

В 1947 году отменили смертную казнь, взамен которой стали осуждать на 25 лет лагерей. Москва призвала другие страны отменить чрезвычайную меру наказания, однако в январе 1950 года – «ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, а также от деятелей культуры» – в Уголовный кодекс возвратили применение смертной казни «к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам».

Даже за принадлежность к религиозной общине баптистов осуждали на 25 лет лагерей: это расценивалось как участие в нелегальной антисоветской организации, за что полагалось самое суровое наказание.

После войны советские войска вели в западных районах страны борьбу с партизанскими движениями поляков, украинцев, латышей, литовцев и эстонцев; взятых в плен расстреливали или отправляли в лагеря, а их семьи выслали в отдаленные районы страны. Не доверяли гражданам городов и деревень, захваченных немцами; при поступлении на работу или учебу следовало заполнить анкету, в которой был пункт: «Находились ли вы или ваши родственники на временно оккупированной территории?»; фальшивая запись в анкете считалась уголовным преступлением.

Выжившие евреи опасались рассказывать, что они были в гетто, потому что там приходилось работать на немцев – строить, ремонтировать автомобили, копать окопы. Их допрашивали следователи: «Как же вы остались живы? Не сотрудничали ли вы с оккупантами?», и бывшим узникам гетто приходилось доказывать, что они не были изменниками.

4

Ценой колоссальных усилий увеличивали в стране производство стали, чугуна, цемента, угля и нефти; получив очередное правительственное задание, министры нередко обращались к Л. Берия – прислать дополнительное количество заключенных, чтобы уложиться в запланированные сроки.

В начале 1947 года министр строительства предприятий топливной промышленности просил в письме: «Товарищу Берия Л. П. Для развертывания строительства прошу организовать еще лагерь на 5 тысяч человек, выделить 30 000 метров брезента для пошива палаток и 50 тонн колючей проволоки».

Чтобы ускорить строительство «спецобъекта» по атомному проекту, количество заключенных на тех работах увеличили до 37 000 человек.

Осужденных посылали обычно в труднодоступные и неосвоенные районы Севера и Востока с суровым климатом, где не хватало людей, приехавших туда по собственному желанию. За пайку хлеба и миску баланды заключенные строили заводы и города, возводили плотины, про-

кладывали дороги, добывали уголь, золото, медь, никель, уран, заготавливали древесину, строили в Москве высотные здания – голодные, бесправные, умиравшие от истощения, болезней, тяжелого физического труда.

Стране требовалась дешевая рабочая сила; повсюду шли аресты для пополнения состава лагерей, но даже карательные органы не могли поставить нужного количества заключенных. В начале 1947 года министр внутренних дел докладывал: «Потребностьстроек во втором квартале – дополнительно 400 тысяч человек. Необходимо выделить Дальстрою – 50 тысяч человек, БАМу – 60 тысяч, спецстрою – 50 тысяч, лесным лагерям – 50 тысяч, Воркуте-Ухте-Норильску – 40 тысяч и на покрытие убыли – 100 тысяч человек. Прошу дополнительных обязательств по поставке рабочей силы на МВД СССР в ближайшее время не возлагать».

С лета 1947 года начали беспощадно наказывать «за хищение государственного и общественного имущества». Напомним: это был голодный год во время небывалой засухи; чтобы накормить умирающих детей, крестьянки (в основном вдовы погибших солдат) выкапывали на колхозных полях картошку и свеклу, после уборки урожая собирали хлебные колоски.

В Курской области, не оправившейся еще от разрухи военных лет, приговорили к 5 годам заключения вдову, мать двоих детей – за кражу в колхозе нескольких клубней свеклы и 600 граммов ржаных колосьев. Двух колхозниц осудили на 5 лет за присвоение 4 килограммов картошки, которую они же сажали, окучивали, выпалывали сорняки.

Из приговора суда о хищении 2 килограммов 100 граммов зерна: «Подсудимая Филатова виновной себя признала полностью и суду пояснила... что ей нечего было кушать. Суд эти доводы считает неосновательными, а преступление доказанным...»

В конце 1947 года Сталин приказал создать лагерь самого строгого режима на 180 000 особо опасных государственных преступников, «оставшихся на воле троцкистов», а также «террористов, меньшевиков, эсеров, националистов...» Эти лагеря быстро переполнились; министр внутренних дел попросил вождя «увеличить емкость... до 250 000 заключенных», на что и получил разрешение.

С 1948 года начали репрессировать «повторников» – тех, кому удалось выжить в заключении и выйти на свободу; их заново отправляли в лагеря на основании прежних обвинений. В СССР процветали доносы и всеобщая подозрительность; один из секретарей ЦК партии провозгласил в те годы: «Бдительность должна стать необходимым качеством советских людей. Она должна являться, если хотите, национальной чертой, заложенной в характере русского советского человека».

Современник свидетельствовал: «Репрессии 1937 года мы еще пытались объяснить тем, что поколение, родившееся до революции, могло чего-то недопонимать, в чем-то быть несогласным с властью. Но мы-то появились на свет при советской власти, мы воевали за нее и спасли ее! В сознании не укладывалось...»

В 1949 году арестовали в Воронеже участников нелегальной «Коммунистической партии молодежи»; это были в основном школьники, которых обвинили в намерении «захватить политическую власть в СССР».

Диктатор мог оставаться у власти только при наличии карательных органов, проникавших во все слои общества с помощью секретных осведомителей. В стране насаждали и поддерживали страх многочисленными репрессиями, которые не поддавались логическому объяснению; достаточно было неосторожной фразы, рассказанного или услышанного анекдота в присутствии соседа, сослуживца, случайного знакомого. Кто мог почувствовать себя в полной безопасности или отсидеться в неприметной нише? Страх был повсеместным, у большинства – бессознательным; страх в сочетании с массовой пропагандой определял мысли и поступки людей, которые даже не догадывались об этом.

Н. Мандельштам (из книги «Воспоминания»):

«Все мы принадлежали к кругу, который походя уничтожался. Удивительно не то, что многие из нас побывали или погибли в лагерях, а то, что кое-кто уцелел. Осторожность не помогала. Помогала только случайность...»

Террор – это устрашение. Чтобы погрузить страну в состояние непрерывного страха, нужно довести количество жертв до астрономической цифры и на каждой лестнице очистить несколько квартир. Остальные жильцы дома, улицы, города, где прошла метла, будут до конца жизни образцовыми гражданами. Не следует только забывать новых поколений, которые не верят своим отцам, и планомерно возобновлять чистку.

Сталин прожил долгую жизнь и следил, чтобы волны террора время от времени увеличивали силу и размах».

5

В первые послевоенные годы появились подпольные молодежные объединения, участники которых изучали произведения Маркса и Энгельса, спорили о методах борьбы с политикой Кремля, искажавшей марксистское учение, составляли программы, манифесты, листовки,

выпускали рукописные журналы, уходили в лагеря на долгие сроки – в этом демократическом движении участвовали и евреи Советского Союза.

В 1946 году пятнадцатилетний Александр Воронель и группа подростков (все, кроме одного, евреи) создали в Харькове кружок и распространяли листовки, возмущаясь нарушениями принципов марксизма-ленинизма. А. Воронель, из воспоминаний:

«Мы все были марксистами, не зная ничего иного...

Нам приходилось видеть опухших от голода людей. Оборванные инвалиды на базаре истошно пели песни, просили милостыню и обжужливали народ в карты и в «веревочку». В темных переулках убивали за пиджак. В «особторгах» и коммерческих магазинах витрины ломались от икры, колбас, сыров и прочего... Конечно, это не согласовывалось с Лениным, ни тем более с Марксом... Обнаружив такое расхождение, мы не сомневались ни минуты, что должны бороться, и задумывались только о формах этой борьбы...

Нас было семь мальчиков и одна девочка... Нам удалось написать печатными буквами и расклеить к праздникам до сотни листовок, которые мы помещали возле хлебных магазинов (где скапливались по утрам громадные очереди) и на портретах передовиков, развешанных по сторонам улиц. Иногда, рано утром, мы приходили в эти очереди и прислушивались к реакции толпы. Реакция была сочувственная.

Тем более удивился я позднее, когда увидел у следователя все наши листовки, аккуратно подшитые и пронумерованные. Было похоже, что ни одна не пропала. Принесены они были в КГБ добровольными доброжелателями, лояльными гражданами...»

Подросткам из Харькова повезло: им заменили наказание на условное и освободили; в последующие годы такое уже, очевидно, не случалось.

В 1948 году арестовали в Тбилиси участников подпольной группы «Молодая Грузия»; вместе с ними осудили за «недонесение» еврея А. Цыбулевского и отправили в лагерь на 10 лет.

В первые послевоенные годы в Москве возник «Союз борьбы за дело революции». Его участники – школьники старших классов и студенты – изучали труды Маркса, Ленина и Троцкого, обвиняли сталинскую диктатуру в «обмане и насилии над мыслями», критиковали взяточничество и казнокрадство, «насквозь проевшие весь государственный аппарат», изготавливали листовки. Следствие признало «Союз борьбы» «еврейской молодежной террористической организацией», готовившей покушение на члена Политбюро Г. Маленкова. В феврале 1952 года суд приговорил Е. Гуревича, Б. Слуцкого и В. Фурмана к расстрелу, десять

человек – к 25 годам заключения, троих – к 10 годам. (В 1989 году приговор отменили за отсутствием состава преступления.)

В 1950 году пять старшекласников города Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области выпустили единственную листовку: «Слушай, рабочий! Разве мы живем сейчас той жизнью, за которую боролись и умирали наши деды, отцы и братья?..» Их приговорили к 8 и 10 годам заключения; среди осужденных оказались М. Бакст и В. Рейхтман.

Пять московских студентов, участников группы В. Гершуни, написали текст листовки: «Наше правительство скомпрометировало себя...» Их отправили в заключение на долгие сроки; в лагере Гершуни («почти еще мальчик, взятый с первого курса... черноглазый, с матово-бледным заостренным лицом») закричал охраннику: «Не смейте звать нас контрреволюционерами! Это уже прошло. Сейчас мы опять ре-во-лю-ционеры! Только против советской власти!» (Впоследствии Владимир Гершуни помогал А. Солженицину в сборе материалов для книги «Архипелаг ГУЛАГ», в 1969 году его поместили в психбольницу на принудительное лечение.)

«Пустых тюрем у нас не бывало никогда, – отметил Солженицын, – а бывали либо полные, либо чрезмерно переполненные».

6

Первый крупный послевоенный процесс состоялся в 1946 году. На скамье подсудимых оказались бывший нарком авиационной промышленности А. Шахурин, главный маршал авиации А. Новиков и другие. Приговор гласил: «Подсудимые протаскивали на вооружение ВВС заведомо бракованные самолеты и моторы... что приводило к большому количеству аварий и катастроф в строевых частях ВВС, гибели летчиков...» Их осудили на сроки до 7 лет, однако столь «мягкие» приговоры более не повторялись.

В 1949 году арестовали около тридцати ведущих геологов страны и осудили на сроки до 25 лет – за преднамеренное сокрытие урана и другого стратегического сырья в Красноярском крае; среди «геологов-вредителей» были и евреи, разделившие общую судьбу.

В тюрьме и лагерях погибли геологи – академик И. Григорьев, М. Гуревич, Я. Роом, Л. Шаманский, Я. Эдельштейн (было ему тогда 83 года).

В 1949 году вывели из состава Политбюро Н. Вознесенского – первого заместителя председателя Совета Министров СССР и председателя

Госплана. Это послужило началом «ленинградского дела»; арестованных обвинили в создании в Ленинграде оппозиционного блока, чтобы расколоть партию, а также в связях с английской разведкой. Н. Хрущев: «Сталину немного было нужно при его болезненной подозрительности... Начались аресты... Выдумали ленинградское заговорщическое гнездо, которое, дескать, преследовало какие-то антисоветские цели».

Суд состоялся в сентябре 1950 года. К тому времени уже действовал указ о смертной казни, и обвиняемых расстреляли через час после оглашения приговора (среди них оказались Н. Вознесенский, секретарь ЦК партии А. Кузнецов, председатель Совета Министров РСФСР М. Родионов). Судебные процессы по этому делу продолжались два года, расстреляли и отправили в лагеря сотни партийных и советских работников из разных городов.

В 1951 году в Грузии возникло «дело о мингрельской националистической группе»; в тюрьму попали мингрелы – руководители республики по обвинению во взяточничестве, национализме и шпионаже.

Готовили материал на Л. Берия, «большого мингрела»; из Грузии даже сообщили, будто он скрывал свое еврейское происхождение, но Берия сумел сохранить расположение Сталина.

С. Аллилуева (дочь Сталина):

«Отец был подвластен железной, догматической логике: сказав А, надо сказать Б, В и всё остальное. Согласившись однажды, что N – враг, дальше уже необходимо было признать, что так это и есть... Снова поверить, что N не враг, а честный человек, было для него психологически невозможно...»

Он всюду видел врагов. Это было уже патологией, это была мания преследования – от опустошения, от одиночества. «У тебя тоже бывают антисоветские высказывания», – сказал он мне совершенно серьезно и зло. Я не стала ни возражать, ни спрашивать, откуда такие сведения...»

7

Ю. Марголин, узник ГУЛАГа, из книги «Путешествие в страну Зэка» (написана в Тель-Авиве в 1947 году):

«Ежедневно на рассвете – летом в пятом часу утра, а зимой в шесть – гудит сигнал подъема на работу в тысячах советских лагерей, раскиданных на необъятном пространстве от Ледовитого океана до китайской границы, от Балтийского моря до Тихого океана. Дрожь проходит по громаде человеческих тел. В эту минуту просыпаются близкие и доро-

гие мне люди, которых я, вероятно, никогда уже больше не увижу. Подымаются миллионы людей, оторванных от мира так, как если бы они жили на другой планете.

Меня давно уже нет с ними... Я живу в прекрасном городе на берегу Средиземного моря. Я могу спать поздно, меня не проверяют утром и вечером, и на столе моем довольно пищи. Но каждое утро в пять часов я открываю глаза и переживаю острое мгновение испуга. Это привычка пяти лагерных лет. Каждое утро звучит в моих ушах сигнал с того света:

– Подъем!

Читатель... не сделай ошибки и не спутай советские лагеря с гитлеровскими. Не оправдывай советские лагеря тем, что Освенцим, Майданек и Трелинка были хуже. Помни, что гитлеровских фабрик смерти уже нет, они прошли, как злой сон... а Круглица и Котлас функционируют по-прежнему, и люди погибают там сегодня так же, как погибали пять или десять лет тому назад. Напряги свой слух, и ты услышишь то, что слышу я каждое утро на рассвете, издалека:

– Подъем!...»

«В оправдание совершаемого массового убийства сошлутся на историческую необходимость: нельзя иначе построить коммунизм в данных условиях. Это – аргумент выродков...»

Хелла Рабинович (из свидетельства 1994 года):

«Оглядываясь на прожитые годы, вспоминаю старую еврейскую песню, которую по-русски можно назвать так: «Знаете ли вы, кто я?»... Родилась в Польше, выросла в Германии, прожила 43 года в Советской России, сейчас живу в Израиле. Так кто же я?..

В 1933 году я бежала от Гитлера в Советский Союз. В 1937-м в Москве, на знаменитой Лубянке, меня допрашивали четверо суток под ярким светом лампы: «Говори, кто тебя завербовал?..» Втолкнули в камеру, рассчитанную на 20 арестантов, где копошились во мгле 150 полуголых женщин; после четырех месяцев пребывания в этом аду мне объявили приговор: «10 лет заключения за контрреволюционную деятельность».

Находилась несколько месяцев в распределительном лагере Маринска, где люди умирали как мухи от тифа и недоедания. Затем девять голодных лет заключения – работала на швейной фабрике за жидкую похлебку и скудную пайку хлеба. Пережила и второй арест, по «старому делу». Снова этапы, пересылки, девять лет ссылки в Красноярском крае.

Если говорить о моих профессиях, то одним я научилась добровольно, другим меня заставила научиться жизнь. Училась театральному искусству и играла в трех театрах в Берлине. В Москве до ареста расшифровывала рукописи Маркса, Энгельса и Карла Либкнехта. В сибирском

лагере научилась шить бушлаты для заключенных и брюки для фронтовиков.

После первого освобождения работала грузчиком на торфяных разработках, затем – поваром, лаборанткой и экспедитором по заготовке бревен. Во время ссылки в Красноярский край чистила снег на Енисее в трескучий мороз; там же пришлось работать прачкой и гладильщицей. Работала и в МТС, в совхозе, штукатурила на стройке.

Умею сажать и полоть, копать картошку, выращивать поросят и цыплят, доить коров и коз. А после реабилитации, уже в Москве, печатала под диктовку и проводила лечебную гимнастику с астматиками. В Израиле печатала, корректировала, редактировала, ухаживала за старой женщиной, читала вслух для слепого ученого...

В старой еврейской песне спрашивается: «Знаете ли вы, кто я?» Я тоже спрашиваю: скажите, люди, кто же я?..»

Из воспоминаний военных лет:

«Зайцева (начальница женского лагеря на Колыме) старалась, чтобы лагерь выглядел красиво, и велела повсюду развесить лозунги. У входа в лагерь был укреплен лозунг со словами: «Добро пожаловать!» На здании кухни висел лозунг «Кто не работает, тот не ест». А в центре лагеря – «Бдительность, бдительность и еще раз бдительность – враг не дремлет, он таится повсюду (И. Сталин)».

«Осень и зима 1941–1942 годов были страшными. Голод, мороз, доходящий до пятидесяти градусов, груды замерзших трупов, сваленных на лагерном дворе... Наивысшая смертность была среди украинцев, буковинских и бессарабских молдаван и среди кавказцев; русские, финны и китайцы оказались более живучими...»

Исследователи определили: «За всю историю ГУЛАГа именно на 1941–1945 годы приходилась наибольшая смертность заключенных... В общей сложности в 1941–1945 годах в лагерях и колониях ГУЛАГа и в тюрьмах умерло около 1 миллиона заключенных».

Генерал-лейтенант НКВД П. Судоплатов (из воспоминаний 1947 года): «Я помню устное указание... заместителя министра госбезопасности по кадрам не принимать евреев на офицерские должности в органы безопасности». К 1 января 1953 года в МВД Украины числилось 21 081 украинец (59,3%), 11 753 русских (33%),

1521 еврей (4,3%). В органах безопасности Харьковской области на 895 сотрудников приходилось 14 евреев.

В 1951 году в Закарпатском управлении МГБ было 7 евреев на 396 работников, а также «7 человек, имеющих жен еврейской национальности». «Соккрытие национальности» служило поводом к немедленному увольнению.

Из «Отечественных архивов» (1992 год): «По сообщению начальника ГУЛАГа... на начало 1946 года емкость гулаговской системы составляла 1,3 млн. человек... на которой содержалось 1,5 млн. заключенных, да еще планировалось новое строительство на 177 104 места для размещения «сверхлимитного и вновь завозимого контингента...» – «Потоки заключенных после войны росли, росла и емкость лагерей... Число заключенных в стране... в 1950 году составляло 2,6 млн. человек...»

Из заключения комиссии Политбюро ЦК КПСС (1989 год): «Инициатором и организатором массовых арестов, расстрелов без суда и следствия, депортации сотен тысяч людей был Сталин... Непосредственную ответственность за репрессии и беззаконие, кроме Сталина, несут Молотов, Каганович, Берия, Ворошилов, Жданов, Маленков, Микоян, Хрущев, Булганин, Андреев, С. Косиор, Сулов...»

Н. Мандельштам:

«Судьба евреев замечательна тем, что они не только разделяют участь своего народа, но несут еще вдобавок все несчастья того народа, на чьей земле они раскинули палатки. Даже еврей, публично отказывающийся от своего еврейства, попадает наравне с другими в газовую печь, и он же отправляется на Колыму с чужим племенем, на языке которого он говорит. Мандельштам, еврей и русский поэт, платил и платит до сих пор по двойным, а то и тройным счетам...»

Все судьбы в наш век многогранны, и мне приходит в голову, что всякий настоящий интеллигент всегда немножко еврей, потому что платит по тройным счетам...»

Очерк семьдесят третий

Еврейская религиозная жизнь в первые послевоенные годы

1

А. Яковлев, советский государственный деятель: «В 1941 году репрессировано 4000 священнослужителей, из них казнено 1900... В 1943 году общее число репрессированных православных священнослужителей составило более 1000 человек, из них расстреляно 500...»

Германская пропаганда на оккупированных территориях постоянно подчеркивала беспощадную борьбу советской власти с религией и противопоставляла ей свое отношение к верующим людям. Немецкая администрация разрешала открытие церквей, монастырей, мечетей и распространяла листовки с новейшими молитвами: «Адольф Гитлер, ты наш вождь, имя твое наводит трепет на врагов. Да придет Третья империя твоя и да осуществится воля твоя на земле...»

Чтобы нейтрализовать вражескую пропаганду, советские руководители приостановили антирелигиозную борьбу, распустили «Союз воинствующих безбожников», освобождали из лагерей уцелевших священников и раздавали им приходы в сохранившихся церквях, позволили открыть семинарии для подготовки лиц духовного звания. (Одновре-

менно с этим в 1944–1946 годах расстреливали ежегодно не менее 100 священнослужителей.)

Более терпимое отношение к религии коснулось и еврейского населения. После расстрела московского раввина Ш. Медалье никто не заменял его в течение пяти лет; в конце 1943 года раввином Москвы назначили Ш. Шлифера. С 1936 года синагога Ленинграда оставалась без духовного руководителя; в 1943 году раввином города стал А. Лубанов, которому позволили вернуться из ссылки.

Весной 1944 года был создан Совет по делам религиозных культов СССР. Его уполномоченных по всей стране обязали «заниматься изучением политической физиономии» руководителей религиозных объединений, ограничивать их деятельность «пределами молитвенных зданий», а также отмечать антисоветские настроения верующих.

2

После освобождения города или местечка выжившие евреи выходили из укрытий и собирались возле синагоги или того места, где лежали ее развалины. И если удавалось увидеть своих родных, товарищей, соседей, которые тоже остались в живых, то «они обнимались и целовались, их крики и плач возносились к небесам».

Мейлах Бакальчук-Фелин (Ровенская область): «На площади, где раньше возвышалась синагога, земля была распахана и превращена в огороды...»

Нюма Анапольский (Бар, Украина): «Большая синагога сгорела дотла – после того, как в нее вкатили бочку с бензином и подожгли. Металлическую фигурную ограду, окружавшую синагогу, разобрали и огородили ею березовые кресты на могилах убитых фашистов...»

Зигмунд Майзлер (Черновцы): «В центре города фашисты сожгли... один из крупнейших памятников Буковины – хоральную синагогу «Темпль»...»

Во многих городках и местечках не осталось ни одного еврея, лишь здания синагог напоминали о прежнем их существовании. Сразу после освобождения в этих зданиях начали размещать магазины, склады, гаражи и учреждения, дома культуры и кинотеатры. Там же, где заново образовывались еврейские общины, возникали общественные комитеты, в которые входили верующие и атеисты; борьба за открытие синагог стала борьбой за восстановление еврейской жизни, порушенной в годы Катастрофы, памятью тем, кто не дожил до освобождения.

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов докладывал с Украины, что во второй половине 1944 года синагоги открывались без

разрешения, «явочным порядком по мере массового возвращения евреев из восточных областей». Прежде всего они разыскивали поврежденные, оскверненные, обугленные свитки Торы и обрывки пергамента; печальные процессии направлялись на еврейские кладбища, чтобы предать их земле.

В 1944–1945 годах возникли еврейские религиозные общины в Киеве, Белой Церкви, Черкассах, Смеле, Богуславе, Умани, в Каменец-Подольском, Проскурове, Шепетовке, Староконстантинове; в Винницкой области действовали в то время 13 еврейских религиозных общин.

Правление еврейской общины Львова организовало сбор пожертвованной среди евреев, помогало инвалидам войны, семьям погибших солдат, сиротам и прочим нуждающимся. Местные власти пресекли недозволенную деятельность и приняли меры, чтобы ограничить «религиозную жизнь в пределах синагоги, не допуская проявления вне ее стен». Правление общины распустило, ее председателя Л. Серебряного арестовали.

Еврейские общественные комитеты появились в Вильнюсе и Каунасе, в Риге, Даугавпилсе, Таллине и Тарту. Они выявляли переживших Катастрофу, помогали им приобрести жилье, одежду, лекарства, открывали бесплатные столовые. Помещения комитетов становились местами поисков родных и близких: «Стены подъезда и лестничных площадок покрыты извещениями на бумаге, а кое-где написано прямо на стене: «Разыскиваю... моего мужа... мою жену... моего ребенка... моего брата... моего отца... мою мать... Кто знает, кто видел... в гетто... в Вильнюсе... в Клооге...»

Общину Вильнюса возглавил Гутесман, единственный раввин, уцелевший в городе. Раввин Э. Ошри, выживший в гетто, стал духовным руководителем еврейской общины Каунаса.

В Вильнюсе спаслись несколько десятков еврейских детей, которые бродили в гетто среди развалин. Общественный комитет – в него входили среди прочих Ш. Качергинский, А. Ковнер, А. Суцкевер – попросил разрешения создать для этих детей школы-интернаты с преподаванием на идиш. В обращении к литовскому правительству особо подчеркнули, что невозможно посылать еврейских детей, «выживших в годы немецкого террора», в литовские и польские школы, так как учителя и ученики этих школ «недружелюбны» к евреям.

Осенью 1944 года в Вильнюсе и Каунасе появились школы-интернаты, где дети-сироты жили и учились; туда же поступали осиротевшие

дети, вернувшиеся из эвакуации. Еврейские общины оказывали помощь интернатам, в которых находилось около 600 детей, помогали им и евреи – солдаты и офицеры Красной армии. Это не осталось незамеченным, и в Москву доложили, что руководство Литвы «идет на поводу еврейской общины... вместо того, чтобы разъяснить ненужность и вредность такой затеи для самих же еврейских ребят».

Начальные еврейские школы с преподаванием на идиш существовали в Вильнюсе и Каунасе несколько лет. Это были последние школы на идиш в Советском Союзе.

3

Това Перельштейн, из воспоминаний (события 1944 год):

«Когда у меня родился сын... врач-еврей очень обрадовался и даже гордился тем, что ему выпала честь исполнить заповедь обрезания первому еврейскому младенцу на Колыме. На всякий случай, во избежание неприятностей, он обратился в парторганизацию за разрешением.

Секретарь местной партийной организации отнесся к вопросу чрезвычайно серьезно и обвинил хирурга в том, что он поощряет религиозный культ и отступает от учения Маркса–Ленина–Сталина. Врач «осознал свою ошибку» и отказался проводить церемонию обрезания...»

Цви Прейгерзон, из рассказа «Бремя имени» (1945 год):

«У нашего друга, учителя математики Соломона Ефимовича, родился сын...

Соломон был записан в паспорте как Шлёма Хаимович и на себе испытал, сколько волнений доставило ему в жизни это треклятое имя... Нет уж, увольте! Он не станет обречь своего первенца на вечную муку, будет с них этих Шлём, Хаимов, Ициков! Сын должен носить нормальное, среднесоветское имя гражданина страны. Ибо имя человеку требуется такое, чтобы на его крыльях легко и беззаботно пролететь по жизни...

С одной стороны это, конечно, так. А если взглянуть с другой стороны? Ведь должна же в семье сохраниться память о его покойном отце, которого звали просто, хоть и длинно – Хаим-Нафтали-Гирш. А если точно, то Хаим-Нафтали-Цви-Гирш. Дорогой отец... Его соседка, русская женщина, написала Соломону после войны, что немцы расстреляли отца одним из первых в местечке... Ах, отец, отец!.. Разве это жизнь, если даже имя родного отца и то боишься произнести вслух? Справедливо ли это? Нет, не таков Соломон, и он не станет малодушничать!..

Наша компания собралась у Соломона на семейное торжество, называемое «брит-мила»... Совершать его должен был моэль Шифман, благо-

образный старик лет восьмидесяти... Не успели мы и глазом моргнуть, как ребенок оказался в стане праотца нашего Авраама... Моэль неожиданно приятным голосом пропел молитву, закончив ее следующим образом: «И назовут его во Израиле Хаим-Нафтали-Цви-Гирш!..»

Я сидел рядом с Соломоном и увидел свидетельство о рождении... В нем отчетливо было записано имя ребенка: «Григорий». Перехватив мой удивленный взгляд, Соломон с виноватым видом тихо проговорил:

– Что же делать? Мы ведь не там живем...»

4

Осенью 1945 года, в первый послевоенный праздник Рош га-Шана, евреи заполнили синагоги по всей стране. В киевском молитвенном доме собралось 3000 человек; в Черновцах «помещение синагоги и прилегающие улицы были битком набиты евреями. Многие пришли в военной форме, в шинелях, сапогах, пилотках. Нас влекло к синагоге желание почувствовать и показать всем, что наш народ жив назло врагам».

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов докладывал из Белоруссии: «Евреи до войны не проявляли особого рвения к религии, а сейчас они сделали большой крен в сторону религиозного фанатизма, пожалуй, больше, чем какая-либо другая народность...»

Н. Бердяев, русский философ: «Гитлер наполнил синагоги молящимися...» В первые послевоенные годы говорили: «Мертвые воскресили живых».

Из Днепропетровской области сообщали начальству: «Особую энергию проявляют верующие евреи в вопросе открытия синагог... Нельзя сказать, что религиозные настроения пошли здесь на убыль». В освобожденный Днепропетровск вернулся из ссылки А. Рогалин, собрал деньги среди евреев, и они восстановили разрушенное здание синагоги. Авраам Рогалин стал старостой синагоги; у еврейской общины города были кантор, резник, работало погребальное братство, совершали обряды обрезания.

Руководители еврейской общины Бердичева заявили представителю власти: «Приходите в синагогу в Судные дни, и вы сами убедитесь, что все евреи будут в синагоге. Даже коммунисты в эти дни чувствуют, что они евреи». В Бердичеве на собранные средства капитально отремонтировали синагогу, обеспечивали верующих евреев кашерным мясом, следили за состоянием кладбища и помогали вернувшимся из эвакуации.

К началу 1947 года власти отклонили более двухсот просьб от открытия новых молитвенных домов, и количество действовавших синагог стало постепенно уменьшаться. Многие зависело от местных руководителей, а потому судьба синагог в разных городах не одинакова. В первые послевоенные годы не позволили открыть молитвенные дома в Сталинграде, Ижевске, Липецке и Владивостоке, в Сталино (Донецке), Луганске и Могилеве-Подольском, в белорусских городах Мстиславле и Могилеве; разрешили открыть синагоги в Брянске, Кривом Роге, Запорожье, Сталинабаде (Душанбе).

В 1947 году местные власти конфисковали в Гомеле здание синагоги, восстановленное на средства местных евреев, затем это случилось в Витебске. В 1948 году евреи Бобруйска отремонтировали синагогу, но вскоре здание у них отобрали и перевели туда городской архив. Закрыли единственную синагогу в Проскурове (Хмельницком) – верующие собирались нелегально на частных квартирах и переносили с места на место сохранившиеся свитки Торы.

После войны евреям Пензы не вернули здание синагоги, но выделили при нем сторожку, где они и молились затем многие годы. Евреи Омска и Новосибирска получили помещения для молитв, в Кемерове не позволили открыть синагогу, а в Томске ее закрыли и разместили там филармонию.

В Перми были две небольшие синагоги в деревянных домах. За 1947–1949 годы провели обрезание 61 новорожденному мальчику, 25 свадебных обрядов по еврейским законам, 123 погребения, один развод. К 1953 году обе синагоги закрыли.

Летом 1945 года была зарегистрирована еврейская религиозная община во Фрунзе, столице Киргизии. При синагоге существовала «миква» – бассейн для ритуального омовения; похороны проводили в соответствии с религиозными законами, резники обеспечивали прихожан кашерным мясом, перед праздником Песах в синагоге выпекали мацу, там же проводили обрезания новорожденных мальчиков и празднование их тринадцатилетия; особенно торжественно совершали бракосочетания под «хупой» – свадебным балдахином. В Йом Кипур 1952 года собрались в синагоге 2500 человек, среди них было много молодежи, что насторожило соответствующие органы.

Синагогу в Самарканде закрыли, распустили религиозную общину, а ее руководителей привлекли к уголовной ответственности, так как они построили без разрешения несколько помещений во дворе синагоги и превратили их в молитвенные дома. По агентурным сведениям, в Одессе, Днепропетровске, Харькове и Киеве появились кружки по изучению Талмуда: это рассматривалось как «преподавание вероучения несовер-

шеннолетним», а потому последовало указание – «решительно пресекать попытки организации подобного рода деятельности».

Летом 1946 года власти позволили учредить иешиву при московской синагоге, издать молитвенник и еврейский календарь, однако это разрешение вскоре аннулировали. В 1948 году Политбюро приняло постановление – запретить поездку в Польшу «делегации еврейских общин Москвы и Киева для участия в траурном собрании по случаю пятилетней годовщины восстания в Варшавском гетто».

5

В Риге, в первые дни немецкой оккупации, в подвальных помещениях Большой хоральной синагоги располагались сотни беженцев-евреев из латвийских городов и местечек; местные полицейские забили двери досками, облили здание бензином и подожгли. «Несчастные пытались выпрыгнуть из окон, но палачи расставили пулеметы вокруг синагоги и стреляли в каждого, кто пытался спастись...» После войны сгоревшую синагогу разрушили до основания, подвал с костями погибших засыпали, на том месте разбили сквер и поставили Доску почета героев труда.

В первые дни оккупации сожгли в Риге более двадцати синагог и модельных домов с запертыми в них евреями. Среди прочих сгорела старейшая синагога «Алтнайе шул», «Старо-новая синагога»; после освобождения города ее здание превратили в жилой дом, люди поселились в том помещении, где некогда евреи молились и погибали в огне.

Сохранилась синагога в Старом городе Риги, в тесных его улочках, которую не решились поджечь, так как огонь мог перекинуться на соседние дома. В здании синагоги немцы устроили склад; после освобождения города обнаружили, что неизвестные лица укрыли за досчатой перегородкой восточную стену синагоги – там сохранился Арон га-кодеш и хранившиеся в нем свитки Торы. После освобождения Риги туда вновь пришли евреи и вновь прозвучали слова молитв.

В годы войны в Вильнюсе пострадали от бомбардировок Большая синагога и Шулгойф (синагогальный двор), на котором располагались Старая синагога, несколько молитвенных домов, библиотека М. Страшуна, а также «дом Гаона», где жил еврейский законоучитель восемнадцатого века, раввин Элиягу бен Шломо Залман, гордость еврейского Вильно.

Разрушенные здания можно было восстановить подобно другим пострадавшим домам города; дирекция Еврейского музея в Вильнюсе просила взять Большую синагогу – «памятник древней культуры» – под охрану государства и сохранить Шулгойф, однако просьбу отклонили. Последовало распоряжение: здания «не пригодны для восстановления», а потому следует передать их «строительным организациям... для разборки и вы-

борки кирпича». Шулгойф снесли и застроили жилыми домами, Большую синагогу разрушили, на ее фундаменте построили здание детского сада.

В 1948 году уничтожили старейшее еврейское кладбище Вильнюса, первые захоронения на котором относились к концу пятнадцатого века. Останки «виленского Гаона», членов его семьи и учеников перенесли на новое кладбище; туда же перенесли и останки графа Валентина Потоцкого, «праведного прозелита», которого в восемнадцатом веке сожгли за переход в иудаизм. На месте старого кладбища построили впоследствии Дворец спорта.

В 1951 году переименовали улицы Вильнюса, напоминавшие о евреях города: Жиду (Еврейская), Гаоно и Страшуно (в конце двадцатого века улицам Гаоно и Жиду вернули прежние названия).

6

Синагогу в Биробиджане открыли в 1947 году на Рош га-Шана – это была единственная синагога в Еврейской автономной области. В ней собирался постоянный «миньян» для молитвы, у еврейской общины были кантор и резник; «отцы города» неоднократно выступали на эту тему на партийных собраниях: «В городе существует синагога, а горком партии совершенно не развернул антирелигиозную пропаганду...»

К 1948 году закрыли последние синагоги в Шаргороде Винницкой области: Большую синагогу превратили в завод по производству соков и вина, роспись на стенах уничтожили, во второй синагоге устроили библиотеку. К тому времени в Винницкой области оставалось пять зарегистрированных еврейских религиозных общин – в Виннице, Жмеринке, Черневцах, Ямполье и Бершади. В каждой из них были раввин и кантор, существовали погребальные братства; в субботние и праздничные дни приезжали в синагоги евреи из окрестных деревень. Местные власти запрещали собирать деньги для помощи нуждающимся и не разрешали проводить занятия по изучению Торы; о раввине винницкой синагоги было указано особо: «Требуется непрерывного наблюдения».

В 1949 году синагогу в Виннице закрыли и разместили там библиотечный коллектор; в последующие годы верующие евреи получали один и тот же ответ на свои просьбы: «В открытии синагоги в Виннице нет необходимости».

С 1950 года запретили по всей стране возводить возле синагог «сукку» (в русском языке – шалаш, куца) во время осеннего праздника Суккот.

Синагога в Бершади

Жесткий контроль за действующими синагогами и недостаточное их количество приводили к тому, что появлялись подпольные «миньяны» – группы молящихся более десяти человек, собиравшиеся на частных квартирах. Совет по делам религиозных культов сообщал в ЦК партии: «Число нелегально действующих синагог довольно значительно... В Белорусской ССР, например, отмечена деятельность «миньянов» в Пинске, Барановичах, Полоцке, Борисове, Орше, Могилеве, Рогачеве...»

В Бершади на Украине один «миньян» составляли еврей-сапожники, а второй – еврей-портные. В Виннице – по донесению осведомителей – действовало в 1951 году 69 «миньянов», которые посещали около 6200 человек; были они в Тульчине, Могилеве-Подольском и в других городах области. Милиция проводила обыски, изымала религиозную литературу и свитки Торы, так как в этих недозволенных собраниях совершалось «культуривание» национальных чувств и «вредных концепций сионизма».

В начале 1953 года в Виннице арестовали 16 человек за посещение нелегальных «миньянов», среди прочего их обвинили в том, что в молитве произносили слова: «В будущем году в Иерусалиме».

Нисан Пейсах (Черновцы): «Обряд обрезания пришлось сделать тайно, чтобы никто не знал и не выдал нас. Мы закрыли двери, занавесили окна, и наш друг, хирург, доктор Флор, рискуя своей репутацией, работой, партийным билетом, совершил эту операцию...»

Из официальных документов тех лет (о дне Йом Кипур):

«В Житомире... Бердичеве, Коростене на базарах жизнь замерла, многие ларьки, лавки, киоски разных организаций были закрыты...»

Вскрыта посещаемость синагоги в «судный день» коммунистами и комсомольцами...»

«Проверкой в Киеве обнаружено... что в одном только Подольском районе города не работало 34 торговых предприятия, служащие которых в этот день были в синагоге; в Одессе было закрыто 38 магазинов и ларьков; в Чернигове не работали 33 мастерские бытового обслуживания...»

«В 1949 г. в «судный день» в Киевскую синагогу приходило до 6500 чел., в 1950 г. до 7000 чел., в этом году синагога собрала до 20 000 человек...»

7

К концу войны московские хасиды вернулись из эвакуации, и Израэль Пинский вспоминал:

«Хасидский зал центральной синагоги по субботам и праздникам бывал переполнен... Несмотря на то что вокруг шли аресты, отец продолжал преподавать Тору и хасидизм взрослым и детям, зачастую бесплатно или за символическую плату. Дома он появлялся не раньше двенадцати ночи, после работы и вечерних уроков, а в пять утра был уже на ногах».

Раввин Ицхак Коган (о послевоенном Ленинграде):

«Моего дедушку Йосефа Тамарина замучили в 1950 году. Когда его хоронили, раввин Мордхе Эпштейн на его могиле взял клятву с моего отца, что семья будет продолжать еврейский образ жизни.

В Ленинграде были тайные синагоги и подпольные «миньяны», и мой папа, коэн (потомок первосвященника Аарона), ходил и давал благословения в нескольких таких «миньянах». Когда молились, то закрывали двери и никого не впускали и не выпускали. Окна занавешивали, чтобы никто ничего не видел, и одна из женщин обязательно смотрела, нет ли кого-нибудь подозрительного. Иногда собирались сорок–пятьдесят человек, а иногда двадцать».

«Когда я подросток, то стал коэном в одних «миньянах», папа – в других, брат подросток – и был в третьих...»

Из рассказов раввина Ицхака Зильбера:

«Раввин Шломо Боков, мозель из Саратова, был уже человек немолодой. Три его сына погибли на фронте, забота о внуках легла на старика и его жену. Жили трудно. Но когда равву сообщали, что надо сделать ребенка «брит-милу» (обрезание), он бросал все свои дела и ехал куда надо. В сорок девятом году рав Шломо приехал в Казань, сделал несколько

обрезаний и уже собирался на вокзал, когда узнал, что у меня родился сын. Рав тут же продал билет и остался.

Когда наступил день, рав сказал, что ждал такого обрезания много лет. Дело в том, что... рожениц выписывали из роддома не раньше чем на девятый день... и четверть века не было у рава ни одного обрезания на восьмой день, как предписано Торой.

Как мне удалось добиться, чтобы жену выпустили из роддома на восьмой день? Жена министра здравоохранения Софья Иосифовна Кошкина занимала видный пост в министерстве. Я обратился к ней. Я не знал, что она за человек, донесет или не донесет, но решил – попробую.

Вошел и говорю:

– У меня к вам просьба. Я еврей, у меня родился сын, и я хочу, чтобы жену выписали из больницы на восьмой день.

Она спрашивает:

– Зачем?

Я объяснил, что Всевышний приказал на восьмой день делать обрезания, а рожениц отпускают на девятый.

Софья Иосифовна записала номер роддома. На восьмой день я пошел к соседу, попросил приготовить всё необходимое, пригласил друзей, еще не зная, выпишут жену или нет. На всякий случай решил быть готовым. В два часа дня жену выпустили, и обрезание состоялось.

Я пошел поблагодарить Софью Иосифовну: «Вы сделали «мицву» – дело, угодное Всевышнему». Она заплакала: «Я знаю, что такое «мицва». Но чего стоит «мицва» женщины, которая замужем за неевреем?..»

Умер рав Боков в Куйбышеве, в пятьдесят первом году... Поехал делать «брит-милу», в дороге ему стало плохо, едва добрался до синагоги, прилег на скамью – и умер».

8

В годы войны в городах Средней Азии появились эвакуированные семьи хасидов религиозного движения «Хабад», духовным руководителем которых был Любавичский ребе. Многие из них поселились в Ташкенте и Самарканде; к ним переезжали хасиды из других городов, вновь прибывших встречали на вокзале и распределяли по семьям для оказания помощи.

Нота Баркан:

«Мы добрались, наконец, после долгого пути. Сошли с поезда – а в Ташкенте дождь, слякоть, есть нечего. Огромная привокзальная площадь, как муравьями, кишит людьми, которые пристроились со своими пожитками прямо на земле, под дождем. И вот я смотрю, идут двое юно-

шей... Это были сыновья Переца Мочкина. На вокзал они попали не случайно: пронесся слух, что там есть хасидские семьи, и они пришли искать своих...

Мы не были ни родственниками, ни земляками... видели друг друга первый раз в жизни... Ребята отвели нас к своим друзьям, которые сразу же предложили нам по кусочку редьки. Больше у них у самих ничего не было. Зимой, в военном Ташкенте, это считалось настоящим угощением. А юноши, которые привели нас, снова отправились на вокзал...»

Хасиды создали в Ташкенте трикотажную артель, и евреи стали брать работу на дом: это позволяло соблюдать субботу и праздничные дни. Организовали тайную синагогу, открыли подпольные хедеры; дети, которые в них обучались, не ходили в государственные школы, по окончании хедера они продолжали учебу в нелегальной иешиве, где преподавал Нисон Неманов.

Учителем в хедере был меламед Шмуэль Исраэль Левин. Впоследствии его обвинили в том, что «воспитывал детей в религиозно-националистическом духе и в духе ненависти к советскому строю».

Большая община хасидов «Хабада» образовалась в Самарканде, и один из них вспоминал:

«Первый год войны был особенно тяжелым. Люди умирали от голода, от болезней. Начались эпидемии... Падали прямо на улицах. Проезжала специальная телега, подбирала трупы, их хоронили в братских могилах. Нашлись в самаркандской общине люди, которые добровольно взяли на себя обязанность разыскивать евреев среди умерших, чтобы предать их земле по еврейскому обычаю...

Реб Менкл Дейч и его сын Довид, состоятельные люди, открыли свои дома для неимущих и стали кормить всех, кто не мог заработать себе на хлеб. Помогали и богатые бухарские евреи – Рефаэль Худайдатов, Авраам Борухов, Авраам Хаим Хайков и другие...

Реб Рефаэль Худайдатов посылал своих детей на вокзал искать среди беженцев евреев, чтобы приютить их. Его огромный двор был похож на эвакопункт».

В Самарканде организовали несколько артелей, чтобы евреи могли работать по домам, соблюдать субботу и праздники; при еврейской общине создали общество «Бикур холим» («Посещение больных») и погребальное братство «Хевра кадиша». Несмотря на тяжелейшие условия жизни – голод, эпидемии, жилищную неустроенность, открыли подпольные хедеры и иешивы, где обучали детей и подростков; среди прочих преподавал в иешиве рабби Исраэль Ноах Белиницкий.

«Не было еще хлеба, но духовная жизнь общины уже началась. Любая семья, даже те, кто нуждался в самом необходимом, старались дать хоть немного денег на устройство подпольной иешивы и хедера...» – «Учебные заведения хасидской общины располагались в домах местных евреев... Чтобы избежать слежки, места занятий часто менялись. Иногда даже родители мальчиков не знали, где учатся их дети... Многие ребята месяцами не выходили за пределы двора того дома, в котором они жили и учились...»

Тайный осведомитель в Самарканде докладывал: «Для хедера снято специальное помещение, учащиеся обеспечены питанием, обувью и одеждой. Студенты иешивы ежедневно по очереди прикрепляются на питание к отдельным еврейским семьям...»

Подпольные занятия в Самарканде

Моше Ниселевич (Грузия): «В 1942 году я начал учиться в иешиве Кутаиси. Шла война, и к опасностям подпольной учебы добавился голод. Бывали дни, когда мы не могли учиться – не было сил подняться с кровати. Но стоило хоть немного подкрепиться, как мы опять садились за книги. Было очень тяжело, но никто, ни один человек не бросил иешиву. Мы пухли от голода, но знали, что учеба – наша судьба и наше счастье».

9

Раввин Мордехай Дубин – из семьи рижских хасидов, депутат сейма Латвии от религиозной партии «Агудат Исраэль», «сердце и душа латвийского еврейства» – был в дружеских отношениях с президентом

К. Ульманисом и способствовал смягчению антисемитских настроений в стране.

Его секретарь вспоминал: «Первые посетители обычно ожидали рава Дубина по утрам в синагоге; в основном это были евреи из провинции, нуждавшиеся в его помощи... Некоторые вопросы он решал по телефону, другие – через своих секретарей, но каждый день ему приходилось посещать различные учреждения. Даже летом, когда он жил на даче, евреи поджидали его на вокзале, чтобы решить свои проблемы... Он щедро раздавал пожертвования, но никто об этом не знал».

В 1927 году, с помощью Дубина, Любавичский ребе Йосеф Ицхак Шнеерсон получил разрешение покинуть Советский Союз, а в 1939 году Дубин сумел вызволить ребе и его семью из Польши, оккупированной немецкими войсками. После присоединения Латвии к СССР Дубина арестовали и сослали как «руководителя реакционной клерикальной еврейской партии»; перед концом войны ему позволили поселиться в Москве, где он пользовался непререкаемым авторитетом у хасидов.

Из воспоминаний:

«Реб Мордехай был удивительно интеллигентным и скромным человеком. Молился он очень тихо и подолгу, по субботам, бывало, приходил в синагогу к восьми, а уходил часа в три–четыре. Сидел он всегда в конце зала и старался привлекать к себе как можно меньше внимания. Но все считали за честь хотя бы подойти к нему и поздороваться: «Гут шабес»...

В синагоге, на праздник Симхат-Тора, реб Дубин стоял в центре веселящейся толпы, угощал всех водкой и медовым пряником «леках», пел и танцевал. Он очень любил танцевать с детьми, мог часами возиться с ними и при этом менялся на глазах, словно молодел на десять–двадцать лет...»

Раввин Мордехай Дубин

В начале 1948 года Дубина вновь арестовали; в обвинительном заключении написали среди прочего: «Поддерживал преступную связь с враждебно настроенными евреями, подстрекая их к бегству за границу», и приговорили к 10 годам заключения. В тюрьме Дубин заболел, его признали душевнобольным и отправили в Тулу в психиатрическую больницу – «на принудительное лечение в соединении с изоляцией».

Рав Мордехай Дубин провел в больнице четыре года и умер в 1956 году – было ему 67 лет. Его похоронили в Туле, а в 1980-х годах останки раввина перенесли на еврейское кладбище в подмосковной Малаховке. Сын Дубина погиб в немецком концлагере, жена и невестка – в рижском гетто.

Летом 1945 года власти во Львове получили анонимный донос о том, что евреи прячут в подвалах синагоги трупы детей, убитых в ритуальных целях. Провели проверку и составили официальный документ: «При тщательном осмотре здания людских трупов не обнаружено, как в квартирах, в зале синагоги, а также в подвалах и в канализационных колонках. В сарае обнаружено большое количество куриного пуха и капли крови от убоя кур. Каких-либо следов, чтобы свидетельствовали об убийстве детей, в синагоге не обнаружено, о чем и составлен настоящий протокол».

В 1946 году в Ленинграде совершили 30 бракосочетаний и 700 погребений по еврейскому обряду, в 1947 году – соответственно 30 и 750, в 1948 году – 40 и 695, в 1949 году – 32 бракосочетания и 775 погребений.

К началу 1949 года в СССР было 180 зарегистрированных синагог: на Украине – 70, в РСФСР – 36, в Грузии – 31, в Молдавии – 13, в Узбекистане – 8, в Латвии – 7, в Литве – 4, в Азербайджане и Таджикистане – по 3, в Белоруссии – 2, в Казахстане, Киргизии, Эстонии – по одной синагоге.

К 1 января 1952 года в Баку, Риге, в грузинских поселениях Сачхери и Бандзе было по две синагоги. В Москве – три молитвенных дома: в центре города, Черкизове и Марьиной Роще (под Москвой – синагога в Малаховке). В Кутаиси, Тбилиси, Ташкенте и Черновцах было также по три синагоги, в грузинском поселке Кулаши – четыре (136 по всей стране).

В 1947 году третейский суд под Москвой разбирал ссору между двумя евреями. Обидчик признал себя виновным и попросил прощения; суд потребовал, чтобы он выплатил пострадавшему компенсацию, после чего тот передал эти деньги неимущим и забрал жалобу из районного суда. Участников третейского суда арестовали; следствие признало их «отъявленными националистами», которые «пытались обойти советские законы и подменить их еврейскими традициями».

Их обвинили в подрыве «советского законодательства», а после смерти Сталина реабилитировали – в связи «с отсутствием в их деяниях состава преступления».

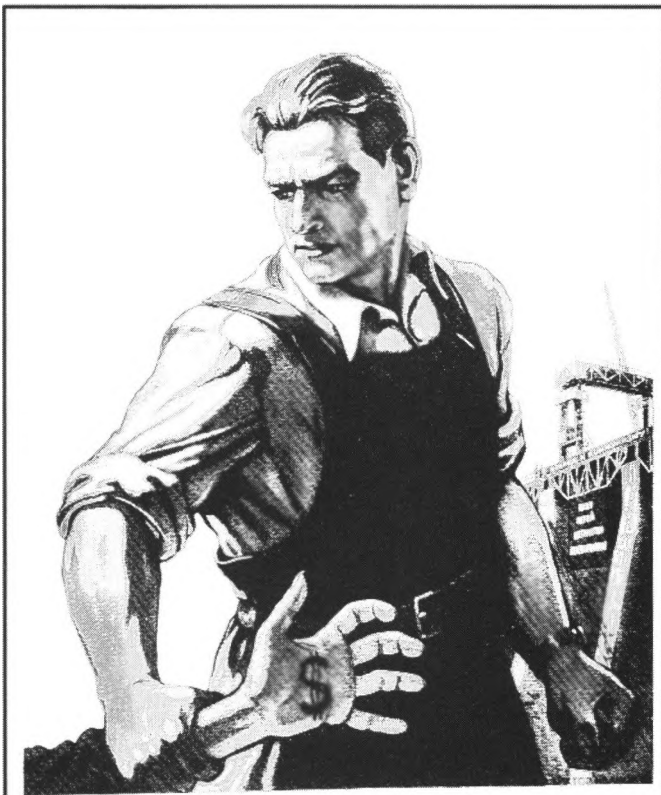

Несколько имен хасидов «Хабада», пострадавших в первые послевоенные годы. Раввин Дов Макбиляк арестован в Москве в 1947 году, умер во время следствия. Раввин Меир Певзнер арестован в Москве в 1948 году, приговорен к 10 годам, умер в лагере. Раввин Давид Лабковский арестован в Кутаиси в 1949 году, приговорен к 10 годам, умер в заключении.

Часть шестнадцатая

**Уход евреев из Советского Союза.
Образование государства Израиль.
Евреи СССР и еврейское
государство**

*Бдительность
- наше оружие!*

Очерк семьдесят четвертый

Проявления официального антисемитизма в годы войны. Антисемитизм в первый послевоенный период

1

Из записных книжек И. Эренбурга. 21 мая 1942 года: «Антисемитизм среди аппаратчиков...» 4 ноября 1942 года: «Лучше не говорить, что немцы убивают евреев...» 8 октября 1944 года: «Бабий Яр – панихиду запретили». 15 октября: «Был Бахмутский – не принимают в аспирантуру, как еврея...»

Внешне всё выглядело прекрасно. Через два месяца после начала войны состоялся в Москве митинг «представителей еврейского народа», который транслировали по радио, и на всю страну, на весь мир прозвучали после долгого перерыва такие слова: «еврейская мать», «древний многострадальный народ», «украинская Лия, минская Рахиль, белостокская Сарра», «братья-евреи во всем мире, мы – единый народ!»

К концу 1941 года был создан Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) – для сплочения антигитлеровских сил во всем мире и сбора средств в помощь Советскому Союзу. Летом 1943 года С. Михоэлс и И. Фефер, руководители ЕАК, побывали в США, Мексике, Англии; повсюду их восторженно встречали, жертвовали деньги на строительство танков и самолетов для Красной армии.

Евреев-фронтовиков – бойцов и командиров – награждали орденами и медалями, присваивали им воинские звания и звание Героя Советского Союза. Отмечали наградами работников оборонных предприятий в тылу; Сталин благодарил «трудящихся евреев» СССР за собранные средства на постройку авиаэскадрильи и танковой колонны – за этим благополучным фасадом исподволь совершались разные, казалось бы, малозначительные действия, которые не привлекали поначалу всеобщего внимания.

М. Восленский (из книги «Номенклатура»): «Государственный антисемитизм в Советском Союзе начался внезапно – как ни странно, во время войны против гитлеровской Германии. Казалось, эта зараза переползла через линию фронта и охватила номенклатурные верхи. Но так только казалось...»

2

В августе 1942 года, когда немецкие войска подступали к Сталинграду, в ЦК партии подготовили докладную записку «о подборе и выдвижении кадров в искусстве»: «Во главе многих учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)... Комитет по делам искусств целиком передоверил этим людям, нередко чуждым русскому искусству, подбор и выдвижение кадров. В результате во многих учреждениях русского искусства русские люди оказались в нацменьшинстве».

В этой докладной записке были перечислены евреи в Большом театре – главный режиссер, художественный руководитель балета, главный концертмейстер, дирижеры, заведующие хором и оркестром. Перечислили еврейские фамилии в Московской консерватории, где всё «почти полностью находится в руках нерусских людей», – Гольденвейзер, Фейнберг, Цейтлин, Ямпольский, Дорлиак и другие; упомянули и евреев, преподавателей Ленинградской консерватории, – Островский, Штейнберг, Эйдлин.

В той же докладной записке назвали имена музыкантов, исполнявших «главным образом произведения западноевропейских композиторов», – Ойстрах, Гилельс, Флиер, Фихтенгольц, Гинзбург. Не забыли напомнить про музыкальных критиков с «нерусскими» фамилиями – Шлифштейн, Рабинович, Коган, Альтванг, Цукерман, которые замалчивали творчество «лучшего советского пианиста Софроницкого (русского)». Советовали обратить внимание на подбор кадров в центральных газетах и приводили фамилии евреев – Юнович, Рабинович, Горелик, Гринберг, возглавлявших отделы театра, литературы и искусства.

Авторы докладной записки рекомендовали начать «уже сейчас частичное обновление», и вскоре уволили А. Гольденвейзера, директора Московской консерватории.

После войны Гольденвейзера решили наградить орденом, а чтобы в ЦК партии утвердили представление о награждении, указали в документе: «Гольденвейзер Александр Борисович – русский» (добавив на всякий случай: «отец – еврейского происхождения»).

Летом 1942 года председатель Комитета по делам кинематографии не утвердил актрису Ф. Раневскую на одну из ролей в фильме С. Эйзенштейна «Иван Грозный». В письме в ЦК партии он объяснил причину этого: «семитские черты у Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах», и для убедительности приложил к письму фотографии актрисы в анфас и профиль.

В том же году возникло предложение переименовать киностудию «Мосфильм» в «Русьфильм», чтобы русские режиссеры и операторы снимали фильмы российского национального содержания. Режиссер М. Ромм написал Сталину: «За последние месяцы в кинематографии произошло 15–20 перемещений и снятий крупных работников... Все снятые работники оказались евреями, а заменившие их – не евреями... За последние месяцы мне очень часто приходится вспоминать о своем еврейском происхождении».

Сталин был прагматиком и не поощрял антиеврейские кампании во время войны. Он понимал, что подобные действия могли вызвать нежелательные отклики во всем мире и испортить отношения с союзниками, в помощи которых Советский Союз был чрезвычайно заинтересован. Москва постоянно подчеркивала, что в СССР – стране равноправия и нерушимой дружбы народов – не существует «еврейского вопроса», однако официальный антисемитизм постепенно проявлял себя.

3

Академик Л. Штерн свидетельствовала:

«Я была главным редактором одного медицинского журнала... Редакция имела двух... секретарей с нерусскими фамилиями. Меня вызывают и говорят, что нужно заменить этих двух секретарей. Это было в 1943 году. «Почему?» – спрашиваю я... Существует такое постановление, что нужно уменьшить число евреев в редакции... Видите ли, говорит он, Гитлер бросает листовки и указывает, что повсюду в СССР евреи, а это унижает культуру русского народа.

Я сказала, что если так подходить, то меня тоже надо снять, у меня тоже фамилия не русская. Он ответил, что меня слишком хорошо знают за границей, и поэтому меня это не касается...»

Штерн написала письмо Сталину. Ее вызвал член Политбюро Г. Маленков и разъяснил, что это происки «разного рода шпионов-диверсантов», которых во множестве забрасывают в СССР, а потому «необходимо восстановить всю редакцию в таком виде, в каком она была прежде».

В январе 1943 года в журнале «Большевик» напечатали статью председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, который назвал количество награжденных к тому времени бойцов и командиров – русских, украинцев, белорусов и представителей других национальностей. В самом конце перечня – после калмыков, бурят, черкесов, хакасцев, аварцев, кумыков, якутов – он упомянул и евреев, хотя в тот момент еврейские бойцы и командиры занимали в стране четвертое место по числу награжденных (а на 1 июня 1943 года – третье место, потеснив белорусов).

В самый разгар войны секретарь ЦК партии по пропаганде А. Щербаков заявил Д. Ортенбергу, ответственному редактору газеты «Красная звезда»: «У вас в редакции много евреев... Надо сократить». Ортенберг ответил на это, что «уже сократил спецкоров Лапина, Хацревина, Розенфельда, Шуэра, Вилкомира, Слуцкого, Ишая, Бернштейна. Погибли на фронте. Все они евреи...» Вскоре Ортенберга отстранили от должности.

М. Восленский:

«Когда весной 1944 года нас – выпускников МГУ – распределяли на работу и стоял вопрос о том, чтобы взять меня на службу в Кремль или зачислить в Высшую дипломатическую школу, номенклатурные кадровики придирчиво допытывались: не еврей ли? Нет ли родственников-евреев?»

Начальник управления кадров... принялся анализировать мою фамилию. Придя к выводу, что она, вероятно, священническая, он удовлетворенно сказал: «Тогда хорошо: попы никогда евреями не были...»

Из записей в дневнике (Москва, 1944 год): «Отклонили прием в аспирантуру евреев... так бестактно, что об этом говорит весь университет...» – «На заседании в Госиздате... сказали, что надо выдвигать людей «нашей национальности»...» – «По Москве ходит слух о какой-то девочке, заколотой евреями на Пасху...»

В 1946 году преподаватели факультета физики Московского университета направили донесение в ЦК партии о «сионистских тенденциях,

процветающих в университете»; эти «тенденции» – разъярили они – имеют «явно выраженное антирусское направление», что может привести к «монополии одной национальности... обладающей рядом отрицательных качеств».

4

Условия военного времени подстегнули бытовой антисемитизм в Советском Союзе. Тому способствовали разруха и лишения тех лет, обострившие борьбу за существование; способствовало тому и появление эвакуированных в Сибири и Средней Азии, которые потеснили местных жителей на работе, уплотнили в их домах, что привело к созданию труднейших условий быта и повышению рыночных цен.

В предвоенные годы на востоке страны было немного евреев, а после начала эвакуации они появились повсюду, с ними сталкивались постоянно, их присутствие раздражало, вызывая язвительные замечания: «жиды Ташкент обороняют», «мы должны воевать за них», «мы на фронте, а жиды в Ташкенте». За годы войны были эвакуированы на восток около 17 миллионов человек, но еврейское население выделили среди прочих и обвинили в разных бедах, постигших страну.

В 1942 году в Москву поступил секретный доклад из НКВД Узбекистана «о фактах антисемитских проявлений в республике». В том же году прокуратура Алма-Аты сообщала о «проявлениях антисемитизма» в Казахстане: «избиения на улицах, открытое одобрение политики Гитлера по отношению к евреям, повреждение имущества, отказ от предоставления работы, распространение листовок с призывом не продавать евреям продуктов питания, распространение слухов об убийстве евреями детей...»

Германская пропаганда разжигала антисемитские настроения. Немцы разбрасывали листовки на линии фронта: «Переходите на нашу сторону! Вам нечего бояться. Мы уничтожаем только жидов, которые гонят вас на смерть...» Возвращаясь с фронта, раненые и инвалиды усиливали антиеврейские настроения, существовавшие в тылу; антисемитизм проявлял себя в школе и на работе, на улице, в трамвае и автобусе, в скученности коммунальных жилищ и на детской площадке.

О проявлениях антисемитизма во Фрунзе (Киргизия, 1943 год): «Демобилизованные из армии раненые являются главными его распространителями... Я был свидетелем того, как евреев выгоняли из очередей, избивали даже женщин те же безногие калеки...»

Из города Рубцовска Алтайского края написали в ЦК партии (1945 год):

«В последнее время участились случаи антисемитских выпадов: избиения и оскорбления евреев на рынке, в магазинах, школах, даже в учреждениях и предприятиях, просто на улице, причем всё это сопровождается улюлюканьем и подзадориванием хулиганов со стороны некоторой части публики, глазеющей на избиение...

Многие из наших близких отдали жизнь за Советскую Родину. И многие награждены. Нам ли после этого слышать угрозы: «Подождите, наши возвратятся с фронта – всех евреев перебьем...» Мы больше не можем молчать! Атмосфера сейчас накалена, эксцессы нарастают с каждым днем, мы деморализованы и не в состоянии работать».

Письмо подписала группа работников завода «Алтайсельмаш».

5

Жители оккупированных территорий стали свидетелями того, как еврейский народ был поставлен вне закона в атмосфере полного произвола. Газеты, радио, кинофильмы германской пропаганды внедряли в сознание населения образ еврея-«недочеловека»; нацисты постоянно подчеркивали, что они воюют лишь с «жидо-большевиками», а приближение частей Красной армии объясняли возвращением «жидо-большевистской» системы с ее колхозами и гонением на церкви.

Антисемитская пропаганда немцев не прошла даром. Особенно обострились отношения, когда евреи начали возвращаться на освобожденные территории. Их квартиры и дома были заняты местными жителями, имущество расхищено; по закону вернувшиеся из эвакуации имели право на оставленное жилье, но выселить новых жильцов было чрезвычайно трудно, а если евреям это удавалось, то становилось дополнительным поводом к разжиганию ненависти. «Мы воюем, а наши квартиры жиды занимают...» – «Скоро всех нас отсюда выгонят, так как уже начали съезжаться евреи...» – «Зачем вы, евреи, прибыли, кому вы нужны, никто вас не звал...»

Михаил Спивак (Жмеринка, возвращение из гетто): «Казалось, что всем нашим мучениям и страхам пришел конец, теперь можем жить, как все люди, свободно и достойно. Однако... мы столкнулись с такой злобой, с такой ненавистью со стороны определенного числа местных жителей, которую и объяснить трудно. Похоже было на то, что нас всех давно уже похоронили... а мы вернулись вдруг с того света, да еще в квартиры свои пришли, стали требовать свои вещи...»

Саул Боровой (Одесса): «На воротах многих домов можно было увидеть намалеванные кресты. Это означало, что дом очищен от евреев. Эти

кресты дворники и управдомы не торопились стереть. Почти через год после освобождения их можно было заметить... и услышать вдогонку: «Гады вернулись»...»

Ружка Корчак (Литва): «В местечке Айшишки было убито пять евреев из малого числа спасшихся... В карманах у них нашли записки на польском языке: «Такая участь ждет всех выживших евреев...» В соседнем местечке опять убили еврейскую семью. Евреи, чудом спасшиеся от немцев, в панике бегут из провинции в Вильнюс...»

Из записных книжек И. Эренбурга. 17 ноября 1943 года: «Евреев не пускают на Украину и говорят: «Они хотят приехать на всё готовое»...»

Из Одессы сообщали: «Я задыхаюсь в атмосфере, отравленной фашистской пропагандой... Антисемитизм не только не уменьшается, но увеличивается с каждым днем... Антисемитизм чувствуешь на каждом шагу... А ну, попробуй у кого-нибудь отобрать свои вещи! Нет! Это тебе не удастся. Они награбили, значит, это принадлежит им...»

Г. Смоляр, один из руководителей подполья в гетто Минска, столкнулся с антисемитизмом в Белоруссии после ее освобождения. Он рассказал об этом И. Эренбургу, и тот показал ему стопку писем «высотой в полметра примерно». Смоляр вспоминал: «Письма из этой стопки рассказывали об одном и том же, в разных проявлениях – о зоологической ненависти к евреям. Об этом писали в первую очередь евреи из тыла – мужчины и женщины, но также и еврей-бойцы, офицеры разных рангов, которые участвовали в бою с врагом».

6

В сентябре 1944 года нарком государственной безопасности Украины докладывал: «По мере освобождения территории Украины... почти повсеместно в городах стали фиксироваться случаи резких антисемитских проявлений со стороны местного населения...»

В докладе наркома приводились конкретные примеры. На киевском базаре некая торговка-украинка ударила инвалида бутылкой по голове – после того, как он принял ее за еврейку и обругал «в антисемитском духе... По городу быстро распространились слухи, что еврейка убила на базаре офицера Красной армии, что еврейка убила Героя Советского Союза».

В Днепропетровске – во время вселения еврея в его квартиру – «собралась толпа до двухсот человек, послышались выкрики: «Бей жидов,

спасай Россию!», «Смерть жидам!», «37 000 жидов перерезали, а остальных мы добьем!..»

1945 год, Днепропетровская область. Воспитательница вывесила листовку в детском доме: «Дети, любите своих людей, ненавидьте жидов, они с вас шкуру сдерут. Бейте их камнями. Не бойтесь, за вас мы боремся, боритесь и вы».

В официальном документе НКВД Украины сказано: 4 сентября 1945 года старший лейтенант И. Розенштейн встретил на улице Киева двух человек – рядового и младшего сержанта Красной армии, «находившихся в состоянии опьянения», которые «позволили себе в отношении Розенштейна антисемитские высказывания» и стали его избивать. Розенштейн застрелил обоих из пистолета, попытался скрыться, но был схвачен; «некоторые лица из толпы набросились на жену Розенштейна и случайно проходившего мимо гр-на Спектора и тяжело избили их».

Похороны убитых состоялись через несколько дней. За гробом шло несколько сот человек; по дороге к кладбищу избивали евреев на улицах, забросали камнями окно в доме, откуда смотрел мужчина с еврейской внешностью. «Учитывая возбужденное состояние отдельных слоев населения... – сказано в документе НКВД, – нами усилена патрульная служба по городу, причем особое внимание уделено базарам, местам скопления публики и месту жительства родственников убитых».

Очевидцы сообщали: «После этих событий атмосфера в Киеве стала еще более накаленной... Была установлена охрана синагоги, еврейского театра, еврейского базара...»

За несколько дней до гибели один из убитых жаловался прокурору, что его мать выселили из квартиры, принадлежавшей еврейской семье: «Мы воюем, а наши квартиры жида занимают...» Военный трибунал приговорил И. Розенштейна к высшей мере наказания.

После событий на улицах Киева бывшие фронтовики-евреи написали письмо Сталину:

«Слово «жид» или «бей жидов»... со всей сочностью раздается на улицах столицы Украины, в трамваях, в троллейбусах, в магазинах, на базарах и даже в некоторых советских учреждениях...

Для поступления в институты, аспирантуру и другие научные учреждения установлены для евреев специальные нормы, по примеру царского режима... Многим евреям – коренным жителям г. Киева не разрешается въезд в родной город, где прожили они всю свою жизнь, где погибли их семьи, и это только за то, что они евреи...

Антисемитизм пробрался уже в пионеротряды, в школы... Среди молодежи начинают расти новые молодые кадры погромщиков, идущие по стопам отцов...»

Письмо подписали Котляр, Забродин, Песин и Милославский, которых арестовали затем по обвинению в буржуазном национализме.

Генерал НКВД П. Судоплатов (из воспоминаний 1947 года): «Помню, как Хрущев, тогда секретарь коммунистической партии Украины, звонил Усману Юсупову, секретарю коммунистической партии Узбекистана, и жаловался ему, что эвакуированные во время войны в Ташкент и Самарканд евреи «слетаются на Украину, как вороны»... Он заявил, что у него просто нет места, чтобы принять всех, так как город разрушен, и необходимо остановить этот поток, иначе в Киеве начнутся погромы».

А. Кузнецов (книга «Бабий Яр», рассказ о Дине Проничевой):

«В 1946 году она была свидетелем обвинения на Киевском процессе о фашистских злодеяниях на Украине. Но из-за последовавшего вскоре разгула антисемитизма она стала скрывать, что спаслась из Бабьего Яра, скрывала опять, что она – еврейка, опять ее выручала фамилия «Проничева».

Она вернулась в Киевский театр кукол, где работает и поныне актрисой-кукловодом. Мне стоило огромного труда убедить ее рассказать, как ей... удалось спастись; она не верила, что это может быть опубликовано и что это кому-нибудь нужно».

«Ее рассказ длился несколько дней и перемежался сердечными приступами. Это было в том же доме на улице Воровского, откуда она уходила в Бабий Яр...»

Това Перельштейн (местечко Купель западнее Житомира): «В 1948 году... я собралась поехать в Купель, чтобы посетить могилу родителей. Подруга объяснила мне, что это невозможно: жители Купеля и окрестных деревень настроены крайне враждебно по отношению к евреям, и в Купель можно поехать только в сопровождении милиционера».

7

Небольшое отступление.

В 1920-е годы еврей А. Пазовский руководил в Большом театре постановкой оперы «Борис Годунов», и дирижер Н. Голованов заявил:

«Русскими операми должны дирижировать только русские дирижеры». Голованов возмущался «жидовским засильем» в Большом театре, и ему же принадлежат слова: «Почему вы пишете музыку на либретто пархатого жида?»

В то время шла кампания по борьбе с антисемитизмом, газеты публиковали гневные статьи о Голованове: «Дирижер – антисемит. Требуем вмешательства прокурора». Зрители в консерватории и театрах свистели, топали ногами при его выходе: «Долой черносотенца!»

В 1943 году Пазовский стал главным дирижером Большого театра. Через год Сталин заявил на встрече с артистами этого театра: «И всё-таки Голованов настоящий антисемит... Вредный и убежденный антисемит».

Закончилась война. Атмосфера в стране стала уже иной. Работники «идеологического фронта» подсчитывали «лиц не основной национальности СССР» в творческих союзах – в 1948 году взамен Пазовского главным дирижером Большого театра стал Голованов.

В 1944 году в ЦК партии поступило заявление группы московских композиторов: «18 сентября композитор Мокроусов, основательно выпивши, зашел в бильярдную со словами: «Когда только не будет у нас жидов, и Россия будет принадлежать русским». Он подошел к композитору Кручинину, взял его за воротник, встряхнул и сказал: «Скажи, ты жид или русский?» Кручинин ответил: «Был и останусь жидом» (хотя в действительности он является русским)...»

«Антисемитскую выходку» обсуждали в Союзе композиторов. Б. Мокроусов «признал свою ошибку, категорически заявив, что это результат не его мировоззрения, а нетрезвого состояния».

В архивах сохранился текст лекции агитатора П. Кличева, прочитанной в ремесленном училище Киева (август 1944 года):

«Евреев мы называем жидами. Но и евреи имеют свои черты. В большинстве случаев они коммерсанты. Если требуется директор магазина – еврей незаменимый человек, а если наш брат заберется, так «хапает». Так кто лучше, русский или еврей?..

Если вы ругаете евреев, значит, вы ругаете творцов социализма Маркса, Лассалья, Спинозу, Розу Люксембург, которые отдавали свою жизнь, когда ваши отцы были еще хамами и пьяницами. Вы называйте еврея по его проступкам: если он украл – назовите его жуликом, если обманул – мерзавцем или обложите матом.

На следующей лекции я вам прочту – почему человек спит».

В 1947 году Л. Каганович недолгое время занимал пост первого секретаря ЦК партии Украины. При нем был составлен документ об антисемитских проявлениях, в котором сказано среди прочего: «Дело доходит до того, что отдельные преподаватели вузов не только хранят у себя, но и преподносят своим коллегам в виде подарка библию людоедов – «Майн кампф»...»

Н. Бердяев, русский философ:

«В основе антисемитизма лежит бездарность. Когда изъявляют претензии на то, что Эйнштейн, открывший теорию относительности, еврей, что еврей Фрейд, еврей Бергсон, то это есть претензии бездарности. В этом есть что-то жалкое. Есть только один способ бороться против того, что евреи играют большую роль в науке и философии: делайте сами великие открытия, будьте великими учеными и философами.

Бороться с преобладанием евреев в культуре можно только собственным творчеством культуры. Это область свободы. Свобода есть испытание силы. И унижительно думать, что свобода оказывается благоприятной для евреев и неблагоприятной для неевреев».

Очерк семьдесят пятый

Уход евреев из Советского Союза

1

Закончилась война. Потухли печи крематориев. Распахнулись настежь ворота лагерей уничтожения. Вышли на свободу скелеты в полосатых одеждах, взглянули на мир глазами, затененными болью и страданием. И зашагали по дорогам Европы вчерашние смертники, покатали по рельсам переполненные поезда, а на подножках, на крышах, на буферах тысячи и тысячи оставшихся в живых после гигантской мясорубки, имя которой – Вторая мировая война.

Среди выживших оказались и уцелевшие евреи стран Восточной Европы. Это были те, кто работал в немецких трудовых лагерях, скрывая свою национальность; были это и заключенные лагерей уничтожения, которых не успели отправить в газовые камеры. Они возвращались на родину, чтобы зажечь мирной жизнью, вытеснить из памяти воспоминания чудовищных лет, но вскоре выяснилось, что возвращаться, как правило, было некуда: их родные и друзья лежали в братских могилах, их дома были разрушены или заняты чужими людьми.

Вернувшись в родные края, евреи Польши, Чехословакии, Румынии столкнулись с откровенной враждой бывших своих соседей. На это конечно же повлияла антисемитская пропаганда нацистов в годы оккупа-

ции, а кроме того, не каждый желал вновь повстречать выживших и уцелевших: кое-кто из соседей участвовал в уничтожении еврейского населения, кое-кто присваивал их имущество – они опасались теперь разоблачения и не желали расставаться с награбленным.

Эти люди были весьма разочарованы, что Гитлер «не закончил своего дела», а если евреям возвращали квартиры и имущество, это привело к столкновениям с местным населением, а порой и к погромам.

Сохранились документальные кадры того времени: огромный ров – братская могила. По дну рва ряды гробов, один к одному: большие, средних размеров и совсем крохотные, будто игрушечные, в которых хоронили жертв послевоенных погромов.

2

Уже шел Нюрнбергский процесс, заклеивший нацистских преступников; мир, казалось, начал приходить в себя после безумия тех лет, но в одной только Польше были убиты после войны сотни евреев, которые прошли через кошмары Катастрофы, чудом спаслись и погибли в мирное время. Их убивали на дорогах, выбрасывали на ходу из поездов – самый большой погром произошел в городе Кельце, к северу от Кракова.

В Кельце вернулись около 200 уцелевших евреев – 200 человек из 25 000, которые жили там до войны и были уничтожены в Трешлинке, Освенциме, Собиборе. Их возвращение вызвало недовольство местного населения, требовался только повод: 4 июля 1946 года прошел слух, будто евреи похитили христианского ребенка, и немедленно начался погром. Более 40 человек были убиты, многие ранены – это событие подтолкнуло польских евреев, и они стали уходить из страны. В первые месяцы после погрома в Кельце покинули Польшу десятки тысяч евреев, но поток беженцев нарастал и нарастал.

Польские власти открыли пропускные пункты на границе с Чехословакией; чехи предоставили специальные поезда, которые перебрасывали евреев в Австрию и Германию, откуда многие попадали в Италию – на пути в Эрец Исраэль. Советский представитель в Австрии докладывал в Москву: «Из Польши через территорию Чехословакии и советскую зону Австрии начался транзит евреев, направляющихся в Палестину. Всего должно проследовать в Палестину 200 000 евреев...»

И. Эренбург: «В Бухаресте, в Будапеште уцелевшие евреи рассказывали, что им приходится часто слышать: «Ух, паршивые, Гитлер вас проморгал!»...»

Погромы проходили и в Венгрии; разразился погром в столице Словакии Братиславе – и теперь уже многие не желали оставаться в родных краях. После страшных лет Катастрофы у уцелевших евреев появилось обостренное чувство опасности, повышенная реакция на любые, даже малозаметные проявления антисемитизма, ожидание непременных его проявлений в будущем. Они не желали заводить семьи на старом месте и растить там детей без гарантий на будущее; надо было уходить, и уходить немедленно, пока не перекрыли границы, – так началось «великое бегство» евреев из Восточной Европы.

Это массовое переселение было сначала хаотическим; оно получило название «бриха», что в переводе с иврита означает «побег», «бегство». Но вскоре евреи из Эрец Исраэль создали подпольную организацию под тем же названием – «Бриха». Ее посланцы организовывали уход евреев из стран Восточной Европы, планировали маршруты, переводили беженцев через границы европейских государств. Еврейские благотворительные организации финансировали эти операции, обеспечивали беженцев едой и одеждой, создавали транзитные лагеря на пути их передвижения.

Англичане закрыли ворота в подмандатную Палестину, чинили всевозможные препятствия в Италии, Греции, Югославии, чтобы приостановить этот поток, но «Бриха» нелегально переправляла евреев к побережью Средиземного моря, а оттуда на кораблях – в Эрец Исраэль.

3

Ита Розенберг (Даугавпилс, Латвия): «Исер Хаит был душой гетто... Он часто рассказывал нам о создании кибуца Эй-Гев и жизни в Палестине. «Если останемся в живых, сразу же уедем на нашу родину», – повторяли мы вслед за ним...»

Ружка Корчак вспоминала последние недели партизанской жизни в лесах:

«Вокруг еще полыхала война, продолжались рейды, каждый из которых грозил смертью... но надежды и любовь брали свое, молодые люди клялись друг другу в верности и обсуждали будущую совместную жизнь...»

Кто-то вслух мечтал о Флориде, и вскоре Флорида стала символом определенных стремлений – удрать после освобождения в спокойное, красивое место, где можно разбогатеть и не страдать больше из-за того, что ты еврей... Другие, главным образом комсомольцы и коммунисты, считавшие себя поборниками советского строя, тоже хотели отделаться от своего еврейства, полагая стать полноправными гражданами в коммунистическом мире...

Но большинство бойцов еврейских лесных отрядов не связывало свое будущее ни с Флоридой, ни с Литовской советской республикой. Люди, которые никогда не были сионистами и в мирные времена не имели никакой связи с Эрец Исраэль, заговорили о необходимости своего, еврейского отечества...»

Эстер Файн: «Представить себе выезд из Советского Союза в 1945 году, при сталинском режиме, не могло самое безумное, самое разнужданное воображение. А достигнуть единственной страны, где я сумела бы жить... это было в те времена примерно то же, что попасть на Луну».

Рост антисемитизма, трудности с жильем и работой после возвращения из эвакуации, прежние сионистские мечты, возродившиеся по окончании войны, подталкивали на принятие опасного решения. Требовалась лишь лазейка для выезда из Советского Союза, и такая лазейка появилась на недолгое время.

Необходимое напоминание. В сентябре 1939 года Германия и СССР заняли Польшу, и не менее 250 000 евреев из оккупированных немцами польских земель ушли в Советский Союз. В июне 1940 года части Красной армии вошли в Бессарабию и Северную Буковину, и на территории СССР оказались десятки тысяч румынских евреев. Большинство бывших жителей Польши и Румынии не захотело принимать советское гражданство; их отправили в лагеря принудительного труда и на спецпоселения в Сибирь и Среднюю Азию. Условия жизни были чрезвычайно тяжелыми, смертность высока, но выжившие избежали участи евреев, уничтоженных в годы немецкой оккупации.

В сентябре 1944 года было подписано соглашение с Польским комитетом национального освобождения о переезде польских граждан с территории Украины и Белоруссии в Польшу, а русских, украинцев и белорусов – из Польши в СССР. Право на возвращение получили поляки и евреи, обладавшие польским гражданством до сентября 1939 года, и они пожелали воспользоваться этим правом.

В том же месяце было подписано второе соглашение: из Литвы в Польшу могли уехать поляки и евреи, до 1939 года проживавшие в Вильно и его окрестностях, – этот район принадлежал тогда Польской республике.

Москва не возражала против выезда из страны польских граждан: по окончании войны к Польше отошли обширные территории Восточной Германии, откуда выселили сотни тысяч немцев, и эти земли следовало

заселить. Начался разрешенный выезд из СССР – это и оказалась та лазейка, которой воспользовались советские евреи для нелегального бегства из страны, влившись в поток польских евреев.

Устраивали фиктивные браки. Платили взятки чиновникам, чтобы вписали в выездные документы. Покупали метрики умерших польских граждан, остававшиеся у их родственников. Переклеивали фотографии на паспортах. Пользовались услугами контрабандистов при переходе границы. Для мужчин призывного возраста изготавливали командировочные удостоверения, где было указано, что они возвращаются в воинскую часть, расквартированную на территории Польши или Германии.

Посланцы организации «Бриха» нелегально переходили польско-советскую границу и разъезжались по городам Советского Союза, чтобы организовать выезд евреев и еврейских сирот из детских домов. В то время советские военные грузовики пересекали границу без проверки, а потому платили деньги шоферам, в кузовах под брезентом прятали беженцев и переправляли их в Польшу.

В январе 1946 года органы безопасности задержали в Литве три грузовика, в которых оказалось 100 евреев – мужчины, женщины и дети. Их арестовали. Был суд. Московский адвокат И. Брауде просил судей принять во внимание особое состояние беженцев, которые хотели покинуть места, где погибли их родные, и соединиться со своими родственниками в Польше, – часть обвиняемых приговорили к тюремному заключению.

Из дневника очевидца (Львов, 1946 год): «Русские при досмотре багажа штыками прокалывают тюки больших размеров, так как в них провозили людей без документов. Скорее всего, речь идет об украинцах или советских евреях, у которых нет права на переселение в Польшу...»

Копель Скоп сумел выехать из СССР в Польшу по поддельным документам, но в феврале 1946 года вернулся во Львов, чтобы создать центр для нелегального перевода евреев через границу. «Мне было тяжело возвращаться в Советский Союз, – вспоминал он. – Я знал, что это очень рискованно... Я и сам не понимаю, как у меня хватило мужества вернуться туда с таким поручением».

Скоп начал свою работу, нашел надежных помощников, но вскоре их арестовали, и местные власти докладывали в Киев: «Вскрыт и ликвидирован ряд активно действовавших нелегальных переправ в Польшу... В гор. Львове сионистским центром был создан главный транзитный пункт, через который направлялись эмиссары, связные и спецпорученцы сионистов в различные города СССР (Москва, Киев, Горький, Саратов, Пенза, Вильно, Каунас, Ташкент, Актюбинск, Самарканд)...»

Копеля Скопа и Давида Померанца приговорили к 10 годам заключения; Абрам Аст, Геня Френкель и Залман Шейнферберг получили по 8 лет, Яков Мошкович – 6 лет, Иосиф Нейман – 2 года лагерей. К. Скоп вспоминал: «Тяжелый труд подорвал мое здоровье. Я работал по десять часов в день на строительстве железной дороги Котлас–Воркута. Вместе с зеками таскал тяжелые рельсы. Кожа на руках полопалась, из пальцев сочилась кровь...»

Давид Померанц работал на шахте в Коми АССР, был тяжело ранен во время аварии и умер в заключении. Остальные отсидели свой срок, после 1956 года уехали в Польшу, оттуда переехали в Израиль.

4

В конце 1945 года пересек нелегально польско-советскую границу рижанин Шмуэль Иоффе. Незадолго до этого он тайно ушел из Советского Союза, а затем вернулся обратно, чтобы помогать другим. Его уговаривали не появляться на территории СССР, но Шмуэль написал перед возвращением: «Я не мог согласиться с тем, что спасся и оставил позади сотни беспомощных людей. Я понимаю, чем это грозит, однако решил вернуться».

Иоффе обосновался в Вильнюсе, который стал центром по отправке евреев Латвии в Польшу. Операция была отработана до мельчайших деталей, продолжалась месяц за месяцем в обстановке постоянной слежки карательных органов, и очевидец вспоминал: «Меня поразила сила и размах деятельности группы, возглавляемой Шмуэлем. Это был вождь, улыбчивый и энергичный командир в гражданской одежде».

Из Вильнюса в Ригу поступало сообщение – можно отправлять очередную группу. Связные немедленно шли к кандидатам на выезд, снабжали их фиктивными командировочными удостоверениями, без которых не продавали билеты на поезд, и на следующий день те уезжали из Риги. На вокзале в Вильнюсе беженцев встречал связной – из левого кармана его пальто выглядывала газета. Они следовали за ним по улицам незнакомого города, и связной приводил беженцев в одну из нелегальных квартир. Несколько дней они не выходили из помещения, а затем их отправляли на поезде в Глубокое или Новогрудок, откуда переправляли через границу. Из Польши поступала шифрованная телеграмма о благополучном завершении операции, и начиналась подготовка к выезду следующей рижской группы.

Трижды в неделю в Вильнюс приезжали связные из Глубокого или Новогрудка и привозили документы с разрешением на выезд, которые

доставали за деньги у сотрудников Комитета по репатриации. На вокзале их встречал Израэль Фридман: «В самый горячий период у нас была масса работы. Часов в шесть утра я приходил с вильнюсского вокзала на квартиру, где размещался штаб... и сообщал, сколько можно отправить сегодня. Тут же пускалась в ход вся «машина». Всё делалось с молниеносной быстротой. Меня всегда тянуло хоть одну ночь отдохнуть... но засиживаться было некогда. Я подкреплялся рюмкой водки и отправлялся в путь с беженцами. И так целыми неделями».

На проведение этих операций требовались немалые средства. Деньги поступали нелегально из Польши, где находились руководители организации «Бриха»; порой связные запаздывали, и штаб в Вильнюсе испытывал финансовые трудности. «Бывали дни острой нужды. Тогда ребята отправлялись на базар и продавали свою одежду. Как-то раз утром в доме не оказалось съестного. Стали шарить в карманах: один нашел десятку, другой – два рубля. Сложились и купили на рынке буханку хлеба...»

Шмуэль Иоффе снова поехал в Польшу для встречи с руководителями нелегальной репатриации и снова – несмотря на уговоры – отправился в обратный путь. На границе в Бресте его арестовали, продержали в тюрьме восемь суток, но он сумел бежать, вернулся в Вильнюс на платформе грузового состава, зарывшись в груду угля, и опять возглавил работу по нелегальному переводу через границу.

Шмуэль Иоффе

К сентябрю 1946 года 450 евреев из Латвии и Литвы сумели выехать из Советского Союза благодаря работе Иоффе и его помощников. Нако-

нец рижские сотрудники НКВД обратили внимание, что десятки евреев исчезали один за другим, и из Москвы прибыла им на помощь специальная оперативная группа. В конце сентября, после непрерывной слежки и погони, были задержаны руководители штаба в Вильнюсе Шмуэль Иоффе и Яков Янкелович (Янай), которые пытались уйти в Польшу с последней группой – после девяти месяцев успешной работы.

Янай вспоминал: «Мы вошли в тюрьму в приподнятом и воинственном настроении. Арест в какой-то степени избавил нас от напряжения. За нами уже не гонятся. Свою задачу мы выполнили. Сотни евреев переправлены в Польшу, а оттуда в Эрец Исраэль».

Их привезли в Москву и поместили на Лубянке. «Допросы довели меня до изнеможения, – рассказывал Янай. – Мучили голод, холод и полная изоляция от внешнего мира. Без очков слезились глаза... Следователи злобно орали на меня, угрожали раздеть догола и избить. Я сказал им: «Сейчас не сороковой год, а сорок шестой. Теперь пошел не тот еврей». Они поразились моему ответу и поняли, что без битья ничего не добиться. Но силу ко мне не применяли...»

«Особое совещание» приговорило Шмуэля Иоффе и Якова Янкеловича к 25 годам заключения. Иоффе пробыл в лагерях до конца 1955 года и умер в арестантском вагоне на станции Биробиджан, во время очередного этапа. Через несколько лет родственники получили свидетельство о смерти, отпечатанное на русском языке и на идиш; от руки было вписано по-русски: «Причина смерти – упадок сердечной деятельности. Место смерти – город Биробиджан Еврейской автономной области». Было ему 37 лет.

Сестра Иоффе вспоминала: «Он говорил мне во время свиданий: «Даже если бы я знал, что спасу только одного человека, и за это меня ждет горький конец, я бы всё равно сделал то, что сделал. Я не раскаиваюсь»...»

Якова Янкеловича освободили в 1957 году, и он уехал через Польшу в Израиль.

5

В Москве была налажена слежка за религиозными евреями; секретные сотрудники по кличке Фукс, Уманский, Лиза, Лещ, Око, Бухгалтер и другие наблюдали за ними, подслушивали беседы в синагоге и сообщали о недозволенной деятельности. В 1946 году агент Киселев докла-

дывал: «В синагоге ходят разговоры о том, что во Львове... существует организация, которая за деньги переправляет евреев за границу».

Это было время массового выезда польских граждан, и мнения хасидских раввинов сначала разделились. Одни из них считали, что риск слишком велик и следует в данный момент воздержаться от бегства из страны, но другие им возражали: «Ничто не может лишить нас права – духовно спасти себя и своих детей».

В июле 1946 года пришла из-за границы шифрованная телеграмма: «Дедушка очень хочет повидаться с детьми. Выезжайте к тете Поле. Там всё хорошо». «Дедушка» – это был Любавичский ребе Йосеф Ицхак Шнеерсон, духовный лидер хасидов религиозного движения «Хабад», который жил в Нью-Йорке; «тетя Поля» – это Польша, куда он предлагал выехать евреям, используя отъезд польских граждан.

Летом 1946 года пять раввинов создали во Львове тайный комитет и поклялись друг другу, что не уедут из СССР до тех пор, пока последний хасид, нуждающийся в их помощи, не пересечет границу. В состав комитета входили раввины Моше Хаим Дубровский, Ейно Коган, Лейба Мочкин, Залман Серебрянский, Шмарьягу Сосонкин; самому младшему из них – Л. Мочкину – было 22 года. «Местонахождение Комитета оставалось тайной для большинства хасидов. Для связи и улаживания срочных дел Комитет назначил людей, чья внешность не вызывала подозрений: безбородых мужчин, женщин и подростков. Последние не открывали секреты Комитета даже родителям».

В разных городах Советского Союза хасиды уходили с работы, продавали имущество, оставляли обжитые места и вместе со своими семьями отправлялись в опасный путь. У бедняков не было средств даже на железнодорожный билет, а потому им выделяли деньги из общественной кассы на дорогу до Львова.

Почти ежедневно туда приезжала очередная семья хасидов, которые никого не знали в городе; бородатые мужчины выделялись среди прочих жителей, привлекая всеобщее внимание, а главное, внимание милиции. «Каждая лишняя минута пребывания на вокзале людей с необычной внешностью таила в себе опасность. Поэтому Комитет поручил одному надежному человеку встречать все поезда с востока. Встретив очередную семью, он давал ей адрес и быстро усаживал в такси».

«Очередность выезда в Польшу определял Комитет... Прежде всего надо было спасти для еврейства молодых людей. Поэтому первыми уехали ученики иешивы и семьи с детьми».

Комитет и его помощники занимались обширной организационной деятельностью: для приезжих снимали временное жилье, приобретали

билеты на поезд, снабжали фиктивными документами на выезд и отправляли в Польшу. На этом наживались сотрудники советского Комитета по репатриации, пограничники и милиция по обе стороны границы; расходы были огромными, а потому приняли решение: «лица, выезжающие за границу и имеющие ценности, сдают их подпольному Комитету».

Из воспоминаний:

«Проводники поездов – разумеется, за приличное вознаграждение – привозили обратно во Львов использованные удостоверения. Каждое из них было проверено на границе и отмечено особым знаком, который научились выводить; таким образом, одним удостоверением пользовались дважды...»

«Всё должно было совпадать – число мальчиков и девочек, старики-родители, возраст каждого; перетасовывали семьи таким образом, чтобы все данные сходились с удостоверением. Мендл Фурфас отправил мать с одной семьей, а отца – с другой. Левину досталось удостоверение без девочки, а их дочке – 12 лет; они долго ждали, пока подобралась «подходящая» семья...»

«В одной из групп ехали мальчики, переодетые в девичьи платья, поскольку в документах их родителей были записаны дочери... В другом эшелоне мать держит на руках ребенка, тот кричит: «Мама!», а по документам она ему не мама, а бабушка...»

Пересечение границы с поддельными документами было опасным делом. «Тридцать семь человек оказались в вагонах эшелона, идущего в Польшу. Перед дорогой евреи прочитали псалмы и воззвали к Всевышнему с мольбой об избавлении: «Да услышит Господь стон наш...» – «Даже маленькие девочки читали псалмы, которым их обучили, и спорили между собой, какой из псалмов больше подходит к этому случаю: «В беде взывал я к Господу...» или «Из бездны взываю к Тебе, Господи»...»

Переезд через границу становился порой невозможным, хасидские семьи находились во Львове на нелегальном положении, ожидая благоприятного момента, и не знали, как поступить. «Вернуться туда, где жили раньше, мы не могли. Большинство из нас осталось совсем без денег. «Ехать! Достать удостоверения и ехать! Господь поможет!» – решили мы. Обратились к женщинам: согласны ли они на такой риск? Ответ был категоричен: «Мы покончим с собой, если вы не решитесь»...»

Последний эшелон с хасидами – нелегальными эмигрантами пересек границу с Польшей в конце 1946 года. Всего покинуло Советский Союз около 1000 хасидов Любавичского ребе, однако не всегда это проходило успешно. Были аресты беженцев и суровые приговоры, потому что попытка недозволенного пересечения границы рассматривалась как «намерение изменить родине».

Раввин Шмуэль Нотик – осужден на 10 лет, умер в лагере. Сарра Каценеленбоген – приговорена к 10 годам, погибла в заключении. Раввин Ейно Коган, один из членов львовского комитета – осужден на 10 лет, умер в лагере под Карагандой.

Дов Виленкин: «Мы приехали во Львов в тот день, когда ушел последний эшелон с хасидскими семьями. Начались аресты лиц с фальшивыми польскими паспортами. Скрываясь от ареста, родители бежали в Черновцы...»

Хасидские семьи, не сумевшие выехать в Польшу, разъехались по разным городам; наиболее активные деятели, способствовавшие выезду, перешли на нелегальное положение. В 1947 году был арестован в Москве раввин Берл Левертов. В обвинительном заключении сказано, что он «принимал активное участие в нелегальной переброске антисоветски настроенных евреев за границу; лично организовал такую переброску...

Тюремные фотографии 1947 года (слева направо): Моисей Добрускин, раввин Берл Левертов, меламеды Мордехай Гуарий и Лазарь-Хаим Гуревич

двух своих сыновей, дочери и ее мужа; сам замышлял бежать за границу». Левертова приговорили к 10 годам, и он умер в заключении.

В 1950 году в Ленинграде арестовали более 30 хасидов Любавичского ребе – после того, как им не удалось покинуть СССР; двое из осужденных – раввин Хаим Меир Минц и Аарон Кузнецов – погибли в лагерях. «Жертвами стали самые лучшие. И даже место, где они погребены, неизвестно нам, и кадиш по ним не прочитан...»

Впоследствии статью обвинения «намерение изменить родине» поменяли на «незаконный переход границы», за что полагалось 3 года лагерей. Беженцам учли «смягчающее обстоятельство» – они пытались уйти в «братскую социалистическую страну», а это не являлось «изменой родине».

6

Ц. Прейгерзон, из воспоминаний (лагерь возле Воркуты):

«Реб Мордехай Шенкар из Львова – личность из ряда вон выходящая. Такого человека я давно не встречал в нашем неустойчивом мире. Это был глубоко верующий человек – он верил во Всевышнего всем своим существом, всей душой...»

Реб Мордехай работал бухгалтером... В 1945–1946 годах поляки и евреи, выходцы из Польши, могли вернуться на родину. Многие из них возвращались через Львов; среди них было немало местных евреев, которые любыми средствами «выправляли» себе документы... Реб Мордехай... давал пристанище подобным людям, приезжающим из других мест, и его дом превратился в нелегальную гостиницу...

Его арестовали в 1950 году... и реб Мордехай получил 10 лет... В лагере он молился три раза в день, отмечал все праздники, исправно постился в дни постов... всячески избегал работать в субботний день... часами просиживал за рабочим столом, смотрел в бумаги, перекидывал косточки на счетах, но в субботу не писал. Каждое воскресенье я спрашивал его:

– Ну, реб Мордехай, писали вчера?

И получал ответ:

– Слава и хвала Создателю, мне удалось избежать этого греха.

Трудно выполнять в лагере все заповеди... Кое в чем ему приходилось и отступать, чтобы выжить и не умереть с голоду. Но он верил всей душой во Всевышнего, он знал, кому молиться, на кого надеяться, у кого искать утешения.

Молитва смягчала его душу, давала ему надежду. Нам же, неверующим, не хватало этой веры, нас окутывала тьма от земли до небес, и мы

не видели, откуда может прийти спасение. А над реб Мордехаем сияло чистое небо – Всевышний правил миром, к Нему обращался реб Мордехай в своих молитвах...»

«Реб Мордехай как никто помогал нуждающимся. Он отдавал им значительную часть своего заработка... собирал деньги у других заключенных, навещал больных, заботился о них, приносил им еду...»

7

В июне 1940 года Советский Союз отторгнул Северную Буковину от Румынии, но после начала Отечественной войны там снова восстановилось румынское правление. В гетто Черновиц оказалось около 20 000 евреев; жизнь была нелегкой, однако акций по уничтожению не проводили, а потому большинство евреев сумело выжить.

После изгнания немцев из Северной Буковины советское правительство стало поощрять эмиграцию евреев, у которых прежде было румынское гражданство; местные власти сообщали из Черновиц: «Имеется значительное количество лиц, желающих выехать за границу... На трикотажной фабрике № 1 подали заявления на выезд в Румынию 95% работников, на трикотажной фабрике № 6 из 109 работающих записалось на выезд 106 человек».

О возникшей возможности узнали евреи соседних областей, и «началось усиленное перемещение евреев Бессарабии и Приднестровья в сторону Черновиц, откуда можно было сравнительно легко попасть в Румынию... В подавляющем большинстве они лишь проезжали через Румынию в порт Констанца или в Италию, чтобы оттуда отправиться в Палестину».

До февраля 1946 года евреев вывозили в Румынию, не спрашивая согласия румынского правительства; подобные действия отмечались в советских документах как «выезд», «переселение» и даже «выдворение». Это была хорошо организованная операция: к назначенному дню приезжали машины, грузили в кузова имущество, везли евреев на железнодорожные станции, а оттуда к румынской границе. К апрелю 1946 года – крайнему сроку «выдворения» – выехало из Советского Союза 22 307 человек, многие из которых отправились затем в Эрец Исраэль в рамках операции «Бриха».

Некоторые евреи Черновицкой области подали просьбу о выезде в Румынию, но затем передумали и остались в Советском Союзе. Известно их количество – 1044 человека.

Мордехай Штерн, Северная Буковина:

«Из ссылки я сбежал в 1946 году и на крышах вагонов – через всю Россию и Украину – вернулся в родной городок, чтобы перебраться в Румынию. Но я опоздал на две недели – границу закрыли на замок...

Темной апрельской ночью 1947 года, переодетый в крестьянскую одежду, я перешел границу СССР и в подлеске, у дороги на Радауцы, переждал до рассвета... Оставалось довершить вторую часть побега: выйти под утро на дорогу и смешаться с крестьянами, идущими в Радауцы на базар...

Патруль румынских пограничников лениво осмотрел меня и пропустил. Но, сделав несколько шагов, я услышал громкий окрик: «Гэй, иди сюда!»... Старший патруля... снял с меня крестьянскую замызганную шляпу с обвисшими полями и впился колючими недобрыми глазами: «Да ты жид!»...

Трое суток побоями и издевательствами этот садист выбивал признание, что я советский шпион, диверсант, убийца, бандеровец, спекулянт, но, ничего не выбив, озлобленный моим молчанием... приказал еле живого оттащить на советскую пограничную заставу...

Городской суд осудил меня... на три года лишения свободы...»

8

Из Советского Союза уходили также сироты – маленькие дети и подростки, которых вписывали в выездные документы к разным семьям. Польские сионисты собирали их в группы и отправляли в дальнюю дорогу; они шли пешком со своими провожатыми, а на пути следования им организовывали питание и ночлег. В этих группах были дети, пережившие ужасы гетто, были и дети-партизаны, а также девочки разных возрастов, которых окрестили и прятали монашки в годы оккупации, – их выводили из монастырей и вели через границы проторенными путями.

Одна из групп начала свое путешествие летом 1946 года – было в ней 80 детей. Они пересекли польско-чешскую границу, прошли пешком Чехословакию, а границу с Австрией переехали в крытом кузове грузовика, на кабине которого был прикреплен американский флаг и по борту шла надпись «US Army». Из Вены детей перевезли в Инсбрук, в одну из ночей группа перешла покрытый снегом перевал в Альпах и оказалась в Италии.

Их разместили в лагере неподалеку от Милана, где собралось несколько сот подростков от двенадцати до восемнадцати лет; они изучали там иврит, занимались спортом, а затем их снабжали фальшивыми документами, сажали на корабли и нелегально привозили в Эрец Исраэль.

Залман Шазар, президент государства Израиль, однажды сказал: «Запомните мои слова: когда-нибудь историки напишут о том, что Альпы перешел не только Суворов, но и еврейские дети».

Беженцев вели через границы европейских государств – по тропкам, в лесах и горах, и на кинолентах того времени можно увидеть, как карабкаются по склонам, срываются, падают, снова идут по колено в снегу длинные процессии мужчин, женщин и детей. Так проходило беспримерное в истории бегство из Европы: они попадали на берег Средиземного моря, плыли затем на кораблях и катерах, пересекали море в рыбацких лодках.

В Палестине действовали после войны ограничительные антиеврейские законы, и ворота страны были закрыты для беженцев; англичане использовали для перехвата быстроходные патрульные катера, миноносцы, разведывательные самолеты – против людей, многие из которых пережили Катастрофу и плыли в Эрец Исраэль.

Летом 1945 года на корабле «Берл Каценельсон» приплыли 200 человек и благополучно высадились на берег. Корабль «Хана Сенеш» прорвал английскую блокаду, но во время шторма сел на мель возле Нагарии. Из-за огромных волн было невозможно добраться до него на лодках и высадить пассажиров; от берега протянули канат, вдоль которого по грудь в воде стояли добровольцы, и пассажиры шли с корабля, держась за этот канат.

Из Генуи отплыл корабль «Энцо Серени»; на его борту разместили 900 беженцев, и теснота была невообразимой. Корабль шел окольным маршрутом, однако его перехватили миноносцы, привели в Хайфу в январе 1946 года и всех пассажиров отвезли в концентрационный лагерь в Атлите. Через два месяца приплыл из Венеции корабль «Уингейт»; 250 репатриантов попытались высадиться ночью в Тель-Авиве, и на берегу происходили ожесточенные стычки полиции с еврейским населением города. В конце концов пассажиров с «Уингейта» отправили в Атлит; такая же участь постигла 736 репатриантов с корабля «Тель Хай» из Марселя.

Волна нелегальных беженцев нарастала; в августе 1946 года приплыли пять кораблей, на борту которых было 2800 человек. В Хайфе их ожидали два корабля, переоборудованные под плавучие тюрьмы: на их палубах стояли огромные клетки для людей, опутанные колючей проволокой. Хайфский порт оцепила пехотная дивизия; репатриантов – мужчин, женщин, детей – силой переводили на тюремные корабли. Это были в основном люди, которые прошли через лагеря уничтожения; женщины бились в истерике, мужчины пытались сопротивляться – их фотографии в окружении английских солдат напечатали многие газеты мира. Наконец всех погрузили на палубы тюремных кораблей и отправили на Кипр.

Нелегальные репатрианты на корабле «Еврейское государство».
Октябрь 1947 года

Бегство евреев из Европы продолжалось не неделю, не месяц, а несколько лет подряд вплоть до образования государства Израиль. Среди беженцев были и евреи Советского Союза, которые воспользовались выездом из СССР граждан Польши, Румынии, Чехословакии и нелегально пересекли государственную границу.

9

Това Перельштейн, из воспоминаний:

«Мы приехали с Колымы в город Пинск... там у нас родился второй сын, которого назвали Барух. В 1948 году мы подали заявление о выезде в Польшу; для этого пришлось заполнить анкету с биографическими данными, что привело к третьему моему аресту.

В день ареста Баруху было всего три месяца, и мне разрешили взять его с собой в отделение НКВД... Барух был болезненный мальчик, он родился с грыжей... во время приступов сильно плакал – и как раз в это время вызывали на допрос...

Меня не били, не приписывали связь с какой-либо контрреволюционной организацией... вменяли в вину только одно тяжкое преступление:

наше желание эмигрировать в Польшу, чтобы оттуда выехать в Эрец Израэль...

Допрашивали меня два следователя. Один – еврей – считал, что нет на свете преступления хуже сионизма; другой, русский, был намного человечнее, он сочувственно относился ко мне и к ребенку, который во время допросов лежал на столе в углу кабинета и плакал...

Когда закончилось следствие... начался долгий этап с десятимесячным ребенком на руках... Как мне, так и Баруху, давали обычный рацион заключенных: соленую тюльку, хлеб, два раза в день по стакану кипятка. Мой мальчик был очень мал и худ, в тюрьме плохо развивался... Бывало, своими худенькими, как спички, ручонками он цеплялся за решетку и просил: «Дядя, дай!» Если охранник был «человеком», то давал ему немного каши, а иногда даже кусочек печенья. Но если дежурный охранник был «собакой», то замахивался на мальчика и кричал мне: «Убери ребенка, стрелять буду!»

Однажды во время остановки в каком-то городе, уже в Сибири, добродушный охранник взял у меня ребенка и вышел с ним на перрон вокзала. Люди подавали ему там кусочки хлеба и даже конфеты. По сей день не могу понять, как я решилась доверить ребенка молодому охраннику, но я благодарна ему за это и запомнила его на всю жизнь...»

Т. Перельштейн сослали в деревню Новосибирской области. К ней приехал муж со вторым сыном; они пробыли в ссылке до 1957 года, а затем через Польшу переехали в Израиль.

Из документов военного трибунала Прикарпатского военного округа:

«Старшина 1031 гаубичного артиллерийского полка Зицер, он же Бернштейн, состоя на военной службе в Советской армии на территории Польши, 22 сентября 1945 года дезертировал из части, после чего изменил Родине и бежал на жительство в Израиль. Проживая в г. Тель-Авив (Израиль), Зицер под вымышленной фамилией Бернштейн поступил работать на фирму «Автомобиль-трактор» в качестве механика».

Военный трибунал заочно приговорил Зицера к расстрелу.

Уроженцы Западной Украины разведчик Эдуард Рот и пулеметчик Семен Шилингер заслужили к концу войны орден Славы 1-й степени и стали полными кавалерами этой солдатской награды. О Роте сказано в книге военного историка: «В июле он полу-

чил орден, а через месяц пропал без вести». О Шилингере: «Он получил высокую награду, но вскоре пропал без вести». Быть может, и они – подобно старшине Зицеру – «бежали на жительство в Израиль»?..

Осенью 1946 года Шимон Бекин, специальный посланник из Вильнюса, приехал на север в район Печоры, где отбывал заключение сионист Нехемия Гросс, арестованный в 1940 году за попытку перейти границу. Бекин был в форме советского офицера и имел фиктивные документы для Гросса; он сумел вывести его из лагеря, привез в Вильнюс, но Нехемия отказался следовать дальше, помогал переправлять евреев через границу и ушел в Польшу с последней группой.

В ноябре 1950 года был арестован ленинградец Элиезер Кубланов – за попытку выехать нелегально в Польшу. В январе 1951 года арестовали его жену Эльке и дочь Хаю, у которой был полуторагодовалый сын. В апреле попали за решетку сын Кубланова Натан и две дочери, Либа и Стерне – их арестовали в первый вечер праздника Песах. На свободе оставался лишь старший сын Мендл, за которым пришли в мае 1951 года.

Э. Кубланова, отца семьи, приговорили к 10 годам лагерей, жену и пятерых детей – к 8 годам каждого. К 1956 году вся семья была реабилитирована и вышла на свободу.

Очерк семьдесят шестой

Образование государства Израиль

1

Поэт П. Маркиш говорил в 1945 году: «Нельзя еврейский народ делить на польское еврейство, советское еврейство, американское еврейство. Сердце нельзя разделить, его можно только разбить».

В июле 1946 года, за два года до образования Израиля, в Политехническом музее Москвы состоялась публичная лекция на тему «Палестинская проблема». Лектор получил около двухсот записок от слушателей, и в ЦК партии поступил обзор содержания этих записок, многие из которых – как было отмечено – свидетельствовали «о сионистских, а иногда и антисоветских настроениях их авторов».

«Об эмиграции евреев из СССР в Палестину.

На эту тему подано 10 записок... Разрешит ли советское правительство евреям по их желанию ехать в Палестину? Будет ли разрешен евреям выезд из СССР в Палестину, если там будет создано еврейское государство? (2 записки)... Почему евреев не выпускают из СССР? (3 записки)...

О Еврейском антифашистском комитете.

«Почему ЕАК бездействует?»

«Почему до сих пор ЕАК не заклеил публично антисемитские банды, организовавшие еврейский погром в Кельцах?»...

«Почему этот еврейский комитет усердно замалчивает всё, что касается Палестины?»

О создании еврейского государства.

Подано 10 записок...

«Как вы думаете, будет ли, в конце концов, еврейское государство или нет?..»

«Вы считаете, что еврейский народ не должен иметь... своего очага?.. В то время, как самые малые народы, численностью даже в 1 миллион человек, имеют свое государство. Естественно, что любой народ хочет иметь и должен иметь свое государство»...»

2

Перенесенные страдания в годы Катастрофы заставили евреев задуматься о положении своего народа на земном шаре. И если раньше лишь сионисты выступали за создание самостоятельного еврейского государства, чтобы не надеяться более на чью-то милость или защиту, то после войны многие заговорили об этом. Способствовали тому и события на Ближнем Востоке, которые повлияли на еврейское население во всех странах, в том числе и на евреев Советского Союза.

В июле 1947 года в небольшой французский порт на Средиземном море привезли 4515 человек, среди которых находились женщины, подростки и малые дети. Прошло два года с окончания Второй мировой войны, но эти люди всё еще не имели своего дома, не было и страны, готовой их принять, а путь в Эрец Исраэль был закрыт.

Беженцев разместили на неказистом корабле под флагом Гондураса. Он был рассчитан лишь на 700 человек, а потому пассажиры переполнили трюмы и каюты, страдая от тесноты, жары и духоты. Официальная версия гласила: все эмигранты направляются из Франции в Колумбию, и у каждого из них имелась колумбийская виза, подделанная специалистами, – 4515 фальшивых документов.

Они вышли в открытое море, и к кораблю сразу же прилип британский миноносец: стало ясно, что англичане попытаются помешать высадке в Эрец Исраэль. Они продолжали свой путь, за ними следовали уже три боевых корабля, затем появился четвертый, в небе кружили британские самолеты. Прятаться было бессмысленно, и взамен флага Гондураса на мачте появился белоголубой флаг с магендавидом, а на палубе выставили щит с надписью: «Исход из Европы – Эксодус 1947».

В одну из ночей на борту корабля родился мальчик – его мать прошла через лагеря уничтожения, и у нее на глазах убили первого ее ребенка. Затем родился еще один мальчик; его мать умерла после родов, и ее похоронили в открытом море.

Корабль
«Эксподус 1947»

На седьмой день плавания, когда они приблизились к берегам Эрец Израэль, с «Эксподуса» начали передавать сообщения. Радист говорил: «Вы слушаете голос корабля «Исход из Европы – 47», на борту которого четыре с половиной тысячи человек. Среди нас есть дети и старики, младенцы и беременные женщины. Мы держим путь на родину, мы плывем домой, и никому не остановить нас... Так или иначе, но мы прорвемся. Мы доберемся до берега, даже если придется добираться вплавь».

Радист вспоминал впоследствии: «Мы передаем на полную мощность израильские, партизанские и народные песни, а с берега говорят: «Давай, давай, продолжай!» Возле меня стоят дети, беженцы из ада, и поют. Впечатление потрясающее. Три раза мы повторяли передачу, потому что с земли просили: «Продолжайте! Слышимость отличная. Мы с вами!»...»

В ту же ночь, 18 июля 1947 года, британские миноносцы неожиданно включили прожекторы и с двух сторон таранили «Эксодус». В пробоины хлынула вода, корабль накренился, пассажиры стояли в трюме по колено в воде, а английские солдаты кидали гранаты со слезоточивым газом, чтобы овладеть палубой. Завязался рукопашный бой, сражались дубинками и голыми руками, радист передавал на берег: «Корабль сильно поврежден. В машинное отделение проникает вода... Мы всё еще хозеява на борту. Продолжаем идти в Хайфу».

Четыре часа продолжалась эта схватка – необученные, безоружные беженцы против тренированных вооруженных солдат. «Эксодус» потерял убитыми трех человек, среди них был подросток, чья мать погибла в газовой камере; многие на корабле были ранены – травмы черепа, пулевые ранения, обожженные газом легкие.

Наутро накренившийся корабль с сорванной обшивкой, ведомый англичанами, вошел в хайфский порт. Беженцы на борту – изможденные, в рваной одежде – запели гимн «Га-Тикву», и евреи за оградой порта подхватили его: «Еще не погибла надежда народа, она не угасла за двадцать веков...» Пассажиров «Эксодуса» пересадили на британские корабли и повезли обратно; представители французского правительства предложили: «Франция готова принять вас и предоставить гражданские права. Хотите ли вы сойти на берег?» В ответ они услышали: «Нет».

Более трех недель англичане пытались сломить сопротивление узников. Более трех недель пробыли они в жарких трюмах, и врач написал в отчете: «Беженцы недоедают. Дети бледны до прозрачности... Воздух раскаленный, влажный, тошнотворный... Ночью необходимо просить охрану открыть решетки, чтобы сходить по нужде. Часто случается, что дети не успевают дойти и испражняются прямо на пол. Пол мокрый и липкий».

Во Франции и Италии проходили митинги протеста. Писатели, поэты, художники направляли послания в Англию, выражая «ужас и отвращение», и тогда британские власти решили отправить беженцев в Западную Германию. Они увозили из Франции четыре с половиной тысячи человек, увозили туда, где еще недавно евреев убивали в лагерях уничтожения; в сентябре их привезли в Гамбург, силой сняли с кораблей и поместили в двух лагерях, оцепленных колючей проволокой с вышками по углам, пулеметами и прожекторами.

История «Эксодуса» стала центральной темой газет всего мира. Многие уже понимали, что после Катастрофы возможен единственный способ решения еврейской проблемы, и на рассмотрение Организации Объединенных Наций (ООН) был поставлен вопрос о разделе Палестины на два государства – еврейское и арабское.

К тому времени население подмандатной Палестины насчитывало около 1 миллиона арабов-мусульман, более 600 000 евреев и примерно 150 000 христиан.

3

В мае 1947 года заседала чрезвычайная сессия ООН, и на ней выяснилось, что позиции США, некоторых стран Европы и Латинской Америки благоприятны для евреев Эрец Исраэль. Но самое неожиданное – изменилась политика Советского Союза, который всегда был непримиримым противником сионизма.

Представитель СССР А. Громыко выступил на майской сессии ООН и ко всеобщему изумлению заговорил о «праве еврейского народа на свое государство»: «Еврейский народ перенес в последней войне исключительные бедствия и страдания... Ни одно государство в Западной Европе не оказалось в состоянии предоставить должную помощь еврейскому народу в защите его прав и самого его существования от насилий со стороны гитлеровцев и их союзников... Это обстоятельство... объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления».

Чрезвычайная сессия ООН создала специальную комиссию из представителей одиннадцати стран. Члены комиссии приехали в Палестину и посетили еврейские поселения; их потряс вид «Эксода» в хайфском порту, пробоины в бортах, испуганные женщины и плачущие дети под конвоем английских солдат; затем они побывали в Германии и Австрии, в лагерях для перемещенных лиц, и увидели там евреев, которые многие месяцы ожидали разрешения на въезд в Эрец Исраэль.

Комиссия предложила в своем отчете разделить Палестину на два государства, еврейское и арабское, а также создать интернациональную зону, в которую входил бы Иерусалим и его окрестности.

В ноябре 1947 года вопрос о разделе поступил на рассмотрение ООН, и корреспондент тель-авивской газеты сообщал в те дни: «Трудно забыть то невероятное напряжение, которое нависло над переполненным залом Генеральной Ассамблеи. Сплошные вопросительные знаки смотрели на нас из списка государств, которым предстояло проголосовать – за или против раздела Палестины... Несмотря на мучительное волнение, где-то в душе была странная уверенность, какое-то мистическое убеждение, что результат голосования может быть только один... Но в то же время происходило многое, что граничило с чудом».

И действительно, очень многое из того, что происходило в те дни, не поддается логическому объяснению. Как мог министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин, который последовательно проводил антиеврейскую политику в Палестине, передать вопрос о разделе на рассмотрение ООН? Не было ли это уловкой? Не случайно советник Бевина заявил тогда: «Чтобы приняли решение о разделе Палестины, нужны две трети голосов. Такое большинство может возникнуть лишь в том случае, если страны восточного блока во главе с Советским Союзом объединятся с США и совместно проголосуют за резолюцию. А это совершенно невозможно, этого никогда не было и не будет». И на самом деле трудно было предположить осенью 1947 года, в разгар «холодной войны», что СССР и США могут прийти к согласию по какому-либо существенному вопросу.

Кто мог предсказать заранее, что Советский Союз неожиданно меняет свою политику и выступит за создание еврейского государства? По сей день исследователи спорят на эту тему, и один из них отметил: «О причинах зигзагов советской политики, особенно в сталинские времена, можно только гадать... Все ожидали, что русские станут разыгрывать арабскую карту; вместо этого они разыграли еврейскую».

Сталин, по всей видимости, желал вытеснить Великобританию с Ближнего Востока; возможно, он полагал, что Израиль будет проводить просоветскую политику и станет опорной базой СССР для проникновения в район, имевший важное стратегическое значение, – это был редкий случай в то время, когда Советский Союз и США заняли единую позицию, а Великобритания оказалась в изоляции.

И наконец, самое необъяснимое. Мало кто предполагал перед голосованием, что удастся получить необходимое число голосов. Англичане желали сохранить влияние на Ближнем Востоке; они были против раздела Палестины, а потому оказывали давление на Бельгию, Голландию, Люксембург и Скандинавские страны. Незадолго до этого членами ООН стали два мусульманских государства – Афганистан и Йемен; теперь у арабского блока было одиннадцать сторонников, и, чтобы провалить резолюцию о разделе, им требовались дополнительно лишь шесть голосов.

Раздел Палестины поддерживал президент США Г. Трумэн, и американцы оказывали давление на колеблющихся. Несколько голосов «за» были получены буквально за час до заседания сессии ООН, а позиция Франции до последней минуты не поддавалась разгадке.

4

27 ноября 1947 года на заседании ООН шли бурные прения. Греция высказалась против раздела Палестины. Филиппины – против. Сиам –

против. Либерия заняла неопределенную позицию, а делегат Гаити заявил, что у него нет четких инструкций. Голосование надо было перенести на следующее заседание, через день, и это удалось.

Еврейская делегация работала эти сутки без сна и отдыха: встречи с делегатами, уговоры, звонки во все концы мира. Выяснилось вдруг, что Эфиопия воздержится при голосовании и не выступит против: это был мужественный поступок императора Хайле Селассие. Выяснилось еще, что в тот день произошел переворот в Сиаме, и сиамскую делегацию отозвали: это было хорошо, потому что Сиам намеревался голосовать против раздела. Еще выяснилось, что в тот же день президент Чили велел воздержаться от голосования: это было плохо, потому что прежде чилийцы выступали за раздел.

29 ноября 1947 года, в пятницу, председатель Генеральной Ассамблеи ООН постучал молотком и объявил, что для принятия резолюции требуется большинство в две трети голосов. Делегаты должны отвечать: «за», «против» или «воздерживается».

Афганистан? «Против». Так был потерян первый голос. Аргентина? «Воздерживается». Австралия? Австралия входила в состав Британского содружества наций, и было непонятно, как она проголосует. Австралия голосует за раздел. Бельгия? «За». В зале зашевелились. На предыдущем голосовании бельгийцы воздержались: очевидно, они пренебрегли давлением англичан. Боливия? «За». Бразилия? «За». Белоруссия? Очень ответственный момент. Если в последнюю минуту Советский Союз переменял решение, это сейчас выявится. Белоруссия – «за». Канада? «За». Чили? «Воздерживается». Китай? «Воздерживается». Коста-Рика? «За». Эквадор? «За». Гватемала, Никарагуа, Панама, Перу, Парагвай, Уругвай, Венесуэла, Либерия, Доминиканская республика? «За». Куба? «Против» – этого не ожидали. Польша и Чехословакия? «За». Дания? «За». Египет? Египет голосует против раздела. Эфиопия? «Воздерживается». Франция? Это была первая страна из четырех великих держав. Французская республика голосует за раздел. Гаити? Делегация Гаити не получила до этого никакого решения своего правительства. Встал представитель Гаити и заявил: «Только что получено указание: голосовать за раздел». Гондурас? «Воздерживается». Исландия? «За». Индия? «Против». Греция? «Против». Иран, Ирак, Ливан? «Против». Пакистан, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Йемен? «Против». Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Швеция, Филиппины, Южно-Африканский союз? «За». Мексика? «Воздерживается». Югославия? «Воздерживается». Союз Советских Социалистических республик? «За». Украина? «За». Соединенное королевство Великобритании? «Воздерживается». Соединенные Штаты Америки? «За».

Всё было кончено. 33 страны проголосовали за раздел Палестины и образование на ее территории двух государств – еврейского и арабского. 13 стран проголосовали против. Остальные – воздержались. Необходимые две трети голосов были набраны, и очевидец вспоминал: «Такого большинства не ожидали даже самые оптимистичные среди нас. Громовые аплодисменты и крики «Да здравствует Еврейское государство!» сотрясли зал. Незнакомые люди обнимались».

Несмотря на крохотные размеры будущего государства, евреи приняли план раздела Палестины, но арабские страны не признали это решение Организации Объединенных Наций. Президент Сирии заявил: «Будем биться насмерть». Премьер-министр Сирии сказал: «Перейдем от слов к делу, братья-мусульмане. Вставайте все, и истребим сионистскую заразу». Король Саудовской Аравии: «Нас пятьдесят миллионов арабов. Что страшного, если мы потеряем десять миллионов, чтобы уничтожить всех евреев? Игра стоит свеч». Генеральный секретарь Лиги арабских стран: «Эта война – на тотальное уничтожение. Это будет гигантская резня, память о которой останется в веках, как память о монгольской резне».

Давид Бен-Гурион вспоминал тот день после голосования в ООН: «Толпы людей плясали на улицах. Я не мог плясать. Я знал, что нам предстоит война, и мы потеряем в ней лучших наших бойцов».

5

В конце 1947 года британское правительство заявило, что английские войска уйдут из Палестины 15 мая следующего года. Все антиеврейские ограничения оставались в силе: запрет на въезд репатриантов и запрет на легальный ввоз оружия. Соединенные Штаты Америки также запретили продажу оружия на Ближний Восток, а в это время арабы усиленно вооружались с помощью англичан, в мечетях призывали мусульман к священной войне против евреев.

Начался 1948 год, и в московской газете «Известия» напечатали статью «Интриги империалистов на Арабском Востоке»: «Кампанию против раздела Палестины возглавляет Лига арабских стран... Руководители Лиги, бряцая оружием, вербуют добровольцев в «арабскую армию»... Реакционная арабская верхушка призывает всех арабов к джихаду – «священной войне»... Одна из демонстраций в Каире, во время которой раздавались выкрики «Да здравствует Гитлер!», завершилась погромом... греческих магазинов...»

И далее: «Смешно говорить о том, что создание в Палестине независимого еврейского государства с населением меньше чем в три

четверти миллиона человек может представить угрозу 35 миллионам арабов соседних стран».

Арабские отряды в Палестине набирали силу; им оказывали финансовую поддержку соседние страны, засылали оружие и добровольцев. Еврейские поселения были удалены друг от друга, окружены враждебным населением, и оставалось только гадать, что же произойдет с ними, когда начнется война, та самая война, которую по одну сторону фронта называли Войной за независимость, а по другую сторону – Войной на уничтожение.

В январе 1948 года израильские представители подписали тайный контракт с военными заводами «Шкода» в Чехословакии – о поставках оружия на 12 миллионов долларов. В апреле прилетел первый самолет из Чехословакии, привез 200 винтовок и 40 ручных пулеметов немецкого производства: это оружие использовали в операции по прорыву блокады Иерусалима. Затем приплыл корабль «Нора»: в его трюмах, под слоем лука, были упрятаны 4500 винтовок, 200 пулеметов и 5 миллионов патронов – их также использовали в борьбе за Иерусалим.

По всей стране шла необъявленная война в городах, поселениях, на дорогах, и каждая сторона стремилась захватить стратегические позиции. С середины апреля до середины мая 1948 года еврейские вооруженные отряды обеспечили контроль над сплошной территорией, которая включала основные центры еврейского населения. Были взяты Хайфа, Цфат и Акко, отвоевана Восточная Галилея; большинство арабского населения покинуло город Яффо, расположенный возле Тель-Авива.

Бен-Гурион говорил в те решающие дни: «Я не могу, да и не хочу думать ни о чем, кроме ближайших семи–восьми месяцев, которые определяют всё. За этот период будет решен исход войны, и для меня сегодня не существует ничего, кроме этой войны».

6

8 мая 1948 года государственный секретарь США Д. Маршалл принял М. Шарета, руководителя иностранного отдела Еврейского агентства. Американцы предложили отложить провозглашение государства на три месяца и согласиться на прекращение огня, но Шарет сказал на это: «Нам придется держать ответ перед еврейской историей, если мы согласимся на отсрочку, не будучи уверенными в том, что по истечении этой отсрочки еврейское государство будет всё-таки создано... Мы не просим помощи. Мы просим лишь прекратить вмешательство в наши дела».

Заместитель государственного секретаря предупредил Шарета: «Начнется вторжение арабов, вы попадете в большую беду, – тогда не приходите к нам жаловаться». А государственный секретарь добавил: «Что будет, если начнется длительное вторжение? Принимаете ли вы в расчет, насколько это опасно для вас? Если вам удастся основать еврейское государство, я буду счастлив. Но это огромная ответственность».

Шарет был обеспокоен этим разговором. Он собирался уже вылететь в Тель-Авив, чтобы рассказать о своей беседе в Госдепартаменте, но в этот момент его вызвали на срочный телефонный разговор. Звонил Х. Вейцман. Прерывающимся от волнения голосом он сказал: «Пусть они не колеблются. Надо провозглашать еврейское государство. Теперь или никогда!»

11 мая Шарет вернулся в Тель-Авив и передал Бен-Гуриону предостережение государственного секретаря США: если начнется война, евреев могут разгромить. Закончив свое сообщение, Шарет добавил: «Думаю, что он прав». Бен-Гурион подошел к двери, запер ее и сказал: «Моше, тебе скоро идти на заседание правления, которое должно решить, провозглашать ли государство. Ты дашь им полный отчет о встрече с Маршаллом. Но ты отсюда не выйдешь, пока не пообещаешь мне одну вещь. Эти четыре слова, которые ты сказал, – «Думаю, что он прав», – ты не произнесешь на том заседании». Шарет согласился на это и на заседании выступил за создание государства.

12 мая проходило заседание Народного правления, и продолжалось оно одиннадцать часов подряд. В тот день арабы напали на поселения в Гуш-Эционе возле Иерусалима. В тот день Г. Меир сообщила о тайной встрече с эмиром Трансиордании Абдаллой: не было уже никаких сомнений, что Трансиордания, обладавшая самой сильной армией, примет участие в войне. И в тот же день был заслушан отчет начальника генерального штаба: «Наши шансы в лучшем случае – пятьдесят на пятьдесят. Пятьдесят – победим, пятьдесят – потерпим поражение».

Бен-Гурион почувствовал, что присутствовавшие на заседании начали колебаться, и тогда он медленно, раздельно, со значением стал зачитывать цифры – количество оружия, закупленного в Чехословакии, которое везли на кораблях в Эрец Исраэль. «Мы сможем нанести арабам сильный удар уже в начале вторжения и сломить их боевой дух», – сказал Бен-Гурион, и члены Народного правления должны были принять решение, от которого зависела судьба народа.

Шесть человек проголосовали за немедленное провозглашение государства, четверо – против. Было решено, что 14 мая 1948 года, в пятницу (в пятый день месяца Ияр 5708 года по еврейскому календарю), будет провозглашено создание еврейского государства – под названием государство Израиль.

Церемонию провозглашения решили провести в тель-авивском музее на бульваре Ротшильда. Место и время церемонии хранили в строжайшей тайне, но, когда автомобиль Бен-Гуриона остановился у ступеней музея, улица была переполнена народом, журналистами, фотографами – многие узнали об этом каким-то непостижимым образом и пришли, чтобы своими глазами увидеть это историческое событие.

В четыре часа дня Давид Бен-Гурион постучал по столу председателем молотком. Все встали и пропели «Га-Тикву». Затем Бен-Гурион откашлялся и негромко сказал: «Сейчас я прочитаю Декларацию независимости». Он читал медленно, внятно, и голос его изменился, когда он дошел до одиннадцатого параграфа: «Мы, члены Народного совета, представители еврейского населения Эрец Исраэль и сионистского движения... в силу нашего естественного и исторического права и на основании решения Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций настоящим провозглашаем создание Еврейского Государства в Эрец Исраэль – Государства Израиль».

Голда Меир вспоминала: «Вдруг, словно по сигналу, мы все поднялись со своих мест, плача и аплодируя. Бен-Гурион сорвавшимся (первые за всё время) голосом прочитал: «Государство Израиль будет открыто для репатриации и объединения в нем всех рассеянных по свету евреев». В этих словах билось само сердце Декларации, в них была выражена и причина, и смысл создания государства. Я плакала в голос, услышав, как эти слова прозвучали в жарком, переполненном зале».

Голос Бен-Гуриона раздавался из радиоприемников по всей стране, слушали его и в осажденном Иерусалиме, в кибуцах, поселениях и в боевых отрядах. Когда Бен-Гурион прочитал всю Декларацию, неожиданно встал раввин И. Л. Фишман-Маймон и дрожащим голосом произнес традиционную еврейскую молитву: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Владыка Вселенной, который даровал нам жизнь, поддерживал ее в нас и дал дожить до этого времени. Амен». Затем члены Народного совета подписали Декларацию. Оркестр сыграл гимн. Бен-Гурион постучал по столу молотком: «Государство Израиль создано. Заседание окончено». Вся церемония продолжалась тридцать семь минут.

В тот день Бен-Гурион записал в дневнике: «В четыре часа дня провозглашение независимости. В стране ликование и глубокая радость – и снова я один, грустен среди веселья...» И действительно, имелись многие основания для грусти у хорошо информированного человека. Пять вражеских армий готовились вторгнуться во вновь созданное государство – армии Ливана, Сирии, Ирака, Трансиордании и Египта; взятие Хайфы планировалось через пять дней, взятие Тель-Авива и

Иерусалима через десять дней. У противника было подавляющее преимущество в живой силе и технике, а боевые отряды нового государства насчитывали 30 000 бойцов – без танков, самолетов, орудий и военных кораблей.

Наутро, пятнадцатого мая, над Тель-Авивом пролетели четыре египетских самолета типа «Спитфайер» и сбросили бомбы: это был первый воздушный налет и фактическое начало войны. Чуть позже в тель-авивский порт – свободно и не таясь – вошел корабль с еврейскими репатриантами, за которыми еще вчера охотились англичане.

Первый легальный репатриант, высадившийся на землю государства Израиль, был немолодой, бедно одетый Сэмюэль Бранд, бывший узник Бухенвальда. В руке он держал первую визу на въезд в страну, на которой было написано: «Дано право поселиться в Израиле».

8

Из воспоминаний заключенных ГУЛАГа:

«Лежа на деревянных нарах, я слушал по репродуктору последние известия из Москвы. Диктор сообщил... что в Тель-Авиве провозглашено еврейское государство... Слезы радости навернулись на мои глаза. Заключенные поднимались со своих мест, пожимали евреям руки и поздравляли... Всю ночь мы не могли заснуть...»

«В Тайшетском лагере было с десяток евреев, и с огромной радостью мы узнали о рождении государства Израиль. Сложили рубли, купили пару пачек чаю и «начифирились», поздравляя друг друга: «В будущем году в Иерусалиме!» Зэки-бандеровцы с удивлением и восхищением говорили: «Опять жида нас обскакалы. У них вже е своя, жыдивска вичизна...»

Через несколько часов после образования Израйля из США пришло сообщение: президент Г. Трумэн признал «де-факто» новое государство. В тот же день еще одна страна признала Израиль: это была Гватемала. 15 мая министр иностранных дел Израйля направил телеграмму в Москву: «От имени Временного Правительства Израйля прошу Правительство Союза Советских Социалистических республик официально признать Государство Израйль и его Временное Правительство».

Ответ на это последовал 18 мая: «Настоящим сообщаю, что Правительство Союза Советских Социалистических республик приняло решение об официальном признании Государства Израйль и его Временного Правительства... В. Молотов, Министр иностранных дел СССР». Это было признание «де-юре», другими словами, установление полных дипломатических отношений между двумя странами.

Голда Меир: «Несмотря на то что Советский Союз впоследствии так яростно выступал против нас, его признание Израиля имело огромное значение. Впервые после Второй мировой войны две великие державы пришли к согласию поддержать еврейское государство, и мы, находясь в смертельной опасности, знали хотя бы, что мы не одни».

Английская карикатура:
И. Сталин
и президент США
Г. Трумэн возле
«новорожденного»

Планы создания еврейского национального очага возникали в разные времена, но все они заканчивались безрезультатно. В первой половине восемнадцатого века житель Саксонии Герман Мориц предлагал создать еврейское государство в Южной Америке и намеревался стать его правителем. В 1825 году Мордехай Ноах торжественно основал в США, на купленных землях возле Ниагарского водопада, еврейское государство Аарат – через десяток лет об этом все забыли.

В 1892 году барон Морис Гирш приобрел обширные участки земли в Аргентине, чтобы за свой счет переселить 3 миллиона российских евреев; переехали туда несколько десятков тысяч человек. В 1903 году британское правительство предложило создать в Уганде еврейское поселение с автономным правлением – Сионистский конгресс отверг этот план.

В 1941 году, после нападения Германии на СССР, министр колоний Великобритании лорд Мойн сказал Бен-Гуриону: «Мы вы-

гоним немцев из Восточной Пруссии, поселим там евреев и создадим еврейское государство». В 1946 году Хо Ши Мин, руководитель освободительного движения во Вьетнаме, предложил Бен-Гуриону основать временный еврейский национальный очаг в горах Центрального Вьетнама – после того, как эта территория будет завоевана повстанцами.

Из речи А. Громько на сессии ООН 26 ноября 1947 года, перед голосованием о разделе Палестины (опубликовано в газете «Правда»):

«Опыт изучения вопроса... показал, что евреи и арабы в Палестине не хотят или не могут жить вместе. Отсюда следовал логический вывод: если эти два народа, населяющие Палестину, оба имеющие глубокие исторические корни в этой стране, не могут жить вместе в пределах единого государства, то ничего иного не остается, как образовать вместо одного два государства – арабское и еврейское...

Такое решение будет идти навстречу законным требованиям еврейского народа, сотни тысяч представителей которого, как вы знаете, всё еще являются бездомными... Именно поэтому советская делегация поддерживает рекомендацию о разделе Палестины...»

Осенью 1948 года Д. Мануильский, постоянный представитель Украины в Совете Безопасности ООН, предложил переселить в СССР 500 000 арабских беженцев из Палестины и создать на территории Средней Азии арабскую союзную республику или автономную область.

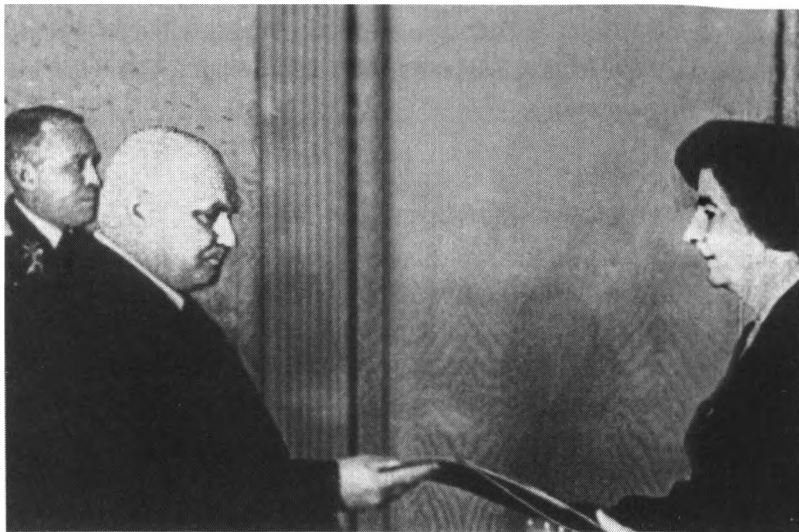

Соединенные Штаты Америки признали Израиль «де-юре» в январе 1949 года и предоставили долгосрочный заем на 100 миллионов долларов; тогда же израильское правительство попросило кредит у Советского Союза, но просьбу отклонили.

Великобритания признала Израиль «де-факто» в январе 1949 года. 11 мая того года Израиль был принят в члены Организации Объединенных Наций; вскоре 56 государств признали Израиль, 40 из них – «де-юре», с установлением полных дипломатических отношений.

Очерк семьдесят седьмой

Евреи Советского Союза и Израиль

1

В 1947 году в Еврейский антифашистский комитет поступило письмо лейтенанта А. Лифица из города Орла:

«Вы упускаете молодежь. Наша молодежь замечательна... Это гордость и надежда еврейства. Не бросайте ее на произвол ветров. Ей грозит (буду прямо говорить) денационализация, ассимиляция...

Пусть вас не смущает временное затишье еврейского национального движения. В народ наш надо страстно верить, любить его, мучиться его мукой и возносить его величие...

В глубине души каждого еврея – тоска по еврейской общности. Народ наш не простит ассимиляторам. Он не простит фашизму и антисемитизму...»

Александр Лифиц был арестован отделом контрразведки, его письмо использовали на следствии как обвинительный документ.

Через две недели после образования Израиля из Киева сообщили в Москву: «Среди еврейских националистических элементов отмечаются тенденции эмигрировать из СССР в Палестину и принять гражданство

государства Израиль». Секретные осведомители подслушивали высказывания евреев и сообщали их в соответствующие органы для принятия необходимых мер.

Бухгалтер: «Живу теперь двойной жизнью – сижу на работе, а мысли убегают туда, где наши герои создают государство для всех евреев...»

Преподаватель института: «То, что там происходит, важнее всего на свете...»

Библиотечный работник: «Советский Союз даст возможность еврейскому населению выехать в Палестину, и многие из нас уедут туда...»

Служащий: «Биробиджан – это не наша земля. Палестина – земля наша родная, поэтому мы ее добиваемся...»

Журналист: «Я бы немедленно поехал в Израиль... В Палестине тоже есть коммунистическая партия, я там пригожусь...»

Портной: «При первой возможности уеду туда...»

Из агентурных сообщений по Винницкой области: «По-видимому, среди еврейской массы есть сионисты, много говорят о Палестине...»

Председатель религиозной общины города Берегово под Ужгородом публично заявил: «Государство Израиль основано благодаря нашим молитвам, его даровал нам Бог. Наши евреи с радостью готовы хоть завтра отправиться туда».

2

Сотрудники Совета по делам религиозных культов докладывали начальству: «После создания в Палестине государства Израиль... некоторые синагоги отслужили по этому поводу торжественные богослужения. На таком богослужении в Московской хоральной синагоге, например, собралось свыше 10 тысяч человек».

Помещение синагоги в Москве не могло вместить всех присутствовавших; люди толпились на улице, среди них было немало евреев, которые впервые в жизни пришли к этому зданию. В зале для молитв висели лозунги «14 мая 1948 года провозглашено Государство Израиль» и «Еврейский народ жив».

Образование Израиля отметили в синагогах Львова, Ташкента и других городов; на торжественном богослужении в Ужгороде присутствовало немало молодежи и мужчин в военной форме. В Черновцах упомянули, конечно, товарища Сталина, который «спас еврейский народ от фашистского ига и поддержал национально-освободительное движение

еврейского народа в Палестине», а затем прочитали заупокойную молитву в память евреев, погибших при создании государства Израиль.

Официально СССР не принимал участия в арабо-израильском конфликте, и в августе 1948 года в «Правде» напечатали «Опровержение ТАСС»: «За последнее время в иностранной печати распространяются слухи о снабжении Советским Союзом армии государства Израиль оружием и боеприпасами... ТАСС уполномочен опровергнуть эти сообщения, как не соответствующие действительности».

Однако ни у кого не вызывало сомнений, кого поддерживал Советский Союз. Москва осудила агрессию арабских стран против Израиля. «Правда» разъяснила читателям: «Молодому еврейскому государству приходится сражаться, отстаивая свою, с таким трудом добытую свободу и независимость». В газете Днепропетровска напечатали статью под крупным заголовком «Флаг государства Израиль – над портом Хайфы».

Эти сообщения вызывали энтузиазм, особенно у еврейской молодежи; появилось чувство ответственности за молодое государство – символ национального возрождения после страшных лет Катастрофы. Кто-то решил, что подошло время – с согласия Кремля – встать на защиту Израиля, который находился в опасности, и в Москву поступали сообщения о настроениях еврейского населения.

Театральный работник: «Если бы советское правительство обратилось с призывом к евреям СССР, многие поехали бы на Палестинский фронт...»

Демобилизованный офицер: «Если бы я имел возможность добратья до Палестины, сегодня бы поехал туда защищать еврейское государство...»

Бывший военный летчик: «С удовольствием поехал бы в Палестину и на своем самолете перевернул эту организованную англичанами кукольную войну...»

Бывший партизан: «Я бы пошел первым и перенес опыт партизанской войны в Палестину. Хорошо бы пошерстить англичан и американцев, но чтобы потом можно было вернуться на родину...»

Курсант авиаучилища: «Хочется драться в рядах еврейской армии против ее врагов, ибо пора покончить с многовековыми страданиями моего народа...»

Председатель еврейской религиозной общины Ленинграда предложил оказать помощь «воюющим евреям в Палестине». Евреи Ужгорода намеревались просить «советскую власть, чтобы разрешили формирование воинских соединений для оказания помощи государству Изра-

иль». Львовские евреи написали письмо Сталину с той же просьбой и начали собирать деньги в пользу Израиля; такие же сборы попытались провести в Чернигове, но местные власти пресекли недозволенную деятельность.

Существовали и иные настроения, зафиксированные работниками секретных служб: «Вряд ли кто-нибудь из евреев поедет в Палестину, ведь там... долго будет беспокойно...» – «Я не променяю советское государство даже на еврейское...» – «Зачем туда ехать? Раньше ехали потому, что евреев притесняли, а теперь нет необходимости...» – «У нас тихо, мирно и весело в стране...»

3

Летом 1948 года посол СССР в Праге сказал израильскому дипломату: «Вы, вероятно, ищете человека, чтобы отправить его в Москву. Не думайте, что он должен свободно говорить по-русски или быть экспертом по марксизму-ленинизму. Ни то, ни другое не обязательно». А потом, как бы невзначай, советский посол спросил: «Кстати, что с госпожой Мейерсон? Она остается в Израиле или у нее другие планы?» И в Израиле поняли, что русские хотели бы видеть «госпожу Мейерсон» (Голду Меир) главой дипломатической миссии в СССР.

Это было сложное время для молодого государства. Война. Тяжелейшие экономические трудности. Следовало подумать о том, как обставить помещение будущего посольства, как одеть его персонал, а потому обратились за помощью к опытному специалисту. Голда Меир получила такой совет: «Там, куда вы едете, очень холодно, и зимой многие носят шубы. Норку покупать необязательно, но хорошая цигейка очень пригодится... Вам понадобятся и несколько вечерних платьев, а еще купите себе всякие шерстяные вещи, ночные рубашки, чулки, белье. И непременно пару хороших зимних ботинок».

Решили также, что при вручении верительных грамот Г. Меир будет в длинном черном платье, которое ей специально пошили в Тель-Авиве, а на голову она наденет черную бархатную шляпку.

Так оно и произошло. Голда Меир, необычайный и полномочный посланник государства Израиль, вручала верительные грамоты в Кремле в длинном черном платье и с маленькой шляпкой на голове.

Израильские дипломаты приехали в Москву 3 сентября 1948 года. Первое время они жили в гостинице «Метрополь», и Г. Меир вспоминала:

«Огромные комнаты с люстрами, длинные бархатные занавеси, тяжелые плюшевые кресла, даже рояль в одной из комнат. На каждом этаже сидела строгая немолодая дама, которой полагалось сдавать ключи при выходе, но, по-видимому, главным ее делом было доносить госбезопасности о посетителях...» Дипломаты из других посольств предупредили новичков, что все разговоры прослушиваются, – они систематически разыскивали микрофоны в своих комнатах, но ни разу их не обнаружили.

Министру государственной безопасности доложили об израильских дипломатах: «1. Посланник миссии – Мейерсон Голда Мойшевна, 1898 года рождения, уроженка г. Киева, большую часть жизни провела в США, где получила свое образование. Убежденная сионистка с большим стажем практической работы. Не знает русского языка. 2. Советник миссии – Намир (он же Немировский) Мордехай Ицхакович, бывший руководитель правых сионистов-социалистов в г. Одессе. В Советском Союзе подвергался репрессиям, настроен антисоветски...»

И далее: «Голда Мейерсон и Намир имеют персональное задание... наладить контакт с евреями в Советском Союзе и найти путь для включения их в активную общесионистскую деятельность».

Через неделю жизни в «Метрополе» дипломаты поняли, что вскоре останутся без денег: цены были чрезвычайно высоки, и первый же гостиничный счет вызвал у них панику. «Есть только один способ уложиться в наш тощий бюджет – обедать в гостинице раз в день, – сказала Г. Меир. – Я добуду продукты для завтраков и ужинов, а в пятницу вечером будем обедать все вместе». На другой день они купили электроплитки – по одной на каждый номер, а посуду и ножи с вилками одолжили в гостинице, потому что в магазинах их невозможно было достать. Два раза в неделю сотрудники посольства шли рано утром на рынок, покупали продукты и укладывали между двойными рамами окон, чтобы они не портились.

Г. Меир: «С самого начала мои комнаты по пятницам были открыты для посетителей. Я надеялась, что местные жители будут, как в Израиле, заходить на чашку чая с пирогом... Приходили журналисты, приходили евреи и неевреи из других посольств, приходили заезжие еврейские бизнесмены... но русские – никогда. И ни разу, ни разу – русские евреи».

Этот вопрос часто обсуждали сотрудники посольства: кто они, теперешние евреи СССР, с которыми много лет не было никакой связи? Какие они? Что еврейского в них осталось? У некоторых израильских дипломатов были в СССР близкие родственники, и они не знали, можно ли их навестить, не опасно ли им помочь, не обернется ли это для них арестом и длительным заключением?

Г. Меир: «Нам было очень трудно понять и принять систему, в которой встреча матери с сыном, которого она не видела тридцать лет... приравнивается к государственному преступлению».

В первую субботу после вручения верительных грамот израильские дипломаты отправились пешком в главную московскую синагогу. Там было не более ста пятидесяти пожилых евреев. По обычаю, в конце службы произнесли благословение и пожелание здоровья руководителям советского государства, а потом – к изумлению присутствовавших – и пожелание здоровья посланнику государства Израиль Голде Меир. «Я сидела на женской галерее, и когда назвали мое имя, все повернулись и посмотрели на меня, словно старались запомнить мое лицо. Никто не сказал ни слова. Все только смотрели и смотрели на меня».

На обратном пути в гостиницу ее задел плечом старый человек: «Не говорите ничего, – шепнул он на идиш. – Я пойду вперед, а вы за мной». Не доходя до гостиницы, он остановился, повернулся к ней и прочитал благодарственную молитву: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Владыка Вселенной, который даровал нам жизнь, поддерживал ее в нас и дал дожить до этого времени. Амен». И старый человек скрылся в толпе.

Вскоре к Молотову поступило официальное донесение о посещении синагоги израильскими дипломатами: «Посол г-жа Мейерсон, находившаяся... во время чтения молитвы на «женской половине» (на хорах), по окончании ее сошла в главный зал, подошла к раввину, церемонно поклонилась ему, произнесла на древнееврейском языке приветствие и заплакала».

16 сентября Г. Меир побывала в Московском еврейском театре, где зрители встретили ее с ликованием. Фасад театра был украшен огромным бело-голубым флагом с магендавидом; Г. Меир купила несколько абонементов в театр и попросила передать их неимущим евреям.

Вскоре этот флаг с магендавидом припомнили на допросе академику Л. Штерн: «Помните?.. Вы были при этом». Она ответила: «Да. Звезда Давида. Это – символ, герб, как у нас серп и молот. Не встречать же посла государства Израиль двуглавым орлом».

4

Через две недели после появления в Москве израильских дипломатов Сталину доложили: «Вы дали указание подготовить статью об Израиле. Дело несколько задержалось из-за отсутствия в Москве Эренбурга. На днях Эренбург... согласился написать статью и высказался против того, чтобы статья вышла за несколькими подписями».

Сталин прочитал статью Эренбурга под названием «По поводу одного письма», и на документе сохранилась пометка: «Товарищ Сталин согласен».

Эту статью опубликовали в газете «Правда». В ней Эренбург разъяснял, что стремление зарубежных евреев к созданию своего государства вызвано лишь необходимостью коллективной защиты от антисемитизма. Только «мракобесы говорят, что существует некая мистическая связь между всеми евреями мира»: «Если бы завтра нашелся какой-нибудь бесноватый, который объявил бы, что все рыжие люди или все курносые подлежат гонению и должны быть уничтожены, мы увидели бы естественную солидарность всех рыжих или всех курносых». В СССР с антисемитизмом покончено, утверждал автор статьи, а потому евреям незачем переселяться в Израиль: «Советские евреи теперь вместе со всеми советскими людьми отстраивают свою социалистическую родину. Они смотрят не на Ближний Восток, они смотрят в будущее».

Статья Эренбурга стала предупреждением для евреев – не проявлять излишнего интереса к еврейскому государству, однако в начале октября 1948 года, в праздничный вечер Рош га-Шана, к зданию московской синагоги пришли тысячи человек. Посольство Израиля явилось в синагогу в полном составе, и председатель Совета по делам религиозных культов сообщал: «когда г-жа Мейерсон... входила в синагогу, то многочисленная толпа, как в здании, так и на улице, приветствовала ее аплодисментами, которые раввин Шлифер пытался прекратить... Некоторые лица высказали недовольство этим, заявив: «Мы две тысячи лет ждали этого события; как вы можете запретить нам проявлять свои чувства?»...»

Голда Меир (из книги «Моя жизнь»):

«Улица перед синагогой была... забита народом. Там были люди всех поколений: и офицеры Красной армии, и солдаты, и подростки, и младенцы на руках у родителей... В первую минуту я не могла понять, что происходит, и даже – кто они такие. Но потом поняла. Они пришли – добрые, храбрые евреи – пришли, чтобы быть с нами, пришли продемонстрировать свое чувство принадлежности и отпраздновать создание государства Израиль.

Через несколько секунд они обступили меня, чуть не раздавили, чуть не подняли на руках, снова и снова называя по имени... На галерее для женщин то и дело кто-нибудь подходил ко мне, касался моей руки, трогал или даже целовал мое платье... Я не могла ни говорить, ни улыбнуться, ни помахать рукой; сидела неподвижно, как каменная, под тысячами устремленных взглядов...

Служба закончилась, и я поднялась, чтобы уйти, – но двигаться было трудно. Такой океан любви обрушился на меня, что стало трудно дышать; думаю, я была на грани обморока. А толпа всё волновалась вокруг меня, люди протягивали руки и говорили: «наша Голда» и «шалом, шалом», и плакали...

Я не могла бы дойти пешком до гостиницы, так что – несмотря на запрет ездить по субботам и праздникам – кто-то втолкнул меня в такси. Но и такси не могло сдвинуться с места, его поглотила толпа ликующих, смеющихся, плачущих евреев. Мне хотелось хоть что-нибудь сказать этим людям... и я пробормотала не своим голосом на идиш: «Спасибо вам, что вы остались евреями». И я услышала, как эту жалкую фразу передают и повторяют в толпе, словно чудесное пророчество...

В гостинице все собрались в моей комнате. Мы были потрясены до глубины души. Никто не сказал ни слова. Мы просто сидели и молчали... Женщины рыдали навзрыд, мужчины закрыли лица руками... Кто-то сфотографировал эту новогоднюю толпу; фотографию, наверно, размножили в тысячах экземпляров, потому что незнакомые люди на улице шептали мне еле слышно: «У нас есть фото!» Но конечно, я понимала, что они бы излили свою любовь и гордость даже перед обыкновенной шваброй, если бы швабру прислали представлять Израиль».

Г. Меир направила телеграмму в Израиль о событиях в дни Рош га-Шана: «На протяжении двух дней праздника наш флаг развевался над главным входом «Метрополя»...»

Автором знаменитого снимка 1948 года был Давид Хавкин. Это он, восемнадцатилетний юноша, сфотографировал Голду Меир возле московской синагоги в окружении многотысячной толпы евреев (этот снимок напечатали впоследствии на израильской денежной купюре).

Из воспоминаний Хавкина:

«Фотографировать было не трудно. Сложнее распространить фотографию, ведь распространение – это самое страшное преступление по советским законам.

Возле синагоги всегда стояли свахи, торгаши и прочие. Я выбрал одного торговца, заинтересовал низкой ценой, и он согласился. Подготовил первую пачку фотографий, принес ему, и они разошлись, как семечки...

Самым знаменательным для меня был день, когда пришел отец, созвал всю семью и показал нам эту фотографию, которую он приобрел около синагоги. Никто не знал, что я сделал этот снимок, и это был один из самых радостных дней в моей жизни».

Израильские дипломаты пришли в синагогу и в Йом Кипур. По завершении молитвы Судного дня раввин Ш. Шлифер торжественно произнес

традиционное пожелание: «В будущем году в Иерусалиме!», и эту фразу, как лозунг, подхватили многие. Сотрудники посольства возвращались пешком в гостиницу, а следом за ними двигалась толпа – подобной стихийной демонстрации уже десятки лет не бывало на улицах Москвы.

Г. Меир сказала после этого о евреях СССР: «Это замечательные евреи – возможно, наилучшие!»

Голда Меир среди евреев у московской синагоги. Фото Давида Хавкина

5

Женой министра иностранных дел В. Молотова была Полина Жемчужина (Перл Карповская), дочь еврея-земледельца с юга Украины – кандидат в члены ЦК партии, депутат Верховного Совета СССР; ее наградили орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Молотов:

«Мне выпало большое счастье, что она была моей женой. И красивая, и умная, а главное – настоящий большевик, настоящий советский человек».

Жемчужина приветствовала образование государства Израиль, при встрече с Г. Меир сказала ей на идиш: «Их бин а идише тохтер» («Я – еврейская дочь»). И на прощание добавила со слезами на глазах: «Пусть у вас всё будет хорошо, тогда хорошо будет для всех евреев».

Сталин не мог этого простить, и в конце 1948 года Жемчужину обвинили в том, что «в течение длительного времени поддерживала связь и близкие отношения с еврейскими националистами, не заслуживающими политического доверия и подозреваемыми в шпионаже». В вину поставили и ее участие «в религиозном обряде в московской синагоге» в марте 1945 года (это было траурное богослужение в память жертв Катастрофы).

Молотов вспоминал: когда Сталин «на заседании Политбюро прочитал материал, который ему чекисты принесли на Полину Семеновну, у меня коленки задрожали... Сталин подошел ко мне в ЦК: «Тебе надо разойтись с женой!» А она мне сказала: «Если это нужно для партии, значит, мы разоидемся». В конце 1948-го мы разошлись...»

Жемчужину исключили из партии за «политически недостойное» поведение, затем арестовали и сослали на пять лет в отдаленный район Казахстана. Вместе с ней попали за решетку ее брат и сестра, погибшие в тюрьме; арестовали ее племянников и сослуживцев, били на допросах и заставляли подписывать вынужденные показания.

Следователи пытались доказать среди прочего, что Жемчужина изменяла своему мужу, и выбивали необходимые признания из арестованных. Один из них вспоминал: «С первого же дня ареста меня нещадно избивали... резиновыми палками, били по половым органам. Я терял сознание. Прижигали горящими папиросами, обливали водой, приводили в чувство и снова били... От меня требовали сознаться в том, что сожительствовал с гражданкой Жемчужиной и что я шпион...»

Н. Хрущев: «Помню грязный документ, в котором говорилось, что она была неверна мужу, и даже указывалось, кто были ее любовниками. Много было написано гнусности...»

Молотов: «Берия на заседаниях Политбюро, проходя мимо меня, говорил, верней, шептал мне на ухо: «Полина жива!...» На свободу она вышла на второй день после похорон Сталина... Перенесла она много, но, повторяю, отношения к Сталину не изменила, всегда ценила его очень высоко...»

Голда Горбман из многодетной еврейской семьи была до революции сослана в Архангельскую губернию за участие в революционном движении. Там она вышла замуж за ссыльного К. Ворошилова (будущего

маршала Красной армии), но для этого ей пришлось креститься и получить новое имя – Екатерина. Она закончила Высшую партийную школу и работала заместителем директора музея В. Ленина в Москве.

Из воспоминаний:

«После расстрела евреев в Бабьем Яре с Екатериной Давидовной будто что-то случилось. Там, в той страшной яме, погибли ее родная сестра с дочерью. Екатерина Давидовна как будто глаза открыла на жизнь... Будто что-то увидела – стала много человечнее, чем была до сих пор.

Когда возникло государство Израиль, я услышала от Екатерины Давидовны фразу: «Вот теперь и у нас тоже есть родина». Я вытаращила глаза: это говорит ортодоксальная коммунистка-интернационалистка! Проклятая в синагоге за измену своей религии...»

6

И. Фефер, член президиума ЕАК, свидетельствовал: «Нам было трудно в те дни, когда было объявлено о государстве Израиль. Нас просто атаковали. Ежедневно приходили десятки людей...» Еврейский антифашистский комитет посещали бывшие солдаты и офицеры, прошедшие войну, студенты, врачи, инженеры, члены партии, и Секретариат ЕАК докладывал в ЦК партии:

«Комитет лично посетили: 1. Инженер из Харькова Абрамов Борис Меерович... 2. Инженер Коган Эдуард Ефимович, Москва... 3. Лейзернок Михаил Наумович... от имени 20 товарищей (тел. Ж-2-32-91)... 4. Левин Борис Львович, Мос. юридический институт, от имени 80 товарищей... 6. Фурман Самуил Ильич... просит отправить добровольцем его и двух сыновей для «борьбы с агрессорами». Все – участники Отечественной войны».

Д. Драгунский и И. Рогачевский предложили сформировать еврейскую дивизию для отправки в Израиль. И. Клионский из Ленинграда решил пожертвовать 1000 рублей на строительство авиаэскадрильи «Иосиф Виссарионович Сталин» – «для сражающейся армии Палестины».

Распространились слухи, что Еврейский антифашистский комитет «принимает заявления от евреев, желающих выехать добровольцами в Израиль», и туда начали поступать письма из многих городов страны.

Р. Хайкинсон, Минск: «Если есть возможность поехать в Палестину, то прошу написать, как это можно устроить. Я сам бывший лейтенант, работал разведчиком... Думаю, что кое-чем смог бы помочь...»

В. Шафран, Москва: «Прошу Вас помочь мне вступить добровольцем в ряды Армии Израиля... Мне 22 года, физически вполне здоров и имею достаточную военную подготовку. Помогите выполнить мой долг...»

А. Перльмутер, Ставрополь: «Примите все меры для создания добровольческого легиона евреев – советских граждан...»

А. Серпер, Киев: «Мы не можем сидеть сложа руки, когда наши братья по крови гибнут в неравном бою...»

Из письма без подписи: «Немедленно! Потом будет поздно! Каждый час бездействия полит кровью евреев. Их скоро не останется совсем на свете...»

Начальство потребовало, чтобы руководители ЕАК сообщали имена тех, кто выступал в поддержку Израиля, для «выявления националистических и враждебных элементов», – по этим спискам проводили затем аресты.

Политика Кремля по отношению к Израилю была двойственной. Советский Союз поддержал создание еврейского государства, разрешил поставки оружия из Чехословакии – и в то же время проводил кампанию по подавлению сионистских настроений внутри страны. Деятели ЕАК также оказались в двойственном положении. Они направили поздравительную телеграмму президенту Израиля Х. Вейцману, назвав образование Израиля «одним из самых значительных событий в истории еврейского народа», но они же – по указанию властей – должны были бороться с проявлением симпатий к новому государству.

Это вызывало недоумение у многих, и в ЕАК поступали негодующие отклики: «Товарищи! Чего вы ждете? Почему Комитет ничего не предпринимает?.. Палестинские события вселяют ужас в каждого из нас...» – «До каких пор Еврейский антифашистский комитет будет бездействовать?..» – «На сегодняшний день этот Комитет какой угодно, только не еврейский... Да здравствует еврейское государство Израиль!»

И. Керлер, поэт (о настроениях в ЕАК): «Они боялись. Однако, несмотря на страх, у всех было сильное чувство воодушевления...»

Трудно сказать, какие чувства испытывали деятели ЕАК, однако на заседаниях они произносили речи с партийных позиций: «Необходимо разоблачать всех еврейских агентов американского и английского империализма...» – «Выплывает наружу сионизм... Люди считают, что сейчас происходит легализация того сионизма, который был нами осужден...» – «Это неслыханная, возмутительная вещь. Надо бороться с такими настроениями. Надо крепко по ним ударить...»

В газете «Эйникайт» написали: «Сионистские лидеры в Палестине... утверждают, что государство Израиль – это дом для каждого еврея во всем мире. Это заявление является чуждым и неубедительным для советских евреев... Сионистская болтовня никак на них не влияет».

7

Энтузиазм евреев насторожил советских руководителей. Это воспринималось в Кремле как активное сопротивление запланированной ассимиляции; еврейское население страны начали считать «неблагонадежным элементом», а Израиль – источником этой неблагонадежности. Но существовала еще одна, быть может, самая главная причина, повлиявшая на охлаждение отношений между Советским Союзом и Израилем, – изменение внешней политики нового государства.

С первого дня существования Израиля его руководители заняли позицию неприсоединения, и министр иностранных дел М. Шарет заявил: «Израиль ни в коем случае не пойдет на сближение ни с одним из политических блоков мира против другого блока». Однако после Войны за независимость Великобритания возобновила поставки оружия арабским странам, и Израиль – для достижения военного равновесия – должен был ориентироваться на США или Советский Союз.

Но наступили уже иные времена – «холодная война», противостояние двух лагерей, и привлечь на свою сторону обе великие державы было невозможно. США, Канада и страны Западной Европы создали Североатлантический пакт (НАТО), объединивший их армии под общим командованием. Отношения между США и СССР оказались на грани столкновения, и любая попытка Израиля сблизиться с Советским Союзом привела бы к ухудшению отношений с Белым домом. Бен-Гурион сделал выбор и пошел на сближение с Соединенными Штатами Америки.

В 1950 году газета «Новое время» сообщила читателям: лидеры Израиля «пресмыкаются перед американской реакцией. Во всех вопросах внутренней и внешней политики они держат курс на одобрение Уолл-стрита».

Летом 1950 года войска коммунистической Северной Кореи пересекли 38 параллель и вторглись в Южную Корею. Началась Корейская война. Президент Г. Трумэн приказал американской армии выступить на стороне Южной Кореи, СССР поддерживал Северную Корею; Израиль присоединился к США при голосовании в ООН по поводу той войны, и это ухудшило отношения с Москвой. В Кремле поняли, что еврейское

государство не войдет в сферу советского влияния, не станет верным союзником на Ближнем Востоке, а потому решили проникнуть туда через арабские страны.

В 1951 году США и Израиль подписали договор «О дружбе, торговле и мореплавании», предоставивший американцам «особые права и привилегии в сфере экономической и культурной деятельности». В том же году Советский Союз занял в ООН нейтральную позицию в связи с арабо-израильским конфликтом. С весны 1952 года Москва прекратила выезд евреев в Израиль из стран Восточной Европы; в марте следующего года представитель СССР в ООН впервые проголосовал против Израиля – «союзника американского империализма».

В том же месяце в московской газете «Труд» появилась статья под заголовком «Правители Израиля – лакеи американских монополий».

Секретный осведомитель сообщал (Харьков, 1949 год):

«26 февраля во дворе синагоги перед собравшимися евреями выступила Ячменникова, заявившая: «Товарищи, нас выгнали, закрыли синагогу, нас презирают, помощи нет и никто не окажет. Один Хаим Вейцман, президент Палестины, нам защитник, который нас защищает на нашей родной земле. Мы здесь временные, мы здесь гости. Если бы я жила в Москве, то целовала бы ноги Голде Мейерсон, чтобы она помогла выехать отсюда».

На протест одного из присутствовавших прекратить подобные выступления Ячменникова сказала: «Я не боюсь, я еврейка и защищаю евреев. Я прямо заявляю, что жить здесь не хочу»...»

Статью И. Эренбурга «По поводу одного письма» перепечатали в газете «Эйникайт», и туда поступили отзывы возмущенных читателей.

Из письма М. Гольдмана редактору газеты: «Эренбургу велели написать, а вы-то что? Может быть, вы хотите за это получить лишний кусок колбасы? Что же вы прикидываетесь дурачком? Вы же хорошо знаете... что евреев сейчас не принимают в аспирантуру, во многие институты не принимают евреев, а если их принимают, то по процентной норме. Вы лучше меня знаете всё, что творится. Так чего же вы лезете со своей любовью?..»

Из письма за подписью «Седой старик»: «По Эренбургу... евреи должны ассимилироваться. Никто ему не запрещает отказаться от еврейского народа... Народ обойдется без него...»

Руководители Еврейского антифашистского комитета предложили провести радиомитинг в поддержку Израиля – для «разоблачения поджигателей войны» и «против незаконных... действий арабских агентов английского империализма». Однако из ЦК партии сообщили, что «радиомитинг не может состояться»: нет «никакой необходимости подчеркивать какую-то особую заинтересованность еврейского населения нашей страны в палестинском вопросе».

С 1948 по 1952 год из стран Восточного блока – Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Болгарии – уехало в Израиль более 250 000 евреев. Это происходило, несомненно, с согласия Москвы, однако легально покинуть СССР было почти невозможно, да и евреи в те годы опасались просить разрешения на выезд в Израиль.

Из справки Главного управления милиции: «1948 г. – подано 6 заявлений, дано разрешений 2; 1949 г. – подано 20 заявлений, дано разрешений 4; 1950 г. – подано 25 заявлений, разрешений выдано не было; 1951 г. – подано 14 заявлений, дано разрешений 4...» С 1948 по 1953 год получили разрешение на выезд из СССР в Израиль менее 20 человек.

Очерк семьдесят восьмой

Сионистское движение в военные
и послевоенные годы

1

Еще не закончилась война, а органы государственной безопасности Украины уже докладывали в 1944 году: «Одновременно проводим работу по выявлению националистических сионистских элементов среди еврейского населения и их антисоветской деятельности...»

В конце 1944 года в Жмеринке появилась подпольная молодежная группа «Эйникайт» (в переводе с идиш «Единство»), которую основали Меир Гельфонд, Владимир Керцман, Михаил Спивак и Александр Ходорковский.

М. Спивак вспоминал через многие годы:

«После освобождения несколько ребят моего возраста, лет по четырнадцать-пятнадцать, которые прошли через гетто, задумались над тем, почему нас, евреев, так преследуют, уничтожают, почему мы оказались беззащитными... Если бы у евреев было свое государство, то ничего подобного с еврейским народом произойти бы не могло...»

Мы узнали, что в Палестине евреи ведут борьбу за создание своего государства, и решили как-то принять в этом участие... Это был стихийный сионизм... реакция на всё пережитое, увиденное и выстраданное...»

К основателям «Эйникайт» присоединились несколько школьников, их основной целью стала агитация за переезд в Эрец Исраэль. Они изготавливали листовки на идиш и русском языке, распространяли их в Жмеринке, Виннице, Киеве – в синагоге, на рынке, вокзале, в очереди в магазин, вкладывали в почтовые ящики еврейских квартир, отправляли листовки по почте.

М. Гельфонд: «Молодые, нетерпеливые, мы ожидали немедленного результата – его не было. Мы не знали, что во многих городах Советского Союза возникали такие же группы. Так же, как и мы, они не имели ни опыта, ни руководства. Так же, как и мы, они отчаивались от беспомощности. Так же, как и мы, они шли к верному аресту...»

Участники группы «Эйникайт» разъехались по разным городам, поступили в институты, но в 1949 году их арестовали.

2

М. Гельфонд:

«Начал допрос майор Фишман, низенький, плотный еврей с крупным мясистым носом, разукрашенным красными прожилками. Такого еврея можно встретить на улице, в магазине, в маленькой артели, в учреждении еврейского местечка, и никому не придет в голову, что это он приходит по ночам за людьми, которые затем бесследно исчезают...

Он очень сочувственно допрашивал меня, пытался перейти на идиш... предлагал взять в камеру целое богатство – пачку папирос «Казбек». А я не мог ему, еврею, простить моего ареста и отказывался брать папиросы».

«Через полтора года Фишман был арестован органами МГБ. Больше я не встречал евреев-чекистов – в те годы им уже не доверяли...»

Следователи не могли поверить, что школьники из Жмеринки действовали самостоятельно, без помощи взрослых, и пытались выяснить, кто ими руководил. Дальним родственником Михаила Спивака был профессор Э. Спивак из Киева, член-корреспондент Украинской академии наук, участвовавший в деятельности Еврейского антифашистского комитета. К тому времени он был уже арестован, и от Михаила добивались признания, что его именитый родственник руководил молодыми подпольщиками, – таким путем пытались связать группу «Эйникайт» с деятелями Комитета.

Следователь заявил на допросе: «Скажу тебе одно, Спивак. Если ты останешься жив, то помнить нас будешь долго!» На допросах Михаила

избивали резиновой дубинкой по голове, лицу и всему телу, сажали в карцер, подвешивали за ноги, били до потери сознания по ногам, животу, половым органам; он лишился нескольких зубов, но никого не оговорил.

Из воспоминаний Спивака:

«Я был очень подходящей фигурой на роль исполнителя «преступных замыслов» Э. Г. Спивака и Еврейского антифашистского комитета. От меня требовалось только признание этого, моя подпись. А я ее не давал. Отсюда такая лютая злоба, ненависть ко мне. И желание отомстить...

Наступил момент, когда всё слилось для меня в сплошной кровавый кошмар... Но я был молод и крепок. Сейчас сам удивляюсь, как прошел через всё это и остался жив... Черные, синие, красные полосы на моей спине не заживали еще очень долго...

Надзиратели приносят меня на носилках к кабинету Горюна. Стаскивают с носилок, берут под руки, волокут в кабинет, сажают на стул. Сидеть не могу, сползаю, голова висит над самым полом. Горюн восседает за столом, проводит допрос...

Вдруг я ему говорю:

– Вы иногда думаете, что ждет вас, когда всё переменится? Вас будут судить за то, что с людьми делаете...

Сначала он, кажется, растерялся. Возможно, на какой-то момент ему стало не по себе. Но тут же он взял себя в руки:

– На всех ваших делах ставится печать «Хранить вечно». Ты понимаешь, Спивак, что это значит? Это значит, что советская власть пришла навечно в нашей стране, а скоро победит во всем мире. И никто никогда не станет нас судить за то, что мы уничтожаем врагов советской власти, таких гадов, как ты, и тебе подобных. Потомки еще скажут нам спасибо за эту работу...»

Михаила Спивака – по характеристике следователя, «злостного врага советской власти» – осудили на 25 лет заключения с «отбытием наказания в особом лагере МВД (северные районы СССР)».

«Горюн выполнил свое обещание!.. Его стараниями я попал в самые суровые места Заполярья, на самую тяжелую работу – в шахту... Без права переписки и без надежды на то, что когда-либо вернусь домой».

Эфраим Вольф, Меир Гельфонд, Владимир Керцман, Илья Мишпотман, Александр Сухер и Александр Ходорковский получили по 10 лет, Давид Гервис и Татьяна Хорол – по 8 лет исправительно-трудовых лагерей.

Ц. Прейгерзон, из лагерных воспоминаний:

«Алик Ходорковский... был добросердечным, мягким, чувствительным, его все любили. Алик был нетерпим к несправедливости. Однажды

его заточили в карцер, так как он назвал конвоира фашистом за издевательское отношение к русскому заключенному. Вся вина этого заключенного состояла в том, что по пути на работу он курил. Была грязь, слякоть, а конвойр заставил парня лечь в лужу...

Алик был рыцарем справедливости, в нем было что-то донкихотское, и, как Дон Кихот, он страдал и мучился сам... Как правило, он выполнял черную работу: таскал на тачках щебенку, материалы для приготовления известкового раствора и прочее...

Меир Гельфонд... был яркой и необычной личностью... Острый ум, сила воли, целеустремленность, усидчивость... непоколебимое упорство – эти качества были у Меира. Все его уважали... Он был единственным в лагере, решившим серьезно изучать иврит. Его усердие было поразительным. И за несколько месяцев он научился говорить на иврите...»

Участники группы «Эйникайт» (слева направо): Владимир Керцман, Михаил Спивак, Меир Гельфонд

3

С первых лет своего существования советская власть вела борьбу с языком иврит; его считали «проводником религиозного мракобесия» и сионистского движения, провозгласившего иврит языком национального возрождения в Эрец Исраэль. Иврит оказался единственным из языков народов Советского Союза, подлежащий запрещению; большевики откровенно заявляли, что «все пишущие на древнееврейском языке – контрреволюционеры, независимо от содержания произведений»: «Суть дела не в содержании, а в языке... Даже «Интернационал» на иврите звучит подобно сионистскому гимну».

В 1930-х годах преследовали частных преподавателей иврита, причисляя их к сионистам, в библиотеках изымали книги на этом языке. В 1943 году погиб в сибирском лагере поэт Хаим Ленский, который написал на иврите незадолго до гибели: «Израиль далекий! Склонятся ли пальмы твои вослед сыновьям, что исчезают в снежных пустынях Сибири?...» Авраам Фридман, поэт и прозаик на языке иврит, пробыл в ссылке десять лет, умер нищим и затравленным. Поэт Элиша Родин, больной и одинокий, ушел из жизни с ощущением: «Я – последний поэт на иврите в Советском Союзе».

Э. Родину принадлежат строки: «На реках печали они умертвили наш язык. Никогда, никогда не забыть мне унижений...»

Иврит был запрещен. Выросло поколение, которое его не знало. Казалось, власти полностью искоренили иврит, но после войны в стране нашлись люди, которые встречались друг с другом и разговаривали на этом языке, сочиняли на иврите стихи и прозу без надежды на публикацию. В 1948–1949 годах были арестованы и отправлены в лагерь участники «антисоветской националистической группы» – писатели И. Каганов, Ц. Плоткин, Ц. Прейгерзон и знаток иврита М. Баазов.

Цви (Григорий) Плоткин публиковал стихи и прозу на иврите в редких советских изданиях 1920-х годов, а также – под разными псевдонимами – в журналах Иерусалима и Тель-Авива. Он писал в «Письмах из Москвы»: «Нет у нас ничего более ненавистного, чем самостоятельное мнение без согласования с вышестоящим начальством». В 1933 году Плоткин пытался уехать в Эрец Исраэль, но у него не оказалось требуемого количества денег, чтобы заплатить за выезд всей семьи. В 1948 году его арестовали и осудили на 15 лет лагерей.

Цви (Григорий) Прейгерзон был специалистом по обогащению каменного угля, автором научных работ, преподавал в Московском горном институте, а в свободное время писал рассказы и повести на иврите. Его арестовали по доносу в марте 1949 году и допрашивали девять месяцев:

«Жестокое избиение, крики, ругань, угрозы: они, мол, меня уничтожат, арестуют мою младшую дочь, жену, моего сына, которому было двенадцать лет... И опять жестокое избиение, ругань, ночи без сна...

Этого Лебедева (следователя) я вспоминаю с отвращением и страхом... Он не только бил меня, он издевался надо мной, над самым святым для меня... Это был бездушный палач... дикий кровожадный зверь в чине подполковника, в распоряжении которого имелись все средства принуждения...

Следователь принуждал подписать, что меня интересует только еврейский народ и никакой другой. Но это вопиющая неправда. Я люблю

всех людей в мире, ненавижу антисемитов и фашистов, а также моего следователя... Когда закончилось следствие, я насчитал на своем теле пятнадцать кровоподтеков и ран от побоев».

«Особое совещание» приговорило Прейгерзона к 10 годам лагерей – за «участие в антисоветской националистической группировке и за распространение нелегальных рукописей».

Ицхак Каганов (слева) и Цви Прейгерзон. Рисунки художников-заклученных С. Шкуратова и Бокова. Караганда

Ицхак Каганов – театральный режиссер, командир артиллерийской батареи в годы войны – был арестован в 1948 году и осужден на 10 лет; в лагере его вновь судили и приговорили к расстрелу, который заменили на 25 лет лишения свободы. Каганов начал сочинять стихи на иврите в Лефортовской тюрьме – неожиданно для самого себя, словно ему кто-то их диктовал. Среди первых появившихся строк прозвучал призыв к узнику: «Иди, говори Именем Моим!», и он уверовал: «Не я один переступил тюремный порог, со мной вошел сюда Даровавший мне жизнь, а потому все ваши замыслы – впустую!»

Каганов сочинил на иврите около 500 стихотворений, которые запоминал, не записывая. У него не было бумаги, не было карандаша, он даже опасался безмолвно шевелить губами, чтобы, не привлекая внимания тюремщиков, «творить тайные слова и обновлять библейские песнопения». Каганов рассматривал свое вдохновение как Божественное откровение, и каждое стихотворение помечено местом его написания, там, где

откровение было ему явлено, – «Лефортовская тюрьма», «Песчаный лагерь, Караганда», «камера смертников», «Тайшет», «Озерлаг»: «Я создаю их, перенося бревна. С согнутой спиной даю я им жизнь...»

Кроме стихотворений Каганов создал в памяти книгу – размышления о судьбе и возрождении еврейского народа. Выйдя на свободу, он восстановил поэтический сборник и книгу «Торат га-тамир» («Учение о сокровенном»), которые увидели свет в Израиле в 1977–1978 годах.

«В яме, отрезанный от всего света, в каменном мешке, где я нахожусь, как в могиле, Ты, Боже мой, совершил для меня чудо; из камня я извлекаю свет...» (Ицхак Каганов умер в Израиле в 1978 году.)

Меир Баазов, четвертый участник «антисоветской националистической группы», был осужден на 10 лет. Из воспоминаний о нем: «С Меиром мы говорили (в лагере) только на иврите. Меир знал язык в совершенстве...» – «Он сказал мне однажды: «Я не был там, в Эрэц Исраэль, ни разу, но я знаю всю ее на ощупь – каждую травинку в ней, каждый комочек земли. Я мог бы пройти по ней с закрытыми глазами и ни разу не сбиться с пути»...»

4

В первые послевоенные годы началась волна повторных арестов сионистов, которые уже отсидели в тюрьмах и лагерях и разъехались по стране, – теперь их заново, без суда, решением «Особого совещания» отправляли в лагерь или в бессрочную ссылку в отдаленные районы Сибири.

Одновременно с ними попадали за решетку заключенные, впервые обвиненные в сионистской деятельности. Осуждали за желание участвовать в Войне за независимость Израиля. За прослушивание радиопередач из Иерусалима и распространение их содержания. За поддержание связей с израильскими дипломатами, преподавание иврита и истории сионизма. Осуждали за сионистскую пропаганду среди евреев – солдат и офицеров Красной армии.

А также за сочинение стихотворения «Моледет» («Родина») и за публичное произнесение: «В будущем году в Иерусалиме!»

Невозможно подсчитать, сколько сионистских групп возникло после войны, где, с каким количеством участников, какова их судьба. В архивах

КГБ запрятаны дела арестованных, но протоколы их допросов и стандартные обвинения в «буржуазном национализме» не раскрывают истинные стремления и планы шестнадцати-восемнадцатилетних юношей и девушек, тех, кто задумался о судьбе еврейского народа после страшных лет Катастрофы.

В начале 1949 года во Львове арестовали группу студентов и учеников старших классов, которые отпечатали на пишущей машинке листовку о росте антисемитизма в стране: «Мы уверены, что еврейская молодежь хочет бороться за право на жизнь, мы уверены, что наша организация – «Союз еврейской молодежи» – послужит центром, вокруг которого сплотится вся еврейская молодежь».

10 человек приговорили к заключению от 8 до 10 лет: это были Феликс Бергер, Нона Гофштейн, Полина Орлова, Леонид Резников, Израиль Усач, Леонид Файвелис и другие (через много лет всех реабилитировали из-за отсутствия состава преступления).

В 1949 году арестовали в Брянске Матвея Блидштейна, Александра Виткина, Аркадия Жица и Абрама Фарберова. Их приговорили к расстрелу за «создание антисоветской организации и сионистскую деятельность»; смертную казнь заменили на 25 лет лагерей каждому.

В 1948 году трое учеников выпускного класса московской школы № 103 приняли тайное решение. Уже шла Война за независимость, и семнадцатилетние юноши, выросшие в ассимилированных семьях, задумали отправиться в Израиль и сражаться против арабских армий. «Понятие о чести, об обязанности перед страной были нам совсем не чужды, – вспоминал один из них. – Справедливость для нас заключалась в том, что мы должны быть в Израиле и разделить судьбу своего народа».

Двое из них – Р. Брахтман и М. Маргулис – приехали в Батуми, чтобы перейти турецкую границу по пути в Израиль, но подступы к границе хорошо охранялись, и они вернулись в Москву. В 1950 году их арестовали, и следствие установило, что Роман Брахтман, Мнасе (Михаил) Маргулис, Виталий Свечинский, «будучи враждебно настроенными к существующему в СССР государственному строю, пытались нелегально бежать из СССР в Израиль». Приговор суда – 10 лет исправительно-трудовых лагерей каждому (в 1955 году, после пяти лет тюрем и лагерей, их освободили).

В Рязани арестовали студентов-евреев медицинского института, которые слушали радиопередачи из Иерусалима и проявляли «националистические устремления». В Киеве попали за решетку старшеклассники

Мнасе (Михаил) Маргулис. Тюремная фотография

Борис Альгер, Марат Берковский, Аркадий Полонский и другие из тайной группы «Сун-2».

«Сун-2» означает «суббота, ноябрь, 2-го» – дата 1917 года, когда британское правительство приняло Декларацию А. Бальфура о «восстановлении в Палестине национального очага еврейского народа».

В 1950 году Хаима Спиваковского и еще двух студентов из Харькова приговорили к 10 годам за попытку нелегально уйти в Израиль. В том же году в Москве осудили за сионистскую деятельность Надежду Немировскую, ее мужа и сына – все трое погибли в лагерях.

5

В начале 1951 года арестовали студентов третьего курса юридического факультета Одесского университета; это были Вилли Гарцман, Леонид Монастырский, Арон Фланцбаум, Иосиф Хорол, Альберт Шнейдеров, Бернард Щуравецкий.

Подобные группы возникали самостоятельно в разных городах, ничего не зная о предшественниках и друг о друге. И. Хорол: «У нас не было эстафеты. Мы сами открывали для себя еврейскую историю...»

Перечень обвинений одесских студентов был велик: «устраивали на квартирах антисоветские сборища», «возбуждали национальные чувства и предрассудки студентов из числа лиц еврейской национальности», «клеветал на национальную политику партии и правительства», «высказывал клеветнические измышления о якобы существующей в СССР дискриминации еврейской национальности» и прочее.

На суде Хорол сказал: «Я недоволен национальной политикой партии и правительства... У нас нет свободы слова. Наша печать освещает лживо заграничные события...» – «Все правители демократических стран (стран Восточной Европы) – ставленники Кремля и держатся лишь за счет наших войск...» – «На меня никто не влиял. Когда я стал постарше и начал глубже вникать в жизнь, то пришел к таким выводам...»

Суд приговорил В. Гарцмана, И. Хоролу и Б. Шуравецкого к 25 годам заключения, остальных – к 10 годам. Иосифа Хоролу – заключенного № 1Щ653 – отправили в Заполярье, в лагерь около Воркуты; летом 1953 года его привезли в Одессу и провели повторный процесс. Хоролу припомнили крамольные речи на первом суде, а также обвинили в том, что в письмах из лагеря «излагал между строк тайнописью свои контрреволюционные настроения» и «писал о своих намерениях совершить побег».

На это обвиняемый сказал: «Вы пытаетесь судить не меня, а еврейский народ. Предлагаю отложить этот суд на тысячу лет. Я и мой народ придем на его заседание, а вас не будет».

Новый приговор суда – «лишить свободы с отбыванием в исправительно-трудовом лагере отдаленных местностей СССР сроком на 10 лет». В 1956 году Хоролу освободили, и он вернулся в Одессу.

Летом 1952 года в Киеве проходил судебный процесс «по обвинению в контрреволюционном преступлении еврейских националистов». Следствие установило, что Моисей Гендельштейн, Мирон Дратва и Моисей Шпигель, «собираясь на квартирах... восхваляли буржуазное государство Израиль, считая его своей родиной, а Советский Союз только местом рождения и местом жительства». Обвинитель предъявил письмо Гендельштейна, в котором тот написал: «Пешком пошел бы в Израиль, но трудно это осуществить, так как мешают органы МГБ...» Гендельштейна приговорили к 25 годам заключения, Дратву и Шпигеля – к 10 годам каждого.

В том же году осудили в Киеве трех юношей, которые «восхваляли государство Израиль, считая таковое своей родиной». Марк Мельцер и

Маркус Розенблат получили по 10 лет заключения, Аллу Пресман отпустили в лагерь на 8 лет.

6

Врач Авраам Кауфман возглавлял еврейскую общину в китайском городе Харбине, был руководителем сионистского движения на Дальнем Востоке – в 1945 году Красная армия вошла в Китай, Кауфмана арестовали и вывезли в СССР. Три года он провел в московской тюрьме, восемь лет в лагерях, пять лет на поселении в Казахстане – в 1961 году приехал в Израиль к своей семье и опубликовал книгу «Лагерный врач».

Комната следователя (эпизод из книги):

«Меня вызвали на допрос в двенадцать часов ночи. И первый вопрос: что за организация Брит Трумпельдор? («Брит Трумпельдор» в переводе с иврита – «Союз имени И. Трумпельдора») Отвечаю: «Это культурно-спортивная организация еврейской молодежи». – «Английская», – заявляет полковник. «Не английская, а еврейская молодежная организация», – отвечаю я. «Вот негодяй! В глаза нахально врет. Брит! Брит! Британская организация! Стало быть, английская», – вопит полковник и кроет меня безобразным матом...

Затем спрашивает: «А что это за Трумпельдор такой?» Отвечаю: «Трумпельдор – это еврейский национальный герой». Полковник перебивает меня: «У евреев нет героев. Говори правду! Кто такой Трумпельдор? Шпион?» – «Иосиф Трумпельдор... отличился в русско-японской войне. Офицер. Георгиевский кавалер». – «Всё это брехня! Ты врешь. Твой Трумпельдор – говнюк!» – орет полковник...»

Барак в лагерной больнице:

«Сразу после ужина начинается ночь. Все спят. В мертвой тишине лежу и я со своими думами. Вдруг слышу: «Хавер рофе! Ата мдабер иврит?» («Товарищ доктор! Ты говоришь на иврите?») Кто это? Неужели я брежу? И опять: «Хавер рофе...» – «Кто вы?» В темноте подходит человек, протягивает руку: «Шалом!» Бывший студент харьковского медицинского института, отбывающий второй срок заключения за сионизм. Отсидел пять лет и по освобождению получил новые десять...

Он работает фельдшером... и когда все спят, мы ведем долгие беседы. Сидя в советской тюрьме и лагерях, он ничего не знал о том, что происходит в еврейском мире, в сионистском движении, в Палестине, и буквально глотал каждое мое слово... Он закончил свой второй, десятилетний срок, но его не освободили. Вызвали в спецчасть и объявили, что остается в заключении «до особого распоряжения»...»

Лагерная больница:

«Сидим в комиссии по определению трудоспособности, ждем... Начальница больницы, зубной врач и я... Сидим молча, не смотрим друг на друга. Думы тяжелые одолевают. И среди этой безмолвной, давящей тишины я слышу:

Приюти меня под крылышком,
Будь мне мамой и сестрой,
На груди твоей разбитые
Сны-мечты мои укрой...

Боже мой! Это же Бялик! Откуда? Я поднял голову. А зубной врач, глядя в окошко, вдаль, тихо, вполголоса:

Наклонись тихонько в сумерки,
Буду жаловаться я:
Говорят, есть в мире молодость –
Где же молодость моя?..

У молодой женщины в глазах слезы... Мы уже больше года в одном лагере, в одной зоне, и я не знал, что она еврейка... Все трое (начальница больницы, зубной врач и я) – евреи, и каждый из нас прочувствовал эти строки... А молодая женщина, словно в трансе, продолжает:

И куда мне пойти? Разве броситься ниц,
Рвать подушку зубами –
Может, выжму еще каплю влаги с ресниц
Над собой и над вами...

Бялик в советском лагере... Гнет, неволя, мрак заточения и – Бялик...»

7

Ц. Рам, многолетний узник лагерей и ссылок, впервые был осужден за сионизм в 1929 году, окончательно освобожден через 25 лет. Из его воспоминаний:

«Всю жизнь я чувствовал себя в пути. Ощущение временности не покидало меня никогда. Если случалось прожить в одном месте несколько лет, всё равно я был скитальцем, не достигшим цели, символом которой была шестиугольная звезда. И когда само государство было еще в пути, я постоянно находился на пути к нему...

Надежда вспыхивала и вновь тлела, когда судьба готовила новые петли и зигзаги, унося меня в противоположном направлении – поездом или пароходом, автомашиной или пешком, на оленях или на собаках. Даже в самом безнадежном положении всегда с мыслью: только бы выжить – и доживешь!..»

Цви Рам приехал в Израиль в 1970 году и написал в газетной статье о сионистах, погибших в заключении:

«Могилы этих замученных, уничтоженных безвестны; не найти их следов в тундре Заполярья и в песках Казахстана, в снегах Сибири и под сопками Колымы...

Шмуэль Шнеерсон,
Зрубавель Евзерихин,
Миша Вайсберг («Даниэль»),
Акива Эстерлис,
Шуля Школьник,
Абрам Краковский,
Юзик Познанский,
Яков Вигдорзон,
Моше Вайсбейн («Микита»),
Миша Лойтерштейн,
Эстер Красногорская,
Фаня Зверина,
Аня Кимельфельд,
Маня Штерншис («Бася»),
Яша Деревницкий,
Абрам Кукуй,
Абрам Гальперин («Арон»),
Гриша Лойтерштейн («Володя»),
Боря Гинзбург («Иосиф»),
Лазарь Эткин,
Мося Тевировский,
Шломо Гурович («Израиль»),
Брана Верник и многие, многие другие...

Пусть каждый прибавит дорогое ему имя...»

Зинаиду Хорол арестовали в Одессе в начале 1952 года. В приговоре сказано: «Обвиняемая, являясь еврейским националистом... неоднократно продолжала возводить клевету на органы советской власти, советскую печать, выказывая свое стремление связаться с представителями государства Израиль и написать им о деле, по которому арестован ее сын». З. Хорол осудили на 25 лет лагерей и отправили в Инту – южнее Воркуты, возле Северного полярного круга, где она умерла через два года.

В 1991 году И. Хорол, ее сын, приехал в Инту и – с разрешения местных властей – поставил на городской площади памятник

матери. У его подножия выбита надпись: «Безвестным и бесчисленным женщинам – жертвам сталинского террора. Имена Ваши бессмертны».

Иосиф Хорол у памятника матери в Инте

А. Кауфман (из воспоминаний лагерного врача):

«В 1951 году мы собрались в вечер Йом Кипур. Хазаном был раввин из Белостока реб Аарон. Это было, конечно, тайное богослужение при закрытых дверях. Реб Аарон пел вполголоса «Кол-нидрей», мы подпевали. Плакал раввин, у нас стояли слезы в глазах...»

«В ноябре 1952 года я прочитал в газете «Известия»... умер президент государства Израиль Х. Вейцман... Через час-другой в моей

комнате было девять человек. Этот вечер мы посвятили Хаиму Вейцману. Сидели на койке, на подоконнике и беседовали, вспоминали, думали о нем... Наступили сумерки, темнеет. Надо расходиться по баракам – скоро проверка... И вдруг гомельский еврей, старичок, дрожащим голосом стал читать кадиш: «Да возвысится и возвеличится...» Все плакали...»

В декабре 1952 года в Житомире «разоблачили группу еврейских буржуазных националистов». Это были пожилые люди: часовые мастера П. Динер и Я. Дуб, шапочник Я. Дорфман, мастер по ремонту пишущих машинок М. Меерзон, электромонтер Г. Нугер. Их обвинили в том, что «систематически слушали передачи зарубежных радиостанций, говорили... о гонениях на евреев... намеревались выехать в Израиль».

Нехемия Макаби, сионист из Минска, был арестован в 1938 году, вышел на свободу после 19 лет лагерей и написал в конце двадцатого века:

«В наши дни, когда ниспровергаются все исторические личности, составляющие гордость нашего народа... когда рушатся все мифы и цинизм совершает победное шествие, иногда становится страшно: не уготовано ли судьбой нам забвение? Будут ли потомки чтить нашу память и отдадут ли должное нашим страданиям и потерям?»

Нам не дано предугадать.

Однако мы глубоко верим, что Всевышний, который сопровождал узников Сиона на долгом тернистом пути, сохранит память о нас, и будущий историк хотя бы одной страницей или строчкой упомянет и нас».

**Часть
семнадцатая**

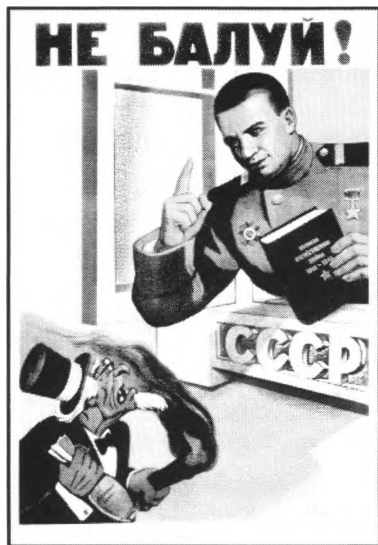
**Убийство С. Михоэlsa. Борьба
с «безродными космополитами».
Уничтожение остатков еврейской
культуры**

Очерк семьдесят девятый

Идеологические кампании первых послевоенных лет

1

Начало войны с гитлеровской Германией ошеломило граждан Советского Союза и надолго запомнилось современникам. Стремительные продвижения немецких войск, поражения Красной армии на всех фронтах, паническая эвакуация населения разрушали налаженную жизнь и нерушимую веру в вождя, которого считали мудрым, прозорливым и непобедимым.

Люди начали задумываться, сопоставлять, делать выводы; даже представители творческой элиты, вскормленные и обласканные властями, верные последователи социалистического реализма и партийности в искусстве произносили крамольные речи, которые фиксировали тайные осведомители. «Нас отучили мыслить...» (К. Федин), «Так дальше не может быть, так больше нельзя жить, так мы не выживем...» (Н. Погодин), «Народ, вернувшийся с войны, ничего не будет бояться...» (А. Толстой).

Война раскрепостила многих в Советском Союзе. Подошло время, когда не надо было лгать, притворяться, клеймить выдуманных «врагов народа», ибо истинный противник находился по ту сторону передовой линии, и его следовало одолеть. Вернулись по домам победители той

войны, бывшие солдаты и офицеры, которые привыкли принимать решения в боевой обстановке, не ожидая указаний вышестоящих начальников, почувствовали силу свою и значимость, преодолев страх предвоенных лет, научились отличать настоящие ценности от мнимых лозунгов, затертых от нескончаемого употребления, ощутили боль, страдание, торжество выживших и победивших, познакомились с жизнью в европейских странах, которая разительнo отличалась от скудного существования в стране Советов.

Победа над Германией и ее союзниками перевернула страницу истории и возродила надежды. Население Советского Союза устало от тягот войны и захотело нормальной работы без штурмовщины, улучшения жилищных условий, хороших заработков и сытой, спокойной жизни с отдыхом и развлечениями; крестьяне надеялись, что после победы распустят колхозы и каждый будет трудиться на своей земле.

В. Гроссман, писатель (из фронтового очерка):

«Что же удивительного, что день и ночь, заслоня самые яркие и пышные картины последних дней победоносной войны, стоит перед глазами фигура нашего красноармейца, такой, какой навечно запомнили мы ее: в продранной осколками шинели, шапке-ушанке, с полупустым заплечным мешочком, с гранатами, заткнутыми за брезентовый поясок.

Пожелаем ему от души жизни веселей и полегче, посытней, побогаче. Кто, как не он, заслужил ее!»

Из воспоминаний: «Все чувствовали одно: после таких мук, лишений, голода, смертей должна же начаться настоящая человеческая жизнь. Помню, на ногах – рваные сапоги, а в душе – уверенность: скоро начнется прекрасная жизнь...»

2

В первые месяцы той войны советская пропаганда вспомнила позабытые понятия, которые не употребляли уже много лет. «Отчизна», «братя-славяне», «священное отечество», «великие предки», «Родина-мать» – эти выражения вошли в газетные статьи, лозунги, речи докладчиков и способствовали росту национальных устремлений граждан СССР. Подобные настроения поначалу не преследовали, чтобы не подрывать единство народов многонационального государства в борьбе с сильным врагом, однако к четвертому году войны ее исход был уже ясен, и подошла пора искоренять несанкционированный «буржуазный национализм».

Летом 1944 года ЦК партии принял решение усилить идеологическую работу в Татарской автономной республике, где писатели и историки придавали излишний национальный характер своим работам. Подобной критике подвергли деятелей культуры Башкирии, а затем раскритиковали авторов «Истории казахского народа» за проявленный национализм.

В мае 1945 года на приеме командующих войсками Красной армии Сталин произнес тост: «Я пью прежде всего за здоровье русского народа, потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза». Сталин назвал русский народ «руководящей силой» страны – в этом выступлении вождя была заложена программа будущих действий, которую подхватили и начали разрабатывать партийные идеологи.

Появилось определение: «Русский народ является старшим братом в семье советских народов». На втором месте в этой иерархии оказались украинцы, белорусы и прочие народы, объединенные в союзные республики. Затем шли народы автономных республик и автономных областей, а последнее место предназначалось малым национальным меньшинствам без означенной государственности, чью русификацию внедряли ускоренными темпами.

Не случайно новый гимн страны, в годы войны заменивший «Интернационал», начинался со слов: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь...»

Распределение национальностей по различным категориям таило в себе скрытую опасность, ибо не всякий представитель того или иного народа соглашался быть «младшим братом»; сепаратистские устремления возрастали, и по окончании войны началась борьба с «буржуазными националистами» Украины, Армении, Узбекистана, Киргизии, Молдавии, Бурят-Монголии. Им поставили в вину идеализацию прошлого, излишние напоминания о расцвете своих народов в прежние времена, чрезмерное восхваление исторических героев и намеки на насильственное присоединение к России.

В Москву поступали сведения о пробуждении национального движения народов СССР, грозившего целостности огромного государства, о настроениях советских граждан и возрастающей аполитичности молодежи, которая не желала принимать на веру партийные лозунги. Иностраный наблюдатель отметил: «Советские люди, с которыми мы встречались, всячески старались отгородить свою личную жизнь от политики... Собственного мнения у них чаще всего не было... проблемы политические и идеологические их совершенно не интересовали».

Органы НКВД сообщали об анонимных записях, сделанных на избирательных бюллетенях во время первых послевоенных выборов: «Недалек тот час, когда наш народ стряхнет с себя вашу паутину, сомнет и развеет вас...» – «Человек у вас работает даром, в особенности наше жалкое крестьянство...» – «Народ терпит, но скоро терпение лопнет, и тогда берегитесь...»

С Украины докладывали: «Резкие антисоветские настроения высказывает также демобилизовавшийся из армии поэт-переводчик... Зисман Марк Давидович: «Советский Союз – это изолгавшаяся страна, страна мрака и ужаса. В СССР все находятся в рабстве, господствует крепостное право, людям нашим живется хуже, чем бывшим крепостным. Коммунистическая партия – это партия шкурников...»

В Кремле понимали сложившуюся ситуацию и сделали соответствующие выводы. Сталин, по свидетельству его соратников, «особенно много занимался идеологическими вопросами и придавал им первостепенное значение» в послевоенные годы. Многие его указания не попадали в какие-либо документы; Сталин сообщал их в личной беседе или по телефону для немедленного исполнения, и сразу же вводился в действие пропагандистский аппарат для воздействия на население страны.

На страницах газет появились разоблачительные статьи против «идеологически вредных» произведений писателей, поэтов и критиков: «Под знаком разложения и упадка», «Искажение исторической правды», «Раболепие и безыдейность» и им подобные. В газете «Эйникайт» осудили еврейских поэтов и писателей Ш. Галкина, М. Пинчевского, А. Суцкевера и Э. Фининберга – за аполитичность, безыдейность и «буржуазный национализм».

Так началась идеологическая борьба против распространения либеральных настроений, чтобы подавить проявления инакомыслия в советском обществе, особенно среди интеллигенции, которая надеялась на новую, более свободную жизнь и смягчение диктаторского режима.

«После войны все ждали каких-то перемен. Надеялись, что Сталин, убедившись в верности и преданности народа-победителя, прекратит репрессии, но этого не произошло...»

3

Во время войны с Германией Советский Союз входил в состав антигитлеровской коалиции, получал оружие и продовольствие из США, Англии, Канады, однако в стране начиналось неприметное – с оглядкой на союзников – насаждение антизападных настроений. В 1943 году газета «Литература и искусство» уже предостерегала граждан СССР от

«рабского преклонения перед всем заграничным», что являлось отличительным признаком «людей без почвы, без родины, без племени».

В августе 1946 года ЦК партии принял постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград», раскритиковав произведения писателей, проникнутые «духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному». В Ленинграде собрали «партийный и писательский актив», перед которым выступил секретарь ЦК А. Жданов. «Докладчик подошел к трибуне... помолчал и стал говорить, – вспоминал очевидец. – Через несколько минут установилась невероятная тишина. Зал онемел и окаменел. Его всё более замораживало и за три часа он превратился в твердую белую глыбу. Доклад ошеломил. Люди расходились молча».

Жданов разгромил в своей речи «поэзию взбесившейся барыньки» А. Ахматовой, «мечущейся между будуаром и молельной», чьи произведения пропитаны «духом пессимизма и упадничества». «Не то монахиня, не то блудница, а вернее, блудница и монахиня, у которой блуд перемешан с молитвой... Какое она имеет отношение к нам, советским людям?.. Что поучительного могут дать произведения Ахматовой нашей молодежи? Ничего, кроме вреда».

Жданов обвинил и писателя М. Зощенко – «бессовестного литературного хулигана», «пошляка и несоветского писателя», выворачивающего «наизнанку свою пошлую и низкую душонку», а его рассказ «Приключения обезьяны» назвал насмешкой и глумлением над советским человеком. «Только подонки литературы могут создавать подобные «произведения»... Пусть он перестраивается, а не хочет перестраиваться – пусть убирается из советской литературы».

Досталось и А. Хазину за пародийное стихотворение «Возвращение Онегина» – о приключениях Евгения Онегина на улицах современного Ленинграда.

Судьба Евгения хранила,
Ему лишь ногу отдало,
И только раз, толкнув в живот,
Ему сказали: «Идиот!..»

«Дурной, порочный, гнилой замысел у этой клеветнической пародии!.. – заявил Жданов. – Как можно пускать хазиных на страницы ленинградских журналов?..»

Доклад Жданова напечатали в газетах, выпустили отдельной брошюрой; зарубежные компартии опубликовали брошюру на разных языках, в Палестине она увидела свет в переводе на иврит.

«Литературная газета» разъяснила читателям: «Путь Зощенко был давно ясен... Отвратительное содержание и жалкая форма... Ахматова

Обложка книги на иврите
«Культура и общество»
с выступлениями А. Жданова по
идеологическим вопросам.
Израиль, 1949 год

никогда не считалась крупной поэтессой, она всегда была поэтессой маленькой...» Их исключили из Союза писателей, лишили продовольственных карточек; они голодали и по ночам ожидали ареста; их книги изымали из магазинов и библиотек, запретили изучение в школах тех разделов учебника, где «дается неправильная характеристика Зощенко и Ахматовой».

Ф. Раневская, актриса (из воспоминаний об А. Ахматовой):

«Примчалась к ней после «Постановления»... Она лежала с закрытыми глазами... Губы то синели, то белели. Внезапно лицо становилось багрово-красным и тут же белело. Я подумала о том, что ее «подготовили» к инфаркту. Их потом было три, в разное время...

Через много дней она вдруг сказала: «Зачем великой моей стране, изгнавшей Гитлера со всей его техникой, понадобилось пройти всеми танками по грудной клетке одной больной старухи?»...»

А. Фадеев, председатель Союза писателей СССР: «Сколько ни перечитываешь постановление ЦК партии и доклад тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», – не перестаешь поражаться тому, насколько метко был нанесен удар аполитичности и безыдейности».

4

В августе 1946 года вышло очередное постановление ЦК партии «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» –

против «слабых и безыдейных» пьес советских драматургов и «низкопробной» драматургии Запада, «открыто проповедующей буржуазные взгляды и мораль». Так началось развернутое наступление на «преклонение и низкопоклонство перед буржуазной культурой... находящейся в состоянии маразма и растления», бичевание тех, кто «оглушен звоном доллара и глух к победному шествию социализма».

Газета «Эйникайт» не могла оставаться в стороне, и если прежде на ее страницах призывали к единению евреев всего мира для борьбы с фашизмом, то теперь заговорили иначе: «всеобъемлющее еврейское единство» хорошо лишь в том случае, если оно «основано на положительном отношении к Советскому Союзу».

Издательства над Зощенко и Ахматовой, бичевание «безыдейных» пьес не были основной целью партийных руководителей. Начиналась «холодная война», «обострение международной напряженности», противостояние двух лагерей, а с ними и борьба идеологическая. Подавлялся любой намек на отступление от официальных установок; допускался единственно возможный, утвержденный в верхах образ мыслей, а потому всякий инакомыслящий становился «клеветником», «двурушником», «врагом народа».

Это были годы «идеологических диверсий» и «растленного влияния капиталистического окружения». Политика Кремля вела к изоляции страны, «железный занавес» отделил население Советского Союза от внешнего мира, под подозрение попадал всякий, кто переписывался с родственниками за границей или получал от них посылки. Приняли постановление «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами»; любой турист, бизнесмен, ученый, приезжавший на международный конгресс, немедленно попадал под наблюдение секретных сотрудников, которые фиксировали его передвижения и встречи.

Британская радиостанция Би-би-си начала трансляцию передач на СССР в 1946 году, к ней присоединилась радиостанция «Голос Америки»; в ответ на это воздвигли вокруг городов антенны с мощными трансляторами, чтобы заглушать передачи западного радио. Граждане страны умудрялись их слушать, прорываясь через вой «заглушек», и в Москву доложили: «Некоторые владельцы приемников... без зазрения совести говорят о том, что передают фашистские станции «Голос Америки» и Би-би-си...»

Специалисты рассмотрели этот вопрос; Совет Министров СССР принял постановление о массовом выпуске радиоприемников без коротковолнового диапазона, чтобы нельзя было слушать иностранные передачи.

В министерствах и учреждениях создали суды чести для рассмотрения «антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных проступков» сотрудников. Заседания судов проходили публично, и один из обвинителей заявил с трибуны: «Прошли те времена, когда «окно в Европу» доносило в нашу страну свежий ветер. С октября 1917 года свежий ветер дует не с Запада на Восток, а с Востока на Запад. Новый Свет перестал быть новым светом – теперь наша страна светит всему миру».

В стране существовала жесточайшая цензура; под контролем находилось всё, вплоть до интермедий эстрадных артистов, клоунских реприз, текстов пригласительных билетов и программ концертов симфонических оркестров. Цензоры сибирского города Томска докладывали (данные за 1946 год): «Проверено 39 книг и брошюр... сто сценариев радиопередач, 14 тысяч букинистических книг, 500 портретов вождей партии и правительства, 300 плакатов».

За один только год из библиотек Томска изъяли почти 19 000 недозволенных книг; инструкция указывала: «Книги следует уничтожать путем резки или сжигания».

В феврале 1948 года появилось постановление «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», осудившее формализм и антинародность в музыке, «увлечение сумбурными, невротическими сочетаниями, превращающими музыку в какофонию». Постановление раскритиковало С. Прокофьева, Д. Шостаковича, А. Хачатуряна и других композиторов, чье творчество «отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отражающей маразм буржуазной культуры».

Сразу после этого Комитет по делам искусств запретил к исполнению «следующие произведения Д. Д. Шостаковича: симфония № 6, симфония № 8, симфония № 9, концерт для фортепьяно с оркестром, октет, соната № 2 для фортепьяно, романсы на стихи английских поэтов». По всей стране выискивали местных композиторов-«формалистов»; особое внимание обращали на студентов консерваторий, чтобы прививать им «неугасимую ненависть к врагам Родины и беспощадную борьбу с поклонениями перед гнивающим Западом».

Заклеймили и американскую джазовую музыку, проповедующую «гнусности безродного космополитизма – этой бессовестной идеологии международных проходимцев и черного предательства». Расформировали эстрадные оркестры Э. Рознера, Я. Скоморовского, А. Цфасмана, которые «подражают западной неврастенической музыке и могут принести вред советскому зрителю»; Э. Рознера арестовали и отправили в лагерь.

Певец Л. Утесов назвал те годы «эпохой административного разгибания саксофонов».

В 1948 году в Москве состоялось совещание композиторов, на котором докладывали о достигнутых успехах после постановления ЦК партии об опере «Великая дружба». Председатель Союза композиторов похвалил «Симфониетту» М. Вайнберга, создавшего «яркое, жизнерадостное сочинение, посвященное теме светлой, свободной трудовой жизни еврейского народа в Стране социализма... (Аплодисменты)». (В 1953 году Вайнберга обвинили в «еврейском национализме», проявленном в его «Симфониетте», и арестовали.)

5

В 1948 году тайный осведомитель сообщил в МГБ о крамольных высказываниях физика Л. Ландау: «Я не разделяю науку на советскую и зарубежную. Мне совершенно безразлично, кто сделал то или иное открытие. Поэтому не могу принять участия в том утрированном подчеркивании приоритета советской и русской науки, которое сейчас проводится».

Это было время, когда клеймили ученых – «специалистов по низкопоклонству», «чванливых и невежественных реакционеров от науки, раболепствующих перед иностранщиной». Публиковали книги и учебные пособия, в которых была переписана история науки; журнал «Новый мир» сообщил читателям: «В результате многолетней работы, кропотливых изысканий, бесед с множеством людей автор (книги) установил, что трактор впервые был создан в нашей стране и что идея гусеничного хода и первый гусеничный транспорт тоже имеют своей родиной Россию...»

Утверждали, что «так называемая «вольтова дуга» открыта Петровым, а не Дэви»; первую паровую машину построил Ползунов, а не Уатт; первый паровоз создал Черепанов, а не Стефенсон; электрическую лампу изобрел Яблочков, первый самолет построил Можайский, первыми летали на воздушном шаре не братья Монгольфьер, а Иван Крекутной, который – по свидетельству старинной рукописи – слетел «с колокольни на погост, наполнив дымом обширные свои одежды».

Меняли названия улиц, товаров, предметов обихода, издавна устоявшихся понятий, изгоня иностранные наименования. Папиросы «Норд» превратили в «Север», сыр «камамбер» – в «закусочный», «французскую» булку – в «городскую», «геликоптер» – в «вертолет», фокстрот – в «быстрый танец».

Футбольным комментаторам пришлось поменять терминологию: взамен «корнера» говорили у микрофона «угловой удар», взамен «пенальти» – «одиннадцатиметровый штрафной удар», взамен «офсайда» – «положение вне игры».

В августе 1948 года проходила сессия Академии сельскохозяйственных наук, на которой громили генетиков – «научных проходимцев», сторонников «буржуазных теорий» Вейсмана и Моргана. Среди прочих выступал академик И. Презент; он восхвалял президента академии Т. Лысенко – «мастера эксперимента, тончайшего мыслителя» и критиковал сторонников «мифического наследственного вещества», «представителей вредного и идеологически чуждого... лженаучного по своей сущности направления (аплодисменты)».

Так началась кампания против генетиков: их заставляли публично отречься от прежних взглядов, изымали из библиотек литературу по генетике, изгоняли из университетов преподавателей-евреев, однако в то же самое время И. Презента назначили заведующим кафедрой и деканом биологического факультета Московского университета. «Менделизм-морганизм, – говорил он, – полностью обнажил свою зияющую пустоту, он гниет также изнутри, и ничто его спасти уже не может».

На собраниях и в журналах разоблачали «лженауку» – кибернетику, критиковали Л. Канторовича (будущего лауреата Нобелевской премии) за разработку проблем «буржуазной науки» – экономической математики, называли академика А. Фрумкина «космополитом номер один в электрохимии» за недооценку достижений отечественных ученых. Громили «раболепное преклонение перед ошибочной» квантовой теорией Н. Бора. Выступали против «идеалистической и целиком ошибочной» теории относительности А. Эйнштейна, направившего «развитие физики в тупик».

На фоне этой разгромной критики превозносили «Марксизм и вопросы языкознания» – новую теоретическую работу Сталина, «гениальный труд, который произвел переворот» в науке, «нанес решительный удар антинаучным теориям»; из институтов и университетов изгоняли последователей языковеда Н. Марра, раскритикованного вождем народов.

В 1952 году увидела свет последняя работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»; ее в обязательном порядке изучали в институтах и научных учреждениях страны.

Идеологические кампании проводили повсюду, выискивали и разоблачали «чужаков, лишенных корней», которые «ненавидели и шельмовали русскую культуру и преклонялись перед буржуазным Западом».

В Киеве заклеили студентов университета – они «организовали коллективное посещение заграничного фильма и даже устроили оживленную дискуссию, восхваляя качество этого кинофильма».

Борьба с низкопоклонством не носила поначалу антиеврейского характера, но вскоре всё изменилось – подспудный государственный антисемитизм, который неприметно накапливался с первых лет войны, стал антисемитизмом открытым.

Музыкально-педагогический институт в Москве основали сестры Елена, Евгения и Мария Гнесины – дочери раввина. В 1948 году в ЦК партии поступил донос о высказываниях директора института Елены Гнесиной:

«Хачатурян никогда не изучал марксизма-ленинизма в таком объеме, как это поставлено у нас, а между тем он прекрасный и одаренный композитор... Зачем, например, обременять этим студента Светланова, ведь он же Рахманинов, уверяю вас – Рахманинов, а здоровьишко у него слабое. Ну, заставим его изучать марксизм-ленинизм и другие науки, это же будет во вред его главному делу».

На проекте постановления «О журналах «Звезда» и «Ленинград» сохранились правки Сталина, вошедшие в окончательный текст. Редакторы журналов «не только не вели борьбы с вредными влияниями Зощенко, Ахматовой и им подобных несоветских писателей на советскую литературу...» («несоветских писателей» – добавлено Сталиным); газета «допустила ошибку, поместив подозрительную хвалебную рецензию... о творчестве Зощенко...» («подозрительную» – добавил Сталин), и прочее.

В 1988 году ЦК партии отменил постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград» – «как ошибочное», а журнал «Коммунист» назвал его беспрецедентным «по бестактности, дикости и хулиганству».

В стране «победившего социализма» не существовало такого понятия – «инакомыслие», «инакомыслящий». В «Словаре русского языка» С. Ожегова, подготовленного к изданию в начале 1953 года, слово «инакомыслящий» – «имеющий несходный с чьим-нибудь образ мыслей» – отнесено к категории «устаревших»

понятий. Даже в «Словаре» Ожегова, изданном в 1975 году, возле слова «инакомыслящий» помечено кратко – «устар.».

Очевидцы сохранили в памяти «неакадемический» эпизод, случившийся в 1948 году на сессии Академии сельскохозяйственных наук. И. Презент сказал с трибуны: «Когда мы, когда вся страна проливала кровь на фронтах Великой Отечественной войны, эти мухомовы...» Договорить он не успел. К трибуне бросился генетик И. Рапопорт, бывший фронтовик-разведчик с повязкой на выбитом глазу; он схватил Презента за горло и закричал: «Это ты, сволочь, проливал кровь?..»

Доктора наук Рапопорта отстранили от научной работы вместе с другими генетиками и лишь через 10 лет он продолжил исследования, заслужив звания Героя Социалистического Труда и лауреата Ленинской премии.

Генетик В. Эфроимсон заслужил на фронте ордена и медали, в конце войны подал начальству рапорт о массовом изнасиловании немецких женщин. Когда Т. Лысенко и его последователи громили генетику, Эфроимсона лишили звания доктора наук. В 1948 году он написал в ЦК партии «О преступной деятельности Т. Д. Лысенко», которая нанесла ущерб сельскому хозяйству, – Эфроимсона арестовали и осудили на 7 лет «за клевету на Советскую армию».

В Ленинграде отправили за решетку Е. Зеликсона, директора Научно-исследовательского института физической культуры – «вейсманиста и космополита, проводившего в течение многих лет свою вредительскую деятельность в области физкультуры и спорта».

В 1918 году Забалканский проспект в Ленинграде переименовали в Международный проспект. Во время борьбы с «низкопоклонством» и «тлетворным влиянием Запада» Международный проспект превратился в Проспект И. В. Сталина. С 1956 года, после разоблачения «культы личности», его вновь переименовали – теперь уже в Московский проспект.

Очерк восьмидесятый

Редакция журнала «Театр» с прискорбием сообщает о тяжелой утрате, понесенной советским театром, — безвременной кончине члена Редколлегии нашего журнала, Народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии, художественного руководителя Государственного Еврейского театра, Председателя Еврейского Антифашистского Комитета

Соломона Михайловича МИХОЭЛСА

и ответственного секретаря журнала «Театр», члена Союза советских писателей, кандидата искусствоведческих наук, критика

Владимира Ильича ГОЛУБОВА (ПОТАПОВА)

Убийство С. Михоэлса

1

С. Михоэлс говорил в годы войны: «Когда снова откроются театры, надо будет начать с чего-нибудь шумного, веселого, чтобы люди встряхнулись...» Таким спектаклем стал «Фрейлехс», премьера которого состоялась в июле 1945 года, — последняя большая удача Московского еврейского театра, спектакль, названный «шедевром гармонии и ритма».

Сюжет спектакля — еврейская свадьба, символ возрождения народа после страшных лет Катастрофы. Зрители восторженно принимали «Фрейлехс», и один из них написал Михоэлсу:

«В братских могилах лежит прах моей матери, сестренки и других родственников... Четыре года я провел на фронте, был дважды ранен, на моих глазах гибли товарищи... Меня угнетала мысль: что будет с нашим народом, сумеет ли он вынести муки пережитого, воспрянет ли вновь...»

И вот я сижу в театре, в нашем родном театре, на своем родном языке слушаю призыв... и крепнет убеждение: жил, живет и вечно будет жить Израиль...»

Это был спектакль по пьесе З. Шнеера, музыка композитора Л. Пульвера. Режиссер С. Михоэлс, актер В. Зускин и художник

А. Тышлер получили за постановку спектакля звания лауреатов Сталинской премии.

Н. Вовси-Михоэлс, дочь С. Михоэлса – из воспоминаний:

«В Москве в зале Политехнического музея отмечалась юбилейная дата «дедушки еврейской литературы» Менделе Мойхер-Сфорима. Зал был набит до отказа. Со вступительным словом выступил Михоэлс, после чего они с Зускиным сыграли отрывок из «Путешествия Вениамина III».

Свое выступление Михоэлс начал так: «Вениамин, отправившийся на поиски Земли Обетованной, спрашивает встреченного на пути крестьянина: «Где дорога в Эрец Исраэль?» И вот недавно с трибуны Организации Объединенных Наций товарищ Громыко дал нам ответ на этот вопрос».

Боже, что произошло с залом! Раздался буквально шквал рукоплесканий. Люди повскакали со своих мест, отец стоял бледный, неподвижный, потрясенный такой реакцией зала. Овации длились, наверное, минут десять. Затем был показан фрагмент из «Вениамина».

Назавтра, за два дня до Нового, сорок восьмого, года, отец поехал на радио прослушать запись своего выступления. Вернулся он встревоженный – запись оказалась размагниченной...

«Это плохой признак», – сказал он мне по-еврейски...

Через неделю он был командирован в Минск, откуда уже не вернулся...»

2

Соломон Михоэлс – член Комитета по присуждению Сталинских премий – поехал в Минск на просмотр спектаклей, выдвинутых на соискание премии. За два дня до этого ему поменяли сопровождающего; вместе с Михоэлсом отправился в Минск ответственный секретарь журнала «Театр» В. Голубов-Потапов, секретный осведомитель органов безопасности.

А. Борщаговский: «На вокзале Голубов как-то сиротливо прижался ко мне, признался, что «вот так» – пухлой рукой он провел по воротнику пальто у горла – не хочет ехать... «Зачем же ты дал согласие?.. Послал бы их подальше». Он посмотрел на меня серьезно и печально, сказал по-нуру, что нужно, просят, потом чуть посветлел лицом, мол, с Михоэлсом всё-таки интересно...»

И далее: «Организаторам убийства нужен был зависимый, сломленный человек и непременно бывший житель Минска, оставивший там... давние знакомства и связи».

Из воспоминаний: вечером 12 января 1948 года в Минске, в гостиничном номере Михоэлса зазвонил телефон. Голубов взял трубку и «сказал, что звонит его однокашник по институту... у кого-то из близких сегодня свадьба... «Если Соломон Михайлович заглянет хоть на полчасика, это будет молодым память на всю жизнь»...»

Секретный агент Голубов понадобился для того, чтобы выманить жертву на ночную улицу. Они отправились на «свадьбу», а через день министр внутренних дел СССР прислал Сталину совершенно секретное сообщение:

«13 января с. г. в 7 часов 10 минут утра в городе Минске, на дороге около строящейся трамвайной линии... были обнаружены два мужских трупа... лежащих лицом вниз. Около трупов имелось большое количество крови. Одежда, документы и ценности были не тронуты.

Убитыми оказались Михоэлс С. М., художественный руководитель Государственного еврейского театра, народный артист СССР, и Голубов-Потапов В. И... Возле трупов обнаружены следы грузовых автомашин, частично заметенные снегом.

По данным осмотра места происшествия и первичному заключению медицинских экспертов, смерть Михоэлса и Голубова-Потапова последовала в результате наезда автомашины, которая ехала с превышающей скоростью и настигла их, следуя под крутым уклоном по направлению к улице Грабарная.

Приняты меры к установлению автомашины. Ведется следствие».

Соломон Михоэлс.
Фотография
последних
дней жизни

В 1953 году, через две недели после смерти Сталина, первый заместитель министра государственной безопасности С. Огольцов составил следующий документ («Товарищу Берия Л. П. – совершенно секретно, экземпляр единственный, рукописный»):

«По Вашему требованию докладываю об обстоятельствах проведенной операции по ликвидации главаря еврейских националистов Михоэлса в 1948 году.

В ноябре–декабре (точно не помню) 1947 года Абакумов и я были вызваны в Кремль к товарищу Сталину... В конце беседы было им дано указание Абакумову о необходимости проведения специального мероприятия в отношении Михоэлса, и чтобы для этой цели устроить «автомобильную катастрофу»...

Примерно в первых числах января 1948 года Михоэлс выехал по делам театра в г. Минск. Воспользовавшись этой поездкой, Абакумовым было принято решение – во исполнение указания – провести операцию по ликвидации Михоэлса в Минске. Организация операции была поручена мне и бывшему министру государственной безопасности Белорусской ССР товарищу Цанаву Л.Ф...

Чтобы сохранить операцию в строжайшей тайне... были вынуждены пойти с санкции Абакумова на ликвидацию и агента, приехавшего из Москвы, потому что последний был в курсе всех агентурных мероприятий, проводившихся по Михоэлсу... Доверием у органов агент не пользовался...»

Из второго письма Огольцова на имя Берия: «Выполняя указания о проведении операции по ликвидации Михоэлса, я думал, что делаю благородное дело для нашего государства. Тогда я ни над чем не задумывался. Думал только об одном, как лучше выполнить указание».

Из показаний полковника Ф. Шубнякова (март 1953 года):

«На явке я заявил агенту (Голубову), что имеется необходимость в частной обстановке встретиться с Михоэлсом, и просил агента организовать эту встречу. Это задание агент выполнил, пригласив Михоэлса к «личному другу, проживающему в Минске».

Примерно в 21 час я и работник спецслужбы Круглов (в качестве шофера) подъехали в условленное место, куда явились агент и Михоэлс... и все отправились ко мне на «квартиру», то есть на дачу т. Цанавы...

С тем чтобы создать впечатление, что Михоэлс и агент попали под автомашину в пьяном виде, их заставили выпить по стакану водки. За-

тем они по одному (вначале агент, а затем Михоэлс) были умерщвлены – раздавлены грузовиком.

Убедившись, что Михоэлс и агент мертвы, наша группа вывезла тела в город и выбросила их на дорогу одной из улиц, расположенных недалеко от гостиницы...»

«Никакой документации по этой операции не проводилось. Все указания давались лично Абакумовым, который получал информацию о ходе операции...»

Из воспоминаний бывшего министра внутренних дел Белоруссии С. Бельченко (2001 год):

«Я вызвал всех своих заместителей и в жесткой форме потребовал в кратчайшие сроки найти машину, послужившую причиной смерти этих людей. Уже во второй половине дня... оперативники МВД обнаружили разыскиваемый автомобиль... в гараже МГБ республики...

Вскоре подъехал Цанава. Я его хорошо знал, и потому его поведение меня удивило. Он был слишком любезен со мной. Цанава взял меня под руку, отвел в сторону и сказал: «Я знаю, что твои люди были у меня в министерстве в гараже. Это не слишком хорошая идея... Делом занимайся, убийц ищи, но не лезь ты, куда тебя не просят»...

Я позвонил Круглову (министру внутренних дел СССР) и доложил о том, что в гараже МГБ Белоруссии была обнаружена машина, переехавшая Михоэлса и Голубова... «Вы, в общем, не особо там копайте», – сказал министр и положил трубку телефона.

Сопоставив разговоры с Цанавой и Кругловым и не зная, естественно, подоплеку этого дела, я занял выжидающую позицию. Розыск велся, но подчиненных своих я не подстегивал...»

4

Н. Вовси-Михоэлс:

«В последние годы жизни... отцу настоятельно предлагали вступить в ряды ВКП(б)... Он находил каждый раз миллион отговорок. Благодарил за доверие, отвечал, что еще не созрел, не чувствует себя достойным...

Как-то папа... мрачный и раздраженный долго молча барабанил пальцами по столу, а затем неожиданно произнес: «Придется в следующий раз придумать что-нибудь новое. Не знаю уже, как открываться».

«Но следующий раз не наступил. Он уехал в свою последнюю командировку, так ничего нового и не придумав...»

Исследователи задаются вопросом, на который нет однозначного ответа: почему убили Михоэлса в первые дни 1948 года? Отчего его ликвидировали в то время, когда Советский Союз выступал за образование государства Израиль и поддерживал борьбу евреев против арабских государств? Почему не подождали до конца того года, чтобы арестовать председателя Еврейского антифашистского комитета одновременно с другими деятелями ЕАК и выбить на следствии нужные показания?

Быть может, Сталин желал поскорее избавиться от человека, которого многие евреи считали своим представителем и борцом за национально-культурное развитие народа? Или вождь опасался, что арест и казнь Михоэлса, знаменитого артиста и общественного деятеля, вызовет негативную реакцию во всем мире, а потому лучше всего инсценировать автомобильную катастрофу? А может, убийство Михоэлса было лишь предлогом для достижения иных целей, о которых не сохранилось воспоминаний и документов?

Трудно объяснить те или иные решения, возникавшие в голове стареющего диктатора, больного, теряющего силы, мнительного, злопамятного и безжалостного, страдавшего навязчивыми идеями, который не доверял уже никому и одним лишь страхом держал в повиновении всю страну, – известно только, что личная неприязнь Сталина к евреям стала проявляться еще в довоенные годы.

В 1935 году сын вождя Яков женился на еврейке. Сталин был против этого брака, и его дочь вспоминала: «Это опять вызвало недовольство отца. Правда, в те годы он еще не высказывал свою ненависть к евреям так явно, – это началось у него позже, после войны, но в душе он никогда не питал к ним симпатии». Артиллерист Яков Джугашвили попал в немецкий плен в первые месяцы войны – Сталин велен арестовать его жену и выяснить, не имела ли она к этому какого-либо отношения.

В 1942 году у шестнадцатилетней Светланы Аллилуевой, дочери вождя, начался роман с кинодраматургом А. Каплером, которого вскоре арестовали. Сталин отобрал у дочери и уничтожил его письма, записки, фотографии: «Твой Каплер – английский шпион... Уж не могла себе русского найти!..» Светлана вспоминала впоследствии: «То, что Каплер – еврей, раздражало его, кажется, больше всего».

В 1944 году дочь Сталина вышла замуж за Григория Морозова: «Он был еврей, и это не устраивало моего отца... На одном отец настоял – чтобы мой муж не появлялся у него в доме». Сталин так и не познакомился с новым родственником, отцом своего внука, а когда Светлана развелась с мужем, сказал: «Тебе его подбросили сионисты».

И. Морозова (отца Григория) арестовали после развода Светланы с его сыном, обвинили в распространении «клеветнических из-

мышлениях против главы Советского государства», приговорили к 15 годам лагерей и освободили после смерти Сталина.

Существуют разные версии объяснения причин убийства Михоэлса, и вот одна из них, быть может убедительнее прочих. По воспоминаниям соратников, Сталин «был величайшим конспиратором», и всё, связанное с его именем, считалось «секретным и зашифрованным». В конце 1947 года в американской прессе опубликовали материалы о личной жизни вождя; Сталин приказал расследовать, каким путем это попало за границу, и министр государственной безопасности В. Абакумов сообщил, что Михоэлс с помощью своих друзей проник в семью Аллилуевых для получения материалов о руководителе страны.

В декабре того года арестовали Е. Аллилуеву, родственницу покойной жены Сталина; ее обвинили в том, что «у себя на квартире устраивала антисоветские сборища, на которых распространяла гнусную клевету» о главе государства. Арестовали также А. Аллилуеву, сестру покойной жены вождя, и установили на допросе, что «вокруг нее концентрируется группа лиц еврейской национальности». Сталин разъяснил дочери причины ареста ближайших родственников: «Знали много и болтали много, а это на руку врагам...»

Затем попали за решетку еще несколько человек, которые под пытками «признали», что Михоэлс интересуется семейной жизнью дочери Сталина и ее мужа-еврея, чтобы через них повлиять на вождя для благоприятного решения «еврейского вопроса» в СССР, а также проявляет «повышенный интерес к личной жизни главы советского правительства» – для передачи этих сведений иностранной разведке.

И. Гольдштейн, один из арестованных, свидетельствовал впоследствии: «Меня начали жестоко и длительно избивать резиновой дубинкой по мягким частям и голым пяткам. Били до того, что я ни стоять, ни сидеть не был в состоянии... Лицо страшно распухло... стал плохо слышать... Меня избивали восемь раз, требуя всё новых и новых признаний. Измученный... дневными и ночными допросами... я стал оговаривать себя и других лиц в тягчайших преступлениях...»

Гольдштейна привели к Абакумову, и тот спросил: «Итак, значит, Михоэлс – сволочь?» Тот ответил с трудом: «Да, сволочь...» Абакумов передал Сталину показания заключенных, подписанные под пытками, и участь Михоэлса была решена.

С. Аллилуева (из книги «Только один год»): «В одну из... редких встреч с отцом у него на даче я вошла в комнату, когда он говорил с кем-то по телефону. Я ждала. Ему что-то докладывали, а он слушал. Потом, как резюме, он сказал: «Ну, автомобильная катастрофа». Я отлично помню эту интонацию – это был не вопрос, а утверждение, ответ. Он не

спрашивал, а предлагал это: автомобильную катастрофу. Окончив разговор, он поздоровался со мной и через некоторое время сказал: «В автомобильной катастрофе разбился Михоэлс»... Он был убит, и никакой катастрофы не было».

В газетном некрологе написали: «Советский театр понес большую утрату... Смерть вырвала из наших рядов...» В день гибели было Михоэлсу 58 лет.

Король Лир, умирающий на сцене (вверху), и Соломон Михоэлс в гробу. Художник Александр Тышлер

5

«Михоэлса больше нет. Эти слова страшно писать, трудно произнести и еще труднее понять...»

Из воспоминаний:

«Погиб Соломон Михайлович Михоэлс. Не знаю человека умнее, блистательнее его. Очень его любила, он был мне как-то нужен, необходим...»

«Трагичным он был в искусстве, трагедию всколыхнул и своей смертью...»

«Он погиб для всех так внезапно... Эта смерть на какое-то время остановила дыхание людей его знавших и любивших, изменила ритм их сердец, нарушила нормы поведения живых, живущих...»

«Двери дома были открыты днем и ночью для всех. Незнакомые и знакомые лица... приходили, уходили, сидели, плотно прижавшись друг к другу, и никто не произносил ни слова. Эта противоестественная при таком скоплении людей, никем не нарушаемая тишина была странной, как ночной кошмар...»

«Пришла Юля Каганович... племянница Лазаря Кагановича. Она увела нас в ванную комнату... и тихо сказала: «Дядя передал вам привет... и еще велел сказать, чтобы вы никогда никого ни о чем не расспрашивали...»

«На панихиде было много русских. Женская школа, которая находится напротив театра, присутствовала в полном составе...»

«Нас сюда не местком послал. Сами пришли. По велению сердца. Звонкий человек был Соломон – вот мы все и пришли...»

«За похоронной процессией ехали семь грузовиков с венками и бесконечное количество легковых машин... Нельзя было сосчитать, сколько человек заполнило зал крематория и его двор...»

«Последние слова, крики, рыдания, чьи-то речи... и всё это как во сне...»

«Правда» сообщила: «Вчера Москва хоронила замечательного мастера сцены... Мимо гроба, отдавая последний долг верному сыну Родины, прошли десятки тысяч москвичей. Перед выносом тела состоялся траурный митинг...»

В день прощания с Михоэлсом П. Маркиш написал стихотворение, в котором есть такие строки:

Разбитое лицо колючий снег занес,
От жадной тьмы укрыв бесчисленные шрамы,
Но вытекли глаза двумя ручьями слез,
В продавленной груди клокочет крик упрямый:
– О Вечность! Я на твой поруганный порог
Иду зарубленный, убитый, бездыханный.
Следы злодейства я, как мой народ, сберег,
Чтоб ты узнала нас, взглядевшись в эти раны...
Течет людской поток – и счета нет друзьям,
Скорбящим о тебе на траурных поминах,
Тебя почтить встают из рвов и смрадных ям
Шесть миллионов жертв, запятанных, невинных...

Через год это стихотворение попало в перечень обвинений, предъявленных арестованному Маркишу: «Стихотворение гнусно и злобно клеветает на нашу действительность, всяческими намеками изображая Михоэlsa убитым, жертвой убийства».

6

Н. Вовси-Михоэлс:

«По еврейскому обычаю, театр не играл семь суток. На восьмой вечер шел спектакль «Леса шумят» – последняя постановка Михоэlsa. Все билеты были проданы, кроме тринадцатого места в шестом ряду. Это было постоянное режиссерское кресло отца.

По своему суеверию он всегда боялся числа «тринадцать», но число это странным образом преследовало его всю жизнь... Решив однажды бросить вызов судьбе, он выбрал себе кресло номер тринадцать. Однако судьба не приняла его вызова и, задумав с ним расправиться, выбрала для этого тринадцатое число».

Вскоре после похорон состоялся вечер памяти Михоэlsa. «Уланова танцевала «Умиряющего лебедя» Сен-Санса. Танцевала на темной сцене, внутри светового круга, «брошенного» на сцену прямо под огромным портретом Михоэlsa; движения ее рук были рассчитаны так, чтобы они всё время были протянуты к портрету, и как бы у подножия портрета в конце танца лебедь «умирал». Это было то высокое искусство, от которого становилось страшно...»

Михоэлсу принадлежат такие слова:

«Если человек родился нищим, ему не помогут никакие сотни тысяч на сберкнижке, никакие машины, никакие облигации! Он всё равно чувствует себя нищим, живет нищим, растрачивая свои силы на заработки вместо творчества, тратя деньги на ненужную ему дачу вместо удивительных интересных путешествий. Он от рождения нищ, нищим и умрет...

Другой рождается богатым, хотя за душой у него нет ни копейки... Он родился богачом и времени не продаст, как бы деньги ни были ему нужны. Одними поисками он уже гораздо богаче многих «имущих»...»

М. Котлярова, актриса Московского еврейского театра: «Спектакль «Фрейлехс» имел потрясающий успех – невозможно было достать билеты... Вдруг через две-три недели кто-то из проверяющих пришел в театр – и велели убрать всю сцену с реквиемом и се-

мисвечником в начале спектакля; семисвечник сочли националистическим символом...»

Подозрительность Сталина возрастала из года в год и касалась не только тех, кто проявлял повышенный интерес к его личной жизни. В 1948 году на теплоходе «Победа» случился пожар – в тот момент, когда на нем плыли по Черному морю армяне, переселявшиеся из-за границы в Армению.

Сталин решил, что «американские разведчики произвели диверсию», и по его указанию Политбюро приняло специальное постановление: «взять под учет и надзор всех переселенцев-армян» с того теплохода, «никого из переселенцев не допускать в Баку, чтобы они не могли поджечь нефтепромыслы», «безусловно и немедленно воспретить прием армянских переселенцев в Армению», откуда бы они ни приезжали.

Из показаний В. Абакумова: «Когда Михоэлс был ликвидирован и об этом было доложено И. В. Сталину, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить орденами, что и было сделано». С. Огольцова и Л. Цанаву – «за успешное выполнение специального задания правительства» – наградили орденами Красного Знамени; трое непосредственных исполнителей убийства получили ордена Отечественной войны I степени, еще двое – ордена Красной Звезды.

Сразу после смерти Сталина ордена у награжденных отобрали, а Огольцова и Цанаву арестовали за участие в убийстве Михоэлса. Огольцова вскоре выпустили, Цанаву покончил жизнь самоубийством в тюремной камере, остальные исполнители минской «спецоперации» продолжали служить в КГБ в послесталинские времена.

Убийство Михоэлса долгие годы оставалось государственной тайной; его гибель объясняли «автомобильной катастрофой», и лишь к концу двадцатого века были опубликованы архивные материалы по этому делу.

Арестованные, из которых выбивали показания против Михоэлса, понесли суровые наказания. И. Гольдштейна приговорили к 25 годам заключения, и он умер в тюрьме. Л. Шатуновская и ее муж Л. Тумерман также получили по 25 лет лагерей. З. Гринберг

умер во время допросов. Р. Левину, пожилую женщину (в прошлом заместителя директора Института мирового хозяйства и мировой политики), избивали резиновыми дубинками, выбили зубы, а затем отправили в лагерь на 10 лет.

Е. Аллилуеву также приговорили к 10 годам заключения: «Там всё подпишешь, – говорила она, – лишь бы оставили живой и не мучили». 5 лет провела в тюрьме А. Аллилуева, сестра покойной жены Сталина, а затем наказание продлили на такой же срок. Основанием для этого послужило заявление ее родственницы: «Аллилуева А. С. утверждала, что с возрастом Сталин делается всё более невыносимым, подвергает репрессиям неугодных ему лиц, что такого диктатора Россия еще не видела».

Из воспоминаний С. Аллилуевой: «Мамина сестра Анна сошла с ума в тюрьме и вернулась больным человеком».

ТЕАТР

До конца разгромить и разоблачить группу антипатриотических театральных критиков

ЦК ВКП(б) в своих постановлениях по вопросам литературы и искусства вел последовательную и решительную борьбу за чистоту большевистской, ленинско-сталинской партийности каждого произведения искусства и всей нашей культуры в целом. Руководствуясь этими решениями, совет-

Отрицая метод социалистического реализма, этой основы марксистско-ленинской эстетики, игнорируя решения партии по вопросам искусства, эта группа, по существу, пропагандировала космополитический метод эстетской, формалистической критики, не заинтересованной в раскрытии живого со-

Был ли Сталин антисемитом? Борьба с «безродными космополитами»

1

П. Судоплатов (из воспоминаний):

«Берия и Богдан Кобулов часто рассказывали мне, что Сталин любил шутки и анекдоты антимусульманского и, в частности, антиазербайджанского толка, особенно когда их рассказывали в присутствии Багирова, первого секретаря компартии Азербайджана. Тот просто не выносил издевательских интонаций Кобулова, произносившего русские слова с азербайджанским акцентом.

Это заставляет меня думать, что юмор, направленный против той или иной национальной группы, был по душе Сталину, и он, в сущности, являлся антисемитом не больше, чем антимусульманином».

2

Как Сталин относился к евреям? Разные на этот счет мнения.

Одни исследователи считают, что он был убежденным антисемитом еще до 1917 года; другие утверждают, что в то время у него наблюдались «лишь зачатки антисемитской идеологии»; третьи полагают, что «ста-

линский антисемитизм не был зоологическим, как у Гитлера, а прагматическим»; четвертый исследователь заявляет категорически: «Не будучи активным антисемитом, Сталин разделял этот обычный русский предрассудок, но не позволял ему влиять на политику до войны».

У дочери вождя свое мнение: «Так как я хорошо знала характер отца, мне стал, наконец, ясен источник его антисемитизма. Безусловно, он был вызван долголетней борьбой с Троцким и его сторонниками и превратился постепенно из политической ненависти в расовое чувство ко всем евреям без исключения».

Н. Хрущев: «Публично Сталин ревниво оберегал чистоту своих риз и внимательно следил, чтобы не дать повода к обвинению его в антисемитизме... На деле Сталин был заядлым антисемитом...»

Снова повторим: трудно объяснить причины очередных преследований, которые задумывал престарелый диктатор, не доверявший уже никому. Быть может, он считал опасным всё еврейское население Советского Союза и рассуждал таким образом: евреи рассеяны по разным странам, связаны одним происхождением, одной религией, общей исторической памятью; в США живут несколько миллионов евреев, которые влияют на решения президента и конгресса, чтобы навязать миру свою волю, – не станут ли евреи СССР «пятой колонной» в будущей войне с империалистическими державами?

Можно предполагать многое в поведении Сталина, однако антисемитские действия в огромной стране нельзя приписывать только ему. Власти на местах часто обходились без официальных указаний из Москвы при проведении антиеврейской политики. Они улавливали настроения высшего начальства, а те, в свою очередь, угадывали пожелания «вождя народов», даже если он не высказывал их в конкретном виде.

Руководители идеологических служб и карательных органов не только выполняли указания Сталина, но и подталкивали его на различные действия, создавая и «своевременно раскрывая» всевозможные «заговоры»; это доказывало их преданность, исполнительность, умение угадывать невысказанные пожелания вождя, его симпатии и антипатии, подозрения и опасения. Так происходило с различными репрессивными кампаниями в стране, так случилось и с борьбой против «еврейского буржуазного национализма», к которому Сталин относился с явным подозрением, усматривая в этом «происки международного сионизма».

Шла «холодная война», противостояние «двух лагерей»; для сплочения народов СССР требовался конкретный враг, на которого следовало

нацелить всю пропаганду в преддверии будущих вооруженных столкновений. Внешним врагом стал американский империализм и его европейские союзники, обвиненные в развязывании Третьей мировой войны; внутренним врагом среди прочих выбрали евреев.

3

В 1949 году в стране началась развернутая антиамериканская пропаганда. Все театры Советского Союза – столичные и провинциальные – поставили по указанию сверху спектакли на «антиамериканские темы». Видным советским драматургам заказали пьесы «о деятельности американских поджигателей новой войны», «о разоблачении современной Америки» и «финансовых магнатов Уолл-стрита».

Готовили к печати серию брошюр, «раскрывающих распад музыкальной культуры современной Америки». В репертуар театров оперетты включили спектакли, «направленные против империалистической политики». Артисты эстрады посвящали свои куплеты, фельетоны и пародии «разоблачению двурушнической политики американских и прочих поджигателей войны»; авторам-сатирикам поручили написать эстрадный спектакль «о низкопоклонстве перед Западом».

Не обошли вниманием цирковых клоунов и куплетистов. Главцирк закупил у именитых авторов репризы, клоунады, музыкальные фельетоны и частушки – «в целях усиления антиамериканской пропаганды».

Бытовой антисемитизм нарастал, антиеврейская политика властей легла на подготовленную почву, и в ЦК партии поступило письмо от некоей гражданки Л. Красковой:

«Они хозяева положения. Они считают, что без евреев нельзя построить коммунизм. Во всех издательствах... фактически на первых ролях сидят евреи... Нет от них спасения! Разверните комплект «Литературной газеты» – фамилий еврейских больше половины, а сколько их скрывается под русскими фамилиями!

Вопрос этот серьезнее и глубже, чем может показаться. Дело не в антисемитизме. Евреи мешают переделывать психологию советских людей в коммунистическом духе...

Народ наш терпелив. Он терпит евреев из уважения к партийным принципам большевистской партии. Но терпение может лопнуть, особенно если, не дай бог, разразится война. А когда лопаются терпение у нашего народа, он страшен в гневе своем.

Нельзя ли всё-таки укоротить аппетиты евреев, хотя бы на идеологическом фронте?..»

Затем на имя вождя пришло послание от другого лица: «Товарищ Сталин! В искусстве действуют враги. Жизнью отвечаю за эти слова...»

28 января 1949 года в газете «Правда» появилась передовая статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», которые «шипя и злобствуя... охаивали всё лучшее, что появлялось в советской драматургии».

Достаточно было прочитать одно предложение в той статье, чтобы понять характер новой идеологической кампании: «Какое представление может быть у А. Гурвича о национальном характере русского советского человека... Поклеп это на русского советского человека. Гнусный поклеп...» Достаточно было принять к действию завершение той статьи: «Партийная советская критика разгромит носителей чуждых народу взглядов...», чтобы началась беспощадная борьба с «безродными космополитами».

Через день на эту тему откликнулась газета «Культура и жизнь». В разгромной статье «На чуждых позициях» перечислили фамилии «эстетствующих антипатриотов, людей без роду, без племени», которым «не дороги интересы Родины»; рядом с псевдонимом критика – Е. Холодов поставили в скобках его настоящую фамилию – Меерович, чтобы не возникало сомнений в национальной принадлежности.

Вскоре вся страна узнала имена театральных критиков, известных прежде лишь узкому кругу знатоков театрального искусства. Это были И. Альтман, А. Борщаговский, Я. Варшавский, А. Гурвич, И. Юзовский и прочие «носители глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма». К перечню этих критиков добавили неевреев Г. Бояджиева и Л. Малюгина, однако антиеврейская направленность кампании не вызывала сомнений.

В травлю «космополитов» включились по команде столичные и областные газеты страны, каждая из которых изошрялась в клеймени «беспаспортных бродяг» и предлагала собственные методы их искоренения: «Изгнать... Очистить... Убрать с дороги... Разоблачить последней... Выкорчевать остатки... Уничтожить тлетворное влияние...»

Современник свидетельствовал: «По сигналу стали выискивать «космополитов» не только в критике и драматургии, но и в кино, музыке, цирке. Затем эта чума перекинулась в науку, технику, педагогику – и сотни, если не тысячи, человеческих судеб были исковерканы на долгие годы».

«Космополитов» вытаскивали на трибуны многолюдных собраний, заставляли каяться в совершенных ошибках, а затем с удовлетворением отмечали: «Юлил на трибуне... Неубедительно говорил о своих заблуждениях... Проявил себя неразоружившимся формалистом... Пытался отделаться болтовней... Лгал, извивался ужом... Вел себя на собрании как отъявленный двурушник...»

Из газеты «Советское искусство» (февраль 1949 года): «Альтман ненавидит всё русское, всё советское... поклонник деградирующей культуры Запада... Советский народ называет альтманов живыми трупами. Мы очистим атмосферу советской культуры от их смердящего запаха...»

Из «Вестника высшей школы»: «Сорвана предательская маска с И. Альтмана. В истинном свете предстал перед народом маститый двурушник, политический пройдоха с черной и грязной душой...»

Из «Комсомольской правды»: «Яковлев (Хольцман) – этот прожженный буржуазный эстет и безродный космополит отличался особенным коварством...»

Из «Литературной газеты»: «Пигмей Юзовский посягал на титана Горького...» – «Гурвич оплевал и осрамил... издевался над историческим прошлым русского народа, над характером русского человека, над самой Россией...»

Из журнала «Крокодил»: «Космополитизм... сохранялся, забившись, подобно клопу, в щели советского общества... Клоповник вычистили, помещение выпаривают. Воздух стал чище. Работается легче...»

И. Эренбург: «Почему кампания началась с второстепенного вопроса – с театральной критики? Не знаю. Может быть, Сталину вовремя пожаловался обиженный драматург, а может быть, случайно – не всё ли равно, в какое место пруда бросить камень, лишь бы от него пошли круги...»

Не существовало практически такой газеты или журнала, где не громили бы «антипатриотов» – писателей и драматургов, музыкантов и композиторов, режиссеров, художников и журналистов, философов, историков и экономистов. Докладчики на собраниях говорили об отсутствии у евреев чувства советского патриотизма и любви к родине; их обвиняли в засорении русского языка, в «издевательствах над русским народом, над русским человеком, над русскими национальными традициями».

Многие «космополиты» давно уже ассимилировались, были далеки от еврейской религии, не знали языка, истории, традиций своего народа, однако это оказалось недостаточным, и единственной виной этих людей

стало еврейское происхождение. С особенным удовольствием раскрывали их литературные псевдонимы и называли настоящие фамилии – Мельман, Финкельштейн, Лифшиц, Злочевский, Каган; «это доказывает, – утверждали с трибуны, – что космополиты стыдились и своего народа, и своего настоящего имени, что они люди без рода и племени».

Из Большого зала Московской консерватории убрали портрет композитора Ф. Мендельсона – еврея, в детстве обращенного в лютеранство, и заменили на портрет композитора А. Даргомыжского. Главного режиссера московского Камерного театра А. Таирова обвинили в низкоклонстве перед Западом, раскрыли его настоящую фамилию – Корнблит, уволили из театра, и вскоре он умер.

К. Симонов, из статьи в «Литературной газете»: «Советский народ требует... Советский зритель не простит автору... Советский зритель желает видеть на сцене правду о времени и о себе... Мы должны изобразить нашего особенного советского человека во весь его рост...»

На Центральной студии документальных фильмов клеймили «космополита» – знаменитого на весь мир режиссера-документалиста Д. Вертова. Заместитель министра кинематографии обрушился на его фильм 1920-х годов «Человек с киноаппаратом», и свидетель тех событий вспоминал: «Вертов выступил с ответным словом, и в какой-то момент выступления ему стало плохо. Его, чуть живого, увели с трибуны; в диспетчерской был кожаный диван, на который его уложили. К концу собрания туда вошел замминистра... позвонил по телефону и сказал: «Ну, мы тут заканчиваем... Можете разогревать обед».

5

На партийном собрании в газете «Красный флот» критиковали журналистов-«космополитов», называя их «еврей Ивич», «еврей Поневежский», «еврей Рудный». Один из коммунистов заявил: «Так же, как весь немецкий народ несет ответственность за гитлеровскую агрессию, так и весь еврейский народ должен нести ответственность за действия буржуазных космополитов».

В Московском университете «разоблачили» профессора В. Юдовского, который протаскивал враждебные идеи «о единой мировой науке», а также «о мировом всечеловеческом единстве народов». Осудили группу историков во главе с академиком И. Минцем – за «принижение роли русского народа в истории нашей Родины». На кафедре диалекти-

ческого и исторического материализма обнаружили, что там «продолжительное время орудовали ныне разоблаченные враги народа Гольдентрихт и Козлов» (к тому времени они уже находились за решеткой).

На партийном собрании Союза писателей СССР потребовали «до конца разоблачить и разгромить... людей без рода и племени, торгашей и бессовестных дельцов от театральной критики». Приводили примеры их «подрывной работы»: Д. Данин «за один год оклеветал шесть ценных поэтических произведений»; Б. Яковлев (Хольцман) «привлекал к выступлениям в журнале критиков-космополитов Данина, Лейтеса, Ленобля, Костелянца, Фейгельмана...»

Из секретного документа: «Коммунисты парторганизации Союза советских писателей единогласно исключили из партии космополитов Данина, Субоцкого, Левина, Альтмана, Бровмана...»

«Общественность» Ленинграда «поднялась на борьбу с последователями гурвичей и юзовских»; на собраниях приводили «многочисленные факты антипатриотической деятельности ленинградских критиков С. Дрейдена, И. Шнейдермана, И. Березарка, С. Цимбала, театроведа М. Янковского». В киевской газете «Правда Украины» перечислили «космополитов» с раскрытием их псевдонимов: Я. Бурлаченко (Бердичевский), Л. Санов (Смульсон), И. Стебун (Каценельсон); особо был выделен А. Борщаговский – «один из верховодов антипатриотической группы».

Борщаговского называли в газетах «литературным подонком, разбойником пера, диверсантом от театральной критики». «Не было у меня, фаталиста, страха за себя, – вспоминал он, – скорее удивление и дурацкий вопрос: зачем? Во имя чего истязают и лгут? Можно ли так бездарно обкрадывать себя?.. В любом городишке и поселке страны, где отродясь не видели живого театрального критика, функционеры системы тотчас же поняли смысл и содержание слов «безродные космополиты»... Не потребовалось и инструкций – мы стали свидетелями и жертвами разнузданной и циничной антисемитской кампании».

В Академии художеств заклеямили искусствоведов Д. Аркина, О. Бескина, А. Ромма, А. Эфроса. В Союзе композиторов выявили музыковедов-«космополитов» Д. Житомирского, Л. Мазеля, М. Пекелиса, С. Шлифштейна, стремившихся к подрыву «идейных основ советской музыки». В Киевской консерватории обрушились на местных «антипатриотов»: Ольховский «зачеркнул всю музыкальную украинскую классику», Гозенпуд «специализировался на оплевывании творчества П. Чайковского», «выкормыш буржуазных националистов» Береговский «встал на путь открытой пропаганды расистских идей».

В ЦК ВЛКСМ поступил донос, который сразу же отправили на расследование: «В течение долгого ряда лет на международных конкурсах музыкантов-исполнителей честь советского искусства защищали скрипачи, которых никак нельзя считать представителями великого русского народа; это – Леонид Коган, Юлиан Ситковецкий, Эдуард Грач, Игорь Ойстрах, Игорь Безродный, Рафаил Соболевский...»

В филармонии города Томска установили после проверки: «В симфоническом оркестре – пятеро евреев, один немец... в духовом оркестре – три еврея, два немца, среди артистов эстрады – четыре еврея».

Обвинения в космополитизме касались представителей разных национальностей, однако чаще других – и намного чаще – на страницах газет появлялись еврейские фамилии. Их непрерывно произносили на собраниях и по радио, слово «космополит» стало восприниматься как одно из обозначений евреев, и не случайно в те годы вошла в обиход поговорка: «Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом».

6

Профессора С. Лурье, крупнейшего филолога и историка античности, «разоблачили» как «злостного космополита» и уволили из Ленинградского университета «за несоответствие занимаемой должности». Он переехал преподавать в Одессу, но там заявили, что «автора антипатриотической книги о Геродоте нельзя подпускать на пушечный выстрел к советскому студенту», и Лурье пришлось уехать во Львов.

Историка С. Борового уволили из одесского института, и секретарь обкома партии раскрыл на собрании его «политическую физиономию»: Боровой «проводит такую идею, что Одесса является центром и родиной еврейской культуры, что есть данные, будто в Хаджибее евреи жили еще до основания Одессы... Почему до сих пор Боровой не разоблачен и не был подвергнут настоящей партийной критике?.. Где же гарантия, что он не будет протаскивать свои враждебные сионистские взгляды?»

С. Боровой: «Мои друзья-евреи... жадно и заинтересованно прислушивались к информации о том, в каком состоянии мое дело... «Вы наш барометр, отношением к вам определяется и наша судьба»...»

Осуждению подвергали всех, именитых и менее известных – для этого достаточен был любой повод. В журнале «Октябрь» разгромили книгу В. Лифшица «Стихи», где была напечатана поэма «Сабля Чапая»:

«Вся сила этого народного героя заключалась, по Лифшицу, в «чудесной сабле», которую Чапаев якобы получил в подарок от кузнеца-земляка. Белогвардейцы выкрали у него эту магическую саблю – Чапаев обессилел и оттого погиб.

Спрашивается: для чего Лифшиц искажил исторические факты и события, известные любому школьнику... Может быть, автор хотел этим сказать, что... стоило Чапаеву утратить чудесную саблю, как он утратил и свою связь с народом и свою боевую мощь?.. Но известно, что Чапаев до конца своей жизни был близок народу, не порывал с ним связи и погиб вовсе не потому, что оторвался от народа.

Поэма воспринимается как поклеп на русского национального героя Чапаева...»

В Институте права Академии наук среди «безродных космополитов» оказался и русский, профессор Юшков. Он был настолько возмущен несправедливостью, что воскликнул на заседании ученого совета: «Товарищи, а меня-то за что? Я ведь рязанский!..»

В ленинградском Институте литературы (Пушкинском Доме) выявили «тайную антипатриотическую группу», которую «возглавляли» М. Азадовский, Г. Бялый, Г. Гуковский, В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум, – одних изгнали из института, другим досталась более тяжкая участь.

Циля Сегаль (филологический факультет Ленинградского университета):

«Большой уютный зал был битком набит. Студенты буквально распирали стены помещения. Стояли и в коридоре, у раскрытых дверей. На сцене стол под сукном. За ним несколько незнакомых лиц. Мы их потом назвали «инквизиторами»...

Руководил этим позорищем начинающий деятель... Парторг. Было понятно, что ему поручили устроить этот суд. Но делал он это истово, ничуть не смущаясь тем, что ему приходится бичевать своих же учителей и наставников... Как они посмели русского человека Белинского назвать «западником»? Почему пушкинские «южные поэмы» окрестили «байроническими»? Разве наш русский Пушкин хуже англичанина Байрона?.. Это презрение к русскому народу, это принижение его достоинства... Обвинения одно за другим летели в зал.

А наши кумиры, властители дум и сердец, растерянно, в полуобмороке, подходили к кафедре и лепетали что-то невнятное, потому что оправдываться было нельзя – можно было только «признавать ошибки» и «делать выводы».

Запомнился Гуковский. Как-то особенно быстро он подошел к «лобному месту», стал говорить, но на первой же фразе неестественно

захлебнулся и с трудом выговорил: «Я всю жизнь был честным ученым. И космополитом в узком понимании я никогда не был и не буду...» – и быстро пошел в зал.

В зале то стояла мертвая тишина, то поднимался скрытый ропот, но никто не выступил в защиту. Не то было время...»

«Космополит» Г. Гуковский, литературовед, профессор Ленинградского университета, был арестован летом 1949 года и умер в тюрьме на Лубянке.

Борьба с космополитизмом принимала порой невероятные формы. Православные священники при отпевании умершего читали молитву: «Ныне отпускаеше раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром...» (Евангелие от Луки, 2:32). По указанию свыше, священникам по всей стране запретили произносить фразу из этой молитвы: «и славу народа Твоего Израиля».

7

В 1949 году ходило по рукам сочинение С. Васильева «Без кого на Руси жить хорошо». Там было сказано о критиках, которые

Сошлись и заспорили:
где лучше приспособиться,
чтоб легче было пакостить,
сподручней клеветать?..

Далее перечислялись в рифму «иуды-зубоскальники» – сплошь еврейские фамилии:

И зачали, и почали
чинить дела по-своему,
по-своему, по-вражьему,
народа супротив...

Но после разгрома «безродных космополитов», «охальников-бездомников»

На столбовой дороженьке
советской нашей критики
вдруг сделалось светло.
Вдруг легче задышалось,
вдруг радостней запелось,
вдруг пуще захотелось
работать во весь дух...

Шумная пропагандистская кампания продолжалась непрерывно два месяца. Она дала толчок повсеместной чистке кадров, а затем стала по-

степенно исчезать со страниц газет и журналов, выполнив свое назначение. Борьбу с «космополитами» продолжили негласно, с не меньшим успехом, используя разные методы устранения неугодных людей – увольнения с работы, аресты, обвинения в политической неблагонадежности, в притуплении бдительности и шпионаже.

Партийные и советские руководители по всей стране восприняли эту кампанию как официальную антисемитскую политику Кремля, а потому более всех пострадали евреи; знаменитый «пятый пункт» в паспорте – «национальность» становился поводом для увольнения или отказа в приеме на работу, в институт и аспирантуру.

«Безродных космополитов» изгоняли из университетов и институтов, из киностудий, консерваторий, филармоний и цирков. «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Советский спорт», «Советская музыка», «Труд», «Гудок», «Советское искусство», «Социалистическое земледелие», «Сталинский сокол», «Пограничник», «Красный флот» – многие газеты и журналы очистили от «излишних» евреев; взамен уволенных рекомендовали «привлекать лиц коренной национальности».

Евреи, изгнанные из редакций и институтов, стали зарабатывать на жизнь чтением популярных лекций во Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний. Но вскоре об этом сообщили в ЦК партии, и Всесоюзное общество тоже очистили от «космополитов».

В Московском отделении этого общества отстранили от работы около ста человек, большинство которых составляли лекторы еврейской национальности.

Министерство государственной безопасности Украины сообщало о высказываниях киевских писателей и ученых:

«Я очень доволен, что вывели на чистую воду всех этих евреев Кацнельсонов, Смутьсонов, Гозенпудов, Бердичевских, которые пытались командовать украинской литературой...» – «Наконец-то можно будет по-настоящему работать, не боясь запугивания этих бандитов...» – «Добрались-таки до этих мерзавцев...» – «Здорово, что эту банду разоблачили...» – «Дышу! Наконец-то дышу! Хочется всех расцеловать... Никогда еще не было такого искреннего взаимопонимания между партией и народом...»

8

В 1949 году в первом номере ленинградского журнала «Звезда» опубликовали начало повести Ю. Германа «Подполковник медицинской

службы», где главным героем был военный врач Левин. Началась борьба с космополитами, и окончания повести не последовало; ее набор во втором номере журнала рассыпали, а «Ленинградская правда» напечатала письмо читателей под заголовком «Пасквиль на советских людей».

В феврале того года девяностолетний микробиолог академик Н. Гамалея, украинец по национальности, послал письмо Сталину:

«Вновь появившийся антисемитизм... исходит сейчас от каких-то высоких лиц, засевающих в руководящих партийных органах, ведающих делом подбора и расстановки кадров... За последние годы почти ни один еврей не назначается на должности министров, их заместителей, начальников главков, директоров институтов и научно-исследовательских организаций. Лица, занимающие эти должности, постепенно снимаются и заменяются русскими...»

Благодаря явному антисемитизму выдающиеся ученые нашей страны, составляющие ее гордость и славу, остались за бортом разных Академий, в то время как разные бездарности... оказывались «избранными» в действительные члены Академий наук.

Особенно печальным является тот факт, что не дают хода талантливейшей еврейской молодежи, оканчивающей вузы... Еврею-профессору или доценту получить сейчас вновь какую-нибудь кафедру или просто штатную должность... стало почти так же трудно, как при царизме...

Среди еврейской молодежи царит сейчас ужасный пессимизм и отчаяние, а среди людей старшего поколения большая тревога за судьбу подрастающего поколения...»

Письмо Н. Гамалея завершалось такими словами: «Я считаю, что по отношению к евреям творится что-то неладное в данное время в нашей стране».

О. Фрейденберг, профессор Ленинградского университета, отметила в те годы: «Подвергают моральному линчеванию деятелей культуры, у которых еврейские фамилии... Группы студентов роются в трудах профессоров-евреев, подслушивают частные разговоры... Евреям уже не дают образования, их не принимают ни в университет, ни в аспирантуру...»

С 1948 по 1952 год уменьшилось почти в 3 раза количество первокурсников-евреев в медицинских институтах страны, а в юридических институтах – в 9 раз; общее количество первокурсников-евреев сократилось почти наполовину. За тот же период стало в СССР в 5 раз меньше аспирантов-евреев; на Украине в научных учреждениях республиканского подчинения число аспирантов-евреев понизилось со 135 до 3 (в 45 раз).

Из официального документа: «Зачислены в юридические школы (Украины) 361 человек... Евреев: в Киевскую школу – 1, Харьковскую – 0, Одесскую – 3, Львовскую – 2. Итого: 6».

9

В 1948 году композитор Д. Шостакович написал цикл песен «Из еврейской народной поэзии». Он говорил: «Еврейская народная музыка повлияла на меня сильнее всего. Я не устаю ею восторгаться... Она может казаться радостной и в действительности быть глубоко трагичной. Почти всегда это смех сквозь слезы... Каждая настоящая народная музыка прекрасна, но еврейская – единственная в своем роде».

Н. Вовси-Михоэлс вспоминала:

«Не проходило дня, чтобы в газетах не клеймили «безродных космополитов» с еврейскими фамилиями. Конечно же, «Цикл» был откровенным протестом Шостаковича против травли евреев...

Премьера этого сочинения состоялась много позже, после смерти Сталина. Зал, как всегда на концертах Шостаковича, был переполнен... И несмотря на то что «Цикл» исполнялся на русском языке, ведущий старательно «объяснял» текст каждой песни. «Колыбельную», где есть слова: «Твой отец один в Сибири, спи, а я не сплю...» – он прокомментировал так: «Дело происходит в царской России», – и удалился...

Еще долгое время Д. Д. (Шостакович) любил повторять: «Дело происходит в царской России, понимаете, дело происходит в царской России»...»

Шостакович говорил: «Я часто проверяю людей по их отношению к евреям... Для меня евреи стали символом. В них сконцентрировалась вся человеческая беззащитность».

В начале 1953 года арестовали композитора М. Вайнберга, обвиненного в «еврейском национализме», и Шостакович написал письмо на имя Берия с ручательством за Вайнберга – «честного гражданина, очень талантливого молодого композитора, главным интересом которого является музыка».

Н. Вовси-Михоэлс: «Я понимала, какой опасности подвергал себя Д. Д., ручаясь за «врага народа», да еще еврея, да еще зятя Михоэлса... Я была потрясена, благодарна и испугана одновременно. Всё это я высказала Д. Д., но он только застенчиво повторял: «Не беспокойтесь, не беспокойтесь, ничего они мне не сделают». Я отнесла письмо в проходную Кремля. Муж потом вспоминал, как следователь с удивлением сказал ему: «Твои дружки-то за тебя заступаются»...»

Д. Шостакович (о послевоенном периоде): «Это было скверное время для евреев. Впрочем, для них всегда было скверное время... Бацилла (антисемитизма) еще слишком живуча. Никто не знает, умрет ли она когда-нибудь».

Кампанию против группы «антипатриотических театральных критиков» начали по команде Сталина – это подтверждают разные свидетельства. Однако через малое время он вызвал редакторов газет и журналов и сказал: «Товарищи, раскрытие литературных псевдонимов недопустимо – это пахнет антисемитизмом...»

К. Симонов: «После я понял, что Сталин сыграл перед нами, интеллигентами, спектакль». (Опять «вождь народов» оказался «человечнее» своих подчиненных и с высоты собственной «непогрешимости» наслаждался, должно быть, этой ситуацией.)

Выражение «беспачпортные бродяги в человечестве» впервые применил в своей статье русский критик девятнадцатого века В. Белинский. Ему же принадлежат слова, которые использовала советская пропаганда: «Космополит есть какое-то ложное, бессмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, существо безнравственное, бездушное, недостойное называться священным именем человека».

Понятие «космополит» было неизвестно большинству населения СССР; мало кто знал, что «космополит» («*kosmopolites*») в переводе с греческого языка означает «гражданин мира». Карл Маркс, чьи портреты висели по всей стране, утверждал: «Я – гражданин мира», однако в «Словаре иностранных слов» сказано (1954 год): «Космополитизм – отрицание патриотизма под фальшивым лозунгом «человек – гражданин мира»... Космополитизм – идеологическое оружие современного империализма, особенно США, стремящегося к порабощению народов...»

Борьбу с космополитами вели также именитые драматурги, которые создавали посредственные пьесы «для народа» и становились объектом критики. Среди обличителей выделялся дважды лауреат Сталинской премии А. Суров; о нем писали в газетах, что

Суров «прокладывает новую лыжню в искусстве», а при чтении его пьес «растут крылья».

Впоследствии выяснилось, что пьесы сочинял для него «литературный негр», обвиненный в космополитизме критик Я. Варшавский, и Сурова исключили из Союза писателей.

В начале 1947 года ЦК партии принял постановление о научных кадрах в институтах Академии наук СССР, где говорилось о чрезмерном количестве лиц еврейской национальности. Провели аттестации среди заведующих отделами и лабораториями, и секретариат академии доложил о процентном уменьшении евреев «в отделении экономики и права... в отделении химических... физико-математических... и технических наук».

Отделение технических наук академии сообщило, что в 1952 году 123 человека закончили аспирантуру и докторантуру – среди них не оказалось ни одного еврея (подобного не случилось за все предыдущие годы советской власти).

Ответственный сотрудник аппарата ЦК партии разъяснил популярно на партийном собрании в подмосковном городе (1949 год): «Вот мы говорим – космополитизм. А что это такое, если сказать по-простому, по-рабочему? Это значит, что всякие мойши и абрамы захотели забрать наши места!»

Очерк восемьдесят второй

Закрытие Еврейского антифашистского комитета.
Уничтожение остатков еврейской культуры

1

Нападки на руководителей Еврейского антифашистского комитета начались в годы войны; их обвиняли в том, что преувеличивают свою роль в жизни страны, «вмешиваются в дела, в которые они не должны вмешиваться», «присвоили себе право выступать от имени всего советского еврейства». Это были первые признаки будущих гонений, но комитет еще существовал, его сотрудники поддерживали связи с еврейскими общинами других стран для оказания помощи Советскому Союзу, его руководители не подозревали, какая участь их ожидает в недалеком будущем.

В 1946 году специальная партийная комиссия предложила распустить ЕАК, руководство которого «оказалось в плену буржуазной сионистской идеологии», а потому деятельность комитета «становится политически вредной» и способствует «подогреванию сионистских настроений». Подготовили проект постановления о закрытии, однако Сталин, по всей видимости, полагал, что комитет может еще принести некую пользу, и он просуществовал недолгое время.

На ответственные посты в комитете – «для укрепления руководства» – были назначены доверенные лица; они докладывали в ЦК партии и в

органы безопасности обо всем, что происходило в ЕАК, «о всех посетителях, беседах, впечатлениях и письмах».

В 1946 году руководители ЕАК предложили создать в Москве еврейский клуб – в просьбе было отказано; отказали и антрепренеру из Нью-Йорка, который пригласил Московский еврейский театр на гастроли в США.

2

После гибели Михоэлса его имя присвоили Московскому еврейскому театру и Еврейскому театральному училищу, учредили стипендии имени С. Михоэлса для студентов – будущих актеров, на экранах страны показывали документальные кадры его похорон, предложили даже переименовать Малую Бронную, на которой располагался театр, в улицу С. Михоэлса, однако этого не произошло.

Не успели замолкнуть траурные речи, не успели завершиться вечера памяти погибшего, а министр государственной безопасности уже докладывал Сталину в марте 1948 года: «Бывший председатель президиума Комитета Михоэлс С. М., известный еще задолго до войны как активный националист, был своего рода знаменем националистически настроенных еврейских кругов. Михоэлс стянул в Комитет своих единомышленников из числа еврейских националистических авторитетов...»

В донесении перечислялись эти «авторитеты»: Д. Бергельсон, И. Добрушин, Л. Квитко, П. Маркиш, И. Фефер, академик Л. Штерн, И. Юзефович, а также «писатель Галкин С. З., главный врач Боткинской больницы Шимелиович Б. А., артист Еврейского театра Зускин В. Л., академик Фрумкин А. Н. и др.», использовавшие «Еврейский антифашистский комитет как прикрытия для проведения антисоветской работы».

Доклад министра завершился таким образом: «Среди арестованных за последнее время еврейских националистов... разоблачен ряд американских и английских шпионов, которые... вели подрывную работу».

В сентябре 1948 года арестовали в Киеве «кадрового сиониста», поэта Д. Гофштейна, члена ЕАК; после приезда в Москву Г. Меир он послал ей поздравительную телеграмму, предложив возродить в СССР язык иврит.

Деятели ЕАК догадывались, что ситуация стала угрожающей; не случайно И. Фефер сказал после демонстрации евреев у московской синагоги: «Этого нам никогда не простят». Дни комитета были сочтены, однако его руководители всё еще проявляли на заседаниях необходимое едино-

душие: «Выражая наше сочувствие народу Палестины, мы никогда не выражали сочувствия государству Израиль и сионистам...» – «К сионизму мы относились и относимся как к сугубо реакционному движению...» – «Надо показать, что Израиль не может быть родиной евреев...»

20 ноября 1948 года Политбюро приняло решение (под грифом высшей секретности «Особая папка»): «Немедля распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставяет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого Комитета закрыть, дела Комитета забрать. Пока никого не арестовывать».

На следующий день провели обыск в здании ЕАК и в редакции газеты «Эйникайт»; помещения опечатали, конфискованные архивы увезли на Лубянку, чтобы использовать для подготовки «дела ЕАК». В те же дни пришли с обыском в Московский еврейский театр и закрыли книжное издательство «Дер Эмес» («Правда»). «Они ломали в типографии наборные кассы, они всё уничтожали. Рукописи, которые мы не успели даже рассмотреть, а некоторые только что приняли к печатанию, – они всё жгли, всё рвали, всё уничтожали. Не люди, а варвары, я повторяю: варвары, которые напали на мирное село и всё разграбили...»

Израильский дипломат передал в Тель-Авив в те дни: «Вывеска Еврейского антифашистского комитета снята. Считаем, что организация закрыта».

3

И. Эренбург, по всей видимости, понимал, какая опасность надвигается на евреев Советского Союза, и через неделю после закрытия ЕАК попытался предостеречь сотрудников израильской миссии. М. Намир сообщал из Москвы: «На приеме у албанцев я больше часа беседовал с Эренбургом... Он продолжает придерживаться позиции, что Израиль должен принимать только жертв преследований. В России нет еврейского вопроса, и он дружески советует оставить любые попытки втянуть их в сионизм и репатриацию – иначе на нас разозлятся и власти, и представители местной еврейской общины».

Указание «Пока никого не арестовывать» продержалось недолго. В первых числах января 1949 года из Москвы разослали закрытое письмо в обкомы партии и ЦК союзных республик, оповещающая партийных руководителей: «Советское правительство решило Еврейский антифашистский комитет закрыть, а лиц, уличенных в шпионаже, арестовать».

В январе попали на Лубянку члены президиума ЕАК Давид Бергельсон, Лейб Квитко, Соломон Лозовский, Перец Маркиш, Борис Шимелиович, Лина Штерн, Иосиф Юзефович. В декабре предыдущего года были арестованы поэт Ицик Фефер и артист Вениамин Зускин, который после гибели Михоэлса стал художественным руководителем Еврейского театра.

Это ему сказал Михоэлс за несколько дней до поездки в Минск, указывая в кабинете на свой стол: «Скоро ты будешь сидеть вот на этом месте...»

Вениамин Зускин с дочерью (слева) и ее подругой. Москва, Тверской бульвар, 1947 год

Из воспоминаний А. Зускиной-Перельман (после ареста отца):

«Как-то вечером я сидела дома и учила уроки. Мама рядом вполголоса, чтобы мне не мешать, репетировала какую-то песенку. Сначала я не прислушивалась, а потом узнала мотив песенки из маминой роли рыночной танцовщицы в новой версии «Колдуньи»...

И вдруг я обращаю внимание, что она поет совсем другие, незнакомые слова. Первоначально слова были такие:

Дайте грошик, дайте грош,
Мой жених был так хорош,
Но пропал он и сюда
Не вернется никогда...

В новом тексте не было и намека на пропавшего жениха и страдающую невесту... Дирекция театра заставила маму заменить слова, «чтобы не вызывать ненужные ассоциации»...»

Э. Ковенская, актриса театра: «Одно из последних представлений «Колдуньи» Гольдфадена. Жена Зускина... пела на новые слова и плясала, а в глазах ее стояли слезы...»

Г. Меир:

«В январе 1949 года стало ясно, что русские евреи дорого заплатят за прием, который они нам оказали, ибо для советского правительства радость, с которой они нас приветствовали, означала «предательство» коммунистических идеалов...

Еврейскую газету «Эйникайт» закрыли. Еврейское издательство «Эмес» закрыли. Что из того, что они были верны линии партии? Слишком большой интерес к Израилю и израильтянам проявило русское еврейство, чтобы это могло понравиться в Кремле.

Через пять месяцев в России не осталось ни одной еврейской организации, и евреи старались к нам больше не приближаться».

4

Играли «Фрейлехс». Удивительный «Фрейлехс». «Свадебный карнавал в двух актах». Спектакль-мемориал.

Траурная музыка в начале – чистая, строгая.

Семь свечей в темноте и одинокая звезда.

Лица, освещенные зыбким пламенем. Неподвижные силуэты. Скорбные глаза. Обряд поминания. Память о еврейских жертвах во все времена. Неистощимая вера в будущее.

Это был веселый спектакль. С песнями. С плясками. Стремительно разворачивалась в танце счастливая свадьба.

«Мы соберем всю тоску в мире и сотворим из нее любовь...»

Уже актеры догадывались о скором закрытии театра. Уже отдергивался мрачный полог, за которым – мрак, ужас, бездонная пустота вселенского страха. Но спектакль шел. Труппа Московского еврейского театра играла веселый карнавальный «Фрейлехс»...

Э. Ковенская: «Весь год не было с нами ни Михоэлса, ни Зускина, был только страх, страх, страх...»

В 1948 году газетные рубрики «Сегодня в театрах» оповещали москвичей об очередных спектаклях «Государственного еврейского театра им. С. М. Михоэлса». С января 1949 года театр стали именовать без упоминания Михоэлса – «Государственный еврейский театр», с марта – просто «Еврейский театр».

Зрители боялись ходить на спектакли, ибо по городу ходили слухи о сионистских заговорах за стенами театра и складах оружия в его подвалах; зрители из солидарности покупали абонементы, но спектакли шли в полупустых залах. Уже закрыли училище имени С. Михоэлса, так как отпала «необходимость подготовки новых актерских кадров для еврейских театров». Арестовали драматургов театра – Маркиша, Бергельсона и Галкина, Шнеера и Добрушина; не было новых спектаклей, а только вялые репетиции без надежды на премьеру.

Актеры уничтожали по ночам фотографии и письма, старые театральные программы с именами Михоэлса и Зускина, книги Гофштейна, Фефера и Квитко, роли из пьес опальных драматургов. Даже песенники рвали на всякий случай. Даже книги еврейских классиков. Сохраняли кое-что – через страх, через чудовищные колебания, в тревоге за свою судьбу. Это кое-что и было самое дорогое – так определялись истинные ценности.

В театр не назначали главного режиссера; актеры и работники не получали зарплату, только ничтожные авансы, на которые жили впроголодь.

ИЗВЕСТИЯ 12.11.1949 СЕГОДНЯ В ТЕАТРАХ
ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР -
Стоит жить!

ИЗВЕСТИЯ 16.11.1949 СЕГОДНЯ В ТЕАТРАХ
ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР -
Гершеле Острополер.

Последние рекламные объявления о спектаклях Московского еврейского театра

Наконец Комитет по делам искусств сообщил в ЦК партии: «Большая часть спектаклей театра... снята с репертуара в связи с тем, что авторы оказались врагами народа. Репертуар театра неудовлетворителен и страдает национальной ограниченностью... Творческий состав театра в большой степени засорен людьми, не заслуживающими политического доверия...»

12 ноября они сыграли спектакль «Стоит жить», 16 ноября – «Гершеле Острополер», и на этом всё закончилось. Еврейский театр в Москве закрыли 1 декабря 1949 года – «в связи с его нерентабельностью»...

5

Это было время, когда по обвинению в «буржуазном национализме» отправляли за решетку или в расстрельные камеры деятелей культуры разных народов Советского Союза. Карательные органы преследовали даже намеки на независимые национальные устремления, которые могли выйти из-под контроля и расшатать советскую державу, а потому наказания за это полагались суровые. Писатели, поэты, режиссеры Украины, Белоруссии, Грузии, других республик страны исчезали в лагерях, однако газеты, журналы и театры на языках этих народов продолжали существовать, шла некая культурная жизнь, ограниченная жесткими цензурными рамками, – с еврейской культурой всё произошло иначе.

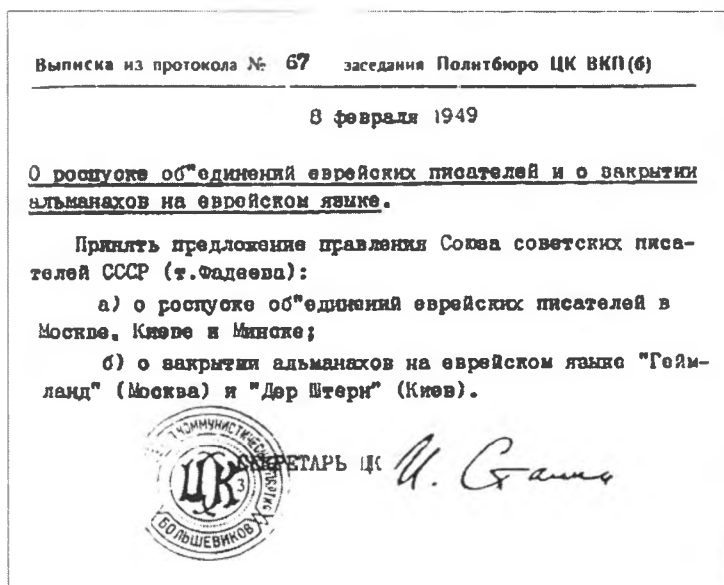
Власти в Кремле желали скорейшей, насильственной ассимиляции евреев, а для этого следовало полностью ликвидировать еврейские культурные и научные учреждения, закрыть газеты, журналы, театры, языком которых был идиш. Эти гонения начались в Москве и сразу же распространились на все республики Советского Союза.

У еврейского театра в Минске не было своего помещения, не хватало зрителей после гибели белорусских евреев в годы войны, и театр не мог прожить без дотации. В начале 1948 года многим театрам страны – в том числе и еврейским – сократили государственные субсидии, а затем их отменили совсем. Минский еврейский театр обвинили в пропаганде «проамериканских настроений» и расформировали в марте 1949 года – из-за недостаточного количества зрителей и отсутствия репертуара, соответствовавшего идеологическим требованиям.

Еврейский театр в Одессе лишили дотации и закрыли в конце 1948 года. Еврейские театры в Черновцах и Биробиджане – та же судьба, год закрытия 1949-й, сентябрь–октябрь. Перестали существовать и самодеятельные драматические коллективы разных родов.

В довоенные годы в стране работало несколько еврейских издательств, однако после войны существовало лишь издательство «Дер Эмес», выпускавшее книги на идиш. С лета 1947 года появились литературные альманахи «Геймланд» («Родина») в Москве, «Дер Штерн» («Звезда») в Киеве и «Биробиджан» в Еврейской автономной области. Однако в начале 1949 года Сталин подписал постановление о роспуске объединений еврейских писателей в Киеве, Москве и Минске и о закрытии альманахов «Геймланд» и «Дер Штерн», так как в них публиковали произведения «националистического характера и сионистского направления».

Это решение немедленно одобрили в Союзе писателей СССР, осудив «затхлую атмосферу» в объединении еврейских писателей Москвы, где «орудовали» до ареста «нусиновы, феферы, маркиши, квитко, галкины». На это решение откликнулись и в Киеве: «Альманах «Дер Штерн»... культивировал националистические настроения, местечковую психологию и дошел до того, что в отдельных произведениях ставил знак равенства между евреем советским и зарубежным».

Выписка из протокола заседания Политбюро за подписью И. Сталина

Во время войны существовали в стране лишь тбилисский Историко-этнографический музей евреев Грузии и киевский Кабинет по изучению еврейской советской литературы, языка и фольклора, который успели эвакуировать. Весной 1944 года Кабинет вернулся в Киев, его сотрудники начали заново собирать библиотеку, подготовили к изданию научные исследования и русско-еврейский словарь, отправили в Черновцы фольклорную экспедицию для записи песен партизан и узников гетто.

В январе 1949 года это единственное в СССР научное учреждение по изучению еврейской литературы было ликвидировано; его сотрудников и руководителя профессора Э. Спивака арестовали. Работник Кабинета вспоминал: «В освобожденном помещении начался ремонт. Чтобы не запачкать паркет побелкой... на пол полетели десятки тысяч каталожных карточек – огромная уникальная картотека Кабинета, списки уникальных книг, рукописей... фольклорных находок на еврейском, украинском, русском, белорусском, польском, немецком, английском, французском языках... Спасти удалось лишь считанные карточки – воспоминания о свершившемся вандализме...»

А. Крихели, директора Историко-этнографического музея евреев Грузии, арестовали в 1949 году и осудили на 10 лет лагерей; через два года музей закрыли, часть его материалов уничтожили по распоряжению ликвидационной комиссии.

С 1945 года в Вильнюсе существовал Еврейский музей. Его сотрудники собирали книги, газеты, фотографии, обрывки документов и дневников, которые разыскивали в развалинах бывшего гетто. В 1949 году Еврейский музей превратили в Краеведческий; экспонаты и архивные материалы разослали по музеям и научным учреждениям Литвы.

В январе 1949 года ликвидировали еврейскую редакцию Радиокомитета в Москве за проведение «националистической линии в вещании за границу» на языке идиш. Прекратили передачи местного радио на идиш в Киеве, Минске, Кишиневе, Львове и Одессе. Во Львове закрыли еврейскую библиотеку, восстановленную после освобождения города, часть книг отправили на переработку; в Одессе забрали из библиотек и уничтожили еврейские книги и журналы дореволюционного периода.

Произведения арестованных еврейских писателей и поэтов вошли в общий список запрещенных изданий, их изымали из магазинов и библиотек; в тот же список попала и антология народной еврейской поэзии, переведенная на русский язык. По мнению цензоров, эта антология допустила «проникновение буржуазных националистов в литературу», потому что в ней была помещена народная колыбельная песня: «Бай, бай, вырастешь большой, поедешь в Америку, там белый хлеб...»

6

Вениамин Файн, свидетельство современника:

«В сорок восьмом году я приехал в Москву учиться, и кроме того, у меня было твердое намерение изучить иврит.

Я пошел в Ленинскую библиотеку, порылся в каталоге и к своей радости нашел книгу – самоучитель иврита. Взял эту книгу и начал ее переписывать. Каждый день. По одной главе. Переписывал примерно полторы недели, а затем эта книга пропала. Мне ее больше не выдали.

Я пошел в библиографический отдел. Там сидел еврей, и он сказал, что книгу я больше не получу, но что, возможно, он будет меня учить.

Я очень обрадовался. У него был настоящий иврит. На другой день, когда я снова пришел, он ответил – нет. И тогда я решил: в таком случае буду изучать идиш. Пошел в редакцию «Дер Эмес», и мне сказали: «Очень хорошо, молодой человек! Очень похвально! Мы вам дадим книги, учебники. Приходите через месяц, мы всё подберем».

Я пришел через месяц. Там был очень странный вид, в этой редакции, будто только что после погрома. Сидела вахтерша, старая еврейка, и она сказала: «Ой! Вы разве не знаете? Всех же арестовали...»

Тогда я стал ходить в еврейский театр, который еще существовал. Мне хотелось находиться в помещении, где одни евреи, было интересно слушать язык, музыку...

Это продолжалось месяца три, по-моему. Я ходил регулярно. И театр тоже закрыли...»

7

И. Эренбург получал письма из разных городов страны:

«Мои дети – евреи по мужу. У меня сын 26 лет. Он математик и талантливый математик... за семь месяцев закончил аспирантуру и защитил диссертацию... Вот уже год, как ищет себе работу. Везде непроходимая стена, везде безнадежность...»

«О поступлении в Винницкий институт и речи быть не может – преимущество коренному населению. Такая же история в Одессе, Киеве, в других городах...»

«Даже русскому, случайно имеющему еврейскую фамилию, отказывают на «законном основании» в приеме на работу... Увольняют нас теперь первыми и принимают на работу последними... Кто же мы, в конце концов? Люди второго сорта, низшей расы или белые негры?..»

В конце 1949 года в ЦК партии пришло письмо от еврейки С. Хляп, которая взывала к руководителям страны «от своего имени честного советского гражданина и коммуниста, от имени моего погибшего в боях с фашизмом сына, от имени моей сестры, заживо захороненной нацистами с ее двумя детьми». Автор письма возмущалась тем, что «возродили замаскированную процентную норму для евреев... развязали всю эту чумную расистскую чехарду в советских квартирах, в быту»: «Почему молчит ЦК?»

Почему молчит правительство?.. Товарищ Сталин, помогите... Задыхаюсь от великорусского шовинистического антисемитского гнета, ни жить, ни работать не могу...»

По всей стране шли увольнения, запугивания, аресты преставителей интеллигенции разных национальностей, среди которых было немало евреев – деятелей культуры, искусства и науки. Отправили в лагеря исполнителей еврейских песен С. Любимова, З. Шульмана и М. Эпельбаума; осудили будущего кинорежиссера М. Калика и композитора А. Веприка, обвиненных в «еврейском буржуазном национализме».

«Мы уважали Веприка и помогали ему, чувствуя полную его оторванность от жизни... – вспоминал его сокамерник. – Заключенные обязаны были по очереди выносить в туалет тяжелую парашу. Веприка мы освобождали от этой «почетной» миссии...»

Киевского музыковеда М. Береговского, автора пятитомной работы «Еврейский музыкальный фольклор», приговорили к 10 годам лагерей с конфискацией имущества; литературоведа И. Нусинова арестовали в 1949 году, и вскоре он умер в московской тюрьме; оказался в заключении и А. Старцев, один из авторов «Истории американской литературы», признанной «идейно порочной» книгой.

Особенно обрушились на литераторов, которые писали на идиш. В Минске арестовали поэта А. Платнера, в Вильнюсе – Г. Ошеровича, в Кишиневе – Я. Штернберга и Я. Якира, в Черновцах – М. Сакциера; прозаику С. Гордону суд назначил наказание – 15 лет лагерей; оказались в тюрьме поэты А. Гонтарь, М. Грубиян, М. Тейф.

На Украине осудили еврейских писателей Х. Вайнермана, И. Друкера и Н. Лурье. Статьи обвинения не оставляли надежды на снисхождение: «окончательно скатились на путь национализма и открытой борьбы с советской властью», занимались «шпионской деятельностью в пользу США», «всячески популяризировали буржуазную литературу и печать», «обвиняли советское правительство в государственном антисемитизме».

А. Борщаговский: «На всех на них... лежал тяжкий грех – они писали по-еврейски. Они будто не понимали, что еврейская фраза, поговорка, книга, еврейский спектакль, да и просто – произнесенное слово или спетая песнь тормозят процесс ассимиляции...»

Среди прочих были осуждены на Украине еврейские писатели и поэты – М. Альтман, Р. Балясная, И. Бухбиндер, А. Губерман, В. Гутянский, Н. Забара, А. Каган (25 лет лагерей), И. Кипнис, Н. Кон, М. Пинчевский (умер в заключении), Г. Полянкер, М. Сакциер, М. Талалаевский.

Писатель Натан Забара. Тюремная фотография

Израильский посланник М. Намир сообщал из Москвы в конце 1949 года:

«Синагога была набита до отказа... но в отличие от прошлого года никто не решился обратиться к нам. Лишь тысячи глаз были устремлены на нас...

В этом году усилилась неприязнь к евреям... На предприятиях и в учреждениях раздаются открытые призывы: «Убирайтесь в свое государство, в Израиль...»

Многие опасаются, что скоро начнется депортация из Москвы...»

8

Й. Йосаде, писатель (Вильнюс):

«Я жег ночами свои рукописи, дневники, книги и – плакал. Рассматривая каждую бумажку, говорил себе: «Это часть твоей души». Держа в руках книги Дубнова или гениального Бялика, я вспоминал, что вырос, читая и перечитывая их. Хорошо помню те слезы и свой страх...

Однажды я машинально протянул руку за очередной книгой, чтобы отдать ее пламени, и – вздрогнул. Это была Тора... Со мной случилась истерика... Эту книгу я сжечь не мог... Отнес в другую комнату, засунул в шкаф, где висели вещи жены, в самый дальний угол...

Всё это продолжалось довольно долго... Зима. Сильные морозы. Печи топили часто. И бумажный пепел – от сожженных книг и рукописей – я тогда постоянно видел на снегу. Потом узнал: еврейские книги сжигали многие...»

Органы безопасности докладывали о высказываниях еврейской интеллигенции: «Очень хорошо было бы сейчас уснуть на некоторое время и проснуться, когда всё будет спокойно...» – «Сейчас надо молчать... Больше никаких разговоров о Палестине я не веду, да и вам не советую...» – «Я теперь боюсь разговаривать. Сижу дома и не хочу ни с кем встречаться...» – «Мне всегда жутко, когда аресты начинаются...»

Из разговора евреев в те дни: «Помните осень 1941 года? Бомбежки? Как спокойно было тогда жить...»

В 1949 году поэт А. Вергелис направил письмо в партийное бюро Союза писателей с характеристиками на арестованных поэтов и писателей:

«Оголтелый сионист Гофштейн наводнял еврейскую литературу националистическими и псевдофилософскими творениями...»; «Маркиш начал свое шествие по советской литературе... пасквилем на советскую действительность...»; «Бергельсон... выступал со злостными антисоветскими статьями...»; «националист И. Кипнис окольным путем напечатал свой пошлый рассказ в иностранной еврейской газете...»; «националистический бред (Дер Нистера) печатался и восхвалялся только в угоду американским почитателям «искусства для искусства»...

Остается одно желание... стряхнуть с себя даже воспоминание о мерзавцах, доведших еврейскую литературу до ничтожества, и новыми произведениями... снова занять место среди советских писателей».

В конце 1948 года был уволен из ТАСС фотокорреспондент Е. Халдей. Более года он не мог устроиться на работу и жаловался в ЦК партии: «В течение всех четырех лет войны я был непосредственным участником обороны и штурма Севастополя, Кавказа, штурма Новороссийска, десанта в г. Керчь. С передовыми частями советских войск я вступал в Бухарест, Софию, Будапешт, Белград, Вену и Берлин...»

Снимки Халдея военных лет вошли в фотолетопись той войны; самый знаменитый из них стал символом победы – водружение красного флага над рейхстагом. Халдею разъяснили в ЦК партии, что «ему никто не запрещал работать в печати», однако секретарю ЦК доложили иное: Халдей не может быть «использован в работе в печати, поскольку уволен по рекомендации органов безопасности».

В 1948 году евреи составляли среди лауреатов Сталинской премии в области литературы и искусства более 14%, в 1952 году – около 9%; в области науки в 1948 году более 15%, в 1952 году – около 6%. Общее количество евреев – лауреатов Сталинской премии понизилось за эти годы с 17% до 6,5%.

Из письма Сталину академика Н. Гамалея: «Я узнал, что арестованы близкие мои друзья, академики Лина Штерн и Якуб Парнас, а также... доктор Б. Шимелиович... Я никогда не поверю, что эти люди совершили тяжкое преступление, за которое их следует лишать свободы... Арест... является проявлением одной из форм того антисемитизма, который, как это ни странно, пышным цветом расцвел в последнее время в нашей стране...»

Биохимик Я. Парнас – польский еврей из Львова, в прошлом профессор Варшавского и Львовского университетов – был действительным членом Академии наук СССР и академий разных стран, директором Института биологической и медицинской химии, лауреатом Сталинской премии. Его арестовали в январе 1949 года, и через несколько дней он умер в тюрьме.

В конце 1950 года отдел пропаганды и агитации ЦК партии доложил секретарю ЦК о готовящейся постановке оперы в Большом театре:

«Опера «Самсон и Далила» Сен-Санса посвящена известному библейскому эпизоду борьбы евреев с филистимлянами. В центре ее действия древнееврейский герой Самсон... В опере, безусловно, имеются мессианские, библейско-сионистские черты... Можно привести целый ряд примеров... Хор евреев «Настало наше время»... «Празднуй, Израиль, солнце вновь засияло. Пал извечный твой враг...» Заключительные реплики Самсона приобретают... многозначительное символическое значение: «Пришла, пришла пора отмщенья!»

Постановка этой оперы, отдельные ее эпизоды могут сыграть отрицательную роль стимула для разжигания сионистских настроений среди еврейского населения... Просим ваших указаний».

Последовало соответствующее указание, и Большой театр прекратил работы по постановке оперы «Самсон и Далила».

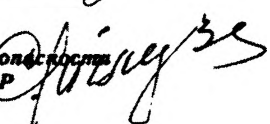
Из воспоминаний (Витебск):

«В нашей семье была толстая книга на языке идиш – Шолом-Алейхем, «Избранное». Папа хорошо читал на идиш и знал местечковый диалект. Когда он читал, мы умирали от смеха.

Однажды отец пришел с работы раньше времени, взял эту книгу и сказал, что ее надо срочно сжечь. Он сел на стульчик перед печкой, долго смотрел на книгу, а потом бросил ее в огонь. Я стояла сзади него и видела, как плечи его вздрагивают. Я заглянула в лицо – по щекам текли слезы.

Потом он сказал маме, что, возможно, к нам придут с обыском...»

Очерк восемьдесят третий

СССР	
МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
ОРДЕР №3-69	
февраля 10 дня 1953 г.	
Выдан	<u>научно-исследовательскому 315 филиалу 24</u>
на производство:	<u>ареста и обыска</u>
<u>Вейцман</u>	
<u>Марию Евзоровну</u>	
Место для печати	Зам. Министр Государственной Безопасности Союза ССР

Судебные процессы первых послевоенных лет.
Массовые увольнения евреев. «Дело М. Вейцман»

1

После войны в Министерстве государственной безопасности СССР работало специальное управление, которое пересматривало прежние дела, «необоснованно сданные в архив», арестовывало «враждебные и антисоветские элементы», в свое время не попавшие за решетку. Это управление завербовало десятки тысяч тайных осведомителей к выявлению «внутренних врагов»; в нем был создан особый отдел для борьбы с сионизмом и еврейским национализмом.

Следователь М. Рюмин показал после смерти Сталина: «С конца 1947 года в работе следственной части по особо важным делам начала отчетливо проявляться... тенденция рассматривать лиц еврейской национальности потенциальными врагами советского государства...»

В. Гроссман:

«Государственный антисемитизм – свидетельство того, что государство пытается опереться на дураков, реакционеров, неудачников, на тьму суеверных и злобу голодных. Такой антисемитизм бывает на первой

стадии дискриминации – государство ограничивает евреев в выборе местожительства, профессии, праве занимать высшие должности, в праве поступать в учебные заведения, получать научные степени и т. д.

Затем государственный антисемитизм становится истребительным...»

2

В 1949 году арестовали группу евреев Ярославского автомобильного завода; они вели «антисоветские разговоры» о том, что борьба с космополитизмом является на самом деле антиеврейской кампанией и усиливает антисемитизм. Из обвиняемых «выбили» признание, что главный инженер завода, лауреат Сталинской премии А. Лившиц руководил ими, и его тоже отправили в лагерь.

В 1950 году в Ростове попали на скамью подсудимых работники Научно-исследовательского института эпидемиологии и микробиологии. Их обвинили в умалении достижений советской науки и восхвалении науки на Западе, а также в «изменническом» желании уехать в Израиль. Б. Бир, Б. Гологорский, Н. Грозовский, Б. Зильберман и Я. Тарлавский были приговорены к 25 годам лагерей, А. Мильштейн и С. Пайкина – к 10 годам.

В 1951 году министр государственной безопасности сообщил в ЦК партии, что «считает необходимым» арестовать раввина московской синагоги Ш. Шлифера. Оснований для этого было немало: Шлифер «организовал торжественные богослужения» в честь образования государства Израиль, призывал верующих евреев к «единению и спайке» и утверждал, что «синагога в условиях СССР – единственное легальное учреждение, где евреи могут поднять свои голоса». Кроме того, раввин Шлифер являлся членом Еврейского антифашистского комитета и был «близко связан с активными еврейскими националистами», которых уже арестовали.

Шлифер остался на свободе, однако в Москве арестовали престарелого И. Авербуха и несколько религиозных евреев, постоянно посещавших синагогу.

Осенью 1951 года израильский дипломат передавал из Москвы: «В праздничные дни посетили синагогу... Вокруг нас атмосфера напряженности, страх приблизиться... Шпионы внутри синагоги следили за каждым нашим шагом...»

В марте 1952 года попал в тюрьму академик Б. Збарский, руководитель лаборатории по сохранению останков В. Ленина. Збарский дружил с Михоэлсом и другими деятелями ЕАК; Сталину докладывали об его

«антисоветских высказываниях», но окончательно судьба академика была решена, когда под его руководством провели неудачное бальзамирование останков монгольского маршала Х. Чойбалсана.

Следствие обвинило Збарского во «вредительском» бальзамировании маршала, в разглашении секретных сведений о работе лаборатории, а также в подборе кадров по «национальному признаку». К следственному делу даже приложили высказывание американского журналиста; узнав о деятельности Збарского, он воскликнул: «Значит, сохранность тела Ленина находится в руках евреев!»

Вместе со Збарским попала в тюрьму и его жена. Всех евреев – сотрудников лаборатории при Мавзолее Ленина уволили, кое-кого арестовали. В конце 1953 года Збарского освободили; здоровье его было подорвано, и вскоре он умер во время лекции для студентов.

3

Писатель С. Персов, член Еврейского антифашистского комитета, ездил по всей стране, собирал материалы о евреях-партизанах и бойцах Красной армии, о евреях в науке и промышленности, а ЕАК после цензурной проверки посылал его очерки за границу – среди прочих многочисленных статей о жизни советских евреев.

Писатель
Самуил Персов

Персова обвинили в передаче шпионской информации и расстреляли в ноябре 1950 года. Вместе с ним казнили по тому же обвинению журналистку М. Айзенштадт-Железнову, которая подготавливала очерки

о евреях – Героях Советского Союза. Расстреляли и Н. Левина, главного редактора ЕАК, за отправку в Америку зашифрованных «шпионских сведений».

Персов и Айзенштадт написали несколько очерков о евреях – рабочих Московского автозавода имени И. В. Сталина; ЕАК отправил очерки в США, и это стало одной из статей обвинения работников автомобильного завода.

Хрущев вспоминал: «Там тоже искали происки американского империализма – через сионистов, работающих на заводе. Конечно, чистейшая чепуха. Тут результат произвола и абсолютной бесконтрольности Сталина...»

Были арестованы десятки евреев автозавода, среди которых оказались помощник директора А. Эйдинов (по определению Хрущева, «щупленький, худенький еврей»), главный конструктор завода Б. Фиттерман, главный конструктор по электрооборудованию Г. Гольдберг. На первом же допросе Эйдинова жестоко избили резиновыми дубинками для получения «чистосердечного признания»; избивали других арестованных, и в ноябре 1950 года на скамье подсудимых оказалось более 40 человек – работников автозавода и Министерства автотракторной промышленности.

Основные статьи обвинения: «участники еврейской антисоветской националистической группы... проводили вредительски-подрывную работу... были связаны с американскими шпионами», способствовали Персову и Айзенштадт «в сборе секретных материалов». 11 человек приговорили к расстрелу (среди них был Эйдинов), остальных – к различным срокам заключения, вплоть до 25 лет лагерей. В деле каждого из них записали: «Держать только на общих, тяжелых работах».

Среди осужденных был С. Файман, в прошлом заведующий столовой на автозаводе. Из воспоминаний: «На старости лет Соломон Моисеевич оказался в нашем лагере на Крайнем Севере... И хотя жилось ему очень плохо, потому что работал в шахте, имел срок 25 лет, был инвалидом, болел, Файман не впал в отчаяние, не терял надежду... Он говорил мне: «Всё идет как надо, мы скоро будем дома, Герш Израилевич...» И в конце концов он вернулся домой».

В лагерь попал и И. Жаботинский, начальник цеха московского автозавода: «У него, уже немолодого человека, было очень больное сердце. По состоянию здоровья его следовало полностью освободить от любой физической работы... но в деле Жаботинского имелась надпись: «Только на тяжелых работах»... Несколько дней он пробыл на тяжелой работе, пока не получил инфаркт...»

После смерти Сталина прокуратура определила, что работники автозавода «были осуждены по недостаточно проверенным материалам», очерки Персова и Айзенштадт «секретных данных не содержали».

4

Еще шло следствие по делу работников московского автозавода, а в ЦК партии уже составили список организаций, укомплектованных «политически сомнительными... враждебными элементами», а также большим количеством «лиц еврейской национальности». Летом 1950 года Сталин подписал секретный документ «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров...»; это постановление обязало министров и руководителей ведомств ежегодно сообщать о национальности принятых на работу и уволенных сотрудников.

Так началась массовая антиеврейская чистка по всей стране – в промышленности, науке и культуре, в столичных, областных и районных учреждениях. Ограничивали количество евреев в судах и прокуратуре, удаляли евреев из Министерства иностранных дел и Министерства внешней торговли, из газет и журналов, институтов и научных учреждений. Настоящую причину – еврейское происхождение – не полагалось указывать: понижали в должности, увольняли по надуманному сокращению штатов или за нарушение трудовой дисциплины, принуждали подать заявление об уходе «по собственному желанию», но все – и начальство, и увольняемые – прекрасно понимали истинную причину происходящего.

В райкоме партии Москвы разъяснили новую кадровую политику: «С еврейским засильем идет борьба. Партия очищается от евреев, им никакого доверия. Использовать только некоторых и только по узкой специальности... Максимально освободить учреждения от евреев».

Академика А. Фрумкина сняли с поста директора Института физической химии Академии наук СССР – за поступки «антипатриотического характера». Затем подошла очередь академика А. Иоффе: ему пришлось подать заявление об уходе из Физико-технического института в Ленинграде, который он основал, возглавлял тридцать лет и воспитал знаменитых ученых (будущих лауреатов Нобелевской, Ленинской, Сталинской и Государственной премий).

Во время чистки в Научно-исследовательском институте радиолокации физик М. Леонтович заявил секретарю парткома: «Я не согласен с антисемитским курсом, который сейчас принят партией... Могу назвать инсти-

туты, откуда евреев увольняют в алфавитном порядке только за то, что они евреи». Леонтовича вынудили уйти из института, но без работы он не остался – известному физика предложили заняться исследованиями по разработке атомного оружия, однако и там не обошлось без преследований.

В конце 1950 года в ЦК партии подготовили документ о том, что «среди теоретиков физиков и физиков-химиков сложилась монополярная группа – Л. Д. Ландау, М. А. Леонтович, А. Н. Фрумкин, Я. И. Френкель, В. Л. Гинзбург, Е. М. Лившиц, Г. А. Гринберг, И. М. Франк, А. С. Компанец, Н. С. Мейман и др. Все теоретические отделы физических и физико-химических институтов укомплектованы сторонниками этой группы, представителями еврейской национальности».

Это произошло после того, как состоялось первое успешное испытание советской атомной бомбы. Проектом по ее созданию руководил Л. Берия, физики-евреи были ему необходимы, а потому их не трогали. Ю. Харитон, один из руководителей атомного проекта, вспоминал: «В 1951 году приехала комиссия по проверке кадров... и распорядилась убрать Альтшулера... Я позвонил Берии. Тот спросил: «Он вам нужен?» – «Да», – ответил я. «Хорошо, пусть остается», – сказал Берия. Альтшулера не тронули...»

Более того, Берия поддержал заявление видных ученых страны (среди них были Л. Ландау и А. Сахаров), выступивших против «невежественной критики» теории А. Эйнштейна. Всесильному руководителю атомного проекта разъяснили, что «важнейшие проблемы, стоящие перед советской физикой... не могут быть разрешены без использования теории относительности», и к Эйнштейну стали относиться более терпимо.

Оставались «неприкасаемыми» незаменимые специалисты – авиаконструкторы М. Гуревич и С. Лавочкин, конструктор вертолетов М. Миль, создатель авиационного вооружения А. Нудельман.

С. Аллилуева (из книги «Только один год»):

«Если партии нужна была атомная бомба или спутник, то она не жалела ничего, и таланты, которые не перевелись в России, создавали всё, что угодно. Тут им прощали и забывали их еврейское, немецкое и дворянское происхождение, а вождь одаривал их бесплатными дачами, автомобилями, премиями...»

Правительство эксплуатировало мозг, когда это было ему нужно...»

5

К началу 1946 года среди директоров крупных заводов оборонной промышленности было 9 евреев и 41 русский; среди главных

инженеров этих заводов – 33 русских, 17 евреев, среди руководителей основных конструкторских бюро и НИИ – 10 русских, 4 еврея.

В первые послевоенные годы началось преследование многонациональной инженерно-технической интеллигенции, тех самых специалистов, чьим трудом и талантами обеспечивалась поставка на фронт танков, самолетов, пушек, боеприпасов. Среди них оказалось немало евреев – директоров заводов, главных инженеров и главных металлургов, начальников цехов, работников министерств и научных учреждений. С 1949 года почти на каждом заседании ЦК партии рассматривали вопрос об увольнении евреев, отмеченных в годы войны многими наградами.

В 1950 году С. Гинзбург потерял пост министра промышленности строительных материалов (во время войны был наркомом по строительству, руководил эвакуацией заводов и размещением на новых местах). Тогда же обвинили в «засорении» кадров и уволили С. Сандлера, заместителя министра авиационной промышленности с первых лет войны (по отзыву министра, «расторопного и настойчивого, энергичного и инициативного руководителя»).

Сняли и министра заготовок Б. Двинского – за «серьезные недостатки и ошибки в деле подбора и расстановки руководящих кадров». Среди прочего выяснилось, что работники одной из организаций Министерства заготовок «собираются в служебном помещении для чтения литературы на еврейском языке... ведут разговоры между собой не на русском, а на еврейском языке, организовали сбор денег... на венки артисту Михоэлсу... и глубокой ночью, втайне, организовали посещение его могилы».

Инициатива шла не только сверху – этому немало способствовали и работники на местах, желавшие занять освободившиеся должности и подняться по служебной лестнице. Весной 1950 года из города Миасса Челябинской области поступило в ЦК партии анонимное письмо за подписью «беспартийных большевиков» местного автомобильного завода:

«Мы пришли... к выводу, что социализм находится в опасности, так как все руководящие должности заняты евреями, а они все взоры устремили на Уолл-стрит и предадут нас в грядущей схватке с капитализмом. Народ возмущен и негодует... Когда же наша славная Русь – родина социализма – освободится от американских наймитов, евреев-националистов?..»

Из Москвы послали в Миасс ответственного контролера; с завода изгнали евреев, занимавших руководящие посты, среди них оказался и главный конструктор автозавода А. Айзенберг.

В 1950 году уволили Я. Юсима, директора подшипникового завода в Куйбышеве, – при подходе немцев к Москве он руководил эвакуацией 1-го подшипникового завода и на новом месте наладил производство для военных целей. Юсима отправили руководить крохотным заводом по производству инвалидных колясок; он вскоре заболел и умер, не перенеся унижений и беспокойств в ожидании ареста.

Уволили директора карбюраторного завода в Ленинграде А. Окуня; вслед за ним последовали директор радиолокационного завода под Москвой А. Форштер, директор завода в Йошкар-Оле М. Дунаевский, директора металлургических заводов в Макеевке и Жданове А. Голубчик и П. Коган, главный инженер Харьковского тракторного завода Я. Невяжский.

На московском заводе «Динамо» арестовали директора Н. Орловского и группу евреев. В Новосибирске попал в тюрьму А. Котляр, директор завода по производству оптической продукции. В Челябинске сняли с работы директора электродного завода С. Бая, директора металлургического завода Я. Сокола, директора завода «Оргстекло» З. Шульмана, который в годы войны организовал производство бронестекла для самолетов.

Специальная комиссия провела проверку в ЦАГИ (Центральном аэрогидродинамическом институте) и пришла к выводу, что в институте работали сотрудники, «которых по политическим соображениям следовало бы заменить», – из ЦАГИ уволили около 60 евреев. Такая же участь постигла многих евреев во Всесоюзном институте авиационных материалов и в Научно-исследовательском институте реактивной техники.

В 1950 году из Министерства авиационной промышленности уволили 34 директора и 31 главного инженера предприятий, в основном евреев; среди них оказались В. Берман, И. Виштынецкий, М. Жезлов, И. Левин, М. Лурье, И. Соломонович, Н. Шапиро.

В Наркомате минометного вооружения работало в военные годы около 40 евреев – директоров и главных инженеров заводов; в 1953 году осталось трое.

С. Беленький руководил Челябинским заводом боеприпасов с первого года войны и успешно возглавлял его в течение десяти лет. В 1951 году его уволили, так как выяснилось, что в Аргентине жила с давних времен сестра его жены, с которой у них не было переписки. Через пять лет Беленького пригласили к министру и предложили вновь стать директором завода; во время приема, разволновавшись, он умер от инфаркта – было ему 46 лет.

Д. Бидинский встретил начало войны директором порохового завода в Донбассе. Немцы подошли вплотную к заводской территории, обстреливали ее, но работы не прекращались – заряды для орудий прямо из цехов отправляли на фронт. Затем завод эвакуировали на Урал, и на новом месте сразу же начали изготавливать боеприпасы. Из воспоминаний о Бидинском: «В его работе возникали такие трудности, для преодоления которых требовались сверхчеловеческая энергия, незаурядный ум, знание в совершенстве техники, организаторские способности и опыт».

Генерал-майора Д. Бидинского наградили двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Кутузова, Трудового Красного Знамени – и уволили в 1947 году (в день смерти было ему 65 лет). Одновременно с ним сместили руководителей заводов боеприпасов – это были генерал-майоры С. Невструев и С. Франкфурт.

Б. Фраткин – директор подмосковного завода по производству зенитных орудий, которые защищали Москву от вражеских налетов. В конце 1941 года завод эвакуировали на Урал; монтаж оборудования начинали на пустом месте, в станках замерзали масло и эмульсия, в цехах жгли костры и отапливали помещения, выпуская пар из работавших паровозов, – через месяц завод отправил на фронт первые пушки, а затем и зенитные орудия.

Генерал-майор Б. Фраткин заслужил ордена Ленина и Отечественной войны, два ордена Трудового Красного Знамени, два ордена Красной Звезды. Его уволили с завода в 1947 году, в день смерти Фраткину исполнилось 59 лет.

М. Жезлов – директор московского завода авиационных моторов. Руководил эвакуацией завода в Куйбышев; работы проходили в тяжелых условиях, за годы войны завод выпустил столько же авиационных моторов, сколько все остальные моторные заводы, вместе взятые (награды Жезлова – Герой Социалистического Труда, два ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени).

Генерал-майора М. Жезлова уволили в 1950 году за «засорение кадров режимного объекта политически сомнительными людьми» и назначили руководить небольшим предприятием.

Вместе с Жезловым изгнали с завода начальников отделов, цехов и лабораторий, чьи фамилии говорят сами за себя – Вишневецкий, Гольберт, Гун, Гуревич, Идельсон, Левин, Левит, Левич, Фалиль, Шац.

И. Левин – директор Саратовского авиационного завода. Летом 1943 года немецкая авиация разбомбила цеха и склады, повредила станки

и оборудование; несмотря на огромные разрушения, главный конвейер завода начал работать под открытым небом через 80 дней после бомбардировки, выпуск самолетов возобновили на три недели раньше назначенного срока. В годы войны саратовский завод выпустил 15 000 самолетов-истребителей Як-1 и Як-3, что составило 12% боевых самолетов, изготовленных авиационной промышленностью за то время.

Генерал-майора И. Левина уволили в 1950 году. Он устроился на работу в научно-исследовательский институт, однако в день ареста «врачей-вредителей» Левин получил приказ о новом увольнении.

Л. Гонор – генерал-майор, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, член президиума Еврейского антифашистского комитета, награжден тремя орденами Ленина, орденами Кутузова и Красной Звезды. До осени 1942 года возглавлял артиллерийский завод в Сталинграде, работы по изготовлению пушек и минометов шли в промежутках между налетами немецких самолетов; затем завод эвакуировали в Свердловск, где изготовили для фронта 30 000 орудий и самоходных артиллерийских установок.

После войны Гонор руководил НИИ-88 – первым в СССР Центральным научно-исследовательским институтом ракетостроения, где в то время работал С. Королев, начальник одного из отделов, будущий генеральный конструктор первых советских спутников земли. В 1950 году Гонора отправили на понижение – директором артиллерийского завода в Красноярске, через два года уволили и арестовали за месяц до смерти Сталина, обвинив в «еврейском национализме и сотрудничестве с международным сионизмом».

Гонора пытали на допросах, переломали фаланги пальцев; в апреле 1953 года его освободили и назначили директором Центрального авиамоторного института под Москвой. Изнуряющая работа в годы войны и тюремное заключение не прошли даром: в день смерти Л. Гонору было 63 года.

В 1952 году уволили в запас генерал-майора Х. Рубинчика, директора завода «Красное Сормово» в городе Горьком, где в годы войны изготавливали танки и другие виды вооружения.

Необычна судьба И. Зальцмана, «короля танков», который еще в довоенные годы стал директором Кировского (бывшего Путиловского) завода в Ленинграде. В 1941 году завод выпускал в сутки по 10 тяжелых танков КВ под непрерывными налетами немецкой авиации; в сентябре того года Зальцману присвоили звание Героя Социалистического Труда – он стал первым Героем Труда среди евреев Советского Союза.

Затем завод эвакуировали в Челябинск; Зальцман руководил гигантским «Танкоградом», на котором в годы войны изготавливали танки

КВ, Т-34, ИС, выпускали двигатели и самоходные артиллерийские установки (в 1942–1943 годах Зальцман был наркомом танковой промышленности страны; его награды – три ордена Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, ордена Суворова, Кутузова, Красной Звезды).

Летом 1949 года Сталин подписал постановление о снятии генерал-майора И. Зальцмана с поста директора «Танкограда»; среди прочего его обвинили в засорении завода «людьми, не заслуживающими политического и делового доверия» (в списке присутствовали главным образом еврейские фамилии). Обвинили и в связях с Михоэлсом: по его просьбе Зальцман отправил в Москву лес, кровельное железо и прочие строительные материалы для ремонта здания Еврейского театра.

Это было время, когда в МГБ собирали материал по «ленинградскому делу», и Зальцману предложили «помочь раскрыть преступную антипартийную группу». Он отказался; против него начали собирать обвинительные материалы, но «королю танков» повезло: его исключили из партии за «недостойное поведение» и отправили работать мастером на небольшой завод в городе Муроме.

После увольнения Зальцмана изгнали с Челябинского завода около 400 евреев – начальников цехов и отделов, конструкторов, технологов, рабочих.

7

В конце 1945 года руководители Еврейской автономной области обратились к Сталину с просьбой – преобразовать область в автономную республику для «дальнейшего развития еврейской социалистической государственности в СССР». Просьбу отвергли как необоснованную, и вскоре руководителям ЕАО припомнили это проявление националистической деятельности.

Современник свидетельствовал: «Антиеврейское безумие, распространившееся из Кремля в конце 1948 года, не пощадило и Биробиджана... Любая еврейская активность... всё, на чем лежала печать еврейского... превратилось теперь в доказательство преступного...»

Летом 1949 года Политбюро установило, что в Еврейской автономной области «длительное время орудовала группа националистов, пропагандировавшая в области сионистско-националистические взгляды». Прислали из Москвы нового секретаря обкома, и водитель его автомашины

вспоминал впоследствии: «Первую фразу Симонова в аэропорту я запомнил до конца жизни. Он спросил у меня: «Ну что, товарищ Борунов, расхулиганились еврейчики?.. Ну ничего, ничего, мы порядок наведем». Я был сконфужен и несколько растерян. Тогда Симонов еще не знал, что я, его личный водитель, – еврей по национальности».

Вскоре после этого на партийной конференции заклеили евреев – руководящих работников области. Список их прегрешений был велик: «встали на путь искусственного насаждения еврейских школ», создали в областном музее «так называемый отдел еврейской культуры», имели «тесную связь с бывшим Еврейским антифашистским комитетом», поддерживали «разделение существующего кладбища на два, еврейское и русское», что способствовало обособлению еврейского населения «от всего живого и даже мертвого, нееврейского...», и прочее.

Из выступления на партийной конференции: «В газете «Биробиджанская звезда»... подвиги евреев в Отечественной войне сравнивали с Самсоном из библейского сказания, писали о том, что «в их груди бьется львиное сердце макавеев»... Но разве можно проводить знак равенства между патриотическим подвигом народов нашей страны... и событиями древней истории евреев и библейскими писаниями? Конечно, нет!»

Бывший секретарь обкома А. Бахмутский «дважды поднимался на трибуну и, глотая слезы, просил: «Мне всего 38 лет. Поверьте мне. Только не исключайте...» Он хорошо понимал, что последует за исключением из партии».

В феврале 1952 года на скамье подсудимых оказалась группа евреев из Биробиджана. А. Бахмутского и бывшего председателя облисполкома М. Зильберштейна приговорили к расстрелу, который заменили на 25 лет заключения; остальные обвиняемые получили по 25 лет лагерей с конфискацией имущества (в конце 1955 года всех заключенных освободили «за отсутствием состава преступления»).

Новый секретарь обкома с гордостью заявил, что «каленным железом выжжет в области корни национализма и безродного космополитизма». Оказались за решеткой писатели Б. Миллер и Г. Рабинков, поэты И. Гольдвассер и И. Керлер, артист Ф. Аронес и другие – «Особое совещание» приговорило каждого к 10 годам заключения. Вина Миллера, бывшего редактора «Биробиджанер штерн», была такова: «Искусственно пытался развивать еврейскую национальную культуру и литературу... Пытался искусственно задержать естественный процесс ассимиляции евреев... Допускал печатание на страницах газеты антисоветских статей...»

Среди осужденных оказалась и поэтесса Л. Вассерман, которая приехала в ЕАО из Палестины. При обыске у нее изъяли стихотворение,

признанное «националистическим»: «Биробиджан – мой дом, И песня моя о нем. Люблю свою страну – Биробиджан...»

Обвинили в «шпионаже» и приговорили к 10 годам писателя Д. Слуцкого. Было ему 78 лет, и он умер в тюрьме.

В 1949 году в школе и педагогическом техникуме Биробиджана перестали преподавать идиш, изъяли из магазинов альманах «Биробиджан»; во дворе библиотеки сожгли книги репрессированных еврейских писателей и поэтов. Три раза в неделю выходила газета на идиш «Биробиджанер штерн» – тираж 1000 экземпляров, но ее опасались покупать или получать по подписке, чтобы не обвинили в «буржуазном национализме» (в 1950 году у газеты было 125 подписчиков).

Из письма И. Эренбургу (начало 1953 года): «За последние несколько лет не было видно ни одной, хотя бы маленькой корреспонденции или заметки из Биробиджана или о Биробиджане. Да существует ли еще эта область? Поскольку о ее ликвидации не сообщили, значит, она существует. Почему же мы ничего о ней не знаем? Почему?..»

8

В начале 1950 года следствие установило, что в сибирском городе Сталинске существовала нелегальная синагога, которую посещало не менее 70 «евреев-националистов, враждебно настроенных к мероприятиям советской власти». Они собирали пожертвования, чтобы помочь «евреям, отбывающим наказание в лагерях», но, самое главное, «некоторые руководящие работники Кузнецкого комбината – евреи через своих жен и родственников многократно вносили денежные взносы в синагогу».

В Сталинске арестовали восемь человек и отправили в Москву. Среди них оказались заместитель директора металлургического комбината Я. Минц, главный прокатчик комбината С. Либерман, руководители отделов, а также престарелый И. Рапопорт, в квартире которого находилась нелегальная синагога. И вскоре следователи по особо важным делам доложили Сталину, что выявили «националистов, проводивших вредительски-подрывную работу на Кузнецком металлургическом комбинате».

В мае 1952 года суд рассмотрел это дело и предложил направить его на следствие, так как нет «убедительных и бесспорных выводов» о «вредительской деятельности» подсудимых. Через четыре месяца состоялось повторное заседание суда, на котором А. Дехтярь, С. Лещинер, С. Либерман и Я. Минц были приговорены к смертной казни;

С. Аршавский, Г. Зельцер и З. Эпштейн получили по 25 лет лагерей, И. Рапопорт – 10 лет.

Суд постановил: «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит»; приговоренных к высшей мере наказания расстреляли в тот же день, 18 сентября 1952 года.

Через пять лет Верховный суд СССР реабилитировал всех обвиняемых по делу Кузнецкого металлургического комбината – «за отсутствием в действиях осужденных состава преступления».

В довоенные годы жил в Советском Союзе брат будущего президента Израиля Х. Вейцмана – С. Вейцман, заместитель председателя Общества земельного устройства еврейских трудящихся. Из официального документа следует, что Самуил Вейцман «в 1930 году репрессирован за вредительство, а в 1939 году расстрелян как английский шпион».

Жила в Москве и сестра Х. Вейцмана. Ее мужа арестовали в 1949 году за «антисоветскую деятельность», а через несколько лет в ЦК партии поступило сообщение министра государственной безопасности:

«Вейцман Мария Евзоровна... еврейка, беспартийная... Через агентуру и путем секретного подслушивания установлено, что Вейцман М. Е. на протяжении ряда лет среди своего окружения проводит сионистскую агитацию, с враждебных позиций критикует советскую действительность, возводит гнусную клевету на руководителей партии и советского правительства и проявляет крайнюю озлобленность к главе советского правительства...»

В силу своих убеждений Вейцман М. Е. постоянно вынашивает мысль выехать из Советского Союза в Палестину...»

10 февраля 1953 года был выдан ордер на производство обыска и ареста Вейцман М. Е., «проживающей по Воротниковскому переулку, дом № 7/9, кв. 52». Было ей 60 лет, и работала она врачом Государственного страхования.

Ее арестовали незадолго до смерти Сталина, мучили ночными допросами, дотошно расспрашивали про братьев и сестер, но в первую очередь про покойного президента Израиля. Уже умер Сталин, но следствие шло своим чередом, и обвиняемую заставили признать, что она и ее муж «в своей озлобленности на советскую власть и ее вождей дошли до того, что злорадствовали даже по поводу смерти Жданова... и высказывали пожелания смерти Сталина».

В августе 1953 года М. Вейцман определили наказание – 5 лет исправительно-трудовых лагерей за «проведение антисоветской агитации»,

но одновременно с этим, на основании указа об амнистии, ее освободили из-под стражи.

9

Ц. Прейгерзон, из воспоминаний (лагерь возле Воркуты):

«Помню старика с грустными глазами – еврей из Киева, с жиденькой бородкой, получивший 25 лет за «террор»...

Это был простой верующий еврей без всяких хитростей и претензий. Я видел у него самодельный «сидур» (молитвенник), написанный чернилами. Текст был неполный, молитвы выведены крупными буквами: «Барух ата Адонай...» («Благословен Ты, Господь...»)

Он прятал эти страницы в своих вещах и сумел их сохранить... Старик очень дорожил молитвенником, читал молитвы, всматриваясь в каждую букву; буквы для него были святы, а в лагере – вдвойне. Произнося их шепотом, он изливал душу Всевышнему, вечно живому...

Старик этот умер в лагере, и если есть в мире справедливость, место ему среди праведников».

После войны уволили начальника Военно-инженерной академии Героя Советского Союза генерал-полковника Л. Котляра, начальника Центрального научно-исследовательского института авиационного моторостроения генерал-майора В. Поликовского, начальника НИИ танковой промышленности генерал-майора С. Давидовича; уволили заместителей начальников НИИ генерал-майоров Г. Лейкина и А. Шифрина, начальников кафедр военных академий генерал-лейтенанта Я. Биновича, генерал-майоров А. Ботвинника, В. Крейчмана, А. Эльсница и других.

В 1948 году сняли А. Баранова с поста директора Московского завода малолитражных автомобилей. Его обвинили в том, что тридцать лет подряд скрывал истинную национальность и имя-отчество, называя себя не Абрамом Моисеевичем, а Алексеем Михайловичем. В 1949 году арестовали директора Московского авиационного завода И. Штейнберга; его пытали во время следствия, чтобы получить необходимые признания.

В 1952 году в ЦК партии составили таблицу численных изменений лиц «еврейского происхождения в советской номенклатуре»:

«Руководящие кадры центрального аппарата министерств и ведомств СССР и РСФСР»: к 1945 году было 516 евреев (12,9%), к 1952 году – 190 (3,9%). «Заместители министров, руководители ведомств СССР и РСФСР»: соответственно 46 (8,7%) и 14 (1,8%). «Директора промышленных предприятий»: 261 (12,3%) и 92 (4,6%). «Руководящие кадры НИИ, КБ и проектных организаций»: 47 (10,8%) и 29 (2,9%). «Первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик»: к 1945 году – 1 еврей (в Биробиджане), к 1952 году – ни одного.

После выборов 1946 года в двух палатах Верховного Совета СССР оказалось 13 депутатов-евреев – 0,97% от общего количества, после выборов 1950 года – 8 евреев (0,6%). Для сравнения: в 1937 году в Верховный Совет СССР первого созыва избрали 47 евреев (4,1%).

С. Боровой, историк: «Я не был героем, который, вопреки всему, отстаивал свои позиции. Но я не бил себя в грудь, не каялся, не пытался... обвинить кого-нибудь... В этом отношении совесть моя чиста. Я не боюсь времени, когда – раньше или позже – тайное станет явным. С грустью могу утверждать, что немногие люди моего поколения и профессии могут так о себе сказать, и это, может быть, самая трагическая черта нашей эпохи...»

Поэт на идиш Иосиф Керлер написал в лагере стихотворение «Упорство», в котором есть такие строки:

Пусть железные цепи
На шею повесят,
Пусть меня кулаками
Костлявыми месят,
Сапогами,
Чтоб тело сгибалось от боли, –
Но души не согнуть,
Не сломить моей воли...
Пусть мотают на локоть
Мои нервы и жилы, –
Мой язык,
Моя песня
Останутся живы.

Часть восемнадцатая

«Дело Еврейского
антифашистского комитета».
«Дело врачей-вредителей».
Смерть Сталина

Очерк восемьдесят четвертый

ХРАНИТЬ ВЕЧНО	СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР	
СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ	
<i>Фефера И.С. и др.</i>	
<i>по ст. ст. 58-1 а, 58-10, П.ч. 58-11</i>	
<i>Уголовного кодекса РСФСР</i>	
<i>(Всего 15 листов)</i>	
<i>том №1</i> P3208	
Начато „8.“ апреля 1952 года	
Окончено „26 ноября 1952 года	
На 272 листах	

Следствие по «делу Еврейского антифашистского комитета»

1

К началу 1949 года в следственной тюрьме Министерства государственной безопасности оказались деятели Еврейского антифашистского комитета – Давид Бергельсон, Соломон Брегман, Давид Гофштейн, Вениамин Зускин, Лейб Квитко, Соломон Лозовский, Перец Маркиш, Борис Шимелиович, Лина Штерн, Исаак Фефер, Иосиф Юзефович.

Следователи заблаговременно разработали «дело ЕАК». Чтобы усилить обвинение, арестовали работников Совинформбюро, которым руководил Лозовский; их избивали до тех пор, пока не получили «признания», что «Лозовский, Маркиш и другие деятели Еврейского антифашистского комитета продались американцам и сионистам».

Из принудительных показаний на допросах: «Благодаря Лозовскому во главе Комитета были поставлены такие заядлые националисты, как Михоэлс, Эпштейн и Фефер...» – «Совинформбюро при Лозовском было превращено в синагогу...»

В тюрьму попали также Илья Ватенберг, Чайка Ватенберг-Островская, Леон Тальми и Эмилия Теумин, практически не участвовавшие в работе

комитета. Их подключили к «делу ЕАК» по одной, видимо, причине: до переезда в Советский Союз они жили в США, и их можно было обвинить в использовании прежних знакомств для проведения шпионской работы, в которой обвинялись деятели Еврейского антифашистского комитета.

В 1946 году Советский Союз посетил американский гражданин Б. Гольдберг – председатель Комитета еврейских писателей, артистов и ученых США, женатый на дочери Шолом-Алейхема. Его повсюду чествовали, и свое выступление на банкете Гольдберг начал словами: «Разрешите первый мой тост произнести за лучшего писателя Советского Союза, который написал бессмертное творение – Конституцию Советского Союза!» Гольдберга принимали в Москве высокопоставленные сотрудники, его возили по стране, а когда понадобилось – объявили американским шпионом, по заданию которого работали руководители ЕАК.

Бергельсон (из показаний на суде): «Следователь говорит мне: «Гольдберг – американский шпион». Я был удивлен этим и сказал: «Да?» Это «да» имеется в протоколе, но без вопросительного знака...»

Теумин поставили в вину, что она передала Гольдбергу сведения о прибалтийских республиках. Эти материалы были опубликованы в советских газетах, но на следствии по «делу ЕАК» их признали секретными.

В Еврейском антифашистском комитете, 1946 год. Слева направо: А. Суцкевер, П. Маркиш, С. Галкин, И. Фефер, гость из США Б. Гольдберг, Д. Бергельсон, А. Кушниров, Х. Граде, С. Персов

Подобное произошло и с редактором нью-йоркской коммунистической газеты на идиш. П. Новик приехал в Москву в 1947 году; его встре-

чали, чувствовали, а впоследствии объявили шпионом, который давал указания работникам ЕАК. В Москве работал американский журналист Р. Магидов, получавший из Совинформбюро материалы и фотографии, – это также послужило обвинением в шпионаже.

Нигде не сообщалось о том, что руководители ЕАК оказались в тюрьме. Их имена исчезли со страниц газет и журналов; проницательный наблюдатель мог бы заподозрить неладное, однако советские посланцы за границей утверждали, что арестованные находятся на свободе и продолжают работать. А в это время шли допросы, и одним из пунктов обвинения стало обращение руководителей ЕАК к Сталину по поводу образования в Крыму Еврейской республики.

2

Необходимое напоминание.

В 1924 году в Советском Союзе был создан Комитет по земельному устройству трудящихся евреев, чтобы «открыть для еврейской бедноты доступ к производительному труду на земле». Для этой цели выделили земли на юге Украины и в степных малонаселенных районах Северного Крыма. Тысячи семей бывших торговцев, ремесленников, лиц без определенных занятий решили вырваться из нищеты местечек и стать земледельцами – так появились в Крыму еврейские поселения.

В те годы В. Маяковский писал:

Еврея не видел?
В Крым! К нему!
Камни обшарпай ногами!
Трудом упорным
Еврей в Крыму
Возделывает почву-камень...

В 1920-е годы возникло предложение – создать еврейскую автономию на пустующих землях Северного Крыма, но в Кремле выбрали для этой цели Дальний Восток, где появилась Еврейская автономная область.

В довоенные годы татары в Крымской автономной республике составляли около 20% населения и жили в основном на юге и в центре полуострова. В северо-западной части Крыма находились еврейские национальные районы – Фрайдорфский и Лариндорфский; еврей-земледельцы работали в колхозах «Путь Ленина», «Беднота», «Дер идишер пойер» («Еврейский крестьянин»), «Ройтер фон» («Красное знамя»),

«Най лебен» («Новая жизнь») и в других еврейских коллективных хозяйствах. Во время войны нацисты уничтожили евреев, не успевших эвакуироваться, и Крым был объявлен «юденрайн» – «свободным от евреев».

В 1943 году С. Михозлс и И. Фефер совершили поездку в США; во время переговоров с еврейскими общественными деятелями возникло предложение – возродить заселение Крыма после его освобождения и переселить туда евреев при финансовой поддержке «Джойнта». Эту тему обсуждали затем в Москве; руководители ЕАК встретились с В. Молотовым, который выслушал их и предложил написать письмо в ЦК партии.

Фефер показал на допросе: «Речь шла не о санаториях крымских, а о северной части Крыма, где были еще до войны два еврейских национальных района... Молотов сказал: «Что касается Крыма, то пишите письмо, и мы его посмотрим».

Существуют два варианта письма Сталину и Молотову. Первый из них составил Шимелиович – с предложением поселить евреев на «территории бывшей республики Немцев Поволжья либо в Крыму». Лозовский забраковал это письмо как чересчур «эмоциональное», с излишней критикой антисемитизма, а потому на имя Сталина (а затем и Молотова) направили второй вариант письма. Это произошло в феврале 1944 года: «Дорогой Иосиф Виссарионович! В ходе Отечественной войны возник ряд вопросов, связанных с жизнью и устройством еврейских масс Советского Союза...»

Авторы письма сообщали вождю, что евреям психологически трудно возвращаться на освобожденные территории, где «родные места превращены фашистами в массовое кладбище... родных и близких». Указывали они и на «некоторые капиталистические пережитки» – «вспышки антисемитизма» среди «отдельных прослоек различных народностей». Позволили себе напомнить, что «опыт Биробиджана... не дал должного эффекта», а потому для «полного уравнивания положения еврейских масс среди братских народов мы считаем своевременной и целесообразной... постановку вопроса о создании Еврейской Советской Социалистической республики» на территории Крыма после его освобождения.

Обращение к Сталину заканчивалось таким образом: «Мы надеемся, что Вы уделите должное внимание нашему предложению, от осуществления которого зависит судьба целого народа». Авторы письма предполагали создать еврейскую автономию в малонаселенных степях на севере Крыма, где до войны было немало еврейских поселений. Бергельсон говорил: «Надо решительно действовать, потом будет поздно... Такой

момент больше не повторится... Не сомневаюсь, что мы превратим Крым в жемчужину».

Письмо руководителей ЕАК попало в Кремль до окончательного освобождения Крыма, и никто тогда не догадывался, какая участь ожидала коренных жителей полуострова. Красная армия окончательно изгнала немцев из Крыма в мае 1944 года, и сразу после этого выселили оттуда всё татарское население, болгар, греков, армян – более 200 000 человек. Освободившиеся территории стали заселять жителями Украины, Белоруссии и РСФСР, а письмо руководителей ЕАК отправили в архив.

О нем вспомнили в 1948 году, когда следователи собирали материал по делу Еврейского антифашистского комитета. И хотя Михоэлс и Феллер беседовали в Нью-Йорке с представителем «Джойнта» в присутствии советского дипломата, хотя все их встречи и темы переговоров утверждались в Москве, руководителей ЕАК обвинили в тайном сговоре с американцами – создать в Крыму еврейское государство и отделить полуостров от Советского Союза.

В обвинительном заключении об этом сказано так: «Действуя по прямому сговору с представителями американских реакционных кругов, обвиняемые... домогались от Советского правительства предоставления территории Крыма, которую американцы рассчитывали использовать в качестве плацдарма против СССР».

Н. Хрущев: «Мы были приучены, не рассуждая, принимать доводы Сталина. Он утверждал, что если создать Еврейскую республику в Крыму, то крепнувший в Америке сионизм получит опору в нашей стране».

3

Допросы по «делу ЕАК» вели 35 следователей по особо важным делам Министерства государственной безопасности во главе с полковником В. Комаровым. Они умели добывать показания у арестованных, и один из следователей часто повторял: «Я сверну вам шею, иначе мне снимут голову».

Заклученных помещали в карцер, изнуряли многодневными допросами без сна, одних беспощадно избивали, на других оказывали психологическое воздействие. Протоколы «признаний» подготавливали опытные «редакторы» во главе с Я. Броверманом, который работал «с присущим ему усердием»; подсудимых заставляли подписывать эти протоколы, а министр В. Абакумов передавал их Сталину, чтобы сообщить об успешном ходе следствия.

Лозовский (из показаний на суде):

«Комаров мне всё время твердил, что евреи – подлый и грязный народ, что все евреи негодная сволочь, все оппозиции в партии состояли из евреев... что евреи хотят истребить всех русских...»

(Комаров) говорил, что я должен признать все обвинения, иначе... будут гноить в карцере и бить резиновыми палками так, что нельзя будет потом сидеть. Тогда я им заявил: лучше смерть, чем такие пытки, на что они ответили, что не дадут умереть сразу, я буду умирать медленно...»

Председатель суда: «А вы испугались?» Лозовский: «Нет, я не испугался... Я хотел дожить до суда и сообщить суду обо всем». На одном из допросов Лозовский заявил: «Мою мать... звали Хана – что же, я должен стыдиться этого? Почему это объявляется национализмом?...»

Шимелиович (из показаний на суде):

«Я получал в течение месяца (январь–февраль 1949 года)... восемьдесят–сто ударов в сутки, а всего, по-моему, я получил около двух тысяч ударов... И никогда ни стоя, ни сидя, ни лежа я не произносил того, что записано в протоколах...»

В марте 1949 года я подписал протокол, находясь в очень тяжелом душевном состоянии и неясном сознании... Такое мое состояние явилось результатом методического избиения в течение месяца, днем и ночью. Глумления и издевательства я упускаю...

Пять раз меня вызывал к себе... министр государственной безопасности Абакумов. Будучи недоволен моими ответами... он сказал: «Бить смертным боем». Слово «бить» я услышал от него в первую же встречу... Следователь Шишков говорил мне: «Если вы будете не в состоянии ходить на допросы, вас будут приносить на носилках... бить и бить»...

Я ни на кого не наговаривал. Я не произнес ни одного слова лжи и говорил только то, что было в действительности...»

Шимелиовича избивали резиновой дубинкой, били по лицу тяжелой кожаной перчаткой, носком сапога по костям. «В перерывах, – сообщил он на суде, – следователь Шишков изучает по первоисточникам Ленина и Сталина для сдачи зачетов. Изучает также и Рюмин во время допросов...»

Штерн отказывалась подписывать «роман, написанный следователем», за это ее трижды переводили в Лефортовскую тюрьму. «Там – это преддверье ада... Пол цементный, камеры плохо отоплены... питание такое, которым я не могла пользоваться... Были моменты, когда

мне казалось, что я схожу с ума, а в это время можно наговорить на себя и на других неправду... Целую ночь на допросе, утром приходишь в камеру, а тебе не дают не только спать, но и сидеть...» (Было ей тогда 74 года.)

Зускин: «Меня арестовали в больнице, где я находился на лечении, в состоянии глубокого лечебного сна... и только утром, проснувшись, увидел, что нахожусь в камере... Меня привели на (первый) допрос совершенно в одурманенном состоянии, в больничной пижаме... На допросе говорят, что я государственный преступник... начинают читать чьи-то показания и требуют подтверждения...»

Ватенберг-Островская: «Меня допрашивали с резиновой палкой на столе... Всё время угрожали, что будут страшно бить, что из меня сделают калеку... В моем больном воображении мне постоянно слышались крики мужа, которого якобы бьют... Я начала соглашаться со следователем и выдумывать на себя непостижимые вещи...»

Юзефович: «В самом начале следствия я давал правдивые показания... Тогда меня перевели в Лефортовскую тюрьму, где стали избивать резиновой палкой и топтать ногами, когда я падал. В связи с этим я решил подписать любые показания, лишь бы дождаться дня суда...»

Реплика судьи: «Зачем же вы подписывали показания на других... Вы должны быть везде честным и везде показывать правду».

В марте 1950 года арестованным объявили об окончании допросов и предъявили обвинительное заключение. В нем фигурировали около тридцати человек, но вскоре количество обвиняемых сократили до пятнадцати. Дела остальных выделили в отдельное производство, и их незамедлительно осудило «Особое совещание»; ничто, казалось, не мешало начать суд по «делу Еврейского антифашистского комитета», однако всё застопорилось на два года.

4

Трудно сказать, по какой причине обвиняемых по «делу ЕАК» не провели через «Особое совещание», которое за полчаса приговорило бы их к смертной казни. Непросто объяснить, почему не устроили ускоренный тайный процесс за два-три дня, подобно прочим процессам тех лет. Уже осудили руководителей Еврейской автономной области, расстреляли работников автозавода имени Сталина, отправили в лагеря обвиненных в связях с руководителями ЕАК, но они продолжали оставаться в заключении.

Это был процесс, подготовленный по указанию Сталина, – кто знает, какие планы вынашивал диктатор, почему он не потребовал скорейшего наказания арестованных? Быть может, он собирался устроить показательный суд, для которого требовались несомненные доказательства «измены родине», и «дело ЕАК» не пошло ускоренным путем, по заведенному порядку тех лет?

С начала 1950 года в МГБ спешно разрабатывали «ленинградское дело», которое затронуло большое количество обвиняемых и потребовало усилий многих следователей на Лубянке, – возможно, поэтому Лозовского, Маркиша и других временно оставили в покое и не вызывали на допросы. Затем началась чистка в Министерстве государственной безопасности. Летом 1951 года арестовали Абакумова за «обман партии»; вместе с ним попали за решетку следователи Комаров, Леонов, Лихачев и другие – по доносу М. Рюмина, которого назначили после этого начальником следственной части по особо важным делам.

Комаров писал Сталину из тюрьмы в свое оправдание:

«В коллективе следственной части хорошо знают, как я ненавидел врагов. Я был беспощаден с ними, как говорится, вынимал из них душу, требуя выдать свои вражеские дела и связи. Арестованные буквально дрожали передо мной...

Особенно я ненавидел и был беспощаден с еврейскими националистами, в которых видел наиболее опасных и злобных врагов. За мою ненависть к ним не только арестованные, но и бывшие сотрудники МГБ СССР еврейской национальности считали меня антисемитом...»

И далее: «Убедительно прошу Вас: дайте мне возможность со всей присущей мне ненавистью к врагам отомстить им за их злодеяния, за тот вред, который они причинили государству...»

Новым министром государственной безопасности стал С. Игнатьев. Вскоре он доложил вождю, что по «делу ЕАК» «почти совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся ими шпионской и националистической деятельности», и тогда к следствию подключился Рюмин, которому Сталин приказал добыть неопровержимые доказательства «шпионской деятельности» Еврейского антифашистского комитета.

Около полугода бригада следователей заново просматривала архивы ЕАК, протоколы заседаний и обширную переписку. «Литературные эксперты» исследовали произведения арестованных писателей и поэтов, выискивая антисоветские и националистические высказывания; в своих выводах они осудили «подлую диверсионную деятельность» обвиняемых, «лютых врагов всех советских народов, и особенно русского народа».

«Делу Еврейского антифашистского комитета» намеревались придать всесоюзный характер, и к 1952 году были арестованы более 100 человек. Следователи стремились раскрыть разветвленную «шпионскую» сеть, а потому составили обширный список подозреваемых, многие из которых еще находились на свободе. В этот список попали композитор М. Блантер, писатели В. Гроссман, С. Маршак, И. Эренбург и другие; Рюмин рекомендовал их арестовать, но Сталин не дал на это согласия.

В январе 1952 года возобновились допросы арестованных – по вопросу, составленному вождем, чтобы доказать их связь с иностранными разведками. Разыскивали какие-либо документы, которые могли бы подтвердить эти связи, но их не оказалось, и единственным обвинением в шпионаже оставались вынужденные признания заключенных, полученные во время пыток и запугивания.

Следователи предложили исключить из состава обвиняемых Зускина, Тальми и Ватенберг-Островскую, которые не имели практически никакого отношения к деятельности ЕАК, однако Рюмин отклонил это предложение.

5

В марте 1952 года были составлены 42 тома следственных материалов и обвинительное заключение по «делу ЕАК», которое направили Сталину: «Обвиняемые (перечислены фамилии) к моменту создания Еврейского антифашистского комитета являлись врагами советской власти, готовыми при первой же возможности усилить подрывную работу против партии и Советского государства...» – «Главарь националистического подполья... превратили эту организацию в центр шпионской и националистической работы, направлявшейся реакционными кругами США...»

Статьи обвинения: «под видом освещения жизни евреев в СССР направляли в США шпионскую информацию о работе промышленности, месторождениях полезных ископаемых, населении, научных открытиях...»; «получили вражеское задание – добиться заселения Крыма евреями...»; пытались «помешать естественному процессу ассимиляции евреев...», а также «укрывал от разоблачения», «засорял профсоюзные кадры», «установил преступную связь», «высказывала клеветнические измышления», «проповедовала в науке космополитизм» и прочее.

На основании этого обвинения министр государственной безопасности рекомендовал приговорить всех обвиняемых к смертной казни, а Л. Штерн назначить 10 лет ссылки «в отдаленный район страны».

Политбюро приняло его предложение – смертную казнь для всех, срок ссылки для Штерн сократили до 5 лет.

И. Эренбург был против переселения евреев в Крым и считал, что им следует вернуться из эвакуации в свои дома. П. Маркиш предлагал расселить евреев в Поволжье, откуда в начале войны выслали немецкое население, – он называл это актом «величайшей исторической справедливости» после страшных лет Катастрофы.

Для создания еврейской республики в Крыму пришлось бы переселить туда десятки, а то и сотни тысяч евреев, чтобы они занялись сельским хозяйством на засушливых землях. Вряд ли это было осуществимо даже с согласия Кремля, и Л. Каганович сказал: «Евреи в Крым не поедут... Только артисты и поэты могли выдумать такой проект».

Переселение евреев в Крым и щедрая помощь зарубежных евреев вызвали бы рост антисемитизма среди населения страны, страдавшего от разрухи и лишений послевоенных лет. Учитывали ли такую возможность деятели ЕАК, когда составляли письмо на имя вождя?

Еще до войны было разослано по стране секретное разъяснение за подписью Сталина: «Метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод». В. Абакумов: «В ЦК партии меня... неоднократно предупреждали о том, чтобы наш чекистский аппарат не боялся применять меры физического воздействия... когда это нужно».

Абакумов отрицал после ареста предъявленные ему обвинения, испытал на себе «меры физического воздействия» и жаловался после смерти Сталина на имя «товарищей Берия и Маленкова»:

«На всех допросах стоит сплошной мат, издевательства, оскорбления и прочие зверские выходки. Бросили меня со стула на пол... Привели в так называемый карцер... это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра.

В этом страшилище без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день) я провел восемь суток. Установка включалась, холод всё время усиливался... Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортове таких холодильников не знал... Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг... Меня чудом отходили...»

Через холодильную камеру, описанную Абакумовым, проходили многие заключенные, среди них и деятели Еврейского антифашистского комитета.

Наркомат обороны неоднократно сообщал в ЕАК данные о количестве еврейских солдат и офицеров, награжденных орденами и медалями, – это также стало обвинением в шпионской деятельности. Прощание с Михоэлсом следователи назвали «националистической демонстрацией», организованной ЕАК, хотя этим занимался Комитет по делам искусств, а похороны проходили на государственный счет.

Израильский дипломат сообщал из Москвы: «Разговоры с евреями происходят изредка и чисто случайно... Само упоминание «израильской миссии» или «государства Израиль» нагоняет на местных евреев ужас... Они знают лишь одно – контакт полностью запрещен. А что бывает с теми, кто нарушает такие запреты, это им прекрасно известно».

Очерк восемьдесят пятый

Судебный процесс по «делу Еврейского антифашистского комитета»

1

8 мая 1952 года в 12 часов дня началось первое закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР – «по обвинению Лозовского, Фефера, Брегмана и других в измене Родине».

Заседания проходили в Москве, в клубе Министерства государственной безопасности, «без участия представителей государственного обвинения и защиты», а также без вызова свидетелей. Зал заполнили зрители – работники карательных органов; председательствовал на суде генерал-лейтенант юстиции А. Чепцов, рядом с ним в судейских креслах разместились генерал-майоры юстиции Я. Дмитриев и И. Зарянов.

Секретарь суда перечислил фамилии обвиняемых, доставленных под конвоем, а затем они показали (в порядке опроса):

«Я, Лозовский Соломон Абрамович, 1878 года рождения... Женат, имею трех дочерей, несколько внуков и одного правнука...» В прошлом – член ЦК партии, заместитель министра иностранных дел СССР, заместитель начальника, а затем и начальник Совинформбюро, депутат Верховного Совета СССР.

«Я, Фефер, Исаак Соломонович, 1900 года рождения... Всю свою жизнь до ареста занимался поэзией...»

«Я, Брегман Соломон Леонтьевич, 1895 года рождения... Последняя должность – заместитель министра Госконтроля РСФСР...»

«Я, Юзефович Иосиф Сигизмундович, 1890 года рождения...» Научный сотрудник Института истории Академии наук СССР, в годы войны – работник Совинформбюро.

«Я, Шимелиович Борис Абрамович, 1892 года рождения...» Заслуженный врач РСФСР, в течение 18 лет главный врач Центральной клинической больницы имени С. Боткина.

«Я, Квитко Лейба Моисеевич...» Еврейский поэт.

«Я, Маркиш Перец Давидович...» Еврейский поэт и драматург.

«Я, Бергельсон Давид Рафаилович...» Еврейский писатель.

«Я, Гофштейн Давид Наумович...» Еврейский поэт.

«Я, Зускин Вениамин Львович...» Актер, художественный руководитель Еврейского театра в Москве, народный артист РСФСР и Узбекской ССР.

«Я, Штерн Лина Соломоновна...» Директор Института физиологии, действительный член Академии наук СССР (первая женщина-академик в стране) и Академии медицинских наук, 400 научных трудов по физиологии и биохимии.

«Я, Тальми Леон Яковлевич...» Работник Совинформбюро, журналист-переводчик.

«Я, Ватенберг Илья Семенович...» Редактор и переводчик.

«Я, Теумин Эмилия Исааковна...» Редактор.

«Я, Ватенберг-Островская Чайка Семеновна...» Переводчица.

Затем председатель суда задал каждому обвиняемому вопрос: «Признаете себя виновным?»

Фефер: «Признаю». Теумин: «Признаю себя виновной». Маркиш: «Виновным себя не признаю». Лозовский: «Ни в чем себя виновным не признаю». Брегман: «Не признаю». Шимелиович: «Никогда не признавал и не признаю». Штерн: «Вина моя в том, что я, будучи в комитете... совершенно не интересовалась его работой».

Остальные обвиняемые признали свою вину «частично».

2

На судебном процессе первым допрашивали Фефера, и он подтвердил, что Еврейский антифашистский комитет «смыкался с сионистами и превратился в националистический центр», а это конечно же преступное деяние, так как «националистические настроения являются антисоветскими настроениями».

Фефер показал на допросе: «Руководители Комитета посылали (за границу) материал, представляющий государственную тайну...» – «Газета

«Эйникайт»... с первых номеров своей работы вела националистическую пропаганду...» – «В репертуаре еврейского театра был целый ряд пьес с националистическими мотивами...» – «Относительно брошюры на тему «Что дала советская власть евреям»... она (Штерн) сказала, что брошюру надо назвать: «Что евреи дали советской власти»...» и прочее.

Показания Фефера на предварительном следствии помогли сотрудникам МГБ составить обвинительное заключение, однако он, очевидно, догадывался, что в его услугах больше не нуждаются и его ожидает суровый приговор наравне со всеми. 6 июня – по просьбе Фефера – состоялось закрытое заседание суда без участия других обвиняемых; на нем он сообщил судьям, что является секретным сотрудником органов государственной безопасности под агентурным псевдонимом «Зорин», и отказался от прежних своих показаний.

Фефер: «В ночь моего ареста Абакумов мне сказал, что если я не буду давать признательных показаний, то меня будут бить... Следователь Лихачев... говорил: «Мы из вас «выколотим» всё, что нам нужно»... Я не преступник, но, будучи сильно запуганным, дал на себя и других вымышленные показания».

И он же, Фефер, заявил на суде: «Я очень люблю еврейские традиции... Люблю свой народ. А кто не любит своего народа?..» – «Вы не найдете такого народа, который бы столько выстрадал, как еврейский народ. Уничтожено 6 миллионов евреев из 18 миллионов – одна треть. Это большие жертвы, мы имели право на слезу и боролись против фашизма». Председатель суда: «Это было использовано не для слезы, а для антисоветской деятельности».

Вопрос судьи: «Вы сказали, что для вас создание еврейского государства было радостным событием. Правильно?» Фефер: «Да, правильно. Меня радовало... что евреи, изгнанные из Палестины предками Муссолини, снова организовали там еврейское государство».

3

Их обвинили по 58-й статье Уголовного кодекса: измена родине, антисоветская агитация и пропаганда, участие в подпольной организации. Подсудимые знали, что им грозит высшая мера наказания – расстрел. На первых заседаниях они обвиняли друг друга и опровергали показания соседей по скамье подсудимых; звучали порой и отголоски литературного соперничества, давней неприязни, прежних споров писателей и поэтов.

«По своему характеру он (Гофштейн) убежденный националист...» – «Квитко был активным членом Комитета. Первое время он был замес-

тителем одного из главарей...» – «Где Фефер, там злоупотребление, там использование в своих интересах государственного дела...» – «Еврейский антифашистский комитет способствовал усилению националистических настроений...» – «Комитет был превращен в шинок, где изготавливались изысканные шпионские «блюда» для разведчиков...» – «Когда он (Михоэлс) начинал играть националиста, он становился самим собой. И самим собой он становился тогда, когда делал преступления...»

Судебные заседания шли день за днем. Подсудимые освобождались постепенно от прежних страхов, начинали давать пространные и правдивые показания, а руководители МГБ обвиняли судью в затягивании процесса. В ходе судебного разбирательства случались перерывы; первый раз это произошло после допроса Квитко, который заявил: «Мне было очень трудно воевать со следователем... Я потерял голову... Мне не верили и записали то, что им было нужно...» Председатель суда: «Значит, вы отрицаете свои показания?» Квитко: «Абсолютно отрицаю».

Обвинение разваливалось на глазах. Председатель суда понимал, что виновность подсудимых не доказана, а потому прервал заседание на семь дней и обратился к начальству с просьбой передать дело на дальнейшее рассмотрение.

Из свидетельства сотрудника МГБ: «Чепцов обращался в инстанцию, где говорил о недостатках и нарушениях, допущенных по делу... Арестованные не разоблачены, и корни преступлений не вскрыты».

Заседания суда возобновились, и председательствующий задавал обвиняемым один и тот же вопрос – по поводу их «признаний» на предварительном следствии: «Правильны эти показания?»

Квитко: «Нет».

Ватенберг: «Это не соответствует действительности».

Маркиш: «Так Лозовский не говорил».

Фефер: «Брегмана националистом не считаю... В этом вопросе я оклеветал Лозовского».

Тальми: «Мои показания... изменены до неузнаваемости».

Шимелиович: «Это ложь, придуманная Рюминым... Это не мои показания».

Теумин: «Протокол мне был принесен готовым».

Штерн: «Там нет ни одного моего слова... Никогда я не изменяла, никогда не распространяла никаких сведений, никогда не клеветала».

Юзефович: «Не могу допустить мысли, что Лозовский, Бергельсон, Квитко и Ватенберг были шпионами и прочее... Страшное нагромождение нелепых обвинений».

Бергельсон: «Никакой шпионской деятельности я не проводил и никакого отношения к шпионским материалам не имел... Я не признавал себя виновным раньше, не признаю этого и теперь».

Ватенберг-Островская: «У меня был большой страх перед следователями, и я подписывала протоколы, которые считаю полными лжи... В протоколах всё выдуманно и извращено».

Гофштейн: «Я ничего не соображал... Просто не осознавал, что я подписываю, что делаю... Теперь я отказываюсь от этих показаний...» (Судья: «Но вы же подписали эти показания, почему же вы их подписали?» Гофштейн: «Я был в состоянии сумасшествия...»)

Зускин: «Я отрицаю все показания и сейчас говорю правду... Мне жизнь не нужна. Для меня пребывание в тюрьме страшнее смерти».

Лозовский: «Я оклеветал Штерн и здесь извиняюсь перед ней. Я ей в глаза не могу смотреть из-за этой вынужденной клеветы».

Брегман: «Я отрицаю эти показания... Я был тогда в болезненном состоянии... С сердцем было плохо».

В начале июля 1952 года Брегмана поместили в тюремную больницу в бессознательном состоянии. Его дело – «впредь до выздоровления» – выделили в отдельное производство, но через полгода Брегман умер в тюрьме «при явлениях упадка сердечной деятельности», избежав расстрела.

4

Председатель суда задал Лозовскому вопрос: «Какой процент составляли евреи в Совинформбюро?»

Тот ответил: «Я не занимался этим подсчетом. Я никогда не тяготел к евреям и никогда не отрицал, что я еврей. Человек, который отрицает свою национальность, – сволочь... Я не спрашивал у человека – еврей он или не еврей. Если мне нужен хороший переводчик, так я возьму Тальми, потому что он переводит с четырех языков...»

Лозовский заявил судьям:

«Вы изучили эти 42 тома лучше меня, и думаю... обратили внимание на то, что все обвиняемые показывают одно и то же и все формулировки одинаковы. Однако люди, показания которых собраны в деле, – люди разной культуры, положения. Получается, что кто-то сговорился насчет формулировок. Кто, арестованные? Думаю, что нет. Значит, сговорились следователи, иначе не могли же получиться одинаковые формулировки у разных людей... В обвинительном заключении записано, что... Лозовский «снабдил Михоэлса и Фефера для передачи американцам шпионскими материалами о состоянии промышленности, хозяйства и о культурной

жизни в СССР»... Значит, эти материалы должны существовать. Но в деле их нет... Имею ли я... право знать, за что меня должны казнить?..

Было создано пять (антифашистских) комитетов с санкции ЦК... Если вы хотите судить меня за Еврейский комитет, то я прошу судить меня за все комитеты. Разве Славянский комитет не посылал за границу обращений, статей и так далее?..»

И далее, из заявления Лозовского: «Стал бы я с поэтом и актером связываться, если бы хотел заниматься шпионажем. Ведь этого не сделал бы и швейцар Наркомфина, а не только замминистра иностранных дел, старый революционер-подпольщик. Всё это бессмыслица...»

Второй перерыв в заседаниях суда произошел во время допроса Штерн и продолжался две недели. Чепцов обратился с просьбой в Политбюро – отправить «дела ЕАК» на исследование, но Маленков заявил ему, несомненно, с согласия Сталина: «Что же, вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками? Ведь приговор по этому делу апробирован народом, этим делом Политбюро занималось три раза. Выполняйте решение Политбюро!»

Из последнего слова подсудимых (в порядке опроса):

Фефер: «Я прошу суд... не лишать меня возможности служить советскому народу до последнего вздоха...»

Теумин: «Единственной радостью в жизни для меня была моя работа, и я этим гордилась...»

Маркиш: «Никакая клевета не сломила меня...»

Юзefович: «Моя совесть перед партией и Родиной чиста...»

Лозовский: «Не прошу никаких скидок. Мне нужна полная реабилитация или смерть...»

Квитко: «Я долго пытался, находясь в тюрьме, найти свое преступление и не смог... Я не перестал мысленно общаться с детьми, и в тюрьме возник мой новый сборник стихов «Солнце»...»

Бергельсон: «Прошу Верховный суд дать мне, старейшему еврейскому писателю, возможность истратить свои силы на благо народа...»

Гофштейн (от последнего слова отказался): «Свою просьбу суду я уже высказал...»

Ватенберг: «Прошу, чтобы в случае осуждения моей жены, нам дали возможность отбывать наказание вместе...»

Шимелиович: «Прошу суд войти в соответствующие инстанции с просьбой запретить в тюрьме телесные наказания... привлечь к строгой ответственности некоторых сотрудников МГБ... Я очень любил свою больницу и вряд ли кто другой будет ее так любить...»

Зускин: «Считаю свою совесть чистой... Ничего враждебного и злонамеренного я не сделал...»

Тальми: «Я заявил в самом начале суда, что не признаю себя виновным, а сейчас считаю, что это доказано...»

Ватенберг-Островская: «Если суд всё же признает меня виновной, прошу дать мне возможность отбывать наказание вместе с мужем...»

Штерн: «Считаю свою работу новой страницей в медицине и не считаю себя вправе уносить с собой в могилу всё, что я знаю...»

5

18 июля 1952 года председатель суда огласил приговор, который повторил обвинения, основанные на «признаниях» подсудимых во время предварительного следствия. Суд установил, что Лозовский – «скрытый враг ВКП(б)... привлек к работе... ярых еврейских националистов», а потому «Еврейский антифашистский комитет превратился в шпионский и националистический центр».

И далее: «Лозовский и его сообщники» утверждали, «что будто бы в СССР процветает антисемитизм», «собирали шпионские сведения» и отправляли в США «информации об экономике СССР», пропагандировали «лживый тезис об исключительности еврейского народа»; при составлении «Черной книги» они сконцентрировали внимание «исключительно на жертвах, понесенных евреями во Второй мировой войне», что явилось – по мнению экспертизы – преступным проявлением «еврейского буржуазного национализма».

О Маркише в приговоре сказано, что он «воспевал библейские образы», Квитко «установил личную связь с американским разведчиком Гольдбергом», Шимелиович «клеветнически заявлял о якобы имеющей место в СССР дискриминации евреев», а Зускин с Михоэлсом ставили в театре пьесы, в которых «воспевалась еврейская старина, местечковые традиции, быт и трагическая обреченность евреев, чем возбуждали у зрителей-евреев националистические чувства».

«На основании вышеизложенного» и «по совокупности совершенных ими преступлений» Военная коллегия приговорила 13 подсудимых к «высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией у них всего имущества... Осужденную Штерн выслать в отдаленную местность сроком на пять лет... Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит».

Осужденных по «ленинградскому делу» казнили через час после объявления приговора, осужденных по «делу Кузнецкого ме-

таллургического комбината» – в тот же день, однако Лозовский, Маркиш и остальные ожидали расстрела почти месяц.

Приговоренные к смерти подали просьбы о помиловании, Политбюро их отклонило, и вскоре в делах 13 осужденных появились официальные «справки» с уведомлением: «приговор Военной коллегии... приведен в исполнение 12 августа 1952 года».

Слева направо (сверху вниз): Д. Бергельсон, И. Ватенберг, Ч. Ватенберг-Островская, Д. Гофштейн, В. Зускин, Л. Квитко, С. Лозовский, П. Маркиш, Л. Тальми, Э. Теумин, И. Фефер, Б. Шимелиович, И. Юзефович

Их казнили через три с половиной года после ареста: Давид Бергельсон, Илья Ватенберг, Чайка Ватенберг-Островская, Давид Гофштейн, Вениамин Зускин, Лейба Квитко, Соломон Лозовский, Перец Маркиш, Леон Тальми, Эмилия Теумин, Исаак Фефер, Борис Шимелиович, Иосиф Юзефович.

С. Лозовскому, самому старому из расстрелянных, было 74 года, Э. Теумин, самой молодой – 47 лет.

И кукушка, словно дар,
Обещает долголетье –
Ты еще совсем не стар,
Будешь долго жить на свете!..

Давид Гофштейн

6

Кроме основного суда над Лозовским, Шимелиовичем и другими, проходили еще десятки судебных процессов, связанных с ЕАК. Комиссия ЦК КПСС определила через сорок лет: «По делу Еврейского антифашистского комитета было осуждено 140 человек, из них 23 – к высшей мере наказания, 20 человек – к 25 годам тюремного заключения».

Илья (Элиягу) Спивак – руководитель Кабинета по изучению еврейской советской литературы, языка и фольклора в Киеве, член-корреспондент Украинской академии наук – был арестован в январе 1949 года. Допрос шел, очевидно, с применением «мер физического воздействия»; Спивак умер в тюрьме в апреле 1950 года.

Дер Нистер (Пинхас Каганович), еврейский писатель. В документе на имя Сталина был обвинен в сионизме: «Он говорит о Биробиджане: «Да будет снова построен дом Израиля... Как хорошо, что в СССР уже появились маленькие, смелые Давиды... чтобы никакие Голиафы им больше не были страшны»...» Дер Нистера арестовали в начале 1949 года, через полтора года он умер в тюремной больнице.

Иехезкель Добрушин, драматург – арестован в начале 1949 года, умер в заключении в 1953 году. Григорий Жиц, редактор газеты «Эйникйт» – умер в тюрьме в 1954 году. Михаил Бородин, главный редактор Совинформбюро, ответственный редактор газеты «Москоу ньюс», жаловался из тюрьмы на «избиения дубинкой по разным частям тела... несмотря на мой возраст и мои болезни... Я был уверен, что долго не выдержу этой пытки и что смерть неминуема...» Умер в заключении в 1951 году.

Лев Стронгин, директор издательства «Дер Эмес» – арестован в 1949 году, отправлен в лагерь под Воркутой. «Стронгин работал на общих ра-

ботах. Это его не пугало: он любил физический труд. Несмотря на нескончаемую полярную ночь, на вонючий барак, он не потерял бодрости, не пал духом. Эту жизнь – тяжелую черную работу на краю света, на Севере, черные ночи, беспросветность – он принимал без жалоб...» Л. Стронгин вернулся в Москву после смерти Сталина.

Шмуэль Галкин – поэт, драматург, переводчик на еврейский язык произведений А. Пушкина, У. Шекспира, В. Маяковского, А. Блока, С. Есенина. Арестован в начале 1949 года. Бессонные ночи допросов, угрозы, издевательства – в тюрьме Галкин перенес инфаркт, и следователь говорил ему: «Пока ты нам нужен, не помрешь!» И еще: «Какие же вы (евреи) можете быть патриоты, когда у вас повсюду за рубежом родственники...»

Из стихотворения Галкина «В одиночке» («Лубянка, 1953 год, август, воскресенье»):

А где-то звуки музыки слышны...
И взором я из черной глубины
Стремлюсь сквозь зарешеченный просвет,
Чтоб небо отыскать, но неба нет,
И падает обратно в сумрак дна
Мой взор, а где-то музыка слышна...

В одном из стихотворений Галкина, написанном в «долине страданий», жена обращается к мужу, узнику-поэту: «Если теперь самое лучшее, самое значительное в оковах, ты должен быть там, теперь твое место там...»

Галкина приговорили к 10 годам заключения, отправили в лагерь под Воркутой, и Ц. Прейгерзон вспоминал:

«Галкин был прекрасным собеседником, каждая встреча и разговор с ним были для меня праздником. Я слышал от него стихи, песни, воспоминания...

Вот он стоит перед моими глазами, одетый в бушлат с поднятым воротником, на голове помятая меховая шапка с поднятым кверху ухом. Он тянет сани, груженные снегом, по двору лагеря; с ним еще люди, в большинстве старше пятидесяти лет, которых собрали под это северное небо...»

Ш. Галкин вышел на свободу в конце 1956 года.

7

В последнем слове Лозовский сказал: «Если когда-нибудь выяснится, что я был невиновен, то прошу посмертно восстановить

меня в рядах партии и опубликовать в газетах сообщение о моей реабилитации», – однако этого пришлось дожидаться много лет.

Ближайших родственников осужденных по «делу ЕАК» отправили в лагеря или сослали в отдаленные районы страны. Судебный процесс и расстрел держали в строжайшей тайне; после смерти Сталина Л. Штерн вернулась в Москву из ссылки и возобновила научную работу, но в ее биографии, изданной в то время, о суде даже не упомянули.

В ноябре 1955 года родственники казненных получили справки о том, что «приговор Военной коллегии... отменен, а дело за отсутствием состава преступления прекращено»; тогда же они узнали о судьбе своих близких и дате их гибели. В постановлении о реабилитации сказано:

«В ходе расследования установлено, что бывшие работники МГБ СССР, выполняя преступные указания Абакумова, действительно подвергали арестованных избиениям и пыткам, систематически лишали сна и таким путем добились от них подписания сфальсифицированных следователями протоколов допросов...

Как установлено проверкой, экспертизы были проведены необъективно и с грубым нарушением законов... Указанные в заключениях экспертов... данные секретными не являются и сведений, содержащих государственную тайну, не составляют...»

И далее: «Дело Лозовского и др. было сфальсифицировано бывшими работниками МГБ СССР, врагами народа Абакумовым, Рюминым, Комаровым, Лихачевым... в силу чего приговор в отношении Лозовского и др. подлежит отмене...»

Это была секретная реабилитация, о которой не сообщили в печати. Судьба погибших оставалась неизвестной для населения страны, и при разоблачении «культы личности» Хрущев даже не упомянул про «дело ЕАК» в своем докладе на 20 съезде партии. Какова же причина, что их тайно осудили, тайно казнили и замалчивали затем эту казнь? Быть может, потому, что расстреляли одних только евреев, и не было никакой возможности уклониться от обвинения в откровенной антисемитской акции?

В 1956 году еврейские организации США потребовали «конкретной официальной информации о судьбе еврейских писателей и их семей», но Кремль не дал ответа. Даже советские деятели культуры, попадая за рубеж, не упоминали про расстрел тринадцати человек или же утверждали, что с ними ничего не случилось. Но правда выплывала наружу разными путями, и в 1957 году американский писатель Г. Фаст написал письмо советскому писателю Б. Полевому:

«Почему ты сказал нам здесь, в Нью-Йорке, что еврейский писатель Квитко жив и здоров, живет с тобой в одном доме, по соседству, хотя он был среди казненных и его давно нет в живых? Почему? Зачем тебе нужно было лгать? Почему ты не мог уклониться от ответа и сказать нам, что ты не знаешь или не можешь говорить об этом? Зачем ты лгал, лгал так ужасно и намеренно?..»

В 1963 году в газете «Известия» напечатали статью «Жизнь революционера. К 85-летию со дня рождения С. А. Лозовского». Перечислили весь путь «выдающегося революционера и активного строителя коммунистического общества», а в конце статьи сообщили кратко, без подробностей: «С. А. Лозовский умер в 1952 году после ареста по ложному обвинению».

Лишь в конце 1988 году власти официально реабилитировали казненных по «делу ЕАК», назвали их имена, заявили про «беспочвенное обвинение в государственных преступлениях и шпионской деятельности», а еще через пять лет увидела свет стенограмма судебного процесса.

Из довоенного стихотворения П. Маркиша:

- Соплеменник мой, призрак безглавый,
Как ты мог головы не сберечь?
- Захотел я свободы и права,
Вот и скинули голову с плеч.
- Соплеменник мой, отрок казненный,
Почему ты в земле не почил?
- Сколько пало! В земле миллионы,
И уже не хватает могил...

К тридцатилетию расстрела деятелей ЕАК поставили в Иерусалиме памятный камень с именами казненных и умерших в заключении. В 1992 году проходили в Москве траурные церемонии, посвященные сорокалетию их гибели: «Зал ломился. Было много молодежи. На улице Кропоткина, где помещался ЕАК, состоялось открытие мемориальной доски».

В конце двадцатого века на территории Донского монастыря в Москве, возле крематория, где сжигали трупы казненных, появился памятник жертвам сталинского террора, а под навесом – книга с перечнем уничтоженных. Среди них и имена расстрелянных по «делу ЕАК»: фамилия, имя-отчество, год рождения, годы ареста, гибели и реабилитации.

Из хасидских воспоминаний:

«К несчастью, и среди евреев были такие, кто не выдерживал пыток и ломался. Мучения, которые они испытывали в застенках МГБ, были поистине страшными. Нельзя осуждать таких людей. Длительное время терпеть муки гораздо тяжелее, чем лишиться жизни в одно мгновение...

Те, кто смог выстоять, кто выдержал пытки и не сломался – настоящие герои. Трудно найти верные слова, чтобы воздать должное их мужеству».

Очерк восемьдесят шестой

«Дело врачей-вредителей»

1

Со второй половины 1952 года на страницах центральных и областных газет Советского Союза замелькали хлесткие заголовки: «Жулики и их покровители», «О рационализаторах и махинаторах», «Заезжий халтурщик», «Дельцы», «Кляузники», «Расхитители», «Ревекка не унижается», «Гурвиц и другие» и им подобные.

Газеты словно соревновались между собой в публикации статей, фельетонов и репортажей «Из зала суда» – о евреях-взяточниках, спекулянтах и расхитителях, из-за которых недоставало товаров в магазинах, о дельцах и аферистах с характерными, как на подбор, именами, отчествами и фамилиями. Эти люди, очевидно, на самом деле нарушали законы наряду с гражданами других национальностей, но газеты обрушивались в основном на евреев, а точнее, на еврейское население страны, способствуя созданию собирательного облика дельца и жулика.

Это о том времени написал поэт Б. Слуцкий: «Трижды имя Рабинович на одной сияет полосе...»

В конце 1952 года в газете «Правда Украины» напечатали статью «Шайка вредителей» – о евреях, которые «своими преступными

действиями подрывали советскую торговлю и товарооборот в гор. Киеве, расхищали социалистическую собственность, противодействовали мероприятиям, направленным на обеспечение трудящихся высококачественными товарами».

В то время Уголовный кодекс не предусматривал смертную казнь за экономические преступления, однако в Киеве решили иначе, и обвиняемых судил не обычный суд, а Военный трибунал. «За контрреволюционное вредительство в области торговли и товарооборота» трибунал приговорил Д. Герзона, А. Хайта и Я. Ярошецкого к расстрелу, еще двоих – к 25 годам заключения. «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

В 1952 году в газете «Правда» подготовили фельетон о некоем «враче-проходимце» с еврейской фамилией, однако ввиду явной антисемитской направленности материал отправили в архив с резолюцией: «Не пойдет». Но в феврале следующего года этот фельетон появился на страницах главной газеты страны под заголовком «Простаки и проходимец» – время и события тому способствовали.

2

13 января 1953 года исполнилась пятая годовщина со дня убийства С. Михоэлса. В тот день газеты опубликовали сообщение ТАСС – Телеграфного агентства Советского Союза «Арест группы врачей-вредителей»:

«Некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М. С., врач-терапевт; профессор Виноградов В. Н., врач-терапевт; профессор Коган М. Б., врач-терапевт; профессор Коган Б. Б., врач-терапевт; профессор Егоров П. И., врач-терапевт; профессор Фельдман А. И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я. Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А. М., врач-невропатолог; Майоров Г. И., врач-терапевт...

Преступники признались, что... умертвили товарища А. А. Жданова... сократили жизнь товарища А. С. Щербакова... старались вывести из строя маршала Василевского А. М., маршала Говорова Л. А., маршала Конева И. С... и других, однако арест расстроил их злодейские планы, и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие

честь деятелей науки, – состояли в наемных агентах у иностранной разведки.

Большинство участников террористической группы (Вовси М. С., Коган Б. Б., Фельдман А. И., Гринштейн А. М., Этингер Я. Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах... Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэlsa.

Другие участники террористической группы (Виноградов В. Н., Коган М. Б., Егоров П. И.) оказались давнишними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время».

3

За несколько лет до этого произошло событие, не имевшее, казалось, серьезного значения. В 1948 году в Министерство государственной безопасности поступило письмо Л. Тимашук, врача Кремлевской больницы, которая сообщала о неправильном лечении члена Политбюро А. Жданова. После снятия электрокардиограммы Тимашук установила у больного «инфаркт миокарда», но именитые профессора П. Егоров, В. Виноградов и В. Василенко отклонили ее диагноз и заставили его переписать в соответствии со своими выводами; более того, они разрешили Жданову вставать с постели, гулять по парку и смотреть кинофильмы.

В своем письме Тимашук настаивала «на соблюдении строжайшего постельного режима для Андрея Александровича», но через несколько дней Жданов умер. Сообщение Тимашук попало к Сталину, однако он не придавал этому особого значения и распорядился отправить письмо в архив, где оно пролежало четыре года.

Государственный антисемитизм постепенно нарастал; его чутко улавливали повсюду, от руководителей до рядовых сотрудников, и весной 1949 года в Кремль поступило письмо из Ленинграда: «Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – искони русский город и даже построенный на костях только русских рабочих. Его население всегда в основном русское... В настоящее время... для русских в системе здравоохранения создано уже совершенно невыносимое положение, здесь все русские решительно вытеснены...»

Автор письма привел обширный перечень еврейских фамилий, и в Ленинград направили контролера для основательной чистки в системе здравоохранения.

В 1949 году в ЦК партии сообщили: «Тон в науках невропатологии и психиатрии задают исключительно евреи...» Вскоре из Центрального института судебной психиатрии уволили 14 евреев – «по собственному желанию», «по сокращению штатов» и «вследствие ликвидации отделения». Та же участь постигла группу преподавателей-евреев 2-го Московского медицинского института, некоторых из них арестовали затем по «делу врачей-вредителей».

Я. Рапопорт, профессор-патологоанатом: «Изгнание евреев-профессоров из медицинских вузов открыло неожиданный легкий путь к кафедрам многим бездарным тупицам, прозябавшим около науки без надежды на ее признание... Преемники вакантных мест без страха и сомнения занимали их. Они были убеждены в том, что ум присваивается вместе с должностью».

Летом 1950 года выявили чрезмерное количество «лиц еврейской национальности» в клинике Института лечебного питания. Часть евреев уволили, а профессора Л. Берлина и врача Б. Левина приговорили к 25 годам лагерей как «английских шпионов». Не выдержав волнений, умер руководитель клиники профессор М. Певзнер; его жену арестовали и под пытками добивались признаний, что покойный муж сотрудничал с британской разведкой.

В ноябре 1950 года подошла очередь профессора Я. Этингера, известного в стране кардиолога, который лечил руководителей партии и правительства. На допросах Этингер категорически отрицал свою вину – в наказание его поместили в сырую камеру с искусственным охлаждением. Испытание оказалось чрезмерным для пожилого человека, и Рюмин сумел получить необходимые показания о «единомышленниках Этингера, еврейских националистах», среди которых оказалось около двадцати врачей.

За время пребывания в тюрьме Этингер перенес десятки сердечных приступов, умер в марте 1951 года от «паралича сердца», но к тому времени в протоколе допроса уже было записано: в 1945 году, при лечении секретаря ЦК партии А. Щербакова, Этингер «делал всё для того, чтобы сократить последнему жизнь».

Н. Хрущев: «Щербаков умер потому, что страшно много пил. Опился и помер. Сталин, правда, говорил другое: что дураком был – стал уже выздоравливать, а потом не послушал предостережения врачей и умер ночью, когда позволил себе излишества с женой».

Еще при жизни Этингера Абакумову доложили о «вредительском» лечении Щербакова, однако министр отклонил эту версию, посчитав ее невозможной. И тогда Рюмин направил Сталину донос на Абакумова, «опасного человека для государства»: он запретил допрашивать Этингера, чтобы скрыть причины смерти Щербакова, поместил арестованного в камеру, вредную для здоровья, и довел его до преждевременной кончины. Таким образом «террористическая деятельность» Этингера «осталась нерасследованной», оказались невыявленными и его единомышленники.

Сталин был чрезвычайно подозрителен; донос Рюмина лег на благоприятную почву, и Абакумова арестовали по распоряжению вождя. Он жаловался Сталину на обвинения Рюмина: «Этого не было и быть не могло. Это неправда. При наличии каких-либо конкретных фактов, которые дали бы возможность зацепиться, мы бы с Этингера шкуру содрали, но этого дела не упустили бы...»

В 1951 году арестовали офицеров-евреев в центральном аппарате МГБ и обвинили в создании антисоветской группы (среди них оказались Н. Эйтингон, руководивший операцией по убийству Л. Троцкого, и А. Свердлов, сын Я. Свердлова, одного из руководителей большевистского переворота 1917 года). Главой группы признали полковника Л. Шварцмана, специалиста по фальсификации политических дел; его пытали вчерашние коллеги и заставили признаться, что он руководил «еврейскими националистами» в МГБ, был связан с английской и американской разведками.

На основании этих «признаний», Рюмин доложил Сталину: Абакумов «вынашивал изменнические планы и, стремясь к высшей власти в стране, сколотил в МГБ СССР преступную группу из еврейских националистов».

После ареста Абакумова ЦК партии принял постановление «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР»; в нем сказано: «Погасив дело Этингера, т. Абакумов помешал ЦК выявить безусловно существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задание иностранных агентов...»

Рюмина назначили заместителем министра и присвоили ему генеральское звание, а С. Игнатьев, новый министр государственной безопасности, получил указание вождя: принять решительные меры «по вскрытию группы врачей-террористов, в существовании которой он (Сталин) давно убежден».

Летом 1951 года попала в тюрьму С. Карпай, врач Кремлевской больницы. К ней применяли жесткие меры воздействия, но Карпай держалась стойко и отрицала «вредительские» методы лечения советских руководителей. Не добившись нужных показаний, Игнатьев предложил Сталину «осудить Карпай на 10 лет тюремного заключения» (в сырой, холодной камере она заболела астмой и умерла через два года после освобождения).

5

Академик В. Виноградов, лечащий врач Сталина, последний раз осматривал своего пациента в январе 1952 года, обнаружил у него высокое кровяное давление, грозившее повторным инсультом, и посоветовал временно прекратить активную деятельность. Сталин был рассержен этим диагнозом; возможно, он полагал, что соперники сговорились отстранить его от руководства страной, и больше не позволял врачам осматривать себя.

В октябре 1952 года проходил 19-й съезд партии, последний в жизни вождя, на котором Всесоюзную коммунистическую партию большевиков переименовали в Коммунистическую партию Советского Союза. Сталин уже не мог выстоять на трибуне несколько часов, чтобы зачитать отчетный доклад; он произнес лишь небольшую заключительную речь, закончив ее словами: «Да здравствует мир между народами! Долой поджигателей войны!» («Все встают. Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Да здравствует великий вождь трудящихся мира товарищ Сталин!», «Великому Сталину ура!»)

По предложению вождя Политбюро переименовали в Президиум ЦК партии и значительно расширили: в его состав вошли 25 членов Президиума и 11 кандидатов. Это были новые лица в высших рядах партии, обязанные Сталину своим возвышением, – на них он и собирался опираться в будущем, не доверяя прежним своим соратникам. И хотя Берия, Молотов, Хрущев и другие также попали в Президиум, они опасались, что его создание – это часть сталинского плана будущей ликвидации «старой гвардии».

Сталин мог уничтожить их постепенно, одного за другим, обвинив в преступлениях, которые сам же и планировал. Это обстоятельство породило предположения историков, что многолетние сподвижники вождя ускорили его уход в мир иной.

Стареющий, теряющий силы глава государства, страдавший хроническими заболеваниями, не доверял уже никому, а потому уединялся на «ближней даче» под Москвой. Сплошной трехметровый забор в два ряда. Патрули с собаками. Внешняя и внутренняя охраны. Шлагбаумы на подъездном пути. Системы сигнализации внутри дома. Сталин прогнал даже генерала Н. Власика, который многие годы отвечал за его безопасность, а затем велел его арестовать – вождю доложили, что Власик не обратил должного внимания на письмо Тимашук и пытался вместе с Абакумовым замять «дело врачей-вредителей».

С. Аллилуева, из воспоминаний:

«Двадцать семь лет я была свидетелем духовного разрушения собственного отца и наблюдала день за днем, как его покидало всё человеческое и он постепенно превращался в мрачный монумент самому себе...

Он знал, что делал, он не был ни душевно больным, ни заблуждавшимся. С холодной расчетливостью утверждал он свою власть и больше всего на свете боялся ее потерять... Соперники и противники были уничтожены. Страна и партия признали его единоличную власть. Всё замолкло и, казалось, покорилось. Ему курили фимиам и за пределами СССР... Но он не радовался своей жатве.

Он был душевно опустошен, забыл все человеческие привязанности, его мучил страх, превратившийся в последние годы в настоящую манию преследования, – крепкие нервы в конце концов расшатались. Мания не была большой фантазией: он знал, что его ненавидят, и знал почему...

Но он никогда не признавал своих ошибок. Это было ему абсолютно несвойственно. Он считал себя непогрешимым и не сомневался в собственной правоте, что бы там ни было... Многим кажется более правдоподобным представить его грубым физическим монстром, а он был монстром нравственным, духовным. Второе страшнее. Но это и есть правда».

6

Н. Хрущев: «Сталин был человек очень мнительный, с болезненной подозрительностью... Он мог посмотреть на человека и сказать: «Что-то у вас сегодня глаза бегают» или: «Почему вы... не смотрите прямо в глаза?»... Везде и всюду он видел «врагов», «двурушников», «шпионов»...»

В мнительном состоянии нетрудно заподозрить врачей в злонамеренном лечении, и не случайно Сталин угрожал министру Игнатьеву: если тот не раскроет «террористов, американских агентов среди врачей,

он будет там, где Абакумов». Начались аресты. Первыми попали на Лубянку второстепенные персонажи будущего следственного дела, от которых потребовали показаний против именитых врачей. Рюмин угрожал на допросах: «Ты бандит, подлюга, шпион, террорист... Будем пытаться каленым железом...» А следователь после этого «успокаивал»: «Не переживайте. Пытки каленым железом у нас не применяются. Но порка возможна».

Арестовали жену П. Егорова, руководителя Кремлевской больницы, заставили оговорить мужа, а в октябре 1952 года пришли за ним. Егорова били резиновыми дубинками, изматывали многочасовыми допросами, содержали в наручниках – днем руки вывернуты за спину, ночью закованы спереди, и он стал подписывать любые протоколы. Так появились обвинения в убийстве Жданова и Щербакова, во вредительском лечении лидера компартии Болгарии Г. Димитрова, который умер в Москве, а также в намеренном ухудшении здоровья В. Сталина, сына вождя, лечившегося от алкоголизма.

Сталин был недоволен медленным ходом следствия, выгнал Рюмина из МГБ, и тот каялся в совершенных ошибках: «Я признаю только, что в процессе следствия не применял крайних мер, но эту ошибку после соответствующего указания я исправил». Начальником следственной части стал С. Гоглидзе, которому Сталин приказал выбить из обвиняемых показания о шпионском заговоре иностранных разведок, завербовавших врачей для свержения государственного строя в Советском Союзе.

Следственный отдел укрепили молодыми работниками из ЦК комсомола. Провели новую серию арестов. В кабинеты к следователям попали профессор В. Виноградов, М. Вовси, В. Василенко, А. Гринштейн, Б. Коган, А. Фельдман, Я. Темкин и другие. Начальник тюрьмы на Лубянке показал впоследствии: «Применяли непосредственно физическое воздействие... Белов и Кунишников – лейтенанты... Били арестованных резиновыми палками... О применении наручников и избиении... мне обычно звонили начальники следственных отделов... Убедившись, что указание исходит от заместителя министра, я давал указание надеть наручники или произвести избиение...»

Привезли из ссылки П. Жемчужину (под кодовым обозначением «объект-12») и тоже допрашивали по «делу врачей», выискивая, быть может, заговорщиков среди руководителей партии и правительства.

Н. Хрущев, из доклада на 20 съезде партии: «Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственные – бить, бить и бить...»

Профессора Вовси называли «предводителем сионистов, окопавшихся в советской медицине». Он был двоюродным братом Михоэлса, а потому следствие сочинило несложный сюжет: Михоэлс, вернувшись из Америки, поручил Вовси назначать на ответственные посты врачей-евреев, а когда это было выполнено, Шимелиович передал ему указание «Джойнта» – проводить вредительское лечение руководителей партии и правительства.

В годы войны и после нее генерал-лейтенант медицинской службы М. Вовси был главным терапевтом Красной армии; от него-то и протянули ниточку к обвинению, сформулированному в сообщении ТАСС таким образом: «врачи-вредители» «старались вывести из строя маршала Василевского А. М., маршала Говорова Л. А., маршала Конева И. С.» и других военачальников, чтобы ослабить оборону страны.

На одном из допросов Вовси сказал следователю: «Вы сделали меня агентом двух разведок, не приписывайте хотя бы германскую – мой отец и семья брата в войну были замучены фашистами в Двинске». На это следователь ответил: «Не спекулируйте кровью своих близких».

Допросы продолжались. Обвиняемых жестоко избивали, не позволяли спать, сутками держали в наручниках, отчего опухали руки, и пожилые, обремененные болезнями люди подписывали «признания» о многолетних связях с иностранными разведками. Наконец Сталину доложили: Вовси и Коган «признались», что «собирались лишить жизни» главу партии и правительства, а также Берия и Маленкова.

Меир Вовси

Пока шли аресты и допросы московских врачей, в столице Чехословакии подготавливали политический процесс. 20 ноября 1952 года на скамье подсудимых оказались крупные партийные и государственные деятели – одиннадцать евреев, чех, немец и словак. Главным обвиняемым был Рудольф Сланский (Зальцман), генеральный секретарь компартии Чехословакии, по национальности еврей (за год до этого торжественно отпраздновали его пятидесятилетие и наградили орденом Социализма, хотя те, кто награждал, уже знали, что юбиляр обречен).

Сланский был верным коммунистом и незадолго до ареста призывал в журнальной статье: «Разоблачать и обезвреживать вражескую агентуру, очищать партию от подрывных, вредных и чуждых элементов... быть беспощадными ко всем отклонениям от марксистско-ленинской линии...»

Сланского арестовали по личному указанию Сталина. Следствием руководили советники из Москвы, у которых был большой опыт, и обвиняемые испытали многочасовые допросы, пытки, психологическое давление. Вначале Сланский всё отрицал, пытался покончить жизнь самоубийством, а когда это не удалось, его сопротивление было сломлено, и он дал такое показание: «Я – враг коммунистической партии и СССР».

Из всех политических процессов в странах Восточной Европы процесс Сланского носил наиболее выраженный антиеврейский и антиизраильский характер. Подсудимых – участников «международного еврейского заговора» – обвинили в экономической диверсии и шпионаже, в подрыве обороноспособности Чехословакии и дружеских связей с Советским Союзом. О Сланском написали в обвинении: «Предпринимал активные шаги к сокращению жизни президента республики Клемента Готвальда» с помощью «лечащих врачей из враждебной среды».

Перед началом публичного процесса провели его репетицию с участием обвиняемых, которым дали до этого отдохнуть. Процесс в Праге длился восемь дней. Подсудимые соглашались со всеми статьями обвинения и произносили заученные фразы, что напоминало московские процессы 1930-х годов. Все выступления подробно освещали в газетах, транслировали по радио, а потому специальные сотрудники сверяли речи подсудимых с текстом, который лежал перед ними. Трансляция по радио шла с опозданием в пятнадцать минут, и слушатели могли услышать лишь те слова подсудимых, которые уже прошли цензуру.

Главный обвинитель заявил на процессе: причастность к сионизму следует рассматривать как одно из тяжчайших преступлений против че-

ловчества; любой еврей в той или иной степени является сионистом, и его можно считать потенциальным преступником. Прокуроры подчеркивали еврейское происхождение подсудимых, которым чужды интересы чехов и словаков; поставили в вину даже продажу оружия Израилю в 1948 году и массовый выезд чешских евреев, которые – по заявлению обвинителей – незаконно вывезли из страны материальные и культурные ценности.

По всей стране проходили собрания, на которых выносили единодушные решения: «Собакам – собачья смерть!» Суд приговорил Сланского и еще 10 обвиняемых к высшей мере наказания, троих – к пожизненному заключению. Казнь состоялась 3 декабря 1952 года. Их повесили во дворе пражской тюрьмы, тела кремировали, прах рассыпали посреди поля.

Сын одного из обвиняемых прислал письмо судьям: «Прошу для своего отца высшей меры наказания – смертной казни». (Через год сын покончил жизнь самоубийством – возможно, от угрызений совести, однако в газете написали, что он не мог жить с клеймом сына предателя.)

Президент Готвальд заявил после суда: «В ходе следствия и во время процесса... был вскрыт новый канал, по которому предательство и шпионаж проникают в коммунистическую партию. Это – сионизм». Московская газета «Новое время» разъяснила читателям: «На процессе в Праге было неопровержимо доказано, что государство Израиль взяло на себя роль международного шпионского центра... Вот почему Сланский расставил на руководящие посты... троцкистов, националистов и сионистов».

Процесс в Праге стал репетицией суда над «врачами-вредителями», который, быть может, собирались провести в скором времени.

8

Летом 1952 года в протоколах следствия по делу «врачей-убийц» появилось имя Лидии Тимашук. Ее вызвали на консультацию для разъяснения некоторых медицинских вопросов, вспомнили о позабытом письме четырехлетней давности и извлекли его из архива. И хотя в донесении Тимашук о неправильном лечении Жданова фигурировали лишь русские фамилии – Виноградов, Егоров, Василенко, Майоров, к ним добавили врачей-евреев.

1 декабря 1952 года Сталин заявил на заседании партийных руководителей, что от него скрыли письмо Тимашук (которое распорядился

отправить в архив). Тогда же он сказал: «Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться нам вредить... Любой еврей-националист – это агент американской разведки... Среди врачей много евреев-националистов...»

4 декабря ЦК партии принял постановление «О вредительстве в лечебном деле», потребовав «до конца вскрыть террористическую деятельность группы врачей... и ее связь с американо-английской разведкой».

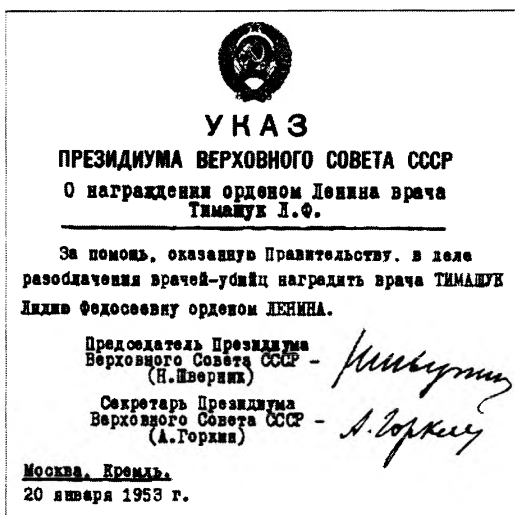
В том же месяце вождь последний раз присутствовал на заседании Комитета по присуждению ежегодных Сталинских премий и неожиданно для всех произнес: «У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразие!»

9 января 1953 года Бюро Президиума ЦК партии одобрило проект сообщения ТАСС и передовую статью газеты «Правда». Сталин отредактировал эти материалы и приказал сообщение ТАСС поместить в газетах «на четвертой полосе справа».

13 января центральные газеты Москвы и столиц союзных республик опубликовали сообщение «Арест группы врачей-вредителей».

14 января его перепечатали все областные газеты. В тот же день американский дипломат в Москве докладывал в Вашингтон: «Руководители Советского Союза живут в атмосфере постоянного психоза, недоверия и подозрительности... Они даже не пытаются убедить граждан страны, но насильно оглушают их своими фальшивыми заявлениями».

20 января Лидии Тимашук передали благодарность вождя, а на следующий день наградили орденом Ленина «за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц».

Указ о награждении
Л. Тимашук

Эта женщина сразу же стала знаменитостью, национальной героиней, которая спасла страну и ее руководителей. О ней заговорили на собраниях и по радио; газета «Правда» сообщила читателям: «Имя врача Лидии Федосеевны Тимашук стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой мужественной борьбы с врагами нашей Родины. Она помогла сорвать маску с американских наймитов... стала близким и дорогим человеком для миллионов советских людей».

В том же номере «Правды» напечатали стихи, посвященные Тимашук:

Позор вам, общества обломки,
За ваши черные дела,
А славной русской патриотке
На веки вечные – хвала!

К началу февраля 1953 года арестовали в Москве еще одну группу профессоров медицины, русских и евреев; это были М. Егоров, В. Зеленин, Б. Преображенский, Э. Гельштейн, В. Незлин, Я. Рапопорт, Н. Шерешевский и другие. Вскоре подготовили основной список обвиняемых – 37 врачей и членов их семей, половину которых составляли русские. К тому времени профессора Вовси уже заставили признать, что он руководил разветвленной группой «еврейских националистов» в медицинских учреждениях, и дело приняло явный антисемитский характер.

Главный судебный процесс, по всей видимости, собирались провести против врачей, упомянутых в сообщении ТАСС, а остальных обвиняемых предполагали осудить на параллельных процессах. Надо только учитывать, что двое врачей, названных в том сообщении, уже не могли присутствовать на суде: профессор Я. Этингер погиб в тюрьме, и место его захоронения неизвестно, а профессор М. Коган умер от рака в конце 1951 года.

Из рассказов раввина Ицхака Зильбера (заключенный 1953 года):

«По всей территории лагеря развесили плакаты: человек в белом халате, с бородой, с крючковатым носом режет ребенка – кровь льется рекой. Подпись под рисунком: «Врачи-убийцы».

Когда я шел мимо такого плаката, мне неизменно бросали:

– Эй, Абраша! Что твои доктора делают с нашими детьми?

Если проходил не один, следовала реплика:

– Вот и «Джойнт» в полном составе...»

9

В сообщении ТАСС об аресте «врачей-вредителей» было сказано, что организация «Джойнт» «проводит под руководством американской раз-

ведки широкую шпионскую террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе». Газеты страны пестрели кричащими заголовками: «Что такое “Джойнт”», «Факты о “Джойнте”», «“Джойнт” – филиал американской разведки», действующий «в глубоком подполье, тщательно замаскировавшись».

Председатель «Джойнта» немедленно опубликовал опровержение: «“Джойнт” никогда не занимался политической деятельностью... Обвинения в газетах... являются фантастическими. Мы категорически отрицаем эти обвинения, в которых нет ни капли правды».

Напоминание, без которого не обойтись.

Еврейская благотворительная организация «Джойнт» была создана в США в 1914 году для оказания помощи евреям Европы и Палестины, пострадавшим в Первой мировой войне. В 1921–1923 годах, во время опустошительного голода в России, «Джойнт» собирал деньги среди американских евреев и внес в фонд помощи десятую часть всех средств, которые затронула Американская администрация помощи голодающим (АРА). По соглашению с советским правительством, АРА ввезла в СССР сотни тысяч тонн продовольствия, одежды и медикаментов, открыла 15 000 бесплатных столовых для взрослых и детей, кормила несколько миллионов человек.

В 1923 году Москва отказалась от помощи АРА, и «Джойнт» стал действовать самостоятельно, оказавшись самой крупной благотворительной организацией на территории СССР. На деньги американских евреев ввозили продовольствие и одежду, семена, лошадей и коров для крестьянских хозяйств; медикаменты со складов «Джойнта» поступали в больницы и амбулатории Советского Союза. (В феврале 1953 года «Литературная газета» сообщила, что АРА «в действительности добивалась свержения советской власти», и в этом ей помогала «агентура «Джойнта».)

В 1924 году «Джойнт» создал дочернюю компанию «Агро-Джойнт» для оказания помощи еврейским переселенцам в Крыму и на Украине. Работники «Агро-Джойнта» безвозмездно ввозили трактора, комбайны, грузовики, строили дома, школы, больницы, птицефермы, закладывали фруктовые сады и виноградники, выдавали ссуды для покупки скота, обучали работе на земле. К 1931 году «Агро-Джойнт» создал 170 поселков на Украине и в Крыму, построил 7500 домов для 20 000 еврейских семей.

В 1938 году «Агро-Джойнт» прекратил свою деятельность в Советском Союзе. Его сотрудников отправляли в лагеря, расстреливали за шпионаж и экономическое вредительство, но после нападения Герма-

нии на СССР еврейская благотворительная организация возобновила свою деятельность. В годы войны «Джойнт» приобрел медицинское оборудование для шести госпиталей Красной армии, выделил 500 000 долларов и закупил сгущенное молоко, яичный порошок, шерстяные одеяла, свитера, куртки и прочую одежду; эти товары направляли в районы СССР с большой концентрацией еврейского населения, однако их распределяли среди граждан любой национальности.

Советский дипломат в США направил в «Джойнт» благодарственное послание: «Евреи Америки постоянно демонстрировали дружеское отношение к советским людям на протяжении четырех лет войны и разрухи...»

В 1945–1947 годах «Джойнт» закупил пенициллин на 1 миллион долларов и поставил его в СССР; еще полмиллиона долларов потратили на приобретение медицинского оборудования для больниц Днепропетровска, Пинска, Могилева и Чернигова. На деньги американских евреев «Джойнт» посылал в СССР продовольственные посылки для переживших Катастрофу, тысячи людей жили благодаря этой поддержке.

Министр государственной безопасности докладывал Сталину: «Обращает на себя внимание всё возрастающее количество посылок, направляемых в основном из США, Англии и Палестины в Советский Союз... Если в 1940 году в СССР поступило всего лишь около 13 000 посылок, то в 1943 году – свыше 30 000, в 1946 году – около 90 000, а в 1947 году – свыше 180 000».

Партийные работники считали зарубежную благотворительность «средством пропаганды буржуазной идеологии»; из Житомира сообщали: «Шпионская организация «Джойнт» под маской благотворительности опутала ряд лиц из еврейского населения города, присылая им посылки и поддерживая переписку. Среди этих лиц имеются члены КПСС».

Киев, 1953 год (из высказываний): «Почему бы не запретить евреям получать посылки из Америки. Я считаю, что тот, кто получает посылки и, следовательно, имеет связь с границей, – тот не советский человек...»

В январе 1953 года в журнале «Крокодил» напечатали фельетон «Ощипанный “Джойнт”»: «Плач стоит на реках вавилонских, главная из которых – Гудзон. Ощипан «Джойнт» – стервятник, рядившийся в голубиные перья благотворительности и человеколюбия. Потерпела сокрушительный провал американская разведка... Не вышло, не получилось,

сорвалось!.. Разорено еще одно американское диверсионное гнездо.
«Джойнт» разоблачен...»

Карикатура в журнале
«Крокодил»

10

Сообщения об аресте врачей стали темой многочисленных статей в зарубежных газетах. Евреи Нью-Йорка выходили на демонстрации. Физик А. Эйнштейн протестовал против антиеврейской политики Кремля. Конгресс США осудил «преследования евреев в Советском Союзе». Президент США Д. Эйзенхауэр заявил, что разведывательные службы Америки не имели никакого отношения к арестованным врачам; подобное заявление сделали и официальные лица в Лондоне.

Но пропагандистская кампания продолжалась. Газеты обвиняли американскую и английскую разведки, которые «способствовали действиям гитлеровских армий против Советского Союза». Сообщали читателям, что в годы войны «американские империалисты» посылали в СССР сотни тысяч пакетов с семенами овощей; в эти пакеты специально закладывали семена сорняков, а также насекомых – сельскохозяйственных вредителей.

Не случайно в послевоенные годы начались разговоры про «колорадского жука», завезенного из США, который уничтожал колхозные посевы.

«Дело врачей» вызвало в Израиле многие протесты, и неизвестные лица подложили бомбу во дворе советского посольства в Тель-Авиве.

9 февраля 1953 года, поздно вечером, раздался взрыв, зданию был причинен ущерб, два сотрудника посольства и жена посла получили ранения.

Правительство и президент Израиля осудили террористический акт, принесли свои извинения, но это не помогло. Через два дня после взрыва Москва заявила в официальной ноте, что злоумышленники действовали «при явном попустительстве полиции», обвинила правительство Израиля «в систематическом разжигании ненависти и вражды к Советскому Союзу», разорвала дипломатические отношения и аннулировала торговый договор на покупку в Израиле большой партии цитрусовых.

Это событие вызвало новую волну обвинений; 14 февраля в «Правде» написали: «Свора взбесившихся псов из Тель-Авива омерзительна и гнусна в своей жажде крови...»

В 1924 году, после смерти В. Ленина, ГПУ докладывало о распространении слухов: Ленина «отравили жидаы, стремящиеся захватить власть в свои руки...» – «Ленин отравлен врачами-евреями...» В 1938 году, на процессе руководителей «правотроцкистского блока», среди прочих оказались на скамье подсудимых врачи И. Казаков, Л. Левин и Д. Плетнев, «умертвившие путем умышленно неправильного лечения» писателя М. Горького, его сына М. Пешкова, а также государственных деятелей В. Куйбышева и В. Менжинского. Казакова и Левина расстреляли, Плетнева осудили на 25 лет лагерей, и он погиб в заключении.

Экспертизу о виновности Казакова, Левина и Плетнева подписали специалисты-медики, среди которых были В. Виноградов и Н. Шерешевский, арестованные через 15 лет по делу «убийц в белых халатах». В 1952 году в показаниях врача В. Василенко появилось такое «признание»: «Судебный процесс по делу Плетнева... открыл передо мной технику умерщвления путем заведомо неправильного лечения больного... И я решил пойти на умерщвление Жданова».

После опубликования сообщения об аресте «врачей-вредителей» Б. Слуцкий написал в стихотворении (1953 год, январь):

Уважают везде Авраама –
Прародителя и мудреца.
Обижают повсюду Абрама,
Как вредителя и подлеца.
Прославляют везде Исаака,

Возглашают со всех алтарей.
А с Исаком обходятся всяко
И пускают не дальше дверей...

И у него же – из стихотворения «В январе»:

Я кипел тяжело и смрадно,
Словно черный асфальт в котле.
Было стыдно. Было срамно.
Было тошно ходить по земле...
Оправдайся – пойди, попробуй,
Где тот суд и кто этот суд,
Что и наши послушает доводы,
Где и наши заслуги учтут...

М. Рюмина арестовали после смерти Сталина; через год его объявили «скрытым врагом советского государства» и расстреляли за «фальсификацию следственных материалов». Казнили и бывшего министра В. Абакумова, который «стал на путь авантюр и политических провокаций», а также следователей МГБ В. Комарова, А. Леонова, М. Лихачева. Министра С. Игнатьева вывели из состава ЦК партии, но вскоре вновь восстановили и назначили первым секретарем партии в Башкирии.

В феврале 1953 года в ЦК партии поступило письмо «группы студентов»:

«С чувством глубокого возмущения мы, студенты-литераторы московских вузов, узнали о преступной деятельности группы врачей-убийц, презренных еврейских сионистах, и о взрыве бомбы в советском посольстве в государстве Израиль. В свете этих событий становится более ясной деятельность критиков-космополитов – как разоблаченных в 1949 году... так и работающих на литературном поприще и поныне, чаще всего под различными псевдонимами...

Считаем недопустимым, чтобы наша русская критика находилась в руках еврейских проходимцев. Просим внимательно рассмотреть прилагаемый список критиков-евреев...»

В этом списке были указаны 62 еврейские фамилии. Член Политбюро Г. Маленков начертал резолюцию: «Дело важное. Надо посоветоваться»; письмо рассматривали в ЦК партии и через полгода отправили в архив.

Очерк восемьдесят седьмой

Депортация еврейского населения СССР – слухи или реальность?

1

13 января 1953 года в газете «Правда» – одновременно с сообщением ТАСС – поместили редакционную статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Стиль статьи, ее содержание и угрозы напомнили гражданам страны разоблачение «врагов народа» в предвоенные годы:

«По мере наших успехов классовая борьба в стране разгорается, усиливается, и это обязывает советских людей всемерно усилить революционную бдительность, зорко следить за происками врага... Советский народ с гневом и возмущением клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев. Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, он раздавит как омерзительную гадину».

Так началась открытая кампания в газетах, журналах, по радио, на многочисленных собраниях против «врачей-вредителей», «убийц в белых халатах», «наемных платных агентов».

Перечень проклятий оказался неисчерпаемым: «иудина шайка», «людоеды», «скрытые враги», «наемники империалистических разведок», «подонки человеческого общества, сердца которых обросли шерстью»...

Это был хорошо спланированный мощный пропагандистский удар всеми средствами информации, который всколыхнул население Советского Союза. В стране уже не было купцов, фабрикантов, кулаков и непманов; «недобитые остатки» троцкистов, бухаринцев и зиновьевцев доживали в лагерях последние дни; требовалось назвать новых «врагов», чтобы граждане страны повысили бдительность, сплотились вокруг своего вождя, – и евреи прекрасно подходили для этой цели.

Многонациональное советское государство состояло из больших народов и малых народностей, говоривших на сотнях различных языков и наречий. Лозунг «Бей удмуртов!», к примеру, или «Бей ханты и мансийцев!» не нашел бы отклика в обществе и не привел к желаемым результатам. Кто сталкивался в жизни с ханты и мансийцами, кто слышал о них? – евреев знали все, их видели повсюду, и потому клич «Бей космополитов!» или «Бей врачей-вредителей!» находил понимание в тех слоях общества, которые были заражены бытовой неприязнью к евреям, могли оказать активную или пассивную поддержку очередным массовым репрессиям.

Антисемитизм в стране возрос в послевоенные годы, и не составило бы особого труда убедить часть населения не только в существовании «врачей-вредителей», но и конкретного неблагонадежного народа, замаскированной «пятой колонны», из которой иностранные разведки вербовали шпионов и диверсантов. Да и кто мог сомневаться во враждебных намерениях евреев, когда на глазах у всех их лишали доверия, арестовывали и увольняли по всей стране? Кто решился бы выступить на их защиту?..

И еще одно, немаловажное. Жизнь в Советском Союзе была скудной – низкие заработки, нехватка продуктов, постоянные очереди в магазинах, невероятный жилищный кризис без надежды на улучшение; требовалось в очередной раз найти «вредителей», притаившихся поблизости, и «дело врачей» могло послужить громоотводом, на который население страны излило бы свое недовольство.

Опыт карательных мер показывал: страну сплачивает общий враг, с которым следует бороться, страну замораживает страх – результат этой борьбы.

2

В январском номере журнала «Крокодил» появилась редакционная статья «Отравители»:

«Больной доверчиво смотрел в лицо маститого профессора, склонившегося над изголовьем. Он встречался своим взглядом с глазами медика. Вовси, Б. Коган и М. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер, Виноградов, Егоров умели менять выражение своих глаз, придавать своим волчьим душам человеческое обличье...

Они умели разыгрывать роли благородных людей. Впрочем, они прошли известную школу в этой области у лицедея Михоэлса, для которого не было ничего святого, который ради тридцати серебряников продавал свою душу... «стране Желтого Дьявола».

Уроки маскировки брали отравители и у своего коллеги по докторской профессии – преступника Шимелиовича...»

Газета «Советская Белоруссия» заклеила «преступления» врачей Эпштейна, Нисневича, Блока, Канторовича, Слободской. «Украинская правда» возглашала: «Глубокую ненависть вызывают в народе все эти Каганы и Ярошевские, Гринштейны, Персисы, Капланы и Поляковы...»

Если прежде арестовывали и осуждали втайне – примером тому расстрелянные деятели ЕАК, то в этом случае всё делалось открыто. Это был публичный, официально разрешенный антисемитизм, который стал одним из способов воздействия на население страны. Газеты печатали статьи «Покончить с ротозейством в наших рядах»; бдительные руководители лечебных учреждений просматривали дела больных, умерших после операций, и делали организационные выводы; массовые увольнения и аресты происходили повсюду, за решетку отправляли терапевтов и педиатров, рентгенологов, ортопедов и нейрохирургов.

В Ростове арестовали заведующих кафедр медицинского института А. Бродского, А. Воронова, П. Эмдина; по обвинению в преступных экспериментах на детях посадили профессора И. Серебряйского и его ассистентку Ф. Державец. В Харькове попали за решетку врачи профессор В. Коган-Ясный и Ш. Шлемензон. Группа молодых врачей из белорусского города Мозырь послала донос на своих коллег-евреев, которые «проводили опыты» на белорусах «со смертельным исходом», – по этому доносу начали следствие.

В Челябинске репрессировали профессоров медицинского института, замышлявших «погубить руководителей уральской военной промышленности»; в тюрьме оказались М. Бургсдорф, Г. Благман, Р. Дымшиц, А. Кацнельсон, Г. Либерзон и другие.

Кацнельсона обвинили во вредительском лечении больных, у которых не восстанавливалось затем зрение, – тем самым он увеличивал количество слепых в стране.

Из воспоминаний:

«Я помогал отцу вырезать из медицинских книг и журналов фотографии и фамилии арестованных. Жечь бумагу в комнате коммунальной

квартиры было опасно, но обрывки можно было осторожно спускать в унитаз, не привлекая особого внимания соседей...

Помню, мама и бабушка удивлялись, что все врачи объявлены агентами мирового сионизма – и Виноградов, и Егоров, и Василенко... Сомневались и не верили считанные единицы, но вслух возражать не смел никто».

3

С января 1953 года прошла по стране волна арестов еврейских религиозных деятелей. В Одессе попал за решетку раввин И. Динес, в Ростове-на-Дону – кантор синагоги А. Малкин, в Омске – председатель еврейской общины Э. Столяр и несколько членов правления; в городе Дзауджикау Северной Осетии арестовали кантора А. Станкевича, в Ужгороде – руководителей еврейской общины города.

Закрыли синагогу в Полтаве, подготовили документы для ликвидации синагог в Мукачево и Ужгороде, собирались выселить верующих из арендуемого помещения в подмосковной Малаховке; раввину Ш. Шлиферу вновь отказали в просьбе издать молитвенник – с категорической резолюцией: «Считать ходатайство необоснованным». Посещаемость молитвенных домов уменьшилась, и один из раввинов разъяснил причины этого явления: «Верующие боятся ходить в синагоги в связи с ситуацией в стране».

Антиеврейская кампания в Грузии отличалась особым размахом. Опечатали 14 синагог, конфисковали молитвенники, запретили выпечку мацы к празднику Песах, арестовали служителей культа за произнесение крамольной фразы: «В будущем году в Иерусалиме». Среди арестованных оказались К. Давидашвили, духовный руководитель общины грузинских евреев, и тбилисский раввин Х. Купчан, которому в тюрьме выщипали бороду.

Грузинские евреи собирались подарить государству Израиль золотой семисвечник, символ страны; за это арестовали прихожан тбилисской синагоги и обвинили в попытке переправить валюту в Израиль.

В Тбилиси испекли мацу из муки, купленной местными евреями; мацу конфисковали и передали на откорм свиней правительственного подсобного хозяйства.

Из анонимного письма Сталину (начало 1953 года):

«Я – русский интеллигент, русский человек, советский человек, люблю всей душой всё русское... Но мне абсолютно чужд великорусский шовинизм... То, что антисемитизм организован у нас «сверху», это

факт... Не принимают евреев в университеты, не принимают на работу в министерства... значительно уменьшилось число (евреев) лауреатов Сталинской премии...

Слово «жид» за последние годы стало таким же распространенным, как русский мат... Руководители партии и правительства не могли не знать, не имели права не знать, какую новую волну антисемитизма вызовет сообщение от 13 января о врачах-извергах...

Сколько изуверских бредней сейчас широко распространяется – еврей уколами прививает рак, евреи в родильных домах убивают русских младенцев... В народе широко распространено, что Егоров, Виноградов, Майоров также евреи, но только под русскими фамилиями. Скоро договорятся до употребления евреями в пищу русской крови...»

В начале 1953 года из Симферополя сообщили: «Одна из студенток местного института, проживавшая... у еврейки, вдруг заявила, что выезжает из квартиры. Когда стали добиваться причины, она ответила: «Подруги мне посоветовали... Приближается Пасха, могут взять у меня кровь»...»

14 января 1953 года на окраине Киева появилась рукописная листовка: «Объявление!!! Изгнание жидов!.. Гоните их в шею, чтобы не пахло иным духом на нашей земле...» Затем расклеили новые листовки: «Еврей! Вон с Украины!», «Бейте жидовских шпионов».

В феврале проходили очередные выборы в местные советы, и в бюллетенях избирателей обнаружили анонимные записи: «Жизни русскому народу не будет, пока евреев мы всех не истребим, как это делали немцы. Сталин – это грузинский еврей, и пока он руководит, мы будем не жить, а мучиться...» – «Я опускаю бюллетень, чтобы жить при коммунизме. Бей жидов, спасай Россию...» – «Если он (депутат) не русский, то есть еврей, то мой голос недействительный...»

В бюллетенях попадались и иные записи: «Прошу обратить внимание на антисемитизм в Киеве...» – «Царское правительство преследовало евреев. Фашисты избивали евреев. Почему советская власть поступает так же?..» – «Не будьте антисемитами, не лейте напрасно нашу кровь...»

4

Это было поистине гениальное изобретение – выбрать врачей, особенно врачей-евреев, в качестве «убийц в белых халатах». Борьба с космополитами, с театральными критиками, поэтами, композиторами не могла затронуть чувства и вызвать опасения в городах и деревнях

необъятной страны, – кто в Сибири, Средней Азии, на Украине видел хоть раз в жизни театрального критика?..

Врачи были повсюду. С врачами сталкивался каждый. Врач-злодей мог оказаться в любой больнице, поликлинике, детской консультации, навредить здоровому и погубить больного. Возникали невероятные слухи о врачебных преступлениях, которые приписывали евреям; говорили, что они заражали пациентов туберкулезом и сифилисом, прерывали беременность у женщин, умерщвляли новорожденных младенцев, подсовывали в аптеках ядовитые порошки.

Любая ошибка врача или медицинской сестры, любой спорный диагноз могли послужить обвинением во вредительстве; больные отказывались идти на прием к врачам-евреям и проверяли содержание выписанных рецептов; матери не разрешали делать прививки своим детям; отклики населения соответствовали атмосфере страха и опасений за свою жизнь, за жизнь родных и близких.

Днепропетровск: «Врачи еврейской национальности выходят из доверия у народа. Хоть бы товарищ Сталин поменьше обращался к врачам...»

Кемеровская область: «Надо написать письмо товарищу Сталину, чтобы ни одного еврея-врача не допускал близко к стенам Кремля...»

Киев: «Евреи залечили моего мужа и отправили его на тот свет только потому, что он был членом партии...» – «Я бы ни одному еврею не разрешила лечить людей и быть около продуктов питания...»

Одесса: «Недавно моя приятельница, цветущего здоровья женщина, неожиданно заболела раком и умерла. Мы недоумевали, откуда у нее рак? Сейчас всё понятно...»

Челябинск: «Бывали случаи, когда больные, купив лекарство, возвращались в кабинет врача и требовали: «Прими первую таблетку сама. Может, она отравленная. Везде пишут, что евреи травят русский народ...»

Львов: «Советский народ проклинает этих вырожденков и требует самого сурового наказания...»

Черновцы: «Они американские шпионы, злейшие наши враги, прощения не должно быть. Кровь за кровь!..»

Томск: «Это не люди, а звери, даже хуже зверей...» – «Враг не добит, он сопротивляется из последних сил. Но он будет уничтожен...»

Днепропетровск: «Выселить евреев в Еврейскую автономную область или на Чукотский полуостров, но продумать вопрос с охраной границ – из-за возможности перебежки к американцам или продажи исконно русского полуострова американцам...»

В январе 1953 года в ЦК партии подготовили письмо в редакцию газеты «Правда»; его должны были подписать евреи из разных слоев насе-

ления, чтобы это явилось откликом на «разоблачение шпионской банды врачей-убийц».

В письме сказано среди прочего: государство Израиль стало «плацдармом американских агрессоров», а сионистские организации во всем мире превратились «в центры международного шпионажа и диверсий». «Еврейские буржуазные националисты» стремятся «превратить обманутых ими евреев в шпионов и врагов русского народа», но это им не удастся сделать, потому что в Советском Союзе нет «национального гнета», «полностью восторжествовали справедливость и искренняя дружба между народами... Впервые в истории трудящиеся евреи обрели свободную, радостную жизнь, возможность безграничного развития в любой области труда и творчества».

В конце письма присутствовало категорическое заявление: «Группа врачей-убийц разоблачена... Как все советские люди, мы требуем самого беспощадного наказания преступников».

Начали сбор подписей под письмом в «Правду», однако заминка случилась с И. Эренбургом. Ознакомившись с текстом, он в тот же день обратился к Сталину, совершив поступок, чреватый по тем временам непредвиденными последствиями. «Дорогой Иосиф Виссарионович, я решаю Вас побеспокоить только потому, что вопрос, который я не могу сам решить, представляется мне чрезвычайно важным...»

Прежде всего Эренбург заявил, что «единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция». И далее: «В тексте «Письма» имеется определение «еврейский народ», которое может ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет». Но самое главное, «опубликование письма... может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую ведут теперь сионисты, бундовцы и другие враги нашей родины».

Обращение знаменитого писателя попало к адресату, и в первоначальном варианте письма слова «еврейский народ» заменили на «советские евреи» и «еврейские труженики». Письмо подписали 57 человек – писатели, ученые, артисты, композиторы, врачи, дирижер, учитель, рабочий, сталевар, председатель колхоза.

Среди них были генерал-полковник Я. Крейзер, певец М. Рейзен, кинорежиссер М. Ромм, писатели В. Гроссман, С. Маршак, И. Эренбург, академик Л. Ландау, авиаконструктор С. Лавочкин, композиторы М. Блантер и И. Дунаевский, скрипач Д. Ойстрах, пианист Э. Гилельс.

Обращение в «Правду» подготовили к публикации, ожидали разрешения из Кремля, но письмо не понравилось Сталину, и в первых числах февраля его отправили в архив. Через две недели появился второй вариант письма, написанный в более спокойных тонах; там даже присутствовал призыв к «еврейским труженикам» во всем мире совместно «поработать над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев».

В этом варианте письма основной удар был направлен против Израиля, с которым к тому времени разорвали дипломатические отношения. Но составители письма уже не требовали «беспощадного наказания» арестованных врачей, в тексте отсутствовали выражения «выродки» и «отщепенцы»; вновь появилось выражение «еврейский народ» и было высказано пожелание об издании газеты, «предназначенной для широких слоев еврейского населения в СССР и за рубежом».

Подписи 57 человек автоматически поставили и под этим обращением в «Правду», добавили к ним еще двух евреев – экономиста и зоотехника, однако на страницах газеты оно тоже не появилось. Многие годы это письмо (оба его варианта) находилось в секретных архивах, отчего было недоступно и вызывало немало предположений, основанных на слухах и легендах, – когда же его опубликовали, исследователи разошлись в своих выводах: с какой целью Сталин приказал составить это письмо и почему не разрешил напечатать его в газете?

Антисемитские настроения в стране нарастали, беспокойство евреев усиливалось, – не опасался ли вождь, что погромная ситуация выйдет из-под контроля, подхлестнет вражду между большими и малыми народами страны, ударит, к примеру, по русским пришельцам в среднеазиатских республиках и приведет к непредсказуемым результатам в многонациональном государстве? Но в таком случае логично предположить, что более умеренный вариант письма следовало непременно опубликовать – для успокоения населения и предотвращения нежелательных последствий антиеврейской кампании.

Кое-кто утверждает, что второй вариант письма потребовался Сталину для того, чтобы свести на нет «дело врачей», вызвавшее за рубежом огромный резонанс. Но как бы поступили тогда с арестованными? Их не могла постигнуть участь деятелей Еврейского антифашистского комитета, которых тайно арестовали и тайно расстреляли; о «врачах-вредителях» официально сообщили на весь мир, и теперь пришлось бы организовать открытый процесс или отпустить всех на свободу, на что диктатор никогда бы не согласился.

Не сожалел ли вождь перед смертью, что тайком не расправился с врачами? А может, он понял в своей изоляции – подступает старость, немощь с болезнями, как же тогда оказаться без самых лучших врачей, которые могли бы ему помочь? Предположения, одни предположения...

Достоверно известно лишь одно: кампания против «убийц в белых халатах» стало вершиной сталинской политики в последние месяцы и дни его жизни.

«Известия» (18 февраля): «Презренные предатели, скрывавшиеся под маской профессоров-врачей...»

«Правда» (20, 22, 23, 26, 27 февраля, 1 марта): «Шпионы, вредители, враги народа...»

«Комсомольская правда» (4 марта): «Советская патриотка, рядовой врач Л. Ф. Тимашук...»

Журнал «Знамя» (март 1953 года): «Эти преступники умертвили товарища А. А. Жданова и довели до смерти товарища А. С. Щербакова...»

Известны случаи самоубийств среди евреев в первые месяцы того года, и секретные осведомители сообщали отклики еврейского населения: «Не верю в евреев-вредителей...» – «Это уже открытый погром...» – «Опять есть повод, чтобы избивать евреев...» – «Среди еврейского населения жуткая паника. Ожидается переселение в Биробиджан со всех концов СССР...» – «Соберут всех евреев и высылат в тайгу...»

6

Слухи о насильственном переселении еврейского населения появились, очевидно, после ареста деятелей Еврейского антифашистского комитета и подпитывались затем последующими репрессиями. Кампания против «безродных космополитов», увольнения евреев по всей стране, антисемитские статьи в газетах, арест «врачей-вредителей», всполошивший Советский Союз, – всё это нагнетало обстановку и способствовало появлению множества слухов.

Заговорили о скором судебном процессе над «убийцами в белых халатах», о смертном приговоре, публичной казни на Красной площади и запланированных взрывах негодования по всей стране, чтобы насильственную депортацию – по хитроумному замыслу властей – можно было оправдать «избавлением» евреев от народного гнева.

Шептались о том, что всё еврейское население отправят в Восточную Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток, где выстроены уже гигантские лагеря для приема переселенцев; что на запасных путях больших

городов подготовлены товарные составы, составлены списки евреев в отделениях милиции, утверждена последовательность выселения – сначала чистокровные евреи, затем полукровки.

Из воспоминаний: «Сосед по квартире, совсем юный, с трогательной непосредственностью сообщает мне, что нас скоро выселят, и они займут нашу комнату...»

Разговоры о несостоявшемся насильственном выселении не утихали затем многие годы. Периодически появлялись воспоминания очевидцев – или тех, кому об этом сообщали очевидцы – о специальной комиссии по выселению евреев, созданной Сталиным, об огороженных зонах в глухих районах Сибири и Дальнего Востока и огромных бараках «в одну доску» без электричества и отопления, где в суровые зимние морозы погибли бы все, кого туда намеревались переселить.

Эта тема попала не только в мемуары современников, но и в научные исследования, вызвав долгие споры и предположения. Одни историки говорят: не найдено ни единого документа, который подтверждал бы слухи о депортации еврейского населения или хотя бы о ее подготовке. Другие им возражают: указания могли быть устными, переданными по телефону непосредственным исполнителям, что случалось нередко в иных случаях. Документы, подтверждающие депортацию, возможно, уничтожили в последующие годы (известно, что часть личных архивов Сталина и его соратников была ликвидирована), или они хранятся в архивных фондах КГБ, МВД, Политбюро, недоступных для исследователей, – подобно указам о выселении кавказских народов, которые обнаруживали лишь через десятки лет.

Д. Волкогонов, историк (из высказываний по иному поводу): «Знаю, немало документов было уничтожено... Режим тогда был таким, что можно предполагать самые дикие варианты... История, особенно советская, полна тайн. Часто зловещих...»

В протоколах заседаний Политбюро появлялись загадочные записи: «Обсуждение секретных мероприятий». На донесениях встречались пометки Сталина: «Прошу эти документы уничтожить». Кто знает, что они обсуждали на тех заседаниях, какие документы уничтожали по приказанию вождя?..

Одни исследователи утверждают: не было никакой возможности выселить в кратчайшие сроки несколько миллионов евреев; на это не хватило бы сотрудников карательных органов, транспорта и прочих необходимых средств для подневольного перемещения огромного количе-

ства людей. Другие им возражают: депортацию могли проводить поэтапно, область за областью, вылавливая и в последующие месяцы затавившихся представителей этого народа.

Кое-кто полагает, что от изъятия из жизни общества большого количества специалистов пострадали бы здравоохранение, образование, наука, оборонная промышленность. В ответ на это им указывают на иные поступки Сталина, особенно во времена коллективизации и в предвоенные годы «большого террора», которые привели к разрушительным последствиям в армии, науке, культуре, промышленности и сельском хозяйстве.

Говорят даже о том, что для насильственной депортации потребовалось бы предварительно изменить советское законодательство и признать антисемитизм официальной политикой коммунистической партии, для чего понадобился бы длительный период времени (наподобие того, как это происходило в гитлеровской Германии – годы антисемитской пропаганды, принятие расовых законов, устранение евреев из экономической жизни страны, а уж затем их физическое уничтожение).

Им возражают не без оснований: в практике Кремля было немало насильственных переселений отдельных народов без изменения законодательства, да и антисемитская кампания тех лет, охватившая все средства массовой информации, воспринималась гражданами страны как официальная политика руководителей Советского Союза.

Это было время жесткой конфронтации с Западом. Не полагал ли Сталин, что мир находился на пороге Третьей мировой войны, в преддверии которой следовало изолировать еврейское население страны, зараженное – по его мнению – проамериканскими настроениями? А может, он задумывал не депортацию в начале 1953 года, но подготовку к ней, разработку предварительных планов, чтобы в нужный момент без промедления приступить к переселению на восток «пятой колонны»?

Решения вождя не всегда поддавались логическому объяснению, особенно в последние годы его жизни, а потому возможны различные объяснения тех или иных событий, которые произошли или только намечались к исполнению единоличным правителем страны. Требуются документы, но они пока что не обнаружены, а может, уже не существуют. Требуются авторитетные свидетели, приближенные к Сталину, но они разошлись во мнениях. Каганович и Хрущев отрицали существование планов насильственного переселения евреев; Булганин и Микоян их подтверждали с той или иной степенью убедительности.

Н. Булганин рассказывал: Сталин приказал ему подготовить сотни железнодорожных составов для высылки евреев. А Микоян вспоминал: «Готовилось «добровольно-принудительное» выселение евреев из Москвы. Смерть Сталина помешала исполнению этого дела».

Снова и снова возникает вопрос: депортация еврейского населения СССР – слухи или реальность? Эту тему нельзя рассматривать обособленно, применительно лишь к евреям Советского Союза; необходимо напомнить многие и многие случаи выселения народов, которые неоднократно происходили, – и вот некоторые из них.

В 1937 году власти предположили, что японцы могут завербовать шпионов среди корейского населения, а потому выслали в Среднюю Азию всех корейцев, проживавших в Сибири и на Дальнем Востоке. «Их привезли на грузовиках, оставляя меж высохших кустиков верблюжьих колючек... Они хватали за голенища водителей и милиционеров, умоляя увезти их в людные места, потому что в мороз и ветер, без очага и крыши помрут маленькие дети и старики, да и молодые вряд ли дотянут до утра...»

В 1940 году из Ленинградской области вывезли в Карелию финнов и эстонцев – для заселения пустующих земель, отвоеванных у Финляндии.

28 августа 1941 года вышел указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Упразднили Автономную республику немцев Поволжья, ее жителей-немцев депортировали в Казахстан и Сибирь; туда же отправили немцев из других районов европейской части страны.

С конца 1943 года началось поголовное выселение народов, обвиненных в сотрудничестве с немецкими оккупантами в годы войны. В октябре ликвидировали Карачаевскую автономную область; карачаевцев – небольшой народ на Северном Кавказе – выселили с их земель в Казахстан и Киргизию. В последние дни декабря ликвидировали Калмыцкую АССР, более 26 000 семей калмыков отправили под конвоем в Сибирь и на Урал; калмыков – солдат и офицеров – отчислили из боевых частей и отправили в строительные батальоны.

Каждое выселение планировали заранее как военную операцию с применением солдат и боевой техники. Село или аул внезапно окружали солдаты с автоматами, сгоняли жителей на площадь, зачитывали указ о выселении, разрешали брать с собой ограниченное количество вещей, а затем подъезжали огромные «Студебеккеры», в кузовах которых отвозили на железнодорожные станции (эти «Студебеккеры» присылали из США для помощи Красной армии).

Изгнание было поголовным, под усиленной охраной, навечно и без права на возвращение; вывозили мужчин, женщин, стариков и детей,

семьи солдат и офицеров, воевавших и погибших на фронтах, партийных деятелей, членов местного правительства, орденосцев и Героев Советского Союза.

«В переполненных до предела телячьих вагонах, без света и тепла, почти месяц следовали мы к неизвестному месту назначения... Пошел гулять тиф... Во время коротких стоянок, на глухих безлюдных разъездах... в черном от паровозной копоти снегу хоронили умерших...»

Берия докладывал Сталину в 1944 году: «Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей». Перед депортацией выпал глубокий снег, и грузовики не могли пройти в отдаленные селения, чтобы отвезти чеченцев на железнодорожные станции. Сроки поджимали, следовало доложить начальству о завершении операции, а потому в горном ауле Хайбах согноли 700 человек в конюшню колхоза имени Л. Берия и всех сожгли. «Нешадный чудовищный костер поднялся до гигантских размеров... – вспоминал очевидец. – Никто не вырвался из огня и автоматной блокады. Ни один не спасся...»

Эта операция получила кодовое название «Чечевица»; доклады Сталину поступали ежедневно, и через неделю Берия сообщил: «По 29 февраля выселены и погружены в железнодорожные эшелоны 487 479 человек, в том числе 91 250 ингушей...» Чечено-Ингушская АССР перестала существовать – ее коренных жителей выселили в Казахстан и Киргизию; туда же отправили чеченцев и ингушей из Дагестана и других районов страны.

В операции «Чечевица» принимали участие 19 000 работников карательных органов и 100 000 бойцов и офицеров войск НКВД; «наиболее отличившихся» наградили орденами и медалями. Полководческий орден Суворова I степени получили 4 человека (среди них Берия), орден Кутузова I степени – 3 человека, орден Суворова II степени – 13, орден Кутузова II степени – 17, орден Красного Знамени – 79 человек.

За проведение операции «Чечевица» наградили орденами и медалями 714 человек. М. Гвишиани, руководитель убийства в ауле Хайбах, «заслужил» орден Суворова II степени.

Затем войска НКВД перебросили в Кабардино-Балкарию, и началось выселение балкарцев в Казахстан и Киргизию. С 18 по 20 мая 1944 года, после освобождения Крыма, выслали на Урал и в Среднюю Азию 190 000 крымских татар, а в последующие месяцы депортировали с полуострова 13 000 болгар, 10 000 армян, более 14 000 греков (награды получили 371 человек).

Из воспоминаний крымской татарки: «В три часа утра, когда дети еще спали, вошли солдаты и потребовали, чтобы мы за пять минут собрались и вышли из дома. Нам не разрешили брать с собой ни вещи, ни продукты... Выгнав из деревни, нас продержали голодными целые сутки... Стоял сплошной плач голодных детей. Муж сражался на фронте. Я была с тремя детьми. Наконец нас погрузили... в товарные вагоны, битком набитые, как скот. Везли 24 дня в Самаркандскую область...»

К концу 1944 года из Грузии выселили в Среднюю Азию 90 000 турок-месхетинцев и представителей других туркоязычных мусульманских этнических групп, проживавших в приграничных районах с Турцией (413 сотрудников, «наиболее отличившихся при проведении операции», отметили боевыми орденами и медалями).

Начальник отдела спецпоселений НКВД сообщал в начале 1945 года: «Имеется 2 137 769 спецпереселенцев, из них: бывших кулаков – 646 965 человек... немцев – 568 825... чеченцев и ингушей – 467 365... карачаевцев – 64 017... балкарцев – 35 829... переселенных из Крыма – 216 943... калмыков – 83 688 человек...» Среди них было «большое количество детей, оставшихся без родителей».

Высланных ставили на специальный учет, каждый из них должен был ежемесячно отмечаться в комендатуре и не имел права без разрешения покидать место жительства; за нарушение режима грозило тюремное заключение на большие сроки. Самыми трудными были первые годы жизни на новых местах, во время которых умерли десятки тысяч человек.

Самаркандская область: «Мы работали, голодали. Многие от голода с ног валились. Из нашей деревни вывезли 30 семей, из которых остались в живых неполных 5 семей. И в этих семьях выжили один-два человека, остальные погибли от голода и болезней».

Среди спецпереселенцев в Сибири и Средней Азии оказались и евреи, высланные еще перед войной и испытывавшие вместе с другими тяготы той жизни. «Помню, какой-то начальник оставил после еды кусок хлеба. Мама сказала: «Неужели настанет время, когда и мы оставим недоеденный кусочек?»...»

8

В начале 1930-х годов сослали в Таджикистан «раскулаченных» крестьян и поселили в Вахшской долине, неподалеку от афганской границы. М. Занд свидетельствовал:

«В то время это была безжизненная пустыня. Ссылные выкопали здесь ирригационные каналы. Большинство из них при этом умерло. Те

же, кто остался в живых, были названы «Колхозом имени Москвы», им велели выращивать хлопок.

В 1941 году сюда были сосланы немцы Поволжья; в 1944-м – крымские татары, греки с юга Украины и даже небольшая группа голландцев – население двух голландских хуторов, существовавших на Украине с конца восемнадцатого века; в 1945 году доставили болгар из Бессарабии. Многие из этих ссыльных тоже умерли.

В 1950–1951 годах сюда привезли язгулемцев, маленькое племя с гор Памира, и горных таджиков из Куляба. Большинство язгулемцев и часть кулябцев также погибли: горцы просто-напросто не могли здесь жить. Среди хлопковых полей колхоза были разбросаны кладбища – для каждой группы свое...»

Эта тема может показаться излишней в теперешнем повествовании, но не мешает узнать, что происходило в разные времена с народами Советского Союза и что могло случиться с еврейским населением в 1950-е годы.

В конце войны и в первые послевоенные годы отправляли в лагеря и ссылки греческое население Черноморского побережья, латышей, литовцев и эстонцев из Прибалтики, украинцев из Западной Украины, гагаузов и болгар из Молдавии. Та же судьба постигла в Грузии армян и ассирийцев – бывших турецких и иранских подданных, а также «лах-лухов» – евреев-выходцев из Иранского Азербайджана и Курдистана. В 1951 году выселили всех евреев из подмосковного села Давыдково, располагавшегося неподалеку от «ближней дачи» вождя.

Из воспоминаний заключенного: «В лагере мы наблюдали, как менялся национальный состав. Сперва узбеки и таджики в цветастых халатах – они были сильные люди, но их становилось всё меньше... Вслед за таджиками в лагерь пришли греки из Крыма... Их было много – не меньше, чем немцев из Поволжья, поляков, эстонцев, литовцев... Все народы были представлены в лагере – чеченцы, ингуши, крымские татары, карачаевцы...»

В 1954 году МВД сообщило, что на спецпоселении находилось 2 819 776 человек, в том числе 884 057 детей, не достигших шестнадцатилетнего возраста.

Разговоры о депортации еврейского населения можно оценивать по-разному, называя их слухами или неосуществленными планами диктатора, больного, подозрительного, ожидавшего отовсюду опасности для себя и своего режима. Одно можно сказать наверняка: Сталин установил

принцип коллективной вины целых народов и этнических групп, был накоплен огромный опыт по насильственному их переселению; отчего же подобное не могло произойти с еврейским населением Советского Союза – в заданные сроки и по отработанному сценарию?

Существовало много слухов о поведении отдельных лиц, отказавшихся подписать письмо в «Правду». Среди прочих предложили поставить подпись писателю В. Каверину; он этого не сделал, и ему – «с оттенком скрытой угрозы» – сказали: «Подумайте, если можно, недолго».

Из воспоминаний Каверина: «Надо было найти убедительные причины для отказа – вот о чем мы толковали (с женой) два или три дня с утра до ночи... Когда я наконец снял телефонную трубку и вызвал Маринина, я мгновенно забыл всё, что мы придумали, и на вопрос этого иуды: «Отказываетесь? Почему?», ответил только: «По многим причинам». – «Так и передать главному редактору?» – «Так и передайте». Я положил трубку и повернулся к жене, которая всплеснула руками...»

В 1944–1945 годах, после массового выселения из Крыма, были переименованы татарские, немецкие, болгарские и греческие названия сотен населенных пунктов. Село Ак-Шейх стало называться Раздольное, Корбек – Изобильное, Улу-Узень – Генеральское, Биюк-Озенбаш – Счастливое и так далее; город Карасубазар превратили в Белогорск.

Заодно исчезли в Крыму и еврейские названия. Село Шолом-Алейхем получило наименование Колоски, Идендорф (село Еврейское) стало называться Октябрьское, Фрайдорф (Свободное) – Новосельцы, Фрайлебен (Свободная жизнь) – Вольное, Лениндорф (Ленинское) – Дивное, Икор (Землепашец) – село Ромашкино и прочее.

Ройтфелд (Красное поле) на юге Украины переименовали в Степное, Ефингарь (Красивая река) – в Плющевку; Калининдорфский район стал Калининским, Сталиндорфский – Сталинским.

Депортацией из Крыма и Северного Кавказа командовали заместитель наркома государственной безопасности Б. Кобулов и заместитель наркома внутренних дел И. Серов, которых наградили

за это орденами Суворова I степени и Красного Знамени. Кобулова расстреляли вместе с Берия в конце 1953 года, а Серов стал председателем КГБ, получил звание генерала армии и Героя Советского Союза.

После смерти Сталина высланные с Северного Кавказа стали нелегально возвращаться в родные места. Тысячи чеченцев и ингушей жили в землянках неподалеку от своих домов, где поселились чужие люди; они восстанавливали кладбища и хоронили на них умерших родственников, тела которых привезли из ссылки.

В конце 1956 года ЦК партии принял постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов», и вскоре оставшиеся в живых вернулись домой. Высланным немцам не позволили поселиться на прежнем месте, турок-месхетинцев не пустили в Грузию, а крымским татарам пришлось бороться многие годы, прежде чем они смогли вновь поселиться в Крыму.

Возникает естественный вопрос: если бы при жизни Сталина произошла депортация еврейского населения и если бы затем признали ее незаконной, – куда бы смогли вернуться два миллиона евреев?..

А. Некрич, из книги «Наказанные народы» (написана в 1970-е годы):

«Живописны дороги Кабардино-Балкарии. Много автомашин мчится по ним, и среди водителей немало балкарцев. Загляните в их кабины, и вы увидите Его фотографию. С ласковой, отеческой, заботливой сталинской улыбкой он смотрит на водителя...

Поистине, неисповедимы пути Господни!»

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

Смерть Сталина

1

М. Джилас (из воспоминаний):

«Ужин начался с того, что кто-то – думаю, сам Сталин – предложил, чтобы каждый сказал, сколько сейчас за окном градусов мороза, и потом, в виде штрафа, выпил бы столько стопок водки, на сколько градусов он ошибся... Берия, помню, ошибся на три градуса и добавил, что это он нарочно, чтобы получить побольше водки...

От этой забавы – определения стопок водки по градусам мороза – вдруг пахнуло на меня изоляцией, пустотой и бессмысленностью жизни, которой живет советская верхушка, собравшаяся вокруг престарелого вождя и играющая одну из решающих ролей в судьбе человеческого рода...

Это ощущение... особенно усугубляла старость Сталина с явными признаками сенильности... В его сенильности было что-то трагическое и уродливое...»

2

С. Аллилуева:

«Я была у него 21 декабря 1952 года, в день, когда ему исполнилось семьдесят три года. Тогда я и видела его в последний раз.

Он плохо выглядел в этот день... Очевидно, ощущал повышенное давление, но врачей не было. Виноградов был арестован, а больше он никому не доверял и никого не подпускал к себе близко. Принимал сам какие-то пилюли, капал в стакан с водой несколько капель иода, – откуда-то он брал эти фельдшерские рецепты...

За сутки до удара он был в бане... и парился там по старой сибирской привычке. Ни один врач не разрешил бы этого, но врачей не было...»

П. Судоплатов, генерал МГБ (конец 1952 года): «Я увидел уставшего старика. Сталин очень изменился. Его волосы сильно поредели, и хотя он всегда говорил медленно, теперь он явно произносил слова как бы через силу, а паузы между словами были длиннее».

Последние месяцы жизни Сталин почти безвыездно жил на даче, изредка появляясь в Кремле. 17 февраля 1953 года он принял посла Индии – это была его последняя встреча с представителем зарубежного государства, по всей видимости, для того, чтобы опровергнуть слухи о своей болезни. 28 февраля Сталин пригласил на дачу Хрущева, Маленкова, Берия и Булганина; Хрущев вспоминал: «Поехали, поужинали... Ужин затянулся... Сталин был навеселе, в очень хорошем расположении духа...»

28 февраля 1953 года, в субботу, с появлением на небе первых звезд наступил 14-й день месяца Адар 5713 года по еврейскому летосчислению. А с ним начался и праздник Пурим в память спасения еврейского народа от полного уничтожения – при персидском царе Ахашвероше, за много веков до нашей эры, в память о победе над ненавистным Аманом, который собирался погубить весь народ.

Предполагают, что кровоизлияние в мозг случилось у Сталина 1 марта 1953 года, – очередной Аман лежал поверженным в праздник Пурим.

Бюллетени «О состоянии здоровья И. В. Сталина» печатали в газетах и передавали по радио; под ними стояли подписи врачей только с русскими фамилиями – с непременно добавлением: «Лечение товарища Сталина проводится под постоянным наблюдением Центрального Комитета КПСС и Советского Правительства».

В сообщении о болезни было указано, что у руководителя страны «Чейн-Стоксовое дыхание». В тот момент «врачи-вредители» находились в тюрьме и ничего не знали о событиях на воле. Следователь вызвал из камеры профессора Я. Рапопорта и спросил: «Может ли человек с Чейн-Стоксовым дыханием выздороветь?» Рапопорт вспоминал впоследствии:

«Я ответил, что это очень грозный... симптом и что при наличии его в большинстве случаев необходимо умереть (я так и сказал: «необходимо»)... Далее следователь спросил, кого из крупных специалистов я мог бы порекомендовать для очень серьезного больного...

Я ответил: «Отличный врач Виноградов, но он – у вас. Превосходный врач Вовси, он тоже у вас. Большой врачебный опыт у Василенко, но он у вас. Прекрасный диагност Этингер, он у вас. Серьезные врачи оба Коганы, но один из них давно умер, а другой у вас... Самым крупным клиницистом-невропатологом я считаю Гринштейна, но он у вас. В качестве отоларинголога я рекомендовал бы Преображенского или Фельдмана, но они оба у вас».

В общем, я перечислил всех крупных специалистов... но все они оказались «у вас», и предложил назвать мне остающихся на свободе... Он задумался и назвал четыре фамилии. Ни одному из их носителей... я не мог дать рекомендации, приближающейся к той, которую я дал арестованным специалистам.

Он очень удивился и даже начал спорить, ссылаясь на то, что один из них – академик Академии медицинских наук. На это я ответил, что он просит рекомендовать опытного врача, а не академика, и что это не одно и то же...»

3

В конце февраля 1953 года в журнале «Крокодил» напечатали фельетон «Пиня из Жмеринки», в котором были собраны еврейские имена – Пиня Мирочник, Давид Островский, Рахиль Палатник, Шай Пудель, Роза Гурвиц, Зяма Мильзон, Муня Учитель, Беня Рабинович и другие.

Пиня из Жмеринки, главный герой фельетона, был наделен всевозможными пороками: братья его жены жили за границей, до войны Пиню изгнали из партии, в военные годы он притворился больным и не попал на фронт, после победы обманном путем вновь пробрался в партию, с помощью друзей-евреев незаконно изготавливал на продажу сапожную ваку и питьевую соду, обманывая государство и советских граждан.

«Да, привольно жуликам в Жмеринке! Вот они и резвятся под самым носом у районного прокурора... Жулики обнаглели...»

Этот номер журнала «Крокодил» поступил в продажу в конце февраля, а в более отдаленных районах страны – в начале марта. Сталин болел; граждане страны читали про махинации Пини из Жмеринки; министр государственной безопасности докладывал руководителям

партии и правительства – в стране ширятся антисемитские настроения и ходят слухи о том, что в болезни вождя виноваты «врачи-убийцы».

Работница военной базы: «Как жаль, что он так тяжело заболел! Не приложили ли руку к его здоровью евреи?..»

Слесарь: «Возможно, что т. Сталин тоже отравлен...»

Солдат: «Не может быть, чтобы это обошлось без подлых рук врачей-убийц...»

Рабочий: «Если не выздоровеет т. Сталин, то нам надо пойти на Израиль и громить евреев...»

Заключенный: «У Сталина жена еврейка и протаскивает евреев на руководящие посты; после смерти Сталина евреям жить не дадут...»

Радиотехник: «Заболел и лечить некому... Всех хороших врачей посадили...»

Старший лейтенант: «Если Сталин умрет, то Россию растащат на куски...»

Начальник клуба артиллерийской базы: «Туда и дорога...» («Дано указание арестовать».)

Подполковник: «А стоит ли его лечить?..» («Проводится оперативное расследование».)

Шахтер: «Хватит ему над нами издеваться...» Инвалид войны:
«Это неплохо. На одного коммуниста меньше будет...»

С. Аллилуева:

«Отец умирал страшно и трудно... Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент... он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью...»

И тут, – это было непонятно и страшно... – тут он поднял вдруг левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела...»

Официально было объявлено, что вождь умер 5 марта 1953 года в 21 час 50 минут.

Из воспоминаний врача-реаниматора: «Больной не дышал. Он умер. Глаза его были открыты... Я закрыла, а глаза вновь открывались. Пришлось держать руки на веках долго-долго... До сих пор мне часто снится Сталин и, проснувшись, уже не могу уснуть...»

С. Аллилуева: «Его нет, – но его тень продолжает стоять над всеми нами, и еще очень часто продолжает диктовать нам, и еще очень часто мы действуем по ее указу...»

4

В. Гроссман (из книги «Всё течет...»):

«И вдруг пятого марта умер Сталин...

Сталин умер беспланоно, без указания директивных органов. Сталин умер без личного указания самого товарища Сталина. В этой свободе, своенравии смерти было нечто динамитное, противоречащее самой сокровенной сути государства. Смятение охватило умы и сердца...

Сталин умер! Одних объяло чувство горя... На траурных собраниях в учреждениях и на заводах многих охватывало истерическое состояние, слышались безумные женские выкрики, рыдания, некоторые падали в обморок. Умер великий бог, идол двадцатого века, и женщины рыдали...

Других объяло чувство счастья...»

Н. Вирта, писатель (из интервью в первые дни после смерти вождя):

«Сталин – величайший человек нашего века. Он был феноменальным созданием природы, она вложила в него всё, что можно вложить в одного человека...

Склад его фигуры, львиная голова, благородное спокойствие, разлитое по лицу, пристально мудрый взор из-под чуть-чуть приспущенных век, необыкновенной тонкости и красоты руки, неторопливая осанистая походка, преисполненная внутреннего достоинства... чарующая улыбка... благородство каждого жеста... – таким он был, наш Сталин...

Нет его теперь! Замолкло это великое человеческое сердце. Скорбь народа необъятна, глубина ее необозрима...»

И. Эренбург (из книги воспоминаний):

«Медицинское заключение говорило о лейкоцитах, о коллапсе, о мерцательной аритмии. А мы давно забыли, что Сталин – человек. Он превратился во всемогущего и таинственного бога. И вот бог умер от кровоизлияния в мозг. Это казалось невероятным...

На следующий день нас повезли в Колонный зал. Я стоял с писателями в почетном карауле. Сталин лежал набальзамированный, торжественный... Люди проходили мимо, многие плакали, женщины подымали детей, траурная музыка смешивалась с рыданиями...

Мне не было жалко бога, который скончался от инсульта... но я испытывал страх: что теперь будет?.. Я боялся худшего...»

Из Вашингтона прислали телеграмму с кратким текстом: «Правительство Соединенных Штатов выражает официальное соболезнование по поводу смерти Иосифа Сталина».

Из рассказов раввина Ицхака Зильбера:

«Как только я узнал о болезни Сталина, начал читать «Теилим» («Псалмы»), чтобы ему поскорее пришел конец. Если я знаю псалмы наизусть и могу прочесть любой псалом с любого места, то это «из-за Сталина». Я читал их трое суток подряд, день и ночь, бегая с ведрами воды, убирая территорию, сидя в лагерном бараке. Перестал, когда услышал, что его уже нет.

Откуда псалмы вдруг так вспомнились, что я их на ходу наизусть читал? Это Всевышний открыл мне память...»

5

Современники свидетельствовали: «Смерть Сталина потрясла нашу жизнь до основания. Занятий в школе практически не было, учителя плакали навзрыд, и все ходили с распухшими глазами...» – «Я видел неподдельные слезы деревенских баб, оплакивавших своего истязателя...» – «Не слышно было скандалов и драк во дворе, люди говорили вполне открыто: «За кого теперь пойдут умирать? За Маленкова, что ли? Нет, за Маленкова народ умирать не пойдет!»...» – «Начальство в лагере ходило со скорбными лицами, траурные мелодии неслись со всех сторон... а мы обнимались, целовались друг с другом...»

Бесконечные очереди стояли днем и ночью в дни «всенародного прощания». Десятки тысяч москвичей и жителей других городов пытались пробиться в Колонный зал через кордоны солдат, милиции и ряды грузовиков, перекрывших подходы к Дому Союзов. «К вечеру... мы оказались на Трубной площади. Сошедшие с рельсов трамваи. Группы рыдающих детей, не знающих, как попасть домой. Крики тех, кто надеялся кого-то разыскать. Сугробы тающего снега. Холод... Толпы людей, мечущихся в разных направлениях...»

На Трубной площади скопилась огромная толпа, в которой погибли от давки сотни взрослых и детей; их свозили в московские морги, и родственники разыскивали там родных и друзей. Так закончилось правление великого диктатора: уходя в иной мир, он увел за собой многие жизни, словно недобрал их за годы долгого правления.

В Кремль приходили письма с требованием раскрыть «истинные причины» смерти вождя, и отклики граждан страны были различны:

«Лучше бы мы умерли, чем наш учитель Иосиф Виссарионович Сталин...»

«Теперь, наверное, будет война...»

«Евреям после смерти товарища Сталина будет еще хуже, чем сейчас...»

«Кто бы ни был у власти, нам, евреям, всё равно погибать...»

Л. Разгон, многолетний узник ГУЛАГа: «Я держался сознанием того, что если переживу Сталина, то останусь цел, и что я живу в соревновании с ним. Это соревнование... я выиграл. С тех пор 5 марта я никогда не бываю трезв. Это мой праздник».

5 марта 1953 года в ЦК партии Украины поступило письмо за подписью «патриот-родитель» – о «возмутительном факте, имевшем место в 69 детском саду конфетной фабрики... г. Киева»: «4 марта с. г. во время передачи по радио сообщения о тяжелой болезни тов. Сталина дети... начали переживать и сожалеть: «бедненький тов. Сталин заболел». Один из мальчиков группы, сын работника МГБ – еврея, выразился: «Ну и подумаешь – Сталин заболел, а я поеду в Америку, там лучше». Ввиду того, что дети являются отражением домашних чаяний... прошу проверить настоящий факт... для принятия соответствующих мер».

Заявление «патриота-родителя» приняли к рассмотрению; сотрудник МВД побывал в детском саду и вскоре доложил:

«Проверкой фактов... установлено, что во время тяжелой болезни товарища И. В. Сталина, в детском саду № 69... было организовано коллективное слушание передач по радио о состоянии здоровья т. Сталина.

Во время прослушивания радиопередач Шафран Алик, 1947 года рождения, сказал: «Я поеду в Америку». На высказывания Алика дети заявили, что они не дадут лодку Алику, чтобы он уехал в Америку, а кто-то из детей сказал – если Алик будет уезжать в Америку, он его изобьет...

Подобных высказываний со стороны Алика, как заявляет воспитательница детского садика, раньше не замечалось...»

«В процессе проверки выявлено, что отец Алика – Шафран Д. Д. в переписке со своей семьей допускает нездоровые настроения, о чем информирован отдел контрразведки МВД войсковой части, где проходит службу Шафран Д. Д.».

Из анонимного письма Н. Хрущеву (6 марта 1953 года):

«Осмелюсь выразить... пожелание многих советских граждан, чтобы в период гражданской панихиды по нашему дорогому и любимому вождю И. В. Сталину не допускать «еврейского ансамбля», именуемого Го-

сударственным симфоническим оркестром... играть траурную музыку в Колонном зале Дома Союзов.

Траурная мелодия этого оркестра, состоящего на 95% из евреев, звучит неискренне... Я считаю, что этот еврейский коллектив симфонического оркестра недостоин находиться в непосредственной близости к нашему великому, любимому вождю, дорогому И. В. Сталину.

У нас есть много оркестров, состоящих из преданных сынов нашего многонационального Советского государства, и нет необходимости возлагать эту миссию на народ (евреев), не показавших за всю историю своего существования образцов героизма и преданности...»

6

Сталин лежал парализованный на «ближней даче», затем он умер, но карательные органы продолжали свою работу.

3 марта 1953 года МГБ выпустило директиву «Об аресте враждебных элементов», после чего прошли новые аресты «еврейских националистов».

5 марта, в день смерти Сталина, попал в тюрьму И. Альтман, «главарь группы критиков – безродных космополитов», который «длительное время проводил подрывную работу в области театрального искусства».

6 марта опубликовали указ о лишении С. Михоэлса ордена Ленина и звания народного артиста СССР. В тот же день арестовали в Одессе раввина И. Димента.

12 марта в Ростове осудили на 25 лет Ю. Грейшмана и Р. Островскую – за клевету на национальную политику партии и на советскую действительность.

15 марта в Виннице попали за решетку 16 пожилых религиозных евреев – за создание «антисоветской группы еврейских клерикалов».

16 марта арестовали в Москве главного инженера Метростроя А. Танкиевича, «убежденного еврейского националиста».

19 марта карательные органы Украины доложили о разоблачении в Киеве «восьми еврейских буржуазных националистов-сионистов».

Один из них «имел намерение эмигрировать в Палестину»; другого обвинили в клевете за высказывание: «Разоблачение космополитов – это антисемитизм или тихий погром».

Инерция репрессий постепенно замедлялась. Начался апрель 1953 года, первые дни праздника Песах, и события стали стремительно развиваться.

1 апреля Берия доложил руководителям страны о фальсификации «дела врачей» и предложил «арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить».

3 апреля Президиум ЦК партии принял решение «о полной реабилитации... 37 человек», и ночью их развезли по домам.

4 апреля в 6 часов утра московское радио передало сенсационное «Сообщение Министерства внутренних дел СССР» о результатах «тщательной проверки... по делу группы врачей». В тот же день это сообщение появилось на страницах газет:

«В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессор Вовси М. С., профессор Виноградов В. Н., профессор Коган М. Б.... (названы 15 фамилий) были арестованы... неправильно, без каких-либо законных оснований.

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными... Показания арестованных... получены работниками следственной части... путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия...

Привлеченные по этому делу полностью реабилитированы... и из-под стражи освобождены. Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности».

В тот же день, 4 апреля, газеты сообщили, что указ о награждении Тимашук орденом Ленина отменен «как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами».

«Помню эпизод с журналом «Клиническая медицина» – к подписчикам приходили и просили вернуть номер с устаревшими проклятиями врачам-убийцам. Взамен выдавали другой вариант журнала, где было написано, что справедливость восстановлена и законность восторжествовала».

В. Гроссман:

«Божественное непогрешимое государство покаялось в своем преступлении... Государство дрогнуло, пробормотало, что врачей пытали. А завтра государство признает, что пыткам подвергли Бухарина, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Пятакова, что Максима Горького не убили враги народа. А послезавтра государство признает, что миллионы крестьян были зря погублены...

Зачем, зачем оно призналось! Лучше бы молчало! Оно не имело права признаваться, пусть всё остается по-прежнему...»

Н. Мандельштам:

«Ничто не связывает так, как общее преступление: чем больше запачканных, замешанных, запутанных, чем больше предателей, стукачей и

доносчиков, тем больше сторонников у режима, мечтающих, чтобы он длился тысячелетиями...»

7

6 апреля в «Правде» появилась редакционная статья под заголовком «Советская социалистическая законность неприкосновенна»; в ней разъяснили читателям, что «презренные авантюристы типа Рюмина... пытались разжечь в советском обществе... чувства национальной вражды». «Как могло случиться, что в недрах Министерства государственной безопасности... было сфабриковано провокационное дело?...» – возмущался автор статьи, как будто в главной партийной газете не подозревали о том, что в стране существовал многолетний террор и миллионы людей исчезали из жизни по надуманным приговорам.

В той же статье сообщили: «Тщательной проверкой установлено, например, что... был оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс».

Вскоре отменили прежний указ о лишении Михоэлса ордена Ленина и звания народного артиста – «как неправильный»; на указе существовала пометка: «Без опубликования в печати».

Такого еще не бывало в Советском Союзе! Только что – месяц тому назад – клеймили «убийц в белых халатах», восхваляли Лидию Тимашук и вдруг публично признали, что арестованные невиновны, и к ним применялись недозволенные методы следствия. Подобное надо было принять, осмыслить, а главное, поверить в случившееся, и не случайно возник шквал откликов на это событие.

Одни граждане безоговорочно согласились с реабилитацией врачей, подобно тому, как они соглашались с любыми решениями партии и правительства: «Я, как и многие советские люди, растроган справедливостью, честностью, гуманностью акта нашего дорогого, любимого Правительства...» – «Совершили невероятную ошибку и так справедливо ее исправили...» – «Только в нашей стране правительство проявляет так много заботы о людях... Честные люди освобождены, а виновники привлечены к ответу...» – «Мое поздравление... Тимашук прошу считать аннулированным...»

Другие оставались в недоумении и просили разъяснить подробности: не действовала ли Тимашук «по заданию вражеской разведки, чтобы посеять вражду между русским и еврейским народом?..». Не являются ли «люди, сидящие в органах безопасности, запутанными в сети амери-

канских диверсантов?...» – «Зачем объявлять по радио, что следствие велось неверными методами...» – «Лучше бы не объявляли, а то получается стыд и позор...»

Третьи категорически осуждали освобождение «врачей-убийц»: «Евреи и здесь сумели вывернуться...» – «Это гнусная провокация! Так им это не сойдет...» – «У меня такое ощущение, что получил пощечину...» – «Умер Сталин, и нет защитника советского народа...» – «Я лучше бы расстрелял Виноградова и всех прочих, чем так позорить себя...» – «Теперь евреи поднимут головы, и нам, русским, будет очень плохо...» – «Когда эта нация успокоится, и русский народ не будет из-за нее страдать?..»

«Четвертого апреля Шура Богданова, добрейшая вольняшка, работавшая бухгалтером на лагерном предприятии, рыдала и всхлипывала: «Кому же теперь верить?» Пару месяцев спустя холодный сапожник в Иванове спрашивал меня: «Может быть, они взятку дали?»

Из письма «группы рабочих-коммунистов»: «В течение двух-трех лет газета («Правда») в статьях и фельетонах вела погромную анти-семитскую кампанию, смакуя еврейские имена и доказывая, как фашистские листки, что их надо бить. А теперь печатает передовицы о советской идеологии дружбы народов. Кто же вам поверит? Вы же проститутки и звери...»

Летом 1953 года на пленуме ЦК партии уже говорили, что публичная реабилитация врачей была сделана «в ущерб интересам нашего государства» и произвела на советское общество «тягостное впечатление». «Это было преподнесено сенсационно...» – «Зачем понадобилось склонение этого вопроса в нашей печати?.. Зачем это нужно было опубликовать?»

8

Арестованные врачи не знали о смерти Сталина, и Я. Рапопорт вспоминал: «Кажется, ничего особенного с тех мартовских дней не произошло: всё те же наручники и те же допросы, разве что... следователь стал как-то ленивее... Выколачивание «чистосердечных признаний» стало менее настойчивым, хотя и продолжалось».

Затем арестованных перестали допрашивать. С них сняли наручники. Предложили написать объяснительные записки, в которых они отказались от прежних показаний и заявили, что подписывали протоколы после психологических и физических мер воздействия. 3 апреля поздно

вечером врачам сообщили на Лубянке: «Следствие по вашему делу прекращено, вы полностью реабилитированы и сегодня будете освобождены».

Я. Рапопорт спросил генерала, как он «должен держать себя на свободе». Тот ответил: «Вы должны держать себя как человек, подвергшийся незаконному и необоснованному аресту».

Н. Вовси-Михоэлс:

«Четвертого апреля 1953 года рано утром позвонила дочь Вовси. Когда она сказала: «Папа дома и просит, чтобы ты немедленно пришла», – я решила, что она просто сошла с ума...

Вовси лежал на диване в разгромленной, еще не прибранной квартире. Выглядел он страшно, жаловался на боль в ногах. Говорил мало... По квартире, растерянная и заплаканная, слонялась жена Вовси, Вера, вернувшаяся вместе с ним. Ее арестовали в день объявления о «деле врачей» в печати... Постепенно, шепотом и боязливо, она стала рассказывать...

В ночь на четвертое апреля их собрали всех вместе в большом кабинете на Лубянке, где они впервые увидели траурные ленты на портрете товарища Сталина. Высокий генеральский чин торжественно поздравил их с освобождением, извинился за «причиненные беспокойства» – буквально так он выразился! – и сообщил траурным голосом: «Должен вас огорчить. Наша страна понесла тяжелую утрату – умер товарищ Сталин».

На этом торжественная часть закончилась, им предложили сесть в машины и отправиться домой. Однако Вера заявила, что вернется только после того, как газеты напечатают опровержение сообщения ТАСС об «убийцах в белых халатах». Ее заверили, что «товарищи обо всем позаботились», и газеты уже оповещены...»

М. Вовси возобновил врачебную деятельность, но затем у него обнаружили саркому, ампутировали ногу, и он сказал после операции: «Теперь я потерял только ногу, но остался человеком, а там я перестал быть человеком».

М. Вовси умер в Боткинской больнице в 1960 году – было ему тогда 63 года. «Когда машина с гробом медленно двинулась по территории больницы... из всех корпусов высыпали больные и потребовали ее остановить. Те, кто был посильнее, понесли гроб, и процессия тронулась, подходя к каждому корпусу, где ждали больные, неспособные передвигаться сами. И так – до ворот больницы...»

После смерти Сталина приняли решение – «организовать на подмосковной даче, где жил и работал вождь, музей И. В. Сталина»; назначили директора, выделили деньги, но музей так и не создали.

С. Аллилуева:

«Дом стоит закрытый, мрачный, мертвый. Иногда этот дом, его угрюмые, всегда казавшиеся пустыми комнаты снятся мне во сне, и я просыпаюсь, холодная от ужаса...

Это мрачный дом, мрачный памятник... Отец любил этот дом, он был в его вкусе, он был ему удобен. Быть может, его душа, не найдя нигде места, захотела бы укрыться под его крышей... Это было бы для нее истинным обиталищем...»

М. Джилас:

«Больше всего я задумывался и задумываюсь над вопросом, как такая мрачная, коварная и жестокая личность могла руководить одной из величайших и мощных держав – не год, не два, а тридцать лет!..

История не знает деспота, столь жестокого и циничного, как Сталин... Он один из тех редких жутких догматиков, способных уничтожить девять десятых человеческого рода, чтобы «осчастливить» оставшихся...»

После похорон вождя прошли судебные процессы, на которых отправляли в лагеря за «враждебные высказывания». Житель молдавского села: «Когда Сталин заболел, у него выпали зубы, которые были похожи на зубы собаки». Рентгенотехник из Красноярска: «Пусть умирает... Радоваться будут миллионы людей». Кладовщица из Латвии: «Пусть сдыхает... Одним меньше будет». Ученица 7-го класса во Львове: «Туда ему и дорога». Чернорабочий в Приморском крае: «Собаке собачья смерть».

После отмены указа о награждении Л. Тимашук возвратила орден Ленина и получила заверения, что правительство считает ее «честным советским врачом». Впоследствии ее наградили орденом Трудового Красного Знамени за многолетнюю работу, однако Тимашук прожила жизнь с пятном «доносчицы», а потому жаловалась в ЦК партии: «В народе существует мнение, что «дело о врачах» возникло вследствие того, что якобы я оклеветала честных врачей и профессоров... Прошу.. внести ясность и справедливость в это беспрецедентное дело».

Профессор В. Виноградов написал в объяснительной записке за неделю до освобождения из тюрьмы: «Всё же необходимо признать, что у А. А. Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым... было с нашей стороны ошибкой. При этом злого умысла в постановке диагноза и метода лечения у нас не было».

Из народного творчества:

Дорогой профессор Вовси,
За тебя я рад!
Оказалось, что ты вовсе
Не был виноват.
Понапрасну ты томился
В камере сырой –
Подрывать ты не стремился
Наш советский строй...

Из воспоминаний: «Вы знаете, как тяжело было пережить эту трагедию? Идешь по улице и чувствуешь – у тебя на спине тоже написано, что ты вредитель, что ты врач-еврей. Из-за них я чувствовала эту вину, потому что еврейка...»

Историк С. Боровой (разговор с секретарем Одесского обкома партии): «Да, врачи, – сказал он мне, – оказались невиновными. Но «Джойнт» ведь существует». Слово «Джойнт» он произнес с трепетом в голосе...»

После реабилитации врачей с «Джойнта» не сняли обвинения в «шпионской, террористической и иной подрывной деятельности». Многие годы отношение к этой организации оставалось отрицательным, и лишь в 1990-х годах «Джойнт» восстановил благотворительную деятельность во всех республиках бывшего Советского Союза, помогая старикам-евреям и инвалидам, развивая еврейскую общинную и культурную жизнь.

Один из руководителей «Джойнта» сказал: «Мы помогли еврейской жизни вновь пустить корни на дикой пустоши, которую оставил после себя коммунизм».

Очерк – приложение

От автора – дополнением к прочитанному

1

Завершая рассказ о послевоенном периоде, снова вернемся к тем временам – пусть это будет повторением пройденного.

Год начался – как небо обвалилось.

Год тысяча девятьсот сорок восьмой...

В ночь на 13 января в Минске, столице Белоруссии, убили короля Лира.

Они убили короля Лира, назвали это «автомобильной катастрофой» и поместили в газетах некрологи: «Народный артист... Лауреат... Художественный руководитель театра... Профессор... Председатель Еврейского антифашистского комитета...»

Они убили короля Лира и устроили ему пышные похороны. Говорят, таких похорон не было со времен Максима Горького. Убийцы умели хоронить свои жертвы. Им это нравилось. В этом была своя эстетика.

В спектакле «Король Лир» по пьесе У. Шекспира С. Михоэлс исполнял роль Лира:

«Виновных нет, поверь, виновных нет:

Никто не совершает преступлений.

Берусь тебе любого оправдать,
Затем что вправе рот зажать любому...»

Изуродованное лицо загримировали. Произносили торжественные речи. Исполняли траурную мелодию: «Кто мне скажет, кто сочтет, сколько жизни мне осталось?..» В почетном карауле стояли друзья вперемежку с врагами. Бесконечная вереница скорбящих двигалась вдоль бульвара, потом по переулку, потом по театру.

Морозные дни. Январские сугробы. Пар изо рта. Зябко и печально. Стыло и промозгло. Холодно и страшно. На крыше двухэтажного дома напротив театра, как на подмостках, играл на холоде никому неведомый скрипач. По тротуару шли подданные короля.

«Иногда, – говорил он, – мне кажется, что я один отвечаю за весь мой народ, не говоря уж о театре».

Умер тот, кто не мог умереть, не имел на то права. Его смерть делала уязвимыми его подданных. Этого тогда еще не понимали. Это поняли потом.

Фамилия у короля была – Михоэлс. Имя – Соломон. Соломон Михоэлс, король-еврей. Мудрый острослов, прирожденный комедиант, монументальный и подвижный, грустный и лучезарный, с тепло подсвеченными выразительными глазами, одинаково готовый до исступления работать и до самозабвения веселиться.

«Скажи, – спрашивал он, глядя на Москву с Воробьевых гор, – ну почему эту красоту видишь именно сверху? Ведь там, внизу, это обычные будни. А отсюда – праздник! Только подумать, от будней до праздника всего и надо, что самому приподняться».

Еще живой, король знал, что за ним следят. Еще живой, король чувствовал тревожное приближение беды и остерегался ходить вечерами по тусклым московским улицам. Как будто от них можно было убежаться!

«Человек, – писал он, – никогда не живет один. Человек живет всегда рядом с кем-нибудь и для кого-нибудь. Только смерть несет полное одиночество, и поэтому человек боится ее. В смерть каждому приходится уходить одному. В этом трагедия боязни смерти».

В последние годы жизни ему присылали анонимные записки: «Жидовская образина, ты больно высоко взлетел, как бы головка не слетела...»

В последние месяцы жизни ему снились собаки, которые его разрывали, и он говорил актерам, печально и беспомощно: «Как вы тут без меня останетесь?..»

В последние дни перед Минском он побывал, как попрощался, у своих друзей.

В последний вечер, перед последней дорогой, он выпил с друзьями половину бутылки водки. Вторую половину они договорились допить после его возвращения.

Последние его слова на прощание: «Как мне не хочется ехать!..»

«Виновных нет, поверь, виновных нет...»

2

После похорон поэт О. Дриз написал стихотворение на идиш «Фиолетовый день» («Памяти Михоэлса»):

День был фиолетовый,
Облачное небо –
Рыбья чешуя.
Где-то шумели
Трамваи, машины,
А здесь, на Малой Бронной,
Стояла тишина.
И процессией странной,
Желто-красно-зеленой,
В тишине шли шуты.
Было хмуро и сыро.
Шуты несли
На своих плечах
Прах
Короля
Лира...
А день был фиолетовый.
Было сыро.

3

В спектакле «Король Лир» В. Зускин исполнял роль шута:
«В том мало смеху, что уходит шут.
Вас тоже в жизни перемены ждут...»

Сначала они убили короля Лира.

Они убили в Минске короля Лира, и забота о театре перешла к королевскому шуту. А с ней и ощущение надвигающейся беды, дневной и

ночной ужасы. Ему, шуту, было страшно – в театре, на улице, дома, под одеялом.

Ах, какой он был когда-то: легкий, подвижный – чудо! Какой он был в лучшие свои времена! Стройный, изящный, мягкий и человечный – море обаяния! Как он взлетал невесомо в танце с платочком! Как говорил убежденно, взалхлеб: «Свадьбы будут! И народ будет! И у нашего народа еще большие праздники будут!..»

Это был добрый шут, мягкий и отзывчивый, беззлобный и обаятельный, который только на сцене притворялся злым. Он даже заикался в жизни, будто вечно стеснялся чего-то, и не его слабым плечам было вынести этот горб ужаса.

Весь долгий-предолгий год он ждал неминуемого ареста. Безысходные выражения глаз. Конвульсивные движения. Землистый цвет лица. К концу года у шута развилась психическая болезнь. Навязчивая идея. Мания преследования. Когда за ним ходили двое, ему чудилось, что их – пятеро.

Говорят, его вызывали куда-то. Запугивали. Предупреждали и запрещали. Не в силах справиться с тревогой, он приглашал близких друзей, кормил, поил, хотел, видно, выговориться, поделиться страхом, разложить на всех поровну. Друзья сидели допоздна, ожидая признания, но он молчал. Не мог сказать. Не решался. Они уходили домой грустные, встревоженные, в бесконечной к нему жалости, а он оставался наедине со страхом.

Потом шут лег в больницу. К друзьям-врачам. В чистую и светлую палату. Страхи остались там, за дверью, а здесь – его лечили. Его лечили сном, непрерывным, освежающим сном, успокаивали расшатанные нервы.

В истории болезни записали: фамилия – Зускин, имя – Вениамин. Вениамин Зускин, шут-еврей.

«Он спал, и сны его были светлы и радостны. Блаженный сон длился четверо суток из назначенных десяти...»

Его увезли в тюрьму ночью, прямо из палаты. В сонном состоянии, счастливого и беспомощного. Какой Гойя изобразит сладостные его сновидения и жуткую явь пробуждения? Какой Кафка опишет ужасы его смятенного, всколыхнувшегося ума?!

В день ареста было ему 49 лет.

О нем не написали в газетах, не сказали по радио. Только актерам объяснили кратко, по тем временам популярно: «Враг народа...» Вот он был, королевский шут, легкий, изящный – море обаяния! – а вот его нет. И больше никогда не будет...

«В том мало смеху, что уходит шут...»

«...Вас тоже в жизни перемены ждут...»

Кто догадывался тогда, в 1948 году, что появились первые симптомы надвигавшейся катастрофы? Кто был таким проницательным?..

И кажется теперь: как же они не замечали той цепочки событий, когда всё раскладывалось, как на ладонке? Кажется порой: может, и мы чего-то не замечаем в нынешней жизни? Или это участь наша такая: вечная слепота сегодня, вечное прозрение завтра? Зализывание ран и подсчет неисчислимых жертв...

Одних это вроде не касалось тогда, в 1948 году: жили себе и жили, работали и работали. Где-то там, в стороне, задувал злой ветер, а в комнате тепло и тихо, особенно если закрыть окна, задернуть шторы, заткнуть ватой уши. Это не нас сегодня трогают. Сегодня – это у других...

Запестрели заголовки статей: «Злопыхательства безродного космополита», «Клевета идеологического диверсанта», «Расчистить дорожку...», «Покончить со всеми проявлениями...», «До конца разгромить и разоблачить группу антипатриотических театральных критиков!»

Замелькали фамилии, едкие, острые, вызывающие раздражение, чесотку, зуд на теле: Юзовский, Гурвич, Борщаговский, Варшавский, Альтман, Янковский, Березарк, Шнейдерман с Бейлиным, Дрейден и Цимбал, Модель и Герцович, Гальперин, Литвинов и Головчинер, Шлифштейн и Вайнкоп...

«Эти критические проходимцы», «эстетствующие ничтожества», «идеологические диверсанты», «презренные лакеи разлагающейся буржуазной культуры», «бандиты пера», «выросшие на гнилых дрожжах космополитизма», «на той почве, которая питала ядовитыми соками их тлетворную, разрушительную работу...»

Что же они делали, эти «проходимцы»? «Распространяли злобную клевету... Поливали грязью... Нагло оклеветали основоположника... Оболгал и испохабил... Травил лучший наш театр... Встречал улюлюканьем и безграничной злобой... На пределе клеветы и оголтелой диверсии... Как это ничтожество ходило в ранге «талантливом» критика, как его печатали, почему с ним только иногда спорили, а чаще поощряли?..»

Как же следовало поступить с этими «ничтожествами»? «Разгромить... Решительно покончить... Наглухо закрыть двери... Выкурить из всех щелей... Выкорчевать корешки... Только гнев и презрение советских людей, строителей коммунизма, может быть уделом гурвичей, юзовских, борщаговских, бояджиевых и иже с ними!..»

И что же потом? Что стало потом, сразу, почти мгновенно? «Вы не можете себе представить, какой творческий подъем, насколько здоровая

атмосфера создалась сейчас в театре...» – «Счастье наше, что нами руководит великий гений человечества... Он вовремя указывает, каким образом мы должны разоблачать враждебные влияния и двигаться дальше...» – «Чувствуем, как распрямилась грудь, появилось горячее желание еще лучше работать...»

Вот так. На этом можно остановиться. Все приведенные цитаты из журнала «Театр» за первые месяцы 1949 года. А газеты! Радио! Другие журналы! Все они, вплоть до «Коневодства», выявляли своих рабиновичей-абрамовичей, накрывали пыльной попоной – и кулаками, ногами, директивными дубинами по голове...

А они жили среди других – без прав, без работы, без будущего, ютились в коммунальных квартирах, стояли в бесконечных очередях, ездили в переполненных трамваях, безуспешно устраивались на работу, воспитывали детей, прививали им чувство добра и справедливости – эти юзовские-гурвичи-борщаговские с клеймом на лице, со страхом в груди, с отметкой в паспорте.

А по ночам свистел-высвистывал за окном студеный ветер, шуршали шинами безобидные с виду фургоны, стучали в дверь наглыми кулаками – по ночам, по нескончаемым знобким ночам, за которыми не было рассвета.

И не всякий проходил честно бесчестное то время. Не всякий доверял всякому. Не всякий стоил доверия. Потому что все боялись каждого, и каждый боялся всех.

Когда время воет по-волчьи, надо иметь мужество говорить по-человечьи...

5

Играли «Фрейлехс». Веселый карнавальный «Фрейлехс»!

Горели поминальные свечи. Вздохала невеста. Рыдала мать. Через силу острил неунывный свадебный весельчак. Стонали скрипки в оркестре. Актеры прощались с театром, друг с другом, с единственной своей профессией, ради которой стоило жить.

Шел в последний раз спектакль «Фрейлехс» Московского еврейского театра. Спектакль-прощание. Спектакль-мемориал. Память о Михоэлсе, Зускине, о друзьях-актерах и драматургах.

«Выпьем за тех, кого нет! Выпьем за радости, которые будут!»

На сцене лихо отплясывали зажигательный танец «Фрейлехс».

«Гасите свечи, задуйте грусть!..»

В зале было пусто и жутковато.

Занавес закрывался медленно...

«Коню, собаке, крысе можно жить,
Но не тебе, тебя навек не стало,
Навек, навек, навек, навек, навек!..»
У. Шекспир, «Король Лир»

Потом они еще приходили в театр, бродили по фойе, собирались малыми кучками, шептались, как на похоронах, пугливо жались по стеночкам.

Висел на улице репертуар на следующий месяц, подметали сцену уборщицы, следил за курящими пожарник, но касса уже не продавала билеты.

Наконец им объявили приказ о закрытии... Актрисы рыдали в гримуборных. Костюмерши оглаживали на прощание театральные костюмы. Гардеробщицы и уборщицы сговаривались о переходе в другой, более удачливый театр.

Получили последние деньги, постояли последний раз на сцене и отправились по магазинам покупать новогодние подарки: дети – они не должны тосковать, дети – они должны радоваться.

Старый год закончился. Начинался год новый, беспросветный тысяча девятьсот пятидесятый...

И запылал во дворе костер. Пламя до небес.

Чужие равнодушные люди, грохоча сапогами, лениво швыряли в огонь дорогие реликвии. Афиши. Книги. Рецензии. Фотографии. Макеты декораций. Летали по воздуху черные хлопья – взамен традиционного подушечьего пуха на обычном старорежимном погроме.

Всё сгорело, обуглилось, осыпалось пеплом, было выметено на свалку. Сверху лег чистый январский снежок, стыдливо прикрыл грязные следы.

Мебель увезли в другие театры, костюмы – на склад, который обслуживал самодеятельность. И где-то в заводском клубе, в наскоро прихваченном нитками еврейском лапсердаке кто-то уже отчаянно отбивал каблук под украинский гопак...

Так закрылся московский ГОСЕТ – Государственный еврейский театр. Без некролога и траурной музыки. Без почетного караула и доброго слова вослед...

«Навек, навек, навек, навек, навек...»

6

И разбрелись актеры кто куда.

Кто как сумел, кому где повезло.

Единицы попали в русские театры, считанные единицы! Остальных трудоустроили во всевозможные мастерские.

Герои-любовники научились разрисовывать шелковые косынки. Характерные старухи приспособились мастерить искусственные цветы и перья на шляпки. Простаки и злодеи заправляли пастой шариковые ручки, комики и резонеры наловчились клеить конверты – тысячи за день.

Одни мастерили шпильки, другие – воротнички: бывшие труппы бывших еврейских театров отбывали бессрочное наказание. Тупая, грошовая работа. Грубо надорванные жизни. Уходили силы, тускнело дарование, безнадежность накидывала сетки морщин на лица без грима.

А кто-то безуспешно толкался у ворот киностудий, искательно заглядывал в режиссерские лица, чтобы мелькнуть потом в кадре, в бессловесной массовке – копейки за съемочный день. «Ура!» – это он в цепи красногвардейцев. «Долой!» – это он в толпе меньшевиков. «Да здравствует!» – опять это он.

Они собирались порой вместе, бывшие актеры бывших театров, и вспоминали прошлые времена. Говорили и вздыхали. Молчали и плакали. И одни из них делали крюк, чтобы пройти лишний раз мимо здания театра. Другие делали крюк, чтобы обойти его стороной.

А годы предстояло прожить гнусные, страшнее страшного: пятидесятый, пятьдесят первый, инфарктный пятьдесят третий... Когда арестовали «врачей-вредителей», упорно шептались о бесконечных бараках в Сибири, куда будут переселять теплушечными эшелонами, лихорадочно уничтожали еще не уничтоженные улики.

А в газетах разгул был черносотенный. Журналы захлебывались от злости. Репродукторы на стенах, как собаки бешеные, разве что не кусались...

И опять: кто же они, кто такие? «Врачи-убийцы... Изверги человеческого рода... Участники гнусной шайки людоедов... Наемные убийцы, скрывающиеся под личиной профессоров медицины... Подлые отравители, продавшие душу и тело международному империализму...»

И тут же выводы, выводы и заключения задолго до суда, отголоском будущих беспощадных приговоров: «Неописуемо чудовищны преступления... Гнев и омерзение честных людей... Сокрушительный удар... Священный долг... Покончить с ротозейством и благодушием... Ликвидировать вредительство... Бдительность и еще раз бдительность!...»

Все цитаты взяты из одной лишь статьи одного журнала – «Огонек», 25 января 1953 года. А сколько их было по всей стране, таких статей – не сосчитать! Сколько говорено на собраниях – не перечислить! Косых взглядов на работе, реплик в трамвае, скандалов в коммунальных квартирах...

Это были уже не симптомы. Сама катастрофа – снежным комом с горы, обрастая и набирая скорость, чтобы сокрушить всё у подножия.

Только чудо спасло на этот раз.

Смерть Сталина, как чудо избавления...

В послевоенные сталинские годы шли аресты, преследования, расстрелы – и одновременно с этим газеты публиковали указы о награждениях орденами и медалями, о присуждении Сталинских премий и званий Героев Социалистического Труда. Эти награждения касались и евреев; по этим указам можно определить их профессии: хирург, дирижер, пилот, инженер, режиссер, ученый, начальник участка шахты, директор завода, врач, заведующий молочной фермы, председатель колхоза, кинооператор, лаборантка, бухгалтер, художник по тканям, швея, кузнец, геолог, рабочий сцены, механик теплохода, учительница, машинист экскаватора, кондуктор, акушерка, медицинская сестра, фармацевт...

В те же послевоенные годы звание Героя Социалистического Труда получили среди прочих:

Х. Цыбулевский, директор машинотракторной станции на Урале – за высокие урожаи пшеницы; А. Бриккель, агроном совхоза в Казахстане – за урожаи табака; И. Абрамов, Г. Давыдова, М. Исаев, звеньевые колхозов Дагестана – за повышенные урожаи винограда; И. Пурисман, ветеринар совхоза на Украине – за увеличение поголовья свиней; С. Зубрак, звеньевая колхоза в Казахстане – за получение высокого урожая хлопка на поливных землях...

Продолжались аресты с расстрелами, заключенные умирали в лагерях – а на стадионах и в спортивных залах бегали, прыгали, забивали голы и устанавливали рекорды. Страницы газет заполнялись именами спортсменов – среди них встречались и еврейские фамилии.

Гроссмейстер М. Ботвинник стал чемпионом мира по шахматам. Гроссмейстер Д. Бронштейн завоевал первое место на международном шахматном турнире. Е. Грингаут установил рекорд скорости в гонках на мотоциклах. С. Белиц-Гейман – чемпион Москвы по теннису, В. Коган – чемпион СССР по боксу в среднем весе, Б. Гуревич – чемпион мира по классической борьбе в наилегчайшем весе. Десятикратный чемпион СССР Г. Новак, первый советский чемпион мира по штанге, установил очередной мировой рекорд в полутяжелом весе...

Часть девятнадцатая

Евреи Советского Союза в годы правления Н. Хрущева

Очерк восемьдесят девятый

Реабилитация осужденных. 20 съезд партии.
Всесоюзная перепись населения 1959 года

1

М. Бегин, будущий глава государства Израиль, написал за месяц до смерти Сталина:

«Если полагаться на естественные процессы и несовершенную медицину, то советский властелин вынужден будет сойти с арены в пятидесятые годы, или – принимая во внимание «склонность грузин к долголетию» – в шестидесятые. И наши современники задают вопрос: что произойдет в России после того, как Сталин пойдет по пути всех смертных?»

Я слышал два ответа на этот... роковой вопрос... Один гласит: со смертью Сталина Советский Союз распадется. Второй ему возражает: после смерти Сталина придет другой большевистский правитель, и никаких перемен в Советской России не будет.

Авторы первого ответа ссылаются на «законы истории»; единоличная власть, утверждают они, исчезает с уходом диктатора. Однако... из прошлого нам известно, что исчезновение диктатора не всегда приводит к автоматическому краху диктатуры...

Но правы ли те, которые утверждают, что после смерти Сталина в России ничего не изменится и кто-то другой станет «мудрейшим из людей»?..»

Во время болезни вождя руководители страны неотлучно находились на «ближней даче», и врачи им докладывали: «Состояние больного крайне тяжелое... Консилиум считает состояние больного угрожающим... Положение больного стало критическим...»

В ночь на 5 марта соратники Сталина уже понимали, что ему оставалось жить считанные часы, а потому решили созвать в тот же день заседание партийных и советских руководителей – «в связи с болезнью товарища Сталина, которая влечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности».

Той же ночью Берия уехал в Кремль и, по-видимому, обследовал личные сейфы вождя в поисках политического завещания. У Сталина была общая тетрадь, в которую он что-то записывал, – неизвестно, куда исчезла эта тетрадь, а с ней, быть может, и другие документы.

В полдень врачи доложили: «Состояние больного на утро 5 марта резко ухудшилось. Расстройства дыхания усилились...» К вечеру сообщения стали угрожающими: «21.30. Пульс нитевидный... Дыхание поверхностное...», «21.40. Пульс едва прощупывается... Дыхание учащенное, поверхностное...», «21.50. Товарищ Сталин скончался».

В стране объявили траур на четыре дня, отменив «все спектакли, кино, концерты и всякие увеселения». Приняли постановление – «поместить саркофаг с телом И. В. Сталина в Мавзолее на Красной площади, рядом с саркофагом В. И. Ленина», а впоследствии соорудить Пантеон – «памятник вечной славы великих людей Советской страны», куда и перенести тела Ленина и Сталина.

Похороны состоялись 9 марта. На трибуне Мавзолея стояли руководители страны и главы дружественных государств. В 12 часов дня в больших городах прогремели тридцать артиллерийских залпов, на пять минут прекратили работу все предприятия страны и остановилось движение транспорта, три минуты гудели гудки фабрик и заводов, кораблей и паровозов. Тело вождя – в мундире генералиссимуса, с орденскими планками на груди – внесли в Мавзолей, и взамен одной надписи над его входом стало две: «Ленин» и «Сталин».

Газеты вышли с заголовком: «Великая скорбь прогрессивного человечества». В «Правде» напечатали стихотворение:

Не верили в смерть...

Не считали конец неизбежным...

Он был нашим солнцем,

живым океаном безбрежным!..

М. Шолохов, писатель (из очерка в «Правде» «Прощай, отец»):
«Как внезапно и страшно мы осиротели!.. Отец, прощай! Прощай,
родной и до последнего нашего вздоха любимый отец! Как многим
мы тебе обязаны...»

За полтора часа до смерти вождя состоялось совместное заседание пленума ЦК партии, Совета Министров и Президиума Верховного Совета; оно продолжалось 40 минут, во время которых распределили главные должности страны. Маленков возглавил Совет Министров СССР; первыми его заместителями стали Берия, Булганин, Каганович и Молотов. МВД объединили с МГБ, и Берия занял пост министра внутренних дел; Молотов стал министром иностранных дел, Булганин – министром вооруженных сил. Хрущев остался на должности секретаря ЦК партии, а через несколько месяцев его назначили Первым секретарем Центрального Комитета.

После похорон Сталина появилось немало проектов об увековечивании его памяти. Москву предлагали переименовать в Сталин, Союз Советских Социалистических республик – в Союз Советских Сталинских республик, Грузинскую ССР – в Сталинскую ССР, орден Ленина – в орден Ленина-Сталина. Архитекторы рекомендовали создать на юго-западе Москвы новый район, построить там мавзолей Сталина, музей Сталина, Сталинскую академию, Дворец науки, Центральный театр страны и прочие грандиозные сооружения, чтобы этот район стал новым центром Москвы.

Прославленные советские кинорежиссеры подготовили фильм «Великое прощание» о смерти «вождя народов». В сценах прощания присутствовал Берия, а потому фильм не вышел на экраны – к моменту его завершения Берия уже сидел за решеткой.

3

Берия знал, что его считали «главным палачом» при Сталине, и предпринял энергичные меры, чтобы себя обелить. По его инициативе выпустили на свободу арестованных врачей; по указанию Берия арестовали Рюмина и освободили заключенных по «мингрельскому делу»; он же сообщил руководителям Кремля об убийстве С. Михоэлса по приказу вождя. Более того, Берия подписал указ о запрещении «каких-либо мер принуждения и физического воздействия», после чего в тюрьмах ликвидировали пыточные камеры.

Берия предлагал провести либеральные реформы во внутренней и внешней политике страны (намеревался даже восстановить в Москве еврейский театр и газету на идиш), но решительные действия этого все-

сильного человека насторожили новых руководителей Советского Союза. Они понимали, что Берия рвется к власти, опасались карательных органов, которыми он командовал, а главное, знали, что у него накоплены на них компрометирующие материалы, – все соратники вождя в той или иной степени были виновны в преступлениях сталинского режима.

«Коллективное руководство» поторопилось опередить Берия – в июле 1953 года его исключили из партии и арестовали.

Тогда и запели по квартирам – сначала втихомолку, а затем громче: «Растет в Тбилиси алыча не для Лаврентий Палыча, а для Климент Ефремыча и Вячеслав Михалыча...» (Климент Ефремыч – это Ворошилов, Вячеслав Михалыч – Молотов.)

Теперь это был не министр внутренних дел Лаврентий Берия, но «агент иностранной разведки», публично обвиненный в «преступных антипартийных и антигосударственных действиях». По всей стране прошли собрания и митинги, на которых «клеями позором» «гноусного предателя и изменника Берия и его сообщников, пробравшихся в органы».

Омская область: «Прошу правосудие... применить к врагу народа Берия высшую меру наказания – казнь через повешение, и публично...»

Город Кустанай: «Он не человек, он – зверь. Его следует посадить в клетку, подобно шакалу, и возить по городам, великим стройкам коммунизма, по заводам, шахтам и колхозам, показывая труженикам его озверелую физиономию...»

Москва: «Раздавить гадину...» – «Никакой пощады врагам народа...»

Биробиджан: «На наглую вылазку врага еще теснее сплотимся вокруг нашего родного правительства, вокруг нашей партии...» – «Обязуюсь выполнять ежедневно нормы на 140–150%, не допускать брака в работе...»

Сотрудники ЦК партии отправились на Кавказ и вскоре доложили: «В Грузии наблюдается пресмыкательство перед личностью Берия, его культ... В настоящее время в Грузии запрещены 8 художественных кинофильмов, 12 киноочерков, 11 киножурналов, в которых популяризовалась личность Берия... Только в одном Кобулетском районе было уничтожено 18 бюстов врага народа Берия...»

Закрытый судебный процесс проходил в декабре 1953 года. Берия признали виновным «в измене Родине, организации антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и восстановления господства буржуазии», а также в «тайных преступных связях с иностранными разведками» с 1919 года. Суд вынес приговор – высшая мера наказания, и в тот же день его привели в исполнение. Были расстреляны

также бывшие высшие чины МГБ СССР В. Меркулов, Б. Кобулов, С. Гоглидзе, бывший министр внутренних дел Грузии В. Деканозов.

Из воспоминаний студента Академии общественных наук:

«Нам читали обвинительное заключение по «делу Берия». Читали несколько часов с перерывами, сменялись читавшие, в зале стояла мертвая тишина. Мало сказать, что все были потрясены, это был сильнейший шок, за пределами нашего воображения. Казалось, рушились стены и небо. Инквизиция средневековья: ужас! Попытки подследственных... Расстрелы без суда...»

В 1954 году органы государственной безопасности вновь выделали из состава Министерства внутренних дел, и появился Комитет государственной безопасности (КГБ), укомплектованный прежними работниками МГБ, которые прошли предварительную проверку.

4

В марте 1953 года объявили амнистию для осужденных на срок до 5 лет. Более 1 миллиона человек вышли на свободу; в лагерях осталось такое же количество осужденных и среди них – политические заключенные, на которых амнистия не распространялась, потому что их не наказывали на столь малые сроки. Начались забастовки и восстания в лагерях; заключенные требовали облегчения условий содержания, но их выступления жестоко подавляли воинские части.

В июне 1953 года в Восточном Берлине, столице Германской Демократической республики, прошли забастовки на заводах, демонстрации на улицах города – их подавили при участии советских войск. Это был первый сигнал московским руководителям – прекратить террор в странах «социалистического лагеря», позволить им некую самостоятельность в вопросах внутренней жизни, а главное, обратить внимание на положение в Советском Союзе, чреватое непредсказуемыми последствиями.

Хрущев говорил на закрытом заседании: «Наш многотерпеливый русский народ терпит, но на этом терпении дальше ехать нельзя... Я был рабочим, социализма не было, а картошка была; сейчас социализм построен, а картошки нет».

Уменьшили налог в деревнях с приусадебных участков, ликвидировали недоимки, накопившиеся у крестьян за предыдущие годы, увеличили закупочные цены на сельскохозяйственные продукты. Отменили

указ о запрещении браков с иностранцами; упразднили «Особые совещания», которые отправляли арестованных в лагеря или на расстрел; начали пересмотр дел «врагов народа», и появились первые освобожденные.

Р. Зернова, писательница (в 1949 году осуждена на 10 лет):

«Осень и зима 54 года были для нас временем пиров. Пирьы были в нашу честь – мы вернулись из лагеря. Впервые за двадцать лет люди стали возвращаться – ВОЗВРАЩАТЬСЯ – не на сто первый километр, а домой, и в 54 году это всё еще были «отдельные случаи»...

Вокзалы тех лет, перроны тех лет... Особенно в Москве, все возвращались через Москву. Ярославский вокзал, сорок первый поезд, шесть сорок утра, старухи и дети на перроне, – и худые, темнолицые – вечный зимний загар работяг – люди в лагерных телогрейках, с деревянными чемоданами вылезают из вагонов; мир перевернулся – мир выпрямился – мир опомнился – мир сошел с ума...»

Медленно, постепенно – с оглядкой на прошлое – происходили малоприметные изменения в жизни советского общества, которые отмечали неизбалованные свободой граждане страны. Не стало в столице правительственной трассы. Исчезли «топтуны» с центральных улиц. Улучшились отношения с Югославией и ее лидером И. Тито, которого прежде называли английским шпионом и «кровой собакой». Появились первые иностранные туристы – они покупали матрешки, фотографировали храм Василия Блаженного, ходили по залам Эрмитажа, присматривались к жителям незнакомой страны, но с ними еще опасались разговаривать.

Торжественные собрания заканчивались теперь не здравицей в честь «мудрого кормчего», а в честь «Центрального Комитета коммунистической партии Советского Союза, который ведет нас от победы к победе!» Однако в газетах всё еще печатали статьи, прославлявшие «великого продолжателя дела Ленина»; портреты вождя висели повсюду, его цитировали в книгах и журналах, его работы изучали в учебных заведениях – мало кто догадывался тогда, что вскоре произойдут события, которые всколыхнут всю страну.

5

В 1955 году Маленков потерял пост председателя Совета Министров СССР. «Первым среди равных» постепенно становился Хрущев, и на заседании Президиума ЦК партии он неожиданно предложил создать комиссию по расследованию преступлений сталинских времен. Это был смелый шаг – ведь большинство членов Президиума, включая самого

Хрущева, были соучастниками тех преступлений и заодно со Сталиным утверждали бесчисленные расстрельные списки.

Ворошилов, Каганович и Молотов воспротивились предложению Хрущева, однако остальные члены Президиума его поддержали; комиссия была создана, представила свой доклад – и наступил февраль 1956 года, 20 съезд Коммунистической партии Советского Союза.

25 февраля, на последнем закрытом заседании съезда, Хрущев прочитал свой знаменитый доклад «О культе личности и его последствиях». Он рассказал о том, как Сталин злоупотреблял неограниченной властью, об арестах по его указанию ни в чем не повинных людей и методах следствия, когда на допросах выбивали показания из заключенных. «Но как можно получить от человека признание в преступлениях, которых он никогда не совершал? – говорил Хрущев. – Только одним способом... путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка, лишения человеческого достоинства. Так добывались мнимые «признания»...»

Очевидец свидетельствовал: «В зале стояла гробовая тишина. Не слышно было ни скрипа кресел, ни кашля, ни шепота. Никто не смотрел друг на друга – то ли от неожиданности случившегося, то ли от смятения и страха, который, казалось, уже навечно поселился в советском человеке... Уходили с заседания, низко наклонив головы. Шок был невообразимо глубоким...»

Прошло лишь три года со дня смерти «великого гения человечества». Руководителей страны называли продолжателями дела Сталина, нескончаемые очереди стояли к Мавзолею, чтобы увидеть его рядом с Лениным, – доклад Хрущева стал потрясением для депутатов съезда, а затем и для граждан Советского Союза. Это следовало понять, оценить, принять или отвергнуть; начались споры, ссоры, обвинения, поиски виновных, попытки защитить ленинскую генеральную линию партии, которую искажил кремлевский диктатор.

Из воспоминаний: «Одни впадали в цинизм: всё скверно, всё нехорошо, все сволочи. Другие... пытались «двигать» марксизм вперед либо разочаровывались в нем... Большинство же глубоко переживало разоблачение Сталина – растерялись, замкнулись, на всю жизнь утратили устойчивость...»

«Наконец, были и такие, на кого ничто не подействовало, кто по-прежнему считал Сталина великим человеком и не скрывал этого...»

В июне 1956 года ЦК партии опубликовал постановление «О преодолении культа личности и его последствий». В нем сказано о ближайших

соратниках вождя: «Может возникнуть вопрос: почему же эти люди не выступили открыто против Сталина и не отстранили его от руководства? В сложившихся условиях этого нельзя было сделать... Всякое выступление против него в этих условиях было бы не понято народом, и дело здесь вовсе не в недостатке личного мужества».

Из рассказов об ушедшей эпохе:

«В начале 1930-х годов состоялась встреча журналистов с руководителями партии и правительства. В конце ее мы сфотографировались, и я был запечатлен рядом с вождем.

Шли годы и шли аресты. Хранить фотографии врагов народа было опасно, и я начал резать: брал в руки ножницы и отхватывал то одного, то другого. Вожди и журналисты постепенно исчезали с фото. В конце концов остались только Сталин и я. После 20-го съезда я отрезал Сталина и остался один».

6

Д. Волкогонов, историк: «У Хрущева оказалось качество, которого не было у других: способность изменяться... Многие из его реформ... были непросчитанными, спонтанными, легковесными. Но главное – он начал поворот гигантской страны на рельсы цивилизации. Он начал!»

Доклад Хрущева дал первый толчок к крушению партийно-государственной системы страны, той системы, которая прежде казалась незыблемой. С 1956 года началось массовое освобождение политических заключенных, и современники отмечали изменения, поражавшие воображение: «В архипелаге ГУЛАГ закрывались лагеря. Срывалась колючая проволока, рушились вышки, усыплялись сторожевые собаки, натасканные на людей...» – «На улицах, на вокзалах, в поездах появились молчаливые люди, которые по лагерной привычке... берегли каждый дыш, ходили подшаркивая и вздохнув курили сигарки...»

Их становилось всё больше и больше, выживших в лагерях и вернувшихся. Они с оглядкой заговорили о том, что творилось на допросах и за колючей проволокой, и переполошили тех, кто доносил на них в прежние времена, бил и унижал на следствии, безнаказанно осуждал на долгие сроки.

Н. Мандельштам:

«Все виды убийц, провокаторов, стукачей имели одну общую черту – они не представляли себе, что их жертвы когда-нибудь воскреснут и обретут язык... Всякого, кого они отправляли на тот свет или в лагерь, они считали навеки изъятым из жизни. Им не приходило в голову, что эти тени могут восстать и потребовать своих могильщиков к ответу. И пото-

му в период реабилитаций они впали в настоящую панику... Среди них воцарился страх.

Мне пришлось в те дни наблюдать скромную стукачку... Ее всё время вызывали в прокуратуру, где она брала обратно свои стародавние показания и тем самым обеляла живых и мертвых...»

«У этой женщины никогда ничего похожего на совесть не было, но тут она почему-то не выдержала, и ее разбил паралич...»

Последователи Сталина желали приостановить разоблачения культа вождя, однако Хрущев заручился поддержкой партийных руководителей, и в июне 1957 года появилось постановление «об антипартийной группе» Маленкова, Кагановича, Молотова и «примкнувшего к ним» секретаря ЦК Д. Шепилова. Эти люди – как было сказано – «упорно сопротивлялись тем мероприятиям, которые проводил Центральный комитет и вся наша партия по ликвидации последствий культа личности».

Наступили иные времена, и, в отличие от прежних сталинских чисток, очередных «врагов народа» уже не уничтожали. Участников «антипартийной группы» исключили из партии, одних отправили на пенсию, других понизили в должности; Кагановича сняли с поста первого заместителя председателя Совета Министров СССР и назначили руководить трестом «Союзасбест» – в городе Асбест Свердловской области.

Газеты откликнулись на это постановление бодрими заголовками: «Еще теснее сплотим ряды...», «Партия и народ единодушно одобряют...», «Под знаком несокрушимого единства...» Однако отклики населения были не столь единодушны; осведомители сообщали о высказываниях граждан: «Молотов и Каганович отдали очень много сил для строительства социализма. А что хорошего сделал Хрущев?..» – «Не состряпано ли это дело, как дело врачей?..» – «Это работа Никиты толстопузого...»

«Кукурузник, комик и аферист, он прогнал нашего любимого Маленкова...» – «Хрущева на корм свиньям и удобрение кукурузных полей!..»

В 1958 году первый секретарь ЦК партии Хрущев стал также председателем Совета Министров и сосредоточил в своих руках всю власть в стране. Теперь его уже называли «выдающимся деятелем коммунистической партии и советского государства», «пламенным борцом за мир» – в 1961 году вышел на экраны страны полнометражный хроникально-документальный фильм «Наш Никита Сергеевич».

Первые кадры фильма (из монтажной записи): «Н. С. Хрущев в самолете, Н. С. Хрущев на колхозном поле, Н. С. Хрущев с детьми,

Н. С. Хрущев беседует с народом на улице, Н. С. Хрущев работает в кабинете...» Из дикторского текста фильма: «Среди миллионов людей, строящих на земле новую жизнь, живет и этот человек...» – «Его можно увидеть и в больнице, и у постели рабочего, и на скромном новоселье в трудовой семье...» – «Человек полный обаяния, Никита Сергеевич завоевал большую любовь трудящихся всего мира...» – «Видя его труд, они говорят доверительно: «Наш Никита Сергеевич»...»

В октябре 1961 года проходил 22 съезд КПСС, на котором приняли решение вынести тело Сталина из Мавзолея; его похоронили возле Кремлевской стены, а на Мавзолее восстановили прежнюю надпись – «Ленин». В том же году Сталинград переименовали в Волгоград, Сталинабад, столицу Таджикистана – в Душанбе, Сталинск в Сибири – в Новокузнецк, Сталиногорск под Тулой – в Новомосковск, Сталино в Донбассе – в Донецк, Сталинири в Южной Осетии – в Цхинвали. Имена вождя исчезли из названий заводов и колхозов, школ и институтов, исчезли и его портреты; лишь в Грузии существовал культ Сталина, в Гори сохраняли домик, где родился «светоч коммунизма».

Из свидетельства того времени:

«Утром мы пришли в институт и увидели пустой постамент.

Еще вчера стоял на нем огромный Сталин в длинной, до пят, шинели, и его постоянно белила женщина в замызганном халате, ковыряя мочалом на палке в гипсовой ноздре, а сегодня он исчез без следа.

Говорили, что ночью подъехал автокран, неопытный в подобных делах крановщик подцепил тросом за голову и, конечно, ее оторвал. Обезглавленную статую увезли на грузовике, на постамент поставили глиняную вазу. Стоял Сталин, великий вождь и учитель, теперь стоит ваза.

Жизнь хороша своими переменами».

7

Изменялась страна. Менялся быт ее граждан. Уменьшили часы рабочего дня на предприятиях и в учреждениях, позволили увольняться с работы без согласия начальства, ввели закон о государственных пенсиях, отменили ежегодные принудительные займы и провозгласили на весь мир: «В ближайшие два-три года догнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения».

Началось массовое жилищное строительство. Однотипными пятиэтажными домами застраивали огромные районы, переселяли из барачков, подвалов, дощатых сараев, скученных коммунальных квартир и заводских общежитий, где в каждой комнате ютилось по несколько семей.

Жители городов получали садово-огородные участки и сооружали на них крохотные домишки; в летние месяцы сотни тысяч горожан трудились на своей земле, выращивая овощи, клубнику, вишню и яблоки, запасали на зиму картошку, соленую капусту с огурцами.

Женщины шеголяли в синтетических шубах; в моду вошли капрон, нейлон, прозрачные блузки; финские гарнитуры в домах, торшеры, кофейные керамические сервизы, фотографии Хемингуэя на стенах. Фильмы с Запада. Киноклубы с показом позабытых лент. Подписки на собрания сочинений, за которыми выстраивались очереди у книжных магазинов. Запустили первый спутник, улетела в космос собака Лайка, готовился полет первого космонавта Ю. Гагарина, восхитивший весь мир.

На улицах городов появились молодые люди в узких брюках, подражавшие западному стилю жизни – одеждой, прическами, музыкой и танцами; их называли «стилягами», высмеивали в карикатурах и фельетонах, исключали из институтов и комсомола.

Началось увлечение джазом; ловкие люди изготавливали пластинки с джазовой музыкой, записанной на рентгеновской пленке, где проглядывали части человеческих скелетов, – эти пластинки называли «Рок на костях».

В январе 1959 года проходила в стране первая послевоенная перепись населения, насчитавшая в Советском Союзе 208 миллионов 826 650 человек. 48% граждан страны проживало в городах, 52% – в сельской местности; количество женщин превышало количество мужчин примерно на 20 миллионов – это было результатом прошедшей войны, во время которой резко сократилось мужское население, было это и результатом репрессивных мер за последние десятилетия.

В стране преобладало русское население – примерно 114 миллионов человек, затем украинцы – 37 миллионов, белорусы – 8 миллионов, узбеки – 6 миллионов, татары – 5 миллионов; евреи занимали одиннадцатое место среди 126 национальностей и народностей Советского Союза (по переписи января 1939 года евреи были на седьмом месте по количеству населения; после присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и стран Прибалтики – на четвертом месте).

Во время всесоюзной переписи 1959 года 2 миллиона 267 814 человек, 1,09% населения страны, указали в опросном листе свою национальность – «еврей». По мнению исследователей, эта цифра занижена: в Советском Союзе было немало евреев, которые по паспорту считались представителями других народов, были и евреи, скрывшие при переписи истинную национальность; в смешанных семьях родители, как правило, записывали своих детей русскими, украинцами, белорусами и т. д.

В 1959 году количество женщин среди еврейского населения СССР превышало количество мужчин на 200 000 человек; 95,3% евреев числились городскими жителями, 4,7% жили в сельской местности. Предыдущая довоенная перепись насчитала в сельской местности 13% еврейского населения страны – на столь резкое уменьшение повлияло уничтожение евреев нацистами в маленьких городах и местечках, откуда было трудно эвакуироваться.

В 1939 году в каждом из четырех городов СССР – в Москве, Киеве, Ленинграде, Одессе – проживало более 200 000 евреев; в 1959 году так было в одной лишь Москве (239 246 евреев, 4,7% населения столицы).

Во время переписи 1959 года 21,5% евреев СССР назвали своим родным языком еврейский – примерно 490 000 человек. (Для сравнения: по переписи 1939 года около 40% евреев Советского Союза назвали родным языком еврейский. Такое значительное уменьшение – результат гибели евреев западных районов страны, носителей языка идиш, а также ассимиляционные процессы.)

Караганда: «Я спросил своих знакомых, какой родной язык они указали в анкетном листе переписи. Смущаясь, некоторые ответили – «русский». «А почему не еврейский? – спросил я. – Вы из Бессарабии, дома говорите на идиш...» – «Скажу по правде, – ответил он. – Боялся... Я ведь на службе и боюсь потерять ее».

Горький (Нижний Новгород): «Со своими родными бабушка говорила по-еврейски, что меня ужасно раздражало, особенно если это происходило в присутствии посторонних... Еще более ужасным казалось мне употребление этого языка в общественном месте, особенно на транспорте. «Бабушка, бабушка, – дергал я ее за рукав, – перестань, люди обращают внимание»...»

Шаргород, Украина: «Еще меня смущало, что бабушка со всеми разговаривала на идиш, а я не хотела быть похожей на еврейку – маленькую, в очках, с длинным носом...»

В 1959 году русский язык назвали родным языком 76,4% евреев СССР (в 1939 году русский язык оказался родным у 54,6% евреев страны).

8

Летом 1954 года журналист газеты «Нью-Йорк таймс» посетил Бибриджан. Это был первый иностранец, побывавший в Еврейской авто-

номной области после смерти Сталина; его путевые заметки вышли в США отдельной книгой:

«Я не мог сделать ни единого шага по улицам Биробиджана без сопровождения агентов... Их цель была мне понятна. Они со всей очевидностью показывали местным жителям, что сопровождают меня и безопаснее всего не разговаривать с иностранцем. Население прекрасно это понимало, и никто не заговорил со мной на улице...

Еврейский театр закрыт... Газета на идиш выходит три раза в неделю тиражом в тысячу экземпляров, но многих подписчиков она потеряла... В местном музее нет ни единого упоминания о еврейской культуре, еврейском языке или о вкладе евреев в развитие области. Единственным намеком на еврейское присутствие в Биробиджане оказались три старые газеты на идиш, которые я увидел на стене темной комнаты...

В библиотеке я привел в замешательство темноволосую молодую еврейку, попросив новейшие поступления книг на идиш... В книжном магазине обнаружил несколько книг на идиш – две или три из них Шолом-Алейхема, а также работу Сталина «Вопросы ленинизма»... и «Краткий курс истории ВКП(б)»...

С помощью служащего гостиницы... мы разыскали деревянное строение барачного типа, которое служит синагогой в Биробиджане. Еще труднее было найти раввина... Это оказался подвижный шестидесятилетний Соломон Каплан – не рабби, а кантор синагоги... Его община

Вокзал в Биробиджане и почтовые штемпели разных времен

составляет около 50 человек, как он сказал: «все они старше меня». И добавил, что молодежь не приходит в синагогу, даже в большие праздники ее посещают не более 60 человек...»

Перепись 1959 года выявила в Еврейской автономной области 162 856 жителей. Русские составляли 78,2% населения, украинцы – 8,9%, евреи – 8,8% (14 269 человек). 39% евреев ЕАО назвали идиш родным языком, однако сотрудники в учреждениях разговаривали только на русском языке и всю документацию вели по-русски; почтовый штампель Биробиджана был прежде на двух языках, русском и еврейском, но с 1955 года осталось лишь название по-русски – «СССР. Биробиджан областной».

В 1959 году в Биробиджане побывал Б. Гольдберг, которого на процессе деятелей Еврейского антифашистского комитета называли «американским шпионом». Он отметил в своей книге:

«Нет ни одного еврея в Биробиджане, которому необходимы надписи по-еврейски на углах улиц или на дверях общественных зданий. Но наличие этих надписей ставит еврейский язык на одну ступень с русским...»

Конечно, это бесконечно мало по сравнению с тем, чем располагают евреи в других странах, но – как оно ни трагично – всё-таки кое-что...»

Разведывательные службы разных стран пытались получить доклад Хрущева на 20 съезде партии. Это удалось сделать израильской секретной службе, которая раздобыла полный текст выступления на закрытом заседании; его передали американцам, и в июне 1956 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала речь Хрущева, назвавшего действия Сталина «массовым террором».

С 1954 по 1961 год было реабилитировано примерно 730 000 человек, а затем этот процесс замедлился.

В предвоенные годы метрополитену в Москве присвоили имя «главного еврея» страны, и он стал называться «Метрополитен имени Л. М. Кагановича». После войны его переименовали в «Метрополитен имени В. И. Ленина», а именем Кагановича назвали станцию «Охотный ряд» в центре столицы. После разоблачения «антипартийной группы» станция имени Кагановича стала «Проспектом К. Маркса», но к концу двадцатого века она вновь приобрела прежнее название – «Охотный ряд».

В 1990 году московская газета сообщила о том, что Каганович будто бы заявил: «Евреи постоянно мутят воду и постоянно бала-

мутят народ... евреи склонны к анархии...» Престарелый сподвижник Сталина публично откликнулся на это: «Я никому не отвечаю на все виды клеветы и впредь не буду заниматься опровержением. Но в данном случае, поскольку эта клевета касается целого народа, я отступаю от своего правила».

Перепись 1959 года выявила в РСФСР 875 307 евреев (0,74% населения республики), на Украине – 840 311 евреев (2,01%), в Белоруссии – 150 084 (1,86%), в Молдавии 95 107 (3,3%), в Узбекистане – 94 344 (1,16%), в Грузии – 51 582 (1,28%), в Азербайджане – 40 204 (1,09%), в Латвии – 36 592 (1,75%), в Казахстане – 28 048 (0,3%), в Литве – 24 672 (0,91%), в Таджикистане – 12 415 (0,63%), в Киргизии – 8610 (0,41%), в Эстонии – 5436 (0,46%), в Туркмении – 4078 (0,27%), в Армении – 1024 еврея (0,06% населения республики).

В Ленинграде насчитали 168 641 еврея (5,08% населения города), в Киеве – 153 466 (13,89%), в Одессе – 106 700 (16%), в Ташкенте – 50 445 (5,53%), в Минске – 38 842 (7,62%), в Кишиневе – 42 934 (19,88%), в Риге – 30 267 (5,01%), в Баку – 29 197 (3,01%), в Тбилиси – 17 311 (2,5%), в Вильнюсе – 16 354 (6,92%), в Алма-Ате – 8425 (1,85%), в Таллине – 3714 евреев (1,32% населения города).

Во время переписи 1959 года максимальный процент евреев, говоривших на родном языке, оказался в Грузии – 72,3%, в Литве – 69%, в Молдавии – 50%, в Узбекистане – 49,8%, в Белоруссии – 21,9%, на Украине – 16,9%, в РСФСР – 13,4%, в Армении – 7%. При этом у ашкеназских евреев родным языком был идиш, у горских евреев – еврейский диалект татского языка, у бухарских евреев – еврейско-таджикский диалект, у грузинских евреев – грузинский язык.

В Вильнюсе назвали идиш родным языком 69% евреев города, в Риге – 48%, в Кишиневе – 43%, в Минске – 14,7%, в Киеве – 13%, в Ленинграде – 8,6%, в Москве – 8,5%.

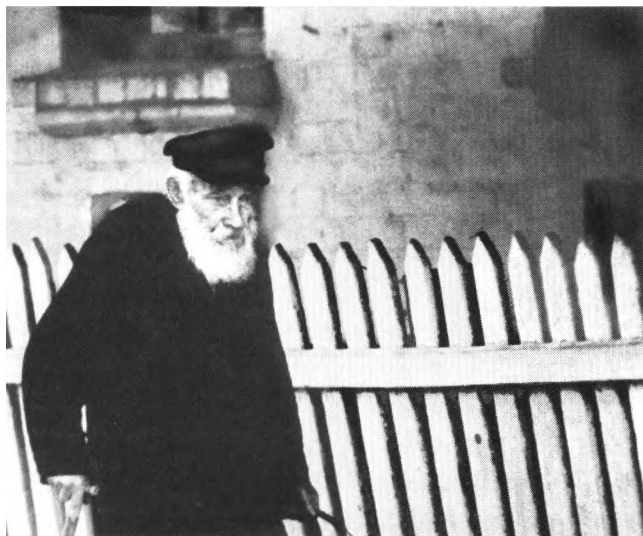

На 22-м съезде КПСС выступила Д. Лазуркина, старый член партии и многолетняя узница ГУЛАГа. Очевидцы утверждали: Лазуркина рассказала делегатам съезда о видении, которого она удостоилась; явился ей Ленин и заявил, что не желает лежать

в Мавзолее рядом со Сталиным. Вряд ли рассказ Лазуркиной повлиял на решение съезда – убрать тело Сталина из Мавзолея, однако исключать такую возможность не стоит.

В. Молотов (из высказываний на пенсии): «Со временем в истории России Сталин будет восстановлен. Будет музей Сталина в Москве. Обязательно! Потребуют... Имя его поднимется снова и займет свое славное место в истории».

Очерк девяностый

Еврейская религиозная жизнь. Антирелигиозная кампания 1960-х годов

1

Авраам Кауфман, из воспоминаний о Судном дне (Караганда, 1956 год):

«– Что у вас в городе есть еврейского? Еврейская община? Библиотека?.. Клуб? Школа?

Ничего нет.

В Караганде свыше 3000 евреев. Где-то в глуши, в Старом городе, есть еврейская синагога, молитвенный дом. Ох, как трудно добираться туда!..

Синагога в Караганде. Старый одноэтажный дом, большая передняя и две смежные комнаты – мужское и женское отделения. В стене между комнатами пробито отверстие, затянутое занавеской. Бедно, убого. Битком набито народу в комнатах и передней – не протолкнешься. Опоздавшие стоят на ступеньках, крыльце, на улице, хотя уже довольно прохладно.

Подавляющее большинство молящихся – люди пожилые, старики. Есть и средний возраст. Молодежи наперечет – двое, трое. С десяток детей, мальчиков – родители привели с собой... Сидеть негде – стоят у стен две скамейки, и есть несколько табуреток, занятых глубокими стариками. У всех печальные лица, словно тяготит что-то. Больно, тяжело на душе...

У простого стола стоит... старичок с длинной седой бородой. Он и баал-тфила (ведущий службу), и шойхет (резник), но от последнего вынужден был отказаться. Его два сына – члены КПСС – категорически запретили отцу заниматься резкой птиц, иначе они откажутся от него. А он живет у них... боится за судьбу своих сыновей, и евреи остались без шойхета.

Этот старик... поет Кол-нидрей с душой, с чувством. Он переживает, и слезы льются из его глаз. Все молитвы орошены его слезами. Кончилась молитва, и все молча разошлись, удрученные...

Настал Йом Кипур 1957 года... Всё тот же старичок у амвона молится, взывает к Всевышнему: открой нам врата Небесные, услышь нас!.. Кончилась молитва... Какое-то молчание, заминка какая-то. У всех напряженное состояние, словно ждут чего-то...

И раздается трубный звук шофара – один, продолжительный. Старичок у амвона плачет. И вдруг из толпы, из массы молящихся кто-то кричит: «Лшана га-баа б-Иерусалаим!» («В будущем году в Иерусалиме!»). И все, все молящиеся подхватывают этот крик, вырвавшийся из души. И еще подхватывают его, еще и еще.

Уже многие годы не раздавались эти слова после молитвы. Ведь это сионизм, Израиль, контрреволюция, «измена родине»... И кое-кто по дороге обратно, из синагоги, тихо и робко шепчет: дай Бог, чтобы всё обошлось...»

«В начале 1958 года синагога в Караганде была советскими властями закрыта... В Рош га-Шана, в Йом Кипур собирались по 10–15 человек в частных квартирах... и молились. Молились и плакали...»

2

После реабилитации врачей евреи снова заполнили синагоги; избавление от надвигавшейся беды было настолько волнующим, что в молитвенные дома шли люди, которые до этого никогда там не бывали.

Прекратилась на время антирелигиозная пропаганда. Московскому раввину Ш. Шлиферу позволили поздравить евреев Англии с праздником Рош га-Шана. Ретивые киевские чиновники официально запросили Москву, не следует ли удалить шестиконечные звезды из синагог и с памятников на кладбищах, но председатель Совета по делам религиозных культов прикрикнул на них в духе времени: «Щит Давида нельзя расценивать как сионистскую эмблему. Нельзя трогать синагоги. Это грубое администрирование».

В 1954 году раввин Ш. Шлифер пригласил главного раввина Израиля посетить Советский Союз. В следующем году председатель еврейской религиозной общины Киева сказал туристам из США: «Передайте привет верующим евреям в Америке, но только не тем, которые поддерживают Эйзенхауэра и других агрессоров», – за что и получил внушение от начальства, так как вел себя «надменно, нетактично, не как руководитель религиозного общества, а как какой-то защитник советской власти».

В 1956 году раввин Ш. Шлифер, генерал Д. Драгунский и писатель А. Чаковский приехали в Париж на открытие памятника жертвам Катастрофы. На встрече с израильским послом во Франции Шлифер сказал ему на иврите: «Пусть Всевышний даст вам силы».

В 1956 году американские раввины побывали в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Тбилиси, Кутаиси, и очевидец свидетельствовал: «Улицы вблизи синагоги Киева были запружены тысячами евреев, стремившихся бросить взгляд на раввинов». Гости из США задавали вопросы: «Почему в Киеве только одна синагога?.. Почему в Харькове нет синагоги? Куда делись ценные рукописи и книги из синагог? Почему не издают книги на еврейском языке?.. Можно ли из СССР направлять детей в США, где они становились бы раввинами для Советского Союза?..»

Вновь разрешили сооружать «сукку» возле синагог в праздник Суккот. Перед праздником Песах в булочных появилась маца, которую выпекали государственные пекарни. Совет по делам религиозных культов докладывал осенью 1956 года: «Синагоги в праздничные дни в... Москве, Ленинграде, Ростове, Киеве, Львове, Днепропетровске, Одессе и ряде других городов были переполнены... Бросалось в глаза присутствие около синагог немалого числа молодежи, особенно девушек...»

В 1956 году позволили напечатать в Москве еврейский религиозный календарь; тогда же – впервые за много лет – издали еврейский молитвенник тиражом 3000 экземпляров. Его посылали в другие страны, чтобы продемонстрировать веротерпимость советской власти; рассылали его и по еврейским общинам СССР, но в таких малых количествах, которые не могли удовлетворить запросы верующих евреев.

Этот молитвенник скопировали с дореволюционного издания «Сидур га-шалем» («Полный молитвенник»), заменив название на «Сидур га-шалом» («Молитвенник Мир. Молитвы на весь год»).

Взамен молитвы за царскую семью в него включили «Молитву за здоровье правительства»: «Тот, кто благословил наших предков

Авраама, Ицхака и Якова... да благословит, охранит, убережет, поможет, возвеличит и возвысит правительство СССР...»

В январе 1957 года – стараниями раввина Ш. Шлифера – открыли при московской синагоге единственную в стране легальную иешиву «Кол Яков»; в ней занималось до 15 учеников разных возрастов – из городов Грузии, Москвы, Ташкента, Минска и Днепропетровска.

Израэль Пинский:

«После смерти Сталина в Москве и Подмосковье стала заметно оживляться религиозная жизнь. Евреи более активно посещали центральную синагогу на улице Архипова, а также синагоги в Марьиной Роще, Черкизове и Малаховке.

В разных концах Москвы и Подмосковья собирались «миньяны» – не только по праздникам и субботам, но также по будним дням. Подмосковные «миньяны» – в Томилине, Быкове, Ильинском, Вешняках... в Бабушкине, Ухтомской, Перловке, Болшеве, Пушкине, Загорянке, Мамонтовке... в Железнодорожном, Красном Строителе...

В Москве «миньяны» собирались в Перове, на Соколе, Щелковской, в Кунцеве и других районах. Власти то и дело закрывали «миньяны», но они вновь открывались в других домах, на других улицах... Многие полагали, что молиться в домах более безопасно, чем постоянно появляться в официальной синагоге...

Гецьль (Гече) Виленский

В 1958 году «миньян» был организован на Фрунзенской набережной Москвы, у р. Гецла (Гече) Виленского, и просуществовал около тридцати лет... Там проводили уроки Торы, «фарбрэнгены» (хасидские за-

стольные встречи, приуроченные к праздничным и памятным датам); для каждого был готов ночлег, ужин и теплое слово...»

«С течением времени в «миньяне» р. Гече появлялось всё больше молодежи. В семидесятых годах р. Гече стал другом и воспитателем десятков молодых людей, обратившихся к еврейской религии».

В первый послесталинский период оптимистам казалось, что неблагополучные времена прошли и больше не будет нападков на религию, однако эти иллюзии вскоре развеялись. Религиозные объединения страны оставались под строгим наблюдением; еврейские общины не составляли исключения, в Москву регулярно поступали сведения о зарегистрированных общинах и подпольных «миньянах», о пожертвованиях в синагогах и количестве выпекаемой мацы. Особое внимание уделяли агитации в синагогах за выезд в Израиль, а также назначению «наиболее лояльных» раввинов и председателей общин.

Современник свидетельствовал:

«В 1959 году усилилась борьба с религией... Стали издавать антирелигиозную литературу. Против религии вообще и против каждой в отдельности... В учреждении, на шахте, в больнице, поликлинике собирают на лекции служащих и рабочих. «Явка обязательна»...

Лектор – сотрудник Комитета государственной безопасности... Тема: «О вреде религии». Начинает свой доклад с того, что... под фирмой адвентистов, свидетелей Иеговы и других религиозных сект, центр которых в Америке, США ведут в Советском Союзе шпионскую работу. Лектор рассказывает о вреде веры в Бога, что является «глупым суеверием», «затемняет сознание масс», делает их «невежественными»...

Два раза в неделю демонстрируют по телевидению картины из быта церквей, синагог. Ретиво взялись за еврейскую веру. Показывают фильм, как... заманили еврейскую девушку в синагогу, гипнотизируют ее, внушают насильно веру, – девушка впадает в религиозный транс... сходит с ума, попадает в дом умалишенных.

«Вот до чего доводит религия!» – красуется надпись на экране...»

3

Условия существования еврейских религиозных общин отличались от общин других вероисповеданий. В послевоенные годы в Советском Союзе работали Святейший Синод русской православной церкви, Всесоюзный совет евангелических христиан-баптистов, центральное объе-

динение армянской церкви, объединение лютеранских церквей в республиках Прибалтики, Мусульманский совет в Средней Азии и Казахстане, – раввинам не разрешали создавать единый координационный центр, и они не могли собираться для обсуждения текущих проблем.

Все религиозные конфессии печатали молитвенники и календари; в 1957 году православная церковь опубликовала Библию и издавала ежемесячно, из года в год, Вестник Московской патриархии. Библию опубликовали и протестанты, мусульмане выпустили несколько изданий Корана – Библию на иврите не разрешали издавать многие десятилетия, не позволяли изготавливать таллеса, тфилин и мезузы, в то время как другие вероисповедания производили в своих мастерских церковную утварь, рясы, четки, распятия.

У православной церкви существовали две Духовные академии и несколько семинарий для подготовки священников; у мусульман было Медресе, в которой обучались будущие исламские священнослужители; молодые баптисты имели возможность учиться в Духовных семинариях Англии и Канады – иешива при московской синагоге подготовила несколько шойхетов-резников, и количество учеников в ней постоянно уменьшалось. Раввины в действовавших синагогах были в основном преклонного возраста, и замены им не существовало; изучение иврита запрещалось, а потому многие евреи не понимали языка молитв; по всей стране оставалось малое количество людей, которые могли произвести обряд обрезания новорожденных мальчиков.

У мусульман существовал Отдел для внешних сношений, православная, армянская, баптистская и лютеранская церкви состояли членами Всемирного совета христианских церквей – еврейским общинам не разрешались контакты с религиозными организациями за границей. Представители православной церкви приезжали в Израиль, католикос армянской церкви посетил Иерусалим, мусульманские паломники ездили в Мекку и Медину – служителей еврейского культа не выпускали за границу.

Синагогальный совет США пригласил московского раввина И. Левина в Нью-Йорк, но он ответил, не без указания свыше, что «стар и болен», а потому не может приехать.

В 1959 году Комитет государственной безопасности Украины «поручил группе соответствующих работников изучить содержание библиотек и еврейских молитвенников иудейского религиозного культа». Выводы экспертной комиссии отправили в Москву, в ЦК партии:

«Библия-тора, книги пророков, письмена, молитвенники проникнуты насквозь духом воинствующего национализма, «духовного расиз-

ма»... и легли в основу идеологии сионизма... в соответствии с которой евреи, «рассеянные» по всей земле, должны в конце концов возродиться в своем национальном государстве, в своей «колыбели», в древней Палестине...

Особенно полезны для враждебных элементов, пропагандирующих сионизм, многочисленные высказывания молитвенников, торы-библии, пророков, писем, в соответствии с которыми подлинной родиной евреев вне зависимости от того, где бы они ни проживали, является не страна, воспитавшая их, а Сион (т. е. империалистическое государство Израиль)...»

Комиссия обратила особое внимание на молитвенник «Мир», изданный в Москве: «В нем помещены молитвы... которые открыто проповедуют сионизм, «исключительность» и «превосходство» еврейского народа, конечную победу еврейского народа над всем миром...»

Ознакомившись с выводами экспертов, ЦК партии предложил органам печати и лекторам «раскрыть националистический характер еврейской религиозной литературы» и ее «реакционную сущность».

4

А. Яковлев, советский государственный деятель:

«После войны с неослабевающим энтузиазмом продолжалось закрытие храмов. К 1963 году число православных храмов по сравнению с 1953 годом было сокращено более чем вдвое. В Москве летом 1964 года впервые за послевоенное время был разрушен храм Малого Преображения. В 1963 году закрыли Киево-Печерскую лавру.

К началу 60-х годов вновь появились заключенные из числа верующих и духовенства, арестованные за свои убеждения. За 1961–1963 годы и первое полугодие 1964 года... было осуждено 806 человек».

«По Указу о туеядцах за это время выслан в отдаленные области 351 священнослужитель».

Антирелигиозная кампания постепенно набирала силу. Уделяли пристальное внимание церквям и мечетям, выслеживали тайные молитвенные дома пятидесятников, адвентистов седьмого дня, свидетелей Иеговы, прочих нелегальных сект и религиозных групп. Их ловили на «месте преступления», сообщали на работу для принятия дисциплинарных мер, наиболее упорствующих отправляли в лагеря, где оказались

также православные, старообрядцы, баптисты, евангелисты, униаты и католические священники, мусульмане Кавказа и Средней Азии.

И. Авербух оказался свидетелем освобождения из лагеря женщины, принадлежавшей к «Истинно православной церкви»: «В конторе ее попросили подписать документ об освобождении и выдаче денег на дорогу. «Ни на каких ваших бумажках я не распишусь, никаких дел у меня с вами нет. Дадите деньги – хорошо, не дадите – не надо». – «Но без подписи я не могу вам выдать! Что будете делать?» – «Пешком пойду». – «Семенова, вы же советский чеоловек!» – «Избави меня Господь! – и перекрестилась. – Это вы советские. Я не советская. И не буду никогда...» – «Опять сядете». – «Это уж как вам угодно... На дьявольскую власть работать не буду».

ЦК партии принимал решения об «усилении атеистической пропаганды», повсюду осуждали «мракобесов» и закрывали церкви; в газете «Красное знамя» города Томска написали: «Не молитвами, а трудом своим строим мы наше счастье. И сеять среди людей тьму и злобу, невежество и изуверство, отвлекать их от участия в строительстве коммунизма мы не позволим».

Столичные и государственные издательства выпускали сотни книг с критикой христианства, мусульманства, прочих религиозных конфессий; публиковали десятки сочинений против иудаизма на русском, украинском, белорусском, литовском, латышском, грузинском, молдавском языках – среди авторов этих книг были и евреи.

В Кишиневе выпустили антирелигиозный сборник «На светлую дорогу» со статьями «Слово бывшего раввина», «Я перестал служить богу Яхве», «Почему я отошел от иудаизма», «Нам не нужна религия», «Мое решение бесповоротно».

Иностранные туристы привозили молитвенники, талесы и тфилин, однако власти запрещали распределять их среди верующих. В 1959 году раввинат Израиля отправил в синагоги Советского Союза 185 посылок с «этрогом» (вид цитрусовых) и «лулавом» (пальмовая ветвь), которые необходимы для религиозных служб в праздник Суккот; посылки вернулись обратно с официальным уведомлением: «Ввоз запрещен».

В Москву докладывали из Киева: «Мацу приобретает большинство еврейского населения... а в некоторых случаях даже коммунисты... Работники редакции газеты «Вечерний Киев» члены КПСС Альперин, Узкер, Кацман, Розен и Каганович заготовили до 100 килограммов мацы...» Всех вышеназванных уволили с работы, а Альперина исключили из партии.

В 1959 году в Киеве запретили выпечку мацы; это же произошло в Одессе, Харькове, Кишиневе, Риге, а затем запрет распространили на

всю страну. В газете «Львовская правда» напечатали статью, разоблачавшую «реакционную сущность еврейской религии»: когда евреи едят мацу, они надеются, что в будущем году будут отмечать праздник Песах в Иерусалиме, хотя всем известно, что «Израиль является послушным орудием в руках американских, английских и французских империалистов».

Перед праздником Песах из-за границы присылали посылки с мацей, но их задерживали на таможне и нередко отправляли обратно, а в газетах публиковали отклики «граждан еврейской национальности» с осуждением «идеологической диверсии» Запада. Если посылка всё-таки попадала по назначению, мацу разламывали на мелкие части, чтобы она оказалась на праздничных столах у многих верующих.

В 1963 году на скамью подсудимых посадили московских евреев, обвиненных в спекуляции незаконно выпеченной мацы. Они утверждали, что пекли мацу для собственного потребления и лишь излишки отдавали бесплатно неимущим евреям; их адвокат заявил на суде, что в московских церквях легально продают свечи и просфоры для причастия, никого не обвиняя в спекуляции, а у верующих евреев не было иного выхода, так как приближался праздник.

Суд не принял во внимание эти доводы и приговорил В. Богомольного к одному году заключения, К. Бляхман и М. Брио, двух женщин – к 6 месяцам; инвалида Э. Каца, главного обвиняемого, освободили по старости лет.

Евреи Красноярска тайком собирались для молитвы по субботам и праздникам; «мацу выпекали в частном доме, ходили за ней поздно вечером, чтобы никто не увидел».

5

Многие синагоги страны располагались в старых, обветшалых зданиях; требовались средства для их ремонта, но прихожанам не всегда удавалось собрать необходимые суммы. Местные власти отменяли прежние регистрации еврейских общин, разгоняли подпольные «миньяны», выискивали и ликвидировали тайные хедеры для обучения детей. Среди верующих внедряли секретных осведомителей, которые брали на заметку юношей и девушек, посещавших синагоги по праздникам, – за это могли исключить из института, техникума и комсомола.

По субботам в киевскую синагогу приходило до 500 человек, в Судный день – до 30 000, и соответствующие органы докладывали: «Улица Щекавицкая, где находится синагога, была настолько переполнена, что возможность движения по ней какого-либо транспорта полностью

исключалась, а по прилегающим к ней улицам двигались беспрерывно толпы еврейского населения».

В 1954 году синагогу в Одессе перенесли с центральной улицы на окраину города. Объяснение было простым: по еврейским праздникам возле синагоги собирается много людей, и это мешает уличному движению.

С 1957 года на Украине началось массовое закрытие молитвенных домов. В городе Ровно синагогу превратили в спортивную школу, в Бресте – в кинотеатр; кинотеатром стала и синагога в Луцке. В 1960 году закрыли синагогу в Ямполе – по причине «отхода евреев от религии»; в центральной синагоге Мукачева разместили магазин «Детский мир», в синагоге Ужгорода – филармонию (еврейской жизнью в Закарпатье тайно руководил раввин И. М. Каган из Мукачева, который работал в пункте по приему стеклотары).

В 1959–1962 годах ликвидировали синагоги в Полтаве и Сталине (Донецке), в Бобруйске, Кременчуге, Чернигове, Николаеве, Умани, Херсоне, Белой Церкви. Не избежала общей участи Большая синагога в Черновцах, разрушили Большую синагогу в Меджибоже, пострадавшую во время войны; в Черкассах синагогу снесли по плану реконструкции города; в Могилеве-Подольском разогнали «миньян» на частной квартире, конфисковали свитки Торы, оштрафовали верующих за недозволенное отправление религиозных обрядов.

В 1962 году из Львова сообщили в Киев: «Львовский обком партии совместно с органами КГБ провел ряд мероприятий по компрометации еврейской религиозной общины среди верующих». Газета «Львовская правда» обвинила руководителей общины в спекуляции и валютных махинациях; единственную синагогу в городе закрыли и порекомендовали перенять опыт «львовских партийных и советских организаций в других областях республики».

В 1965 году в городе Хуст Ужгородской области попытались превратить синагогу в Дом культуры. Евреи окружили здание синагоги, двое суток выдерживали осаду, и власти согласились сохранить синагогу – при условии, что туда не будут пускать детей и молодежь.

В белорусских городах Витебске и Гомеле не было после войны синагог; не было их и в Гродно, где в начале 1930-х годов насчитали 42 молитвенных дома. В 1958 году отобрали здание синагоги в Барановичах – там разместилось местное управление КГБ. Через год закрыли синагогу в

Минске, и евреи стали молиться в деревянном доме на окраине города. Тогда же ликвидировали синагоги в Могилеве и Бресте, а через несколько лет – последний молельный дом в Пинске.

В 1959–1960 годах не стало синагог в городах Бельцы и Фалешты, в Молдавии оставалась лишь действующая синагога в Кишиневе. Однажды милиция обнаружила в Бельцах подпольный «миньян» – верующих привели на городскую площадь, где их публично осудили местные комсомольцы.

В 1959 году закрыли синагоги в Воронеже и Томске, в 1962 году – в Свердловске (Екатеринбурге) и Казани, в 1963-м – в Грозном; во многих городах РСФСР со значительным еврейским населением не было молитвенных домов. В Риге ликвидировали одну из двух действовавших синагог, в Каунасе в 1962 году закрыли последнюю синагогу.

В первые послевоенные годы власти разрешили открыть синагоги в Житомире, Жмеринке, Иркутске, Кировограде, Коростене; в 1957–1963 годах эти синагоги ликвидировали – также по распоряжению властей.

К 1965 году в СССР было закрыто не менее 50 синагог; в стране оставалось примерно 70 разрешенных молитвенных домов, почти половина из которых находилась на Кавказе и в Средней Азии.

Израэль Пинский (Москва):

«В начале шестидесятых годов Шнеер Пинский, мой отец, вышел на пенсию и целиком посвятил себя преподаванию... Шли годы, старились и уходили из жизни шойхеты, раввины. Постепенно отцу пришлось брать на себя и эту работу: если его просили, он резал кур, проверял и реставрировал тфилин, и всё это совершенно бесплатно...

На «фарбрэнгены» в наш дом сходились десятки людей. Бывало так, что люди не знали, где будет «фарбрэнген», наугад шли к Шнееру Пинскому – и никогда не ошибались адресом».

6

В годы войны исчезли или были разрушены многие еврейские кладбища – завалены ограды, разбиты памятники; через кладбища прокладывали дороги, там пасли скот и устраивали места для свалок; кое-где вымостили улицы плитами с еврейских могил, окрестные жители использовали эти плиты для всевозможных бытовых нужд.

Нацисты уничтожили почти всё еврейское население Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики; во многих городках и местечках некому

было приходиться на кладбища и следить за их сохранностью. Там же, где вновь поселились евреи, они старались сохранить могилы разных времен; уважение к местам погребения – древняя еврейская традиция, а потому разрушение кладбищ воспринималось чрезвычайно болезненно.

В 1947 году старое еврейское кладбище Днепропетровска отвели «под индивидуальную застройку старшим офицерам в отставке». Через два года снесли еврейское кладбище в Харькове «вместе с могилами и памятниками наших родственников: Резника Павла Моисеевича, Цейнера Соломона Александровича, Цейнера Александра Моисеевича и других...», – на месте кладбища разбили Парк культуры.

В 1949 году в Москву сообщили, что в городе Прокопьевске Кемеровской области выделили «земельный участок под еврейское кладбище» и «выгородили от русского кладбища железной оградой». Уволили еврея, работника горисполкома, разрешившего создание еврейского кладбища, молитвенный дом отобрали, и евреям пришлось собираться для молитв на частных квартирах. (В том же году в Прокопьевске конфисковали молитвенный дом местной мусульманской общины.)

В 1951 году в Томске ликвидировали захоронения на старом еврейском кладбище и застроили территорию; подобное случилось и в Горьком (Нижнем Новгороде).

Во многих городах уже не оставалось мест на еврейских кладбищах, не было и прохода между могил – камень налезал на камень, ограда на

Еврейское кладбище. Западная Украина, 1960-е годы

ограду, но власти не выделяли участки земли под новые захоронения и требовали погребать на «смешанных» кладбищах. В годы правления Хрущева – одновременно с антирелигиозной кампанией – началось уничтожение еврейских кладбищ, судьба которых зависела от планов городских архитекторов и решений местных руководителей.

В 1950-х годах на месте старого еврейского кладбища в Гродно построили стадион; останки захороненных вывезли, надгробные плиты исчезли – прошел слух, что они пошли на постамент памятника Ленину. В 1959 году снесли старое еврейское кладбище в Кишиневе, на его месте разбили затем сквер; разрушили кладбище в Бендерах – памятники с могил использовали для строительных работ.

В начале 1960-х годов уничтожили кладбища в Новгороде и Ивано-Франковске. Ликвидировали Лукьяновское еврейское кладбище в Киеве. В Остроге на Украине не стало старинного еврейского кладбища; больные психиатрической больницы, солдаты и добровольцы разбили памятники на мелкие осколки, которые пошли на мошение дорожек.

На старом еврейском кладбище Пинска выстроили жилые дома; кладбище в Ровно превратили в парк, по которому гуляли влюбленные и мамы с колясками.

В 1961 году ликвидировали в Вильнюсе Зареченское еврейское кладбище, где погребали с первой половины девятнадцатого века. Немногие захоронения перенесли на другое кладбище, часть надгробий передали похоронной конторе для изготовления новых памятников, остальные использовали как строительный материал. В 1963 году распахали старое еврейское кладбище в Каунасе – евреям выделили отдельный участок на общем кладбище.

На Старом еврейском кладбище Риги хоронили узников гетто, умерших и расстрелянных. В 1960-е годы надгробные камни отправили на переработку, кладбище сровняли с землей; не сохранили – несмотря на просьбы – даже фрагмент кладбищенской стены со следами пуль, у которой казнили евреев, а на захоронениях создали Парк коммунистических бригад.

Уничтожение кладбищ продолжалось и в последующие времена. В 1970-е годы ликвидировали в Одессе еврейское кладбище, существовавшее с конца восемнадцатого века; там были похоронены писатель Менделе Мойхер-Сфорим, поэт Семен Фруг, религиозные и общественные деятели (исчезли также могилы бабушки, дедушки и дяди автора этих строк).

Время от времени неизвестные лица разбивали памятники на еврейских кладбищах, писали на них оскорбительные надписи, одна из которых гласила: «Мы начинаем с мертвых, но закончим живыми».

На кладбищах Украины сохранились кое-где могилы праведников; к ним приходили евреи, чтобы попросить помощи, заступничества, излечения от болезней.

Хасиды приезжали в Меджибож на могилу основателя хасидизма Баал Шем-Това. В Умани территория еврейского кладбища была застроена домами; осталась нетронутой могила рабби Нахмана, цадика из Брацлава, которую хасиды посещали регулярно, даже приезжали тайно из других стран. Приезжали они и в Гадяч неподалеку от Полтавы, на могилу Алтер ребе (Старого ребе) – рабби Шнеура Залмана, основателя движения «Хабад».

В Бердичеве евреи приходили на кладбище с полуразрушенными надгробиями и молились возле могилы легендарного рабби Леви Ицхака, которого называли «заступником Израиля». С начала девятнадцатого века евреи шли к рабби с бедами своими и горем; недаром говорили в прошлом: «Когда вспоминают бердичевского раввина, смягчается строгость Небесного суда».

Из свидетельства конца двадцатого века (Житомирская область): «В километрах двадцати от Овруча есть селение Веледники. Там покоится прах цадика Исраэля Берла. К этой могиле приезжают сотни паломников с разных концов земли. Никто уже не помнит об этом человеке, о его биографии...»

На том месте, очевидно, похоронен рабби Исраэль Дов Бер, «магид (проповедник) из Веледников» – ученик рабби Мордехая из Чернобыля, фактического основателя хасидской династии Чернобыльских цадиков.

Шаргород Винницкой области (из книги Ч. Е. Хоффмана «Красный штетл», конец двадцатого века):

«Многие евреи Шаргорода никогда не посещали молитвенный дом, но были другие аспекты традиционной жизни, которые свято соблюдались в городе... Любого еврея, даже если он был атеистом или коммунистом, хоронили рядом с братьями-евреями... Еврей-атеист не мог представить себе, что будет жить в вечности среди неевреев на их кладбище, окруженный крестами и другими христианскими символами. Еврей оставался евреем даже после смерти...

До конца 1970-х годов общественное мнение – семья, друзья и соседи – явно диктовало молодым: евреи должны жениться только на еврейках, еврейки должны выходить замуж за евреев. Мила Коган вспоминает: «Мама не позволяла мне даже смотреть на нееврейских парней. Мои

родители сказали: только еврей, и всё. Если девушка выходила замуж за нееврея, это был позор для семьи, и все от нее отворачивались...»

Еврейская атмосфера, веками царившая в городе, частично происходила от почитания могил двух цадиков на старом кладбище, имена которых едва различимы на каменных надгробьях. Из поколения в поколение горожане помнили, что это могилы святых людей, но только один человек в городе утверждал, что знает их имена... – Реувен, сын Нафтали, и Шевах, сын Бенциона. И еврей, и нееврей до сих пор ходят на могилы этих людей, чтобы помолиться о божественном заступничестве, облегчить свои беды и печали. Горожане продолжают верить в силу цадиков – даже те, чья религиозная вера давно ослабла.

Многие евреи говорили мне, что цадики с незапамятных времен защищают город от злой судьбы... Именно по этой причине не произошло массового истребления евреев Шаргорода во время Отечественной войны... не было и опустошительных погромов в Гражданскую войну...»

8

Меир Канторович – учитель еврейской гимназии в Каунасе – был арестован в 1941 году, провел в лагерях 8 лет, отправлен затем на пожизненную ссылку в отдаленное село в Казахстане, где оказался единственным евреем среди спецпереселенцев-немцев. Работал ночным сторожем, познал голод и болезни, после смерти Сталина преподавал немецкий и английский языки в местной школе.

С середины 1960-х годов Канторович начал исследовать библейские тексты, отправлял свои работы друзьям в Россию, а те переправляли их в Израиль. Еще при жизни Канторовича издали в Иерусалиме его анализ двух книг Библии, а посмертно – сборник трудов «Исследования Библии в советской неволе».

Меир Канторович умер в 1980 году – село Рузаевка, Казахстан. В краткой автобиографии он сообщил, что работал для «возвеличения Библии, которая является основой души нашей и нашего существования».

В послевоенные годы жил в Москве раввин Ицхак Красильщиков, составивший комментарии к сочинениям Рамбама и к Иерусалимскому Талмуду. В 1970-х годах его рукописи тайно вывезли из СССР и опубликовали в Иерусалиме.

В начале 1960 года в газете Казани «Советская Татария» напечатали фельетон о «религиозном фанатике» И. Зильбере. Из рассказов раввина Ицхака Зильбера:

«За публикацией фельетона последовало учительское собрание в школе. Оно... продолжалось с десяти утра до шести вечера, полный рабочий день... Выступающих было человек тридцать пять...

– О вас говорят, что вы верите в Бога. Это верно?

Я сказал:

– Да.

– Подумайте хорошенько. Товарищи, которые работали с вами столько лет и учились с вами в университете, надеются, что вы серьезно подумаете и не станете принимать ошибочных решений.

Я ответил, что верил, верю и буду верить.

Спрашивает Моисеев из райкома партии:

– А что вы станете делать, когда коммунизм будет построен?

Я сказал:

– Буду работать где угодно, но останусь верующим.

– Это невозможно. У Энгельса написано, что при коммунизме верующих не будет.

Я говорю:

– А я буду...

Наша русская соседка тетя Тося в те дни сказала мне:

– Если вы, Исаак Яковлевич, откажетесь от Бога, кто же тогда останется с Ним?..»

Перепись 1897 года насчитала в Российской империи (без учета Царства Польского) 5000 раввинов и 11 000 «служителей еврейского культа». В 1926 году 1300 евреев назвали свою профессию – раввин, а перепись 1959 года выявила в стране 75 раввинов (без учета Грузии и Средней Азии). На Украине оказалось 28 раввинов, в РСФСР и Молдавии – по 13, в Латвии – 10, в Белоруссии – ни одного (исследователи полагают, что в Грузии примерно 30 человек вписали в опросный лист: «род занятий» – «раввин»).

В 1957 году умер раввин московской хоральной синагоги Ш. Шлифер, его заменил раввин И. Левин (умер в 1971 году); Левина заменил раввин Я. Фишман. Раввином московской хасидской синагоги в Марьиной Роще был Н. Олевский (умер в 1966 году). Раввина ленинградской синагоги А. Лубанова арестовали в 1950 году, после освобождения он вновь возглавил синагогу в Ленинграде (умер в 1973 году); в том же городе раввином хасидов «Хабада» был М. Эпштейн (в 1951 году сослан в Казахстан, в 1976 году переехал в Израиль – было ему тогда 101 год).

Первым главой иешивы при московской синагоге стал раввин Ш. Шлифер, после его смерти – раввин И. Левин; преподавали в иешиве раввины Я. Калманзон, Х. Кац, Ш. Требник.

В 1958 году в ЦК партии Украины доложили, что из Чикаго приехал председатель Совета американо-советской дружбы, явился в киевскую синагогу и без согласования с соответствующими органами записал на магнитофон беседу с председателем религиозной общины. Последовало указание: «Записи разговоров на магнитофон членов иностранных делегаций с представителями религиозных общин недопустимы».

Запрет на выпечку мацы вызвал протесты во всем мире. В 1964 году власти позволили открыть при московской синагоге пекарню для выпечки мацы, затем к этому подключились государственные пекарни столицы и других городов. «Сидур га-шалом» («Молитвенник Мир. Молитвы на весь год») вторично переиздали в 1968 году – тираж 10 000 экземпляров.

Из «Еврейской энциклопедии» (издание начала двадцатого века): «Судьбы еврейских кладбищ составляли одну из наиболее трагических страниц в истории еврейского народа. Каждое нападение на евреев сопровождалось осквернением кладбищ и расхищением камней... Многие из камней впоследствии пошли на городские постройки... многие старинные кладбища почти целиком исчезли...»

В послевоенные годы уничтожили старое еврейское кладбище в городе Каховке на Украине. На его месте построили жилой поселок имени поэта-еврея М. Светлова, который написал текст популярной «Песни о Каховке».

На старом еврейском кладбище Витебска были похоронены отец и мать М. Шагала. Из свидетельства конца двадцатого века: «Рядом с могилами весной сажают картошку, а осенью собирают неплохой урожай. На кладбище пасут коз, а между могилами гоняют на мотоциклах...»

Очерк девяносто первый

Антисемитизм в Советском Союзе в послесталинский период

1

В 1956 году во многих странах отмечали 350-летие со дня рождения голландского художника Рембрандта. Выставки его картин состоялись в Москве и Ленинграде, после чего знаток живописи сообщил И. Эренбургу:

«Исчезли евреи! Исчезли из творчества Рембрандта. Правда, не сразу. Путеводитель по выставке его произведений, устроенной летом этого года в Музее изобразительных искусств, указывал еще «Портрет еврея»... Но затем на выставке Рембрандта, перенесенной в Эрмитаж, в этикетках под картинами слова «еврей» уже не было.

В 1936 году была такая же выставка Рембрандта, как летом этого года. В каталоге той выставки значились:

- 1) «Голова еврея».
- 2) «Портрет пожилого еврея».
- 3) «Портрет старика-еврея».
- 4) «Портрет 80-летнего еврея».

В только что вышедшем каталоге выставки 1956 года эти картины получили новые наименования:

- 1) «Этюд мужской головы».

- 2) «Мужской портрет».
- 3) «Портрет старика в красном».
- 4) «Портрет старика»...

Зачем же понадобилось это переименование?.. Совершенно непонятно и наводит на грустные мысли...»

2

Пик антисемитизма в СССР пришелся на последние месяцы жизни Сталина, когда, казалось, ничто уже не спасет евреев Советского Союза. После смерти диктатора утихла антисемитская пропаганда, россыпь еврейских имен исчезла на время со страниц газет и журналов; евреи, уволенные во время «дела врачей», возвращались на работу, не было уже открытых антиеврейских кампаний и массовых увольнений. Внешне всё выглядело благополучно, однако государственный антисемитизм не исчез, приняв иные, менее заметные формы.

Лидеры страны утверждали: «Национальный вопрос в СССР не существует; каждая национальность, в том числе и евреи, пользуется всеми правами и преимуществами советских граждан». На практике дела обстояли иначе: евреев не принимали на работу в Министерства иностранных дел и внешней торговли, в армии на высоких постах их оставалось всё меньше и меньше; у еврейской молодежи возникали трудности с поступлением в престижные институты, некоторые высшие учебные заведения были для них закрыты, в другие их принимали по негласной процентной норме.

В 1956 году Хрущев заявил делегатам французской социалистической партии: «Если бы евреи захотели теперь занимать первые места в наших республиках, это, конечно, вызвало бы неблагоприятную реакцию у коренных жителей. Они восприняли бы недружелюбно эти притязания, особенно теперь, когда они не считают себя менее умными или менее способными, чем евреи. Или, например, если еврея на Украине назначают на высокий пост и он окружает себя сотрудниками-евреями, это, естественно, вызывает зависть и враждебное отношение к евреям».

Вскоре после этого член Президиума ЦК партии Е. Фурцева сообщила в интервью английской газете: «Правительство обнаружило в некоторых своих отделах большое скопление евреев, до 50% персонала. Были приняты меры к переводу их в другие учреждения, чтобы им предоставили такое же хорошее положение без умаления их прав».

Это высказывание вызвало немало протестов на Западе, и официальный советский представитель разъяснил заявление Фурцевой: «Она имела в виду, что если и происходили персональные изменения в учреж-

денях, то это продиктовано экономическими условиями, в которых находится страна... В Советском Союзе никогда не существовало и не существует ограничений для евреев или представителей других национальностей».

После снятия Кагановича самым «высокопоставленным» евреем в стране стал В. Дымшиц, единственный еврей в правительстве – заместитель председателя Совета Министров СССР, руководитель Госплана.

В начале 1958 года партийные идеологи разработали специальную программу «в связи с клеветническими измышлениями о «преследовании евреев в СССР». Работников Совинформбюро обязали подготовить статьи на темы:

«Вклад советских ученых-евреев в развитие науки (серия материалов)»;

«Творческие успехи (материалы о виднейших советских писателях, художниках, композиторах, артистах – евреях по национальности)»;

«Дружная семья (о колхозе в Белоруссии, где живут белорусы, русские, украинцы, евреи)»;

«Защитники «Дома Павлова» (к 15-летию Сталинградской битвы; в группе защитников «Дома Павлова» были представители 6–7 национальностей, в том числе евреи)»;

«В рядовой еврейской семье (очерк о семье рабочего или инженера)».

Работники радиовещания тоже подготавливали «контрпропагандистские материалы»:

«О клевете сионистской пропаганды. Публичное выступление писателя И. Эренбурга»;

«В гостях у Давида Ойстраха»;

«Еврейское население СССР пользуется свободой вероисповедания. Беседа с главным раввином Московской общины»;

«Дружная семья архитекторов. Радиоочерк об одной мастерской, где работают русские, евреи, армяне и др.».

Среди запланированных радиопередач была и такая: «Советская власть положила конец антисемитизму в России. Беседа Д. Заславского».

В 1959 году в Верховный Совет РСФСР был избран 1 еврей, что составило 0,12% от общего количества депутатов (евреи насчитывали 0,74% населения РСФСР). В Верховный Совет Украины также избрали 1 еврея – 0,22% от количества депутатов (евреи составляли 2,01% насе-

ления Украины); в Белоруссии в Верховном Совете оказалось 2 еврея (0,49% – на 1,86% населения). В Грузии, Латвии, Молдавии, Киргизии, Армении и Эстонии евреи не попали в Верховные Советы республик.

Если бы выборы были свободными и их результаты соответствовали волеизъявлению народов Советского Союза, это выявило бы истинное отношение к евреям, нежелание видеть их в выборных органах страны. Однако кандидатов в депутаты назначали партийные органы, заранее определяя необходимый процент представителей разных национальностей, а потому итоги выборов свидетельствовали об официальной политике в еврейском вопросе.

3

В мае 1961 года в печати появилось сообщение о привлечении к уголовной ответственности девяти обвиняемых, которые «систематически скупали... иностранную валюту и золотые монеты, а затем перепродавали их по спекулятивным ценам». Среди названных были Я. Рокотов, В. Файбишенко и две женщины – М. Ризванова и Н. Эдлис.

Все эти лица «вели паразитический образ жизни, разлагающе влияли на отдельных неустойчивых граждан и, вступая в преступные связи с иностранцами, унижали достоинство советских людей».

Газета «Известия» провозгласила: «Все честные люди требуют, чтобы их судили со всей суровостью, без снисхождения... Наступает час возмездия!» В «Комсомольской правде» указали характерные имена и отчества обвиняемых: эти «законченные, отпетые негодяи», «стервятники подворотен», «грязные неопрятные старики, которые под заунывные слова молить, читавшиеся нараспев раввином, совершали спекулятивные сделки».

Слушание дела началось в июне 1961 года в московском городском суде, и газеты запестрели заголовками: «Перед ответом», «На жесткой скамье», «Ян Косой и другие», «Рабы желтого дьявола». Во время совершения преступления действовал закон, предусматривавший за валютные операции 3 года лишения свободы. Однако в мае того года председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. Брежнев подписал указ, ужесточивший наказание, и хотя обвиняемые совершали недозволенные действия до издания указа, Рокотов, Файбишенко и Эдлис получили по 15 лет лагерей, остальные – до 8 лет.

Это были годы, которые партия провозгласила периодом «укрепления социалистической законности» и восстановления «ленинских норм жизни» после режима Сталина. И в то же время суд совершил незаконное

действие, попиравшее основные принципы советского и международного права, по которым никакой закон не имеет обратной силы для ужесточения наказания. Более того, законодательство СССР запрещало применять меры наказания, предусматриваемые новыми указами, до включения их в действующие Уголовные кодексы, но судьи не приняли это во внимание.

В июле того года вышел новый указ за подписью Брежнева, предусматривавший расстрел «за спекуляцию валютными ценностями и ценными бумагами», и этим не замедлили воспользоваться. Генеральный прокурор СССР внес протест «на мягкость приговора», дело Рокотова и Файбишенко пересмотрели, и Верховный суд РСФСР назначил обоим высшую меру наказания, снова придав закону обратную силу.

«Правда» сообщила читателям: «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Приговор встречен с одобрением присутствовавшими в зале суда».

Через неделю в московской газете «Гудок» поместили краткое сообщение под заголовком «Валютчики расстреляны».

Е. Эвельсон, адвокат по делам осужденных 1960-х годов:

«Применение смертной казни за экономические правонарушения и придание закону обратной силы стало, по сути дела, возвратом к беззакониям сталинских времен...

Дело Яна Рокотова и других было установочным, сигнальным, направляющим. С него началась сплошная полоса беззакония, творимого в судах по велению кабинетных инструкций... Так Закон склонился перед волевым указанием главы правительства Никиты Хрущева...

После дела Рокотова прокатилась волна аналогичных процессов по всем союзным республикам. Приговоры были большей частью двух видов – 15 лет или расстрел... И людей расстреливали. В мирное время, в то время, как действовал Закон, не знавший за данное правонарушение смертной казни...

Узаконенное беззаконие приняло необратимый характер и отличалось неприкрытой антиеврейской направленностью».

4

Уголовные кодексы республик СССР утверждали: «Система наказаний советского закона является выражением подлинного гуманизма и этим... коренным образом отличается от наказаний, применяемых в эксплуататорском обществе...»

С 1961 года началась кампания по борьбе с «хищениями социалистической собственности», которую проводили по указанию Хрущева. Дела о крупных хищениях и валютных операциях рассматривала теперь не прокуратура СССР – их передали в Комитет государственной безопасности; обвиняемых приговаривали к максимальным срокам наказания и к смертной казни, даже если они совершали экономические преступления до принятия новых законов.

В начале 1962 года Брежнев подписал очередной указ «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество», и количество смертных приговоров возросло. «Преклонный возраст – 72, или 80 лет, или 81 год – не препятствовал применению высшей меры; не служили смягчающим обстоятельством признание вины, добровольная выдача ценностей, участие во Второй мировой войне и полученная на фронте инвалидность. К расстрелу приговаривали и женщин...»

В 1960-х годах тюрьмы были заполнены арестованными – представителями разных народов, которых обвиняли в экономических преступлениях. В огромной многонациональной стране еврейское население составляло один процент, а потому количество евреев, осужденных по тем обвинениям, не могло сравниться с количеством подсудимых других народов, насчитывавших в своем составе десятки миллионов человек. Однако в газетах сразу же появилось немало статей, где подчеркивали еврейское происхождение осужденных – расхитителей, валютчиков и спекулянтов.

«Правда», «Известия», «Труд», «Комсомольская правда», «Ленинградская правда», «Ташкентская правда», «Казахстанская правда», «Правда Украины», «Правда Востока», «Заря Востока», «Советская торговля», «Советская Белоруссия», «Советская Молдавия», «Советская Киргизия», «Советская Литва», «Советский флот» – не было, наверно, такой центральной газеты, которая не упоминала о евреях в фельетонах и сообщениях «Из зала суда».

Перечень можно продолжить названиями областных газет: «Крымская правда», «Социалистическая Харьковщина», «Радянська Житомирщина», «Гомельская правда», «Тюменская правда», «Закарпатская правда» и другие.

В газетных сообщениях обычно указывали лишь инициалы обвиняемых, но еврейские фамилии нередко упоминали с полным именем-отчеством: Мойше Лейбович, Сруль Ицкович, Алтер Янкелевич, Герш Герцевич, Ефим Лейбович. К этим именам добавляли порой нелестные характеристики: «крысиная физиономия», «волчья повадка», «восьмидесятилетний шакал», «змея, которой наступили на хвост», «святой на

взгляд и с подлой душой», «старики... с их зловонным нутром, мерзкие подонки, хищные звери».

Многие экономические дела были связаны с производственными артелями или небольшими фабриками местной промышленности. Основные средства страны шли на развитие тяжелой и оборонной промышленности, и местная промышленность по мере возможностей удовлетворяла запросы населения, изготавливая белье, одежду, обувь, трикотажные изделия, предметы домашнего обихода из металла, дерева и пластмассы. Предприимчивые люди организовывали в артелях и на фабриках производство сверхплановой неучтенной продукции, рабочие трудились более продуктивно за дополнительную плату – товар рассылали для сбыта по магазинам страны.

Е. Эвельсон (о подборе работников местной промышленности): «Здесь не слишком придирались к «пятому пункту», но зато ценили практический опыт, смекалку, умение и старание. Евреи быстро заняли в этих артелях и фабриках ведущие посты. Они создали и укрепили эти малые предприятия. Они наладили производство... содействуя, хотя бы отчасти, уменьшению товарного голода. И пока они были нужны – их труд поощрялся и Законом открыто не преследовался».

Чтобы получить дефицитное сырье и оборудование, требовалось давать взятки тем лицам, от которых зависело их распределение, – без этого теневая экономика не могла существовать. А потому среди обвиняемых нередко оказывались ответственные сотрудники государственных учреждений – работники Госплана СССР и союзных республик, Министерства торговли и милиции, директора заводов и руководители служб, распределявших сырье и оборудование.

Следствие по «трикотажному делу» в Москве привело к десятку судебных процессов по всей стране; замешанными в преступлениях оказались ответственные работники партийных и государственных учреждений. Вместе с Ш. Шакерманом, основным обвиняемым по этому делу, на скамье подсудимых оказались три офицера МВД, которые на служебных машинах сопровождали грузовики с «левым» товаром по московским магазинам, чтобы их не задержала милиция.

Шакермана и одного офицера расстреляли. Имущество конфисковали. На Востряковском кладбище подняли памятник на могиле жены Шакермана в поисках запряженных сокровищ, но ничего там не обнаружили.

По другому «делу трикотажников» расстреляли трех евреев – работников столичного универмага «Москва», остальных подсудимых-евреев приговорили к срокам заключения до 15 лет. Суд оправдал нескольких

представителей других национальностей и освободил от уголовной ответственности неевреев – рабочих и мастеров цехов по производству неучтенного трикотажа, хотя они участвовали в прибылях и получали дополнительное вознаграждение за свою работу.

Житель Львова свидетельствовал: «Помню особо жестокий процесс над тремя стариками-евреями, один из которых работал резником при львовской синагоге. Фамилия резника Канторович, ему было 82 года. Вместе с ним судили 72-летнего Фокшанского и 70-летнего Гольдштейна. Обвинение – служители культа занимались валютными операциями. Их присудили к 10 годам заключения. Фокшанский сразу же умер в тюрьме. Большой раком Канторович тоже вскоре умер. Судьба Гольдштейна мне неизвестна...»

В Киеве судили преподавателей Института легкой промышленности, которые брали взятки за прием и основную часть денег передавали ректору института. Перед судом прошли 64 свидетеля – в разные времена они платили крупные суммы, чтобы попасть в этот институт. Среди них оказался студент пятого курса; он сдал на отлично вступительные экзамены, получил проходной балл, однако вынужден был заплатить ректору, чтобы его – еврея – приняли в институт. Он был из бедной семьи и заработал эти деньги, сдавая кровь на донорском пункте; лишь его из 64 свидетелей признали виновным и осудили на 5 лет лагерей.

5

В начале 1963 года в «Правде» опубликовали письмо Хрущеву английского философа и общественного деятеля Б. Рассела: «Я глубоко обеспокоен смертными казнями, которым подвергаются евреи в Советском Союзе, и тем официальным поощрением антисемитизма, который, по-видимому, имеет место». В ответ Хрущев сообщил на страницах той же газеты, что «шумиха» на Западе «по поводу так называемого антисемитизма в СССР... это грубый вымысел, злобная клевета на советских людей, на нашу страну».

Глава государства, очевидно, забыл про борьбу с космополитами, про «дело Еврейского антифашистского комитета» и «дело врачей-вредителей», иначе бы не заявил категорически: «Политики антисемитизма нет и не было в Советском Союзе, т. к. характер нашего многонационального государства исключает возможность такой политики... Девиз нашего общества: человек человеку – друг, товарищ и брат».

Процессы продолжались, судьи выносили суровые приговоры, которые похоронены в архивах. Исследователю удалось выделить 400 судебных процессов с 1961 по 1967 год, связанных со взяточничеством, хищениями

в крупных размерах и валютными операциями, где главными обвиняемыми были евреи. По этим процессам оказались осужденными 1676 евреев, 163 из них – каждого десятого – приговорили к высшей мере наказания.

163 смертных приговора распределились следующим образом: на Украине расстреляли 80 евреев, в РСФСР – 39, в Киргизии – 9, в Литве – 7, в Белоруссии, Молдавии и Узбекистане – по 6, в Азербайджане, Грузии, Казахстане, Латвии и Эстонии – по 2 еврея.

Остальных обвиняемых по этим процессам отправили в лагеря; половина из них получила до 10 лет заключения, остальные – от 10 до 15 лет.

Д. Пойзнер (подсудимый по делу львовской фабрики «30 лет Октября»):

«Для меня государственный обвинитель запросил у суда высшую меру наказания. Суд согласился только на 15 лет лишения свободы в исправительном лагере усиленного режима, из них пять лет в закрытой тюрьме... Адвокат оспаривал объем и квалификацию совершенного, а также применение обратной силы Закона... однако Верховный суд Украины оставил приговор без изменений...

Три года я изнывал в камере... а затем начались мои странствования по лагерям... В холод, мороз и дождь я работал в гранитных карьерах... Гранит тащили к грузовикам на собственной спине. Ежедневная норма на человека была девять грузовых машин... Я потерял здоровье, почти не мог двигаться, заработал искривление позвоночника, оглох и на семьдесят процентов потерял зрение...

А ведь я участник Второй мировой войны, награжденный многими орденами и медалями, в том числе тремя орденами Красной Звезды; во время боя спас полковое знамя, за что был представлен к званию Героя Советского Союза, но получил только орден. Я имел тяжелое ранение в голову и был контужен на фронте.

Рассказываю об этом, потому что полученная на войне инвалидность... заставила в послевоенное время пойти работать в торговлю, в которой я не был особенно сведущ... Считаю чудом, что перенес 15 лет советской каторги – и выжил».

6

В стране не хватало товаров и продуктов питания, население было недовольно экономической политикой Хрущева; обилие еврейских

имен на страницах газет наводило на мысль, что они-то и являлись главными преступниками, подрывавшими экономику страны, из-за них происходили перебои в поставках продуктов и товаров в магазины.

Статьи в газетах создавали собирательный образ еврея – валютчика, спекулянта, взяточника, что способствовало росту антиеврейских настроений в стране. Это проявлялось на работе и в коммунальных квартирах, в трамваях и на детских площадках – кое-где выливалось в открытые антисемитские действия.

В 1957 году в Вильнюсе заговорили о том, что евреи зарезали мальчика, чтобы использовать его кровь при изготовлении мацы, однако дальше тревожных слухов дело не пошло. Через год председатель КГБ докладывал о беспорядках в Плунге на западе Литвы; там прошел слух о двух девочках, которых некий еврей тащил в моельный дом. Толпа окружила этот дом, милиция устроила там обыск в поисках детей, но никого не обнаружили; собравшиеся решили, что милиционеров подкупили, – страсти разгорелись, дом закидали камнями, послышались выкрики: «Бей жидов!»

Воинские части навели порядок в городе, распространителей слухов приговорили к 15 суткам заключения за «мелкое хулиганство».

3 октября 1959 года евреи отмечали Рош га-Шана, Новый год по еврейскому летосчислению. В ночь на 4 октября загорелась синагога и домик смотрителя еврейского кладбища в подмосковной Малаховке. Пожар в синагоге быстро потушили, а в домике задохнулась от дыма жена смотрителя Сарра Голдовская. В ту же ночь в Малаховке и на Казанском вокзале Москвы обнаружили листовки за подписью ЦК ОРН («Освобождение русского народа») и БЖСР («Бей жидов, спасай Россию!»).

Поджигателями оказались два восемнадцатилетних комсомольца, которые признали свою вину. Председатель КГБ сообщил в ЦК партии, что один из арестованных является «потомственным шизофреником», а потому поджог в Малаховке нельзя рассматривать как проявление антисемитизма, отсутствующего в Советском Союзе.

И. Эренбург, из воспоминаний: «Ко мне пришел следователь, спрашивал, какое впечатление произведет на Западе открытый процесс. Я ответил: «Прекрасное». Однако решили иначе: суд был закрытым, поджигателям дали по шести лет исправительных лагерей. Комитет по делам религии сообщил о приговоре некоторым иностранцам, но советские люди, даже обитатели Малаховки, ничего о суде не узнали».

Летом 1960 года в газете «Коммунист» дагестанского города Буйнакса появилась статья на кумыкском языке «И без бога дорога ясна».

Автор статьи разъяснил читателям: «Евреи поступали очень плохо. К примеру, они верили согласно своей религии, что если выпьют раз в году мусульманскую кровь, это засчитается им как хороший поступок. Поэтому многие евреи покупали пять–десять граммов мусульманской крови, которую они смешивали с водой в большой бочке и продавали как воду, соприкоснувшуюся с мусульманской кровью...»

Горские евреи потребовали опровергнуть это обвинение, однако опровержения не последовало; газета попала на Запад, разразился международный скандал, и в дело вмешалась Москва. Статью признали политически вредной, редактора газеты уволили, объявили выговор и отцам города Буйнакск – «за отсутствие бдительности и политического контроля». В газете «Коммунист» поместили опровержение, признав ритуальный навет «возмутительной и постыдной выдумкой» прежних времен, чтобы «возбудить ненависть к евреям».

Подготовили письмо в американскую газету от имени группы горских евреев: статья в «Коммунисте» – это «исключительный случай... ошибка безответственных журналистов, сделанная без злого умысла».

В 1961 году в узбекском городе Маргилан обвинили еврейку в убийстве с ритуальными целями двухлетнего мальчика-узбека. Толпа ходила по еврейским домам в поисках ребенка, избивая их обитателей; все успокоилось, когда мальчика обнаружили живым и невредимым. Через год это повторилось в Ташкенте: еврейскую женщину обвинили во взятии крови у мусульманской девочки; несколько евреев были избиты, пока не выяснилось, что девочка поранилась от удара о стену.

В 1962 году в грузинском городе Цхалтубо арестовали пожилого инвалида-еврея Н. Бомзе. Следователи пытались доказать, что с помощью шприца он взял кровь у шестилетнего грузинского мальчика и продал ее в синагогу «за огромную сумму денег» – для употребления христианской крови при изготовлении мацы. Обвиняемый пробыл в тюрьме больше месяца; его освободили после вмешательства И. Эренбурга, и прокурор посоветовал Бомзе уехать из Грузии: ходили слухи, что его выпустили из тюрьмы за взятку, и с ним могли расправиться возмущенные жители города.

Ритуальные наветы против евреев Грузии повторились в последние годы в Зестафони и Кутаиси.

В мае 1964 года в Старом городе Ташкента пропал девятилетний узбекский мальчик; собралась толпа и стала избивать евреев под крики:

«Долой жидов!» Вскоре мальчика нашли – его изнасиловали и убили; следов взятия крови на теле не обнаружили, и волнения постепенно утихли.

7

С 1962 года стали появляться одна за другой брошюры с критикой иудаизма и сионизма. В Киеве напечатали «Правду об иудейской религии и сионизме», в Кишиневе – «Современный иудаизм и сионизм», в Одессе – «В волчьем мире», в Куйбышеве (Самаре) – «Иудаизм и сионизм, кому и как они служат».

В 1963 году в журнале «Днипро» напечатали антисемитское произведение А. Димарова «Шляхами життя» («Дорогами жизни») – о нескольких поколениях еврейской семьи Ляндер. В повести сказано, что первый из Ляндеров получил у поляков в аренду православные церкви и закабалил украинцев. Его внук избрал иную тактику: «Зачем раздражать гоев, если можно потихоньку спаивать их и обирать до последней нитки?» Их потомок, Соломон Ляндер, стал большевиком, симпатизировал Л. Троцкому, работал в карательных органах во вред украинскому народу.

В Ужгороде увидело свет сочинение автора-еврея «Именем бога Ягве»; в предисловии издательства сказано: «В брошюре на конкретных фактах, включая и факты из жизни автора, раскрываются несостоятельность и реакционная сущность иудаизма».

В 1963 году издательство Академии наук Украины выпустило книгу Т. Кичко «Иудаизм без прикрас» на украинском языке. Ее основой стала кандидатская диссертация автора; книга предназначалась «для широкого круга читателей», и на ее обложке указали: «Автор раскрывает перед читателями основную суть иудейской религии... которая вобрала в себя и сконцентрировала всё наиболее реакционное и античеловеческое, что входит в содержание разных религий».

Несколько цитат из книги «Иудаизм без прикрас»: «Все догмы иудаизма свидетельствуют о его реакционной сути...» – «Мораль иудаизма не осуждает лицемерие и подкуп...» – «Израиль, сионизм и иудаизм рассматриваются американскими империалистами, как передовые позиции, как запасное орудие для обстрела арабского мира...» – «Проповедь иудаизма является проповедью дикости, пропагандой этики троглодитов...»

На обложке книги «Иудаизм без прикрас» красовался еврей в религиозном облачении с монетами на ладони; десятки карикатур внутри

книги и подписи под ними сделали бы честь любому нацистскому изданию времен Гитлера: «В синагогах находят пристанище разные жулики и аферисты», «Хапуги-служители синагог нередко дерутся из-за дележа добычи» и тому подобное.

Кандидата философских наук Т. Кичко не обвинили в разжигании национальной вражды и не отдали под суд, но его книга вызвала протесты в коммунистической и либеральной печати разных стран: «Мы потрясены...», «Это антисемитская пропаганда...», «Что собирается предпринять советская власть?..» Разразился скандал, который требовалось замять, и весной 1964 года «Правда» опубликовала заявление Идеологической комиссии ЦК партии о книге «Иудаизм без прикрас»:

«Ряд ошибочных высказываний, имеющих в брошюре, и иллюстраций могут оскорбить чувства верующих и быть истолкованы в духе антисемитизма. Но, как известно, такого вопроса в нашей стране нет и быть не может».

Обложка книги
Т. Кичко

В 1949 году начали выпуск 30-томного собрания сочинений М. Горького. Издание завершили через пять лет после смерти Ста-

лина, однако в него не вошли работы писателя, посвященные еврейской теме: «Легенда о еврее», «По поводу Кишиневского погрома», речь «О евреях», статьи «Об антисемитизме», «Об антисемитах» и другое.

В 1958–1960 годах опубликовали 4-томную «Летопись жизни и творчества А. М. Горького». В ней перечислены все языки, на которые переводили его произведения в разных странах; отсутствовали упоминания о переводах на иврит и идиш, как будто они не существовали.

Исследование 400 судебных процессов выявило, что максимальное количество смертных приговоров за экономические преступления вынесли евреям во Львове – 32 (на 132 осужденных еврея), в Москве и Московской области – 28 (на 291 осужденного), в Харькове – 13 (на 25), в Киеве, Ленинграде и Фрунзе – по 9 (соответственно на 129, 85 и 49), в Днепропетровске – 6 (на 24 осужденных еврея).

Е. Эвельсон, адвокат: «Мои клиенты в графе «образование» зачастую писали «начальное». Но это были министерские головы! Настоящие бизнесмены! В свободном мире они возглавляли бы концерны, корпорации и тресты. А здесь они ожидали судебного приговора, часто – смертного...»

Эти люди родились не ко времени. Появись они позже, к концу двадцатого века – стали бы банкирами, владельцами крупных фирм наряду с прочими евреями, которые проявили себя в бывших республиках Советского Союза.

Книги на русском языке с критикой иудаизма публиковали в столичных и областных городах: «Происхождение и классовая сущность иудейской религии», «Что такое талмуд», «Правда о библии», «Происхождение и реакционная сущность иудаизма», «Критика иудейской религии», «Закат иудейской религии» и другие. В 1958–1965 годах книгу Е. Ярославского «Библия для верующих и неверующих» издавали на русском языке восемь раз общим тиражом более 1 миллиона экземпляров.

В 1956 году 20 съезд избрал членами и кандидатами в члены ЦК партии 4 евреев, 1,7% от общего количества. На следующих двух съездах членами и кандидатами в члены ЦК выбирали по

1 еврей, что составляло 0,3% (в 1939 году на 18 съезде партии избрали в ЦК 14 евреев – 10,1%, в 1952 году на 19 съезде – 5 евреев, 2,1%). В 1961 году насчитали 260 000 евреев – членов и кандидатов в члены компартии СССР (2,7% от общего количества).

В 1958 и 1962 годах в Верховный Совет СССР были избраны по 5 евреев (0,35% от общего количества депутатов). В 1963 году в Верховных Советах 15 союзных республик заседали 13 депутатов-евреев (0,23%), в Верховных Советах автономных республик – 11 евреев (0,39%).

В 1958 году выпускник филологического факультета Киевского университета сочинил следующие стихотворные строки:

Глянь, у Київ
Піди.
Як живуть там
Жиди.
В магазинах
Сидять,
Білі булки
Ідять...
То ідять вони долю
Народу.
З нього кров висисають
Як воду.

Очерк девяносто второй

Демократическое движение в стране. Сионизм
в послесталинский период

1

М. Молоствов, участник демократического движения (в 1958 году осужден на 7 лет лагерей):

«Настал день 5 марта (день смерти Сталина). Должен сознаться: меня душили слезы. Как и многие мои товарищи по курсу, я был дитя войны. Эвакуация, бомбежки, недоедание, беспокойство за близких и зависть к тем, кто шел на фронт, горькая радость победы вошли в нашу плоть и кровь. Лозунг «За Родину! За Сталина!» не резал мне слуха...

Но вот слезы просохли. Подул ветер перемен. Нашему поколению, в отличие от поколения отцов, выпала счастливая карта: перемены, совершавшиеся на наших глазах, были переменами к лучшему...»

В судебных архивах сохранились свидетельства о нелегальных группах, возникавших в Советском Союзе с 1953 года. Среди участников этих малочисленных объединений – студент, слесарь, маляр, учитель, научный сотрудник, рабочий завода, инженер, юрист, геолог, ученик 9-го класса. Названия подпольных организаций: «Земля и воля», «Рабоче-крестьянская гвардия», «Голос народа», «Всероссийская рабоче-крестьянская партия», «Комитет борьбы за свободу» и прочие.

А. Парташников: «Я был заключенным в третьем поколении: моих родителей и деда арестовали во времена ежовщины. Дед погиб в тюрьме, а родителям повезло... Отец рассказывал о запрещенных методах ведения следствия, и я был очень возмущен этим...»

В 1951 году шестнадцатилетний киевлянин Анатолий Парташников написал листовку и положил ее в почтовый ящик одного из домов:

«Товарищ, тебя подло обманули. Не верь радио и газетам. Они ежедневно отравляют ум народа, служат делу обмана и порабощения людей...

Социализма в СССР нет. Советский Союз есть государство с усовершенствованным капиталистическим строем. Все блага принадлежат ничтожной кучке людей, которые суть и государство, и капитал. Народу достаются жалкие крохи от того, что идет на укрепление могущества клики Сталина...

Подумай над этим письмом. Не бойся крамольных мыслей. Если хочешь спасти жизнь себе и своим детям – борись с кликой Сталина!

Организация «Пробуждение народа»...»

Их было трое юношей – А. Парташников, А. Фельдман и И. Медников. «В наших подпольных акциях было много игры, – вспоминал Парташников. – Мы подписывались звучными именами несуществующих организаций, выбирали себе партийные клички, устраивали фиктивные съезды с избранием разных комитетов. И съезды, и комитеты состояли из трех человек... Мы были очень молоды. Едва ли мы надеялись кого-нибудь убедить. Но переполнявшее нас возмущение царившей несправедливостью искало выражения – и находило его в наших листовках».

В мае 1953 года они написали листовку от имени «Комитета демократического единства». Затем был трехлетний перерыв, и в начале 1956 года Анатолий Парташников, Анатолий Фельдман, Мойша-Рувин Гарцман, Виктор Шахматов создали «Социалистический союз борьбы за свободу». Они подготовили несколько экземпляров листовки: «Товарищ! Включайся в борьбу за свободу, за подлинный социализм, за лучшую жизнь для всех...», опустили их в почтовые ящики киевских домов, а на следующий день всех четверых арестовали.

Суд состоялся летом 1956 года. «Нас обвинили в антисоветской пропаганде и создании преступной организации... После вынесения приговора мы пели «Интернационал»...» Парташникова и Фельдмана осудили на 6 лет исправительно-трудовых лагерей, Гарцмана – на 4 года, Шахматова – на 1 год лагерей.

Парташников: «Мы следили с огромным интересом и глубоким сочувствием за становлением молодого государства Израиль. Мы рассматри-

вали возможность переезда туда как результат будущей демократизации режима. По нашему тогдашнему мнению, путь в Израиль вел через Москву...»

Лагерная фотография
(слева направо):
Анатолий Фельдман,
Мойша-Рувим Гарцман,
Анатолий Парташников

В 1971 году А. Парташников и А. Фельдман приехали в Израиль.

С 1953 года сформировалась группа Л. Левитина, студента Московского университета. Всё начиналось с общедемократических, социальных проблем, но со временем участники этой группы включились в еврейское движение. Один из них вспоминал:

«Когда мы обсуждали судьбы мира, одной из главных была проблема экспансии советской тоталитарной системы. Мы видели, мы ощущали крайнюю дряблость Запада... Единственной страной, которая, оставаясь демократической и социалистической, обнаружила способность к действию, к сопротивлению, был в наших глазах Израиль...

Израиль доказал: свободное общество, не поступаясь демократией, может существовать и успешно бороться с экспансией и террором».

После 20 съезда партии проходили в стране партийные собрания, на которых зачитывали доклад Хрущева. «То, что было сказано на съезде, невозможно было не сказать... – вспоминал современник. – Все устали от лжи и хотели поменьше лжи в своей жизни и в жизни вокруг себя. Хотели, чтобы Сталин назывался человеком, а не богом, нищая деревня называлась нищей, бездушный бюрократизм назывался бездушным...»

Иностраный наблюдатель, побывавший в Москве, отметил: «Все глубоко уверены, что борьба со сталищиной только началась, и настроения в отношении исхода этой борьбы оптимистически».

Из народного творчества того времени: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это...», «Народ и партия едины – различны только магазины...», «Есть обычай на Руси: ночью слушать Би-би-си...»

Критика «культ личности» вызывала острые дискуссии. Наиболее решительные граждане предлагали организовать публичный суд над Сталиным и провести демократические преобразования, чтобы не возник культ очередной «личности»; требовали даже отстранить партию от управления государством и передать власть в руки Советов. В марте 1956 года молодежь вышла на улицы Тбилиси: это был протест против разоблачения Сталина и против «русского угнетения»; войска открыли огонь, были убитые и раненые, что вызвало возмущение грузинского населения.

В октябре–ноябре 1956 года советские танки подавили восстание в Венгрии, чтобы предотвратить выход этой страны из «социалистического лагеря». Министр обороны Г. Жуков докладывал: «Советские войска, действующие в г. Будапешт, сломив сопротивление мятежников, заняли здание парламента... Весь состав контрреволюционного правительства Имре Надя скрылся... Войска, продолжая выполнять поставленные задачи, очищают от мятежников территорию Венгрии».

Сообщения КГБ сохранили отношение инакомыслящих к тем событиям: «в Венгрии не контрреволюция, а революция», «пусть сами разбираются, а нам нечего вязываться», «устроим здесь второй Будапешт», «сделаем как в Венгрии». В Донецке обнаружили листовку: «Вечная слава рабочим Венгрии, павшим в боях с коммунистической диктатурой...» (Шахтера, автора листовки, приговорили к 8 годам заключения.)

7 ноября 1956 года, во время демонстрации в Ярославле, ученик 10-го класса В. Лазарянец развернул перед трибунами изготовленный им плакат: «Требуем вывода советских войск из Венгрии!»

События на венгерской земле отразились на настроениях советских студентов; в Кремль поступали сведения об «антипартийных высказываниях» в институтах и университетах, и в ответ на это руководители страны решили возобновить борьбу с «демагогами» и «гнилыми элементами». Из Москвы разослали закрытое письмо членам партии о «пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов»: «В отношении вражеского охвостья у нас не может быть двух мнений по поводу того, как с ним бороться. Диктатура пролетариата к антисоветским элементам должна быть беспощадной».

Вновь начали применять 58 статью Уголовного кодекса, предусматривавшую суровые наказания за антисоветскую агитацию и пропаганду. Но, несмотря на преследования, в разных местах возникали подпольные группы – «Союз свободы разума», «Союз коммунистов», «Союз революционного ленинизма», «Союз патриотов России», «Украинский рабоче-крестьянский союз». Они были малочисленны и не связаны друг с другом; их участники разрабатывали программы действий для изменения внешней и внутренней политики страны, распространяли листовки, выпускали рукописные журналы.

Из воспоминаний о тех временах: «Наши листовки были написаны в духе идей разных коммунистических оппозиций. Мы выступали за то, что позднее получит название «социализм с человеческим лицом». Эти идеи носились тогда в воздухе».

Из листовки «Союза коммунистов-ленинцев» (Ленинград):
«Где свобода, которая была завоевана Лениным? Диктатура Сталина похоронила свободу...»

В 1956 году инженер из Челябинска С. Левин направил анонимное письмо в ЦК партии: «Мы, советские патриоты, требуем уничтожить позорную, варварскую систему глушения иностранных радиостанций. Этот железный занавес в эфире был создан кровавым Сталиным, который больше всего на свете боялся правды. Вы ратуете за мир и международное сотрудничество, но железного занавеса не убираете. Вы тоже боитесь правды?..» Левина обнаружили и приговорили к 5 годам заключения.

Аптекарь из Киева М. Бергман написал на избирательном бюллетене в 1957 году: «1. Долой мучителей народа. 2. Болтуны, лжецы, мучители народа. Долой правительство сталинских убийц. 3. Да приблизится день нашего восстания». Приговорен к 7 годам лишения свободы.

В 1959 году москвич А. Гинзбург составил и распространил первый номер поэтического альманаха «Синтаксис»; впервые в практике «самиздата» на обложке альманаха была указана фамилия издателя и его

адрес. КГБ сообщал данные о Гинзбурге: «еврей, беспартийный, со средним образованием, без определенных занятий, автор идеологически вредных, упадочнических стихотворений...» Гинзбург успел выпустить три номера «Синтаксиса»; в 1960 году его арестовали и осудили на 2 года.

Из интервью Хрущева: «Политические преступления стали теперь у нас редкими явлениями. Среди людей, понесших за последние годы заслуженную кару за свою антисоветскую деятельность, большую часть составляют агенты, заброшенные в Советский Союз извне».

3

Во время очередных выборов появлялись надписи на избирательных бюллетенях, после чего разыскивали их авторов, чтобы предать суду. «Будьте вы прокляты, коммунисты...» (рабочий, осужден на 3 года); «Презренный кукурузник, сгинь!..» (контролер на заводе, 3 года); «Долой кукурузника, долой казнокрадов... Придет время, народ припомнит вам...» (инженер, 6 лет); «Придумали мираж коммунизма... тянут последние соки из народа...» (рабочий, 7 лет лишения свободы).

С начала 1960-х годов усилилось диссидентское движение, превратившееся в открытую борьбу за права человека в Советском Союзе. Молодежь собиралась в центре Москвы возле памятника В. Маяковского, поэты читали стихи, очевидцы вспоминали через многие годы:

«Одним из наиболее часто читаемых... был «Человеческий манифест» Юрия Галанскова:

Это – я,
призывающий к правде и бунту,
не желающий больше служить,
рву ваши черные путы,
сотканые из лжи...

И вообразите себе, что это произносится в центре Москвы, под открытым небом, в той самой Москве, где еще семь-восемь лет назад за такие слова, сказанные шепотом, вlepили бы десять лет без всяких разговоров...»

«Это было чудом и потому собирало толпы. Удивленные, сочувствующие, восторженные и настороженные: что-то будет... Милиция и здорые парни-дружинники в кожаных куртках несколько раз разгоняли этот московский вариант Гайд-парка, а под конец зачинщиков погрузили в «черные воронки»...»

«Поползли слухи: всех посадили, выслали...»

В 1961 году в Москве осудили трех участников встреч возле памятника Маяковского. Обвинение – «антисоветская агитация и пропаганда, направленные на подрыв или ослабление советской власти», а также выпуск первого номера нелегального журнала «Феникс». Владимир Осипов и Эдуард Кузнецов получили по 7 лет лагерей, поэт Илья Бокштейн – 5 лет.

«Бокштейн был очень болен, почти всё детство провел в больнице из-за туберкулеза позвоночника...» – «Когда я узнал, что суд приговорил Илью к пяти (пяти!) годам лагерей, мне вспомнилась его фигурка в растопыренной шапке-ушанке, пальцецо с руками из рукавов, сыплющийся снег. «Какая же она мерзопакостная эта наша советская власть!» – подумал я...»

А. Мурженко, участник «Союза свободы разума»: «В результате 20 съезда страна стала оправляться после тяжелого недуга, делать первые глубокие вдохи, первые неуверенные шаги, которые делает старый больной, долго лежавший в душном, наглухо закрытом помещении. А через несколько лет дети этой эпохи – мои товарищи по делу и мои новые друзья по зоне – оказались в Мордовском управлении политических лагерей, «Дубровлаге», или иначе ЖХ-358...»

В феврале 1962 года участники «Союза свободы разума» разослали по городам сотни листовок, а через несколько месяцев их приговорили к заключению в лагерях строгого режима: Виктор Балашов – 7 лет лишения свободы, Алексей Мурженко – 6 лет, Юрий Федоров – 5 лет, Сергей Кузьмин – 4 года.

В 1970 году А. Мурженко и Ю. Федорова вновь осудили – теперь уже за попытку угона самолета в Швецию совместно с группой евреев.

Из свидетельства заключенного: «Сидя в лагере, мы слышали выступление Хрущева, который сказал, что на сегодняшний день в Советском Союзе нет политических заключенных. Мы стали спрашивать: «Кто же мы такие?» – «Вы, – отвечали нам, – особо опасные государственные преступники».

Хрущев заявлял неоднократно: в стране нет политических заключенных, однако они вновь появились в лагерях на смену прежним, познакомились друг с другом, обменялись опытом – среди них оказались и евреи.

Напомним: в феврале 1953 года Москва разорвала дипломатические отношения с Израилем. В марте похоронили Сталина, в апреле реабилитировали «врачей-вредителей», а в июле Советский Союз и Израиль восстановили отношения между двумя странами. С израильскими дипломатами можно было встретиться, получить от них книги и газеты, затем появились туристы, ученые, спортсмены из Израиля – это способствовало увеличению контактов и подтолкнуло сионистские устремления.

Из Киева докладывали в Москву: в 1951 году на Украине подали 1 заявление с просьбой о выезде в Израиль, в 1955 году – 315, за девять месяцев 1956 года – 1260.

В 1954 году получили разрешения на выезд из СССР 53 человека, в следующем году в два раза больше; в 1956 году выехали в Израиль 753 еврея – в основном пожилые люди в рамках «воссоединения семей».

Новый израильский посол Ш. Эльяшив посетил Биробиджан, где евреи встречали его с цветами. Это вызвало недовольство местных руководителей, и на пленуме обкома партии говорили: «В Биробиджане нашлись люди, пусть единицы, которые выступают в защиту агрессивного государства Израиль. Вот почему так триумфально встретили этого отщепенца, торгаша из Израиля...» – «И это в то время, когда Израиль готовится к агрессии против Египта...»

Разрозненные сионистские группы возникали в Москве, Ленинграде, Риге, Киеве, Минске, Одессе, Львове, Ташкенте, Виннице, Бобруйске. В них участвовали обычно родственники и близкие друзья, не подозревавшие о существовании подобных групп в других городах, а то и на соседних улицах. В подпольных кружках, порой на два-три человека, изучали историю еврейского народа, учили иврит, обменивались информацией, полученной из книг и передач израильского радио.

В квартире Г. и М. Ландман собирались москвичи разных возрастов, обсуждали еврейские проблемы, совместно отмечали национальные праздники. В 1955 году Гиту Ландман осудили на 5 лет, а ее мужа Моисея на 3 года – за антисоветскую пропаганду, связи с израильским посольством и распространение сионистских материалов. В том же году и по тому же обвинению отправили в лагерь Иду Рожанскую – на 5 лет, Рахель Goberman – на 2 года, ее мужа Шмарьягу Gobermana, повторно арестованного за сионистскую деятельность, осудили на 10 лет.

Москвич Моше Бродский не признал на суде свою вину, и в 1955 году его осудили на 6 лет. Когда закончились две трети срока, в лагерь

приехала комиссия по досрочному освобождению, и первым делом судьи захотели выяснить, перевоспитался ли заключенный, признаёт ли себя виновным за «совершенные преступления». И хотя он был уже не молод, Бродский не покривил душой: «Это не преступление, – сказал он, – любить свой народ и действовать в его пользу». Бродского уговаривали тюремщики – покаяться и выйти на свободу, но он так и не произнес эти слова: «Признаю себя виновным».

Его вернули в лагерь, и Бродский полностью отсидел свой срок. «Ему было 62 года, он страдал ревматическими болями, ходил с палочкой, скучал по семье, по воле... Я очень любил его, в тяжелые минуты в лагере он был для меня примером, и я горжусь его расположением ко мне и долгой дружбой с этим человеком».

В начале 1970-х годов Моше Бродский и его семья переехали в Израиль, где он прожил последние шесть лет.

5

Сотрудники израильского посольства распространяли среди евреев книги по истории, религиозную литературу, газеты, журналы на русском языке «Шалом», «Вестник Израиля» и «Ариэль», словари, самоучители языка иврит «Элеф милим» («Тысяча слов») и «Мори» («Мой учитель»).

Когда неискушенный ученик открывал самоучитель «Мори», его ожидала на первой странице надпись на русском языке: «Мы читаем по-еврейски справа налево. Итак, сейчас вы в конце книги. Начинайте же с того места, которое вы считаете концом... В добрый час!»

В июле 1955 года арестовали в Москве и Ленинграде более двадцати евреев и осудили на сроки до 10 лет – по обвинению в связях с сотрудниками посольства Израиля и распространении израильских книг и газет. Затем по подобному обвинению оказались на скамье подсудимых сионисты Киева, Одессы и городов Латвии, после чего – за контакты с осужденными – выдворили из СССР трех израильских дипломатов.

Эти события стали известны на Западе, и французские социалисты задали вопрос А. Микояну, члену Президиума ЦК партии: «Почему в СССР преследуют сионизм?» Тот ответил: «Мы не преследуем сионизм, и это не сионистские судебные процессы. Если сионисты являются американскими шпионами или шпионами других государств, их можно... наказывать за шпионаж, а не за сионистскую деятельность».

В те годы руководители страны поощряли возвращение зарубежных армян в Армению, и в газете «Известия» написали: «Постоянное стремление к единству, к жизни на земле предков сохранило армянскую нацию...» В то же время подразумевалось, что к евреям, желавшим вернуться на «землю предков», это не имело отношения.

Преследования сионистов продолжались. Их выслеживали и отправляли в лагеря для политических заключенных, где они встретились и познакомились друг с другом, – так пересеклись пути сионистов разных поколений, тех, кого арестовали еще до войны или в первые послевоенные годы, с осужденными во времена Хрущева.

М. Спивак: «С 1949 по 1956 год в лагерях было много евреев... Встречаясь друг с другом в лагере, мы... часто говорили об Израиле... не произнося слово «Израиль», заменяя его словами – «там», «в том краю», «на юге», опасаясь, что за эти разговоры можно получить новый срок».

После смерти Сталина режим в лагерях стал менее строгим. Вечерами, после работы, они ходили взад-вперед вдоль барачных корпусов и беседовали – эту дорожку евреи называли «Юденстрит». Сионисты предыдущего поколения рассказывали о еврейской истории, и один из молодых заключенных вспоминал: «Впервые мы услышали имена Герцля, Вейцмана, Усышкина, Борохова, Жаботинского, Соколова, Бен-Гуриона. До этого сионизм был нашим собственным изобретением». Они обучали друг друга песням на иврите и на идиш; одни знали иврит с детства, другие учились у них и первые слова на этом языке произнесли в лагере.

Ц. Прейгерзон:

«Что было моей утренней молитвой? Я пел еврейские песни, пел их на иврите или напевал мотивы без слов... Молитвы и прогулки очищали душу, а также придавали силы, чтобы не опуститься и сохранить себя...

Парень из Бессарабии был первым, кто спел мне «Белз, майн штетеле Белз...» («Белз, мой городок Белз...»). Музыка этой песни проникает глубоко в душу. На этот мотив пели еще такие слова: «Сион – мать моя, дочь Сиона – душа моя...» Как живого, вижу перед собой парня из Бессарабии – лицо ребенка и грустные испуганные глаза...

Со всех сторон лагерь огорожен рядами колючей проволоки, натянутой на деревянные столбы. За этой оградой мы пели дорогие нам песни, говорили на иврите, там изнывала наша душа. Бушевали снежные бури, по ночам выла пурга, а мы мечтали...»

Их знакомство переросло в дружбу за годы заключения – тому способствовали общие интересы, взаимопомощь в лагерных условиях и духовная поддержка. После освобождения они разъехались по разным райо-

нам страны и сразу же начали восстанавливать прежние связи, встречаться друг с другом; эти люди стали зачинателями нового этапа сионистского движения в Советском Союзе – к ним присоединялись и вокруг них группировались те, кому еще предстояло пройти через лагеря.

6

В 1956 году сборная футбольная команда Израиля приехала в Москву на отборочный матч с советской командой. Многие евреи, даже равнодушные к футболу, рвались на стадион «Динамо», чтобы услышать перед началом игры гимн Израиля; они приезжали с Кавказа, из Средней Азии, и билеты у спекулянтов стоили в десятки раз дороже их стоимости. Израильцы проиграли со счетом 5:0, но это не охладило энтузиазма; после игры огромная толпа ожидала футболистов у выхода, чтобы сказать им «шалом».

В 1957 году были подписаны советско-польское и советско-румынское соглашения, и началась вторая волна легального выезда поляков, румын и евреев, обладавших польским или румынским гражданством до 1939–1940 годов. Уезжали также граждане Венгрии и Чехословакии, во время войны оказавшиеся на территории СССР; поток был велик и продолжался до весны 1959 года. Польские и румынские власти открыли ворота для выезда в Израиль, а потому для многих евреев, покидавших легально Советский Союз, Польша и Румыния оказались промежуточной станцией.

Десятки тысяч репатриантов пересекли советскую границу, имея на руках официальные разрешения; среди них оказались сотни евреев, которые устраивали фиктивные браки с польскими и румынскими гражданами или подкупали сотрудников государственных учреждений, чтобы получить фальшивые метрики.

Одним удавалось это сделать, а других отправляли в лагеря за попытки нелегально уйти из Советского Союза.

Рижский фотограф Иосиф Шнайдер организовал уроки иврита, создал отряд самообороны, чтобы охранять синагогу во время праздников, в витрине фотоателье, где он работал, выставил портрет президента Израиля Х. Вейцмана. В 1957 году Шнайдера арестовали и осудили на 4 года – за связи с израильским посольством и намерение захватить корабль, чтобы уплыть в Израиль (Шнайдер – по его утверждению – задумывал покушение на президента Египта во время визита Г. А. Насера в СССР, но в обвинительное заключение это не попало).

Слева направо: Иосиф Шнайдер, Анатолий Рубин, Дов Шперлинг

В 1957 году осудили на 2 года рижанина Дова Шперлинга – за сионистскую пропаганду среди молодежи. Затем отправили в лагерь ленинградцев Юрия Меклера, Адольфа Рафаловича, Натана Цирульникова, рижанина Ицхака Энгельберга; аресты сионистов прошли в Минске, Кишиневе и Бендерах.

В 1957 году в Киеве проходили по одному делу Барух Вайсман, Меир Дразнин, Гирш Ременик и Яков Фридман, обвиненные в «антигосударственной подрывной сионистской деятельности». Из лагерных воспоминаний о М. Дразнине:

«Его внешность запомнилась: среднего роста, старый, болезненный, со спокойным и добрым взглядом... Меир Дразнин обладал широкими познаниями в еврейской истории... Вечерами мы встречались с ним и вели долгие беседы... Его знание иврита было безупречным, он давал нам уроки иврита и побуждал говорить на этом языке...

На празднике Ханука, по его настоянию, мы спели ханукальные песни, а потом запели Га-Тикву, стоя навытяжку, напряженные, взволнованные, тихими голосами; у нас текли слезы, но мы не стеснялись их и не вытирали...»

Меир Дразнин освободился из лагеря, вернулся в Киев и вскоре умер, не попав в Израиль.

7

Власти желали погасить интерес к Израилю, сбить волну заявлений с просьбой о выезде, а потому ЦК партии рекомендовал в 1958 году:

«Поручить редакциям газет... опубликовать... подлинные письма, полученные местными жителями от своих родственников – еврейских переселенцев, о их тяжелом материальном положении... Подготовить и провести в Москве, Киеве и Минске... пресс-конференции возвращающихся из Израиля евреев – бывших советских граждан...»

Так оно и происходило. Евреи, вернувшиеся из Израиля, выступали по радио и на собраниях. Сотрудники КГБ просматривали письма израильских граждан, выбирали из них сведения о трудностях жизни на новом месте и передавали для публикации. Газеты печатали статьи, заголовки которых говорили сами за себя: «Еще раз о баснях израильских брехунов», «Ад в израильском «раю», «Жертвы сионистской пропаганды», «Стон из рая», «Трагедия обманутых людей», «Земля обетованная без прикрас» и прочее.

Секретные сотрудники следили за иностранцами, посещавшими синагоги, и регулярно докладывали начальству: в Виннице побывали четыре туриста из Израиля, подарили верующим евреям два таллеса и три молитвенника; синагогу в Москве посетили участники Всемирного фестиваля молодежи и студентов, расспрашивали о положении евреев Советского Союза и их отношении к сионизму. В архивах сохранился отчет 1958 года – «информация председателя Московской религиозной еврейской общины Левина Л. И. о посещении Хоральной синагоги тремя членами израильской делегации на Всемирный съезд архитекторов».

Руководители страны старались пресекать эти нежелательные контакты, приняли даже решение – принимать лишь такие делегации, чье присутствие «действительно полезно государственным интересам СССР».

В 1961 году в московской синагоге соорудили отдельную лоду для иностранцев, чтобы усложнить контакты с прихожанами. В том же году осудили на 3 года несколько активистов московской общины.

В 1961 году арестовали Г. Печерского, председателя религиозной общины Ленинграда, неоднократно просившего разрешение на открытие курсов по изучению языка идиш, иврита и еврейской истории. Гдалию Печерского, Наума Каганова и Евсея Дынкина обвинили в «преступных связях с сотрудниками посольства капиталистического государства» (имелся в виду Израиль), а также в распространении «антисоветской литературы», полученной у этих дипломатов.

Печерского приговорили к 12 годам, Каганова – к 7, восьмидесятилетнего Дынкина – к 4 годам лагерей (его обвинили также в сочинении сионистских стихотворений и их распространении).

В августе 1953 года раскрыли в Николаеве «подпольную группу еврейских буржуазных националистов, возглавляемых Вайнштоком... Все эти лица... продолжительное время вели враждебную сионистскую пропаганду» и собирались передавать «шпионские данные разведке государства Израиль». Владимира Вайнштока и Мирона Краинского арестовали, и вскоре Вайншток умер в тюрьме.

На территории лагерей висели лозунги: «Человек – это звучит гордо. М. Горький», «Кто не работает, тот не ест», «Запомни сам, скажи другому, что честный труд – дорога к дому».

Из таблицы, составленной в КГБ, следует, что с 1956 по 1987 год «за антисоветскую агитацию и пропаганду» осудили 8152 человека. На 1957–1958 годы пришлось более 40% осужденных – 3380 рабочих, служащих, колхозников. Шофер из Алтайского края бросил бутылку водки в бюст Ленина. Житель Москвы кинул в Мавзолей Ленина бутылку с чернилами. Женщина из Ставрополя «во время посещения Мавзолея» выхватила из-под пальто ракетницу «и пыталась произвести из нее выстрел в саркофаг».

Известны и другие случаи: бросил в саркофаг кувалду; «прыгнул на барьер и ударом ноги разбил стекло саркофага»; с криком: «На тебе, паскуда!» бросила камень и разбила саркофаг.

К 1939 году, по окончании Гражданской войны в Испании, в СССР оказались испанские дети, вывезенные во время войны. В 1956 году им разрешили вернуться на родину; из СССР выехало более 2500 человек – почти 400 из них вскоре вернулись обратно. ЦК партии рекомендовал: «Практиковать выступления вернувшихся в СССР испанцев о тяжелых материальных условиях жизни трудящихся в Испании в беседах на предприятиях, в колхозах и учреждениях».

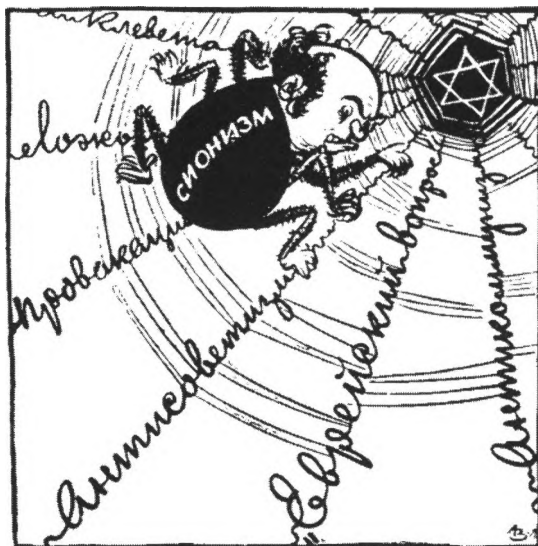

Меир Каневский был арестован в 1938 году, осужден на 10 лет за сионистскую деятельность. В 1948 году вернулся в Москву, установил связи с израильскими дипломатами; в начале 1953 года его вновь арестовали и приговорили к расстрелу, заменив на 25 лет лагерей. После освобождения Каневский распространял матери-

алы «самиздата» по городам Советского Союза, в 1968 году приехал в Израиль.

В 1950 году З. Ришаль был осужден на 10 лет за сионистскую деятельность. В 1956 году – после освобождения – вернулся в Москву, получал от сотрудников израильского посольства книги, газеты, журналы и распространял их. В 1961 году его снова арестовали и приговорили к 7 годам заключения. В 1968 году Зеев Ришаль вновь вернулся в Москву, продолжил сионистскую деятельность, в 1973 году выехал в Израиль.

Очерк девяносто третий

Преследования сионистов. Еврейский «самиздат»

1

Летом 1957 года проходил в Москве Всемирный фестиваль молодежи и студентов; приехало около 30 000 делегатов из разных стран, и секретные службы не могли уследить за всеми. Подобного явления не было прежде в Советском Союзе: на улицах столицы разговаривали друг с другом местные и приезжие, пели, танцевали, гуляли до глубокой ночи, обменивались сувенирами.

Не случайно сразу после фестиваля «Комсомольская правда» призвала советскую молодежь бороться с нравами и моральными принципами западной молодежи, «которые наносят нам вред».

В фестивале участвовали две делегации израильской молодежи, по 100 человек каждая; одну из них прислала коммунистическая партия, другую – социалистические партии Израиля. После пересечения румынской границы израильские делегаты устраивали небольшие концерты во время остановок на железнодорожных станциях, беседовали с местными евреями, раздавали им сувениры; так происходило в Кишиневе, Тирасполе, Жмеринке и других городах по пути в Москву.

Евреи Советского Союза приезжали на фестиваль из Сибири и Средней Азии, с Кавказа, Украины, Белоруссии и Молдавии. Власти предпринимали всяческие меры, чтобы предотвратить встречи с израильскими делегатами; осторожные люди предупреждали: «Кто знает, не придется ли заплатить за это...», но евреи встречались с израильтянами, расспрашивали о их жизни, получали флаги, значки, словари и календари, патефонные пластинки с записями израильских песен, открытки и почтовые марки, брошюру на русском языке «Молодежь Израиля».

В день открытия фестиваля колонна автомобилей проехала по Садовому кольцу на стадион; впереди каждой делегации двигался мотоциклист с национальным флагом. Тысячи и тысячи москвичей стояли на их пути, среди них было немало евреев – они передавали израильским делегатам открытки с надписями от руки: «Мир вам», «Народ Израиля жив», «В следующем году в Иерусалиме», «Мы вас любим», «Спасите нас!»...

На концерты израильтян приходили толпы евреев, и каждое выступление превращалось в демонстрацию; песни и танцы приветствовали бурными аплодисментами, дарили цветы, провожали после концертов. В субботние дни израильские делегаты посещали московскую синагогу, и, хотя их фотографировали с крыш соседних домов, сотни евреев приходили к синагоге, чтобы встретиться с ними.

Организаторы фестиваля сообщили, что израильтяне уезжают из Москвы вечером 12 августа. Многие пришли провожать их на Киевский вокзал, но оказалось, что израильская делегация утром уже покинула столицу.

2

Москвич Давид Хавкин:

«Делегации собирались на Садовом кольце и ехали в открытых машинах к стадиону в алфавитном порядке. Это было единственное доступное для зрителей место. Я пришел на Садовое кольцо и, когда делегация Албании садилась в машину, на ходу вскочил в нее.

Машины доезжали до контрольного пункта, все выходили, а затем ехали дальше. Мне надо было изображать иностранца, и я заскакивал в следующую машину, к примеру к бразильцам... И вот, минуя все проверки, добрался до стадиона и вышел на поле вместе с какой-то делегацией.

Израильтяне уже стояли на отведенном им месте. Я их разыскал. Они были очень удивлены и спрашивали: «Ты не боишься?..» Я взял их адрес и все пятнадцать дней ходил туда, как на работу...

После фестиваля у меня остались кое-какие сувениры: пластинки, фотографии, открытки, значки. И я решил проехать по местам, удаленным от Москвы, – было что рассказать и показать. Проехал по России, Украине, Грузии, Средней Азии, отдал все свои сувениры.

Я уже понимал, что меня ожидает, но не знал, когда это произойдет...»

Давида Хавкина арестовали в 1958 году и осудили на 5 лет.

Давид Хавкин

Анатолий Рубин приехал на фестиваль из Минска:

«Издали увидел я израильские флаги, израильтян и бросился к ним. Иврита я не знал совершенно, идиш понимал, но говорил очень плохо, немного говорил по-английски... С раннего утра до позднего вечера я не отходил от своей делегации. Хотелось побольше узнать, просто смотреть на этих парней и девушек, таких же, как я, но свободных и независимых...

Делегацию... постоянно окружали агенты КГБ... Но, несмотря на препятствия, мне всё же удалось собрать некоторое количество литературы, брошюр, словарей и сувениров... В Минске я постоянно ходил нагруженный календариками и брошюрами, которые при каждом удобном случае показывал и давал почитать...»

Началась слежка, в квартире установили подслушивающий аппарат, и в 1958 году Рубина арестовали. Прокурор потребовал осудить его на 5 лет, однако суд приговорил Рубина к 6 годам заключения, обвинив «в антисоветской пропаганде, распространении сионистской литературы, преступной связи с работниками израильского посольства... и в клевете на советскую действительность».

«Адвокат сказал моим родным, что 6 лет мне дали, как ему объяснил председатель суда, за дерзкое поведение на суде и отстаивание своих преступных взглядов».

А. Рубин: «До ареста, в Минске, я чувствовал себя одиночкой среди ассимилированных или запуганных евреев... В лагере нас объединяло одно – Израиль. Мы постоянно встречались, обменивались информацией, каждый рассказывал, что он слышал или читал об Израиле...»

3

Разными путями шли они к национальной идее. Одни родились в ассимилированных семьях – к сионизму их подтолкнули проявления бытового и государственного антисемитизма. Другие получили зачатки еврейского воспитания от родителей, бабушек-дедушек; третьи шли от общедемократических идей к национальным.

Тина Бродецкая:

«Я никого прежде не знала. У меня это началось с меня...»

1955 год. Окончила школу, поступила на литфак, впервые пришла в синагогу на улице Архипова. Там я подошла к послу Израиля Йосефу Авидару и сказала слова И. Трумпельдора, выученные где-то: «Тов ламут б-ад арцейну» («Хорошо умереть за нашу Родину»). «Хорошо жить для Родины», – немного растерявшись, произнес посол.

С этого момента завязалась наша подпольная связь...»

И далее: «На Всемирном фестивале молодежи я увидела в толпе мальчика лет семнадцати, который говорил моими словами. Мы познакомились: это оказался Боря Подольский...»

Барух Подольский, из воспоминаний (1955 год, было ему тогда 15 лет):

«Подошел праздник Симхат-Тора. Евреи в синагоге пели и плясали. Я пробрался поближе к сотрудникам израильского посольства. У молодой девушки в руках была книжка. Я попросил посмотреть – то был молитвенник. Шамес (служка в синагоге) выхватил его из моих рук и вернул девушке. Тогда мужчина из посольства, стоявший рядом, протянул мне молитвенник и сказал, что это для меня...»

Вернувшись домой, я рассказал родителям о встрече в синагоге. Мама сказала, что очень хотела бы встретиться с кем-либо из дипломатов. Я взялся договориться об этом... Встреча состоялась в Музее изобразительного искусства...»

Барух Подольский и Тина Бродецкая

Мать Баруха – Дора Кустанович-Подольская, школьный учитель русского языка и литературы, писала статьи на идиш и русском языке и передавала их израильским дипломатам. Темы статей – «Жизнь евреев в Советском Союзе», «Ответ на антиизраильские статьи в советской прессе», «Довольно нас обманывать» и другие. Одну из статей предварял эпиграф из стихотворения на идиш поэта И. Харика: «Выслушайте нас, и пусть нам станет легче...»

Вскоре Барух Подольский начал учить иврит; вместе с ним приходила на уроки и Тина Бродецкая. Их учителя, Григория Зильбермана, арестовали еще в 1930-е годы за обучение детей ивриту, после войны осудили повторно на 10 лет, освободили по состоянию здоровья, и он снова начал преподавать.

Связи с сотрудниками израильского посольства продолжались; они встречались в синагоге, на концертах еврейской песни, даже на катке в Парке культуры, получали книги, словари, самоучители иврита, газеты и журналы. За месяц до ареста Д. Кустанович-Подольская написала в статье: «Надо уезжать в Израиль... Пусть трудности, пусть опасность, но есть за что бороться, для кого строить, а если суждено, есть за что погибнуть».

Кустанович-Подольская: «Было ясно, что за это придется расплачиваться. Правда, я думала, что арестуют только меня...»

Их выследили, установили подслушивающие устройства, в апреле 1958 года арестовали и предъявили обвинение – «участие в антисоветской ор-

ганизации», «антисоветская агитация и пропаганда с использованием национальных предрассудков». Б. Подольский: «На мой вопрос, кого мы агитировали, если все были единомышленниками, последовал ответ: когда ты разговаривал со своей матерью, она агитировала тебя, а ты ее».

Т. Бродецкая: «Я провела десять месяцев в одиночке. Десять месяцев допрашивали только по ночам. Десять месяцев не давали спать. Когда следствие закончилось, мы прочитали наше дело, и я увидела, что все вели себя достойно...»

Дело передали на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР – несмотря на то что все арестованные были гражданскими лицами. Их обвинили в измене родине, и были на то «веские» причины: сразу после войны Д. Кустанович-Подольская преподавала в техникуме при авиационном заводе, и могла – по мнению следователей – передать иностранной разведке сведения о существовании этого завода. Кроме того, племянник Подольских служил в армии, и они могли сообщить израильским дипломатам, где находится его воинская часть.

Это был закрытый судебный процесс на территории Лефортовской тюрьмы. Дору Кустанович-Подольскую и ее мужа Семена Подольского, учителя истории, осудили на 7 лет лагерей каждого. Барух Подольский, их сын, получил 5 лет лагерей, Тина Бродецкая – 3 года, Евсей Дробовский, отчим Тины, – 1,5 года, престарелый Григорий Зильберман, преподаватель иврита, – 1 год. В Днепропетровске был осужден на 3 года Иосиф Камень, которому Подольские посылали газеты и книги.

Суд снял обвинение в измене родине, однако после вынесения приговора в газете «Красная звезда» опубликовали статью «Тетушка Дора действует»: живописный рассказ о том, как она, «бренча золотыми кольцами, приходила в церковь и какому-то иностранцу шептала номер части, в которой служил ее племянник».

Тина Бродецкая:

«Я ехала месяц в вагоне для заключенных по пересыльным тюрьмам. Это страшные тюрьмы. В общей камере с убийцами, с извращенцами. Вплоть до Мариинска, куда меня привезли. Кемеровская область, Мариинские лагеря...

Копала котлован. Работала на лесоповале. На шпалорезке. На скотном дворе. В жару на сенокосе. В морозы открывала силосные ямы. Кайлила. Кирковала. Грузила по 16–20 возов дров и вагонетки по 500 килограммов.

На сенокосе были змеи, при рубке леса – рыси; однажды встретила волка, но он был лучше людей, он был сыт...»

В лагере С. Подольский тайно составлял для сына иврит-русский словарь, и тот заговорил там на иврите. В 1967 году Б. По-

дольского вновь осудили на 2 года – за отказ свидетельствовать против своих товарищей.

Мордехай Штейн: «Из всех сионистов, с которыми судьба свела меня в Мордовии, Семен Подольский был самый умный, образованный и приятный человек... С большим удовольствием мы разговаривали на иврите... много говорили об Октябрьской революции и участии в ней евреев. «Пусть лучше занимаются науками, чем революциями», – сказал он...»

4

Н. Мандельштам (из «Второй книги»):

«Ахматова не переставала удивляться тому, как воскресают затоптанные и, как некогда казалось, уничтоженные стихи. Она говорила: «Мы не знали, что стихи такие живучие»...

Вокруг одних имен был заговор молчания, другие имена поносились в печати и в постановлениях, и уже казалось, что никто никогда не прорвется сквозь толщу самого настоящего забвения, как вдруг всё изменилось и заработал «самиздат».

Кто пустил его в ход, неизвестно, как он работает, понять нельзя, но он есть, существует и учитывает реальный читательский спрос...»

Понятие «самиздат» вошло в обиход в 1960-х годах, однако неподцензурное распространение книг и статей, оригинальных и переводных, началось в СССР в первые послевоенные годы. Это были литературные, публицистические, информационные материалы, распечатанные на пишущей машинке, переписанные от руки, отпечатанные на фотобумаге, которые переходили от одного читателя к другому.

Карательные органы выслеживали подпольных изготовителей и распространителей «самиздата», отправляли в лагеря на долгие сроки, но это явление существовало десятилетиями, оказывая огромное воздействие на интеллигенцию, удовлетворяя хоть в какой-то мере ее духовные запросы, не согласованные с официальной идеологией.

В 1949 году стихи математика А. Есенина-Вольпина, попавшие в «самиздат», признали антисоветскими, и его отправили в психиатрическую больницу на принудительное лечение (Есенин-Вольпин – сын поэта С. Есенина и еврейки Н. Вольпиной).

Начало еврейского «самиздата» можно отнести к предвоенному времени, когда религиозные евреи составляли рукописные календари на

очередной год, чтобы знать даты начала месяцев по еврейскому летоисчислению – Тишрей, Хешван, Кислев и другие, а также наступление праздничных дней – Рош га-Шана, Йом Кипур, Суккот, Ханука, Пурим, Песах, Шавуот.

Первым еврейским «самиздатом» в послевоенные годы стала, очевидно, поэма поэтессы М. Алигер «Твоя победа». Цензура усмотрела в поэме «целый ряд серьезных политических ошибок», а потому она увидела свет с сокращениями. Ее напечатали в 1945 году в журнале «Знамя», и были в поэме такие строки:

Танками раздавленные дети,
Этикетка «юде», кличка жид,
Нас уже почти что нет на свете,
Нас уже ничто не оживит...

Алигер познакомила друзей с полным текстом поэмы, и после этого началась ее подпольная жизнь. Поэму «Твоя победа» и многочисленные отклики на нее распространяли по всей стране; неизвестные люди дописывали свои строки; особое возражение у читателей вызывал разговор поэтессы с матерью, когда на ее слова: «Мы евреи. Как ты смела это позабыть?» – Алигер отвечала:

Да, я смела, – понимаешь? – смела.
Было так безоблачно вокруг.
Я об этом вспомнить не успела, –
С детства было как-то недосуг...

Один из ответов автору поэмы начинался с неприятных строк:

На ваш вопрос ответить не сумею,
Сказал бы я: нам беды суждены.
Мы виноваты в том, что мы евреи,
Мы виноваты в том, что мы умны...

И заканчивался словами:

И сотни тысяч новых Макаевев
Мы возродим грядущему в пример.
И я горжусь, горжусь, а не жалею,
Что я еврей, товарищ Алигер.

Это было время усиления антисемитизма в стране, борьбы с «безродными космополитами» – ответы поэтессе отражали устремления народа, потерявшего миллионы людей в годы Катастрофы, желание сохранить национальное достоинство. Подобные настроения входили в противоречие с официальной политикой Кремля, направленной на полную ассимиляцию еврейского населения, а потому поэму Алигер и всевозможные ответы на нее изымали на обысках; за них можно было попасть за решетку, получить срок по обвинению в сионизме и еврейском национализме.

В послесталинские времена распространяли в «самиздате» стихотворение И. Эренбурга, навеянное темой Катастрофы (написано в 1944 году):

За то, что зной полуденный Эсфири,
 Как горечь померанца, как мечту,
 Мы сохранили и в холодном мире,
 Где птицы застывают на лету,
 За то, что нами говорит тревога,
 За то, что с нами водится луна,
 За то, что есть петлистая дорога
 И что слеза не в меру солона,
 Что наших девушек отличен волос,
 Не те глаза и выговор не тот, –
 Нас больше нет. Остался только холод.
 Трава кусается, и камень жжет.

К концу 1950-х годов «самиздат» принял широкие размеры разнообразием литературных и публицистических произведений, количеством изготавливаемых экземпляров. В этом деле приняли участие и сионисты того времени: они разыскивали в букинистических магазинах книги на еврейские темы, копировали их целиком или в сокращенном виде, передавали из рук в руки. Иностранцы туристы привозили литературу на разных языках – ее переводили, распечатывали на пишущих машинках, изготавливали на фотобумаге.

Анатолий Рубин (Минск): «Для приобретения нужного материала приходилось ездить в другие города, где у меня были лагерные друзья. Иногда для того, чтобы поехать куда-нибудь, я становился донором и сдавал кровь: это давало два дня отпуска в дополнение к выходному дню. Литература была разная – журнал «Шалом», календари, израильские справочники, карты, проспекты израильских выставок, кинофестивалей...»

Размножили книгу А. Кауфмана «Записки лагерного врача» – воспоминания сиониста, который провел в тюрьме, лагерях и ссылке 16 лет; выпустили обзорную статью «Операция “Кадеш”» – о совместных действиях Великобритании, Франции и Израиля против Египта в 1956 году; перевели с французского языка книгу «Красная капелла» – о действиях группы советских разведчиков под руководством Л. Треппера.

Перепечатывали статьи Д. Бен-Гуриона и З. Жаботинского, работы С. Дубнова по истории еврейского народа, стихи Х. Н. Бялика; вышел даже трехтомник рассказов Г. Овруцкого из Минска «Записки Залмана Брука» – о судьбе евреев в послевоенные годы. Рижские евреи выпускали бюллетень о событиях в Израиле; Иосиф Шнайдер изготовил сотни

экземпляров поздравительной открытки к Рош га-Шана с изображением солдат израильской армии – эти открытки разошлись по разным городам.

В «самиздате» распространяли и стихотворения русской поэтессы Элишевы (Елизаветы Жирковой), которая в 1920-е годы переехала с мужем в Палестину и писала на иврите.

Эзра Моргулис провел в заключении 18 лет. Освободившись, он поселился в Москве и – пожилой уже человек – составлял тематические обзоры передач израильского радио, написал книгу воспоминаний, выпустил двухтомный труд «Обзор жизни еврейских общин» мира и сборник очерков «Государство Израиль» – о науке, культуре, промышленности, сельском хозяйстве и армии обороны Израиля.

Э. Моргулис и С. Дольник подготовили и распространили в «самиздате» десятки материалов; в 1962 году они начали выпускать журнал «Сборник», в котором печатали статьи о положении евреев СССР и Катастрофе, произведения местных авторов. С. Дольник: «Вся эта работа делалась нашей группой, состоявшей в основном из людей «почтенного» возраста, добровольно, на свой страх, риск и за свои средства, которые мы выделяли из скромной пенсии. Вклад других выражался в их работе».

Соломона Дольника арестовали в 1966 году и осудили на 5 лет лагерей. Газета «Известия» сообщила читателям, что Дольник по поручению израильских дипломатов распространял «антисоветские и сионистские брошюры», а также изготовил «отвратительную фальшивку», чтобы доказать наличие антисемитизма в СССР и «осквернение еврейских памятников». В газете описали способ изготовления фальшивки: «Вырезает из бумаги фашистскую свастику, накладывает ее на негатив, где изображен памятник на еврейской кладбище... И документ готов... Нет подобных проявлений в Советском Союзе, создал их сам Дольник».

После ареста Дольника одного из израильских дипломатов выслали из Советского Союза.

Израиль Минц пробыл в заключении и ссылке с 1937 по 1963 год. Вернувшись в Москву, начал преподавать иврит, переводил с этого языка книги о Катастрофе, статьи о Войне за независимость, рассказы израильских писателей, – их затем тиражировали, передавали друг другу, рассылали по разным городам.

Майрим Бергман перевел на русский язык мемуары первого президента Израиля Х. Вейцмана и книгу польского историка Б. Марка «Восстание в Варшавском гетто», публикацию которой на русском языке не

разрешил ЦК партии. Гершон Шапиро подготавливал и распространял материалы о евреях – Героях Советского Союза. Студенты Московского университета перевели с французского языка книгу о войне Израиля за независимость и раздавали ее своим знакомым.

В Риге выпустили несколько брошюр, отпечатанных фотографическим способом; Иосиф Хорол привез в Москву по 300 экземпляров каждой брошюры, и группа Меира Гельфонда распространила их в Москве, Ленинграде, Киеве, по городам Урала. Рижанину Борису Словину передали экземпляр книги «Восстание в Варшавском гетто», и он вспоминал:

«Печатать я не умел. Нашел еврейку-машинистку, дал ей прочитать и спросил, согласна ли она перепечатать. Печатала она прямо на работе, сделала пять или шесть экземпляров. Когда закончила, я спросил, сколько ей должен. Она была возмущена...»

6

Начало 1960-х годов. Одному из заключенных присылали в лагерь книги на английском языке, среди которых оказался роман американского писателя Л. Юриса «Экходус» («Исход») – о событиях, предшествовавших образованию Израиля, о Войне за независимость и «людях, которые не просят прощения за то, что родились евреями, и хотят жить достойно». На евреев «Экходус» произвел огромное впечатление; ее владелец подарил книгу А. Рубину, и тот свидетельствовал через многие годы:

«Прежде всего я решил эту книгу замаскировать, чтобы ее не опознали на обысках. Мой приятель... мастерски вклеил ее в обложку советской книги. При многочисленных обысках надзиратели брали ее в руки, переворачивали и на задней стороне обложки... читали по-русски: «Английские рассказы. Учебное пособие для студентов»...

Книга переходила из рук в руки, читали ее коллективно и в одиночку, евреи и неевреи... Я знал, что если ее у меня обнаружат, то получу дополнительный срок. Кроме того, меня как рецидивиста переведут на особый режим. Но книга была такой ценной, что стоила риска...»

И далее: «Когда меня отправили в 7 зону, то там один из евреев, который знал английский язык (правда, не в совершенстве), решил перевести эту книгу на русский...»

Взялся за перевод Авраам Шифрин, заканчивавший десятилетний срок. «Мое место было на верхних нарах, – вспоминал он. – Все приехали в лагере, что я вечно что-то читаю или пишу. Я сидел с доской на

коленях, Саша Гузман полулежал рядом, и я тихонько диктовал ему. Если же он был вечерами на работе, то записывал сам... и прекрасно понимал, что зарабатываю этим делом второй десятилетний срок...»

Работа продолжалась несколько месяцев. Шифрин переводил, Гузман записывал, добровольцы стояли на страже и предупреждали о приближающейся опасности. Тетради с переводом романа удалось сохранить во время обыска, и один из вольнонаемных вынес их из лагеря. После освобождения Шифрин попал в ссылку в Караганду; там некая девушка помогла ему распечатать первые экземпляры, а затем местные евреи тайно отпечатали роман на множительном аппарате. Так появились еще 24 экземпляра – их переплели и разослали по городам.

А. Шифрин: «Украинские заключенные переводили «Эксокус» на свой язык. Они говорили, что это им очень нужно для воспитания духа независимости украинского народа».

Существовали и иные пути распространения «Эксокуса». Москвич М. Бергман сделал краткий перевод романа с немецкого языка, используя микрофильм в Библиотеке имени Ленина. В Риге «Эксокус» перевели в сокращенном варианте, изготовили несколько экземпляров и развезли по городам. Во второй половине 1960-х годов москвичи Давид Дабкин, Леонид Лепковский, Виктор Польский и Владимир Престин перевели «Эксокус» с английского языка, распечатали на пишущей машинке, переплели и распространили среди знакомых.

Лучшей переводчицей еврейского «самиздата» в Москве считалась «подруга» – под этим именем скрывались Эстер Айзенштадт и Лазарь Непомнящий. В разных городах страны работали авторы, переводчики, машинистки, фотографы; рискуя свободой, они подготавливали материалы «самиздата», хранили их и распространяли.

Размножили перевод книги Т. Герцля «Еврейское государство», роман Г. Фаста «Мои прославленные братья» о восстании Макавеев, философские работы М. Бубера, речь государственного обвинителя Г. Хаузнера «6 000 000 обвиняют» на процессе А. Эйхмана в Иерусалиме, стихотворения лауреата Нобелевской премии поэтессы Н. Закс о Катастрофе. В Риге перевели на русский язык книгу Р. и У. Черчилль «Шестидневная война»; москвич М. Маргулис отпечатал 500 карт Израиля; из Кишинева перевезли в Ленинград похищенный копировальный аппарат «Эра», который позволял печатать большое количество экземпляров.

Основными читателями еврейского «самиздата» были студенты, люди со средним и высшим образованием, инженеры и техники, научные работники, врачи и учителя – так закладывалась основа национального возрождения, которое вскоре проявило себя открыто, а небольшие группы

составителей и распространителей «самиздата» стали впоследствии центрами борьбы за выезд в Израиль.

7

В 1950 году Яков Эйдельман был осужден на 10 лет по обвинению в «еврейском буржуазном национализме» и после возвращения в Москву принял участие в «самиздате». Он перевел на русский язык дневники Ханы Сенеш – еврейской парашютистки, казненной нацистами в Венгрии, книгу о Иосифе Трумпельдоре – национальном герое Израиля, а также другие материалы об Израиле.

Широкое распространение получил очерк Эйдельмана – диалог евреев «А» и «Б» (этот очерк вошел затем в его книгу «Неоконченные диалоги»):

«А. – Я не чувствую себя евреем; меня с этим народом ничто не связывает. Я против всяких попыток обособления от окружающей меня среды. Никогда не откажусь от убеждения, что единственный выход для еврейского народа – ассимиляция, полная, безоговорочная, абсолютная ассимиляция...

Б. – Вы ассимилировались? Ну, и Бог с вами! Честно клянусь: не вижу в этом преступления. Больно, прискорбно, что от нас уходят люди, которые могли бы быть полезными нашему делу. Но так уж сложились обстоятельства их жизни – винить за это не могу.

Есть, кстати, разница между ассимилированностью и ассимилятором... Почему вы становитесь ассимилятором, то есть начинаете возводить свой пример в принцип, даете себе право настаивать на национальном самоубийстве всего еврейского народа... активно поддерживая те силы, которые... проводят в отношении нас политику принудительной ассимиляции?.. Уходите, не оборачивайтесь к нам! Не заботьтесь о нас!.. Так нет: всё наставляете, всё читаете нравоучения, тянете нас за собой!..

Все ваши ассимиляторы – я подчеркиваю: ассимиляторы, а не ассимилированные! – очень напоминают мне людей, которые, совершив какой-то неблагоприятный поступок, проявляют много усилий, чтобы и других втянуть в неблагоприятные дела... это в какой-то мере успокаивает их совесть...

А. – Почему вы так националистически настроены... так привязаны к еврейскому народу? Чем он заслужил такую пылкую, безоглядную любовь? Какие у вас имеются основания так гордиться им?..

Б. – Вам не стыдно задавать такие примитивные вопросы? Другим патриотам – русским, украинским, грузинским – вы их тоже задаете?.. Я отрицаю самую постановку вопроса: «Чем еврейский народ заслужил мое уважение?» Не он должен заслужить мое уважение, а я – его!..

Вас всё время тревожит вопрос: почему я люблю свой народ. Наивный вопрос! Разве можно объяснить природу любви?.. Я еврей – вот и ответ! Я люблю свой народ – вот и ответ! Я кровно связан с ним, дышу с ним одним дыханием, живу с ним одними воспоминаниями, мечтами, стремлениями, надеждами, разочарованиями, радостями, печальями. Это реальность, а не плод размышлений, умственных выкладок.

Почему я должен оправдываться в этом, извиняться, словно уличен в какой-то уголовщине? Потому... что кто-то смотрит на вещи иначе, чем я?..»

8

Из лагерных воспоминаний:

«Было ему больше шестидесяти. По вечерам на пару с товарищем – тоже старым сионистом – они прогуливались по тополиной аллее и тихо беседовали. Оба жили в инвалидном бараке, имели схожие характеры, были похожи друг на друга.

К нам на «Палестинку» они заходили не часто, садились на скамейку и молчали, слушая наши разговоры, сочувственно реагировали, особенно волновались, когда мы тихо пели, – озираясь, медленно уходили.

Надо же было советской власти засадить в тюрьму этих старых, малограмотных горемык-евреев. Лишить свободы и старости за преданность идее...

Пусть память о них будет благословенна!»

Поэму М. Алигер «Твоя победа» издавали в последующие годы, и в нее по требованию цензуры поэтесса внесла изменения. В журнальном варианте 1945 года сказано: «Прославляю вас во имя чести / племени, гонимого в веках, / мальчики, пропавшие без вести, / мальчики, убитые в боях...» В опубликованном варианте 1970 года: «Вы прошли со всем народом вместе / под одной звездой, в одном строю, / мальчики, пропавшие без вести, / мальчики, убитые в бою...»

Строки 1945 года: «И потомков храбрых Макаеев, / кровных сыновей своих отцов...» в 1970 году претерпели изменения: «Помню не потомков Макаеев, / в комсомоле выросших ребят...» А взамен: «Вот теперь я слышу голос крови, / тяжкий стон народа моего...» появилось: «Вот теперь я слышу голос крови / в хоре миллионов голосов...»

П. Судоплатов, генерал МГБ: «Сионистский заговор» («выявленный» в МГБ в 1951 году) и устранение Берии положили конец приему евреев на ответственные должности в службе разведки и ЦК партии. Насколько я знаю, в Комитете безопасности в 1960–1970 годах работали два рядовых оперативных работника-еврея, которые использовались против сионистских организаций».

А. Рубин, из воспоминаний (1958 год):

«На одном из допросов мне предъявили обвинение в том, что у меня найдена рукопись, проникнутая буржуазным национализмом, в которой я злобно клеветал на русский народ... Я им говорю: «Позвольте, какая же это моя рукопись? Ведь это брошюра Максима Горького, которую я просто переписал». Они возмутились: «Как ты смеешь клеветать на великого русского писателя!»

Я им указал точно, где достал эту брошюру – в Центральной библиотеке имени Ленина, в читальном зале. На дом ее не давали и поэтому пришлось переписать. Два дня они не упоминали о ней, а на третий день следователь говорит: «С брошюрой-то ты был прав. Ее действительно написал Горький. Ну и загнул же наш пролетарский писатель»...»

Изготовлением и распространением «самиздата» занимались в Москве Т. Бродецкая, М. Гельфонд, Ш. Гоберман, Д. Дабкин, Ш. Жидовецкий, Э. Левина, К. Малкин, М. и Н. Маргулис, М. Ревзин, Б. и С. Резниковы, В. Свечинский, А. и Б. Фингарет, Д. Хавкин...

В Ленинграде – Б. Азерников, В. Богуславский, Г. Бутман, С. Дрейзнер, Н. и Ф. Иоффе, Л. Каминский, Л. Коренблит, В. Могилев, Л. Ягман. В Риге – Р. Александрович, А. Альтман, М. Блюм, Д. и М. Гарбер, И. Залмансон, С. Залмансон, П. Каплан, Б. Мафцер, И. Менделевич, Э. Русинек, Б. и Л. Словины, Д. Таубин, Г. Фейгин, М. Шепшелович, Д. Шперлинг, А. Шпильберг, Ш. Цейтлин...

В Киеве – Е. Бухина, А. Геренрот, Н. Гутина; в Ростове-на-Дону – А. и Р. Рабиновичи; в Одессе – И. Авербух, А. и М. Мерхер, Г. Шапиро; в Минске – Л. Гринблат, А. Каплан, Г. Орвуцкий; в Омске – В. Цукерман; в Вильнюсе, Харькове, Томске, Тбилиси, Баку, Свердловске, Новосибирске... – всех упомянуть невозможно.

В конце 1950-х годов Марк Блюм пытался нелегально уйти через границу, но это ему не удалось. Жил в Риге, участвовал в сионистском движении, в 1965 году был осужден на 3 года. После освобождения уехал в Израиль, поменял имя и фамилию на Мордехай Лapid, жил в поселении Кирыят-Арба возле Хеврона. В 1993 году М. Лapid и его сын Шалом погибли от рук террористов.

Часть
двадцатая

Еврейская культура 1960-х годов.
Евреи в русской культуре.
Эхо Катастрофы

Очерк девяносто четвертый

Еврейская культура 1960-х годов

1

В первые послевоенные годы можно было увидеть в газетах рекламные объявления: «Э. Каминка – рассказы Шолом-Алейхема», «Вечер еврейской песни – Зиновий Шульман», «Вечер еврейской песни и рассказа – Р. Плоткина, И. Ракитин», «Гастроли еврейского театрализованного ансамбля при участии Сиди Таль», «Вечера еврейской оперетты и эстрады с участием Анны Гузик», «Гастроли заслуженного артиста РСФСР Михаила Осиповича Эпельбаума».

Затем арестовали деятелей Еврейского антифашистского комитета, началась борьба с «безродными космополитами», и концертов на языке идиш становилось всё меньше и меньше. Последнее выступление А. Гузик состоялось в Грузии в сентябре 1950 года, а через несколько месяцев появилось объявление в газете Ташкента: «Сиди Таль. Прощальные вечера еврейской песни, слова и юмора».

И всё на этом закончилось. Не было еврейской речи на сцене, еврейских песен по радио, еврейских танцев на эстраде, словно исчезли евреи в Советском Союзе, вымерли, вымерзли, волшебным образом превратились в неевреев. Одни артисты сидели за решеткой, другие затаились до лучших времен; за месяц до смерти Сталина И. Эренбург получил письмо из Симферополя:

«Почему мы каждый день с утра до ночи слушаем песни всех народов, населяющих нашу великую Родину, неумолимо передаваемые по радио, за исключением только еврейских?»

Почему в Москве существует до сих пор (и это хорошо) цыганский театр, хотя вряд ли цыганское население столицы превосходит по численности состав артистов этого театра, а еврейского театра нет, хотя евреев в Москве значительно больше?

Почему еврейская артистка Анна Гузик, приехав в Симферополь на гастроли, в зале, заполненном почти сплошь евреями, позволила себе спеть лишь одну еврейскую песенку, да и ту на русском языке?

Или мы уже не народ и не имеем своего языка, своих песен, танцев и так далее?..»

2

В мае 1941 года киевский поэт В. Редько написал стихотворение на идиш:

Не поется, в горле ком,
Ничего, дружище,
Мы еще с тобой споем
Всех иных почище.
Протрубят беде отбой –
Вспомним все мотивы.
Как мы станем петь с тобой,
Если будем живы!..

Через месяц началась война, Редько ушел добровольцем на фронт, погиб во время атаки – было ему 23 года, и лишь в начале двадцать первого века увидела свет книжечка его стихов в переводе на русский язык.

Многим молодым поэтам не удалось опубликовать до войны хотя бы одно стихотворение на идиш. А когда они вернулись домой, выжившие и победившие, залечили раны, вжились в мирную жизнь, не было уже еврейских журналов и газет, где они могли бы напечатать свои стихотворения; не оказалось такой возможности и у именитых поэтов и прозаиков, которым посчастливилось остаться на свободе.

В марте 1953 года, вскоре после похорон Сталина, руководители Союза писателей СССР А. Фадеев, А. Сурков и К. Симонов направили письмо Н. Хрущеву о мерах «по освобождению писательских организаций от балласта». Авторы письма насчитали в Москве 150 «бездейству-

ющих» литераторов; «значительную часть этого балласта составляют лица еврейской национальности», многие из которых попали в Союз писателей «не по их литературным заслугам, а в результате сниженных требований, приятельских отношений, а в ряде случаев и в результате замаскированных проявлений националистической семейственности...»

Фадеев, Сурков и Симонов забыли или не пожелали сообщить, что у «бездействующих» еврейских писателей и поэтов не было возможности публиковать свои произведения, потому что не существовало газет и журналов на идиш, не было в стране и еврейского издательства. Как пример «балласта», авторы письма назвали известного поэта О. Дриза, который работал гранильщиком на стройке, а в завершение своего послания они сообщили, что исключили уже 11 человек и обещали «последовательно и неуклонно освобождать Союз писателей от балласта».

Это было последнее заявление руководителей писательской организации, выдержанное в духе сталинских репрессий, а затем начались малозаметные изменения. В 1954 году, впервые после разгрома еврейской культуры, напечатали первую книгу на еврейскую тему – повесть Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл» на русском языке. Создали комиссии по литературному наследию расстрелянных Д. Бергельсона, Л. Квитко, П. Маркиша. Группа писателей представила в ЦК партии план возрождения еврейской культуры: вновь открыть в Москве театр и издательство, начать выпуск еврейской газеты и литературного журнала, созвать конференцию писателей. Но благие пожелания оставались невыполненными. Еврейских школ не было, не было профессиональных театров, книг и журналов на идиш – выходила лишь три раза в неделю небольшая газета «Биробиджанер Штерн» тиражом 1000 экземпляров.

К тому времени в СССР было около 500 оперных, драматических и детских театров на языках разных народов – и ни одного еврейского театра.

«Железный занавес» уже приоткрылся, журналисты, туристы, политические деятели посещали СССР и сообщали на Западе об отсутствии еврейской культуры в Советском Союзе. Начались протесты в разных странах, к ним подключились коммунистические и социалистические партии с одним и тем же вопросом: «Почему не восстанавливается культурная деятельность евреев СССР?», «Какие принимаются меры по возрождению еврейских газет, театра, школы и литературы на идиш?..»

В 1956 году в областной библиотеке Биробиджана проходил вечер еврейской поэзии, который сурово осудили в обкоме партии: «На вечере выступила нигде не работающая поэтесса Вассерман, недавно вернувшаяся из мест заключения в связи с реабилитацией... Стихотворения ее носили упадочнический и злобный характер...»

И далее: «Почему некоторые наши литераторы не считают нужным посоветоваться с партийными организациями о своих... стихах? Очевидно, нам нужно сделать серьезные выводы из этих фактов».

Вышли из лагерей узники ГУЛАГа, изможденные, больные, травмированные пережитыми страданиями. Вышли на свободу еврейские поэты и писатели – не каждый из них был способен освободиться от прежнего страха, писать свободно, открыто, не подвергая себя самоцензуре. Они откликались на разрешенные темы – о победе над Гитлером и борьбе за мир, о дружбе и счастливой жизни народов Советского Союза, и лишь порой в их работах прорывалась скорбь о погибших в годы Катастрофы, тоска по утраченной еврейской жизни.

Моисей Тейф вспоминал еврейские местечки прошлого: «О, братья замученные, скрипки разбитые! Пусть ваша мелодия сохранится в сердце моем. Здесь, в этих местечках, под дощатыми мшистыми крышами ваша песня звенела и пела...»

Гирш Ошеревич оплакивал разрушенное кладбище в Вильнюсе: «На старом кладбище ветер не нашел вдруг надгробных камней, которых он прежде касался; кладбище стоит без ограды и без ворот – они не дали бы земле поглотить евреев, всех и сразу...»

Шмуэль Галкин оглядывался на годы заключения: «И эти острые, изламывающие тело камни, которые встали на моем пути, не принудили меня свернуть с него, не оттолкнули и не отгородили...» И он же, в обращении к еврейскому поэту: «Ты видишь, родник мой вновь становится прозрачным, а ты невольно отделился от него, на одну пядь больше, чем имеешь на то право. Душа твоя в оковах, хотя тело и свободно...»

Меир Харац призывал: «Не лгать ради хлеба, жизнь – это исповедь до самой смерти. Не лгать ради личного счастья, жизнь – это исповедь от колыбели. Не лгать ради ложной радости, жизнь – это исповедь, но в пляске, в веселье...»

Рахель Баумволь признавала, что в Советском Союзе она много писала по-русски и еще больше молчала на идиш. Поэтесса обращалась к читателю после вынужденного расставания:

«Давно не разговаривала с тобой, мой читатель... Я не онемела, как рыба. Не была безмолвной подобно змее. Как горная речка, прозрачная, свежая, пробивалась песня моя, но дорогу закрыл камень, и он был не один!.. Так кто же так сделал, кто нас разлучил, кто сделал седыми меня и тебя, мой читатель?!..»

Там, глубоко во мне, умерщвленные песни висят на виселицах, вздвигнутых равнодушием, лежат в могилах, сомнением вырытых, слезы клюют их, как черные вороны...

Не пускайте меня на порог, братья и сестры, я – убийца стихов моих!..»

Поэт Зяма Телесин: «Славянские слова в еврейском языке – они пришли, как постоянные поселенцы. С ними мой дед сеял и молотил, замешивал глину и известь гасил. Он не брал их в долг – он взял их, кровавым потом платя, за наличные...»

Овсей (Шике) Дриз сочинял стихи для детей, которые переводили на русский язык и неоднократно печатали большими тиражами – «Веселый пекарь», «Зеленые портные», «Разноцветный мальчик» и другие. Однако у поэта уже не было маленьких читателей на идиш, и он возглашал с наигранным весельем, за которым скрывалась тоска:

«Топ-топ, купите железную бочку, садитесь в нее – и прямо ко мне, я кое-что вам покажу: на белых стенах жилья моего будут плавать лебеди, запрыгают белочки на высоких елях, на потолке расцветут цветы, и пара козочек заиграет на флейтах.

Запляшет мартышка на спине у слона, шут с колокольчиками появится перед вами, и вы воскликните: браво, браво-бис... мне, чародею, шуту Шике Дризу.

Но только мать моя будет молчать, моя слабая голубка, и золотой нитью заштопает сердце мое...»

Овсей Дриз написал в конце нелегкого пути: «Пока живу, я верю, надеюсь, что мой «пуримшпиль» доведу до конца...»

4

Осенью 1958 года вышла книга «Израиль, его положение и политика», написанная по заказу ЦК партии. Основной смысл этого сочинения был таков: руководители Израиля взяли на вооружение реакционную

сионистскую идеологию, это государство не имеет будущего, а потому у евреев СССР нет иного выхода, кроме окончательной ассимиляции.

Иллюстрации
к произведениям
Шолом-Алейхема.
Художник
Натан Альтман

Вновь разразился мировой скандал. Эту книгу называли современным вариантом «Протоколов сионских мудрецов»; в ответ на обвинения кремлевские руководители предприняли срочные меры и в 1959 году разрешили отметить столетие со дня рождения Шолом-Алейхема. Об этом писали в центральных газетах, устраивали юбилейные вечера, отпечатали марку с изображением писателя, объявили о выпуске шеститомного собрания его сочинений тиражом 225 000 экземпляров.

Торжественное заседание в Москве проходило в Колонном зале Дома Союзов. В президиуме сидели официальные лица и несколько еврейских писателей, переживших сталинские репрессии. Среди прочих выступал знаменитый негритянский певец Поль Робсон, прилетевший из США. Он говорил о Шолом-Алейхеме, о «великом актере» Михоэлсе – речь Робсона переводили на русский язык, и зрители встречали его слова бурными аплодисментами.

3. Телесин (из воспоминаний):

«– Еврейский народ, – сказал Робсон, – может гордиться языком идиш. Он не беднее английского, певуч не менее французского, ему нечего стыдиться в сравнении с русским языком...

Робсон запел негритянскую народную песню – публика приняла ее долгими аплодисментами. Исполнил русскую песню «Дубинушка» – снова аплодисменты. Но вот он объявляет: «Еврейский партизанский гимн «Зог ништ кейн мол»...» – аплодисменты перешли в овацию.

Когда овация стихла, члены президиума стали заказывать иные песни, чтобы удержать его от исполнения. Но Робсон не обращал на это внимания. Он снова объявил: «Зог ништ кейн мол...», однако его снова прервали, попросив спеть что-то другое. Тогда он повернулся к президи-

уму, взгляд его стал гневным. В напряженной тишине загремел голос Робсона: «Зог ништ кейн мол...» («Никогда не говори, что ты идешь в последний путь»)...»

Зал Дома Союзов был заполнен еврейской публикой, и израильский дипломат вспоминал: когда Робсон закончил выступление, «наступила долгая тишина... а затем зал взорвался бурными аплодисментами, еще и еще, без конца. Все страдания, боль, унижения, вся тоска и страстные желания вылились в ритмичное хлопанье сотен рук... Эти аплодисменты давали понять каждому, что сохраняли зрители в сердцах и мыслях».

5

В 1946–1948 годах выпустили в СССР 114 книг на языке идиш, а затем в течение десяти лет не опубликовали ни одной. В 1959 году вышла первая книга на идиш – «Рассказы» И. Л. Переца. Затем издали на идиш рассказы М. М. Сфорима, «Избранные сочинения» Шолом-Алейхема, книги Д. Бергельсона, Э. Шехтмана, М. Тейфа, П. Маркиша, Ш. Галкина, Л. Квитко и других писателей – 19 книг на еврейском языке к концу 1967 года. (Для сравнения: лишь в 1962 году в СССР выпустили 34 книги на удмуртском, 49 – на марийском, 116 – на башкирском языках.)

В октябре 1961 года поступил в продажу первый номер журнала на идиш «Советиш Геймланд» («Советская родина»). В его редакционной статье было сказано: «Мы начинаем свою работу в то время, когда вся советская литература окрылена идеями...», когда «на бесконечных просторах нашей страны происходят события огромной важности...», а потому главная задача журнала – «показать, как коммунистические идеи становятся достоянием широких народных масс».

Во главе журнала стоял А. Вергелис, определявший его направление с партийных позиций. Это он заявил: «Евреи Советского Союза не нуждаются в помощи из-за рубежа для удовлетворения своих культурных потребностей. Наши достижения в области культуры говорят сами за себя, а потому эта проблема нас не волнует».

Из стихотворений на идиш в первых номерах журнала: «Они выстроились в ряд, все наши Октябри... и кажется мне, они говорят: вы хорошо шагали!..» – «Если в груди еще тлеет печаль, Октябрь ей прикажет: умри!..»

Первое время в журнале появлялось немного материалов о Катастрофе; основной мотив был: «Не бреди раны! Перестань рыдать!..» В 1963 году «Советиш Геймланд», единственный еврейский журнал в мире, обошел

молчанием тридцатилетие со дня восстания в Варшавском гетто; ситуация была скандальной, и с этого момента – очевидно, по требованию властей – «Советиш Геймланд» заговорил об уничтоженных шести миллионах.

В журнале печатали произведения писателей и поэтов на идиш, знакомили читателей с творчеством литераторов, погибших в годы репрессий, публиковали исследования по фольклору и истории еврейской культуры. Это был журнал, подчинявшийся общим идеологическим установкам, а потому в нем публиковали также материалы о дружбе народов СССР и отсутствии антисемитизма в стране, о действиях американских агрессоров во Вьетнаме, статьи с критикой капиталистического Израиля.

Количество читателей на идиш уменьшалось, уменьшался и тираж журнала: в 1961 году – 25 000 экземпляров, в 1966 году – 16 000, в 1971 году – 10 000.

Последний номер «Советиш Геймланд» вышел в конце 1991 года – тираж 4000 экземпляров.

На прилавках книжных магазинов появились в переводе на русский язык книги А. Абчука, З. Аксельрода, И. Харика, расстрелянных до войны. Опубликовали на русском языке книги Д. Бергельсона, Д. Гофштейна, Л. Квитко, П. Маркиша, С. Персова, М. Пинчевского, И. Фефера, казненных и погибших в лагерях в послевоенные годы. Издавали произведения писателей и поэтов, прошедших через лагерь; это – Р. Балясная, З. Вендров, С. Галкин, А. Гонтарь, С. Гордон, М. Грубиян, Н. Забара, И. Керлер, И. Кипнис, Г. Ошерович, А. Платнер, Г. Полянкер, М. Тейф, Я. Штернберг.

Печатали произведения Р. Баумволь, А. Вергелиса, О. Дриза, А. Кушнирова, З. Телесина, И. Фаликмана, Э. Фининбера, М. Штурмана и других. Киевский писатель Н. Забара писал исторический роман на идиш «Галгаль га-хозейр» («Всё повторяется») – о жизни евреев Франции и Испании в Средние века; героями его романа были еврейские философы и поэты Рамбам, Ибн Габироль, Ибн Эзра, Иегуда Галеви.

6

Весной 1954 года выступали в Москве певицы А. Гузик, С. Таль и И. Яунзем; в программы своих концертов они включали по две-три еврейские песни. В августе следующего года состоялся в столице первый публичный концерт еврейской песни – пел С. Любимов, незадолго до этого вышедший на свободу. Вслед за этим, в том же месяце, прошел концерт И. Ракитина и С. Таль, которые читали на идиш рассказы Шолом-Алейхема.

Так это началось, а затем еврейские артисты и певцы поехали на гастроли по городам страны; понимали идиш в основном пожилые люди, но на концерты еврейской песни приходила и молодежь. Песни на идиш исполняли А. Гузик, Н. Лифшиц, М. Александрович, Л. Левин, С. Любимов, З. Шульман, М. Эпельбаум, Б. Хайтовский. С. Таль руководила в Черновцах ансамблем «Слова и песни», исполняла песни и монологи в программах писателя М. Сакциера «В добрый час», «Врагам назло», «Красные апельсины». Э. Горовец выступал в моноспектакле «Фрейлехс» и в эстрадной программе «Песни народов мира», где пел также песни на идиш.

Авраам Кауфман (Караганда, 1950-е годы):

«Концерты еврейских песен – это большое событие в жизни евреев, большое переживание. Певцы привозят с собой афиши, напечатанные заранее... и на каждой афише по диагонали – крупными буквами, красным шрифтом – еврейские слова: «В добрый час! Здравствуйтесь! Рады встретиться». И евреи стоят у афиши, подолгу стоят и смотрят... Где еще увидишь еврейскую букву, где прочитаешь еврейское слово!..»

Билеты на концерт распродаются буквально за два часа... А что творится на самом концерте!.. Приставной ряд впереди, приставные стулья во всех рядах и на балконе. Евреи, евреи, евреи... Из-за раздвижного занавеса выходит молодая девушка и произносит на идиш: «Добрый вечер, товарищи, друзья!..» Эти слова покрываются бурными аплодисментами. Аплодируют без конца...

Каждая песенка принимается с редким восторгом, певцу устраивают бурную овацию... Вот конферансье объявляет, что сейчас будет исполнена песня «Тоска по дому, домой хочу». Боже, что творится! Не менее пяти минут аплодируют, кричат «браво», вскакивают с мест, повторяют на идиш: «Домой хочу!» Невообразимый успех имеет эта песенка...»

В 1956 году Б. Ландау и Г. Лев организовали в Ташкенте еврейский театральный ансамбль, который гастролировал по городам; актеры исполняли сцены из спектаклей и эстрадные миниатюры на идиш.

В годы правления Хрущева издали «Песни на стихи еврейских поэтов» композитора Р. Боярской, «Пять песен на слова еврейских советских поэтов» композитора З. Компанейца, «Две еврейские песни» Д. Нисневича, книгу М. Береговского «Еврейские народные песни». Увидели свет литографии А. Каплана на темы еврейских народных песен, иллюстрации к произведениям Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима, И. Л. Переца. Выставки работ Каплана неоднократно демонстрировали в других странах – доказательством развития еврейской культуры в Советском Союзе.

В 1962 году был создан Московский еврейский драматический ансамбль; его основателем и художественным руководителем стал Б. Шварцер. В ансамбле было шесть актеров; к первому представлению они подготовили первый акт спектакля «Тевье-молочник» по Шолом-Алейхему, отрывки из произведений еврейских писателей и поэтов. Затем в их репертуаре появились спектакли «Колдунья» А. Гольдфадена, «Испанцы» М. Лермонтова в переводе на идиш, «200 тысяч» и «Три изюминки» – по произведениям Шолом-Алейхема.

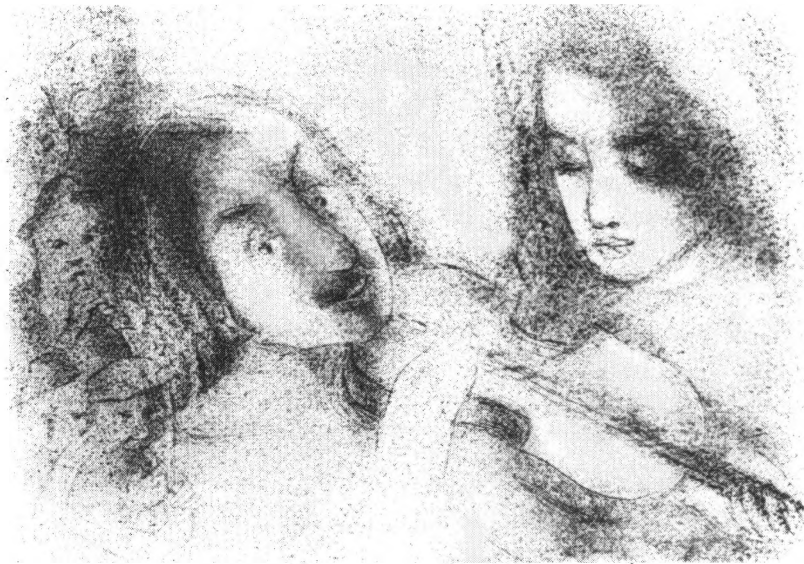

Иллюстрация на тему произведений Шолом-Алейхема.
Художник Анатолий Каплан

7

Жил в Киеве Барух Вайсман, еврейский писатель. С 1952 года он вел на иврите дневниковые записи и сумел переправить в Израиль более 1000 рукописных страниц. Отрывки из его дневников публиковали в израильской газете за подписью «Неизвестный советский еврей», их передавали по радио, и Вайсман сообщал в Иерусалим: «Я наслаждался, слушая по израильскому радио свои послания... Действительность стократно превзошла мои самые дерзкие мечты».

В 1957 году семидесятилетнего Вайсмана арестовали. Следователи не догадывались, что перед ними находился «неизвестный советский еврей», чьи статьи публиковали в Израиле, а потому его судили за распространение нелегальной сионистской литературы. Вайсмана отправили в лагерь на 5 лет, и один из заключенных вспоминал:

«Барух Вайсман – наш первый учитель – обучал нас еврейской азбуке, был живой энциклопедией... Этот больной старик составил краткий ивритский словарь и календарь еврейских праздников, чтобы мы могли их отмечать. Опасаясь обысков и наказаний, календарь приходилось уничтожать, но Вайсман сразу же готовил новый. Из лагерной больницы он вышел очень слабым и не мог ходить самостоятельно...»

Вайсмана освободили по старости через три года заключения. В Киеве ему не разрешили жить; он поселился за городом в местечке Боярка, старый, больной, и умер через несколько лет. Перед смертью Барух Вайсман передал в Израиль свою последнюю просьбу – в память о нем высадить в лесу несколько деревьев.

После его смерти имя автора публикаций стало известно в Израиле; там же напечатали книгу Б. Вайсмана «Подпольный дневник на иврите».

Барух Вайсман

Цви (Григорий) Плоткин вернулся из Карагандинских лагерей тяжело больным, но продолжал писать на иврите. В 1959 году – под псевдонимом Ш. Рон – опубликовал в Иерусалиме книгу «Оттуда» с подзаголовком «Очерки и размышления узника концлагерей по ту сторону железного занавеса» (Плоткин умер в Москве в 1968 году; через 10 лет

после этого в Иерусалиме вышли главы его романа на иврите «Ло вахен» – «Нет и да» под псевдонимом М. Хьёг).

После ареста Цви Прейгерзона его жена собрала рукописи мужа, вернула в клеенку, обсыпала крысиным ядом, уложила в чемодан и отвезла к подруге под Москву. Чемодан запрятали на дачном чердаке, и он пролежал там семь лет до возвращения писателя. Выйдя на свободу, Прейгерзон написал: «Еще в тюрьме я поклялся не забывать иврит... Если даже меня арестуют второй и третий раз, иврит будет всё время со мной... будет жить во мне до последнего моего дыхания».

Он пересылал в Израиль рассказы, воспоминания, роман «Когда угасает светильник» – об уничтожении евреев города Гадяч, после чего погасла свеча, «вечный огонь» на могиле великого цадика. Этот роман напечатали в 1966 году в Израиле под названием «Эш га-тамид» («Вечный огонь»), с псевдонимом – А. Цфони («Северный»). Израильские писатели называли автора «своим человеком в доме иврита»: «Это чудо! Как мог сохранить он дыхание? Как разыскать розу посреди заснеженного поля?..»

Прейгерзон умер в 1969 году; на похоронах один из друзей сказал: «Цви, ты обогащал не только уголь, ты обогащал наши души!» Остался неоконченным его роман – о событиях в стране во время «дела врачей».

В 1970 году урну с прахом Ц. Прейгерзона, согласно его завещанию, привезли в Израиль; на памятнике написано: «Здесь похоронен ивритский писатель, ученый, сын своего народа». Одну из улиц Тель-Авива назвали улица А. Цфони.

В то время иврит изучали лишь будущие специалисты по Ближнему Востоку – в Институте восточных языков, Институте международных отношений, Военном институте иностранных языков, в Высшей дипломатической школе и Академии КГБ, однако евреев в эти учебные заведения не принимали.

В 1963 году на прилавках книжных магазинов появился отпечатанный в Москве «Иврит-русский словарь» – 28 000 слов, тираж 25 000 экземпляров, составитель Файтель (Феликс) Шапиро, который умер за два года до этого. Это стало исключительным событием – выпуск словаря десятилетиями гонимого языка; его сразу же раскупили, разыскивали в букинистических магазинах, размножали различными способами. Словарь стал единственным легальным пособием, которое не прятали от посторонних глаз; он был снабжен грамматическим очерком Б. Гранде, а потому позволял самостоятельно изучать иврит.

К концу 1960-х годов появились новые учителя иврита и новые учебники – для них словарь Шапиро стал незаменимым пособием. Зеев

Шахновский, один из учителей, вспоминал: «Совершенно удивительно, что власти разрешили издать словарь; он вышел в свет вовремя, ему пришлось ждать нас совсем немного. Словарь Шапиро был островом уверенности в море разнообразной литературы на иврите. По нему мы учились и проверяли свои знания... До сих пор мы сверяемся по нему, встретив какое-нибудь «заковыристое» слово».

Не случайно последующие поколения учеников и учителей говорили о нем: «Словарь-символ», «Надежный источник», «Мой первый словарь», «Все мы вышли из словаря Ф. Шапиро», «Книга, вернувшая нам язык».

Ф. Шапиро подготовил также учебник языка иврит, подал заявку в издательство и через два года получил отказ – «в связи с тем, что спроса на учебник иврит ни на внутреннем, ни на внешнем рынке нет».

Обложка словаря
Феликса Шапиро

Борис (Дов) Гапонов жил в Кутаиси, работал в заводской газете, а в свободное время переводил на иврит грузинский национальный эпос – поэму Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В 1969 году поэма увидела свет в Израиле, вызвав десятки рецензий и восторженных статей. Гапонов получил израильскую премию имени Ш. Черняховского, присуждаемую за перевод художественной литературы; его пригласили в Израиль для получения этой премии, но власти не выпустили Гапонова из СССР.

Затем он начал переводить на иврит стихотворения и прозу М. Лермонтова. У Гапонова развивалась опасная болезнь, он не владел уже

правой рукой, и пальцами левой руки с трудом печатал на пишущей машинке перевод «Героя нашего времени». В 1971 году Гапонов приехал в Израиль и вскоре умер – было ему 38 лет.

Израильская Академия языка иврит присвоила Б. Гапонову звание почетного члена; ему присудили премию по литературе президента страны. В 1989 году Гапонов стал посмертно лауреатом грузинской государственной премии имени Ш. Руставели.

Борис Гапонов и обложка книги стихотворений М. Лермонтова в его переводе на иврит (Иерусалим, 1989 год)

8

В 1956 году в Вильнюсе появились еврейские коллективы художественной самодеятельности – хоровой, драматический, танцевальный и народных инструментов. Театральная труппа поставила спектакль на идиш по пьесе Шолом-Алейхема «200 000» и получила звание лауреата на фестивале самодеятельности. Театр гастролировал по разным городам, в его репертуаре были спектакли «Фрейлехс», «Тевье-молочник», «Гершеле Острополер», однако судьба других коллективов оказалась менее удачной.

В Вильнюсе создали детский хор, который подготовил программу песен на русском, литовском языках и на идиш. Первый концерт прошел с

успехом, но вскоре местные власти распустили детский хор, так как сочли, что изучение языка идиш и исполнение песен на этом языке ведет к изоляции евреев и мешает их ассимиляции.

В 1957 году в Риге объявили набор в еврейский хор, куда записалось более ста человек. Выступления проходили с большим успехом, на каждый концерт собирались сотни зрителей Риги и других городов Латвии, куда хор выезжал на гастроли. В его программе были не только традиционные еврейские песни, но и песни на идиш современных композиторов – «Бабий Яр» Р. Боярской, «Баллада о восстании в Варшавском гетто» С. Фейгиной, «Песня еврейских партизан» Г. Глика.

Бурные аплодисменты зрителей, повторение на «бис» любимых песен обеспокоили начальство, и оно предъявило условия: хор не должен называться еврейским, ведущему запретили объявлять номера на идиш, в репертуаре допускалось не более половины песен на этом языке, а каждое выступление следовало начинать и заканчивать песней на русском или латвийском языках. И хотя хор исполнил на правительственном концерте песню на идиш «Ленин, наш отец...», его участь была решена; подобная судьба постигла в Риге театральную студию, кружок еврейского народного танца, джазовый оркестр студентов-евреев.

Самодельные драматические, хоровые или танцевальные труппы существовали в разное время в Каунасе, Ленинграде, Львове, Ташкенте, Таллине, Даугавпилсе, Кишиневе; хоровой ансамбль горских евреев выступал в городах Кавказа, исполняя песни на татском языке. Эти коллективы не только пробуждали интерес к еврейской культуре, но позволяли их участникам встречаться, обсуждать еврейские проблемы после многих лет опасений и страхов.

В 1965 году появился Биробиджанский еврейский народный театр, который выступал со спектаклями «Мазлтов!», «Гершеле Острополер» и стал лауреатом Всероссийского смотра самодеятельности.

В начале 1966 года председатель КГБ докладывал в ЦК партии:

«Некоторая часть еврейской интеллигенции... использовала вечера памяти Переца Маркиша и Льва Квитко для демагогических и идеологически незрелых выступлений... В большинстве из них говорилось о трагической гибели «талантливых еврейских поэтов, о невозместимой утрате, которую понесла наша литература в лице Маркиша и Квитко...»

Поэт и переводчик Арсений Тарковский... заявил, что «во все времена убивали мыслящих поэтов». Сын Переца Маркиша – поэт и переводчик Давид Маркиш прочитал стихи, посвященные памяти отца... о том, что в нашей действительности «ученые и поэты не умирают в своих постелях».

На этом вечере была зачитана телеграмма писателя Ильи Эренбурга, в которой говорилось, что «нельзя убивать певчих птиц и поэтов». Текст телеграммы был встречен бурными аплодисментами... Председательствовавший Лев Кассиль закончил свое выступление словами: «Пока есть люди, песню убить нельзя...»

Всё это создавало на указанных вечерах напряженную и нервную обстановку. Многие из присутствовавших, в том числе и сидевшие в президиуме, плакали.

На вечерах присутствовали сотрудники израильского посольства в Москве... Установлено, что они активно общались с участниками вечеров, советскими гражданами, выясняя их реакцию на выступления, а затем направили подробную информацию в Израиль».

В предвоенные годы в Ленинградской консерватории учился Вениамин Флейшман, наставником которого был композитор Д. Шостакович. Началась Отечественная война, Флейшман вступил в ополчение и вскоре погиб на фронте. Шостакович говорил о нем: «Я с полной уверенностью могу сказать, что это был композитор огромного таланта... Человек редкой чистоты, порядочности и трудолюбия».

После гибели Флейшмана осталась незаконченной его опера «Скрипка Ротшильда» по рассказу А. Чехова. Шостакович завершил работу над оперой, оркестровал ее, и в 1968 году ее впервые исполнили в Ленинграде.

После войны преподавание татского языка в Дагестане прекратили, все школы горских евреев стали русскими; ликвидировали и газету «Захметкеш» на татском языке – «в связи с тягой горско-еврейского населения к русской культуре». В 1956 году в Махачкале, столице Дагестана, начал выходить ежегодный альманах на татском языке «Ватан советиму» («Наша советская родина»); в нем печатали произведения горских евреев, однако с каждым годом становилось всё меньше писателей и читателей на этом языке.

Не случайно новая программа коммунистической партии 1961 года, принятая съездом, призвала к «стиранию национальных различий... включая различия в языке».

В 1959 году в Киеве увидела свет книга Г. Плоткина на украинском языке «Поїздка до Ізраїлю», которую перевели и на русский

язык. В книге присутствовала критика «сионистского руководства Израиля», однако евреи СССР, лишенные достоверной информации, выискивали ее даже в официальных изданиях. В книге Плоткина они прочитали среди прочего о достижениях сельского хозяйства Израиля, о кибуце имени Мордехая Анилевича, руководителя восстания в Варшавском гетто, даже о том, что в Иерусалиме был похоронен грузинский поэт Шота Руставели.

В 1963 году студенты факультета востоковедения Тбилисского университета Гершон и Шалва Цицуашвили решили создать учебник на грузинском языке для изучения иврита. У них был лишь словарь Ф. Шапиро и книга для детей на иврите, однако они закончили работу за четыре месяца. Грузинский текст напечатали на пишущей машинке, слова на иврите вписали от руки, снабдили учебник небольшим грузино-ивритским словарем и размножили фотоспособом более 20 экземпляров.

Составители учебника опасались преследований, а потому решили приписать его авторство раввину Х. Элиашвили, который незадолго до этого скончался в Кутаиси. В предисловии к учебнику было сказано: «Эту книгу я написал по просьбе кутаисских евреев... С ее помощью все могут учить еврейский язык. Хахам Хаим Элиашвили, Кутаиси, 1962 год».

Из выдуманного разговора про невыдуманную ситуацию (к выступлениям Московского еврейского драматического ансамбля):

«А где они играют, эти артисты?» – «Где они играют? Куда пустят, там они и играют. Вчера – в клубе, сегодня – в концертном зале». – «В концертном зале? Первый раз слышу. А что там постоянно, в этом зале?» – «Постоянно там выступает театр. Цыганский театр». – «Цыгане – постоянно?» – «Ну да. Постоянно там – цыгане». – «Дожили! Цыгане постоянно, а евреи – кочуют...»

Очерк девяносто пятый

Внешняя и внутренняя политика при Хрущеве.
Евреи в русской культуре. А. Галич. В. Гроссман

1

А. Яковлев, советский политический деятель:

«Хрущев – прежде всего вулкан энергии. И полезной, и вредной... Его называли «кукурузником» и «болтуном», он был героем анекдотного фольклора... Вспомним Манеж, кукурузу, «догнать и перегнать»...

Хрущев видел отсталость страны, чувствовал трагический исход этой отсталости, но вместо здравых мер он постоянно искал «чудо-средства», которые вытащат страну из трясины. Будь то кукуруза, целина, торфоперегнойные горшочки, химизация всей страны и прочее...

Его попытки что-то изменить или сломать сразу же приводили к неразберихе, экономической чехарде...»

В. Буковский, советский политический заключенный:

«Всё раздражало в нем людей. И неумение Хрущева говорить... и его поездки за границу, лихорадочное и мелкое реформаторство – словом, всё, любые его начинания вызывали только злобу и насмешки...

Главное же, он ничего не изменил по существу: не искоренил сталинизма, не исправил хозяйства, не дал настоящей свободы, а вместо этого вновь попытался продать людям те же иллюзии, которые только что наглядно были разоблачены.

Его наивные обещания коммунизма к 1980 году вызывали только смех... Всем был настолько очевиден обман, что даже кроты прозрели».

2

1 мая 1960 года неподалеку от Свердловска был сбит американский разведывательный самолет У-2, взят в плен летчик Ф. Пауэрс, после чего сорвалась «встреча в верхах» с президентом США Д. Эйзенхауэром и обострились отношения между двумя странами.

В августе 1961 года начали сооружать бетонную стену с колючей проволокой, сторожевыми башнями и минными полями, чтобы отделить Восточный Берлин от Западного и предотвратить бегство жителей Германской Демократической Республики. Это сделали по инициативе Хрущева, который говорил: «У меня давно возникла мысль установить какой-то контроль, закрыв выходы и лазейки...» (Более 500 человек были убиты в последующие годы при попытке перебраться через стену.)

В 1962 году Советский Союз тайно разместил на Кубе ракеты с ядерным оружием. В октябре того года президент США Д. Кеннеди объявил о морской блокаде острова, чтобы предотвратить доставку новых советских ракет; это противостояние великих держав получило название Карибского кризиса, который поставил мир на грань ядерной катастрофы.

При Хрущеве сформулировали «Десять принципов строителя коммунизма», отпечатали в миллионах экземпляров и развесили по заводам, учреждениям, школам, вокзалам и больницам. В 1962 году очередной съезд партии сообщил, что через двадцать лет будет создана в стране «материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для населения». Тогда Хрущев и провозгласил на весь мир: «Партия торжественно обещает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

С 1 июня 1962 года ввели повышение «закупочных (сдаточных) цен» в деревне, чтобы поднять производительность колхозов, и одновременно повысили магазинные цены на мясо и масло от 20 до 34 процентов. В Выборге некий рабочий прикрепил к груди плакат «Долой новые цены» и «пытался пройти по городу»; в Донецке на Украине появилась листовка: «Нас обманывали и обманывают. Будем бороться за справедливость»; в поселке Красноярского края обнаружили на стене надпись: «Раньше нам сулили загробное царство, а теперь загробный коммунизм».

Осведомители сообщали о высказываниях граждан: «Продукты раздают другим странам, а свои рабочие голодают...» – «Спутник

спутником, а в супе мяса нет...» – «Так жить дальше нельзя...» – «Надо бить коммунистов...» – «Объединяйтесь вокруг Христа – большевики повысили цены...»

В Новочеркасске неподалеку от Ростова-на-Дону – одновременно с повышением цен – были уменьшены расценки на электровозостроительном заводе. 1 июня рабочие завода объявили забастовку, вышли на улицы, остановили пассажирский поезд и написали на вагонах: «Мяса, масла, повышения зарплаты». В город ввели воинские части с танками, установили комендантский час; на завтра тысячи демонстрантов с женщинами и детьми собрались в центре города с красными флагами и портретами Ленина; чтобы разогнать огромные толпы, по ним открыли огонь.

Генеральный прокурор СССР сообщал: «Было убито 22 и ранено 39 участников беспорядков. Еще 2 человека убиты вечером 2 июня при невыясненных обстоятельствах...» Очевидец свидетельствовал: «Долго пытались смыть кровь с площади. Сначала пожарной машиной, потом еще какой-то со щетками и, наконец, пригнали каток – заасфальтировали всё толстым слоем».

Газеты не упомянули о тех событиях, лишь «Правда» сообщила 6 июня: «Трудящиеся (Новочеркаска) правильно оценили повышение закупочных и розничных цен на мясо и масло... Хорошо работают коллективы Новочеркасского электровозостроительного, электродного заводов...» 114 демонстрантов осудили на разные сроки; семеро из них – «за бандитизм и организацию массовых беспорядков» – были приговорены к расстрелу.

Из листовки в Горьковской области: «Долго ли Хрущев будет издеваться над народом, кормить обещаниями о светлом будущем? Куда девался хлеб? Большого мы пока не требуем. Где хлеб?..» (Автора листовки приговорили к 3 годам заключения.)

3

В 1954 году увидела свет первая часть повести И. Эренбурга «Оттепель» – это название определило общественную атмосферу послесталинского периода. «Что-то, конечно, сдвинулось, – отметил современник, – воздух потеплел, где-то подспудно зажурчало, показались проталины. Неведомо как, опубликовали эренбурговскую «Оттепель», но сразу же на нее накинудись стражи вечной мерзлоты».

Сталина уже не было, но цензура сохранялась повсюду, работали мощные системы для глушения западных радиостанций, в Биробиджа-

не приняли решение усилить помехи к передачам израильского радио; праздничные лозунги в газетах по-прежнему призывали: «Деятели литературы и искусства! Умножайте духовные богатства страны! Боритесь за высокую идейность и художественное мастерство произведений! За тесную, неразрывную связь литературы и искусства с жизнью народа!»

Хрущев говорил: «Писатели – это артиллеристы, это артиллерия, потому что они, так сказать, расчищают путь для нашей пехоты, образно говоря, прочищают мозги тому, кому следует... Поэтому – бить, бить точно, но бить по противнику, по своим не стрелять».

Глава партии и правительства был человеком импульсивным (вспомним, как он стучал ботинком на заседании ООН). Колебаниям Хрущева во внешней политике соответствовали колебания на идеологическом фронте, а потому отношение к творческой интеллигенции было неоднозначным, временные периоды потепления сменялись на директивные окрики и постановления.

В 1956 году журнал «Новый мир» отказался печатать роман «Доктор Живаго» Б. Пастернака; его критиковали за отказ от идей пролетарской революции, за неверие в социальные преобразования общества и в коммунистическую идеологию. Герои романа отрицали «стадность» – «прибежище неодаренности», их отталкивала «заученная восторженность» и «владычество фразы, сначала монархической, потом – революционной»: «Всё относящееся к обиходу, человеческому гнезду и порядку, всё это пошло прахом вместе с переворотом всего общества и его переустройством...», «От огромного большинства из нас требуют постоянного, в систему возведенного криводушия...»

В 1957 году роман «Доктор Живаго» увидел свет в Милане в переводе на итальянский язык, затем его перевели на другие языки; в октябре 1958 года Шведская академия присудила Пастернаку Нобелевскую премию «за выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и продолжение благородных традиций великой русской прозы».

Узнав об этом, нобелевский лауреат послал в Швецию телеграмму: «Бесконечно благодарен, тронут, удивлен, смущен».

Президиум ЦК партии принял постановление «О клеветническом романе Б. Пастернака», оценив присуждение Нобелевской премии «как развязывание холодной войны». Началась травля поэта, статьи и издательские строки в газетах: «Это что еще за знак? Петрушка или пастернак?», обличающие речи ораторов. «Как ни велики мои размолвки со

временем, – написал Пастернак министру культуры, – я не предполагал, что в такую минуту их будут решать топором».

На собрании московских писателей «разоблачали и гневно осуждали... моральное падение» Пастернака, его «враждебную сущность», «художественно убогое, копеечное сочинение»: «Этот человек... питаюсь нашим советским хлебом... изменил нам, перешел в тот лагерь и воюет в том лагере...», «Вон из нашей страны, господин Пастернак. Мы не хотим дышать с вами одним воздухом...», «Пусть отправляется туда... Нельзя, чтобы он попал в перепись населения СССР...»

Студенты Литературного института собрались у подмосковного дома Пастернака и выкрикивали слова осуждения. Его исключили из Союза писателей, издательства расторгли с ним договора; больной поэт не выдержал травли и подписал заявление об отказе от Нобелевской премии. «Очень тяжелое для меня время. Всего лучше было бы теперь умереть, но я сам, наверное, не наложу на себя рук...»

Борис Пастернак умер в мае 1960 года.

Из романа «Доктор Живаго»: «Смерти нет. Смерть не по нашей части. А вот вы сказали: талант, это другое дело, это наше, это открыто нам. А талант – в высшем широчайшем понятии есть дар жизни».

4

В 1962 году в журнале «Новый мир» – по личному распоряжению Хрущева – напечатали повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». И в том же году изъяли и уничтожили тираж литературного сборника «Тарусские страницы». Партийные идеологи решили, что проза и поэзия авторов этого сборника – Н. Заболоцкого, Ю. Казакова, В. Корнилова, В. Максимова, Б. Окуджавы – «пропитаны неверием в человека, изображают советских людей ущербными, показывают нашу действительность в искаженном виде».

В декабре 1962 года Хрущев посетил выставку художников в Манеже, устроил разнос за «формализм» молодым участникам выставки, и газеты тут же обрушились на «веяния модернизма и манерничанья»: «Трудно даже сказать, чего здесь больше – дурного вкуса или бездумной погони за «модными» формами?..»

Начался откат в прошлое с его ограничениями. Неугодных писателей и поэтов обвиняли в «очернительстве», «дегероизации», и снова «Литературная газета» воззвала к писателям, будто не было предыдущих лет «оттепели»: «Мы участвуем в горячих, жестоких идеологических боях... Надо всё сделать для того, чтобы как можно быстрее за своим рабочим

столом ответить делом на заботу партии об идейной чистоте нашего боевого оружия, о его силе и мощи».

В феврале 1964 года в Ленинграде состоялся суд над И. Бродским, будущим нобелевским лауреатом. Судья: «Чем вы занимаетесь?» Бродский: «Пишу стихи. Перевожу. Я полагаю...» Судья: «Нас не интересует «я полагаю». Отвечайте, почему вы не работали?» – «Я работал. Писал стихи...» – «Какая ваша специальность?» – «Поэт. Поэт-переводчик». – «А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?» – «Никто. А кто причислил меня к роду человеческого?..»

Иосифа Бродского приговорили к 5 годам ссылки за «паразитический образ жизни» и сослали в Ахrangельскую область, но в конце следующего года поэту позволили вернуться в Ленинград.

Ощущение «оттепели» всё еще сохранялось, особенно у оптимистов; кое-кто продолжал верить, что можно высказать наконец продуманное и выстраданное. Но для многих писателей старшего поколения было уже поздно; годы молчания или приспособленчества не прошли безнаказанно, и Эренбург свидетельствовал: «При Сталине всё было просто: нужно было только узнать, как он отнесся к той или иной книге. После его смерти стало труднее... В течение двадцати лет и писателей и читателей старались отучить от неподходящих мыслей».

В газетах, на собраниях, а порой и в литературе укоренился новый язык, от которого трудно было отвыкнуть: «в целях дальнейшего улучшения...», «по многочисленным просьбам трудящихся...», «в ответ на заботу партии и правительства...», «полное одобрение и горячая поддержка...», «есть мнение» и «есть указание», а также «прилив творческой инициативы», «самоотверженный труд», «твердой поступью», «в едином строю», «сомкнутыми колоннами» и прочее.

Читатель привык к шаблонным фразам, писатели привыкли описывать людей с позиций социалистического реализма – герои их книг и события, в которых они принимали участие, не имели ничего общего с повседневной жизнью, существовавшей в стране.

5

Предыдущее поколение евреев – писателей и поэтов начинало творческий путь после победы в Гражданской войне. П. Антокольский, Э. Багрицкий, С. Кирсанов, Л. Первомайский, М. Светлов, С. Сельвинский, И. Уткин... – они безоговорочно приняли советскую власть, воспевали ее достижения, ненавидели ее врагов, были беспощадными к

прежней жизни: «Всё прошлое богатство обнищало. Эпоха нарождается при мне...»

В послевоенные годы в литературу пришло новое поколение – воевавшие, выжившие и победившие, познавшие на фронте то, что невозможно узнать в мирное время, наделенные иными переживаниями и прозрениями. Они принесли с собой не только радость победы, но и горечь поражений, надежды на лучшую, более осмысленную жизнь – среди них были и евреи, поэты и прозаики.

Константин Левин:

Один из них, случайно выживший,
В Москву осеннюю приехал.
Он по бульварам брел как выпивший
И среди живых прошел как эхо...

Юрий Левитанский:

В ожидании дел невиданных,
из чужой страны,
в сапогах, под Берлином выданных,
я пришел с войны...

Владимир Корнилов:

Так вольно, просторно, чудесно!
Так даль над Москвою светла!..
Надежда, надежда, надежда –
Какая надежда была!

Болели раны, саднила память. С. Гудзенко предсказывал скорую свою смерть: «Мы не от старости умрем – от старых ран умрем...» А. Межиров оплакивал боевых друзей: «С войны вернулись мы и сразу заторопились умирать...» Поэты не забывали военные годы: «Сгорели в танках мои товарищи До пепла, до золы, до тла...» (Б. Слуцкий), «Я не участвую в войне – она участвует во мне...» (Ю. Левитанский), «Бабы бьют вальками над прудом – Спящим снится орудийный гром...» (Д. Самойлов).

И снова Борис Слуцкий:

Сейчас всё это странно,
Звучит всё это глупо.
В пяти соседних странах
Зарыты наши трупы...

Давид Самойлов:

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

И он же – о тех, кто остался на полях войны:

А я всё слышу, слышу, слышу,
Их голоса припоминая...
Я говорю про Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.

Прошло двадцать–сорок лет, но в памяти оставалась та война, те жертвы:

В болотах Волховского фронта
Расположилась наша рота,
И жизнь моя, и смерть моя...

Д. Самойлов

Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов...

Ю. Левитанский

Во всю батальонную силу
Играет оркестр духовой,
Как вырыли немцу могилу
В суровых полях под Москвой.
И холодом бьет по подошвам
Знакомая звонкая дрожь,
И помню, что всё это в прошлом,
В сверхпрошлом, а всё-таки, всё ж...

В. Корнилов

Они оглядывались по сторонам – жизнь предоставляла немало поводов для размышлений и сомнений, задумывались о будущем, определяли свое отношение к России, спорили с теми, кто отказывал им в праве на эту землю.

Н. Коржавин:

В наши подлые времена
Человеку совесть нужна...
Но мы – существуем! Но мы – существуем!
Подчас подышаем, подчас торжествуем...

А. Межиров:

Строим, строим города
Сказочного роста.
А бывал ли ты когда
Человеком просто?..

Д. Самойлов:

Мне выпало счастье быть русским поэтом.
Мне выпала честь прикасаться к победам...

Мне выпало горе родиться в двадцатом,
В проклятом году и в столетье проклятом...

Б. Слуцкий:

Созреваю или старею –
Прозреваю в себе еврея.
Я-то думал, что я пробился,
Я-то думал, что я прорвался –
Не пробился я, а разбился,
Не прорвался я, а зарвался...

А. Кушнер:

Снег подлетает к ночному окну,
Вьюга дымится.
Как мы с тобой угадали страну,
Где нам родиться!..

И у него же – в нечастом упоминании:

Летит еврейское письмо.
Куда? – Не ведает само,
Слова написаны, как ноты.
Скорее скрипочку хватай,
К щеке платочек прижимай,
Не плачь, играй... Ну что ты? Что ты?

И снова А. Межиров:

Родина моя, Россия...
Няня, Дуня, Евдокия...

Снова Н. Коржавин:

Я не был никогда аскетом
И не мечтал сгореть в огне.
Я просто русским был поэтом
В года, доставшиеся мне...

На еврейскую тему откликнулся И. Бродский в раннем стихотворении:

Еврейское кладбище около Ленинграда.
Кривой забор из гнилой фанеры.
За кривым забором лежат рядом
юристы, торговцы, музыканты, революционеры...

Константин Левин – командир взвода противотанковых пушек, два ордена, два ранения, потеря ноги, год в госпиталях – поступил после войны в Литературный институт и сказал в одном из своих стихотворений:

Мы непростительно стареем
И приближаемся к золе.

Что вам сказать? Я был евреем
В такое время на земле...
Я был не лучше, не храбрее
Моих орлов, моих солдат,
Остатка нашей батареи,
Бомбленной шесть часов подряд.
Я был не лучше, не добрее,
Но, клевете в противовес,
Я полз под этот танк евреем
С горючей жидкостью «КС».

За это стихотворение Левина исключили из комсомола и изгнали из Литературного института.

6

Александр Галич: «Мне было уже под пятьдесят... Я уже был благополучным драматургом, благополучным советским холоумом. И я понял, что так больше не могу. Что я должен наконец-то заговорить в полный голос, заговорить правду...»

Я выбираю Свободу, –
но не из боя, а в бой.
Я выбираю свободу
быть просто самим собой...

Галич стал одним из создателей жанра авторской песни. Он выступал в переполненных квартирах Москвы, Ленинграда, других городов; его песни, романсы, поэмы, баллады записывали на магнитофоны, переписывали с ленты на ленту, распространяли по всей стране.

Ни партера нет, ни лож, ни яруса,
Клака не безумствует припадочно,
Есть магнитофон системы «Яуза»,
Вот и всё!
А этого достаточно!

Л. Копелев, писатель: «Откуда у этого потомственного интеллигента, прославившего эстетом и снобом, этот язык, это новое мироощущение? В каких университетах изучал он диалекты и жаргоны улиц, задворков, шалманов, забегаловок, говоры канцелярий, лагерных пересылок, общих вагонов, столичных и периферийных дешевых рестораций?...»

Строки из песен Галича стали хрестоматийными: «Ой, не шейте вы, евреи, ливреи, Не ходить вам в камергерях, евреи!..» – «Вот как просто попасть – в палачи: Промолчи, промолчи, промолчи!..» – «Уходят, уходят, уходят друзья, Одни – в никуда, а другие – в князья...» – «Если

зовет своих мертвых Россия, так, значит, – беда!..» На концерте в Новосибирском академгородке Галич исполнил песню «Памяти Б. Л. Пастернака»: «Как гордимся мы, современники, что он умер в своей постели...» – более двух тысяч человек молча встали, чтобы почтить память поэта.

Еврейская тема проходит через многие песни Галича: «Кадиш», «Реквием по неубитым», «Поезд (памяти С. М. Михоэлса)», «Баллада о вечном огне», «Песня исхода»...

Уходят из Варшавы поезда,
И скоро наш черед, как ни крути,
Ну что ж, гори, гори, моя звезда,
Моя шестиконечная звезда,
Гори на рукаве и на груди!..

Александр Галич

Герои песен Галича стали знаменитыми. Это – товарищ Парамонова, ответственный профсоюзный работник, которая заставила мужа

повиниться на собрании в измене, а затем помирилась с ним в райкоме партии:

И пошли мы с ней вдвоем, как по облаку,
И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку,
Она выпила «дюрсо», а я «перцовую»
За советскую семью образцовую!

Это – Клим Петрович Коломийцев, которому перепутали текст выступления на митинге в защиту мира:

«Израильская, – говорю, – военщина
Известна всему свету!
Как мать, – говорю, – и как женщина
Требую их к ответу!..»

Это – Егор Петрович Мальцев «хворает, и всерьез: уходит жизнь из пальцев, уходит из желёз...», но которому запретили умирать:

Вставай, Егор Петрович,
Во всю свою длину,
Давай, Егор Петрович,
Не подводи страну!
Центральная газета
Оповестила свет,
Что больше диабета
В стране советской нет!..

Это – некий майор, ради шутки попросивший записать себя евреем, за что исключен из партии, разжалован в рядовые:

Значит, все мы, кровь на рыле,
Топай к светлому концу!
Ты же будешь в Израиле
Жрать, подлец, свою мацу!
Мы стоим за дело мира,
Мы готовимся к войне!
Ты же хочешь, как Шапиро,
Прохлаждаться в стороне!..

Это – постоянный герой песен Галича, бывший заключенный Магадана, Инты, Воркуты:

Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял!
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям...
Облака плывут, облака,
В милый край плывут, в Колыму,
И не нужен им адвокат,
Им амнистия – ни к чему...

В. Буковский (из воспоминаний 1970-х годов):

«Появился Галич, песни которого до сих пор тайком переписывают друг у друга заключенные в лагерях. Первый вопрос каждому вновь приехавшему на лагерную зону: «Какие новые песни Галича привез с воли?»»

Чем дальше, тем больше возникало этих незримых фигур с гитарами... Их предшественникам на заре человечества было легче: никто не сажал в тюрьму менестрелей, не тащил в сумасшедший дом Гомера, не обвинял его в слепоте и односторонности. Для нас же Галич никак не меньше Гомера. Каждая его песня – это Одиссея, путешествие по лабиринтам души советского человека».

В 1971 году Галича исключили из Союза писателей и Союза кинематографистов; с ним уже не заключали договора, вырезали из титров его фамилию. В 1974 году Александр Галич уехал из СССР. Через три года погиб в Париже.

7

В 1949 году писатель В. Гроссман закончил роман «Сталинград», и рукопись надолго застряла в идеологических инстанциях. В романе присутствует еврейская тема, один из его героев – физик-еврей Виктор Штрум, и Секретариат Союза писателей потребовал: «Штрум отодвигается на задний план, у Штрума должен быть учитель, гораздо более крупный физик, русский по национальности».

Роман напечатали в 1952 году в журнале «Новый мир» под названием «За правое дело»; в него автор ввел дополнительную главу о Сталине и новый персонаж – русского физика Чепыжина, учителя Штрума. Первые рецензии были хвалебными, роман выдвинули на соискание Сталинской премии, но началась кампания против «врачей-вредителей», и газеты обрушились на Гроссмана с разгромными статьями:

«Не показал партию как организатора победы...» – «Образ Штрума является фальшивым образом, клеветой на передовых советских ученых...» – «Гроссман... извратил облик человека эпохи социализма и создал, по существу, пасквиль на советских людей и советский быт...»

Автора клеймили на собраниях, подчеркивали его настоящее имя – Иосиф Соломонович взамен принятого в обиходе – Василий Семенович; заявили даже, что в этом романе Гроссман «решает вопрос с сионистских позиций, с позиций еврейского национализма».

В 1960 году Гроссман завершил роман «Жизнь и судьба»; видное место в нем занимает еврейская тема, тема Катастрофы, евреи «одной судьбы» – выжившие и погибшие. Одним из героев этого романа снова стал физик Виктор Штрум, которому его мать пишет последнее письмо из гетто (напомним: мать Гроссмана была убита в Бердичеве):

«Знаешь, Витенька, что я испытала, попав за проволоку? Я думала, что почувствую ужас. Но, представь, в этом загоне для скота мне стало легче на душе. Не думай, не потому, что у меня рабская душа. Нет. Нет. Вокруг меня были люди одной судьбы...

Сегодня мы узнали от знакомого крестьянина... что евреи, посланные копать картошку, роют глубокие рвы в четырех верстах от города, возле аэродрома, по дороге на Романовку. Запомни, Витя, это название, там ты найдешь братскую могилу, где будет лежать твоя мать...

Ночью представила себе, как весь этот шумный мир бородатых, озабоченных папаш, ворчливых бабушек, создательниц медовых пряников, гусиных шеек, мир свадебных обычаев, поговорок, субботних праздников уйдет навек в землю, и после войны жизнь снова зашумит, а нас не будет, мы исчезнем, как исчезли ацтеки...

Витенька... Вот и последняя строка последнего маминого письма к тебе. Живи, живи, живи вечно... Мама».

Гроссман передал рукопись романа в журнал «Знамя», а оттуда ее переслали в ЦК партии. В феврале 1961 года в его доме появились сотрудники КГБ и забрали все экземпляры рукописи, черновики, подготовительные фрагменты; говорили, что они побывали даже у машинисток и изъяли использованную копировальную бумагу. Это был редчайший случай в практике карательных органов, когда арестовали рукопись романа и оставили на свободе автора, который сказал: «Меня задушили в подворотне».

Секретарь ЦК по идеологии разъяснил Гроссману, что роман «Жизнь и судьба» можно будет напечатать не раньше, чем через 200 лет.

В этом романе автор анализирует сущность двух тоталитарных режимов двадцатого века. Эсэсовский офицер произносит опасные речи о духовном единстве коммунизма и фашизма, о зеркальном отображении Гитлера и Сталина, а потому советские идеологи не могли пропустить эти строки к читателю, который сделал бы далеко идущие выводы. Эсэсовец говорит старому большевику, попавшему в немецкий лагерь, как бы предсказывая послевоенные годы сталинских репрессий:

«Мы – ваши смертельные враги, да, да. Но наша победа – это ваша победа... А если победите вы, то мы и погибнем, и будем жить в вашей

победе. Это как парадокс: проиграв войну, мы выиграем войну, мы будем развиваться в другой форме, но в том же существе...

Сегодня вас пугает наша ненависть к иудейству. Может быть, завтра вы возьмете наш опыт... На нас сегодня смотрят с ужасом, а на вас с любовью и надеждой? Поверьте, кто смотрит на нас с ужасом, и на вас смотрит с ужасом...»

В те годы казалось, что рукопись навсегда исчезла, однако один экземпляр сохранился; писатель В. Войнович переснял его на пленку, переправил на Запад – книга «Жизнь и судьба» увидела свет в 1980 году.

Василий Гроссман

8

После поездки в Армению Гроссман написал «Путевые записки пожилого человека». В них есть эпизод на армянской свадьбе:

«Выступали, обращаясь ко мне, старики и молодые. Все они говорили о евреях и армянах, о том, что в вековой истории обоих народов много страданий и крови. Я услышал от стариков и молодых слова уважения и восхищения, обращенные к евреям, к их трудолюбию, уму. И старики убежденно называли еврейский народ великим народом...

Не раз приходилось мне слышать от русских, простых и интеллигентных людей, слова сочувствия к мукам, постигшим евреев во время гитлеровской оккупации. Но иногда сталкивался я и с ненавистью, переживал ее душой и шкурой своей. Случалось мне слышать черные слова,

обращенные к истерзанному Гитлером еврейскому народу, от пьяных в автобусах, в очередях, столовых...»

Гроссман хотел напечатать «Путевые записки» в журнале «Новый мир», однако цензура не разрешила упоминать «о явлениях антисемитизма». Н. Роскина вспоминала:

«Цензор потребовал изъять несколько фраз, связанных с еврейской темой. Всего лишь несколько фраз! И как легко, казалось бы, безболезненно они изымались! Гроссмана уговаривали согласиться на это все... Нет, Гроссман не согласился. Вещь была вынута из готовой книжки журнала и долго еще лежала в его письменном столе...

К стыду своему, я говорила то же, что и все: «Ах, зачем же вы это сделали, здесь столько сказано, стоило ли из-за небольшой купюры всё губить»... Гроссман пожал плечами и сказал как-то смущенно, застенчиво: «Не знаю, мне всё это показалось оскорбительным...»

Тяжело было видеть его убитым. Как сейчас передо мной его грузная фигура в кресле. Он был уже смертельно болен, но об этом еще никто не знал, и он сам тоже».

Василий Гроссман умер в 1964 году – было ему 59 лет. «Путевые записки» опубликовали после его смерти в журнале «Литературная Армения» под названием «Добро вам!», однако цензурные сокращения там всё еще присутствовали.

«Путевые записки» заканчивались такими словами: «Пусть обратятся в скелеты бессмертные горы, а человек пусть длится вечно... Баревдэс – добро вам армяне и не армяне!»

До последних дней жизни Гроссман работал над повестью «Всё течет...», которую писал без оглядки на цензуру. Это книга о репрессиях сталинского времени, о коллективизации и голоде на Украине в начале 1930-х годов, о лагерях и послевоенной антиеврейской кампании, размышления о прожитом и предстоящем. Повесть «Всё течет...» распространяли в «самиздате», когда ее автора не было уже в живых; в ней есть такие строки:

«После смерти Сталина дело Сталина не умерло...

Живет построенное Сталиным государство без свободы. Не ушла из рук партии созданная Сталиным мощь промышленности, вооруженных сил, карательных органов. Несвобода по-прежнему незыблемо торжествует от моря до моря... Действует всё та же система выборов, всё так же скованы рабством рабочие союзы, всё так же беспредельно несвободны и беспаспортны крестьяне, всё так же талантливо трудится, шумит, жужжит в лакейских интеллигенция великой страны...

Государство без свободы вступило в свой третий этап. Его заложил Ленин. Его построил Сталин. И вот наступил третий этап – государство

без свободы построено, как говорят строители, введено в эксплуатацию... Небоскреб заселен новыми жильцами... Фундамент небоскреба – несвобода – по-прежнему незыблем.

Что же дальше будет? Так уж ли незыблем этот фундамент?..»

Система глушения радиопередач в СССР существовала многие годы, и в 1986 году КГБ сообщил: «Для глушения используются 13 радиочастот дальней защиты и 81 станция местной защиты... Средствами дальней и местной защиты с разной степенью эффективности перекрываются регионы страны, в которых проживает около 100–130 миллионов человек».

После посещения Хрущевым выставки в Манеже вышел в свет роман-памфлет «Тля» И. Шевцова, и издательство разъяснило читателям: «Автор показывает острую борьбу между представителями реалистического и формалистического искусства... Это наступательная, боевая книга».

Герои Шевцова высказывались на злободневные темы: «Говорят, формалистскую мазню Фалька и Штеренберга из подвалов вытащили...» – «Пастернак, трава такая, вроде петрушки...» Лейба Бронштейн (Троцкий) назван в книге главой «всемирного масонистского заговора».

В 1968 году А. Белинков опубликовал в журнале «Байкал» две главы из своей книги «Сдача и гибель советского интеллигента: Юрий Олеша». Редколлегию разогнали, номера журнала изъяли из обращения, автора заклеямили на страницах «Литературной газеты»; в том же году Белинков уехал для лечения за границу и не вернулся в Советский Союз.

Из его высказываний: «Я жил в стране-застенке и писал то, что хотел писать. Меня или сажали в тюрьму, или не печатали, или печатали, вырывая страницы, главы, куски сердца. Но ни одной строки, удобной им, удобной им, они не могли заставить меня написать».

Хрущев определил мемуары И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» как «взгляд из парижского чердака на историю советского

государства». В 1964 году мемуары рассматривал Президиум ЦК партии и принял решение: разрешить печатать, если будут смягчены темы – «еврейский вопрос» и критика идеологов партии, руководителей искусства.

В 1977 году, уже после смерти Эренбурга, вышла книга его стихотворений в серии «Библиотека поэта». Из книги изъяли «неудобные» стихи, особенно такие, в которых присутствовала еврейская тема; редактор серии пояснил: «Иносказательный стиль дает повод для самых различных, в том числе и превратных толкований, в силу чего мы считаем включение этих стихотворений в состав тома нецелесообразным».

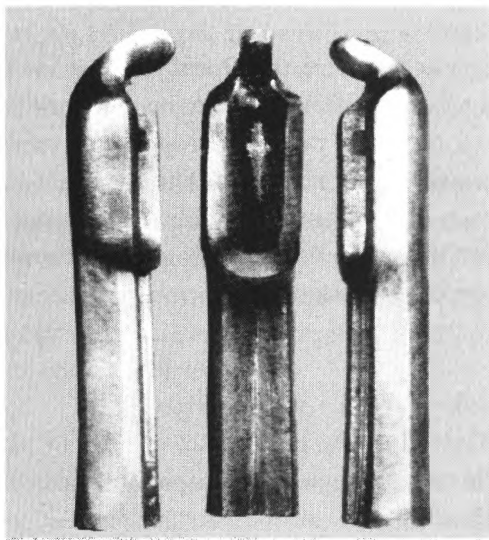
В. Высоцкий, из песни «Антисемиты»:

Зачем мне считаться шпаной и бандитом?
Не лучше ль пробраться мне в антисемиты?
На их стороне хоть и нету законов –
Поддержка и энтузиазм миллионов...
На всё я готов – на разбой и насилие,
И бью я жидов и спасаю Россию.

Из песни, посвященной нейрохирургу Э. Канделю:

Всех, кому жизнь не светила,
Превращал он в нормальных людей,
Но огромное это светило,
К сожалению, было еврей...

Очерк девяносто шестой

Евреи в русской культуре (продолжение). Евреи-ученые, конструкторы, руководители производства

1

В 1950–1960 годы вошли в литературу многие писатели и поэты разных национальностей, среди которых оказалось немало евреев, укоренившихся в русской культуре. Всех перечислить нет никакой возможности, и выбор названных имен ни в коей мере не определяется «табелем о рангах» или их выдающимися талантами по сравнению с другими, не названными на страницах этой книги.

В те годы читатели узнали имена писателей-евреев послевоенного поколения: Г. Бакланов, А. Борщаговский, Ф. Горенштейн, Д. Гранин, Э. Казакевич, Ф. Кривин, А. Рыбаков. Е. Гинзбург написала книгу лагерных воспоминания «Крутой маршрут». Б. Заходер сочинял стихи для детей, пересказал книгу А. Милна «Винни-Пух»; Г. Сапгир писал стихи и пьесы для взрослых и детей, переводил стихотворения еврейской поэзии. На Западе напечатали книги воспоминаний Н. Мандельштам, вдовы погибшего поэта О. Мандельштама.

В 1960-е годы увидели свет повести Г. Кановича на русском языке о жизни литовского местечка «Я смотрю на звезды» и «Личная жизнь» (а впоследствии трилогия «Свечи на ветру», романы «Слезы и молитвы дураков», «Козленок за два гроша»). И. Мерас писал на литовском языке

ке о Катастрофе и гибели евреев Литвы – автобиографическая повесть «Желтый лоскут», романы «Ничья длится мгновенье» («Вечный шах») и «На чем держится мир», которые выходили на разных языках в Европе и Америке.

Появилось немало поэтов-евреев послевоенного поколения: москвичи – Е. Аксельрод, К. Ваншенкин, Н. Гребнев, Н. Коржавин, Ю. Левитанский, С. Липкин, А. Межиров, Ю. Мориц, Д. Самойлов, Б. Слуцкий; ленинградцы – И. Бродский, А. Кушнер, А. Найман, Е. Рейн.

В 1960-е годы стали известны литераторы, чьи матери были еврейками: прозаики В. Аксенов, Г. Владимов, В. Войнович, А. Гладилин, Ю. Трифонов, Л. Чуковская, поэты – Е. Винокуров, Р. Казакова, В. Корнилов.

В 1950-е годы вышли на экраны кинокартины режиссера Г. Чухрая «Сорок первый» и «Баллада о солдате». Г. Козинцев создал фильмы «Дон-Кихот» и «Гамлет». М. Ромм снял «Девять дней одного года» – фильм об ученых-физиках и ядерной катастрофе, грозившей миру, а затем документально-публицистический фильм «Обыкновенный фашизм» – размышления о тоталитарном обществе и нацистских преступлениях.

Работали в кино режиссеры А. Алов и В. Наумов, М. Калик, Ю. Карасик, А. Митта, Ю. Райзман, Г. Рошаль, П. Тодоровский, И. Хейфиц, М. Швейцер; киносценаристы Э. Брагинский, М. Вольпин, Е. Габрилович, А. Каплер, И. Нусинов и С. Лунгин, И. Прут; режиссеры документального кино И. Герштейн и Г. Франк; в мультипликационном кино – режиссер Ю. Норштейн, художники-постановщики Л. Мильчин и Л. Шварцман.

В 1960-х годах режиссеру М. Калику не утвердили к постановке сценарий фильма о Я. Корчаке, И. Хейфицу не разрешили снять фильм по повести Шолом-Алейхема «Тевье-молочник», а режиссеру В. Жалякавичусу – фильм «С нами Бог!» о еврейском гетто.

Не допустили к прокату фильм А. Аскольдова «Комиссар» по рассказу В. Гроссмана, действие в котором происходит в еврейском местечке с еврейскими персонажами.

В. Плучек был многие годы главным режиссером московского театра Сатиры, Г. Волчек руководила театром «Современник», режиссер А. Эфрос ставил спектакли в театре на Малой Бронной. Зрители разных городов ходили на спектакли по пьесам С. Алешина, Э. Брагинского, А. Володина, Л. Зорина, А. Крона, М. Рощина, М. Шатрова, А. Штейна, И. Штока.

На сценах театров выступали артисты, известные с довоенных времен: Ю. Глизер, Ц. Мансурова, Г. Менглет, Ф. Раневская, Л. Свердлин,

Б. Петкер, М. Прудкин. В 1960-е годы завоевали популярность в театре и кино: В. Гафт из московского театра «Современник», З. Гердт – актер Центрального театра кукол, Л. Бронево́й из театра на Малой Бронной, исполнитель роли главы гестапо Г. Мюллера в телевизионном сериале «Семнадцать мгновений весны», Э. Быстрицкая из Малого театра, Е. Весник, В. Зельдин, Е. Копелян, В. Никулин, В. Смехов, С. Фарада, А. Ширвиндт, В. Этуш – всех не перечислить.

2

М. Вайнберг создавал оперы, балеты, симфонии, струнные квартеты, романсы, музыку к театральным постановкам и кинофильмам (в том числе музыку к фильму «Летят журавли»). Многие работы композитора – сонаты, симфонии, симфониетты – основаны на еврейских темах и посвящены жертвам Катастрофы.

Еще с довоенных времен композиторы-евреи принимали участие в развитии национальных культур, создавая произведения, основанные на музыкальных традициях народов Советского Союза. В годы борьбы с космополитизмом к ним присоединились те, кто не мог найти работу в Москве, Ленинграде, Киеве.

Л. Книппер стал автором сюит на туркменские и бурятские темы; Е. Брусиловский сочинял казахские оперы и оркестровые произведения; С. Юдаков – узбекские оперы и оперетты, песни на стихи узбекских и таджикских поэтов. М. Раухвергер создавал оперы, балеты и симфонии на темы киргизской народной музыки; П. Берлинский – симфонические произведения на основе бурятского и монгольского музыкального фольклора; Д. Гершфельд – оперы и кантаты на молдавские темы.

Б. Зейдман работал в Азербайджане и Узбекистане, Б. Шехтман – в Туркмении; Ю. Мейтус создавал украинские и туркменские оперы; М. Копытман использовал темы украинского, молдавского и казахского фольклора; Л. Коган стал автором первого молдавского балета; Г. Литинский сочинял музыку на основе якутских народных мотивов.

Композитор С. Юдаков – автор гимна Таджикской ССР; Е. Брусиловский участвовал в создании гимна Казахстана.

Композитор М. Раухвергер написал в Киргизии оперу «Джамия»; к пятидесятилетию советской власти хор исполнил ораторию на слова и музыку А. Вайнера «Киргизия – мой край родной».

В послевоенные годы в стране и за рубежом выступали музыканты-исполнители старшего поколения: пианисты М. Гринберг, Я. Зак, Э. Ги-

лельс, Р. Тамаркина, Я. Флиер, М. Юдина; скрипачи Е. Гилельс, Б. Гольдштейн, Д. Ойстрах, Ю. Ситковецкий, М. Фихтенгольц; виолончелисты С. Кнушевицкий, Я. Слободкин, Д. Шафран. Среди педагогов, воспитавших многих учеников, были преподаватели Московской консерватории А. Ямпольский и Ю. Янкелевич. Э. Гилельса называли на Западе «великий среди самых великих пианистов нашего времени» (лауреат Ленинской премии, почетный член Лондонской королевской академии музыки).

После войны стали известны музыканты-исполнители следующего поколения, победители и лауреаты международных конкурсов:

пианисты – В. Ашкенази (первые премии на конкурсах пианистов в Брюсселе и Москве), Д. Башкиров, Л. Берман, Б. Давидович (первая премия на конкурсе в Варшаве), Е. Могилевский (первая премия на конкурсе в Брюсселе), Н. Штаркман (первая премия на конкурсе в Лиссабоне);

скрипачи – Г. Баринава, И. Безродный (первые премии на конкурсах скрипачей в Праге и Лейпциге), Н. Бейлина, Э. Грач, Б. Гутников (первые премии на конкурсах в Праге, Париже, Москве), Л. Коган (первая премия на конкурсе в Брюсселе, Ленинская премия в 1965 году), А. Марков, И. Ойстрах (первая премия на конкурсе в Познани), В. Пикайзен (первая премия на конкурсе в Генуе), Ю. Ситковецкий, Р. Соболевский, Н. Школьников (первая премия на конкурсе в Париже), Г. Фейгин (первая премия на конкурсе в Праге);

виолончелисты – Н. Гутман, М. Хомицер; органисты С. Дижур и Л. Ройзман.

С. Самосуд был главным дирижером Большого театра, а затем художественным руководителем оркестра Всесоюзного радио и телевидения. Б. Хайкин – главный дирижер Ленинградского театра оперы и балета, дирижер Большого театра; Н. Рахлин – главный дирижер Государственного симфонического оркестра Украины; Ю. Аранович – главный дирижер симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения; Р. Баршай – руководитель Московского камерного ансамбля; М. Бухбиндер – главный дирижер Новосибирского оперного театра; И. Зак – главный дирижер театра оперы и балета в Челябинске.

В Большом театре танцевала балерина М. Плисецкая, работал балетмейстер А. Мессерер, пел М. Рейзен; Ю. Реентович руководил ансамблем скрипачей Большого театра. В Ленинградском театре оперы и балета ставил спектакли балетмейстер Л. Якобсон.

Народная артистка СССР Н. Надеждина – основатель и бессменный руководитель танцевального ансамбля «Березка». Народный артист СССР Т. Израйлов руководил ансамблем танца Дагестана «Лезгинка», композитор Ш. Аранов – ансамблем молдавского народного танца «Жок».

Невозможно перечислить все песни, которые сочинили композиторы-евреи в послевоенные годы, назовем лишь некоторые. В. Баснер – автор песен «На безымянной высоте», «С чего начинается родина», «Березовый сок»; М. Блантер – «Летят перелетные птицы»; И. Дунаевский – «Летите, голуби», «Школьный вальс», «Ой, цветет калина»; С. Кац – «Сирень цветет»; Э. Колмановский – «Я люблю тебя, жизнь» и «Хотят ли русские войны»; А. Островский – «А у нас во дворе...» и «Пусть всегда будет солнце»; О. Фельцман – «Ландыши» и «Четырнадцать минут до старта»; М. Фрадкин – «Вальс о вальсе»; Я. Френкель – «Русское поле», «Журавли»; В. Шаинский – «Травы-травы»...

На стихи Е. Долматовского были написаны популярные песни «Сормовская лирическая», «Любимый город», «Если бы парни всей земли...»; на стихи М. Матусовского – «Подмосковные вечера», на стихи М. Танича – «Текстильный городок», «Ну что тебе сказать про Сахалин?» Работали в песенном жанре поэты И. Гофф, Е. Жарковский, М. Лисянский, М. Пляцковский, И. Шаферан...

Э. Рознер руководил эстрадным оркестром. Композитор К. Певзнер создал в Тбилиси популярный эстрадный ансамбль «Рэро». Исполняли песни по радио и на концертах М. Бернес, В. Бунчиков, А. Иошпе, М. Кристалинская, И. Кобзон, В. Мулерман, Л. Утесов.

В послевоенные годы продолжали работать художники старшего поколения Н. Альтман, Н. Каплан, А. Тышлер, Р. Фальк; работали без официального признания художники-авангардисты И. Кабаков, О. Рабин, Э. Штейнберг, В. Яковлев, В. Янкилевский, скульпторы Э. Неизвестный и М. Сидур.

М. Сидур говорил: «Мне приходилось слышать от многих своих коллег слова: «Если бы мне разрешили...» и даже «Если бы я разрешил себе...» Смешно и страшно ждать разрешения, ибо, когда оно наступит, художник уже не будет художником, а станет... просто человеком, делающим и говорящим дозволенное... Ни одному художнику нельзя безнаказанно наступать «на горло собственной песне», это неизбежно приводит к самоудушению».

3

Немного статистики.

В 1960–1961 учебном году в высших учебных заведениях Советского Союза учились 77 000 студентов-евреев – 3,2% от общего количества.

К 1970 году количество студентов страны увеличилось более чем на 2 миллиона, среди которых было 2,3% евреев (русские студенты – 59,6%, украинцы с белорусами – 16,4%). Несмотря на процентное уменьшение, студенты-евреи занимали по численности пятое место среди студентов разных национальностей в институтах и университетах.

Аспиранты-евреи составляли в 1970 году 5% от общего количества аспирантов страны (русские аспиранты – 59,9%, украинцы с белорусами – 14,9%).

С 1945 по 1970 год процент студентов-евреев в высших учебных заведениях страны уменьшился почти в 4 раза. Процент аспирантов-евреев сократился за тот же период в 3,5 раза.

К 1970 году количество научных работников в СССР увеличилось почти в 6 раз по сравнению с 1950 годом, увеличилось и количество евреев в научных институтах, однако в процентном отношении их стало в два раза меньше (в 1970 году евреи составляли среди научных работников 6,9%, русские – 66%, украинцы с белорусами – 12,8%). По общему количеству научных работников евреи находились на третьем месте после русских и украинцев, по количеству докторов наук – на втором месте после русских.

Несмотря на существовавшие ограничения, евреи оставались самой образованной группой населения Советского Союза. В 1970 году они составляли 5,2% от общего количества граждан страны с высшим образованием (русские – 58,9%, украинцы с белорусами – 18%). В том же году трудоспособное еврейское население СССР распределялось таким образом: специалисты с высшим образованием – 29,1%, квалифицированные рабочие – 18,6%, научные работники – 4,5%, в партийно-государственном аппарате – 0,5% евреев.

Если следовать цифрам статистики, положение евреев было замечательным, и это постоянно подчеркивали руководители государства, опровергая дискриминацию еврейского населения. Но если перейти от общей статистической оценки к отдельному молодому человеку, начинавшему свой путь, картина становилась иной. Тяга к знаниям была велика у еврейской молодежи, а потому сложности при поступлении в высшие учебные заведения, закрытие престижных институтов, трудности последующего поступления на работу создавали дополнительные напряжения в еврейских семьях.

Это заставляло искать выход из сложившейся ситуации: учебу в периферийных институтах, куда было легче поступить, выбор непрестижных профессий – вплоть до решения о выезде в Израиль.

В первые послевоенные десятилетия евреи успешно работали в физике, химии, математике, медицине и других областях науки. Им присваивали звания академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР и Академий союзных республик; их награждали престижным званием Герой Социалистического Труда и высшими орденами страны, они становились лауреатами Сталинской, Ленинской и Государственной премий.

Исследования по использованию атомной энергии начались в Советском Союзе в годы войны. Работы над созданием атомной бомбы проходили под контролем Л. Берия; главой научной части проекта стал И. Курчатов, главным конструктором – Ю. Харитон, главным теоретиком – Я. Зельдович.

Из воспоминаний о разработке советской атомной бомбы (1944 год):

«Юрий Борисович Румер, математик, физик и полиглот, кандидат в русские Оппенгеймеры. Его привезли к нам из Марийских лагерей: стоял май, было тепло, приехал он в опорках от валенок, задрапированный в чехол от матраца. Высокий, с иссиня-черными волосами, с разбитыми очками на большом носу, он походил в этом наряде на иудейского пророка...»

«(Румер) покорил нашу библиотекаршу, прочтя за месяц всю техническую литературу на английском, французском и немецком языках, ни разу не взяв ни одного словаря».

После войны было создано Первое главное управление Совета Министров СССР по разработке и производству атомного оружия – его руководителем назначили Б. Ванникова, который до этого занимал пост наркома по производству боеприпасов. Затем с той же целью образовали Министерство среднего машиностроения – Ванников стал первым заместителем министра.

Первое советское атомное устройство взорвали в августе 1949 года в Восточном Казахстане, на полигоне под Семипалатинском. Из воспоминаний: «В том, что мы ликвидировали американскую монополию на атомное оружие и продвинулись далеко вперед, большая заслуга... Бориса Львовича Ванникова...» – «Даже будучи очень больным человеком, чувствуя, что конец его недалек, Ванников работал с полной отдачей и самозабвением...» – «На его частые болезни сказывались, по-видимому, последствия ареста накануне войны. Его тогда здорово лупили...»

Генерал-полковник Б. Ванников умер в 1962 году, было ему 65 лет (трижды Герой Социалистического Труда, лауреат двух Сталинских

премий, шесть орденов Ленина, ордена Суворова и Кутузова 1-й степени; похоронен в Кремлевской стене на Красной площади).

Заместителем Ванникова был Е. Славский – с 1957 года министр среднего машиностроения, занимавшийся атомными разработками (трижды Герой Социалистического Труда, девять орденов Ленина).

Почти полвека Ю. Харитон руководил Всесоюзным научно-исследовательским институтом экспериментальной физики, расположенном в секретном городе Арзамас-16 на юге Горьковской (Нижегородской) области. В этом институте проводили научные исследования в области ядерной физики, разрабатывали новейшие образцы атомной и водородной бомбы; там работали специалисты разных национальностей, среди которых было немало евреев.

Академик Ю. Харитон стал трижды Героем Социалистического Труда, трижды лауреатом Сталинской и лауреатом Ленинской премий. Академик Я. Зельдович – также трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и четырех Сталинских премий. Академик И. Кикоин – научный руководитель работ по созданию технологии обогащения урана – дважды Герой Социалистического Труда, четырежды лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской и Государственной премий.

Из воспоминаний: «Кикоин знал идиш и иврит, историю и традиции еврейского народа... По субботам он не курил, прочитывал очередную недельную главу Торы и комментарии к ней. Соблюдал пост Судного дня, старался проводить этот день в синагоге».

Слева направо: академики Юлий Харитон, Яков Зельдович, Исаак Кикоин

Работы по созданию и усовершенствованию атомного оружия подкреплялись исследованиями многих ученых, в том числе и евреев; это – Г. Будкер, В. Векслер, В. Гинзбург, Л. Ландау, А. Лейпунский, И. Минц, И. Померанчук, Я. Сыркин, Я. Френкель, Б. Понтекорво, И. Шапиро, Ф. Шапиро...

Академик Г. Будкер занимался теорией атомных реакторов, теорией и расчетом ускорителей заряженных частиц (с 1957 года – директор Института ядерной физики Сибирского отделения Академии наук СССР, Сталинская и Ленинская премии).

Академик В. Векслер – автор фундаментальных трудов по теории ускорителей атомных частиц, руководил созданием первого в СССР синхрофазотрона (лауреат Ленинской премии).

Академик В. Гинзбург, физик-теоретик, автор работ по радиоастрономии, оптике, ядерной физике (в 1966 году стал лауреатом Ленинской премии, в 2003 году – лауреатом Нобелевской премии).

Академик Л. Ландау – один из крупнейших физиков-теоретиков двадцатого века, создатель различных научных теорий, один из основателей советской школы физиков-теоретиков. Член многих Академий мира, Герой Социалистического Труда, лауреат трех Сталинских премий, лауреат Ленинской, а также Нобелевской премии, которую ему присвоили в 1962 году. Институт теоретической физики Академии наук СССР носит имя Л. Ландау (создал семитомный фундаментальный курс теоретической физики совместно с академиком Е. Лифшицем, лауреатом Ленинской премии).

Академик И. Минц руководил после войны созданием ускорителей для исследований в области ядерной физики, а также проектированием радиолокационных систем противоракетной обороны страны (Герой Социалистического Труда, Ленинская премия, две Сталинские премии, четыре ордена Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени).

Академик И. Померанчук, физик-теоретик, один из создателей теории ядерных реакторов (две Сталинские премии, орден Ленина). Академик Б. Понтекорво, автор многих исследований по ядерной физике – родился в Италии, работал в главном научно-исследовательском центре Великобритании по ядерной физике, в 1950 году тайно уехал в СССР (Сталинская и Ленинская премии, два ордена Ленина).

Академик А. Иоффе, создатель советской школы физиков – в послевоенные годы получил Ленинскую премию за исследования в области полупроводников, стал Героем Социалистического Труда.

Академик А. Минц – директор Радиотехнического института Академии наук СССР, руководитель проектов крупнейших радиостанций страны (Герой Социалистического Труда, лауреат двух Сталинских и Ленинской премий, четыре ордена Ленина).

Академик И. Фридляндер создал высокопрочные алюминиевые сплавы, из которых изготавливали и изготавливают фюзеляжи истребителей, бомбардировщиков, пассажирских и транспортных самолетов, ракеты и космические летательные аппараты (Сталинская и Ленинская премии; в 2005 году Фридляндеру присвоили звание «Лучший ученый России»).

Академик А. Фрумкин – один из основателей теоретической электрохимии, создатель советской школы электрохимиков; благодаря его исследованиям стал возможным синтез различных химических соединений (член Академий наук многих стран, Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии, три ордена Ленина, три ордена Трудового Красного Знамени).

Академик Б. Вул – создал первый в СССР полупроводниковый генератор (Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской и Ленинской премий, четыре ордена Ленина). В. Цукерман, основоположник импульсной рентгенографии – Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и трех Государственных премий. Л. Канторович, математик и экономист – член Академий наук разных стран, лауреат Сталинской и Ленинской премий, в 1975 году стал лауреатом Нобелевской премии по экономике.

Физико-химик академик В. Гольданский, один из создателей новой области науки – ядерной химии (лауреат Ленинской премии, член Академий наук США, Германии, Дании, Швеции и других стран). Химик академик С. Вольфович – с 1963 года президент Всесоюзного химического общества. С. Рогинский, физико-химик, один из основателей школы физической химии в СССР. Биохимик академик А. Браунштейн – Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской и Ленинской премий, академик Национальной академии США. Химик академик Н. Эмануэль – Герой Социалистического Труда (Ленинская и Государственная премии).

Химики И. Казарновский, Я. Сыркин, Р. Фрейдлина. Химик и биохимик Л. Бергельсон. Физико-химики В. Левич, Д. Талмуд. Микробиолог В. Иоффе. Глава советской школы радиохимии И. Старик. Основатель и глава отечественной школы биомеханики физиолог Н. Бернштейн. Ученый-фармацевт М. Мошковский, внедривший в лечебную практику около ста лекарственных препаратов (Герой Социалистического Труда).

С. Хайкин изобрел новый тип радиотелескопа. А. Штернфельд, один из пионеров теории космических полетов, был награжден (совместно с Ю. Гагариным) международной премией за выдающиеся достижения в освоении космического пространства.

В годы войны основными истребителями военно-воздушных сил страны были самолеты Ла-5 и Ла-7 конструкции С. Лавочкина. После войны его конструкторское бюро создало первый в стране самолет со стреловидными крыльями Ла-160, а в декабре 1948 года Ла-176 впервые в СССР достиг скорости звука.

Напряженная работа в годы войны дала себя знать: в 1960 году Лавочкин умер на аэродроме во время испытания нового самолета. Было ему 60 лет – генерал-майор инженерно-авиационной службы, дважды Герой Социалистического Труда, четырежды лауреат Сталинской премии, награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красной Звезды (одну из московских улиц назвали его именем).

После смерти Лавочкина его конструкторское бюро занималось разработкой ракетных двигателей для космических кораблей; руководил КБ А. Эдлис.

М. Гуревич совместно с А. Микояном стал создателем самолета МиГ-3, который принимал участие в воздушных боях (МиГ – первые буквы фамилий Микоян и Гуревич). В 1946 году поднялся в воздух первый советский реактивный самолет МиГ-9, затем был принят на вооружение МиГ-15, родоначальник многих поколений истребителей этого типа. МиГ-19 стал первым серийным истребителем, который с полным вооружением преодолел скорость звука и достиг скорости 1450 километров в час.

М. Гуревич – генерал-майор инженерно-авиационной службы, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и пяти Сталинских премий, награжден четырьмя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

В начале 1950-х годов авиаконструктор Н. Черняков стал одним из создателей ракеты класса «земля–воздух» для противовоздушной обороны Москвы. Затем он руководил разработками ракет стратегического назначения «земля–земля», возглавлял проектирование сверхзвукового бомбардировщика и первых советских ракет «воздух–земля».

Конструкторское бюро М. Миля спроектировало после войны первый серийный вертолет Ми-1; затем последовали вертолеты Ми-6, Ми-8, Ми-10 и другие, установившие более 60 мировых рекордов. Самый грузоподъемный вертолет в мире конструкции Миля установил 8 мировых рекордов; в 1969 году он поднял груз весом 40 тонн на высоту более 2000 метров. Миль умер в 1970 году, было ему тогда 60 лет; в том же году его конструкторское бюро выпустило боевой вертолет

Ми-24 (М. Миль – Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий; Московский вертолетный завод назван его именем).

Конструкторское бюро А. Нудельмана разрабатывало авиационное вооружение, а затем противотанковые и зенитные управляемые реактивные снаряды (дважды Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской и Государственной премий).

Главный конструктор Л. Люльев занимался созданием ракетного вооружения (дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской, Ленинской и Государственной премий). Л. Локтев руководил разработкой зенитной артиллерии для армии и флота (трижды лауреат Сталинской и лауреат Ленинской премий); З. Персиц разрабатывал системы самонаведения ракет (Ленинская и Государственная премии); Б. Купенский награжден Ленинской премией за создание противолодочного корабля нового типа «Комсомолец Украины»; Г. Альтшулеру присвоена Ленинская премия за проектирование электрооборудования для подводных лодок.

Конструкторское бюро С. Косберга создавало различные виды жидкостных реактивных двигателей для самолетов и космических ракет; эти двигатели использовались для выведения на орбиту космических станций, а также автоматической межпланетной станции для облета Луны. (Косберг – Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии).

Во время первого полета в космос Ю. Гагарин воскликнул: «Косберг сработал!»; это означало – сработала третья ступень ракеты конструкции С. Косберга.

Вернувшись на землю, первый космонавт подписал Косбергу такой автограф: «Семену Ариевичу за третью ступень. Гагарин». Косберг погиб в 1965 году в автомобильной катастрофе, было ему 62 года.

Конструктор Семен Косберг

Б. Шапочник был в разные времена главным конструктором автомобильных заводов в Москве, Новосибирске, Минске, руководил Специальным конструкторским бюро большегрузной автомобильной техники (Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий). Г. Пивоваров в течение тридцати послевоенных лет работал главным инженером Тбилисского авиационного завода, где впервые освоили серийный выпуск реактивных истребителей Як-15.

Теоретические расчеты по созданию мощных турбин высокого давления производил А. Левин, их конструированием руководил М. Гринберг (лауреаты Сталинской и Ленинской премий). Ленинская премия была присуждена И. Кватуру, главному металлургу Уралмаша – за создание паровой турбины. Конструкторскими разработками по созданию крупнейших в мире гидротурбин для Братской, Красноярской и других гидроэлектростанций руководил С. Грановский (дважды лауреат Сталинской и лауреат Государственной премии).

В 1964 году конструктор Х. Изаксон получил Ленинскую премию за разработку и организацию массового производства зерноуборочного комбайна. В послевоенные годы геологическая партия Г. Файнштейна открыла в Якутии первое месторождение алмазов; крупное месторождение алмазов обнаружили затем геологи под руководством Е. Черного.

Герой Советского Союза Я. Верников испытывал после войны самолеты-истребители и самолеты для перевозки сверхтяжелых грузов на больших высотах с максимальной дальностью полета.

Летчик М. Галлай участвовал в противовоздушной обороне Москвы, бомбил тылы врага. Еще в военное время Галлай начал испытывать новые типы летательных аппаратов и занимался этим многие годы – поднимал в воздух опытные образцы первых советских реактивных истребителей, вертолетов, реактивный стратегический бомбардировщик.

Он испытал более ста новых самолетов, и в 1957 году полковнику Марку Галлаю присвоили звание Героя Советского Союза, а затем и звание Заслуженного летчика-испытателя. Защитил докторскую диссертацию, руководил научными работами в области аэродинамики, преподавал, писал книги, стал членом Союза писателей СССР (награжден тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды).

При жизни Сталина высшей наградой за выдающиеся достижения в области науки, техники, литературы и искусства была Стали-

нская премия, с 1957 года – Ленинская, а с 1966 года – также Государственная премия. К 1980 году среди награжденных Ленинской премией в области технических, физико-математических, химических наук и геологии было около 12% евреев, среди награжденных Государственной премией – 16%.

Звание Героя Социалистического Труда учредили в 1938 году. 16 человек в СССР стали трижды Героями Социалистического Труда, в том числе – Б. Ванников, Я. Зельдович, Е. Славский, Ю. Харитон. Среди дважды Героев Социалистического Труда физик И. Кикоин, конструкторы С. Лавочкин, Л. Люльев, А. Нудельман, председатель колхоза на Украине Л. Шлифер.

С 1938 по 1988 год более 100 евреев получили звание Героя Социалистического Труда: академик М. Кабачник, директор Московского станкостроительного завода М. Берман, главный инженер строительства Братской ГЭС А. Гиндин, балерина М. Плисецкая, композитор М. Блантер, артист А. Райкин, врач Г. Илизаров, колхозница Х. Карасик и другие.

В послевоенные годы работали в стране гебраисты, которым удавалось – несмотря на препятствия – заниматься научными исследованиями. Семитолог И. Винников – последний заведующий кафедрой ассирологии и гебраистики Ленинградского университета, закрытой в годы борьбы с космополитами – работал в области арабистики, арамеистики и изучения Талмуда.

Гебраист Л. Вильскер – автор многих работ по языкознанию и лексикографии – обнаружил неизвестные стихотворения еврейских поэтов Средневековья, в том числе 22 стихотворения Иегуды Галеви.

Публиковали свои работы гебраисты Н. Бабаикашвили, А. Газов-Гинзберг, Г. Глушкина, М. Зислин, Ю. Солодухо. И. Вейнберг занимался исследованиями библейского периода. Историк И. Амосин опубликовал работы «Рукописи Мертвого моря», «Находки у Мертвого моря», а также «Тексты Кумрана» – переводы кумранских рукописей и комментарии к ним.

Драматурги театра и эстрады послевоенных лет – В. Ардов, А. Арканов, В. Бахнов и Я. Костюковский, Г. Горин, В. Дыховичный и М. Слободской, М. Жванецкий, А. Каневский, В. Константинов и Б. Рацер, А. Курляндский и А. Хайт, Б. Ласкин, В. Масс и М. Червинский, В. Славкин, В. Поляков, А. Хазин.

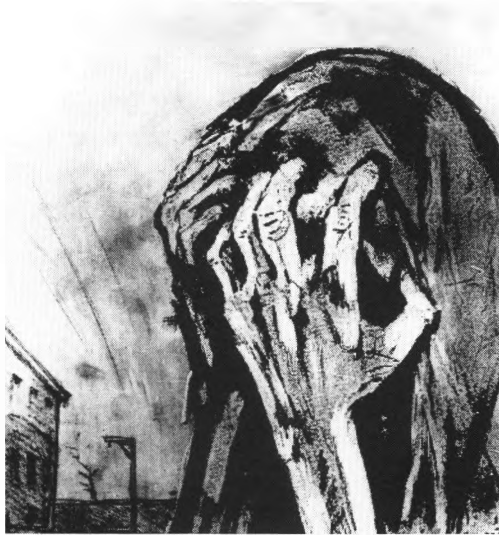
В 1957 году в Московском университете появилась театральная студия «Наш дом» – ее основатели А. Аксельрод, М. Розовский, И. Рутберг (Аксельрод был ведущим первых передач телевизионной программы КВН – «Клуб веселых и находчивых», в которой участвовало немало евреев).

Вольф Мессинг прославился в Европе ясновидением и предсказанием событий; в 1937 году, во время выступления в Варшаве, он заявил, что Гитлер потерпит поражение на Востоке. В конце 1939 года Мессинг бежал из Польши в СССР, выступал по разным городам – его известность была так велика, что Сталин пожелал встретиться с ним и убедиться в его необычайных способностях.

В 1940 году Мессинг предсказал: «Советские танки войдут в Берлин», а во время войны заявил публично, что она закончится победой в первую неделю мая 1945 года. В послевоенные годы продолжал выступать в СССР, изумляя зрителей; в 1968 году участники Международной конференции парапсихологов обсуждали «загадку Мессинга».

Очерк девяносто седьмой

Эхо Катастрофы

1

«Можно многое вспомнить, но очень больно. Сердце обливается кровью...»

«Пишу воспоминания, а слезы текут по щекам... За что такие мучения моему народу?..»

«Потеряно детство, не было юности, всё пережитое навсегда осталось в памяти и оказало влияние не только на нас с женой, но и на наших детей...»

«Все эти годы мне постоянно снится война, я ищу своих родителей, сестренку, прячусь, прячусь и прячусь...»

«Для меня война еще не закончилась... Прошло более пятидесяти лет, а мучительные воспоминания, болезни, страшные сны не дают покоя...»

«На моих глазах живьем бросили в ров моего шестилетнего ребенка и шестидесятидевятилетнюю мать. Я не могу чувствовать себя человеком со всеми наравне. Я тень. До сих пор не верю, что живу, что спасена...»

«Пусть Всевышний уберезет наших потомков от испытанного нами...»

Фира Штемберг (Коростень, Украина):

«Долго еще просыпалась ночами из-за страшных снов, в которых я опять была в оккупации или под бомбежкой. В декабре 1952 года серьезно заболела. Врачи признали активную форму ревматизма – возможно, последствие долгого нахождения в сырых цементных трубах. Отнялись ноги, заболело сердце, полгода лежала в постели и жила на уколах, а затем заново училась ходить. Но сердце продолжало болеть всю жизнь...

Проработала тридцать пять лет, а теперь – авария на Чернобыльской АЭС и трудное материальное положение нас доконают. Решила всё описать, ибо долго не протяну...»

2

В годы войны композитор М. Гнесин сочинил трио «Памяти наших погибших детей». В послевоенное время тема Катастрофы присутствовала в стихотворениях П. Антокольского и Я. Козловского, Л. Озерова и И. Сельвинского, в поэзии С. Головановского и Л. Первомайского на украинском языке, Р. Балясной и С. Галкина – на идиш.

В пьесе В. Пановой «Метелица» старая женщина – жена раввина ищет свою семью, которую уничтожили нацисты: «Я их зову – они не приходят. Я зову: Мойше, Шолом, Рувим, Сарра, – никто не приходит. Хожу всё время по комнатам, зову... Куда они ушли все сразу? И детей увели... Разве можно в такой мороз? В мороз детям надо давать горячее молоко, а то они заболеют... Где мои дети? Где мои внуки? Люди, отвечайте мне: куда вы их дели? Что вам сделали маленькие дети?..»

Война уходила в прошлое, жертвы Катастрофы уходили в прошлое, но воспоминания бередили раны: «Теперь Освенцим часто снится мне...» (Б. Слуцкий), «Это ставшая прахом Треблинка Жгучий пепел оставила в нем...» (С. Липкин), «Уходит наш поезд в Освенцим, Наш поезд уходит в Освенцим Сегодня и ежедневно...» (А. Галич)

Мужчины мучили детей.
Умно. Намеренно. Умело.
Творили будничное дело,
Трудились – мучили детей...

Н. Коржавин

Как убивали мою бабу?
Мою бабу убивали так...
Пуля взметнула волоса.
Выпала седенькая коса,
И бабушка наземь упала.
Так она и пропала.

Б. Слуцкий

Пой же, труба, пой же,
 Пой о моей Польше,
 Пой о моей маме –
 Там, в выгребной яме!..
 Тум-балалайка, шпил балалайка,
 Рвется и плачет сердце мое!..
 А. Галич

К теме Катастрофы обратился после войны рижский художник
 Иосиф Кузьковский; его композиция о трагедии Бабьего Яра
 «В последний путь» вывешена в здании кнесета, в Иерусалиме.

Израильская марка
 с изображением
 картины Иосифа
 Кузьковского.
 1983 год

В сентябре 1961 года в «Литературной газете» напечатали стихотво-
 рение Е. Евтушенко «Бабий Яр». Его первые слова:

Над Бабьим Яром памятников нет.
 Крутой обрыв, как грубое надгробье...

Заканчивалось стихотворение такими строками:

Еврейской крови нет в крови моей.
 Но ненавистен злобе заскорузлой
 я всем антисемитам,
 как еврей.

И потому – я настоящий русский!

Сразу после этого в газете «Литература и жизнь» появился «Мой от-
 вет» А. Маркова:

Какой ты настоящий русский,
Когда забыл про свой народ,
Душа, что брючки, стала узкой,
Пустой, что лестничный пролет...

Еще через несколько дней та же газета разъяснила читателям: «Стоя над крутым обрывом Бабьего Яра, молодой советский литератор нашел здесь лишь тему для стихов об антисемитизме! И, думая сегодня о погибших людях – «расстрелянный старик», «расстрелянный ребенок», – он думал лишь о том, что они – евреи. Это для него оказалось самым важным, самым главным, самым животрепещущим!..»

На встрече с деятелями культуры Хрущев критиковал Евтушенко «за выпячивание еврейской трагедии»: «В стихотворении дело изображено так, что жертвами фашистских злодеяний было только еврейское население, в то время как от рук гитлеровских палачей там погибло немало русских, украинцев и советских людей других национальностей. Из этого стихотворения видно, что его автор не проявил политическую зрелость и обнаружил незнание исторических фактов».

Никому не взбраниялось опубликовать повесть, роман, поэму о расстрелянных русских, украинцах или белорусах – вряд ли это вызвало бы такую реакцию, как на стихи Евтушенко. Бабий Яр стал для всего мира символом той Катастрофы – наряду с Трешлинкой, Освенцимом, Собибором, однако после выступления Хрущева стихотворение Евтушенко отказались напечатать в журнале «Советиш Геймланд»; многие годы «Бабий Яр» не включали в его поэтические сборники.

В декабре 1962 года в Москве состоялась премьера Тринадцатой симфонии Д. Шостаковича; в ее первой части вокальная партия написана на текст стихотворения «Бабий Яр». Симфония вызвала резкое недовольство партийных идеологов; Евтушенко пришлось внести исправления в текст, но лишь через несколько лет эта симфония вновь прозвучала в концертном исполнении.

3

Нехама Лифшиц (из киевских воспоминаний, 1959 год): «У меня в программе была песня «Бабий Яр»... Песня нелегкая, и я всегда исполняла ее в конце первого отделения, чтобы в антракте можно было передохнуть. Спела. Полная тишина в зале. Вдруг поднялась седовласая женщина и сказала: «Что вы сидите? Встаньте!» Зал встал, ни звука... Я была в полуобморочном состоянии...»

Певица исполнила «Колыбельную Бабьему Яру» композитора Р. Боярской на стихи О. Дриза – песню матери, потерявшей детей в Бабьем Яре:

Я повесила бы колыбельку под притолоку
И качала бы, качала своего мальчика, своего Янкеле.
Но дом сгорел в пламени, дом исчез в пламени пожара,
Как же мне качать моего мальчика?..
Я бы срезала свои длинные косы
И на них повесила бы колыбельку,
Но я не знаю, где теперь косточки моих деточек.
Помогите мне, матери, выплакать мой напев,
Помогите мне убаюкать Бабий Яр..
Люленьки-люлю...

На следующий день Н. Лифшиц вызвали в ЦК партии, запретили запланированные концерты в столице Украины, а затем целый год ей не разрешали выступать.

Певица Нехама Лифшиц

Киевские власти решили засыпать Бабий Яр – гигантский овраг, чтобы разбить на его месте стадион и парк с увеселительными площадками. В 1959 году писатель В. Некрасов опубликовал статью, возражая против этого кощунственного плана: «Веселиться и играть в футбол на месте величайшей трагедии – это недопустимо!»

Но работы уже начались. Намывали песок из Днепра, заполняли им овраг, и очевидцы вспоминали:

«Земля стала всходить опарой, пухла на глазах, но никто не обращал на это внимания. И вот, наконец, мартовским утром 1961 года перепол-

ненное до краев искусственное озеро обрушило глухую плотину... и ринулось по Бабьему Яру вниз бешеным селевым потоком.

Миллионы тонн глины и грязи с остатками человеческих костей хлынули по улицам, разрушили газовую станцию. Произошел взрыв, вспыхнул пожар... десятиметровый вал быстро достиг трамвайного парка, поглотил его, опрокинул вагоны, заживо похоронив рабочих и пассажиров. Ночью пригнали солдат... При свете прожекторов начали вытаскивать мертвых. Вдруг новая волна жидкой грязи и глины накрыла всех, кто там был.

Местная вечерняя газета сообщила о 145 жертвах, хотя по секретным милицейским сводкам их число превысило тысячу. Через несколько дней земля успокоилась, и вода ушла в грунт. Начали расчистку экскаваторами. Железные зубы ковшей то и дело извлекали из песка куски человеческих тел. Экскаваторщики отказывались работать...»

«В 1961 году прорвало дамбу. Хлынула вода, размыва земля, выплыли черепа и кости. Население твердило, что это мстит Бабий Яр...»

Работы по созданию парка прекратили, и в 1965 году объявили конкурс на памятник погибшим в Бабьем Яре. Все предложенные проекты отклонили, так как местное начальство решило, что в них излишне «много трагедии, мало борьбы советского народа против оккупантов». Памятника еще не было, но ежегодно, 29 сентября, в Бабий Яр приходили сотни, а затем и тысячи евреев, чтобы почтить память погибших. Там возникали импровизированные митинги, на которых говорили евреи и неевреи; в 1966 году выступали на митинге писатели Б. Антоненко-Давидович, И. Дзюба, В. Некрасов.

29 сентября 1971 года пришлось на Йом Кипур. Многие провели его в Бабьем Яре в посте и молитвах; на траурную церемонию, посвященную тридцатилетию трагедии, приехали евреи Москвы, Риги, Вильнюса, Ленинграда и других городов. Представители власти говорили о «советских гражданах – жертвах фашизма», не упоминая евреев; когда возлагали венки, специально выделенные люди проверяли надписи на лентах. Сорвали ленты с цитатой из Библии на русском языке и с надписью на иврите: «Евреям, убитым за то, что они евреи».

Уже установили памятники в местах уничтожения граждан Латвии, Литвы, Молдавии и Украины; создали мемориальный комплекс в память жителей белорусской деревни Хатынь, а в Бабьем Яре всё оставалось без изменений. В 1974 году 86 евреев Киева, Москвы, Тбилиси и Минска направили письмо в ЦК партии: «Нельзя объяснить отсутствие памятника в Бабьем Яре забывчивостью властей Украины... Может

быть, для него... не хватает средств? Но памятник стоит намного меньше стоимости одного из тысяч танков, поставляемых бесперебойно... арабским странам. Если всё же нет возможности сэкономить на поставках хотя бы одного танка, то... евреи СССР готовы собрать необходимые средства для сооружения памятника».

В 1976 году в Бабьем Яре появилась наконец многофигурная композиция четырнадцатиметровой высоты: солдат и моряк защищают женщину, кормящую грудью ребенка, в овраг падают жертвы расстрела. На памятнике поместили на украинском языке: «Советским гражданам и военнопленным солдатам и офицерам Советской армии, расстрелянным немецкими фашистами в Бабьем Яре».

На том месте побывал писатель Э. Визель, в прошлом узник лагерей уничтожения. Не обнаружив на памятнике слова «еврей», он написал в своей книге: «По какому праву вы лишаете их национальности? Они жили, работали, мечтали как евреи, и как евреи они приняли ужас, муки, смерть. По какому же праву вы отшвыриваете их в безымянность? Во имя чего вы искажаете само их существо?..»

В 1991 году на памятнике появилась новая надпись на трех языках – украинском, русском и идиш: «Здесь в 1941–1943 г. немецко-фашистскими захватчиками были расстреляны свыше ста тысяч граждан города Киева и военнопленных».

4

В 1941 году нацисты публично повесили в Минске трех подпольщиков. После войны на том месте установили мемориальную доску с барельефами погибших и надписью: «Здесь 26 октября 1941 года фашисты казнили советских патриотов К. Труса, В. Щербацевича и девушку – фамилия не установлена».

В казни подпольщиков участвовали солдаты литовского батальона; один из них сфотографировал повешенных, этот снимок неоднократно публиковали, и отец узнал свою дочь – семнадцатилетнюю еврейскую девушку Машу Брускину. Опознали ее родственники и бывшие одноклассники, подтвердила это и экспертиза специалиста, однако власти в Минске отказались признать эти свидетельства и продолжали именовать ее по-прежнему – «неизвестная героиня белорусского народа».

В 2006 году памятник Маше Брускиной установили в Израиле в молодежном центре Кфар га-Ярок – на пожертвования евреев, выходцев из Советского Союза.

Памятник
Маше Брускиной
в Кфар га-Ярок,
Израиль

В 1959 году в Девятом форте возле Каунаса открыли музей в память о побеге 64 узников, среди которых было 60 евреев, трое русских и одна польская женщина. Литовская киностудия выпустила художественный фильм «Шаги в ночи» о том событии, и в ленинградской газете «Смена» поместили рецензию на этот фильм: «Зимой 1943 года молодые подпольщики организовали массовый побег заключенных из настоящего ада. Многим удалось спастись. Но комсомольцы, подготовившие побег, погибли. Трем из них было присвоено звание Героя Советского Союза... Чтобы спаслись остальные, один должен был пожертвовать собой. Он остался в тюрьме. Это герой фильма – подполковник Алексас».

А. Файтельсон, один из организаторов побега: «Евреи в фильме показаны трусливыми, а литовцы, которых вообще не было среди сжигателей трупов, показаны героями, организаторами побега...» – «Многое из того, что было написано в газете «Смена», – сплошная выдумка. И конечно, никто из узников-беглецов не был награжден...»

А. Борщаговский (из воспоминаний 1964 года):

«В Политиздате должен был выйти сборник моих эссе «Безумству храбрых»... Подписанную к печати верстку книги задержал заместитель главного редактора... и приказал изъять из текста имя Анны Франк.

«Пусть заменит ее каким-нибудь вьетнамцем!» – сказал он... Можно и кубинцем, монголом, словаком... – главное, убрать Анну Франк. «Нашел героиню! – глумился он. – Пересиживала на чердаке, тряслась от страха!..»

Борщаговский настоял на своем, и книга вышла с именем Анны Франк, известным во всем мире.

В 1966 году в московском журнале «Юность» опубликовали документальную повесть А. Кузнецова «Бабий Яр», и большинство читателей впервые узнало подробности той трагедии. Повесть основана на свидетельствах очевидцев, однако цензура удалила из нее многие фрагменты для замалчивания различных аспектов Катастрофы, – вот несколько цензурных правок.

Убран абзац: «Когда вышел приказ (явиться к Бабьему Яру), девять евреев из десяти слыхом не слыхивали о каких-то фашистских зверствах над евреями. До самой войны советские газеты лишь расхваливали да превозносили Гитлера – лучшего друга Советского Союза – и ничего не сообщали о положении евреев в Германии и Польше...»

«В воротах и подъездах стояли жители, смотрели, вздыхали...» – продолжение абзаца убрано: «посмеивались или кричали евреям ругательства. Одна злобная старуха вдруг выбежала на мостовую, вырвала у старухи-еврейки чемодан и побежала во двор. Еврейка закричала, но в воротах ей заступили дорогу здоровенные усатые мужики... Я заглянул в щелку и увидел, что во дворе лежит уже целая куча отнятых вещей».

Убрано свидетельство Д. Проницовой, которой удалось выбраться из Бабьего Яра и добраться до ближайшей деревни: «Хозяйка позвала сына, мальчика лет шестнадцати: «Ванько, иды приведы немця...» Ванько почти сразу привел немца: «Ось, пан, юда!..»

5

В Румбульском лесу под Ригой нацисты уничтожили десятки тысяч евреев, и многие годы это был необрабатываемый участок колхозной земли, примыкавший к территории аэродрома. Со временем всё заросло травой, но места захоронения можно было выделить – там росли высокие фиолетовые цветы.

В октябре 1962 году в Румбулу приехали из Риги несколько человек и установили деревянную доску с надписью на идиш: «На этом месте был заглушен голос 38 000 евреев Риги. Ноябрь 29–30 – до декабря 8–9, 1941». Через месяц в Румбуле состоялся первый траурный митинг. Возложили

венки с шестиконечными звездами. Зажгли свечи. Прочитали поминальный кадиш. Рассказали о тех событиях и пропели песни узников гетто.

Местные власти согласились с проведением работ «по благоустройству мест массового захоронения», евреи принялись за дело, и участница тех событий вспоминала: «Я ездила в Румбулу с родителями, когда мне было восемь лет. Помню, там не было еще ни асфальта, ни памятников... Кругом лишь желтый песок, тут и там валялись какие-то серые камушки. Мне скрутили кулек из бумаги... и велели собирать в него эти камушки. Не помню, сколько таких кульков я собрала, только помню, что оказались они человеческими костями...»

Установили контуры захоронений. Возвели могильные холмы. Насыпали на них чернозем. По воскресеньям группы рижских евреев с мотыгами, лопатами и граблями отправлялись в Румбулу, убирали накопившийся мусор, высаживали цветы, прокладывали и посыпали гравием дорожки, копали ямы под фундамент будущих памятников. Активно участвовали в этом Марк Блюм, Давид и Мирьям Гарбер, Давид Зильберман, Бенцион Каплан, Эзра Русинек, Борис Словин, Калман Фрейзус, Шмуэль Цейтлин, Иосиф Шнайдер, Дов Шперлинг и многие другие. Работал вместе со всеми и латыш Янис Липке, «праведник народов мира», который в годы Катастрофы спас более 40 евреев.

Из воспоминаний: «Царила удивительная атмосфера солидарности, братства, духовного подъема... Закончив работу, люди собирались вместе. Кто-нибудь прочитывал заупокойную молитву, другой произносил краткую речь, третий читал свои стихи. От раза к разу речи становились смелее...»

«Не забыть и возвращения из Румбулы, когда в автобусе звучали израильские песни. Вид задорных еврейских ребят... был так непривычен, что однажды водитель автобуса воскликнул: «Откуда вы такие взялись?!»...»

Министерство культуры Латвии утвердило текст надписей на памятниках Румбулы, но в последний момент чиновники одумались и решили убрать надпись на идиш. Ш. Цейтлин послал телеграмму Хрущеву, приехал в Москву, и ЦК партии рекомендовал руководителям Латвии «по возможности учесть национальность жертв, погибших в этих местах».

В октябре 1964 года в Румбуле установили два памятника. На одном из них написано по-латышски, по-русски и на идиш: «Жертвам фашизма 1941–1944». На другом – по-латышски и по-русски: «В 1941–1944 годах здесь, в Румбульском лесу, были зверски расстреляны и замучены 50 тысяч советских граждан, политических заключенных, военнопленных и других жертв фашизма».

Год за годом евреи Риги и других городов приезжали в Румбулу на траурные церемонии. В 1971 году им заявили, что «на территории кладбища проводятся армейские учения, и вход категорически запрещен». Письмо протеста подписали 101 человек: «Советский Союз занимает гигантскую территорию, и нас трудно убедить в том, что один гектар земли, пропитанный кровью жертв нацизма, был необходим для проведения маневров».

Памятник
в Румбуле

6

Давно закончилась Вторая мировая война. Все народы, которых не обошла та беда, подсчитали и оплакали свои жертвы; оплакали и евреи жертвы Катастрофы, треть своего народа. Кто бы посмел поставить под сомнение боль и скорбь родителей, жен, осиротевших детей? Кому бы позволили подобное надругательство? По отношению к евреям это оказалось возможным.

После разгрома Германии появились люди, которые принялись отрицать не только количество еврейских жертв, но и саму Катастрофу, – это

явление существует по сей день. Статьи в газетах, книги, журналы – в США создали даже Институт пересмотра истории для переоценки причин и результатов Второй мировой войны, для реабилитации идеологии нацизма и его фюрера.

Каждый «отрицатель» Катастрофы изобретал и изобретает собственные доводы, чтобы заронить зернышко сомнения в душу неосведомленного современника. Утверждали и утверждают, что не существовало планов «окончательного решения еврейского вопроса», нацисты не совершали планомерного уничтожения евреев, а если где-то и происходили единичные случаи убийств, Гитлер не знал об этом, не отдавал на этот счет никаких приказов, а предполагал выселить всех евреев в Палестину.

Но это еще не всё. Утверждали и утверждают, что Освенцим, Треблинка, Собибор являлись «трудовыми лагерями», а не «конвейерами смерти». Пропускная способность газовых камер была настолько ограниченной, что не позволила бы уничтожить огромное количество людей. В этих камерах не применяли газ «Циклон-Б», ни один еврей в них не пострадал, потому что камеры использовали для дезинфекции вновь поступавших работников «трудовых лагерей». Никто, оказывается, не проектировал газовые камеры, не загонял туда очередные жертвы, не сгребал бульдозерами голые тела, не проводил медицинские эксперименты на людях.

И это не всё. Выжившим очевидцам массовых убийств отказывали и отказывают в праве на достоверные показания: «Нельзя доверять памяти престарелых свидетелей». Не было массовых убийств в Бабьем Яре. Дневники Анны Франк являются подделкой. Погибло не 6 миллионов, а максимум – 300 000 евреев, умерших естественной смертью от болезней и тягот военного времени. Катастрофа, газовые камеры, бесчеловечность убийц, гигантские рвы с расстрелянными – это еврейская выдумка, миф, созданный и поддерживаемый сионистами, чтобы добиться международной поддержки для создания Израиля и получения репараций из Германии.

Тысячи воспоминаний, сборники документов, фотографии и документальные фильмы, музейные архивы, статьи и речи лидеров Третьего рейха, свидетельские показания нацистских преступников, приговоры Нюрнбергского суда, процесс над А. Эйхманом в Иерусалиме – ничто не может переубедить и не убедит тех, которые отказывают евреям в праве на их жертвы.

Шарлотта Дельбо, французская писательница (узник Освенцима):

О, вы, искушенные,
известно ли вам,
что взгляд сияет от голода

и тускнеет от жажды?
О, вы, искушенные,
известно ли вам,
что можно увидеть труп матери
и не проронить ни слезинки?
О, вы, искушенные,
известно ли вам,
что день бывает длиннее года,
а минута – дольше жизни?..
Известно ли вам,
что страдание беспредельно,
а ужас бездонен?
Знаете ли вы всё это,
вы, искушенные?..

7

Й. Геббельс, из дневника (февраль 1942 года): «Фюрер еще раз потребовал беспощадно очистить Европу от евреев... Мы не должны чувствовать по отношению к ним никакой жалости и сочувствия... Еврейский вопрос следует решить в общеевропейском масштабе».

Современные психиатры считают Гитлера параноиком. Если согласиться с подобным диагнозом, придется признать, что последователи фюрера страдали и страдают тем же заболеванием. Параноики разных стран обращаются к низменным чувствам людей, к их антисемитским настроениям, которые запрятаны в глубинах сознания и способны проявиться при умелом воздействии.

И. Бауэр, израильский исследователь Катастрофы:

«В последнее время стало модным полагать, что антисемитизм не может служить объяснением Катастрофе... Но отрицание связи между этими двумя явлениями порождает очень простой вопрос: если не существует взаимосвязи между антисемитизмом и Катастрофой, тогда почему спрашивается, нацисты убивали евреев, а не велосипедистов?..

Нацистский антисемитизм был основой мотивации, которая привела режим к массовому убийству евреев... Это оказалось возможным... вследствие солидарности с режимом огромной массы немецкого народа, особенно интеллигенции, которая стала приводным ремнем между элитой и остальным населением...»

О том же говорил и Э. Визель, узник Освенцима. После суда над Эйхманом он отметил:

«Всюду, где местное население противилось депортации своих еврейских граждан, – это установлено, это неоспоримый факт, – «продуктивность» была низкая, не удовлетворяющая нацистов... В Дании почти все евреи были спасены. Во Франции, Бельгии, Голландии, где на антиеврейские действия плохо реагировали, представители Эйхмана не преуспели в выполнении своей задачи, вызвав горькое разочарование в Берлине.

Но там, где само население стремилось стать «юденрайн» – свободным от евреев, там телячьи вагоны с человеческим грузом беспрепятственно катились в ночь».

Эли Визель: «Мыслящий христианин знает, что в Освенциме погиб не еврейский народ, там умерло христианство...» – «Христиане предали Иисуса куда больше, чем иудеи...»

В начале 1960-х годов Ватиканский собор отменил прежние представления о том, что все евреи во все времена виновны в смерти Иисуса. Один из священнослужителей заявил на соборе: «В течение многих веков, и даже в наше время христиане бросали это обвинение в лицо евреям. Словом «богоубийцы» оправдывали всевозможные ужасные поступки... убийство, уничтожение... Нам следует осудить это слово, которое на протяжении веков способствовало стольким гонениям. Мы должны изъять его из христианского словаря, чтобы никогда впредь его не использовали против евреев».

Папа Иоанн XXIII составил молитву для чтения в католических костелах и назвал ее «Акт раскаяния»: «Мы сознаем теперь, что многие века были слепы, что не видели красоты избранного Тобой народа, не узнавали в нем наших братьев. Мы понимаем, что клеймо Каина стоит на наших лбах. На протяжении веков наш брат Авель лежал в крови, которую мы проливали, источал слезы, которые мы вызывали, забывая о Твоей любви. Прости нас за то, что мы проклинали евреев. Прости нас за то, что мы второй раз распяли Тебя в их лице. Мы не ведали, что творили».

В 1998 году специальная Папская комиссия по религиозным отношениям с иудаизмом и еврейством выпустила документ, одобренный папой Иоанном Павлом II. В документе есть такие слова:

«Католическая церковь желает выразить глубокое сожаление за ошибки и прегрешения своих чад во все времена. Церковь с глубоким состраданием преклоняет голову перед страданиями еврейского народа, который пытались уничтожить во время Второй мировой войны, перед испытанием Катастрофы.

Это не простые слова. Это обязательство, которое все мы на себя берем... Это – тяжелый груз на совести христиан, живших во времена Второй мировой войны, и он должен быть для нас причиной раскаяния...

Общее будущее христиан и евреев требует, чтобы мы помнили, ибо «нет будущего, если теряется память» (слова папы Иоанна Павла II)...»

8

Особое положение сложилось в Советском Союзе. Не было музеев Катастрофы, ученые не разрабатывали эту тему, учебники истории о ней умалчивали, на местах массовых расстрелов еврейского населения указывали на памятниках – «мирные советские граждане»; мало кто знал в СССР, что людей поголовно уничтожали лишь за их принадлежность к еврею. Многолетнее замалчивание Катастрофы (Холокоста) создало благоприятную почву для отрицания ее страшных результатов.

Антисемитская
карикатура
1960-х годов

В 1970-е годы вышли очередные тома Большой советской энциклопедии. В статье «Германия» не оказалось даже упоминания о том, что в этой стране жили евреи и какая судьба их постигла. В статье «Освенцим», описывая убийство граждан разных стран, не сообщили, что в том лагере погибло более 1 миллиона евреев. В статье «Великая Отечественная война» указали, что нацисты предусматривали «уничтожение на оккупированных территориях до 30 млн. мирного населения», а также «выселение в течение 30 лет около 50 млн. поляков, украинцев, белорусов, литовцев, латышей и эстонцев...», – еврейские жертвы Катастрофы в этой статье отсутствовали.

1982 год, «Военно-исторический журнал»: «Гнусная спекуляция сионистов на жертвах гитлеризма ставит под сомнение цифру

6 миллионов евреев... Не будь сионистско-нацистского альянса, количество евреев, уничтоженных фашистами... было бы еще меньше».

В 1991 году Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси, побывал с визитом в США и обратился с посланием к американским евреям: «Дорогие братья, Шалом вам во имя Бога любви и мира, Бога отцов наших, который явил Себя угоднику Своему Моисею в Купине Неопалимой и сказал: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» (Исх. 3,6)»

В своем послании Алексей II цитировал высказывания православных богословов прежних времен: «Мы должны быть едино с иудеями...» – «Еврейский народ близок нам по вере. Ваш закон – это наш закон, ваши пророки – это наши пророки... Мы желаем жить с вами в мире и согласии, чтобы никаких недоразумений, вражды и ненависти не было между нами...»

Прекрасные намерения, замечательные слова – услышат ли их те, к кому они обращены?..

В 1990-е годы московская газета «Дуэль» публиковала статьи с заголовками «Афера Холокоста», «Холокост – оружие иудейского нацизма», «Тайна газовых камер». Содержание статей: «жиды определяли, кому идти в газовые камеры», Холокост понадобился для оправдания «еврейского нацизма» и «выкачивания компенсаций», Освенцим – пересыльный пункт для отправки евреев в Палестину и прочее.

В конце двадцатого века появились публикации, авторы которых отрицали массовое уничтожение евреев в Бабьем Яре. Из газеты «Вечерний Киев»:

Евреев не расстреливали – «це вигадка (выдумка) совецької пропаганди», а «повели до станції, де були підготовлені вагони, і вивезли, мабуть, до околиць (окрестных) колгоспів або спустошеного Мінська...»

«Не без помощи раввинов и их прислужников было запланировано убийство фашистами нескольких тысяч евреев на Лукьяновском кладбище рядом с Бабьим Яром в конце сентября 1941 года...»

«Відсоток (процент) єврейського населення, розстріляного поблизу Бабиного Яру, порівняно (по сравнению) із жертвами інших (других) національностей, дуже незначний (очень незначителен)...»

В 1996 году появилась брошюра, в которой сказано: «В Бабьем Яре было расстреляно три тысячи евреев, а они эту цифру раздули до ста пятидесяти тысяч».

В 1939 году, после присоединения Западной Украины к Советскому Союзу, на территории СССР оказался Шимон Визенталь, житель Львова. В июне 1941 года Красная армия оставила город, местные жители схватили Визенталья вместе с другими евреями и поставили к стенке. Их расстреливали по одному, не торопясь, но зазвонили церковные колокола, и кто-то сказал: «Пока достаточно. Подошло время молитвы». Оставшихся в живых заперли в сарае и приставили стражу. Ночью один из охранников, бывший сослуживец Визенталья, вывел его из сарая и привел в свой дом – это было первое его спасение.

Затем Визенталь попал в гетто Львова, работал маляром; однажды он решил умереть и попросил карателя убить его. Но тот ответил, что еврей не вправе умирать по своему желанию: «Здесь я решаю». Из гетто Визенталья отправили в Яновский лагерь, и в апреле 1943 года группу евреев вывели на расстрел. Их поставили перед ямой, начали убивать, но неожиданно прибежал немец, руководитель работ, и потребовал, чтобы ему вернули маляра. Девятнадцать человек были расстреляны, Визенталь остался в живых – это было второе его спасение.

Он бежал из лагеря, пришел в дом своего знакомого, выкопал под полом яму и спрятался. Визенталья обнаружили во время обыска, и тогда он перерезал себе вены, лишь бы не возвращаться в лагерь. Но ему не дали умереть и наложили повязку, чтобы расстрелять публично, в назидание другим заключенным. Во время налета авиации рвались бомбы, поднялась суматоха, Визенталь опять бежал – это было третье его спасение.

Его снова поймали, и снова были лагеря – Гросс-Розен, Бухенвальд, Маутхаузен; в мае 1945 года, после освобождения, он весил 45 килограммов.

Из воспоминаний Ш. Визенталья:

«Большинство моих товарищей в бараке апатично лежали на нарах. После краткой вспышки жизненной энергии они переживали приступ подавленности. Теперь, когда можно вернуться к жизни, стала ясна бессмысленность их существования: они избежали смерти, но у них не было близких, ради кого стоило жить, не было места, куда хотелось бы возвратиться...

Следовало что-то сделать, чтобы не стать таким же безразличным. Сделать такое, что убергло бы меня от постоянных кошмаров. И я совершенно точно знал, что могу и что я обязан сделать...»

После войны он открыл в Австрии Центр по розыску нацистских преступников. Визенталь и его помощники искали их в разных странах; они способствовали поимке и передаче в руки правосудия более 1000 человек, среди которых оказались коменданты лагерей уничтожения

Треблинки и Собибора, комендант гетто Вильнюса, а также А. Эйхман, приговоренный в Иерусалиме к смертной казни.

Шимон Визенталь, «охотник за нацистами», занимался розысками более 50 лет, до последнего своего дня. Он получил высшие награды многих государств; его книги переведены на разные языки; о жизни и деятельности этого человека сняты художественные фильмы.

В 1968 году в московском еженедельнике «За рубежом» напечатали отрывки из книги Визенталя «Убийцы среди нас» и сообщили об авторе: «Добровольный следователь, действующий во имя памяти жертв гитлеризма и торжества справедливости, он уже многие годы добивается своей цели...» Прошло несколько лет, и московская газета опубликовала статью с иным содержанием:

«Наиболее важным (для израильской службы безопасности) считается шпионско-диверсионный центр Симона Визенталя... Параллельно с заявлениями о нацистах... Визенталь занимается активным распространением насквозь лживой версии об антисемитизме в социалистических странах... Визенталь и его Центр всегда находятся в центре антисоветских, антикоммунистических акций империализма и его пропагандистского аппарата».

10

В 1970 году в Винницкой области поставили памятник на том месте, где находился лагерь Печора, один из самых страшных лагерей в румынской зоне оккупации. Надпись на иврите гласит:

«Здесь лежат евреи, безжалостно загубленные фашистскими убийцами, чьи руки обогреты кровью. Тысячи мужчин, женщин и детей умерли в Печоре ради прославления Имени Всевышнего с 1941 по 1944 год. Да проявит Всевышний милость к ним и отомстит за их кровь».

Надпись по-русски отличается от предыдущей и не упоминает про евреев:

«Задумайся, человек! Тысячи этих несчастных людей не дожили до победы. Немецко-фашистские палачи и их полицаи зверски оборвали дыхание, голоса, мысли и жизни женщин, детей и стариков. Их смерть словами не описать. Это твоя мать, твой отец, твои братья и твои сестры, погибшие за всё то, чему ты обязан своей счастливой жизнью.

Не страдай, но проникнись ненавистью и поклянись, что никогда не допустишь повторения таких жертв. Поддерживай живой светлую память о них в твоих потомках. Не забудь! Это они завещали».

10 июля 1941 года польское население Едвабно Белостокской области уничтожило сотни евреев: одних убили, других сожгли заживо, их дома разграбили. Через 60 лет после этого в Едвабно состоялась траурная церемония; президент Польши А. Квасьневский попросил у евреев прощения «от своего имени и от имени тех поляков, чью совесть терзает это преступление».

Польша разделилась на два лагеря. Одни говорили, что потомки не несут ответственности за поступки своих предков, так как у них не было возможности повлиять на те действия; другие полагали иначе: если нация гордится великими делами своих предков, то она не освобождается и от чувства стыда за позорные поступки прежних поколений.

Через годы после войны один из немцев сказал на встрече с выжившими узниками гетто и лагерей: «Между нами стоят 6 миллионов убитых евреев. Мы лично не виноваты в этом убийстве, – в то время мы были детьми, – но... это часть нашей истории, и существует обязанность ее признать. Вместе с домом своих родителей мы наследуем историю этого дома».

В 1967 году в Меджибоже на Украине, на месте расстрела более 3000 евреев, не разрешили установить памятник с надписью на идиш; в тексте на русском языке слово «евреи» заменили на «узники меджибожского гетто». В том же году в городе Климовичи в Белоруссии удалили шестиконечную звезду с памятника убитым в годы Катастрофы. Подобное произошло в белорусской деревне Камень: шестиконечную звезду заменили на пятиконечную, а в надписи «Под этим курганом покоятся 177 мирных советских жителей, евреев местечка...» затерли слово «евреев».

В 1970-х годах минские власти использовали разные средства, чтобы сорвать траурные церемонии возле памятника погибшим евреям: глушили голоса выступавших, разгоняли собравшихся, агенты КГБ фотографировали присутствующих.

Из Краткой энциклопедии Литвы (1989 год): «В годы оккупации на территории Литовской ССР было убито или замучено примерно 700 000 человек, в том числе 229 000 советских военноплен-

ных, более 370 000 жителей ЛитССР и примерно 100 000 граждан других советских республик и оккупированных государств Европы. Только в Понарах (окраина Вильнюса) уничтожено примерно 100 000 человек, в Девятом форте (предместье Каунаса) примерно 80 000 человек...»

Об уничтоженном еврейском населении не сказано ни слова (в годы оккупации погибло 220 000 евреев Литвы, 95% довоенного количества).

В песчаном карьере на окраине украинского города Славута немцы производили массовые расстрелы евреев, военнопленных, прочих граждан. В 1981 году в московскую газету «Известия» поступило письмо: «Долгие годы из карьера брали для строительства песок с человеческими костями. Лишь несколько лет назад это было запрещено. Но до сих пор... на поверхности лежат останки погибших здесь людей... Место это не огорожено. Сюда прибегают дети, роются в песке, играют человеческими костями...»

И. Бауэр, израильский исследователь Катастрофы:

«В Библии записаны Десять заповедей. Вероятно, мы должны к ним добавить еще три. Ты, твои дети и дети твоих детей никогда не должны быть преступниками. Ты, твои дети и дети твоих детей никогда не должны быть жертвами. Ты, твои дети и дети твоих детей никогда не должны быть пассивными наблюдателями при массовых убийствах, при уничтожении народов и – мы надеемся, что это никогда не повторится, – при трагедиях, подобных Катастрофе».

Часть двадцать первая

СССР и Израиль. Борьба за выезд из Советского Союза

Очерк девяносто восьмой

Арабо-израильские войны и политика СССР

1

Летом 1952 года в Египте произошел государственный переворот. Участники подпольной группы «Свободных офицеров» свергли короля Фарука, провозгласили республику, и вскоре египетское правительство возглавил подполковник Гамаль Абдель Насер.

В 1955 году английские войска ушли из зоны Суэцкого канала, и Насер оказался правителем независимого Египта. Это был молодой честолюбивый офицер, который мечтал стать лидером мусульманского мира; в 1948 году, во время войны с Израилем, Насер попал в плен и желал теперь взять реванш за поражение.

Его ближайший соратник заявил: «Египет не отступит, пока не сотрет позор палестинской войны... Мирного договора с Израилем не будет. Даже если бы Израиль состоял из одного Тель-Авива, мы никогда не примирились бы с этим».

Коммунистическая партия Египта находилась в подполье; коммунистов вылавливали по всей стране и отправляли за решетку, но это не смущало кремлевских руководителей. С 1955 года Москва начала активное

сближение с Египтом и Сирией; Министерство иностранных дел СССР сообщило, что «в интересах мира... Советский Союз сделает всё, чтобы установить более близкие отношения со странами Ближнего Востока».

В сентябре 1955 года Египет и Чехословакия подписали тайное соглашение о продаже египтянам чехословацкого оружия, производимого по советским лицензиям. В том же месяце Насер публично заявил о закупках этого оружия; он намеревался получить сотни танков и бронетранспортеров новейшего образца, 100 самоходных пушек, 500 орудий, 200 истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов, а также эсминцы, торпедные катера и подводные лодки.

Это вызвало ликование в арабском мире; многие поверили, что близок час победы, и радио Каира сообщило: «Приближается день гибели Израиля. Не будет мира на границе, ибо мы требуем мести, а месть означает смерть Израиля».

1 октября ТАСС опубликовал сообщение о том, что Советский Союз не имеет никакого отношения к поставкам оружия из Чехословакии.

Огромное количество боевой техники, которую Чехословакия собиралась поставить Египту, нарушало равновесие сил на Ближнем Востоке. Израиль попросил оружие у американцев, но правительство США отказало; над государством нависла опасность, и в стране начался сбор средств на нужды обороны: жертвовали деньги и ценные вещи, дети вытряхивали монеты из копилки, взрослые отдавали часы и обручальные кольца.

С территории Синайского полуострова происходили непрерывные вылазки египетских диверсантов. Они переходили границу и разрушали водонапорные башни, подрывали железнодорожные пути, стреляли по автомобилям на дорогах, забрасывали гранатами дома в еврейских поселениях. В апреле 1956 года диверсанты напали на синагогу в Негеве, где находилась группа детей, – пятеро были убиты, четверо ранены; газеты Израиля опубликовали фотографии оскверненных свитков Торы.

Египтяне закрыли Тиранский пролив для прохода израильских кораблей в Красное море, и каирское радио провозгласило: «Плачь, Израиль, день уничтожения близится!»

2

Насер возглавил «борьбу с империализмом» на Ближнем Востоке, и его действия начали препятствовать интересам европейских государств в Средиземноморском регионе. У Франции и Израиля возникла общ-

ность интересов; две страны договорились о военном сотрудничестве и перевооружении Израиля. Летом 1956 года из Франции, в обстановке строжайшей секретности, приплывали корабли, с которых сгружали по ночам танки, самолеты, снаряды и управляемые ракеты.

В июле того года Насер объявил о национализации Суэцкого канала, большинство акций которого принадлежало британскому правительству. Египетские войска заняли зону канала; Советский Союз заявил, что «этот акт является совершенно законным, вытекающим из суверенности Египта», и наложил «вето» на франко-британский проект резолюции Совета Безопасности, требовавший передать зону канала в ведение международной администрации.

По Суэцкому каналу шли поставки нефти из арабских стран. Его закрытие создавало угрозу стратегическим интересам Великобритании и Франции, и потому возник план: Израиль атакует Египет на Синайском полуострове, а англичане и французы – под предлогом защиты судоходства – введут в зону канала свои войска и попутно свергнут Насера. У Израиля были собственные интересы: прорвать блокаду Тиранского пролива и ликвидировать проникновение диверсантов с территории Египта; надо было спешить, пока египтяне не освоили новое советское вооружение, – так началась Синайская кампания 1956 года.

29 октября израильские парашютисты высадились на перевале Митла в центре Синайского полуострова. Неожиданный захват перевала – узкого горного прохода в ущелье – привел к тому, что Южный Синай был отрезан от Северного, где находились основные силы египтян. Вслед за этим сухопутные войска Израиля двинулись в глубь Синайского полуострова.

Авиация Франции и Великобритании атаковала египетские аэродромы, союзная эскадра отправилась к берегам Египта, 5 ноября французские и английские солдаты высадились на египетском побережье, но к тому дню боевые действия в Синае уже закончилась. Поражение Египта было полным, треть армии разбита, авиация практически уничтожена; израильская армия захватила за несколько дней Синайский полуостров, превосходивший Израиль по площади в два с половиной раза, и вышла к Суэцкому каналу.

Трофеи оказались огромными: египтяне бежали и бросили орудия, танки, автомашины; несколько тысяч египетских солдат обменяли на четырех израильтян, которых египтянам удалось захватить в плен.

Советский Союз направил в Иерусалим резкую ноту: «Правительство Израиля преступно и безответственно играет судьбой мира, судьбой

собственного народа», а потому эти действия ставят «под вопрос существование Израиля как государства». Советского посла отозвали из Тель-Авива. Московское радио сообщило, что «Египет попросил об отправке советских добровольцев». Заговорили об угрозе Третьей мировой войны; Соединенные Штаты оказывали давление на союзников Израиля – 6 ноября правительства Франции и Великобритании согласились на прекращение огня, так и не захватив зону Суэцкого канала.

На следующий день Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за немедленный вывод израильских войск с Синайского полуострова – в обмен, как тогда говорили, на «подлинную гарантию». Израиль очутился в изоляции, и к марту следующего года его войска ушли из Синая. Чрезвычайные силы ООН заняли позиции на границе с Египтом, выход в Красное море был снова открыт для израильских кораблей, наступило относительное затишье.

Г. Меир вспоминала: «После Синайской кампании мы остались почти одиночками, весьма непопулярными и совершенно непонятыми... Мы пытались убедить весь мир, что если отступим к линии перемирия... то новая война на Ближнем Востоке будет неизбежна...»

Так оно и произошло через десять лет.

3

По окончании той войны в «Правде» опубликовали письмо протеста группы евреев: «Правительство государства Израиль совершает преступление перед всем человечеством и перед своим народом... Евреи, граждане Советского Союза... вместе со всем советским народом и народами всего мира требуют: руки прочь от Египта!»

Письмо подписали композитор М. Блантер, гроссмейстер Д. Бронштейн, генерал-полковник Я. Крейзер, режиссеры М. Ромм и Ф. Эрмлер, писатель Н. Рыбак, дирижер Б. Хайкин и другие.

В газетах и по радио началась кампания против «авантюристической политики правящих кругов Израиля». Расписывали «бесчинства израильских захватчиков на египетской территории», «массовые убийства беззащитного мирного населения, включая женщин и детей», «вакханалию грабежей и погромов», «варварские репрессии» на территории Синая, «где израильские войска, руководствуясь исключительно жадной мести, расстреливали гражданское население».

Отношения Москвы и Иерусалима продолжали ухудшаться. В начале 1957 года СССР прекратил поставки нефти – это были санкции за

«агрессию против Египта»; в конце того года Хрущев заявил с угрозой: «Если Израиль будет продолжать свою теперешнюю политику, он будет уничтожен».

В 1957 году получили разрешения на выезд в Израиль 149 человек, в 1958 году – 12, в 1959 году – 7 (здесь и далее – цифры примерные, незначительно отличающиеся у разных исследователей).

Цви Валк (Рига): «С 1957 года мы начали подавать документы на выезд, и это продолжалось... 14 лет. Ответ был один: никакого разрешения не может быть, вы не поедете и не повезете трех солдат для Израиля».

Советский Союз безоговорочно поддерживал арабские страны на Ближнем Востоке и снабжал египтян современным оружием; среди прочего они получили скоростные танки Т-54, истребители МиГ-21 и бомбардировщики Ту-16, оснащенные ракетами «воздух–земля». Франция поставляла Израилю боевые и транспортные самолеты, пушки, ракеты «воздух–воздух»; с помощью французского оборудования соорудили в Негеве атомный реактор. В 1960 году состоялась первая встреча Д. Бен-Гуриона с канцлером Германии К. Аденауэром; с этого момента Израиль начал получать немецкие танки, самолеты, вертолеты, электронное оборудование.

В апреле 1964 года торжественно отпраздновали 70-летие Хрущева, вручили ему золотую звезду Героя Советского Союза (в дополнение к трем звездам Героя Труда); газеты печатали снимки именинника в окружении ближайших соратников, которые восхваляли «крепкое физическое здоровье и ясный ум» юбиляра, «находящегося в расцвете своих сил и способностей». В мае Хрущев приехал в Египет на открытие первой очереди Асуанской плотины. Его наградили высшим египетским орденом «Ожерелье Нила»; в ответ Хрущев распорядился, чтобы президенту Насеру и вице-президенту А. Амеру присвоили звания Героев Советского Союза.

Затем подошел октябрь 1964 года. Неожиданно для Хрущева его освободили от обязанностей первого секретаря ЦК партии и председателя Совета Министров «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Осудили «волюнтаризм» Хрущева, который «возомнил себя непогрешимым», нарушал «ленинские нормы партийного руководства», «грубо навязывал свою субъективную, часто совершенно неправильную точку зрения», «систематически занимался интриганством, стремился всячески поссорить членов Президиума друг с другом» и прочее.

Первым секретарем ЦК партии стал Л. Брежнев, председателем Совета Министров – А. Косыгин, но политика Кремля по отношению к Израилю не изменилась.

Наибольшую враждебность в то время проявляла Сирия. С ее территории проникали в Израиль террористы; сирийцы обстреливали с Голанских высот еврейские поселения в долине, израильские рыбаки на озере Кинерет становились мишенью сирийских снайперов; дети в пограничных поселениях спали в бомбоубежищах, а жители выходили на полевые работы в сопровождении солдат. Совет Безопасности ООН попытался осудить Сирию за положение на сирийско-израильской границе, но СССР наложил «вето» на эту резолюцию.

В апреле 1967 года сирийские орудия обстреляли территорию Израиля. В ответ на это израильские самолеты атаковали артиллерийские батареи; самолеты Сирии вышли на перехват, и в бою над Дамаском было сбито шесть сирийских истребителей советского производства. Ежедневник «За рубежом» откликнулся на это таким сообщением: «7 апреля... израильские самолеты были сбиты в окрестностях сирийской столицы Дамаска».

Москва сообщила Насеру, что Израиль намеревается напасть на Сирию, война начнется через несколько дней, так как Израиль уже сосредоточил свои войска на сирийской границе. Глава израильского правительства Л. Эшкол предложил советскому послу поехать с ним на границу с Сирией, чтобы убедиться в несостоятельности подобного обвинения, – посол ответил, что у него имеются иные, более неотложные дела.

Египетская разведка знала истинное положение на израильско-сирийской границе, однако Насер решил воспользоваться представившимся случаем: 15 мая две пехотные дивизии торжественно промаршировали по улицам Каира и направились на Синайский полуостров к границе с Израилем – якобы для предотвращения израильского нападения на Сирию.

18 мая египетское правительство сообщило генеральному секретарю ООН У Тану о своем решении «отказаться от присутствия войск ООН» на Синае, которые разделяли враждующие стороны. У Тан согласился с этим, не заручившись согласием членов Совета Безопасности; войска ООН ушли из Синае, их место заняли египетские части, и теперь уже ничто не мешало Египту начать боевые действия.

22 мая Насер заявил, что Тиранский пролив отныне закрыт для израильских кораблей, – это было грубейшим нарушением международной конвенции о свободе судоходства. Президент США Л. Джонсон назвал блокаду пролива «противозаконной», подобным образом отреагировали в Англии и Канаде, однако Москва поддержала действия египтян и обвинила правительство Израиля в «нагнетании напряженности». 28 мая Насер потребовал, чтобы евреи ушли из Эйлата, и сказал во всеуслышание: «Это будет тотальная война по уничтожению Израиля».

Арабские страны готовились к боевым действиям. В Иорданию пришли на помощь части иракской армии; Кувейт и Алжир направили в Египет свои войска; Саудовская Аравия также заявила о готовности к войне. Израиль был окружен арабскими армиями, которые насчитывали 250 000 солдат, более 2000 танков, 700 истребителей и бомбардировщиков. Этой огромной военной силе Израиль мог противопоставить около 800 танков, примерно 300 самолетов и значительно меньшее количество солдат.

Премьер-министр Великобритании Г. Вильсон рекомендовал израильтянам терпение и самообладание – до тех пор, пока не утихнут арабские страсти. Президент США просил воздержаться от боевых действий. Глава Французской республики генерал де Голль предупредил израильского министра иностранных дел, чтобы ни в коем случае первыми не начинали войну, – если арабы нападут, тогда Франция выступит на защиту евреев и спасет их.

«А если некого будет спасать?» – спросил израильский министр, но на это де Голль не ответил.

Вокруг страны стягивалось кольцо, и Э. Визель вспоминал те дни:

«Израильтяне ни на кого не могли рассчитывать, защищая свое право на жизнь. Они были одиноки, как когда-то в Европе. Туманные обещания и дружеские советы нейтральных государств – мы знали, чего они стоят. Равнодушие одних, напыщенные разглагольствования других.

Арабский лагерь усматривал в этом одобрение или безмолвное сообщничество. Вокруг слышалось: «священная война», «тотальная война». На вопрос корреспондента, разрешит ли война еврейский вопрос в Палестине, Ахмед Шукейри (лидер Организации освобождения Палестины), славившийся своей откровенностью, ответил не колеблясь: «После войны никакого еврейского вопроса не будет».

Как и двадцать пять лет назад, Ватикан молчал. Мир молчал. Пусть евреи дадут себя избить; мы оплачем их потом, – и это походило на кошмар...»

Ночью 3 июня 1967 года состоялось тайное заседание израильского правительства, на котором было решено начать превентивную – предупреждающую войну.

5

В понедельник 5 июня, в 7 часов 45 минут утра, израильские самолеты подошли на бреющем полете со стороны моря, нанесли удар по десяти

египетским аэродромам, разрушили взлетные полосы и уничтожили самолеты, которые не могли уже подняться в воздух. В течение первых трех часов Египет потерял 300 боевых самолетов – бомбардировщики Ту-16, Ил-28, Су-7, истребители МиГ-17, МиГ-19, МиГ-21.

Израиль предупредил короля Иордании Хусейна, что не предпримет боевых действий, если иорданцы не начнут войну. Хусейн вспоминал: «Было около 9 часов утра. По прямому проводу из Каира мы получили переданное шифром сообщение: «Примерно 75 процентов самолетов противника сбито или выведено из строя... На Синае наши войска завязали бои и развернули наступление»... Более того, маршал Амер извещал нас, что египетские сухопутные силы вступили через Негев в Израиль!»

Хусейна ввели в заблуждение; он отдал приказ о бомбардировке Натани и обстреле еврейской части Иерусалима, но через несколько часов после этого все самолеты Иордании были уничтожены. В тот же день Сирия потеряла две трети боевых самолетов, и командующий военно-воздушными силами Израйля сказал: «Мне удалось покончить с сирийской и иорданской авиацией за 25 минут». Получив полное превосходство в воздухе, Израиль начал сухопутные операции.

5 июня, понедельник. С раннего утра и до вечера, а затем с вечера до утра израильские танковые колонны шли с боями через Синай. В тот же день Алжир, Ирак, Кувейт, Судан и Йемен объявили войну Израйлю; арабские страны ввели эмбарго на поставку нефти любой стране, которая окажет помощь еврейскому государству.

6 июня, вторник. Взят сектор Газы, египетская армия в центре Синая оказалась в окружении, израильские войска подходили к Суэцкому каналу. На центральном фронте захвачены у иорданцев города Калькилия, Дженин, Хеврон и Бейт-Лехем. В тот день сирийская артиллерия обстреливала израильские поселения в долине, но военных действий там еще не было.

7 июня, среда. Израильские войска заняли весь Синайский полуостров до Суэцкого канала. Египетские солдаты и офицеры убегали по пустыне без воды и пищи; в панике они покинули Шарм-аль-Шейх на южной оконечности полуострова, и израильцы заняли его без боя – так была прорвана блокада Тиранского пролива и открыт выход из Эйлата в Красное море.

8 июня, четверг. Израильские войска закрепились на восточном берегу Суэцкого канала; на центральном участке фронта иорданские войска были отброшены за реку Иордан, заняты Иудея и Самария; оставалась лишь Сирия, которая обстреливала поселения в Галилее. Сирийские укрепления на плато Голан считались неприступными: неуязвимые бункеры со стальными перекрытиями, минные поля, боевые позиции, оплетенные колючей проволокой и связанные между собой подземными коридорами.

9 июня, пятница. Танки и пехота при поддержке авиации пошли на штурм сирийских укреплений. Впереди – вверх по заминированному склону – шли бульдозеры, прокладывая путь. Водители бульдозеров погибали один за другим; укрепления брали в рукопашном бою, офицеры шли первыми, среди них было много убитых и раненых; к концу дня была захвачена первая линия укреплений на Голанских высотах.

10 июня, суббота. С утра сирийцы начали отступать, взрывая свои укрепления; против них действовала авиация, и отступление превратилось в бегство. Голанские высоты были захвачены; вертолеты высадили израильских солдат на горе Хермон, и те заняли эту стратегически важную позицию; израильские танки остановились в сорока километрах от Дамаска – после этого Израиль принял соглашение о прекращении огня.

Так закончилась та война, и некий израильский парашютист сказал: «Израиль – интересная страна, в ней никогда не соскучишься. Началась война, через шесть дней она закончилась, и весь мир перевернулся...»

6

На третий день Шестидневной войны, к вечеру 7 июня, после кровопролитных уличных боев был занят Восточный Иерусалим, взят Старый город, и впервые после 1948 года евреи смогли подойти и прикоснуться к Стене Плача. Первый из них, командир десантной группы, вспоминал: «Я вышел на пустую площадку и очутился в полном одиночестве, лицом к лицу с огромными древними камнями. Я помнил их еще с детства, когда родители привели меня к Стене первый раз в моей жизни. Я помнил их пепельный цвет и пучки травы, торчащие из трещин...»

Так он стоял у Стены, гладил ее камень и вдруг понял, что тысячи тысяч евреев приходили к ней из века в век – плакать и изливать свою горе, а он – первым среди евреев после разрушения Храма – самым первым! – стоял перед Стеной как победитель. А потом туда хлынули десантники, пропыленные, в поту и крови. Они бежали к Стене, припадали к камням, целовали их, оглаживали ладонями, плакали... А вдалеке еще стреляли, потому что война продолжалась.

Газеты тех дней сохранили волнение и экстаз, которыми были охвачены в Израиле:

«Едиот ахаронот»: «В ночь перед атакой Старого города солдаты умоляли главного раввина армии: «Поклянитесь нам сейчас, в этот великий час, перед тем, как мы выходим в бой, чтобы освободить город Давида, – что кровь наша не прольется даром. Поклянитесь, что Старый город никогда не будет возвращен в чужие руки!»...»

«Маарив»: «Офицер парашютистов останавливается перед мечетью Омара и кричит в аппарат связи: «Храмовая гора в моих руках! Повторяю: Храмовая гора в моих руках!» Трудно описать, что происходило в ту минуту. Не обращая внимания на пули, парашютисты в едином порыве бегут, несутся к Стене... Я не чувствую тяжести автомата в моей руке, не ощущаю больше волдырей на моих ногах... Ты хочешь что-то сказать и не можешь... Сейчас, здесь, ты чувствуешь: этот народ вечен...»

А потом война закончилась, бульдозеры разрушили бетонную стену, которая делила город на две части – еврейскую и арабскую, и Г. Меир вспоминала:

«Эта отвратительная стена больше, чем что-либо, символизировала ненормальность нашей жизни, и когда бульдозер срыл ее и Иерусалим за одну ночь опять стал единым городом, – это было и знаком и символом, что наступила новая эра.

Человек, впервые приехавший в Иерусалим в те дни, сказал мне: «Город словно светится изнутри», – и я поняла, что он имел в виду. И внукам я говорила тогда: «Скоро солдаты разойдутся по домам, наступит мир, и всё будет хорошо». Я в это верила – но так не случилось...»

7

В первые дни войны газеты, радио и телевидение Советского Союза оповещали о грандиозных успехах египетской армии на поле боя. Однако на третий день уже начали осуждать «израильскую агрессию», требовать отвода войск Израиля к линии границы, а когда выяснились масштабы поражения арабских стран, представитель СССР в ООН согласился на прекращение огня без каких-либо предварительных условий.

В ночь на 10 июня 1967 года в московском аэропорту приземлились самолеты с руководителями стран Восточной Европы. Посоветовавшись, они решили прервать с Израилем дипломатические отношения; так поступили Болгария, Венгрия, Польша, Чехословакия, Югославия и Восточная Германия – лишь Румыния отказалась это сделать. В тот день посла Израиля в Москве пригласили в Министерство иностранных дел и зачитали ноту советского правительства о разрыве дипломатических отношений.

В тот же день в Москве – вечером, на исходе субботы – у здания посольства был спущен флаг Израиля и не поднимался затем многие годы.

10 июня закончилась знаменитая Шестидневная война, которую изучали затем в военных академиях мира. Практически Израиль выиграл

ее за первые 80 часов сражений, и самые большие потери пришлось на долю Египета. Треть состава египетской армии была выведена из строя, уничтожена почти вся авиация и прочая боевая техника, захвачено так много вооружения и боеприпасов советского производства, что понадобились долгие месяцы для их сортировки.

По всей видимости, президент Египта получал в первые часы войны недостоверные сообщения и до середины дня не подозревал о том, что его авиации уже не существует. Узнав правду, Насер был морально сломлен; в ночь на 10 июня он обратился с драматической речью к египетскому народу, признал свое поражение и объявил об уходе в отставку. По городам Египта прошли демонстрации в поддержку президента; Насер «откликнулся на зов народных масс» и вернулся к власти.

Вскоре главнокомандующий египетской армией фельдмаршал А. Амер ушел из жизни: по официальной версии – покончил самоубийством, однако в Египте ходили слухи, что его отравили.

Газеты всего мира были переполнены материалами о той войне, отмечая удивительное единодушие многих стран в поддержку Израиля. В США выступили на защиту израильтян президент Л. Джонсон, сенат и негритянский лидер Мартин Лютер Кинг; 2500 молодых жителей Нью-Йорка пришли в израильское консульство и потребовали, чтобы их немедленно отправили в Израиль. Один из них сказал: «Моя жизнь уже никогда не будет прежней. Шестидневная война – и то, что Израиль чуть не уничтожили, – изменили для меня всё: отношение к себе, к семье, даже к соседям. Теперь уже ничто не будет для меня таким, как было».

А в Советском Союзе в те дни печатали карикатуры с изображением омерзительного агрессора с крючковатым носом, костлявыми загребущими руками и наглой ухмылкой, который переползал через границу. Следовало объяснить населению СССР причины молниеносной победы Израиля над арабскими армиями, оснащенными современным советским оружием, и потому заговорили о вмешательстве империалистических государств, действовавших на стороне сионистов.

«Вечерняя Москва» сообщила, что самолеты США и Великобритании совершали налеты на арабские армии; в газете «Бакинский рабочий» напечатали: «Я, Туманян, мать пятерых детей, заявляю: силы империализма во главе с Израилем атакуют мир во всем мире...»

Вспоминается песня А. Галича об «израильской военщине», выступление на собрании Клина Петровича Коломийцева: «Как мать, – говорю, – и как женщина Требую их к ответу!..»

Президент Израиля Х. Герцог отметил:

«19 июня 1967 года израильское правительство единогласно проголосовало за возврат всего Синая Египту в обмен на мир, демилитаризацию полуострова и специальный статус Шарм-аль-Шейха. Израиль был готов вернуть Голанские высоты Сирии в обмен на мирный договор и демилитаризацию этих высот. Были предприняты шаги на пути к переговорам с королем Иордании Хусейном...

Но Советский Союз пресёк эти планы. Председатель Верховного Совета СССР Н. Подгорный прибыл на Ближний Восток в сопровождении своих генералов и объявил о реконструкции армий Сирии и Египта. Это решение Советского Союза повлияло на действия арабских государств».

В августе 1967 года в столице Судана Хартуме собрались руководители арабских стран и сформулировали три «нет» – основу будущей арабской политики: «Нет – миру с Израилем, нет – признанию Израиля, нет – переговорам с Израилем». Президент Египта Насер провозгласил на площади в Каире: «Силой отнятое может быть возвращено только силой».

Надежды на скорый мир рассеялись; арабские страны не признавали права Израиля на существование, а в Тель-Авиве вышла книга юмориста Э. Кишона под названием «Просим прощения, что мы победили».

Через двадцать дней после окончания Шестидневной войны египтяне нарушили соглашение о прекращении огня. Так начались новые боевые действия, неприметная, позиционная война без блистательных побед и сокрушительных поражений, которая тянулась три года и получила название Войны на истощение.

США начали поставлять Израилю танки, истребители, бомбардировщики и вертолеты, управляемые ракеты «земля–воздух» и «воздух–земля». Оружие из СССР вновь поступало в Египет – новейшие танки, самолеты, артиллерия; советские боевые корабли появились в портах Александрии и Порт-Саида. Весной 1968 года в Средиземном море, неподалеку от побережья Израиля, патрулировала советская атомная подводная лодка, оснащенная ракетами с ядерными боеголовками.

В Египет прилетели сотни военных специалистов из СССР и привезли новейшие ракеты противовоздушной обороны. Более 10 000 солдат и офицеров Советской армии обслуживали ракетные установки и аэродромы, пилотировали самолеты, были советниками на египетских подводных лодках, изготовленных в СССР.

30 июля 1970 года произошло первое столкновение между израильскими и советскими летчиками в северной части Суэцкого канала. Восемь истребителей МиГ-21 напали на израильский воздушный патруль; пять из них были сбиты в воздушном бою, израильцы не потеряли ни одного самолета, но об этом не сообщили населению Египта и Советского Союза.

Центральные московские газеты изо дня в день выходили с заголовками статей: «Новые провокации Тель-Авива на линии прекращения огня», «Оккупанты бесчинствуют», «Оккупанты беснуются», «Зловещая тень сионизма», «Зловещая паутина сионизма», «Зловещие замыслы», «Израиль продолжает военную авантюру», «Израиль грозит новой войной» и прочее.

Содержание этих статей не оставляло сомнений в «наглой агрессии зарвавшихся ястребов Тель-Авива», которые «подливают масла в огонь».

По окончании Синайской кампании опубликовали в московской газете «Заявление еврейских религиозных общин»: «Мы, верующие евреи Советского Союза, присоединяем свой гневный голос к голосу всех честных людей земного шара... и требуем немедленного вывода войск интервентов с территории Египта...»

Заявление подписали московские раввины Ш. Шлифер и Н. Олевский, раввин Ленинграда А. Лубанов, раввин А. Панич из Киева, раввин И. Димент из Одессы, а также раввины и главы еврейских религиозных общин Львова, Ташкента, Риги, Минска, Баку, Каунаса, Таллина, Свердловска, Ростова, Днепропетровска, Курска, Пензы, Кишинева, Омска и других городов.

А. Кауфман (Караганда, 1957 год): «Печать, радио призывали трудящихся отдать однодневную зарплату в пользу Египта... Местком (местный комитет) уговаривал помочь Египту – «жертве англо-французско-израильской агрессии». Зашли и в мой кабинет, но я заявил: «На меня не рассчитывайте, не дам ни копейки». Отказалась и моя медсестра...»

Закончилась Шестидневная война, и первый секретарь ЦК партии Украины П. Шелест записал в дневнике: «После воинственных, хвастливых заявлений Насера мы не ожидали, что так молниеносно будет разгромлена арабская армия... Нам, очевидно,

придется всё начинать сначала: политику, тактику, дипломатию, оружие. Недешево будет обходиться всё это для нашего народа, страны».

Н. Хрущев, из воспоминаний: «Я до сих пор не могу понять, как допустили до полного разгрома египтян... Мы могли бы удержать Насера от неподготовленной войны, могли правильнее оценить обстановку уже после начала военных действий. Вообще не следовало добиваться ликвидации существования государства Израиль... Недоучли и силы Израиля...»

После Шестидневной войны советские газеты печатали письма «граждан еврейской национальности» против «агрессивной политики Израиля». Из редакции журнала «Советиш Геймланд» позвонили в Киев писателю Н. Забаре и предложили поставить подпись под письмом с осуждением «израильских захватчиков»; Забара ответил: «Если я это сделаю, пусть отсохнет рука моя...»

В 1967 году из Израиля прислали в Москву два ящика орденов и медалей – это бывшие граждане Советского Союза вернули свои награды в знак протеста против антиизраильской политики Кремля.

Очерк девяносто девятый

Ассимиляция евреев. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Судьбы местечек

1

«**Н**е знаю, что во мне осталось еврейского. Разве только в паспорте, в графе – национальность...»

«У меня сохранилось одно воспоминание, что бывает пасхальный борщ...»

«Помню с детства мацу с ложечкой красного хрена. Еще я помню волчок на Пурим...»

«В доме ничего не было еврейского, абсолютно! Праздники у нас не справлялись, национальной кухни тоже не было...»

«Вокруг меня были алтайские ребята, сыновья шахтеров, и мне хотелось стать таким, как они. Пить водку, как они. Ходить на лыжах, как они. Драться. Ругаться. Но моя генетика вылезала, и они чувствовали, что я другой. Всегда оставалась грань, через которую не перейти. Я хотел, но не мог...»

«У нас родился сын. Мы назвали его Герц-Даниэль... но чиновник отрез отказался записать двойное имя. Не помогло и обращение к высшему начальству, ссылки на то, что, например, у азербайджанцев записывают четыре-пять имен и в конце неизменное «оглы». Мальчик был записан под именем Герц... но, конечно, при обрезании ему дали оба имени...»

«В ЗАГСе сказали: «Это очень странное имя. Зачем так называть ребенка? Вы еще пожалеете. Идите и подумайте». Но они настояли и записали ее – Юдифь...»

Лужки Витебской области: «На одной из могил увидели неожиданный памятник. У вершины остроконечной плиты выбит маген-давид, а внутри его... серп и молот...»

2

В годы Катастрофы погибли сотни тысяч евреев западных районов Советского Союза, исчезло еврейское население городков и местечек, где сохранялась до войны традиционная жизнь, язык идиш, обычаи и фольклор народа. Остались в живых евреи центральных и восточных районов страны, в которых в предвоенные годы шли активные ассимиляционные процессы. Основная масса еврейского населения состояла теперь из людей, выросших при советской власти и впитавших ее идеологию, – многие из них потеряли родителей в местечках Украины и Белоруссии, и мало что мешало их растворению среди окружающих народов.

Не было уже еврейских колхозов, объединявших евреев в сельской местности. Еврейская молодежь маленьких городов уезжала учиться в столичные и областные центры Советского Союза и назад не возвращалась. Рассеяние по стране. Отрыв от традиций. Незнание родного языка. Увеличение количества смешанных браков, когда детей записывали, как правило, по национальности того родителя, у которого не существовало проблем с «пятым пунктом» в его паспорте.

37% мужчин-евреев, вступивших в брак на Украине в 1969 году, женились на женщинах других национальностей. Женщины-еврейки на Украине реже вступали в смешанные браки – примерно 30% в том же году, но своих детей они записывали, как правило, по национальности отца.

В СССР не издавали учебники языка идиш, не было курсов еврейского языка, еврейских домов культуры, театров, журналов и газет – это также способствовало ассимиляции. Идиш еще существовал в быту, идиш можно было услышать в доме, а порой и на улице, но говорили на этом языке люди немолодого возраста. Выросло поколение – мужчины и женщины, которые никогда не заходили в синагоги, не знали даже, где они находятся, не видели еврейской свадьбы, жениха и невесту под «хупой» – свадебным балдахинном, не слышали ни единого слова на идиш или на иврите.

Взамен еврейских национальных праздников (да и традиционных праздников других народов) внедрялись иные памятные дни, изобретенные партийными идеологами, которые современник старательно перечислил: «Помимо Дня армии и Дня конституции – День воздушного флота, День ракетных войск и артиллерии, День Военно-морского флота, День космонавтики, День радио, День советской милиции, День советской молодежи, День комсомола, Женский день. И дальше: День шахтера, День пограничника, День танкиста, День строителя, День металлурга, День железнодорожника... День, день, день. И все празднуют эти дни...»

Исчезали приметы прежней еврейской жизни, и поэт М. Тейф написал стихотворение на идиш «Кихелех ун земелех» – про два сорта традиционных еврейских печений, неожиданно появившихся на прилавке магазина:

Кихелех и земелех я увидел в булочной,
И стою растерянно в суматохе улочной...

«Мое поколение обокрали. У нас украли обычные человеческие чувства, нравы, обычаи...» – «Ничего, до ужаса ничего не знаю. Какие там корни, какая генеалогия, не знаю даже имени-отчества своей бабушки, которая долго жила с нами...»

3

Традиционное еврейское местечко было уничтожено в годы войны; кое-где в бывших местечках и малых городах еще жили евреи, но их количество неуклонно уменьшалось от десятилетия к десятилетию. «Разрушаются или перестраиваются синагоги и иешивы. Теряются или выбрасываются старые вещи. Уходят из жизни люди, которые еще помнят местечковый быт, могут показать фундамент, на котором стояла синагога, назвать имя последнего раввина, вспомнить, где в местечке были кузница, мельница, пекарня...»

Ляды, Белоруссия: «Кладбищенские памятники были кучей свалены у дороги и сиротливо лежали у колодца. Жители Лядов, набирая воду, ставили на памятники пустые и полные ведра. Вода, расплескиваясь, омывала старые камни, и на них более отчетливо проступали надписи, подводившие итог жизни еще одного жителя местечка...»

Любар, Украина: «Евреи добились разрешения и поставили памятник на могиле погибших родных, близких, земляков... Вот и всё, что осталось от еврейского местечка Любар, да еще старое кладбище, заросшее лесом, с опрокинутыми, разбитыми памятниками, на котором построили газораспределительную станцию...»

Купель, западнее Житомира: «Местечка больше нет, на его месте стоит типичная украинская деревня. Еврейское кладбище тоже не существует... Каменные плиты памятников использованы жителями окрестных деревень в качестве фундаментов для их домов. В Купеле построено много красивых домов на этих фундаментах...»

Сморгонь, Белоруссия:

«Через много лет мне удалось побывать на родине... На кладбище пыталась отыскать могилу матери, но не нашла. Ограда кладбища была разрушена, оно заросло травой, паслись козы. Проходя мимо одного из домов... увидела дорожку, выложенную каменными плитами. Присмотревшись, увидела, что эти плиты были остатками памятников с еврейских могил.

Больше мне никогда не хотелось возвращаться в Сморгонь...»

Меджибож, Украина: «Ежегодно, 22 сентября (день массового расстрела), в Меджибож съезжаются родные и близкие тех, кто навеки остался лежать в той земле. В последние годы приезжает всё меньше и меньше людей... Сиротеют могилы наших родных...»

Затем евреи стали уезжать из Советского Союза; на базарах появились вещи, мебель, посуда из еврейских жилищ. «Всё больше домов оставалось без хозяев – вросшие в землю, с заколоченными ставнями, они не понадобились покупателям и оказались ненужными наследникам...»

Не избежали общей участи и местечки Подолии на Украине. В конце двадцатого века в Бершади насчитали 140 евреев (в 1959 году – 2200), в Томашполе – 57 (в 1959 году – 1400), в Брацлаве – 41, в Богодухове – 17, в Тростянце – 16, в Джурине – 8, в Ладыжине – 8, в Зинькове – 4 (в 1940 году – 2000), в Меджибоже – 2, в Сатанове – 1 еврей...

Белорусский город Друя: «Последнее захоронение на еврейском кладбище – в конце 1980-х годов. Лежит под каменной плитой Евсей Калманович Тайц. Последний еврей Друи».

Б. Слуцкий:

Черта под чертою. Пропала оседлость:
шальное богатство, веселая бедность.

Пропало. Откочевало туда,
где призрачно счастье, фантомна беда.
Селедочка – слава и гордость стола,
селедочка в Лету давно уплыла.

Слева направо: последние евреи Зинькова и Деражни.
Конец двадцатого века

4

Еврейское поселение Нагартов (в переводе с иврита «хорошая река») существовало на Украине с начала девятнадцатого века. Перед войной насчитали там 1200 евреев, было в поселении три колхоза, мельница, маслобойня, сыроваренный завод, еврейская школа, клуб и больница. В сентябре 1941 года немцы и полицейские расстреляли в Нагартове 865 евреев, в основном, женщин, детей и стариков.

Малая часть населения успела эвакуироваться на Восток и работала в колхозах до окончания войны. Затем в Нагартов вернулись 170 евреев, но они уже составляли меньшинство в поселении, которое заполнили крестьяне из соседних деревень и переселенцы из Западной Украины.

Жителей Нагартова объединили в один колхоз, его председателем и главным агрономом стали евреи М. Зевлер и Л. Бецер. Колхозники-евреи работали комбайнерами, доярками, кузнецами, шоферами и пастухами, птичницами и овощеводами. В колхозе было три молочные фермы, птицеферма и овцеферма, виноградник, фруктовый сад, огород. Учеба

в местной восьмилетней школе проходила на украинском языке. По окончании школы еврейские дети, как правило, уезжали учиться в десятилетки, техникумы, институты и назад не возвращались.

Пожилые люди умирали один за другим, престарелые родители перебирались в города к своим детям – к началу двадцать первого века в Нагартове оставалось несколько евреев, в основном в смешанных семьях.

В предвоенные годы писатель Борис Ямпольский написал такие строки о прошлом еврейского местечка:

«Потомки Иакова, десятки крикливых семей, цепко держались за жизнь, пережили несчастья, погромы, пожары. И как бы в насмешку над судьбой, наперекор природе, в семьях евреев, чахоточных и налитых водянкой, рождались дети, прекрасные лицом, дети с железным умом, сильными руками... с черными глазами, полными огня, страсти и печали, которые слышали, как лист растет и движутся тучи, и в душе которых жила могучая гармония. Воины, поэты, математики, скрипачи... Я – горячая капля крови этого рода...»

В конце 1960-х годов Б. Ямпольский поехал в украинский городок своего детства, откуда уехал юношей, оставив отца с матерью, и где война с Катастрофой смели евреев с лица земли. Вернувшись оттуда, Ямпольский написал повесть под названием «Табор»:

«Будто тысяча лет прошло. Будто всё было на другой планете, и долетел только холодный, мертвый свет той старой, обжитой, уютной планеты, где было столько кислорода...»

Нет и не будет уже никогда на Украине хоральных синагог, хедеров, обрезаний, свадеб под бархатным балдахинном, золотых и бриллиантовых свадеб, голоданий до первой звезды Судного дня Йом Кипур и веселого хмельного праздника Симхостойре....

Когда-то была жизнь семейная, родовая, жизнь клана, с родственниками – близкими и далекими, деверями, зятьями, кузинами, двоюродными и троюродными братьями по всем улицам. Ничего этого нет и в помине...

Стоят холодные, облупленные развалюшки с заросшими крапивой палисадниками. Нигде нет заборов, плетней, садов, и городок, как один проходной двор, просматривается далеко, до самой станционной водокачки и красных теплушек на запасных путях. Лишь кое-где – казенные клумбы, казенный учрежденческий уют... с громадными, как памятники, бетонными урнами, досками почета и кумачовыми лозунгами...

Ревет на центральной площади радиорупор, и развешана повсюду наглядная агитация, сообщающая, сколько будет в 1980 году молока, мяса и шерсти. Но жизни за всем этим нет... И никто от этого не стал счастливее».

Повесть «Табор» предваряет эпиграф, списанный с могильной плиты: «Затопили нас волны времени, и была наша участь мгно-венна...»

Шнейдел Штайн
из Шаргорода.
Конец двадцатого
века

5

За годы советской власти здания бывших синагог неоднократно меняли своих владельцев, но еврейским общинам эти здания не передавали – да и смогли бы малочисленные группы верующих их содержать?

К 1970-м годам в синагогах Хмельницкого и Шепетовки размещались спортивные клубы, в синагоге Житомира – Дом политического просвещения, в синагогах белорусского города Борисова – Дворец пионеров и автобаза, в молитвенном доме рабби Исраэля Ружинского возле Черновиц – мастерская по ремонту тракторов, швейная фабрика – в синагоге Бердичева, хлебозавод – в Новограде-Вольнском, филармония и городской суд в синагогах Винницы, Дом учителя – в синагоге Казани, Дом санитарного просвещения – в синагоге Омска, спортивный клуб и архив – в синагогах Одессы.

В Запорожье существовала незарегистрированная еврейская община – менее 40 человек, и уполномоченные Совета по делам религиозных

культов докладывали: «Численность их с каждым годом уменьшается за счет естественной убыли... Молодежи в их составе не имеется...» – «В дни еврейских религиозных праздников собираются в семейном порядке по несколько человек и совершают свои обряды в квартирах...»

В начале 1970-х годов закрыли московскую синагогу в Черкизове; остались в столице Хоральная синагога в центре города и хасидская в Марьиной Роще.

М. Гринберг, свидетельство современника (Украина, 1980-е годы):

«Еще совсем недавно в Шепетовке собирався «миньян» по субботам, но ныне и этого нет. Лишь изредка десяток сгорбленных стариков собираются, чтобы произнести кадиш по умершему товарищу, да реб Хаим может прочитать на кладбище «Эль мале рахамим»...

В Погребнице... на территории старого еврейского кладбища разбиты огороды местных жителей... На кладбище в Аннополе... среди нескольких десятков оставшихся надгробных камней и поваленных плит бродят коровы, бегают куры и гуси, жалобно орет привязанный к колышку козел...

В Млынове в начале пятидесятых годов на месте кладбища были построены гостиница, котельная, теплицы, в фундамент которых... пошли плиты с еврейских могил. Работницы здешних теплиц рассказали, что до сих пор часто находят в земле кости...

А в Меджибоже... на месте старой синагоги Баал Шем-Това – пустырь, в новой синагоге размещается гараж пожарной команды. Еврейское кладбище заброшено: калитка сорвана, ступени сломаны, каменная стена частью разрушилась, частью разобрана соседями на хозяйственные постройки.

Остатки могил беспорядочно заросли деревьями, кустарником и высокой травой. Великолепные надгробные плиты с резными надписями и рельефами вросли в землю, покосились или вовсе повалились. Часть камней местные жители растащили и использовали на фундаменты домов.

Многие надгробья просто расколоты – из них тут же, прямо на кладбище, соорудили скамейки и мангалы для шашлыков. Здесь, на еврейском кладбище, летними вечерами развлекаются местные пьяницы и наркоманы».

6

В 1979–1981 годах С. Янтовский (псевдоним – Израэль Таяр) предпринял путешествие по синагогам Советского Союза и составил описание религиозной жизни евреев разных районов страны.

Самарканд, Узбекистан:

«Нетронутой стариной веет от синагоги... Тут два отделения: одно, меньшее – для европейских евреев, второе – для бухарских... Молятся истово и темпераментно, чего не приходится наблюдать в московских синагогах. Умиляет дух сосредоточенности, витающий над молящимися...

Большинство жителей еврейских улиц соблюдают «кашрут»... Местное кладбище в хорошем состоянии. Наряду со старыми скромными могилами с сохранившимися еврейскими надписями, имеется много новых могил с богатыми памятниками... на которых надписи уже русские и вместо магендавида – пятиконечная звезда...»

Душанбе, Таджикистан:

«Единственная синагога в приличном состоянии... Бухарские евреи ежедневно утром и вечером собираются по два «миньяна», у европейских – едва-едва один «миньян» по субботам. На праздники приходит много народа...

«Шойхет» есть и кашерное мясо доступно. Раввина, конечно, нет...»

Кутаиси, Грузия:

«Три действующие синагоги находятся в центральной части города... В каждой из них имеется хахам, который утром и вечером совершает молитву при наличии двадцати–тридцати прихожан, не говоря уже о субботе и праздниках, когда собираются сотни верующих. Многие соблюдают «кашрут». Община сумела достать муку и уже испекла несколько тонн мацы...

В небольших селениях, окружающих город... остались считанные семейства, которые не могут содержать синагогу... Такие селения, не слишком отдаленные друг от друга, по субботам и праздникам собираются на «миньян», к ним приезжает хахам из Кутаиси... Периодически в селения приезжает и «шойхет»...»

Баку, Азербайджан:

«Ашкеназская и грузинская общины находятся в одном здании... На соседней улице расположена синагога горских евреев... Обе синагоги стоят в центре города и имеют вполне приличный вид... Всякий желающий может посетить их. Но нет у них раввина, нет кашерного мяса, нет учебы, нет молодежи. Смогут ли они и дальше отстаивать свои традиции?..»

Белоруссия:

«Ни в одном из городов Белоруссии нет здания настоящей синагоги... Действующие синагоги, моленные дома или «миньяны» в буквальном смысле ютятся в простых хатах. Только в Минске моленный дом находится на первом этаже двухэтажного деревянного дома...

Внутренний вид молитвенных очагов еще более удручающий, чем внешний... Почти повсюду едва набирается «миньян» для коллективной молитвы. Нигде я не встречал детей, молодежь...»

Харьков:

«Имеется неофициальный молитвенный дом, о котором жителям мало что известно... В любой момент его могут прикрыть, но пока этого не делают, позволяя двум десяткам стариков молиться в основном по субботам...

Школьник старшего класса... не знал о существовании синагоги в городе, но бредил Богом... при неприкрытом сопротивлении родителей, преподавателей, воспитателей. Каким-то путем мальчик овладел языком и с явными искажениями выполнял целый ряд религиозных обычаев: мыл руки перед едой, произносил «браху» (благословение), затем «браху» на хлеб... читал «Шма» утром и вечером и так далее.

Много ли таких? Откуда мне знать?..»

7

Казалось бы, с религией в стране покончено навсегда, однако еврейская религиозная жизнь и преданность традициям продолжали существовать, укрываясь от постороннего взгляда. Одни родились и выросли в религиозных семьях, естественно переняли веру и традиции от своих родителей; другие пришли к вере из ассимилированных семей, преодолевая порой сопротивление отца с матерью, молились, отращивали бороду, надевали ермолку на голову, приводя в изумление знакомых и сослуживцев.

Это была жизнь в состоянии постоянного напряжения и нескончаемой готовности отстаивать свою веру во времена преследований. Верующие евреи – островки посреди ассимилированного большинства – соблюдали субботу, делали обрезание новорожденным младенцам, совершали бракосочетания под «хупой», хоронили родных по еврейскому закону; их жены воспитывали детей в традициях отцов, зажигали субботние свечи, старались соблюдать «кашрут» в перенаселенных коммунальных квартирах.

Нота Баркан:

«Вспоминая эти годы, я понимаю, что мы ничего не смогли бы добиться, не смогли бы сохранить еврейскую жизнь, создать еврейские семьи, если бы не наши жены. Ведь нам приходилось жить двойной жизнью; на работе, в школе, на улице вести себя так, чтобы никто ни о чем не догадывался, и только дома можно было стать самим собой.

И тут, конечно, большая ответственность лежала на женщине. Именно она создавала атмосферу еврейского дома».

Дов Виленкин:

«В 1966 году я приехал в Самарканд учиться в подпольной иешиве... Всё было настолько законспирировано, что родители некоторых учени-

ков не знали, где учатся их дети. Был у нас юноша из Риги, Моше Хаим Левин; его родители не догадывались, что он в Самарканде, а мы называли Моше другим именем и думали, что он из Ростова...

Большинство учеников месяцами не выходило за пределы двора, чтобы нас не заметили. Никто не должен был знать, кто мы такие и что здесь делаем. Под полом времянки, где мы жили, выкопали яму, и если кто-нибудь заходил, ученики прятались в ней. И хотя мы занимались в глубоком подполье, это была настоящая хабдская иешива – с теми же программами и расписанием, что в хабдских иешивах во всем мире...»

«По праздникам мы снимали обувь и танцевали в носках, чтобы не слышали соседи. Нам было весело, но мы никогда не забывали об опасности. Особенно боялись за нас старики, которые помнили годы жестоких репрессий...»

Подпольный хедер в Грузии

Казань:

«Дед Арон был «сойфером». Он переписывал Тору. Делалось это на пергаменте, то есть на коже, выделанной по всем законам «кашрута»... Во дворе дома был сарайчик, где дед умудрялся выделывать кашерную кожу и продолжать свое нелегкое, но благородное дело – переписывать свиток Торы. В 50-е годы кто-то из соседей донес на деда. Его арестовали за нелегальное производство и дали срок.

Вернувшись домой, дед стал еще осторожнее, но дела своего не прекращал. У него было много заказчиков. Помню, приезжали к нам бородатые старики из разных концов страны...»

Тбилиси, 1960-е годы:

«Одно из самых ярких воспоминаний моего детства – вечер на исходе дня Йом Кипур, когда вся улица Леселидзе расцветивалась маленькими огнями. Был такой обычай: на исходе того дня зажигали в синагоге свечи, несли их по улице и ходили со свечами около своих домов...»

8

В 1970 году состоялась очередная перепись населения Советского Союза, насчитавшая в стране 241 миллион 720 134 человека (по сравнению с 1959 годом увеличение на 15,7%). Перепись определила, что в СССР было 2 миллиона 150 707 евреев, 0,9% населения страны (уменьшение с 1959 года на 5,2%).

В 1970 году евреи по количеству населения занимали двенадцатое место среди народов Советского Союза; в сельской местности находилось 2,1% евреев (в 1959 году – 4,7%). Уходило из жизни старое поколение, владевшее языком идиш, и во время той переписи назвали родным языком еврейский 17,7% евреев СССР (в 1959 году – 21,5%).

В Литве говорили на родном языке 61,9% евреев, в Латвии – 46,2%, в Молдавии – 44,7%, в Белоруссии – 17,8%, на Украине – 13,2%, в РСФСР – 11,8%. Русский язык назвали родным 78,3% евреев страны.

В 1960-е годы получила распространение теория, согласно которой горские евреи Кавказа, говорившие на татском языке, якобы принадлежали к татскому народу. Часть горских евреев с разрешения властей поменяла в паспортах наименование «еврей» на «тат», и очевидец отметил: «Известны случаи, когда работники паспортных отделов соблазнились взятками, чтобы в графу «национальность» вместо «еврей» вписать «тат». Об этом просили ассимиляторы для своей карьеры... Правда, тем, кто настойчив и не соглашается, при обмене паспорта вписывают национальность «еврей»...»

Во время переписи 1970 года название «тат» применяли только к горским евреям, а коренные таты в Закавказье получили к тому времени иные наименования: таты-христиане Армяно-грегорианской церкви были зарегистрированы армянами, таты-мусульмане – азербайджанцами.

Подобное происходило и раньше. В 1941–1942 годах нацисты уничтожили в Крыму не менее 80% евреев-крымчаков; после войны часть из них поменяла паспорта, в которых вместо наименования «еврей» было помечено «крымчак».

Поэтому при оценке переписи 1970 года исследователи добавили «крымчаков» и «татов» к общему числу евреев, выявленных во время опроса, чтобы определить истинное количество еврейского населения СССР.

Перепись 1970 года насчитала в Еврейской автономной области 11 452 еврея (6,6% населения ЕАО); идиш назвали родным языком около 2000 человек, 17,2% евреев области (в 1959 году – 5600 евреев). После многолетнего перерыва первым секретарем обкома вновь стал еврей – Л. Шапиро, председателем исполкома области – И. Бокор.

В 1970-х годах синагогу в Биробиджане посещали в основном пожилые люди; раввина у них не было, не было в городе и отдельного еврейского кладбища. Старики умирали, всё меньше их приходило в синагогу; к концу двадцатого века большинство еврейской религиозной общины Биробиджана составляли потомки «геров», переселившихся туда в предвоенные годы.

Б. Миллер, писатель: «Еврейская автономная область не оправдала наших надежд, превратившись в фабрику ассимиляции евреев».

9

Из лагерных воспоминаний послевоенных времен:

«С субботниками, которых было немало в лагере, мне часто приходилось встречаться... Был в амбулатории субботник, фельдшер сорока лет. Отбывал десятилетний срок по 58-й статье за КРД (контрреволюционная деятельность). Долгое время ему удавалось сохранять бороду, потом ее силой срезали, сбрили.

Этот фельдшер по субботам не являлся на работу... Начальник пришел в ярость, стал кричать на врача, крыть матерной бранью фельдшера, Бога, религию, субботу, всё и вся. Фельдшера посадили в карцер на десять суток. Отсидел положенный срок, и ему приказывают вновь работать в амбулатории. Он согласен, но... не по субботам. И его погнали на общие тяжелые работы...»

Во второй половине двадцатого века иудействующие – русские по национальности жили небольшими компактными группами в Воронежской, Иркутской и Тамбовской областях, в Краснодарском и Ставропольском краях, в Биробиджане и на Кавказе. Среди них были субботники, которые частично придерживались еврейских религиозных предписаний, отвергали церковные обряды, отмечали субботу и еврейские праздники, соблюдали законы о пище. Были среди них и «геры» – они полностью приняли иудаизм и намеревались переехать в Израиль, лишь представится такая возможность.

В 1963 году в деревне Высокий Воронежской области из 247 мальчиков дошкольного возраста оказались не обрезанными лишь 15; в 1965 году в день Йом Кипур никто из иудействующих этой деревни не вышел на работу.

Община «геров» жила в деревне Ильинка Таловского района Воронежской области; они соблюдали субботу и праздники, новорожденных мальчиков возили на обрезание в отдаленные города, в их семьях не было, как правило, смешанных браков. Элиезер Кажокин из Иерусалима (в прошлом житель Ильинки): «Нас всё время тянуло на родину. В двадцатых годах сионисты уговаривали ехать в Палестину, но тогда не поехали – нельзя было. А в семидесятых годах, когда стало можно, я получил вызов...» (В 1970–1980 годах многие «геры» Ильинки переехали в Израиль.)

В Армении, в селе Еленовка возле озера Севан, к концу двадцатого века было около 20 семейств иудействующих. Они разводили свиней, не обрезали новорожденных мальчиков, однако в селе сохранялось кладбище иудействующих и свиток Торы, а к празднику Песах они выпекали мацу. (В начале двадцатого века в Еленовке жили 400 иудействующих; у них были два молитвенных дома со свитками Торы, они соблюдали субботу и еврейские праздники, мужчины налагали тфилин, ходили с покрытой головой, не стригли бороды, к косяку входной двери дома крепили мезузу.)

В Красноярском крае расположено сибирское село Бондарево на 100 домов; в конце 1990-х годов там жили потомки иудействующих, сосланных из Воронежской губернии в начале девятнадцатого века. Крестьяне, жители села, выпекали мацу к празднику Песах и не ели свинину, на дверях своих домов прикрепляли мезузы, на их кладбище стояли надгробные камни с изображением магендавида, на похоронах они читали кадиш и псалмы.

В сибирском поселении Зима «миньян» для молитв сохранялся у иудействующих до 1970-х годов.

В конце двадцатого века исследователи фольклора побывали на юге Азербайджана, в селе Привольное возле Джалилабада; там жили крестьяне-«геры» и субботники, предков которых – «жидовствующих» – выслали в девятнадцатом веке в Закавказье «за измену православию».

Исследователи записали в Привольном песню «Герчики-еврейчики» – жители села поют ее на еврейских праздниках, по окончании уборочных работ, при вселении в новый дом. Ее текст почти полностью совпадает с традиционной песней, которую исполняют евреи в первый вечер праздника Песах: «Один – кто знает?.. Два – кто знает?.. Три – кто знает?..»

Первые куплеты песни «Герчики-еврейчики» («герчики» – это «геры»):

Ох вы, герчики, герчики-еврейчики,
Скажите, скажите, что у нас один?
– И на небе, и на земле один у нас Бог!
Ох вы, герчики, герчики-еврейчики,
Скажите, скажите, что у нас два?
– Две скрижали завета,
Один у нас Бог,
И на небе, и на земле один у нас Бог!
Ох вы, герчики, герчики-еврейчики,
Скажите, скажите, что у нас три?
– Три у нас батюшки,
Две скрижали завета,
Один у нас Бог,
И на небе, и на земле один у нас Бог!..

10

Михаил Гурович (Нижний Новгород):

«Два раза в году, 1 мая и 7 ноября, все мои родственники шли на демонстрацию... а потом собирались на Интернациональной, 40... где тетя Ира или тетя Рая начинали свой странный счет: «Не один, не два, не три, не четыре...»

«Почему они так странно считают?» – спрашивал я.

«Потому что нельзя считать евреев», – отвечала бабушка...

Собравшись, все сидели за одним столом и пели песни. Обычно грустные, или я просто не помню веселых. Пели по-еврейски. Одну песню я запомнил еще с детских лет – «Ло мир алэ инейнем» («Давайте все вместе...»). Ее знали и пели все. Как гимн. Некоторое время я даже думал, что это семейная песня, пока первый раз в жизни, десятилетним, не попал на свадьбу к двоюродному дяде. Там гости – наша родня и со стороны невесты – пели те же песни, и, конечно же, «Ло мир алэ инейнем», и тоже пели все.

А старик Шнейдер, старый скрипач на свадьбе, играл и пел, и плакал. Почему он плакал? Ведь свадьба была такой веселой...

Нет дома на Интернациональной, никого не осталось из детей Менделя и Гиты. Ни дяди Азруши-Израиля, ни дяди Левы-Лейба, ни дяди Семена-Симона, ни дяди Исаака-Ицки, ни тети Иры-Ривы, ни тети Мани-Малки-Грунэ, ни тети Розы-Рейзл, ни тети Раи. «Не один, не два, не три, не четыре...» Давно ушла моя бабушка.

Их имена носят теперь внуки и правнуки, мои дети и дети моих троюродных братьев и сестер. Где носят? В Нижнем Новгороде и Бостоне, Москве и Нью-Йорке, Иерусалиме и Аахене. Знают ли они, почему их так называли? Смогут ли они, встретившись, понять друг друга, заговорить на одном языке, спеть за одним семейным столом «Ло мир алэ инейнем»?..»

В подмосковном городе жил Аарон Хазан, в семье которого было девять детей. По субботам они не ходили в школу, и в газете «Мытищинская правда» напечатали письмо учителей школы «о родителях, калечащих сознание своих детей религиозным дурманом»: «Дети уже не ссылаются на запрещение родителей посещать по субботам школу, а утверждают, что они «глубоко верующие» и нарушать законы религии не могут».

Редакция газеты добавила к этому, что детям А. Хазана «прививаются качества, противоположные тем, какие нужны человеку коммунистического общества»; отцу и матери угрожали репрессивными мерами, вплоть до лишения родительских прав, но они продержались до отъезда в Израиль.

В 1965 году издали «Справочник личных имен народов РСФСР», рекомендованный «в качестве практического пособия» для записи новорожденных. В справочнике указаны русские, адыгейские, кабардино-черкесские, алтайские и хакаские, башкирские, бурятские, дагестанские и прочие имена народов РСФСР. Еврейские имена не выделили в отдельный раздел, но некоторые из них оказались среди русских имен: Наум, Моисей, Натан, Самуил, Соломон, Эммануил, Берта, Дина, Ева, Лия.

В конце двадцатого века самыми распространенными у евреев Украины были имена: Михаил, Борис, Григорий, Александр, Леонид, Владимир, Яков, Семен, Ефим, Лев, Мария, София, Анна, Раиса, Рахиль, Евгения, Елена, Сарра, Вера, Людмила.

По переписи 1970 года ашкеназские евреи составляли около 94% еврейского населения страны. В РСФСР было 807 915 евреев (0,6% населения республики), на Украине – 777 126 евреев (1,6%), в Белоруссии – 148 011 (1,6%), в Узбекистане – 102 855 (0,9%), в Молдавии – 98 072 (2,7%), в Грузии – 55 382 (1,2%), в Азербайд-

жане – 41 288 (1,1%), в Латвии – 36 680 (1,6%), в Казахстане – 27 689 (0,3%), в Литве – 23 564 (0,8%), в Таджикистане – 14 615 (0,5%), в Киргизии – 7680 (0,4%), в Эстонии – 5288 (0,4%), в Туркмении – 3494 (0,2%), в Армении – 1048 евреев (0,04%).

Москва – 251 523 еврея (3,56% населения города), Ленинград – 162 587 евреев (4,12%), Киев – 152 006 (9,32%), Одесса – 116 280 (8,71%), Харьков – 76 211 (3,89%), Днепропетровск – 68 776 (2,7%), Ташкент – 55 758 (4,03%), Кишинев – 49 905 (14%), Минск – 47 057 (5,13%), Баку – 29 716 (2,35%), Рига – 30 581 (4,18%), Тбилиси – 19 579 (2,2%), Вильнюс – 16 491 (4,43%), Душанбе – 11 424 (3,06%), Фрунзе – 5962 (1,38%), Таллин – 3754 еврея (1,04% населения города).

Естественный прирост еврейского населения постепенно уменьшался. В 1959 году рождаемость превышала смертность, и положительный прирост составлял у евреев СССР 2,7% в год; в 1970 году смертность уже превышала рождаемость, и прирост стал отрицательным (минус 3,6%).

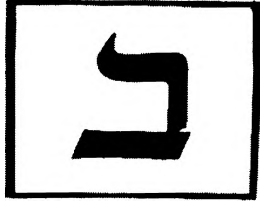

Л. Гинзбург – публицист и переводчик, ассимилированный еврей из Москвы – приехал в город бывшей черты оседлости, где жили его предки, пришел на старое еврейское кладбище:

«Осколки старинных надгробий со стершимися письменами, вросшие в землю, напоминали надолбы. Очевидно, под одним из таких камней лежал мой прадед, и от прикосновения к этой земле меня словно током ударило: впервые в жизни я так реально, физически ощутил связь поколений, величайшее таинство бытия, связующее предков со мной, а меня через моих детей с неведомыми мне потомками...

Сын стоял рядом и торопил меня: «Папа, поедem к морю. Ну, поедem!»...»

Очерк сотый

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Декларация Независимости *	1
Первый из шести дней	3
Израильский рейд на запад- ном берегу суецкого залива	6
Интервью с Г.Меир	10

Демократическое и сионистское движение
1960-х годов. Письмо 18 грузинских евреев

1

В 1960-е годы на Украине ширилось национальное движение; в Армении появилась Национальная объединенная партия; в Прибалтийских странах усилилась борьба за отделение от СССР; крымские татары добивались возвращения в Крым, откуда их изгнали в 1944 году; месхи, депортированные с Кавказа, хотели вернуться в родные места; немцы, высланные из Поволжья, требовали, чтобы их выпустили в Германию.

Карательные органы выявляли диссидентов по всей стране и осуждали на длительные сроки заключения. Проявления инакомыслия стали называть «вялотекущей шизофренией» – этот диагноз позволял отправлять в психиатрические больницы на неограниченный срок и применять принудительное лечение.

Одним из экспертов КГБ в 1950–1970 годы был Д. Лунц – профессор Московского института судебной психиатрии.

Принудительное лечение испытали в разные времена В. Гершуни, Н. Горбаневская, А. Есенин-Вольпин, Ж. Медведев, Л. Плющ, В. Файнберг, Г. Фейгин и другие. Писатель В. Тарсис опубликовал на Западе

книгу «Палата № 7» о пребывании в психиатрической больнице; туда же отправили и генерала П. Григоренко, разжалованного в рядовые, который пробыл в психбольницах более 6 лет.

«Я сам не знаю, кто такие «диссиденты»... – отметил Петр Григоренко. – Мы просто люди, несогласные с тем, что писать можно одно, а говорить другое. Мы убеждены, что если есть в стране конституция, то мы имеем право пользоваться ее положениями, не спрашивая ни у кого разрешения... А самое главное, мы убеждены, что каждый человек свободен в своих убеждениях и имеет неограниченное право их распространять».

Владимир Буковский провел в лагерях и тюрьмах 11 лет. Его помещали в психиатрические больницы, но, выйдя на свободу, он вновь отправлял на Запад материалы о принудительном лечении инакомыслящих. Из его воспоминаний: «Кто-то из ребят (в психбольнице) привел пример Ленина, который тоже был в конфликте с обществом и ради своих убеждений попал в ссылку. Но для психиатра это не объяснение, и всё, что получится в результате этого, – запись в истории болезни: «Страдает манией величия, сравнивает себя с Лениным»...»

Врач-психиатр Семен Глузман опроверг психиатрическую экспертизу на П. Григоренко; в 1972 году Глузмана осудили на 7 лет лагерей строгого режима.

2

Смена руководства в Кремле не отразилась на идеологических установках партии. В 1965 году арестовали Ю. Даниэля и А. Синявского, опубликовавших под псевдонимами свои произведения на Западе; в ответ на это в декабре того года состоялась в Москве, на Пушкинской площади, демонстрация под лозунгами «Уважайте Конституцию» и «Требуем гласного суда над Синявским и Даниэлем».

Следователи оценили поступок Даниэля и Синявского как «особо опасное государственное преступление», литературные эксперты признали их произведения «клеветническими»: в феврале 1966 года Андрея Синявского приговорили к 7 годам лагерей строгого режима, Юлия Даниэля – к 5 годам. М. Шолохов сказал по этому поводу на съезде писателей: «Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы... ох, не ту меру получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора».

КГБ принимал решительные меры по пресечению «различного рода сборищ и провокационных выступлений». В 1967 году арестовали Юрия Галанскова, Александра Гинзбурга, Алексея Добровольского и Веру

Лашкову; их обвинили в «изготовлении и распространении антисоветской литературы» и в «связях с антисоветскими зарубежными центрами».

Суд состоялся через год: Галансков – 7 лет лагерей (умер в заключении), Гинзбург – 5 лет, Добровольский – 2 года, Лашкова – 1 год.

В 1967 году в КГБ было создано особое управление для борьбы с инакомыслием в стране; завербовали дополнительно 25 000 секретных агентов для усиления контроля в разных слоях общества.

В 1968 году в Чехословакии начались демократические преобразования, борьба за «социализм с человеческим лицом», которая вошла в историю под названием «Пражской весны». В Кремле опасались, что Чехословакия отпадет от социалистического лагеря; 21 августа того года туда вошли войска СССР и стран Восточной Европы – «для защиты завоеваний социализма от происков империалистической реакции». Газета «Правда» сообщила читателям, что на «тайных радиостанциях, орудовавших в те дни на территории ЧССР.. работали оголтелые сионисты, в том числе «консультанты», подданные Израиля».

25 августа на Красной площади состоялась демонстрация правозащитников; у них были плакаты с надписями «Руки прочь от ЧССР!», «Долой оккупантов!», «За нашу и вашу свободу!» Н. Горбаневская вспоминала: «Виктору Файнбергу разбили до крови лицо и выбили зубы. Павла Литвинова били по лицу тяжелой палкой... Меня били в машине... Мы счастливы, я и мои друзья, что смогли... хотя бы на минуту прервать поток разнузданной лжи и трусливого молчания, показать, что не все граждане нашего государства согласны с насилием, которое проводится от имени советского народа...»

Вадима Делоне и Владимира Дремлюгу осудили на сроки до 3 лет лагерей, Константина Бабицкого, Ларису Богораз и Павла Литвинова приговорили к ссылке; Наталью Горбаневскую и Виктора Файнберга отправили в психиатрическую больницу.

Вскоре после этого еврей Илья Рипс пытался совершить самоожжение на центральной площади Риги – в знак протеста против подавления демократических свобод в Чехословакии.

И. Мешенер и Я. Сусленский, школьные учителя из молдавского города Бендеры, отправили письмо в ЦК партии, назвав действия советских войск в Чехословакии «актом агрессии и нарушения международного права». Мешенера исключили из партии, уволили из школы, однако нарушителей спокойствия арестовали не сразу, и суд состоялся в 1970 году.

В перечень обвинений попал не только протест по поводу Чехословакии, но и письма «антисоветского содержания», которые подсудимые – «находясь в состоянии националистического, сионистского угара» – направляли по разным адресам. Якова Сусленского приговорили к 7 годам лагерей усиленного режима, Иосифа Мешенера – к 6 годам.

Из воспоминаний узника Владимирской тюрьмы: «Опять посадили в карцер Сусленского, а он сердечник, и как его в карцер посадят, у него дня через три – приступ. Так и в этот раз. Тут уж весь корпус, все камеры, включая уголовников, ломали двери – грохот стоял, как при канонаде. Корпус ходуном ходил. Шутка сказать, 66 камер – около двухсот человек – долбили двери. В результате Сусленского на носилках перенесли в другой карцер, в другой корпус – только и всего».

Из лагерного свидетельства: «А это кто такой тощий, словно жертва Освенцима? Иосиф Мешенер...»

Иосиф Мешенер (слева) и Яков Сусленский

3

Подавление свобод в Чехословакии стало поворотным моментом в умонастроениях советской интеллигенции, и даже последние из оптимистов поняли, что нельзя ожидать в стране демократических преобразований. Власти усилили цензуру, чтобы предотвратить выпуск в свет «идейно ошибочных» и «идейно порочных материалов»; КГБ следил за малейшими проявлениями инакомыслия, и в отчетах бдительных

сотрудников замелькали определения: «нездоровые высказывания», «политически незрелое произведение», «идейно порочное выступление».

Диссидентов клеймили на собраниях и в газетных статьях, выгоняли с работы, отправляли в лагеря, а на их места вставляли новые граждане страны, которых ждала та же судьба. В. Буковский (из книги воспоминаний): «Мы уже далеко не те кролики, что умирали молча и безропотно... Мы знаем, какую сокрушительную силу имеет человеческая непокорность. Знают это и власти. Давно уже отбросили они в своих расчетах всякие коммунистические догмы. Не нужно им больше от людей веры в светлое будущее – им нужна покорность».

«И когда нас морят голодом по лагерям или гноят по карцерам, добиваются от нас не веры в коммунизм, а покорности или хотя бы компромисса...»

Свободная мысль ушла в подполье и находила свое выражение в статьях «самиздата», авторы которых требовали окончательного разоблачения «культы личности», отмены цензуры и монопольной власти компартии, права на свободу слова, собраний и политических организаций. Материалы «самиздата» попадали порой к читателям на одну ночь, потому что было немало желающих познакомиться с ними; бывало и так, что друзья собирались вместе и передавали по кругу прочитанные страницы, напечатанные на пишущей машинке или изготовленные фотоспособом.

Распространяли в «самиздате» романы А. Солженицына «Раковый корпус» и «В круге первом», книгу А. Авторханова «Технология власти», роман А. Кестлера «Тьма в полдень», повесть В. Ерофеева «Москва–Петушки», стенограмму суда над поэтом И. Бродским, записанную Ф. Вигдоровой, материалы по процессу А. Синявского и Ю. Даниэля, сборник статей «Из-под глыб», письмо А. Солженицына с требованием отмены цензуры, статьи А. Сахарова, неподцензурную прозу и поэзию.

Еще до событий в Чехословакии – в апреле 1968 года – вышел первый номер периодического информационного бюллетеня «Хроника текущих событий» о нарушениях прав человека в Советском Союзе, о судебных процессах над диссидентами и положении политзаключенных; первым редактором «Хроники» была Н. Горбаневская. Авторы бюллетеня рекомендовали читателям: «Каждый... может передать известную ему информацию в распоряжение «Хроники». Расскажите ее тому, у кого вы взяли «Хронику», а он расскажет ее тому, у кого он взял «Хронику» и т. д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача».

После ареста Горбаневской редактором «Хроники текущих событий» стал Анатолий Якобсон (в 1973 году уехал в Израиль), а затем состав ре-

дакции менялся каждые два-три года из-за арестов составителей этого бюллетеня. В 1970 году осудили на 3 года Андрея Амальрика – автора книги «Просуществует ли СССР до 1984 года». Попали в лагеря Мустафа Джемилев, отстаивавший права крымских татар, Сергей Ковалев, Кронид Любарский, Юрий Орлов, Габриэль Суперфин, Андрей Твердохлебов... – перечень можно продолжить.

С 1967 по 1971 год были выявлены – по подсчетам КГБ – 3096 «вскрытых и пресеченных» нелегальных групп «политически вредного характера».

Н.Мандельштам:

«Мы замутили воду на много поколений. К чистым источникам, может, уже не пробить тропы... Десятки лет, больше полувека, всё спрятано и закрыто. На каждого, кто осмелится приоткрыть хоть крохи истины, обрушивается целая свора заинтересованных псов...»

Самое удивительное, что еще копошатся люди, которые пробуют подать голос сквозь толщу воды, со дна океана. Среди них и я...»

4

В правозащитном движении 1960–1970 годов участвовали и евреи: М. Агурский, Л. Богораз, В. и Ю. Вудка, И. Габай, В. Гершуни, Ш. Грилюс, Г. Подъяпольский, Ю. Телесин, Б. Цукерман. Одни из них оставались диссидентами, другие принимали христианство, третьи – через демократическое движение – пришли к еврейской национальной идее.

Юлиус Телесин, распространитель «самиздата» правозащитников, получил почетный титул «Принц самиздатский». В 1969 году приехал в Израиль.

Студенты радиотехнического института в Рязани создали нелегальную организацию «Марксистская партия нового типа»; их программным документом стала работа Ю. Вудки «Закат капитала». В феврале 1970 года Юрия Вудку осудили на 7 лет лагерей строгого режима за антисоветскую пропаганду и участие в антисоветской организации; по тому же обвинению его семнадцатилетнего брата Валерия отправили в лагерь на 3 года, Шимона Грилюся – на 5 лет.

И. Менделевич: «Мне рассказывали, что в тюрьме Юра Вудка не только стремился со всей серьезностью исполнять заповеди, соблюдал субботу и «кашрут», но совершил поистине героический шаг: подобно

праотцу Аврааму, сам сделал себе обрезание – в лагерных-то условиях, без малейшей надежды на помощь санчасти».

В 1970 году ленинградца Бориса Шилькрота приговорили к 3 годам заключения за распространение материалов против преследования диссидентов; после освобождения он выехал в Израиль. Одессит Исай Авербух вспоминал в Иерусалиме: «Как мыслил я свое будущее? Только сесть в тюрьму за «самиздат». Ничего другого я себе не представлял: это был сознательно выбранный путь. Когда в мою жизнь вошел Израиль, я не думал, что уеду, – кто тогда думал, что можно уехать? Вопрос стоял: за что сидеть? Моя внутренняя переориентация заключалась в том, что я решил сидеть за Израиль, а не за Россию...»

В конце 1960-х годов примкнули к сионистскому движению Иосиф Бегун, Виктор Польский, Владимир Престин, Владимир Слепак – участники борьбы за выезд из СССР 1970–1980 годов.

Еврейские юноши и девушки не знали языка иврит, не было у них молитвенников, но в праздничные дни – чтобы побыть вместе – молодежь приходила к синагоге в своем городе, пела и танцевала до полуночи. Они встречались и на спектаклях еврейских артистов, приезжали из других городов, когда выступали певцы, пианисты или спортсмены из Израйля, с боем доставали билеты, окружали затем плотной толпой, чтобы узнать последние новости.

Лето 1966 года приехали из Израйля певица Г. Гил и пантомимист Я. Аркин. Она исполняла песню «Эли, Эли...» на слова израильской парашютистки Ханы Сенеш, и зал, забитый битком, взрывался аплодисментами. Председатель КГБ предложил прекратить выступления израильских артистов, «рассчитанные на возбуждение национальных чувств и эмигрантских настроений»; культурные связи с Израилем – по решению ЦК партии – сократили до минимума.

5

По окончании Шестидневной войны и разрыва дипломатических отношений развернулась кампания против сионизма и государства Израиль. В июне 1967 года П. Шелест, глава компартии Украины, говорил на пленуме ЦК: «Сионизм – глубоко реакционное международное движение... Сионизм стремится любыми способами подрывать позиции коммунизма... Эта враждебная идеология находит некоторую почву среди отдельных граждан еврейской национальности».

Центральные газеты страны тиражировали статьи и карикатуры в миллионах экземпляров: «Сионизм – это фашизм, прислужник империализма, идеология воинствующего антикоммунизма», «Израиль – расистское государство, осуществляющее геноцид», «международные еврейские организации возглавляют люди, запятнавшие себя сотрудничеством с нацистами...»

Возникало ощущение, что у Советского Союза не было более важной цели во внешней политике, чем разоблачение подрывной деятельности сионистов. Сионизм изображали мировым злом, всемирным сатанинством, хорошо организованным и замаскированным, способным подкупить или уничтожить неугодных. Сионизм, сионистский заговор, захват власти во всем мире – эти понятия повторяли содержание «Протоколов сионских мудрецов», которые избегали цитировать из-за их скандальной известности. Следовало подготовить новые книги на смену «Протоколам» – такие работы вскоре появились с согласия, а то и по инициативе партийных идеологов.

В 1969 году в Москве опубликовали книгу «Осторожно: сионизм!», тираж 125 000 экземпляров. Ее автор, Ю. Иванов – сотрудник международного отдела ЦК партии, заявил о «тысячелетнем заговоре» евреев для установления господства над миром, и его книга задавала тон антисионистской, антиизраильской пропаганде последующих лет.

В том же году книга «Осторожно: сионизм!» увидела свет в Киеве на украинском языке – 70 000 экземпляров. Ее трижды издавали на русском языке, дважды – на украинском, переводили на белорусский, таджикский, армянский и другие языки народов СССР, а также на английский, испанский, французский и арабский (общий тираж – 550 000 экземпляров).

Директор «Москниготорга» сообщил в ЦК партии о «лицах определенной национальности», которые скупали книгу «Осторожно: сионизм!» для уничтожения.

Затем на прилавках магазинов появились книги Е. Евсеева «Фашизм под голубой звездой» и «Сионизм: идеология и политика». Автор сообщал читателям, что сионисты участвовали «в преступлениях гитлеровцев по уничтожению евреев», а сионизм вырос из иудаизма, ибо основы этой религии – утверждал Евсеев – «человеконенавистничество, проповедь геноцида, воспитание властолюбия, воспевание преступных методов достижения власти».

Страна переживала продовольственный кризис, разрастались национальные движения, впереди был распад Советского Союза (хотя об этом еще не догадывались), но с маниакальной настойчивостью продол-

жалась хорошо оплачиваемая антисюнистская пропаганда, на которую не жалели времени, сил и денег, – эта пропаганда находила всё новых и новых авторов, а следовательно, и новых читателей.

Достаточно было в книгах и статьях заменить слово «сионист» на «еврей», и эти материалы приобретали ярко выраженную антиеврейскую направленность. Они создавали образ «внешнего и внутреннего врага», бросали тень на всех евреев страны, обвиняя их в неблагонадежности и косвенно оправдывая антиеврейские меры в кадровой политике.

Пропаганда оставила след в сознании многих, что выражалось в антисемитских выступлениях, в разрушении памятников на еврейских кладбищах, и – как следствие этого – в массовом выезде евреев из Советского Союза в 1970–1980 годы.

Даже письма из Израиля не доставляли адресатам – те письма, на которых были наклеены марки с магендавидом, способные пробудить в получателях сионистские устремления.

Карикатура из журнала «Агитатор», 1970 год

Из письма в редакцию «Правды»:

«За последние годы в наших газетах печатаются карикатуры на Израиль с изображением шестиконечной звезды.

Есть государства, где беспощадно расстреливают коммунистов, демократов, подавляют всякую свободу. Однако художники не изображают в виде карикатур ни христианского креста, ни исламского, ни дру-

гих знаков, боясь оскорбить их национальные чувства, а еврейские – можно.

Наши предки покоятся под шестиконечной звездой, и я считаю оскорблением их памяти карикатуры на еврейскую звезду. Кровь шести миллионов евреев, истерзанных фашистами под шестиконечной звездой, еще не высохла... Сообщите, будет ли еврейская звезда такой же равноправной, как и другие эмблемы... Ильягуев».

6

В 1969 году газета «Известия» опубликовала статью авторов-евреев «Под чью дудку пляшут сионисты»: «Воссоединение семьи – дело серьезное. Но вот вопрос: где именно воссоединять распавшуюся семью, на чьей земле – капитализма или социализма?.. Мы предпочитаем быть свободными и счастливыми людьми... под солнцем социализма...»

Выезд из Советского Союза противоречил идеологическим установкам Кремля, провозглашавшим торжество ленинской национальной политики, противоречил и утверждениям официальной пропаганды, что жизнь в стране победившего социализма намного лучше, чем в странах капитала. Москва прислушивалась также к протестам лидеров арабских стран, не желавших увеличения еврейского населения Израиля, а потому количество разрешений на выезд постоянно ограничивали.

С 1960 по 1963 год выехали в Израиль примерно 800 человек. Протесты во всем мире нарастали, критика на Западе влияла на политику Кремля: в 1964 году выдали 539 разрешений, в 1965 году – 1444.

В 1966 году председатель Совета Министров СССР А. Косыгин сообщил на пресс-конференции в Париже (и это опубликовали в «Правде»): «Что касается объединения семей, то если какие-то семьи хотят встретиться или хотят уехать из Советского Союза, то им открыта дорога и никакой проблемы здесь не существует». В 1966 году получили разрешения на выезд 1892 человека, к середине следующего года – 1162; затем разразилась Шестидневная война, разрыв дипломатических отношений с Израилем – тем, кто не успел выехать, аннулировали визы.

Летом 1968 года ЦК партии рассмотрел вопрос о возобновлении выезда – «в целях локализации клеветнических утверждений западной пропаганды о дискриминации евреев в Советском Союзе». Постановили выпустить «до 1500 человек» в год, но разрешения выдавать только «лицам преклонного возраста, не имеющим высшего и специального

образования». (В 1968 году получили разрешения на выезд 229 человек.)

В марте 1970 года демонстрировали по московскому телевидению «антисионистскую пресс-конференцию советских граждан еврейской национальности», в которой участвовало 52 человека. В своем заявлении они восхваляли национальную политику партии в еврейском вопросе и клеймили сионистов: «Мы презираем смехотворные претензии правителей Израиля и их сионистских сообщников в других странах говорить от имени всех евреев... У евреев-тружеников... нет и не может быть ничего общего с сионистскими расистами».

Это заявление, опубликованное в газетах, подписали среди прочих министр В. Дымшиц, генерал-лейтенант Д. Драгунский, поэты А. Бзыменский, А. Вергелис, Е. Долматовский, академики Г. Будкер, Я. Зельдович, И. Минц, М. Митин, А. Фрумкин, артисты Э. Быстрицкая, М. Прудкин, А. Райкин, режиссер В. Плучек, кинорежиссеры М. Донской и Ю. Райзман, председатель колхоза И. Егудин.

Москвич Илья Зильберберг направил открытое письмо участникам пресс-конференции:

«Куда же мчитесь вы на рысях, с гиком и свистом, презрев национальные чувства и человеческое достоинство? Что гонит вас? Страх? Но что сегодня грозит вам?.. В худшем случае – недовольная мина чиновника...

Это ваша лакейская душонка... погнала вас засвидетельствовать верноподданнические чувства хозяину, припасть к ручке, облобызать сапог и благодарить, благодарить, благодарить. А вознаграждений вам не надо, ибо вы не продаетесь, вы отдаетесь, и в этом уже ваша награда...

Насколько же жалки вы, кричащие: «Какое счастье – нет погромов!» А были бы погромы, вас бы умиляло, что не каждый день; а если бы каждый – что при этом не бьют; а били бы – что не до смерти; а до смерти – что не сразу...»

Академик И. Кикоин не подписал заявление 52 евреев и письмо с осуждением А. Сахарова. КГБ докладывал: «Хахам тбилисской религиозной общины И. Давиташвили отказался подписать документ, осуждающий действия израильских государственных деятелей».

В марте 1970 года в московской синагоге состоялась Конференция служителей иудейского культа под председательством раввина И. Левина. Выступавшие говорили о свободе вероисповедания в СССР, осуждали «израильскую агрессию» и право руководителей Израиля выступать от имени евреев всего мира; раввины в зале слушали речи и помалкивали.

Ход конференции испортил востоковед Михаил Занд, который пришел без приглашения и сказал во всеуслышание: «У раввинов, находящихся здесь, нет права говорить от имени евреев Советского Союза, многие из которых желают уехать в Израиль. Почему вы не пригласили евреев, которые хотят оставаться евреями? Почему не пригласили других раввинов, у которых есть смелость сказать правду? Я говорю вам: здесь, в Советском Союзе, еврей не может жить как еврей!»

М. Занда вывели из синагоги и задержали для расследования инцидента.

Хахам Хаим (известный в Кутаиси по имени «га-Катан» – «маленький») уговорил раввинов Грузии не ехать в Москву: «Даже молчаливое присутствие будет означать поддержку политики советского правительства», – и они отсутствовали на той конференции.

7

В 1969 году Верховный Совет СССР ратифицировал «Международную конвенцию по ликвидации всех форм расовой дискриминации». Один из пунктов конвенции определял, что «каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая собственную, и возвращаться в свою страну».

Возможно, это повлияло на политику Кремля: в 1969 году 2979 человек смогли выехать в Израиль. Среди них оказались бывшие заключенные – поэт И. Керлер, Д. Кустанович-Подольская и С. Подольский, Г. и М. Ландман, Д. Хавкин, И. Хорол, И. Шнайдер, Д. Шперлинг. Получил разрешение на выезд и московский студент Я. Казаков, который за полтора года до этого отказался от советского гражданства: «Я еврей, и как еврей считаю своей родиной государство Израиль – родину моего народа...»

В марте 1970 года израильский студент Яков Казаков объявил голодовку у здания ООН в Нью-Йорке, чтобы привлечь внимание к положению евреев в Советском Союзе.

Уезжали не только «лица преклонного возраста, не имеющие высшего и специального образования», но и молодые специалисты с высшим образованием, уезжали даже военнообязанные. Это вселяло надежды и подталкивало тех, кто еще недавно сомневался в успехе. Наряду с этим было немало евреев, откровенно враждебных национальному движению, – они ощущали угрозу своему благополучному существованию из-за тех,

кто желал покинуть страну. Но большинство еврейского населения оставалось безучастным к проблеме выезда; пройдет немного времени, и им тоже придется решать этот вопрос: ехать или не ехать...

В августе 1969 года съехались в Москву сионисты из разных городов, создали Всесоюзный координационный комитет, наметили цели общей деятельности. В ноябре заседание комитета состоялось под Ригой: обсуждали текущие дела, приняли решение издавать периодический сборник статей «Итон» (в переводе с иврита «Газета»).

«Итон алеф» («алеф» – первая буква еврейского алфавита) увидел свет в Риге в феврале 1970 года; его выпускали В. Богуславский и Л. Коренблит (Ленинград), К. Малкин (Москва), И. Менделевич (Рига). В первый номер вошли материалы про армию обороны Израиля, о премьер-министре Г. Меир и восстании в Варшавском гетто, воспоминания В. Жаботинского о И. Трумпельдоре, рассказы о праздниках Пурим и Песах.

И. Менделевич: «Для перепечатки статей – а в одну закладку нужно было вложить одиннадцать экземпляров – требовалась тончайшая папиросная бумага. И мы покупали ее с большой осторожностью, боясь вызвать подозрение продавцов... Машинисткам надо платить, а у нас денег не было. Да и не каждой можно доверять. Поэтому печатать приходилось самим, то есть очень медленно... Отпечатанные экземпляры переплетали и отдавали знакомым».

Более 200 экземпляров «Итон алеф» размножили фотоспособом и разослали по городам; в мае того же года выпустили следующий сборник «Итон бет» («бет» – вторая буква еврейского алфавита). В нем поместили Декларацию независимости Израиля, материалы о первом дне Шестидневной войны, интервью с Г. Меир, письма протеста с требованием отпустить в Израиль – под заголовком «Евреи перестают молчать».

Собрали материалы для третьего номера, но их конфисковали на обыске, а редакторы сборника вскоре предстали перед судом.

8

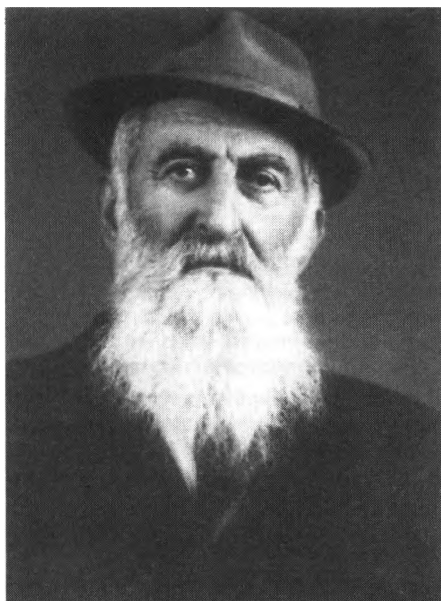
Это событие случилось в грузинском городе Кутаиси в 1969 году. Группа религиозных евреев подготовила коллективное письмо и решила отправить его в Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций, главе правительства Израиля и послу Израиля в ООН.

Письмо начиналось такими словами: «Мы, восемнадцать верующих еврейских семей Грузии, просим вас помочь нам выехать в Израиль... Мы послали сотни писем и телеграмм – они исчезли, как слезы в песке».

пустыни. Мы слышим односложные устные отказы, мы не видим письменных ответов, никто ничего не объясняет, судьба наша никого не волнует. Но мы ждем, ибо веруем...»

Один из евреев заявил: «Я поставлю свою подпись, возьму риск на себя, но не хочу, чтобы мои сыновья тоже подписывали это письмо. Я боюсь за них». В ответ на это сказал хахам Хаим Михелашвили: «Я ставлю свою подпись. И два моих сына – тоже. Что случится со мной, то случится и с моими сыновьями». Так же поступил Шабтай Элашвили и включил в список сына и мужа дочери, – согласились подписать письмо 18 человек.

Если перевести цифру 18 в буквенное обозначение на иврите, то получится слово «хай» – «живой». «Восемнадцать, – сказал хахам Х. Михелашвили, – это знак удачи», и в список никого больше не добавляли.

Хахам Хаим Михелашвили

26 августа 1969 года, на исходе субботы, евреи разошлись по домам после вечерней молитвы, а через малое время восемнадцать семей – мужчины, женщины, дети – тайком вернулись в кутаисскую синагогу. Выставили на улице дозорных, закрыли двери, хахам Х. Михелашвили предложил подписать письмо с указанием имени, фамилии и адреса – город, улица, номер дома.

Первым был Шабтай Элашвили, который сказал: «Властелин мира! Из любви к Тебе и из любви к народу Израиля я совершаю это. Помогите нам!» Затем письмо подписывали остальные, и каждый из них решал, на

каком месте будет находиться его фамилия. Один поставил подпись под номером три – в честь праотцев Авраама, Ицхака, Яакова; другой выбрал номер пять – Тора состоит из пяти книг; хахам Х. Михелашвили поставил подпись под номером десять – на скрижалях Завета начертаны десять заповедей.

Затем восемнадцать человек поклялись перед свитком Торы: никого и ничего не бояться, не отступать от задуманного, что бы там ни было, – зажгли в синагоге все огни и громко запели песню, которую пели евреи при выходе из Египта. «Сумасшедшие... – заволновались женщины. – Потушите свет! Вас же услышат на улице!» – «Это не имеет значения, – сказал хахам. – Письмо уже подписано. Мы поклялись стоять до конца, и пусть они делают, что хотят».

Письмо подписали тринадцать евреев из Кутаиси, три из Поты, один из Тбилиси и один из поселка Кулаши.

В письме сказано:

«Не забыли мы Иерусалим, и руки наши нужны ему.

Нас восемнадцать – тех, кто подписал это письмо. Но ошибется тот, кто сочтет, что нас всего восемнадцать: подписей могло бы быть гораздо больше... Ибо с теми, кто молится об Израиле, сотни миллионов – тех, кто не дожил, кто замучен, кого уже нет. В одной шеренге с нами идут и они, непокоренные и вечно живые, передавшие нам традиции борьбы и веры.

Вот почему мы хотим выехать в Израиль...

Мы будем ждать месяцы и годы, если потребуется – всю жизнь, но не отречемся от веры и надежды своей. Мы верим: молитвы наши дошли до Бога. Мы знаем: призывы наши дойдут до людей. Ибо мы просим немногого: отпустить нас в землю предков».

Ш. Элашвили приехал в Москву, прошел без разрешения в посольство Голландии и передал письмо послу. «Это срочно, – сказал он. – Жизнь моих товарищей зависит от этого письма...» Так оно попало за границу.

10 ноября 1969 года в синагогу вбежал сын Элашвили и закричал: «Радио... Голда Меир... Голда зачитывала наше письмо!..» Г. Меир прочитала его с трибуны кнесета, и депутаты приняли резолюцию, призывающую все страны уважать «бесспорное право каждого еврея жить на земле своей исторической матери-родины». Письмо восемнадцати грузинских евреев опубликовали крупнейшие газеты мира. Организация Объединенных Наций распространила его как официальный документ. Письмо переводили на многие языки и зачитывали на митингах протеста:

«Нет страны, приютившей евреев, которую не отблагодарили они трудом своим. Что же получали евреи взамен? Если все жили сносно, евреи в страхе ждали других перемен. И если всем становилось плохо, евреи знали: пришел их смертный час, и тогда прятались или убегали из страны. И кто бежал, начинал всё сначала. И кто не мог бежать, погибал. А кто хорошо спрятался, дожидался других времен...»

И пусть без приюта брели они по земле – у Бога всем нашлось место. И пусть прах их развеян по миру, память о них жива. В наших жилах – их кровь, слезы наши – их слезы...»

Мы верим: молитвы наши дошли до бога.
Мы знаем: призывы наши дойдут до людей.
Ибо просим мы немного –
отпустить нас в землю предков...

1. ЭЛМВШИЛИ Шабата Михайлович Elmshili
2. ЭЛАШВИЛИ Михаил Шабатович Elashvili
3. ЭЛА...ВИЛИ Израиль Михайлович Elavili
4. ЭЛУАМВИЛИ Яков Аронович Eluamvili
5. ХИЖИНАШВИЛИ Мордех Исакович Chikhinashvili
6. ЧИКВАШВИЛИ Михаил Самуилович Chikvashvili
7. ЧИКВАШВИЛИ Моше Самуилович Chikvashvili
8. БЕВЕРАЦВИЛИ Михаил Рубенович Beveratvili
9. ЭЛАШВИЛИ Яков Израйлович Elashvili
10. МИХЕЛАШВИЛИ Хаим Аронович Mikheleshvili
11. МИХАИЛАШВИЛИ Альберт Хаимович Mikhaishvili
12. МИХЕЛАШВИЛИ Арон Хаимович Mikheleshvili
13. ТЕТРУАШВИЛИ Хаим Давидович Tetrushvili
14. ЦИЦУАШВИЛИ Исро Захарович Tsitushvili
15. ЦИЦУАШВИЛИ Ефрем Исрович Tsitushvili
16. ЯКОБИШВИЛИ Венсион Шалович Yakobishvili
17. БАТОБМАШВИЛИ Михаил Рафаелович Batobmashvili
18. ТЕТРУАШВИЛИ Михаил Шаломович Tetrushvili

Подписи
под «письмом
восемнадцати»

Подписавших письмо вызывали на допросы, им угрожали, но через несколько месяцев они отправили второе обращение в ООН: «Мы, восемнадцать верующих еврейских семей Грузии, напоминаем вам, что живы и молимся о возвращении в Израиль... Мы ничего не боимся, ибо, живые или мертвые, мы – дети Израйля. Кто поможет нам?..»

В конце концов, после многих волнений восемнадцать грузинских евреев со своими семьями приехали в Израиль. Ш. Элашвили и его

семья приземлились в аэропорту Лод в дни праздника Песах 1971 года. Его вынесли из самолета на носилках и отвезли в иерусалимскую больницу, откуда он уже не вышел.

Ш. Элашвили похоронили на Масличной горе. В память об этом человеке, которого в Грузии именовали «Моисеем нашего времени», в Иерусалиме назвали площадь – имени Шабтая Элашвили.

После Шестидневной войны возросла в Польше антиссионистская пропаганда, и Л. Треппер, бывший советский разведчик, вспоминал: «17 июня 1967 года первый секретарь польской компартии Гомулка... обрушился с гневными нападками на евреев... и дал ход лозунгу: «Еврейская община – это пятая колонна». В газетах, на телевидении, на собраниях рабочих началась беспрецедентная антисемитская кампания...»

В стране началось почти поголовное увольнение евреев, что привело к их массовому исходу. К 1970 году в Польше оставалось не более 6000 евреев.

Книги 1967–1970 года, изданные в городах Украины на русском и украинском языках: «Сионизм – орудие империализма», «Государство Израиль – агрессор», «Кому служат сионисты», «Правда о земле обетованной», «Крах иллюзий: правда о жизни в Израиле» и прочие (общий тираж – более 500 000 экземпляров).

Из документа ЦК партии: «В 1970–1971 гг. издано 59 книг общим тиражом свыше 2 млн. экземпляров на русском, украинском, литовском, английском, французском, немецком, испанском и арабском языках», «в которых разоблачается реакционная, антисоветская сущность теории и практики современного сионизма».

Председатель украинского колхоза «Дружба народов» И. Егудин сказал на пресс-конференции 52 евреев: «Недавно наш колхоз посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. У меня, в еврейском доме, за еврейским столом, обедал Генеральный секретарь Центрального комитета нашей партии. Когда, где, в какой стране это возможно?..»

Из ответного письма И. Зильберберга:

«Еще бы! – «когда, где, в какой стране это возможно», чтобы Сам (глаза к небу) сел за еврейский стол, не побрезговал, не отвер-

нулся, не зажал нос? Да после этого десять Израилей можно послать к чертовой матери!..

Но посмотрели бы вы на себя глазами тех, к кому вы лезете в брата. Окажись вы в тот момент рядом с ними перед экранами телевизора, вы бы прочли на их лицах не только насмешку, издевку, презрение и ненависть – вы бы увидели брезгливость».

В 1970 году в Москве опубликовали роман И. Шевцова «Любовь и ненависть». Герой романа Наум Гельцер, полуеврей, убивает свою мать, а затем и русскую женщину Соню Суровцеву, предварительно ее обесчестив:

«Наум был пьян от вождения. Дикая зверь и домашнее животное уживались в его душе. Сев на кровать и сопя как бык, он прикоснулся к дрожащим Сониным плечам. Вздрогнув, как от удара током, она отбежала к стене, истерически крича: «Не смей меня трогать! Не смей меня трогать!»...» Наум Гельцер дает Соне наркотик, парализуя ее волю, убивает и расчленяет тело «северной женщины».

В том же романе некий еврей, скрывающийся под именем Аркадия Дубавина, заставляет русскую женщину провести с ним ночь, а затем подает тайные сигналы американской подводной лодке.

Даже к концу двадцатого века публиковали в России статьи с «разоблачением» теории относительности А. Эйнштейна, которая «оказывает пагубное влияние на неокрепшее сознание юношества... ведет к воспитанию комплекса неполноценности...»:

«Изложение теории относительности всегда отличалось и отличается запутанностью, неясностью... Поддерживается миф о том, что смысл теории относительности недоступен простым смертным...» – «Теория относительности является идеологической диверсией в материалистической философии, она подрывает основы марксистско-ленинского мировоззрения...»

Очерк сто первый

«Самолетный процесс». Массовый выезд в Израиль

1

Незадолго до Шестидневной войны побывал в Советском Союзе Э. Визель, после чего опубликовал книгу «Евреи молчания». В ней можно прочитать такие слова:

«Евреи – они есть в России. Говорят даже, что они последние евреи в мире... Последние – потому что они страдают больше других, и больше других заслуживают мира и сострадания. Последние – потому что они более одиноки, чем другие. И еще потому, что больше других они пребывают в безнадежности, их окружающей...»

И в той же книге Визель написал: «Я отправился в Россию, влекомый молчанием евреев, – а увез оттуда их крик...»

Шестидневная война произвела огромное впечатление на евреев Советского Союза. Не было, наверно, такой семьи, где не обсуждали бы эту тему и не прорывались по ночам через «заглушки», чтобы услышать подробности боевых действий на всех фронтах.

Герман Брановер, Рига: «Я проводил вечера напролет у радиоприемника, слушая все израильские передачи подряд – на русском, идиш, ив-

рите и английском, боясь упустить даже малейшую деталь... этого чуда из чудес, вошедшего в историю под названием Шестидневная война...»

Виталий Рубин, Москва: «Во время Шестидневной войны мои друзья были в состоянии большого напряжения, все ждали, что произойдет, с утра до вечера слушали израильское радио. И когда мы узнали о победе – это было потрясающее событие!..»

К вечеру первого дня войны радио Москвы сообщило об огромной победе египетской армии. В тот вечер молодежь ожидала израильских дипломатов у входа в концертный зал перед началом вечера еврейской песни. Когда юноши и девушки услышали об успехах израильской армии, они забыли о концерте и кинулись сообщать эту новость родным и знакомым.

Блистательная победа армии небольшой страны поразила не только евреев, но и многих граждан СССР; это пробудило чувство гордости за ошеломляющий успех Израиля на полях войны и привело к всплеску еврейского национального движения в Советском Союзе. Можно без преувеличения сказать: после той войны даже ассимилированные евреи стали иными; появилась не только гордость, но и чувство ответственности за Израиль, который в предвоенные месяцы находился в опасности.

Осведомитель сообщал из Запорожья: «Гуткин З. Л. утверждал: «С божьей помощью израильяне победили арабов. Это говорит о том, что в Израиле живет сильный и мужественный народ, который победит любого врага»...»

В Кишиневе исключили из университета несколько студентов-евреев – за отказ осудить «израильскую агрессию». Председатель КГБ докладывал: «Во время последнего праздника «Симхат-Тора» отдельные подстрекатели организовали около (московской) синагоги исполнение еврейских песен и танцев, имели место националистические выкрики: «Да здравствует Даян!», «Нам бы автоматы в руки и в Израиль!», «Да здравствует еврейское студенчество!», «Да здравствуют евреи!»...»

2

Пробудившееся национальное самосознание и желание уехать в Израиль подпитывались не только победой в Шестидневной войне. К тому подталкивала антиизраильская политика Кремля, ложь гигантского пропагандистского аппарата, способствовавшая усилению антисемитизма в стране, новые ограничения при поступлении на работу и в институты.

Возникал конфликт в семьях: родители не хотели слышать об Израиле, а дети учили иврит, слушали радиопередачи из Иерусалима, в дни еврейских праздников собирались около синагоги. Бывало и так, что вся семья в редком единодушии решала для себя этот нелегкий вопрос: подняться с насиженного места и уехать на Ближний Восток, в ту страну, о которой в то время были лишь туманные представления.

Из воспоминаний: «В Шестидневную войну меня волновало одно: утвердят кандидатскую диссертацию или не утвердят...» – «Я решал тогда – уехать в Израиль или перейти на работу в областную партийную газету...» – «У меня появилось ощущение, что если я не уеду, то мой отец как бы и не жил...»

За полгода до Шестидневной войны объединились в Ленинграде две малочисленные группы и создали подпольную сионистскую организацию из восьми человек: Р. Бруд, Г. Бутман, Г. Вертлиб, С. Дрейзнер, В. Могилев, Б. Товбин, Д. Черноглаз, А. Шпильберг. Их программа включала борьбу за свободный выезд в Израиль и распространение еврейской культуры для пробуждения национального самосознания.

Организация пополнялась новыми участниками, и Л. Ягман свидетельствовал: «Мы начали учиться и учить других. Были созданы курсы для изучения иврита и истории еврейского народа... Никто из нас не знал иврит, учились по «Элеф милим». Тот, кто прошел первую часть, становился учителем для начинающих и сам продолжал учиться. Среди нас было несколько пожилых евреев, которые знали иврит с прежних времен. Один из них, А. Белов, подготовил много учителей...»

Израиль Дейфт провел в заключении 11 лет, вернулся затем в Ригу, преподавал иврит в нелегальных кружках и не брал плату за свои уроки. В Киеве обучал иврит писатель Натан Забара, бывший лагерник.

В 1970 году под Одессой организовали летний лагерь для подготовки учителей иврита; его устраивали затем из года в год.

На киевском заводе проходил митинг с осуждением «израильской агрессии»; вышел на трибуну инженер Б. Кочубиевский и сказал собравшимся: «Вы видели живого сиониста? Я – сионист!» На траурном митинге в Бабьем Яре Кочубиевский заявил в своем выступлении, что евреев – в отличие от прочих жертв – убивали лишь за то, что они евреи. В конце 1968 года на Кочубиевского завели уголовное дело, и он написал Л. Брежневу: «Я – еврей. Я хочу жить в Еврейском государстве. Это мое право, как и право украинца жить на Украине, как право русского жить в России, как право грузина жить в Грузии... Выпустите меня!»

Суд над Кочубиевским проходил в мае 1969 года – в том же здании, где некогда судили М. Бейлиса. Судьи решили, что публичные выступления подсудимого являлись «распространением заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Обвинитель сказал ему: «Вы подумали о том, что сделали с вашей женой? Заразили молодую русскую девушку своими сионистскими взглядами...» Бориса Кочубиевского осудили на 3 года лагерей.

В стране было уже немало людей, получивших отказы на свои просьбы, и они отправляли письма по разным адресам с требованием отпустить в Израиль. «Появление открытых писем, – отметил современник, – означало явную конфронтацию с советской властью. Такого прежде не было. Новое заключалось в том, что в открытой борьбе, которую мы начали, отступление было невозможно».

1969–1970 годы: открытое письмо подписали 25 москвичей с указанием имени-отчества, фамилии и адреса; Рига – 27 подписей под письмом, Ленинград – 9 подписей, Грузия – 15, Киев – 10, Москва – 75, Минск – 17, Вильнюс – 9, Рига – 24... Среди тех, кто вступил в открытую борьбу, была не только молодежь, но и солидные люди на хорошей должности, с научными степенями и наградами, добившиеся в жизни немало, которые вспомнили вдруг о своей национальной принадлежности.

«Я не могу смириться с мыслью, что мой сын никогда не пойдет в еврейскую школу, не прочтет еврейской газеты, книги, не увидит еврейского спектакля, фильма, не познает еврейскую историю, культуру, никогда не сможет с полным правом произнести: «Мой язык, моя история, мой народ, моя Родина!»...» А. Друк.

«С этого дня мы в пути. Пусть же этот путь не будет слишком долгим! Пусть наши дети не растут на чемоданах!..» А. Шпильберг.

«Но я ведь не крепостной! Я сам могу решить, чьим пушечным мясом мне быть!» Л. Эльяшевич.

В 1970 году И. Менделевич направил письмо председателю комиссии по правам человека Организации Объединенных Наций:

«Господин председатель!

Я молодой человек, который только начинает жить в этом прекрасном мире. Я хочу жить, учиться и работать на своей национальной родине – в Израиле, который был дарован нашему народу Богом Авраама, Ицхака и Яакова. В этом я вижу цель всей своей жизни, оправдание своего существования...

Невозможность осуществить мое стремление терзает мне душу, я в смятении... Господин председатель! Я хочу жить, помогите мне!

Иосиф Менделевич, 23 года, Рига».

14 июня 1970 года 37 ленинградских евреев подписали письмо Генеральному секретарю ООН, а на следующий день произошло событие, о котором заговорил весь мир.

15 июня 1970 года газета «Вечерний Ленинград» опубликовала краткое сообщение: «15 июня с. г. в аэропорту «Смольное» задержана группа преступников, пытавшихся захватить рейсовый самолет. Ведется следствие».

В тот день в 8 часов 30 минут утра у трапа самолета были задержаны двенадцать человек: Марк Дымшиц, Эдуард Кузнецов, Иосиф Менделевич, Израиль Залмансон, Вульф Залмансон, Алексей Мурженко, Юрий Федоров, Анатолий Альтман, Мендель Бодня, а также жена Дымшица Алевтина и две его дочери. Ночью, за несколько часов до этого, в лесу около Приозерска – неподалеку от границы с Финляндией – были арестованы Сильва Залмансон, Борис Пенсон, Арье и Мэри Хнох.

Эта операция получила кодовое наименование «Свадьба». Первая группа арестованных скупила все билеты на рейс Ленинград–Приозерск; они намеревались прилететь туда на 12-местном пассажирском самолете Ан-2, связать пилотов, взять на борт четверых, ожидавших в Приозерске, и улететь в Швецию, чтобы оттуда попасть в Израиль. За штурвал самолета должен был сесть М. Дымшиц, бывший военный летчик.

Такое, казалось бы, малозначительное событие произошло 15 июня 1970 года, за которым никто, видимо, не ожидал неожиданного продолжения. Ни те, кто в отчаянной попытке пытался прорваться через границу и попасть в Израиль. Ни те, кто следил за ними, арестовывал, готовил затем показательный «самолетный процесс». Ни десятки тысяч евреев СССР, которые не могли предположить тогда, что это событие отразится на их судьбах и поставит перед ними главный, быть может, вопрос жизни...

3

КГБ получил первую информацию о задуманной акции в начале 1970 года и 30 апреля сообщил в ЦК партии:

«Комитетом госбезопасности получены данные о существовании в Ленинграде сионистской организации, состоящей из пяти групп националистически настроенных граждан по шести человек в каждой.

Руководители групп... составляют «Комитет» данной организации... По непроверенным данным, на совещании «Комитета» 26 апреля с. г. Бутман предложил провести «акцию», содержание которой держится в

строгом секрете, и к ее осуществлению привлечь еврейских националистов, проживающих в г. Риге.

Большинство членов «Комитета» выступили против «акции»... Они считают необходимым получить на это санкцию у израильских правящих кругов».

Из Израиля пришел отрицательный ответ; члены Комитета отказались от захвата самолета, но группа Дымшица–Кузнецова тайно готовилась к побегу.

А. Мурженко (июнь 1970 года):

«Нас будет шестнадцать... Конечно, у каждого из беглецов свои мотивы, но основная причина побега лежит на поверхности: нет возможности свободно эмигрировать, поэтому приходится переходить границу нелегально и даже идти на такой шаг, как захват самолета (правда, на земле, а не в воздухе, и, конечно, без оружия...)

Уже ничего нельзя изменить – у меня настроение камикадзе... Мытарства мне надоели, идти на компромисс с совестью не могу. Я устал...»

Э. Кузнецов (из «Дневников», написанных в заключении):

«Вечером в лесу возле аэропорта «Смольное» я сказал, что за нами слежка. Это ты нервничаешь, говорят. Я понял, что все они чувствуют обреченность операции, но не хотят признаться в этом ни себе, ни друг другу... Борис (Пенсон) сказал мне доверительно: «Теперь хоть в петлю, лишь бы не возвращаться...»

Почему же я всё-таки согласился на побег?.. 20 месяцев – от освобождения из тюрьмы до нового ареста – были для меня сплошной душевной судорогой...»

И далее: «Я не знаю ни одного дела хотя бы с пятью участниками, которое обошлось бы без доносчика. У нас доносчиков не было. Это предмет моей гордости...»

И. Менделевич (из книги «Операция “Свадьба”»):

«Похоже, нас выследили... Яснее ясного – мы на крючке. Нам не удастся вырваться. Разумнее было бы отложить операцию...

Почему мы не сделали этого? Сложный вопрос... Нас вела мечта, и было жалко от нее отказаться. Да и выбора не было. Остаться в этой стране мы уже не могли. Сила, овладевшая нами, превышала доводы разума.

И всё же редко мне выпадали такие счастливые дни: я верил, что наконец-то живу в согласии с волей Бога, был счастлив и готов на всё...»

15 декабря 1970 года. Ленинградский городской суд на Фонтанке. Усиленные наряды милиции и работников КГБ. Вход только по пропускам. Небольшой зал заседаний заполнялся специальной публикой, состав которой обновляли каждый день. Во время суда происходила частая смена конвоя, приставленного к подсудимым. Топот сапог, шелкание каблуками – иногда это повторялось каждые 10–15 минут.

На скамье подсудимых – 11 человек. М. Дымшиц, Э. Кузнецов, И. Менделевич, С. Залмансон, И. Залмансон, А. Мурженко, Ю. Федоров, А. Альтман, Б. Пенсон, А. Хнох, М. Бодня.

В. Залмансон был офицером, и его судил Военный трибунал. Мэри Хнох, Алевтину Дымшиц и ее дочерей к суду не привлекли.

Статьи обвинения: «измена родине», «ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление», «хищение государственного имущества в особо крупных размерах» (имелся в виду самолет), «участие в антисоветской организации», «антисоветская агитация и пропаганда».

Из воспоминаний матери Б. Пенсона:

«Нас, родственников подсудимых, пропускали в здание по списку. Атмосфера в зале была крайне напряженной, на нас смотрели с откровенной злобой.

Но вот начался суд. Обвинительное заключение читали со многими перерывами. Выступления прокуроров длились часами. Судья заметно уставал... Адвокаты объясняли, что самолет и летчики целы и невредимы, что самолет собирались использовать как средство передвижения, и ни один из подсудимых не предлагал продать его и присвоить вырученные деньги. Адвокаты просили снять обвинение в хищении самолета, прокурор вступал с ними в спор, в зале было душно и жарко».

«Во время перерыва всех удаляли из зала, а подсудимые оставались на месте. Их плотно оцеплял конвой. В коридоре зрители шепотом переговаривались: «Вот шайка работала! Расстрелять их мало!»...»

Так начался «самолетный процесс» – восемь дней судебных заседаний: допросы, обвинение, защита. На вопрос прокурора, считает ли он себя «сионистом или лицом еврейской национальности», И. Менделевич сказал: «Я еврей, единственное желание которого – попасть в Израиль». На это прокурор заявил: «Русский народ выделил вам Биробид-

жан, и поезжайте туда». Менделевич ему ответил: «Позвольте мне самому решать, какое государство, а не какая область является моей родиной».

Прокурор – вопрос Ю. Федорову: «Знали ли вы о том, что должны были служить маскировкой преступного замысла группы, чтобы не видны были «еврейские уши» этой группы?» Федоров: «Я не понимаю, что вы имеете в виду». Прокурор: «Вы знали, что в группе будут одни евреи?» Федоров: «Да, знал». Прокурор: «Знал и согласился?!»

Э. Кузнецов (мать – русская, отец – еврей): «В лагере (во время первого заключения) я впервые столкнулся с участниками национальных движений... Я понял, что мне нужно прибиваться к своему берегу; он для меня определяется той половинкой крови, которая сильнее – хотя бы потому, что навеки причисляет к стану отверженных. Так я сделал свой выбор...»

На вопрос о национальности Кузнецов ответил: «Еврей». Прокурор: «Но ведь в паспорте у вас записано русский?» Кузнецов: «Вы спрашиваете меня не о записи в паспорте, а о моей национальности».

Обвинение потребовало для Дымшица и Кузнецова смертную казнь, остальным – сроки наказания до 15 лет. Из последнего слова подсудимых (записано по памяти присутствовавшими на процессе):

М. Дымшиц: «Мы, группа подсудимых, разные по характеру люди. Многие из нас познакомились друг с другом только в последний день. И всё-таки отрадно, что и здесь, на суде, мы не потеряли человеческий облик. Не стали кусать друг друга, как пауки в банке...»

Ю. Федоров: «Обвинитель не поспешил на сроки, но знает ли он, что значит хотя бы три года в лагере? Я не могу понять, почему Кузнецов и Дымшиц вдруг оказались виновнее всех остальных... И еще хочу подчеркнуть: я сам настоял на своем участии, а Мурженко привлечен мной даже вопреки желанию Кузнецова...»

А. Альтман: «Граждане судьи, я обращаюсь к вам с просьбой сохранить жизнь Кузнецову и Дымшицу и назначить минимальное наказание единственной среди нас женщине – Сильве Залмансон... Сегодня, когда решается моя судьба, мне и прекрасно и тяжело: я выражаю надежду, что Израиль посетит мир. Я шлю тебе сегодня свои поздравления, моя земля! Шалом алейхем! Мир тебе, земля Израиля!...»

С. Залмансон:

«Я не могу прийти в себя... Прокурор предложил снять головы за негодяйное. И если суд согласится, то погибнут такие замечательные люди, как Дымшиц и Кузнецов. Я считаю, что советский закон не может

рассматривать как измену чье-либо намерение жить в другой стране. Я убеждена, что по закону нужно привлечь к суду тех, кто незаконно попирает наше право жить там, где нам хочется...

Я и сейчас ни минуты не сомневаюсь, что когда-нибудь уеду и буду жить в Израиле... Это мечта, освященная двумя тысячелетиями надежды, никогда меня не покинет. В будущем году в Иерусалиме! И сейчас я повторяю: «Если забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет правая рука моя»...» (Повторяет эти слова на иврите.)

5

Приговор объявили 24 декабря 1970 года, во второй день праздника Ханука: «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической республики. Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда... установила вину подсудимых... (перечислены фамилии) в том, что они в силу своих антисоветских убеждений, действуя умышленно в ущерб государственной независимости Союза ССР, в 1969–1970 годах вошли в преступный сговор и приняли решение изменить родине путем бегства за границу...»

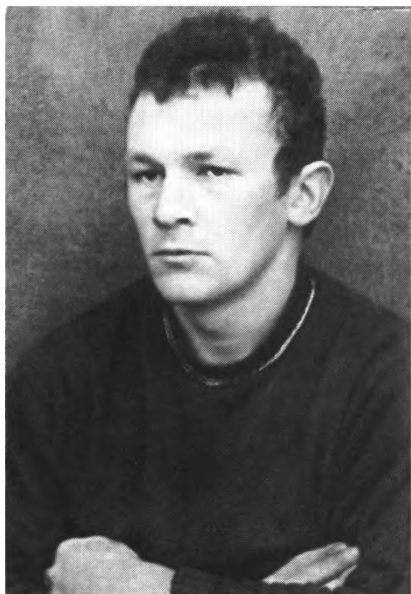
Марка Дымшица и Эдуарда Кузнецова приговорили к «исключительной мере наказания» – смертной казни. Иосиф Менделевич и Юрий Федоров – 15 лет заключения, Алексей Мурженко – 14 лет, Арье Хнох – 13, Анатолий Альтман – 12, Сильва Залмансон и Борис Пенсон – 10, Израиль Залмансон – 8, Мендель Бодня – 4 года лагерей.

Суд определил для Федорова и Мурженко пребывание «в исправительно-трудовой колонии с особым режимом», Менделевичу, С. Залмансон, И. Залмансону, Альтману, Хноху и Пенсону – «в колонии строгого режима», Бодне – «в колонии усиленного режима». Почти у всех в приговоре было указано: «без конфискации имущества за отсутствием такового».

И. Менделевич: «На лице Марка не дрогнул ни один мускул. Сильва закричала, заплакала. Эдуард выдавил: «Никак большевики не напьются кровью. Ну ничего, когда-нибудь они в ней захлебнутся»...»

Когда огласили приговор, группа зрителей в правой части зала организованно зааплодировала. Мать Пенсона закричала: «Дети, мы будем вас ждать! Мы все будем в Израиле...» Отец Менделевича: «Израиль с вами! Наш народ с вами...» Жена Федорова: «Всё будет хорошо! Всё будет хорошо...» А в зале продолжались аплодисменты, пока кто-то нако-

нец сообразил, что аплодирующие как бы невольно подбадривают родственников осужденных. И раздалась команда: «Кончай аплодисменты!»

Марк Дымшиц (справа)
и Эдуард Кузнецов

В. Буковский:

«В тот сумасшедший, лютый декабрь 70-го, когда власти полностью перекрыли все контакты с Ленинградом, отключили телефоны, снимали с поездов, только одному Вовке Тельникову удалось прорваться в Москву с текстом приговора и стенограммой суда. Потом – безумная гонка по Москве: проходные дворы, подъезды, метро, машины...

Нам всё-таки удалось тогда уйти от чекистов, и где-то у Пушкинской площади, в квартире моего приятеля, мы лихорадочно перепечатывали текст. Ночью мне еще предстояло прорваться к корреспондентам...»

Военный трибунал приговорил Вульфа Залмансона к 10 годам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

6

Органы КГБ знали о подготовке к захвату самолета задолго до ареста обвиняемых, однако позволили им довести операцию «Свадьба» до последней стадии. Цель, по-видимому, была одна: арестовать злоумышленников на месте преступления, провести показательный процесс,

сурово наказать «изменников родины» и тем самым запугать евреев, желавших уехать в Израиль. Незадолго до этого Организация Объединенных Наций приняла резолюцию, осуждающую угон пассажирских самолетов; в Кремле рассчитывали, что Запад одобрит суровые меры за попытку захвата самолета, однако реальность оказалась иной.

Через день после приговора – всего через один день – мир взорвался демонстрациями, митингами протеста, требованием отменить смертный приговор. Главы государств. Английская, итальянская, французская компартии. Писатели, ученые, артисты, священники. Лауреаты Нобелевских премий. Римский папа. Академик А. Сахаров. Телекомпании и радиостанции мира. Первые страницы крупнейших газет. Впервые на Западе основной темой дня стала тема – положение евреев в Советском Союзе.

Но самое, быть может, поразительное – это письма и телеграммы евреев СССР, тех самых, которых еще недавно называли «евреями молчания»:

«Бывшим узникам концлагерей. Друзья!.. Если вам по ночам еще снятся тюрьмы и этапы, карцеры и лагеря, пусть ваш голос во всем мире прозвучит в защиту одиннадцати. Я обращаюсь к тем, кто выжил на Воркуте и на Колыме, в Освенциме и Трешлинке... Мы прошли дорогой страданий и смерти, и наш долг сейчас – спасти тех, кого ведут по этой дороге. Спаси! Иначе жизнь теряет всякий смысл. Меир Гельфонд, врач, 40 лет. Бывший заключенный № 1Р 515 «Речлага», срок – 10 лет».

«Кровожадность судей вызывает омерзение... Смерть нависла над людьми, права которых были попраны, национальное достоинство растоптано...» Москва, 59 подписей.

«Неужели не достаточно жертв инквизиции, шести миллионов загубленных жизней, позорных процессов далекого и недалекого прошлого, неужели чаша пролитой еврейской крови еще не полна?..» Рига, 37 подписей.

«Этот приговор заставляет... вспомнить черные дни периода культа личности, принесшего многим тысячам семей неизлечимые страдания и душевные раны...» Свердловск, 10 подписей.

«Не допустите убийства под маской правосудия, произвола – под маской закона!..» Минск, 10 подписей.

«Никакие репрессии не заставят нас отречься от стремления на Родину...» Киев, 12 подписей.

«Не допустите убийства Кузнецова и Дымшица... Отпустите всех, кто хочет уехать! Признайте право евреев на репатриацию! Казни и запугивания не свидетельствуют о силе государства. В. Чалидзе, А. Вольпин, А. Твердохлебов, Б. Цукерман, Л. Ригерман».

В Москве не ожидали такой реакции, особенно среди коммунистов и либералов на Западе, которые традиционно поддерживали Советский Союз. В те дни испанский диктатор Франко пообещал отменить смертный приговор трем бакским террористам, и в Кремле поняли, что придется пойти на попятный. 29 декабря Верховный суд РСФСР рассмотрел кассационные жалобы подсудимых. Власти явно торопились: со дня объявления приговора прошло пять дней, и столь малый промежуток времени явился беспримерным в советской юридической практике.

Судебная коллегия отменила высшие меры наказания Дымшицу и Кузнецову, заменив их на 15 лет заключения. Менделевичу сократили срок до 12 лет, Хноху и Альтману – до 10 лет, прочие приговоры оставили без изменения. Газеты вышли с заголовками «Справедливое наказание», «Преступники наказаны», «Когда свершилось правосудие»; фрагмент из газетной статьи: «Сионизм всегда был лютым врагом советской власти...»

Э. Кузнецов (из разговора с И. Менделевичем в «воронке»): «На тречку мы себя всё-таки вели, как думаешь?» – спросил Иосиф. «Для первого раза великолепно», – ответил я, не кривя душой... Иосиф меня порадовал. Я, говорит, ни о чем не жалею – знал, на что шел, и есть за что сидеть... Алика только и Юру, говорит, жаль. Мы с ним сошлись во мнении, что они – жертвы показухи (парадокс редчайший – пострадали за то, что неевреи)...»

7

В июне 1970 года, одновременно с захватом группы «самолетчиков», прошли аресты евреев Ленинграда, Риги, Кишинева и обыски по городам страны. Изымали учебники иврита, книги историка С. Дубнова, тома старой Еврейской энциклопедии, израильские открытки, письма, даже портрет М. Даяна. В Кишиневе изъяли среди прочего «Сборник молитв, обрядов и религиозных законов еврейского народа», который сочли «по своему содержанию реакционным».

Вскоре кишиневские сотрудники КГБ составили акт: «Мы, нижеподписавшиеся... уничтожили путем сожжения «Сборник молитв, обрядов и религиозных законов еврейского народа»...»

Аресты и обыски вызвали новый поток писем протеста. Из обращения к депутатам Верховного Совета СССР:

«Граждане депутаты! История ставит вас ныне перед выбором, и у вас только две возможности: либо вы отпустите нас с миром, либо вам

придется ступить на проторенный путь массовых репрессий. Потому что, пока мы есть, мы будем – с каждым днем всё громче – требовать свободы выезда, и наш голос станет для вас нестерпимым.

Но помните, что впоследствии вам не удастся оправдаться, как вы оправдывались в попустительстве преступлениям недавнего прошлого: «Мы не знали. А если знали, то не верили. А если верили, то ничего не могли поделать». Москва, 9 июля 1970 года» (9 подписей).

С весны 1971 года начались новые судебные процессы. На скамьях подсудимых оказались те, кого выделили в отдельные расследования и обвинили «в сговоре» с ранее осужденными «самолетчиками». В мае того года на 2-м Ленинградском процессе всех подсудимых приговорили к пребыванию в лагерях строгого режима: Гиля Бутман – 10 лет лишения свободы, Михаил Коренблит – 7 лет, Лассаль Каминский и Лев Ягман – по 5 лет, Владимир Могилевер – 4 года, Виктор Богуславский, Соломон Дрейзнер и Лев Коренблит – по 3 года, Виктор Штильбанс – 1 год.

Р. Александрович из Риги написала письмо «В ожидании ареста»:

«Одного за другим арестовывают друзья, и, очевидно, в ближайшие дни черед за мной...

Я не знаю, как сложится моя судьба. Я не знаю, сколько лет жизни, сколько сил и здоровья отнимут у меня тюрьма или лагерь. Но всем, кого не оставит равнодушным это письмо, я обещаю, что никто не сможет отнять у меня совести и сердца...

Я никогда не изменю своему многострадальному народу. Я никогда не изменю своей самой заветной мечте – жить, работать и умереть в Израиле».

Процесс в Риге проходил в мае 1971 года. Осуждены к пребыванию в лагерях строгого режима: Аркадий Шпильберг – 3 года, Михаил Шепшелович – 2 года, Рута Александрович и Борис Мафцер – по 1 году.

Заканчивая срок, заключенные заполняли анкету с указанием места жительства после освобождения. Р. Александрович написала: «Израиль».

В июне 1971 года состоялся судебный процесс в Кишиневе. Приговорены к заключению в лагерях строгого режима: Давид Черноглаз – 5 лет, Анатолий Гольдфельд – 4 года, Александр Гальперин – 2,5 года, Аркадий Волошин, Харий Кижнер, Семен Левит, Лазарь Трахтенберг и Гилель Шур – по 2 года, Давид Рабинович – 1 год.

Июнь 1971 года: Валерий Кукуй из Свердловска – 3 года лагерей строгого режима, Рейза Палатник из Одессы – 2 года. В сентябре осудили в Самарканде на 3 года Эмилию Трахтенберг – за анонимные «клеветнические» письма в связи с отказом на выезд в Израиль. В пригово-

ре особо подчеркнули: подсудимая «имела всё, за исключением чувства благодарности к советскому народу и его правительству».

Октябрь 1971 года: ленинградец Борис Азерников – 3,5 года лишения свободы в лагерях строгого режима за «изготовление и распространение литературы антисоветского содержания».

В ответ на судебные приговоры – новые письма протеста: Рига – 66 подписей, Свердловск – 10 подписей, Москва – 42, Киев – 6, Москва – 51, Ленинград – 27, Кишинев – 25, Ленинград – 22, Рига – 99...

В марте 1971 года 149 евреев Риги, Москвы, Вильнюса и других городов объявили голодовку в приемной Президиума Верховного Совета СССР, требуя разрешения на выезд. В июне – по той же причине – 25 евреев Литвы объявили голодовку на Центральном телеграфе в Москве. В июле это совершила группа грузинских евреев – тоже на Центральном телеграфе; затем к ним присоединились евреи других городов. Участников голодовки увезли в вытрезвитель, а грузинских евреев под конвоем посадили в поезд Москва–Тбилиси и отправили в Грузию.

24 декабря 1971 года, в первую годовщину приговора по «самолетному» делу, 29 политзаключенных провели в лагерях трехдневную голодовку протеста; к ним присоединились евреи Москвы, Киева, Риги, Кишинева, Тбилиси, Вильнюса, Одессы и Ростова – более 120 человек.

И снова письма с требованием выпустить в Израиль: Москва – 10 подписей, Каунас – 12, Ленинград – 26, Рига – 90, Минск – 26, Москва – 41, Вильнюс – 46, грузинский поселок Кулаши – 291 подпись...

Дверь на Запад была пробита. Нарастало количество уезжающих в Израиль, возрастало и количество статей в советских газетах: «Правда о земле обетованной», «Бегство из земли обетованной», «Грязные дела сионистских вербовщиков», «Обманутые», «Люди без родины», «Горький хлеб чужой земли»...

Начинались иные времена.

Новые методы борьбы за выезд.

Новые жертвы и новые герои...

8

И. Менделевич (из книги «Операция “Свадьба”»):

Встреча субботы в бараке:

«Десять лет подряд я надевал по субботам белую рубашку, которую мне прислал отец, когда я еще сидел в тюрьме. Ничего красивее и дороже этой рубашки у меня не было.

Полсотни человек вокруг болтают, ругаются, режутся в карты, глазуют на нас... А нам хоть бы что. На нас нисходит субботний покой. Произносим субботние молитвы. Мысленно переносимся к своим родным и вместе с ними встречаем субботу... И любопытство распирает соседей: что за странный народ, который так держится за свои обычаи?..»

Изучение иврита:

«Я обучал ивриту Ашера, Хаима и Шабтая... У нас была вторая часть учебника «Элеф милим»... Каждый из нас переписывал от руки учебник, чтобы, если его конфискуют, иметь возможность продолжать учиться. Так со временем появилась рукопись, которая называлась «Тетради Йосефа»...

Это счастье: учить других и учиться самому. Это и реальная подготовка к будущей жизни в Израиле. И более того – один из способов выжить...»

Лагерный эпизод:

«Снова цензор: «Менделевич, на ваше имя из Франции поступила посылка с молитвенником. Он конфискован. Прочтите акт». Читаю. Там черным по белому: «...конфискован, так как содержит враждебные советской власти взгляды». – «Неужели вы считаете, что в молитвеннике могут быть антисоветские идеи? Ведь он написан свыше двух тысяч лет назад, когда и России-то не было!» – «Ничего не знаю. Распоряжение сверху»...»

Голодовка протеста:

«Постепенно я так привык к состоянию голода, что по своему поведению ничем не отличался от тех, кто ел. Врачи несколько раз приходили осматривать меня. Смотреть было не на что и без голодовки. Кожа да кости. Тем не менее я продолжал бегать трусцой на прогулках...

Врачи с наблюдательной вышки следили за мной: «Восьмые сутки голодает, а бегаёт. Откуда силы берутся?» Сил было еще много. Не физических. Просто я понял, что если изменю образ жизни, будет еще хуже. И я продолжал...»

«На этапе в Пермской тюрьме увидел надпись: «В следующем году в Иерусалиме. Альтман, Залмансон. Ияр 5739»... Я добавил свою: «Йосеф Менделевич. В будущем году в Иерусалиме»...»

Итог лагерных лет:

«Страшные годы, проведенные здесь, сформировали меня. Кто знает, каким был бы я, если бы приехал в Израиль, не пройдя через все эти испытания? Мне не понять замысла Бога, Который испытывал меня в рабстве одиннадцать лет...

Разве можно жить в неволе полной жизнью? Можно, если это жизнь духовная. Тогда она и на обычное лагерное существование накладывает

свою одухотворенность. Жизнь получается наполненная, интересная, в ней отсутствуют рутинная и однообразие. Всё зависит от человека. Я в лагере Жил».

В 1969 году – за полтора года до «самолетного процесса» – в аэропорту города Цюриха (Швейцария) террористы обстреляли самолет израильской авиакомпании «Эл-Ал» и ранили двух пилотов. В газете «Известия» написали: «Израильские власти... поспешили использовать этот инцидент для раздувания военной истерии и дальнейшего нагнетания обстановки на Ближнем Востоке».

В 1971 году главный редактор журнала «Советиш Геймланд» А. Вергелис направил письмо в ЦК партии: «Считаю своим долгом сообщить следующее... Идеологическая диверсия сионизма направлена, прежде всего, против Советского Союза и разлагающе действует на неустойчивую часть еврейского населения...»

Вергелис предложил создать организацию «по обезвреживанию сионистского влияния»; в 1983 году появился Антисионистский комитет советской общественности, который просуществовал до 1994 года. Глава комитета – генерал-полковник Д. Драгунский.

Сильву Залмансон освободили досрочно в 1974 году – в обмен на советского шпиона, пойманного в Израиле. В апреле 1979 года М. Дымшица, Э. Кузнецова и еще троих заключенных обменяли на двух советских шпионов, осужденных в США. Президиум Верховного Совета постановил лишить их «гражданства СССР и выдворить из пределов СССР... освободив от дальнейшего отбывания наказания». В выездных документах было указано: «лицо без гражданства».

В 1979 году досрочно выпустили А. Альтмана, В. Залмансона, Б. Пенсона, А. Хноха. И. Менделевич пробыл в лагере 11 лет, из них 3 года в тюрьме. А. Мурженко и Ю. Федоров отсидели полный срок, соответственно 14 и 15 лет. Мурженко вернулся к семье, но вскоре его вновь осудили за «нарушение режима надзора». В общей сложности Кузнецов провел в лагерях строгого и особого режима 16 лет, Федоров – 18,5 лет, Мурженко – 22 года.

В 1996 году Верховный суд РСФСР не усмотрел «контрреволюционного умысла» в попытке угона самолета и назначил иные сроки заключения: Дымшицу, Кузнецову, Мурженко и Федорову – 7 лет каждому, Пенсону, Менделевичу, С. Залмансон, И. Залмансону, Альтману и Хноху – 5 лет.

Э. Кузнецов: «Выходит, я пересидел два года (да еще на «спецу»). А Федоров и Мурженко и того больше – один 8 лет, а другой 7». (Лишних два года «пересидел» и Дымшиц. Альтман, Пенсон и Хнох «пересидели» 4 года каждый, Менделевич – 6 лет.)

Виталий Рубин, из дневника:

«Да, поздно мы едем, но что делать? Время назад не вернешь. Надо смотреть в будущее и верить, верить и надеяться. А там всё зависит от Благодати, и всего не предусмотритишь...» – «Думая о том, что мы приехали в Израиль слишком поздно, я говорю себе: мы тоже не зря прожили свою жизнь и сделали из нее то, что могли...»

Очерк-приложение

От автора – дополнением к прочитанному

1

В 1932 году вышел очередной том первого издания Большой советской энциклопедии. Статья «Евреи» занимала в нем почти 55 страниц текста; кроме нее поместили в энциклопедии еще 20 статей, начинавшихся со слова «еврейский»: «Еврейская литература», «Еврейская музыка», «Еврейская религия», «Еврейские погромы в России», «Еврейский театр», «Еврейский язык» и другие.

В 1952 году во втором издании Большой советской энциклопедии оказались лишь статьи «Евреи» и «Еврейская автономная область» общим размером около 4 страниц. «Евреи не составляют нации... – разъяснили читателям. – «Еврейского вопроса» в СССР не существует... В СССР и странах народной демократии евреи особенно быстро ассимилируются народами, в среде которых они живут».

В 1972 году в третьем издании Большой советской энциклопедии статья «Евреи» заняла менее одной страницы; были также небольшие статьи «Еврейская автономная область», «Еврейская литература», «Еврейское письмо» – и всё.

С 1969 по 1975 год в Минске выходила двенадцатитомная Белорусская советская энциклопедия на белорусском языке, в которой не

оказалось статьи «Евреи». Современник отметил: «Если верить БелСЭ, то не жили в Беларуси сотни тысяч евреев, не было здесь ни театра еврейского, ни еврейской культуры, ни газет и журналов еврейских, вообще ничего не было... Всё это нам приснилось».

Даже в 1983 году Советский энциклопедический словарь не пожелал признать, что евреи являются нацией; их определили как «общее этническое название народностей, исторически восходящих к древним евреям; живут в разных странах».

Так как же: нация или не нация? Народ или не народ?..

2

Можно спросить: когда это началось?

Можно ответить – вопросом на вопрос: когда это заканчивалось?..

Глубоко в недрах, в тайниках, запрятанное от посторонних глаз, вечно существовало это желание, и прорывалось оно порой негласными процессами над диковинными сионистами, и проявлялось оно хитрыми, изворотливыми способами наиболее решительных, что уходили сначала в Польшу, а оттуда в Израиль, и сохранилось оно, это желание, в протоколах допросов и в текстах судебных приговоров, которые приговаривали к длительным срокам заключения.

Кто мог предположить в начале 1950-х годов, что они прорвутся через кордоны? А они прорывались – считанные единицы, наперекор всем и всему, и другие шли за ними, такие же одержимые, десятилетиями ожидая своего жребия: кому в Израиль, а кому в тюрьму. Годы шли, напряжение нарастало, их становилось всё больше и больше – тех, кто в безуспешной попытке штурмовал кордоны; на смену уставшим и отчаявшимся подрастали молодые, которым был незнаком страх предыдущих лет...

Они родились в Советском Союзе. Первые слова произнесли на русском языке. Из первых букв сложили слова: па-па, ма-ма... Думали на русском языке, заучивали наизусть Пушкина и Лермонтова, объяснялись в любви по-русски, своим первенцам давали имена Саша, Сережа, Володя, Лена, Людмила. Вступали в пионеры и комсомол, ездили поднимать целину, работали, не помышляя об ином пути, хоронили родителей в той земле... и вдруг вспомнили о своем происхождении, о далеких предках на Ближнем Востоке – национальный инстинкт народа, пробудившийся, казалось, внезапно и недоступный объяснению.

Сохранились письма тех лет, гневные и решительные, которые они подписывали, эти одержимые, и в которых отразилось их время, боль и гнев, стремление и упорство на пути к поставленной цели. И что за бе-

да, если через десятки лет эти письма покажутся кому-то выпренными, с чрезмерным пафосом, что за беда, если кто-то из тех отчаянных и непреклонных, штурмовавших кордоны, уже поостыл и с удивлением читает собственные требования и призывы, – такими они были тогда, так думали и так чувствовали (а с ними и автор этих строк), такими им оставаться на страницах этой книги...

3

Любопытно устроен человек.

Удивительно и необъяснимо.

Школьные годы заполнили его память сотнями имен, дат и событий. Жизнь загрузила голову именами певцов-актеров-футболистов. Но не сказали ему ни разу, не подсказали даже намеком, что Авраам родил Ицхака, Ицхак родил Якова, Яков родил двенадцать сыновей... и дальше, по цепочке, до него – безродного и безродственного.

Занятно устроен человек.

Будто родился он на пустом месте и живет на необитаемом острове, без какой-либо связи с прежними поколениями. Будто ему, этому человеку, придется заново создавать этот мир, познавать истины, устанавливать ценности. Заново и опять заново.

Вот он просыпается утром, надевает костюм с галстуком или джинсы со свитером – что у него общего с теми, предыдущими, которые и просыпались, должно быть, не так, и одевались иначе? Стоит открыть старую книгу с фотографиями и гравюрами, чтобы убедиться в этом. Что общего у него, теперешнего, с евреем Литвы–Украины, у которого кафтан на плечах или капота, короткие штаны с чулками, ермолка на голове или праздничная меховая шапка? Что у нас общего?..

Если они, вот эти, на фото или на гравюре, настоящие евреи, то кто же тогда мы? И почему тогда так дотошно вписывают в наши паспорт-анкеты это слово – еврей? Но если мы на самом деле евреи и метрики с паспортами это удостоверяют, то кто же тогда эти, на гравюрах-фотографиях?..

Объяснение только одно, других не дано: Авраам родил Ицхака, Ицхак родил Якова, Яков родил двенадцать сыновей... и дальше, по цепочке, сначала до них в кафтанах с ермолками, потом до нас в костюмах с галстуками, в свитерах с джинсами.

Мудро устроен человек.

Разумно и дальновидно.

Будто заложено в него заветное семечко, что ждет своего часа для прорастания. Будто запрятан таинственный код жизни, который следует

разгадать. Но подходит порой время, особые климатические условия – и прорастает семечко. Но звучит сигнал, внешне неслышимый, и зашифрованный код вырабатывает ясные и осознанные поступки, о которых прежде не догадывался.

Это значит, наступил момент, пик, быть может, жизни: на него тебе подниматься, с него уже не сойти. Объявилась свобода выбора, великий Божий дар, и поманила одних, отпугнула других, уложила в постель мечущихся, нерешительных, обреченных на муки неиспользованной свободы под нестерпимые сердечные спазмы...

4

Отцы наши жили в вечном отказе.

Жили – не замечали. Жили – отмахивались. Жили – стонали. Жили – не жили.

В отказе от себя, от предков своих, от книг и песен, обычаев и обрядов, от Дома постоянного, в котором светло и просторно.

Не было у них ощущения Дома, а только – пристанища. Временного пристанища на неоконченном пути. В лучшие моменты приходила уверенность – я Дома, чтобы улетучиться от взгляда косого, слова дурного, намек прозрачного. А потому глушили себя работой, благополучием, цинизмом, самоуговорами, дутыми пузырями-идеалами. Глушили себя сами, и время глушило их.

Они недодумали, отцы наши, недомолились, недосмотрели и недоговорили.

Молча не научишься говорить...

Прислушайтесь: звучит вечный кадиш! По ушедшим, убегающим, укрывающим лицо свое, по заслоняющим глаза детям своим и внукам.

Нет вины на отцах наших. Есть беда на нас. Они хотели облегчить нашу жизнь. Они ее усложнили.

Приходит время, и ты стыдливо пишешь в анкете нетипичное имя деду. Подходит срок, и тебе намекают на странную твою особенность. Наступает момент, и не отвертеться от основного вопроса.

И вот тебе уже решать: еврей – не еврей. И тебе же: ехать – не ехать. И ловить слухи. Проклинать отъезжающих. Тайком прикидывать собственные возможности. Ждать подвоха от детей своих и раздвигаться, и расстраиваться, зарабатывать язву, гипертонию, психические расстройства.

Время такое выпало. Счет предъявлен к оплате.

Сильному – на радость. Слабому – на отчаяние...

5

1970-е годы:

«Вы не уедете до тех пор, пока Израиль не выведет свои войска с оккупированной территории». Полковник Григорьев.

«Вас, евреев, слишком много, мы вас не выпустим, мы вас здесь доконаем». Архипова Е. П., офицер МВД.

«Еще чего захотел! Он думал, что им откроют школы и театры! Русский народ выделил вам Биробиджан и поезжайте туда!» Прокурор Соловьев.

«Вас никогда отсюда не выпустят, вы здесь сгниете! Убирайтесь вон!» Полковник Кайя.

«Посмотрите на эту нахалку! Да как ты можешь ходить по русской земле и жрать русский хлеб!» Полковник Саслюк.

«Если не будешь вести себя тихо, сделаю с тобой то же, что сделал с Левинзоном. Я обещал ему тюрьму – он ее получил». Телицын, сотрудник КГБ.

«Я этого решения не понимаю. Надо направить вас на обследование в психиатрический диспансер». Психиатр Семенова.

«Мы не сможем вас отпустить, пока в Израиле не утвердится прогрессивный общественный строй...» – «Вы поедете не в Израиль, а в обратную сторону...»

Щелоков Н. А., министр внутренних дел СССР:

«Стариков я еще понимаю. Но есть среди вас молодые, которые, дескать, хотят ехать на родину, изучать древний язык. Родина? А вы ее видели? Да вам так нужен древнееврейский язык, как мне лунное затмение...»

Мы гуманное государство и не хотим, чтобы после нас оставались такие же документы, как после 1937 года. Но все, кто будет мешать нам строить светлое здание коммунизма и путаться под ногами, будут наказаны. Вам не следует забывать, что мы сделали с татарами...»

6

У дедов наших: один брат уходил, другой оставался.

Уходили от нищеты, страха перед погромами, от удушливой атмосферы черты оседлости. Оставались в привычном месте, у родных могил, в окружении друзей и родных.

У отцов наших: один брат уходил, другой оставался.

Уходили от холода, голода, рек пролитой крови, от неизбежного ужаса времен Гражданской войны. Оставались в плену у обстоятельств, в заботах о пропитании, с любовью к тому, что невозможно покинуть.

И мы также. Брат уходит – и брат остается.

Один взваливает на плечи неподъемный груз, делает то, чего не сделали отцы и деды, другой пропускает очередь, оставляя на долю детей своих. Вчера, сегодня, ежедневно – брат прощается с братом.

Так было. Так есть. Так будет.

Никто за нас не станет жить. Никто не пройдет этот путь. Или мы, или потомки наши...

Но мы дождемся.

Вот увидите, мы еще дождемся!

Не мы – дети с внуками.

В Шереметьеве, в международном аэропорту, откуда год за годом отправлялись в Израиль, на самом видном месте будет стоять памятник «Взлетающий еврей».

Поверьте! Я верю в это...

Памятник неизвестному еврею, который лбом своим, горбом, неврозам и сердечно-сосудистой недостаточностью открыл окно в необъятный мир. Тихий и незаметный, упрямый и настырный – приучил, сделал обыденным, заставил свыкнуться с мыслью, что недостаточно иметь в доме окно. Это окно должно еще открываться.

На правах инициатора предлагаю вариант памятника.

Пусть скульптор изобразит его в момент отрыва от взлетной полосы. Он уже в воздухе, в натужном состоянии набора высоты, и только кончики пальцев ноги еще касаются бетонной плиты.

В руках у него тяжеленные чемоданы, на плечах – дети, за спиной развевается по ветру жена, уцепившаяся за его пиджак, на ноге повисли два милиционера. Глаза у него шальные, лоб потный, улыбка блуждающая, волосы в беспорядке, галстук сбит на сторону.

Вот и всё. И еще постамент. Непременно низкий. А на нем – букетик ромашек.

На самом видном месте.

В аэропорту Шереметьево.

7

Закрыли двери.

Запустили моторы.

Самолет вырулил на взлетную полосу.

«Не курить! Пристегнуть ремни!»

И вот он уже разбегается. Миг, краткий миг перед отрывом...

Что же сказать на прощание? Чем отблагодарить землю, приютившую нас?

Говорили прежде – скажем и теперь:

– Страна, из которой можно уехать, это страна, в которой можно жить.

Мы уезжаем – это и есть наша благодарность. Мы уезжаем – это и есть наш последний вклад. Мы уезжаем – большего мы не в силах для тебя сделать, наша родина.

Хихикать кому-то и злобствовать, огорчаться или проклинать во след: зрячим – не увидеть, мудрецам – не понять.

Время разберется во всем.

Прощай аэропорт Шереметьево...

Тина Бродецкая (1970 год): «Они дали нам два дня на сборы и выгнали. Посадили в самолет нашу семью и выгнали. Мы не знали, куда летим – в Сибирь или в Вену. Высадили в Вене...»

В 1970 году получили разрешения на выезд в Израиль 1027 человек.

1971 год – 13 022,

1972 год – 31 681,

1973 год – 34 733,

1974 год – 20 628,

1975 год – 13 221,

1976 год – 14 261,

1977 год – 16 736,

1978 год – 28 865,

1979 год – 51 333 разрешения на выезд...

Так проходило то время. Семидесятые годы двадцатого века, уникальные и неповторимые в нашей истории. И для одних это был год семидесятый, для других – семьдесят второй, пятый, девятый, а для кого-то они еще не наступили, семидесятые годы...

Городок, Витебская область: «Начался отъезд евреев из Городка. Ехали в основном в Израиль. Первым проложил дорогу Арон Усвяцов. В Городке даже появилась местная шутка: «Гагарин и Усвяцов первыми сказали: «Поехали!»...»

8

Прошли годы – для истории малый срок.

Родились и проявили себя иные поколения.

Кто мог предположить в прежние времена, что к концу двадцатого века возродится общинная еврейская жизнь в республиках бывшего Советского Союза, робко и несмело, порой в искаженном виде?..

Кто помнит теперь подробности «самолетного процесса», когда осудили смельчаков, пытавшихся захватить самолет и вырваться из страны? Будто случилось это в Средние века, на иной планете...

Время уже не то. И люди. И Ленинград – не Ленинград. Самолеты взлетают ежедневно – Москва–Тель-Авив, Киев–Тель-Авив, Санкт-Петербург–Тель-Авив, и незачем их теперь захватывать.

Здравствуй аэропорт Шереметьево.

Мы прилетели в гости...

Во время переписи 1979 года назвали себя евреями 1 миллион 810 876 человек (0,7% населения СССР) – на 340 000 меньше, чем при переписи 1970 года. РСФСР, 1979 год: 700 651 еврей, Украина – 634 154, Белоруссия – 135 500, Узбекистан – 99 908, Молдавия – 80 127 евреев.

1979 год: в Москве 223 100 евреев, в Ленинграде – 142 900, в Киеве – 132 200, в Одессе – 86 000, в Харькове – 62 800, в Ташкенте – 56 900, в Минске – 46 300, в Днепропетровске – 45 600, в Кишиневе – 42 400.

В 1979 году назвали еврейский язык родным 14,2% евреев СССР (в Узбекистане – 44,7%, в Литве – 41%, в РСФСР – 10%, на Украине – 9%).

Перепись 1989 года выявила в Советском Союзе 1 миллион 450 511 евреев (0,51% населения СССР) – на 360 000 меньше, чем при переписи 1979 года. РСФСР, 1989 год: 551 000 евреев, Украина – 487 300, Белоруссия – 111 977, Узбекистан – 94 900, Молдавия – 65 900 евреев.

1989 год: в Москве 175 800 евреев, в Ленинграде – 106 800, в Киеве – 100 500, в Одессе – 64 900, в Ташкенте – 51 500, в Харькове – 47 900, в Минске – 39 000, в Днепропетровске – 37 900, в Кишиневе – 35 600.

В 1989 году назвали еврейский язык родным 8,9% евреев СССР.

С конца двадцатого века проходили переписи населения в республиках бывшего СССР. В 1999 году выявили в Белоруссии

27 800 евреев – на 84 200 меньше, чем при переписи 1989 года. Украина, 2001 год: 104 000 евреев, на 383 300 меньше 1989 года. Россия, 2002 год: 233 600 евреев, на 317 400 меньше по сравнению с 1989 годом (в Москве – 80 4000 евреев, в Санкт-Петербурге – 36 650200).

1979 год: в Еврейской автономной области было 10 166 евреев (5,5% населения области), 1989 год – 8887 (4,15%), 2002 год – 2300 евреев.

И. Менделевич (из интервью после освобождения):

«Судьба советского еврейства predetermined: в России у него нет будущего. Множество факторов – в том числе, надеюсь, и наш «самолетный процесс» – соединились воедино, открыв новую страницу в истории еврейского народа... Мы победили советского фараона».

История евреев Советского Союза 1945–1970 годов, рассказанная в этой книге, изобиловала трагедиями и разочарованиями, долгой борьбой и нелегкими победами на пути к поставленной цели. Завершим это повествование словами вечной надежды еврейского философа М. Бубера:

«Не следует называть утопией то, в чем мы не попробовали еще свои силы. Сколько пространства нам выделит Всевышний, мы узнаем только тогда, когда вступим в него».

Библиография

- С. Авербух, «Насытились мы презрением...» Киев, 2000 г.
- А. Авторханов, «Технология власти». Изд. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1976 г.
- Г. Аграновский, И. Гузенберг, «Литовский Иерусалим. Краткий путеводитель». Изд. «Литуанус», Вильнюс, 1992 г.
- М. Агурский, «Пепел Клааса». Иерусалим, 1996 г.
- «Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник». Изд. «Таврия-Плюс», Симферополь, 1999 г.
- А. Азарх-Грановская, «Воспоминания. Беседы с В. Дубакиным». Изд. «Гешарим-Мосты культуры», Иерусалим–Москва, 2001 г.
- «Александр Галич». Изд. «Слово», Москва, 1998 г.
- М. Александрович, «Я помню...» Изд. «Прогресс», Москва, 1992 г.
- С. Аллилуева, «Двадцать писем к другу». Изд. «Советский писатель», Москва, 1990 г.
- С. Аллилуева, «Только один год». Изд. «Harper Colophon Books», Нью-Йорк, 1970 г.
- И. Альтман, «Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945 гг.» Изд. фонда «Ковчег», коллекция «Совершенно секретно», Москва, 2002 г.
- М. Альтман, «Отрицание Холокоста: история и современные тенденции». Москва, 2001 г.
- «Антиеврейские процессы в Советском Союзе. 1969–1971. Документы и юридический комментарий», в двух томах. Редактор и автор комментария А. Рожанский. Изд. Еврейского университета в Иерусалиме, Иерусалим, 1979 г.
- «Антисемитизм в Советском Союзе. Его корни и последствия». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1979 г.
- П. Антокольский, «Третья книга войны. Стихи». Изд. «Советский писатель», Москва, 1946 г.
- И. Арад, «Холокост. Катастрофа европейского еврейства (1933–1945). Сборник статей». Изд. Яд ва-Шем, Иерусалим, 1990 г.
- С. Атамукас, «Евреи в Литве». Изд. «Литуанус», Вильнюс, 1990 г.
- Ф. Баазова, «Прокаженные». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1980 г.
- «Бабий Яр. К пятидесятилетию трагедии». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1991 г.
- М. Бакальчук-Фелин, «Воспоминания еврея-партизана». Изд. «Возвращение», Москва, 2003 г.
- А. Баргтейл, «История еврейской общины Перми». Пермь, 2000 г.
- М. Бар-Зохар, «Бен-Гурион. Биография». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1985 г.
- М. Бегин, «В белые ночи». Изд. «Гешарим», Иерусалим–Москва, 1991 г.

М. Бейзер, «Синагоги СНГ в прошлом и настоящем». Изд. «Мосты культуры»–«Gesharim», Москва–Иерусалим, 2002 г.

Л. Беленькая, Б. Зингер, «Наперекор. Еврейское национальное движение в СССР и его идеология (1945–1976)». Изд. Тель-Авивского университета, 2004 г.

А.Белов /Элинсон/, «Рыцари иврита в бывшем Советском Союзе». Изд. «Лира», Иерусалим, 1998 г.

М. Бен-Нун (М. Наникашвили), «Сила крика» (на иврите). Иерусалим, 1996 г.

Ш. З. Бергер, «Израэль Ноах Великий» (на иврите). Израиль, 2006 г.

А. Бергман, «Записки недочеловека». Рига, 2005 г.

И. Блищенко, В. Кудрявцев, «Агрессия Израиля и международное право». Изд. Международные отношения, Москва, 1970 г.

А. Блюм, «Еврейский вопрос под советской цензурой». Изд. Петербургского еврейского университета, С.-Петербург, 1996 г.

«Богословие после Освенцима и ГУЛАГа. Материалы международной научной конференции». С.-Петербург, 1997 г.

«Богословие после Освенцима и его связь с богословием после ГУЛАГа: следствия и выводы. Материалы второй международной научной конференции». С.-Петербург, 1998 г.

Большая советская энциклопедия, первое издание, том 24. Изд. «Советская энциклопедия», Москва, 1932 г.

Большая советская энциклопедия, второе издание, том 15. Изд. «Советская энциклопедия», Москва, 1952 г.

Большая советская энциклопедия, третье издание, том 9. Изд. «Советская энциклопедия», Москва, 1972 г.

Ю. Борев, «Фарисей. Послесталинская эпоха в преданиях и анекдотах». Изд. альманаха «Конец века», Москва, 1992 г.

С. Боровой, «Воспоминания». Изд. Еврейский университет – «Gesharim», Москва–Иерусалим, 1993 г.

А. Борщаговский, «Записки баловня судьбы». Изд. «Советский писатель», Москва, 1991 г.

А. Борщаговский, «Обвиняется кровь». Издательская группа «Прогресс», Москва, 1994 г.

М. Ботвинник, «Памятники геноцида евреев Беларуси». Изд. «Беларуская навука», Минск, 2000 г.

Г. Брановер, «Возвращение». Изд. «Free», Нью-Йорк, 1977 г.

В. Буковский, «И возвращается ветер...» Изд. «Хроника», Нью-Йорк, 1978 г.

Г. Бутман, «Ленинград–Иерусалим с долгой пересадкой». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1981 г.

А. Быстриakov, «Евреи Екатеринослава – Днепропетровска. XX век». Изд. «Арт-пресс», Днепропетровск, 2002 г.

Л. Бычков, «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны». Изд. «Мысль», Москва, 1965 г.

Д. Вайсерман, «Биробиджан: мечты и трагедия». Изд. «Риотип», Хабаровск, 1999 г.

- М. Вайскопф, «Писатель Сталин». Изд. «Новое литературное обозрение», Москва, 2001 г.
- Х. Вейцман, «В поисках пути». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1983 г. «Вестник Еврейского университета в Москве», выпуски 1–27. Москва–Иерусалим, 1992–2000 гг.
- «Владимир Корнилов», серия «Самые мои стихи». Изд. «Слово», Москва, 1995 г.
- Н. Вовси-Михоэлс, «Мой отец Соломон Михоэлс». Изд. «Возвращение», Москва, 1997 г.
- В. Войнович, «Антисоветский Советский Союз». Изд. «Ardis», Ann Arbor, США, 1985 г.
- Д. Волкогонов, «Триумф и трагедия. И. В. Сталин. Политический портрет». Изд. Агентства печати «Новости», Москва, 1989 г.
- Д. Волкогонов, «Троцкий», книга II. Изд. «Новости», Москва, 1999 г.
- Д. Волкогонов, «Этюды о времени». Изд. «Новости», Москва, 1998 г.
- Э. Вольф, «Воспоминания бывших узников Жмеринского гетто». Иерусалим, 2001 г.
- А. Вольфсон, «Евреи Уралмаша в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Изд. газеты «Штерн», Екатеринбург, 1998 г.
- А. Воронель, «Трепет забот иудейских». Изд. Книготорговательства Москва–Иерусалим, Израиль, 1976 г.
- «Восемнадцать». Изд. «Шамир», Иерусалим, 1989 г.
- М. Восленский, «Номенклатура». Изд. «Overseas Publications», Лондон, 1985 г.
- «Вопросы истории», № 1, 1997 г. Изд. редакции журнала «Вопросы истории», Москва, 1997 г.
- А. Галич, «Когда я вернусь. Полное собрание стихов и песен». Изд. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1974 г.
- М. Гейзер, «Соломон Михоэлс». Изд. «Прометей» МГПИ, Москва, 1990 г.
- Е. Генина, «Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.)», Красноярск, 2003 г.
- Х. Герцог, «Арабо-израильские войны», в 2 томах. Изд. «Nina Karsov», Лондон, 1986 г.
- А. Герштейн, «Судьба одного театра». Изд. «Четыре четверти», Минск, 2000 г.
- М. Гефтер, «Эхо Холокоста». Изд. Научно-просветительного центра «Холокост», Москва, 1995 г.
- М. Гилберт, «Атлас по истории еврейского народа». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1990 г.
- Е. Гинзбург, «Крутой маршрут». Рига, 1989 г.
- А. Годин, «Память о праведнике. Воспоминания о Мордехеяе Дубине». Изд. «Шамир», Иерусалим, 2000 г.
- М. Гонтмахер, «Евреи на донской земле». Изд. «Ростиздат», Ростов-на-Дону, 1999 г.
- Ф. Горовский, Я. Хонигсман, А. Найман, С. Елисаветский. «Евреи Украины. Краткий очерк истории», часть 2. Киев, 1995 г.

Т. Горяева, «Политическая цензура в СССР. 1917–1991». Изд. «Росспэн», Москва, 2002 г.

«Государственный антисемитизм в СССР. 1938–1953. Документы». Изд. «Материк», Москва, 2005 г.

«Государство Израиль. Справочник». Изд. «Наука», Москва, 1986 г.

П. Григоренко, «Сборник статей». Изд. «Хроника», Нью-Йорк, 1977 г.

Я. Гринвальд, «Михоэлс». Изд. «Дер Эмес», Москва, 1948 г.

Е. Громов, «Сталин: власть и искусство». Изд. «Республика», Москва, 1998 г.

Н. Громова, «Все в чужое глядят окно». Изд. «Коллекция – совершенно секретно», Москва, 2002 г.

В. Гроссман, «Всё течет...» Изд. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1974 г.

В. Гроссман, «Жизнь и судьба». Изд. «L'Age d'Homme», Швейцария, 1980 г.

В. Гроссман, «На еврейские темы. Избранное в двух томах». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1985 г.

С. Гудзенко, «Избранные стихи». Изд. «Правда», Москва, 1953 г.

Л. Гусман, «Вера и честь». Иерусалим, 2003 г.

П. Демченко, «Арабский Восток в час испытаний». Издательство политической литературы, Москва, 1967 г.

«Десять років єврейського національного відродження в пострадянських країнах». Изд. Института иудаики и Национальной библиотеки Украины, Киев, 2001 г.

М. Джилас, «Разговоры со Сталиным». Изд. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1970 г.

«Документы по истории и культуре евреев в архивах Москвы. Путеводитель». Москва, 1997 г.

И. Домальский, «Русские евреи вчера и сегодня». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1975 г.

А. Донат, «Неопалимая купина. Еврейские сюжеты в русской поэзии. Антология». Изд. Нью-Йоркского университета, Нью-Йорк, 1973 г.

О. Дриз, «Зеленое дерево. Стихи». Изд. «Советский писатель», Москва, 1983 г.

«Дубновские чтения. Сборник статей». Изд. «Четыре четверти», Минск, 2001 г.

«Евреи Беларуси. История и культура», выпуски 3–6. Минск, 1998–2001 гг.

«Евреи в Риге. Краткий путеводитель». Издание музея и документационного центра Латвийского общества еврейской культуры, Рига, 1992 г.

«Евреи в России. Историографические очерки». Изд. Еврейского университета в Москве, Москва–Иерусалим, 1994 г.

«Евреи в России. История и культура», сборник научных трудов. Изд. Петербургского еврейского университета, С.-Петербург, 1998 г.

«Евреи в советской России. 1917–1967». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1975 г.

«Еврей в Україні: історія, культура, традиції». Нац. Академія Наук України, Київ, 1997 г.

«Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке». Выпуск четвертый, Красноярск–Биробиджан, 2003 г. Выпуск седьмой, Красноярск, 2004 г.

«Евреи Гродно. Очерки истории и культуры». Гродно, 2000 г.

«Евреи и еврейская тематика в советских и восточноевропейских публикациях». Изд. Еврейского университета, Иерусалим, 1986 г.

«Евреи и еврейский народ. Петиции, письма и обращения евреев СССР», тома 1–2. Изд. Еврейского университета, Иерусалим, 1973 г.

«Евреи и еврейский народ. 1948–1953. Сборник материалов из советской печати» в 7 томах. Изд. Еврейского университета, Иерусалим, 1973 г.

«Евреи Нижнего Новгорода», том 3. Нижний Новгород, 1995 г.

«Еврейская культура в Советском Союзе. Труды симпозиума». Иерусалим, 1972 г.

Еврейская энциклопедия, том 9. Изд. Брокгауз–Ефрон, С.-Петербург.

«Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история». Изд. «Международные отношения», Москва, 1996 г.

«Еврейский самиздат», выпуски 1–5. Изд. Еврейского университета, Иерусалим, 1974 г.

С. Елисаветский, «Бердичевская трагедия. Документальное повествование». Киев, 1991 г.

Г. Ерусалимчик, «Разные судьбы – общая судьба. Из истории евреев Челябинска». Изд. Т. Лурье, Челябинск, 1999 г.

«Живыми остались только мы. Свидетельства и документы». Изд. «Задруга», Киев, 2000 г.

«Забвению не подлежит». Изд. «Полиссия», Житомир, 2000 г.

«З архівів. ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ». Изд. «Сфера», Киев, 1998 г.

«Запорожские еврейские чтения», выпуски 1, 4. Изд. Запорожского государственного университета, Запорожье, 1998, 2000 г.

В. Захаров, В. Кулишов, «Анатомия Холокоста. Начало начал. Германия 1933–1939 годы». Изд. «Коллекция «Совершенно секретно», Москва, 2000 г.

Р. Зернова, «Это было при нас». Иерусалим, 1988 г.

«Зіновій Толкачов». Изд. «Дух і літера», Киев, 2005 г.

«Знаменитые евреи. Краткие биографии», автор-составитель Э. Бройтман. Изд. «Внешсигма», Москва, 1992 г.

А. Зускина-Перельман, «Путешествие Вениамина. Размышления о жизни, творчестве и судьбе еврейского актера Вениамина Зускина». Изд. «Гешарим–Мосты культуры», Иерусалим–Москва, 2002 г.

Ю. Иванов, «Осторожно: сионизм!». Издательство политической литературы, Москва, 1969 г.

«Из еврейской поэзии XX века», в переводах В. Слуцкого. Иерусалим, 2001 г.

«Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос». Изд. Еврейского университета, Иерусалим, 1986 г.

Э. Иоффе, «По достоверным источникам. Евреи в истории городов Беларуси». Изд. «Четыре четверти», Минск, 2001 г.

Э. Иоффе, «Страницы истории евреев Беларуси». Минск, 1996 г.

Э. Иоффе, Б. Мельцер, «Джойнт в Беларуси». Минск, 1999 г.

«История евреев в СССР в документах Государственного архива Российской Федерации. Каталог выставки в Еврейской национальной библиотеке». Иерусалим, 1993 г.

- «История евреев России. Учебник». Изд. «Лехаим», Москва, 2005 г.
- «История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока». Томск, 2000 г.; Красноярск–Улан-Уде, 2002 г.
- «История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока». Изд. Иркутского университета, Красноярск–Иркутск, 2001 г.
- «История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока». Красноярск–Улан-Удэ, 2002 г.
- А. Исупов, «Национальный состав населения СССР (по итогам переписи 1959 г.)». Изд. «Статистика», Москва, 1964 г.
- А. Итай, М. Нейштат, «Через три подполья». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1976 г.
- Л. Каганович, «Памятные записки». Изд. «Вагриус», Москва, 1996 г.
- Ф. Кандель, «Врата исхода нашего. Девять страниц истории». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1979 г.
- Ф. Кандель, «Коридор». Иерусалим, 1981 г.
- Я. Карасин, «Евреи города Тукумс, Латвия» (на правах рукописи). Израиль, 2001 г.
- А. Кауфман, «Лагерный врач». Изд. «Ам овед», Тель-Авив, 1973 г.
- «Книга о русском еврействе. 1917–1967». Изд. Союза русских евреев, Нью-Йорк, 1968 г.
- Б. Ковалев, «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944». Изд. «Транзиткнига», Москва, 2004 г.
- К. Колесникова, «Еврейские страницы в истории Корсунщины». Корсунь-Шевченковский, 1999 г.
- «Коммунистическая власть против религии Моисея. Документы 1920–1937 и 1945–1953 гг.», выпуск второй. Изд. «Глобус-пресс», Винница, 2005 г.
- Р. Конквест, «Большой террор». Изд. «Edizioni Auropa», Флоренция, 1974 г.
- В. Константинов, «Изменения в образовательном и профессиональном составе – как характеристика общественно-экономического положения евреев Советского Союза в исторической перспективе» (диссертация на иврите). Еврейский университет, Иерусалим, 2005 г.
- Н. Коржавин, «Время дано». Изд. «Художественная литература», Москва, 1992 г.
- Н. Коржавин, «Сплетения». Изд. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1981 г.
- «Корни. Вестник Народного университета еврейской культуры в Центральной России и Поволжье», выпуски 3–6. Изд. «Еврейский мир», Саратов – Нижний Новгород, 1995–1996 гг.
- Р. Корчак, «Пламя под пеплом». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1977 г.
- М. Коршунов, В. Терехова, «Тайны и легенды Дома на набережной». Изд. «Слово», Москва, 2002 г.
- Г. Костырченко, «В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие». Изд. «Международные отношения», Москва, 1994 г.
- Г. Костырченко, «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм». Изд. «Международные отношения», Москва, 2001 г.

- И. Котлер, «Очерки по истории евреев Одессы». Иерусалим, 1996 г.
- «КрамOLA. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневe, 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР». Изд. «Материк», Москва, 2005 г.
- Краткая еврейская энциклопедия, тома 1–11, дополнительные тома 1–3. Изд. Общества по исследованию еврейских общин, Иерусалим, 1976–2005 г.
- «Ксенофобия. История. Идеология. Политика». Изд. «Сэфер», Москва, 2003 г.
- «Кто был кто в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Краткий справочник». Изд. «Республика», Москва, 1995 г.
- Э. Кузнецов, «Шаг влево, шаг вправо...» Изд. «Иврус», Иерусалим, 2000 г.
- А. Кушнер, «Письмо». Изд. «Советский писатель», Ленинград, 1974 г.
- А. Кушнер, «Приметы». Изд. «Советский писатель», Ленинград, 1969 г.
- В. Лакшин, «Новый мир» во времена Хрущева». Изд. «Книжная палата», Москва, 1991 г.
- Я. Левави, «Еврейская колонизация Биробиджана» (на иврите). Изд. «Историческое общество Израиля», Иерусалим, 1965 г.
- Ю. Левитанский, «Избранное». Изд. «Художественная литература», Москва, 1982 г.
- «Литва. Краткая энциклопедия». Главная редакция энциклопедий, Вильнюс, 1989 г.
- «Литовский Иерусалим в иллюстрациях и документах», в двух томах. Нью-Йорк, 1974 г.
- «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне». Изд. Российской Академии наук, С.-Петербург, 1995 г.
- Ф. Лясс, «Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся геноцид». Иерусалим, 1995 г.
- Ю. Ляховицкий, «Желтая книга. Свидетельства, факты, документы», выпуск 3. Изд. библиотеки газеты «Бенсиах», Харьков, 1994 г.
- Н. Мандельштам, «Воспоминания». Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1970 г.
- Н. Мандельштам, «Вторая книга». Изд. «Ymca-Press», Париж, 1978 г.
- Ю. Марголин, «Путешествие в страну Ээ-ка». Изд. «Маоз», Тель-Авив, 1997 г.
- М. Маргулис, «Еврейская камера Лубянки». Изд. «Гешарим», Иерусалим, 1996 г.
- П. Маркиш, «Стихотворения и поэмы». Изд. «Советский писатель», Ленинград, 1969 г.
- «Материалы седьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике»; «Материалы девятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике». Москва, 2002 г.
- Ж. Медведев, «Сталин и еврейская проблема. Новый анализ». Изд. «Права человека», Москва, 2003 г.
- А. Межиров, «Поздние стихи». Изд. «Советский писатель», Москва, 1971 г.
- Г. Меир, «Моя жизнь». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1985 г.
- И. Менделевич, «Операция “Свадьба”». Изд. «Мидраша ционит», Киев, 2002 г.

- Л. Мининберг, «Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны /1941–1945 гг./». Изд. «Иц-Гарант», Москва, 1995 г.
- «Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе». Изд. «Искусство», Москва, 1965 г.
- М. Мицель, «Евреи Украины в 1943–1953 гг. Очерки документированной истории». Изд. «Дух і літера», Киев, 2004 г.
- А. Мише (А. Кардаш), «У черного моря». Иерусалим, 2004 г.
- А. Мише, «Черновой вариант». Иерусалим, 1994 г.
- Л. Млечин, «Зачем Сталин создал Израиль?» Изд. «Яуза», «Эксмо», Москва, 2005 г.
- «Мой путь в Израиль». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1977 г.
- Б. Морозов, «Еврейская эмиграция в свете новых документов». Изд. Тель-Авивского университета, Тель-Авив, 1998 г.
- В. Муравьев, «Московской старины преданья». Изд. «Русский мир», Москва, 2004 г.
- А. Мурженко, «Образ счастливого человека, или письма из лагеря особого режима». Изд. «Overseas Publications», Лондон, 1985 г.
- «Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету», выпуск 12. Запорожье, 2000 г.
- «Наш Никита Сергеевич», монтажная запись хроникально-документального фильма. Изд. «Рекламфильм», Москва, 1961 г.
- «Неизвестная Россия, 20 век», т. 2–3. Изд. «Историческое наследие», Москва, 1992–1993 гг.
- А. Некрич, «Наказанные народы». Изд. «Хроника», Нью-Йорк, 1978 г.
- Б. Непомнящий, «Черная книга Херсонщины». Изд. «Персей», Херсон, 1999 г.
- «Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета». Изд. «Наука», Москва, 1994 г.
- «Обзор документальных источников по истории евреев в архивах СНГ». Изд. Общества «Еврейское наследие», Москва, 1994 г.
- С. Ожегов, «Словарь русского языка». Изд. «Советская энциклопедия», Москва, 1975 г.
- «О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. 31 июля – 7 августа 1948 г.». Огиз–Сельхозгиз, Москва, 1948 г.
- «О преодолении культа личности и его последствий. Постановление Центрального комитета КПСС». Госполитиздат, Москва, 1956 г.
- С. Орлянский, «История евреев Запорожья», выпуск 5. Изд. Запорожского государственного университета, 1999 г.
- И. Осипова, «Хасиды. «Спасая народ свой...» История хасидского подполья в годы большевистского террора». Изд. «Формика-С», Москва, 2002 г.
- «Очерк истории еврейского народа. Под редакцией проф. Ш. Этингера», том 2. Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1976 г.
- «Очерки об известных евреях Екатеринбурга». Составитель Б. Вайсберг. Екатеринбург, 1995 г.

- «Память. Исторический сборник», выпуск 5. Москва–Париж, 1981–1982 гг.
 А. Панченко, «О русской истории и культуре». Изд. «Азбука», С.-Петербург, 2000 г.
- Б. Пастернак, «Доктор Живаго». Изд. Ann Arbor, The University of Michigan Press, США, 1967 г.
- Б. Пастернак, «Строку диктует чувство». Изд. «Эксмо», Москва, 2002 г.
- Н. Пейсах, «Вихри, водовороты, жизнь». Изд. «Алеф», Тель-Авив, 1987 г.
- В. Перельман, «Покинутая Россия». Изд. «Время и мы», Тель-Авив, 1976 г.
- Т. Перельштейн (Рубман), «Помни о них, Сион...» Иерусалим, 2003 г.
- И. Пилат, «Из истории еврейства Молдовы». Кишинев, 1990 г.
- А. Подлипский, «Васильковые годы Марка Шагала». Витебск, 1997 г.
 «Подольский еврейский альманах», выпуски 1–2. Винница, 2001–2002 гг.
- Л. Поляков, «Арийский миф. Исследование истоков расизма». Изд. «Евразия», С.-Петербург, 1996 г.
- Г. Померанц, «Записки гадкого утенка». Изд. «Росспэн», Москва, 2003 г.
 «Православная церковь и евреи: 19–20 вв.», сборник материалов. Изд. «Рудомино», Москва, 1994 г.
- Ц. Прейгерзон, «Бремя памяти. Рассказы». Изд. «Лимбус Пресс», С.-Петербург, 1999 г.
- Ц. Прейгерзон, «Дневник воспоминаний бывшего лагерника. 1949–1955». Изд. «Возвращение», Москва, «Филобиблон», Иерусалим, 2005 г.
- «Публикации на русском языке в Советском Союзе на тему евреи и иудаизм. Библиография. 1917–1967», на русском языке и иврите. Изд. Общества по исследованию еврейских общин, Иерусалим, 1970 г.
- Ф. Раневская, «Судьба-шлюха. Дневник». Изд. «Астрель», Москва, 2003 г.
- В. Рапопорт, Ю. Алексеев, «Измена родине». Изд. «Overseas Publications», Лондон, 1989 г.
- Я. Рапопорт, «На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года». Изд. «Книга», Москва, 1988 г.
- «Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов». Издательство политической литературы, Москва, 1991 г.
- В. Редько, «Предчувствие. Стихотворения». Изд. журнала «Радуга», Киев, 2001 г.
- Н. Роскина, «Четыре главы». Изд. «Ymca-Press», Париж, 1980 г.
- Ж. Росси, «Справочник по ГУЛАГу». Изд. «Overseas Publications», Лондон, 1987 г.
- Российская еврейская энциклопедия, тома 4–5. Москва, 2000, 2004 гг.
- «Россия и СССР в войнах 20 века. Потери вооруженных сил». Изд. «Олмапресс», Москва, 2001 г.
- А. Рубенчик, «Правда о минском гетто». Тель-Авив, 1999 г.
- В. Рубин, «Дневники. Письма» в двух томах. Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1988 г.
- «Русская идея и евреи. Роковой спор», сборник статей. Изд. «Наука», Москва, 1994 г.
- «Самиздат века». Изд. «Полифакт», Минск–Москва, 1997 г.

Ф. Свердлов, «В строю отважных. Очерки о евреях – Героях Советского Союза». Изд. «Книга и бизнес», Москва, 1992 г.

Ф. Свердлов, «Евреи – генералы вооруженных сил СССР. Краткие биографии». Москва, 1993 г.

Ф. Свердлов, «Солдатская доблесть. Очерки о воинах-евреях – полных кавалерах ордена Славы». Изд. «Книга и бизнес», Москва, 1992 г.

Ц. Сегаль, «Утерянные ключи. Книга воспоминаний». Библиотечка газеты «Тарбут», Самара, 1999 г.

«Семья Кублановых. От поколения к поколению» (на иврите). Израиль, 2001 г.

Е. Сергеев, «Новейшая история. Подробности. 1945–1999». Изд. «Олимп, Астрель», Москва, 2000 г.

«Сибирь. Евреи. Россия». Изд. «Арком», Иркутск, 1998 г.

«Словарь запрещенного языка», автор-составитель Л. Престина-Шапиро. Беер-Шева, 1999 г.

«Словарь иностранных слов». Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва, 1954 г.

Б. Слуцкий, «Теперь Освенцим часто снится мне...» Изд. журнала «Нева», С.-Петербург, 1999 г.

И. Слуцкий, «Хагана – еврейская боевая организация в Эрец Израэль», том 2. Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1979 г.

«Советские евреи пишут Илье Эренбургу, 1943–1966». Изд. Еврейского университета в Иерусалиме и Яд ва-Шем, 1993 г.

«Советско-израильские отношения. Сборник документов. Том 1. Книги 1–2. 1941–1953». Изд. «Международные отношения», Москва, 2000 г.

Б. Соколов, «В плену». Изд. «Цитадель», С.-Петербург, 2000 г.

А. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ». Изд. «Умса-Press», Париж, 1973–1975 гг.

М. Спивак, «Через гетто, Гулаг и галут...» Москва–Иерусалим, 2002 г.

«Справочник личных имен народов РСФСР». Изд. «Советская энциклопедия», Москва, 1965 г.

«Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы». Изд. «Материк», Москва, 2005 г.

Д. Стародинский, «Одесское гетто». Изд. «Друк», Одесса, 2002 г.

«Сто еврейских местечек Украины. Исторический путеводитель. Подолия». Выпуск 1, Иерусалим–С.-Петербург, 1997 г. Выпуск 2, изд. «Гершт», С.-Петербург, 2000 г.

«Страна обретается страданиями. Альбом узников Сиона из Советского Союза» (на иврите). Изд. Организации узников Сиона из СССР, Тель-Авив, 1995 г.

П. Судоплатов, «Разведка и Кремль». Изд. «Гея», Москва, 1996 г.

Б. Сурис, «Анатолий Львович Каплан. Очерк творчества». Изд. «Художник РСФСР», Ленинград, 1972 г.

И. Таяр, «Синагога – разгромленная, но непокоренная». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1987 г.

«Тирош. Труды по иудаике». Изд. Центра «Сэфер», № 6–7, Москва, 2003–2005 гг.

Л. Треппер, «Большая игра». Изд. «Liberty Publishing house», Нью-Йорк, 1989 г.

Э. Файн, «По дорогам, не нами выбранным». Изд. «Overseas Publications», Лондон, 1990 г.

А. Хазан, «Против течения» (на иврите). Иерусалим, 1981 г.

В. Хитерер, «Документы по еврейской истории XVI–XX веков в киевских архивах». Изд. Институт иудаики – «Мосты культуры», Киев–Москва, 2001 г.

Н. Хрущев, «Воспоминания. Избранные отрывки». Изд. «Chalidze Publications», Нью-Йорк, 1979 г.

«Холокост. Убийство евреев в 1933–1945 гг. Документы. Свидетельства. Литература». Составитель А. Кардаш. Изд. «Даат/Знание», Москва–Иерусалим, 2003 г.

«Хранители огня» (на иврите). Изд. «Эрец Исраэль», Иерусалим–Нью-Йорк, 1966 г.

Ч. Е. Хоффман, «Красный штетл». Изд. «Pontos», Кишинев, 2004 г.

Е. Цейтлин, «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти». Изд. «Даат / Знание», Москва–Иерусалим, 2001 г.

Ш. Цейтлин, «Документальная история евреев Риги». Израиль, 1989 г.

Ф. Чуев, «Молотов». Изд. «Олма-пресс», Москва, 2000 г.

Ш. Шалит, «На круги свои...» Изд. «Филобиблон», Иерусалим, 2005 г.

С. Шварц, «Антисемитизм в Советском Союзе». Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1952 г.

А. Шнеер, «Плен», в двух томах. Иерусалим, 2003 г.

«Штетл» як феномен єврейської історії», матеріали конференції 1998 г. Киев, 1999 г.

Г. Шур, «Евреи в Вильно. Хроника 1941–1944 годов». Изд. «Образование-культура», С.-Петербург, 2000 г.

Е. Эвельсон, «Судебные процессы по экономическим делам в СССР». Изд. «Overseas Publications», Лондон, 1986 г.

Энциклопедический музыкальный словарь. Изд. «Советская энциклопедия», Москва, 1966 г.

И. Эренбург, «Люди, годы, жизнь», т. 2–3. Изд. «Советский писатель», Москва, 1990 г.

И. Эренбург, «Стихотворения». Изд. «Советский писатель», Ленинград, 1977 г.

Ирина Эренбург, «Разлука. Воспоминания. Дневник». Израиль, 1998 г.

Л. Юрис, «Эксодус». Изд. «Библиотека Алия», Иерусалим, 1977 г.

В. Юшковский, «Жернова. События и судьбы века минувшего». Красноярск, 2001 г.

А. Яковлев, «Омут памяти». Изд. «Вагриус», Москва, 2000 г.

А. Ярков, «Евреи в Кыргызстане». Бишкек, 2000 г.

С. Яров, «Новейшая история России. 1917–1991». Изд. «Неотэкс», С.-Петербург, 1998 г.

Л. Яруцкий, «Евреи Приазовья». Мариуполь, 1996 г.

M. Altshuler, «Soviet Jewry since the Second world war». Изд. «Greenwood Press», Нью-Йорк–Лондон, 1987 г.

«Encyclopedia of the Holocaust» в 4-х томах. Macmillan Publishing company, New-York, Collier Macmillan Publishers, London, 1990 г.

Z. Gitelman, «A Century of ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the present». Нью-Йорк, 1998 г.

A. Greenbaum, «Rabbis in the Soviet Union during the interwar period. 1917–1939» (на иврите). Изд. еврейского университета в Иерусалиме, 1994 г.

M. Greenberg, «Graves of Tzaddikim in Russia». Изд. «Шамир», Иерусалим, 1989 г.

«Jews and Jewish life in Russia and the Soviet Union. Editer Y. Ro'i». Изд. «Frank Cass», Англия, 1995 г.

«Jews and Jewish topics in Soviet and East-European publications». Изд. Еврейского университета, Иерусалим, 1986 г.

«Jews in Eastern Europe». Изд. Еврейского университета в Иерусалиме, 1994, 1998, 2002 гг.

D. Levin, «Baltic Jews under the Soviets. 1940–1946». Изд. Еврейского университета в Иерусалиме, 1994 г.

B. Pinkus, «National rebirth and reestablishment. 1947–1987» (на иврите). Изд. Университета им. Д. Бен-Гуриона, 1993 г.

B. Pinkus, «The Jews of the Soviet Union. The history of a national minority». Изд. «Cambridge University Press», Нью-Йорк–Мельбурн, 1988 г.

B. Pinkus, «The Soviet government and the Jews. 1948–1967. A documented study». Изд. «Cambridge University Press», Лондон–Нью-Йорк–Мельбурн, 1984 г.

Y. Ro'i, «The struggle for Soviet Jewish emigration. 1948–1967». Изд. «Cambridge University Press», Нью-Йорк–Мельбурн, 1991 г.

«The Holocaust encyclopedia». Yale University Press, США, 2001 г.

«The Jews in the Soviet Union census, 1959», edited by M. Altshuler. Иерусалим, 1963 г.

И. Авербух, интервью для архива московского «Мемориала». Иерусалим, 1994 г.

Интервью с Б. Словиним и А. Шифриным, 1979 г. Архив Центра документации восточноевропейского еврейства, Еврейский университет, Иерусалим.

Свидетельство Х. Рабинович, Израиль (1994 год, из архива автора).

Архив истории евреев СССР Ассоциации «Запомним и сохраним», Хайфа.

Газеты, еженедельники, журналы:

«Вести», Израиль, 1995–1996, 2002–2004 гг. «Вестник» № 1, Москва, 1995 г. «Винницкая Иерусалимка», 1999–2000 гг. «Возрождение» № 8, 9, 12, Иерусалим, 1982–1990 гг. «Егупець» № 10, 13, Киев, 2002–2003 гг. «За рубежом», Москва, 1968–1971 гг. «Иерусалимский журнал» № 9–10, Иерусалим, 2001–2002 гг. «Известия», Москва, 1956, 1967–1970 гг. «Комсомольская правда», Москва, 1967–1971 гг. «Крокодил», Москва, 1953 г. «Лехаим», Москва, 2000–2001 гг. «Литературная газета», Москва, 1970–1972 гг. «Мишпоха»

№ 4–7, Витебск, 1998 – 2000 гг. «Неделя», Москва, 1972 г. «Новое время», Москва, 1967 г. «Новости недели», Израиль, 1996, 2001 гг. «Новый век», Москва–Иерусалим, 2002 г. «Отечественные архивы», Москва, 1992–1993 гг. «Правда», Москва, 1952–1953, 1955–1957, 1967–1972 гг. «Родина», Москва, 1996, 2002 гг. «Русская мысль», Париж, 1998–2002, 2004 гг. «Сион», Тель-Авив, № 1, 1972 г. «Советские архивы», Москва, 1988, 1990–1991 гг. «Театр», Москва, № 1–2 1948 г., № 1–3 1949 г. «Труд», Москва, 1971 г. «Nota Bene» № 7 и 13, Иерусалим, 2005–2006 гг.

33041 поим 20 уно 3 уно

6594 / 6

Содержание

Часть пятнадцатая

Очерк шестьдесят девятый	
Возвращение на освобожденные территории	9
Очерк семидесятый	
Замалчивание Катастрофы	21
Очерк семьдесят первый	
Послевоенный быт. Переселение в Биробиджан	33
Очерк семьдесят второй	
Террор в военные и первые послевоенные годы	47
Очерк семьдесят третий	
Еврейская религиозная жизнь в первые послевоенные годы	60

Часть шестнадцатая

Очерк семьдесят четвертый	
Проявления официального антисемитизма в годы войны.	
Антисемитизм в первый послевоенный период	79
Очерк семьдесят пятый	
Уход евреев из Советского Союза	90
Очерк семьдесят шестой	
Образование государства Израиль	108
Очерк семьдесят седьмой	
Евреи Советского Союза и Израиль	122
Очерк семьдесят восьмой	
Сионистское движение в военные и послевоенные годы	137

Часть семнадцатая

Очерк семьдесят девятый	155
Идеологические кампании первых послевоенных лет	
Очерк восьмидесятый	
Убийство С. Михоэлса	167
Очерк восемьдесят первый	
Был ли Сталин антисемитом? Борьба с «безродными космополитами»	179

Очерк восемьдесят второй	
Закрытие Еврейского антифашистского комитета.	
Уничтожение остатков еврейской культуры	194
Очерк восемьдесят третий	
Судебные процессы первых послевоенных лет.	
Массовые увольнения евреев. «Дело М. Вейцман»	209

Часть восемнадцатая

Очерк восемьдесят четвертый	
Следствие по «делу Еврейского антифашистского комитета» ..	227
Очерк восемьдесят пятый	
Судебный процесс по «делу Еврейского антифашистского комитета»	238
Очерк восемьдесят шестой	
«Дело врачей-вредителей»	251
Очерк восемьдесят седьмой	
Депортация еврейского населения СССР – слухи или реальность?	269
Очерк восемьдесят восьмой	
Смерть Сталина	286
Очерк-приложение	
От автора – добавлением к прочитанному	300

Часть девятнадцатая

Очерк восемьдесят девятый	
Реабилитация осужденных. 20 съезд партии.	
Всесоюзная перепись населения 1959 года	311
Очерк девяностый	
Еврейская религиозная жизнь. Антирелигиозная кампания 1960-х годов	327
Очерк девяносто первый	
Антисемитизм в Советском Союзе в послесталинский период ..	344
Очерк девяносто второй	
Демократическое движение в стране. Сионизм в послесталинский период	359
Очерк девяносто третий	
Преследования сионистов. Еврейский «самиздат»	374

Часть двадцатая

Очерк девяносто четвертый	
Еврейская культура 1960-х годов	393
Очерк девяносто пятый	
Внешняя и внутренняя политика при Хрущеве. Евреи в русской культуре. А. Галич. В. Гроссман	410
Очерк девяносто шестой	
Евреи в русской культуре (продолжение). Евреи-ученые, конструкторы, руководители производства	428
Очерк девяносто седьмой	
Эхо Катастрофы	443

Часть двадцать первая

Очерк девяносто восьмой	
Арабо-израильские войны и политика СССР	465
Очерк девяносто девятый	
Ассимиляция евреев. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Судьбы местечек	479
Очерк сотый	
Демократическое и сионистское движение 1960-х годов. Письмо 18 грузинских евреев	496
Очерк сто первый	
«Самолетный процесс». Массовый выезд в Израиль	514
Очерк-приложение	
От автора – дополнением к прочитанному	531
Библиография	540

В издательстве «МОСТЫ КУЛЬТУРЫ / ГЕШАРИМ»

ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

в серии «ИСТОРИЯ»

Н.ГОЛЬ, О. ПРИЦАК. Хазарско-еврейские документы X века. М., 2003. С. 240

С.М. ДУБНОВ. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени.

Г. КАЗОВСКИЙ. Художники Культур-Лиги. М., 2003. С. 344

Ф. КАНДЕЛЬ. Книга времен и событий.

Том первый. История российских евреев. Части первая и вторая. М., 2002. С. 472

Том второй. История российских евреев. Часть третья. М., 2002. С. 400

Том третий. История евреев Советского Союза (1917–1939). М., 2002. С. 488

Том четвертый. История евреев Советского Союза (1939–1945). М., 2004. С. 328

Том пятый. История евреев Советского Союза (Уничтожение еврейского населения 1941–1945). М., 2004. С. 416

Е. МАКАРОВА, С. МАКАРОВ, Е. НЕКЛЮДОВА, В. КУПЕРМАН. Крепость над бездной. Терезинские дневники, 1941–1943. М., 2003. С. 408.

Е. МАКАРОВА, С. МАКАРОВ. Крепость над бездной. Я – блуждающий ребенок. Дети и учителя в гетто Терезин. М., 2005. С. 424.

Д. ТРАХТЕНБЕРГ. Дьявол и евреи. М., 1999. С. 256.

ТРИ ЕВРЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКА. М., 2004. С. 332.

В. ШПИЛЬМАН. Пианист. Варшавские дневники 1939–1945. М., 2003. С. 184.

М. ШТЕЙНБЕРГ. Евреи в войнах тысячелетий. М., 2004. С. 560.

С.М.ДУБНОВ. Новейшая история еврейского народа от французской революции до наших дней. В 3 т. – Рига. Изд-во «Dzive un kultura» – М., 2002.

Том первый. Эпоха первой эмансипации 1789–1815. С. 352

Том второй. Эпоха первой реакции (1815–1848) и второй эмансипации (1848–1880). С. 416

Том третий. Эпоха антисемитской реакции и национального движения (1881–1914) с эпилогом (1914–1938). С. 488

С.М.ДУБНОВ. История евреев в Европе от начала их поселения до конца XVIII века. В 4 т. – Рига. Изд-во «Dzive un kultura» – М., 2003.

Том первый. Средние века до конца крестовых походов. С. 416

Том второй. Позднее средневековье до изгнания из Испании (XIII–XV вв.). С. 440

Том третий. Новое время (XVI–XVII вв.). Рассеяние сефардов и гегемония ашкеназов. С. 384

Том четвертый. Новое время (XVII–XVIII вв.). Переходная эпоха до французской революции 1789 г. С. 400

ЕВРЕЙСКИЙ МИР. ТОМ I

Ежегодник на 1939 год. Париж. М., 2002. С. 392

ЕВРЕЙСКИЙ МИР. ТОМ II

Сборник 1944 года. Нью-Йорк. М., 2002. С. 480

КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ. ТОМ I

От 1860-х годов до революции 1917 г. Сборник статей.

Нью-Йорк, 1960. М., 2002. С. 600

КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ. ТОМ II

1917–1967. Сборник статей. Нью-Йорк, 1968. М., 2002. С. 600

в серии «АЛЕФ»

М. БУБЕР. Хасидские истории (Первые учителя). М., 2005. С. 528

Г. ШОЛЕМ. Основные течения в еврейской мистике. М., 2007. С. 512

Готовятся к изданию

А. ГРИН. Раби Нахман из Брацлава. Жизнь и учение

М. ИДЕЛЬ. Каббала: новые перспективы

Ф. РОЗЕНЦВАЙГ. Звезда Избавления

В серии «БЕТ»

М. БАДХЕН. Еврейская чертовщина. М., 2007. С. 320

М. ГЛАЗЕРСОН. Астрология и каббала. М., 2007. С. 208

М. ГЛАЗЕРСОН. Медицина и каббала. М., 2006. С. 192

А. ГРИН. «Это слова...» Словарь еврейской мистики и духовной жизни.
М., 2006. С. 416

А. РЫБАЛКА. Путеводитель по миру каббалы. М., 2006. С. 448

Готовится к изданию

М. ГЛАЗЕРСОН. Коды в Торе

- А. АЗАРХ-ГРАНОВСКАЯ.** Беседы с Дувакиным. М., 2001. С. 234
- С. БОРОВОЙ.** Воспоминания историка. М., 1993. С. 384
- П. ВЕНГЕРОВА.** Воспоминания бабушки. М., 2003. С. 352
- С. ДУБНОВ.** Книга жизни. Воспоминания и размышления. М., 2004. С. 816
- А. ЗУСКИНА-ПЕРЕЛЬМАН.** Путешествие Вениамина. М., 2002. С. 512
- Евг. ИВАНОВА.** Чуковский и Жаботинский. История взаимоотношений в текстах и комментариях. М., 2005. С. 272
- Л. КАЦИС.** Осип Манделштам: мускус иудейства. М., 2002. С. 600
- Л. САЛЬМОН.** Глас из пустыни. Бен-Ами. История забытого писателя. М., 2002. С. 318
- В. ХАЗАН.** Особенный еврейско-русский воздух. М., 2001. С. 432
- Д. ШОР.** Воспоминания музыканта. М., 2001. С. 360

Готовится к изданию

БЕН-ЦИОН ДИНУР. Воспоминания. Т. 1

Шестой том «Книги времен и событий» – популярный рассказ об истории евреев Советского Союза с 1945 по 1970 год – хронологическое продолжение прежних работ автора на эту тему. Окончание Отечественной войны и возвращение на освобожденные территории. Замалчивание Катастрофы. Послевоенный быт. Переселение в Биробиджан. Террор в первые послевоенные годы. Еврейская религиозная жизнь. Проявления официального антисемитизма в годы войны и антисемитизм в первый послевоенный период. Уход евреев из Советского Союза. Образование государства Израиль. Сионистское движение в послевоенные годы. Идеологические кампании 1946–1948 годов. Убийство С. Михоэлса. Был ли Сталин антисемитом? Борьба с «безродными космополитами». Уничтожение остатков еврейской культуры. Судебные процессы и массовые увольнения евреев. Следствие и судебный процесс по «делу Еврейского антифашистского комитета». «Дело врачей-вредителей». Депортация еврейского населения СССР – слухи или реальность? Смерть Сталина. 20 съезд партии. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Еврейская религиозная жизнь и антирелигиозная кампания 1960-х годов. Антисемитизм в Советском Союзе в послесталинский период. Сионизм и еврейский «самиздат». Еврейская культура 1960-х годов. Евреи в русской культуре. А. Галич. В. Гроссман. Евреи-ученые, конструкторы, руководители производства. Арабо-израильские войны и политика СССР. Ассимиляция евреев. Сионистское движение 1960-х годов. Письмо 18 грузинских евреев. «Самолетный процесс». Массовый выезд в Израиль. От автора – дополнением к прочитанному.

07-07

В 100-00